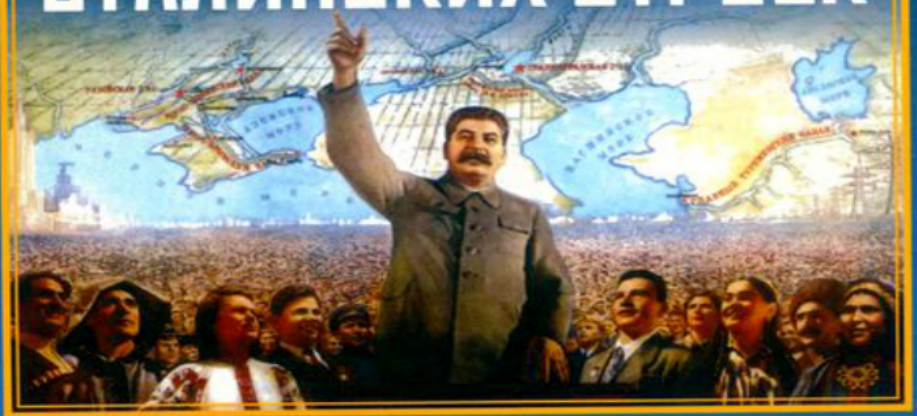
ЮРИЙ БОГДАНОВ

МИНИСТР СТАЛИНСКИХ СТРОЕК



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя видного государственного деятеля советского времени генерал-полковника Круглова Сергея Никифоровича, благодаря его личной скромности, достаточно мало известно широкой общественности, несмотря на то что он занимал важные руководящие посты и в течение десяти лет возглавлял Министерство внутренних дел Союза ССР. Причем как раз на этот период пришлась реализация силами данного ведомства многих послевоенных сталинских строек, связанных с прокладкой в тяжелейших природных и климатических условиях железных и шоссейных дорог, добычей полезных ископаемых, строительством промышленных предприятий и объектов атомной промышленности, сооружением водных путей и гидроэлектростанций. После инициированного Н.С. Хрущевым необоснованного отстранения С.Н. Круглова от общественной деятельности, исключения его из партии и лишения законной пенсии за службу в МВД имя талантливого руководителя упоминалось в основном лишь в справочных изданиях. Предлагаемая читателю документальная книга о жизненном и служебном пути С.Н. Круглова, которому в 2007 году исполнилось бы 100 лет со дня рождения, имеет целью рассказать об интересной судьбе простого русского паренька из сельской глубинки Ржевского уезда Тверской губернии.

- Юрий Богданов
  -
  - 2. Детство. Комсомольская юность
  - 3. Учеба в институтах
  - 4. В центральном аппарате НКВД
  - 5. В интересах страны
  - 6. Предвоенное время
  - 7. Начало войны
  - 8. Война и жизнь
  - 9. Трудный год войны
  - 10. Битвы за Кавказ и Сталинград
  - 11. От обороны к наступлению
  - 12. Депортация малых народов
  - 13. Борьба с бандитизмом
  - 14. Охрана высших руководителей
  - 15. Продолжение боевых действий
  - 16. Нарком — министр внутренних дел СССР
  - 17. Послевоенная политика

- 18. Милицейские проблемы
- 19. Главное управление лагерей
- 20. Отдел спецпоселений
- 21. ГУЛЖДС
- 22. Дальстрой
- 23. Атомный проект
- 24. ГУШОСДОР
- 25. Главгидрострой
- 26. В центральном аппарате МВД
- 27. После смерти Сталина
- 28. Разгром «банды Берии»
- 29. Возвращение к старому
- 30. Снятие с должности
- 31. На строительстве электростанций
- 32. Кировский совнархоз
- 33. Социалистическая законность
- 34. «Вне игры»
- 35. Годы застоя
- 36. Трагическая гибель
- Послесловие
- Литература
- Биографическая хроника
- Фотоальбом

Юрий Богданов
МИНИСТР СТАЛИНСКИХ СТРОЕК
10 лет во главе МВД

Юрий Богданов

Министр сталинских строек

10 лет во главе МВД

Москва
«Вече»
2006

Знакомство

В 2007 году исполняется 100 лет со дня рождения и 30 лет с момента трагической гибели Сергея Никифоровича Круглова, являвшегося в советское время видным государственным деятелем, занимавшим важные руководящие посты и в течение десяти лет, с 1946-го по 1956 год, возглавлявшим Министерство внутренних дел Союза ССР.

Вместе с тем, когда я в кругу своих друзей и знакомых

упоминаю фамилию Круглова и говорю о том, что он в послевоенные годы в течение достаточно длительного времени был министром внутренних дел СССР, многие пожимают плечами и отвечают, что о таком министре они ничего не слышали и эта фамилия им не знакома. У всех людей, изучавших Историю нашей страны в советское время, в памяти остались, конечно, имена таких одиозных руководителей органов внутренних дел (обычно совмещавшихся и с ведомством государственной безопасности), как Дзержинский, Ягода, Ежов, Берия. Эти персонажи связаны со столь бурными и трагическими событиями в жизни советского народа, что оставили неизгладимый след в сознании представителей старшего поколения.

В этом плане широкая популярность, к которой С.Н. Круглов в силу исключительной скромности своего характера никогда не стремился, обошла крупного руководителя важнейшего государственного ведомства стороной. В органах внутренних дел Сергей Никифорович проработал меньше двадцати лет, но постоянно занимал в центральном аппарате высокие руководящие должности. Очевидно, его назначениям способствовало то обстоятельство, что в отличие от других руководящих работников, имевших, как правило, «низшее», как тогда указывали, среднее или среднее техническое образование, он получил полноценное высшее образование, владел английским и японским языками. К тому же обладал прекрасными организаторскими способностями, широким кругозором, умел подбирать к себе в команду инициативных, знающих и толковых работников, относился к ним с уважением, ценил их человеческие качества. В годы Великой Отечественной войны, сохраняя пост заместителя наркома, Круглов С.Н. в качестве члена Военного совета принимал непосредственное участие в боевых действиях войск, обеспечивал возведение оборонительных сооружений, командовал 4-й Саперной армией. Советским правительством ему давались ответственнейшие поручения по организации обслуживания и охраны наших делегаций на Ялтинской и Потсдамской конференциях, а также по сопровождению Молотова В.М. при поездке в США на заседание Организации Объединенных Наций (ООН). С этими, как и со всеми другими, ставившимися перед ним, задачами Круглов С.Н. справился блестяще, что отмечалось не только нашим руководством, но и высшими зарубежными деятелями. После войны, в период восстановления разрушенного в ходе боевых действий народного хозяйства, на Министерство внутренних дел, возглавлявшееся Кругловым С.Н., были возложены крайне сложные и объемные, разносторонние задачи. Волею высшего руководства министерство работало сразу

в нескольких направлениях: обеспечение общественного порядка, ликвидация чрезвычайных ситуаций и строительство по всей стране (часто с последующей эксплуатацией) транспортных, промышленных и жилых объектов. К этому следует также добавить широкое участие в разработке атомного проекта. Несмотря на все имевшиеся трудности, крайне сжатые сроки, дававшиеся на выполнение серьезнейших задач, практически все правительственные задания успешно выполнялись. Огромная заслуга в этом как организатору принадлежала министру внутренних дел Круглову С.Н. «За образцовое выполнение заданий правительства», как обычно формулировалось в Указах Президиума Верховного Совета СССР, Сергей Никифорович, помимо других наград, был пять раз удостоен ордена Ленина.

Вместе с тем служебная карьера этого выдающегося государственного и общественного деятеля сложилась в итоге весьма драматично, причем исключительно по прихоти тогдашнего фактического главы Советского государства, первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) Хрущева Н.С. Занявшись беспардонным разгоном старых кадров, «наш Никита Сергеевич», как его «демократично» пропагандировала партийная элита, повелел без достаточных оснований снять Круглова С.Н. с должности министра внутренних дел, а потом, собрав на него несерьезный компромат, исключить из партии и лишить законной пенсии. Увы, такая расправа с незаурядной личностью, отдавшей все свои силы и здоровье служению Отечеству, являлась достаточно типичной в нашей стране не только в советские времена.

Судьба Сергея Никифоровича Круглова, документальную книгу о жизни и деятельности которого я взялся написать, давно волновала меня, поскольку я не только прослышал со стороны о его служебной и общественной деятельности, но и знал его лично, хотя это обстоятельство, конечно же, следует отнести к разряду знакомств детей с родителями своих юных друзей. Интересно, что знакомство это произошло не только по линии совместной работы отцов, но и совершенно независимо, по школьным увлечениям.

Мой отец Богданов Николай Кузьмич впервые лично встретился с Кругловым Сергеем Никифоровичем в 1940 году, хотя до этого они, вполне вероятно, неоднократно слышали друг о друге. Где-то в июне месяце этого года старший лейтенант госбезопасности (гб) Богданов Н.К., работавший тогда начальником Красногвардейского районного отдела НКВД города Ленинграда, был вызван в Москву, в Отдел кадров Наркомата

внутренних дел для получения назначения на новую должность. Заместителем наркома внутренних дел и начальником Отдела кадров НКВД СССР в это время являлся комиссар гб III ранга Круглов С.Н. Он-то как раз «на основании материалов и личной беседы» составил и 13 июня 1940 года подписал заключение с предложением «выдвинуть тов. Богданова Н.К на должность заместителя народного комиссара внутренних дел Казахской СССР», которое утвердил нарком внутренних дел СССР Берия Л.П. Следует отметить, что Богданов Н.К. оправдал оказанное ему доверие и в 1943 году, имея «исключительно положительные характеристики», был назначен уже наркомом (с марта 1946 года стал министром) внутренних дел Казахской ССР. Однако в 1946 году с приходом нового первого секретаря ЦК компартии Казахстана Боркова Г.А. у «хозяина республики» возникли претензии к принципиальной позиции, занимавшейся Богдановым Н.К., и партийный босс обратился с просьбой в ЦК ВКП(б) перевести своего министра внутренних дел в другой регион страны. Генерал-полковник Круглов С.Н., ставший в это время министром внутренних дел СССР, решил взять Богданова Н.К. непосредственно под свою опеку в центральный аппарат и после согласований назначил его начальником Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОР) МВД СССР. Успешно зарекомендовав себя при руководстве крупнейшим главком, в 1948 года мой отец был выдвинут на должность заместителя министра внутренних СССР и постепенно в связи с кадровыми перестановками к 1953 году занял положение одного из ведущих замов, отвечавших за работу ряда основных главков, управлений и отделов министерства.

В это время подросшие дети руководящих отцов нашли свои пути знакомства. Получилось так, что мы с моим старшим братом Владимиром, с возрастной разницей в два класса, учились в мужской средней школе № 135. В этой же школе в промежуточном между «братьями Богдановыми» классе учился сын Сергея Никифоровича Валерий Круглов. Дочь Сергея Никифоровича Ирина посещала находившуюся рядом женскую среднюю школу № 131 и училась в классе, соответствовавшем по возрасту классу моего брата. Для учащихся старших классов руководство соседних школ устраивало вечера встреч и танцев. На одном из таких вечеров как раз и познакомились мой брат Владимир и Ирина. Вне зависимости от каких-либо служебных отношений отцов Володя просто начал ухаживать за понравившейся ему симпатичной девушкой. Постепенно сложилась небольшая молодежная компания, в которой мужскую сторону представляли одноклассники моего брата Миша Голубев,

Леня Шепшелевич, Юра Брегадзе, Валя Зингер и другие ребята. Прекрасная сторона состояла из подруг Ирины — Жени Завенягиной, Тани Филипповой и еще нескольких девушек. По выходным дням молодежь устраивала танцевальные вечеринки, чаще всего у Богдановых или Кругловых. Валерия и меня, как более младших по возрасту, на эти мероприятия «допускали», но мы, не имевшие тогда своих подруг, играли «вспомогательную роль». Мне, например, после общего чаепития доставалось, как правило, заводить пластинки для танцевавших пар.

Вот так, находясь «в свите» своего брата, я побывал на квартире и даче Кругловых, где познакомился с Сергеем Никифоровичем, добродушно относившимся к молодежным встречам, и его женой Таисией Дмитриевной, старавшейся, как и моя мама Нина Владимировна, с пониманием и хлебосольством принимать у себя дома компанию юношей и девушек.

Смерть Сталина И.В. в марте 1953 года послужила причиной внесения существенных изменений в государственный аппарат, что отразилось на судьбах и наших отцов. Объединенное с госбезопасностью Министерство внутренних дел возглавил Берия Л.П., а Круглов С.Н. стал его первым заместителем. Богданова Н.К. новый министр направил в Ленинград начальником областного Управления внутренних дел с личным поручением разобраться и навести там законность и порядок после небезызвестного «ленинградского дела». Наша семья должна была переехать на берега Невы, где мой брат Владимир, окончивший школу с золотой медалью, поступил учиться в Ленинградскую Краснознаменную военно-воздушную инженерную академию имени А.Ф.Можайского. Расстояние проверяет чувства. Поскольку так получилось, что мы с мамой продолжали жить в Москве, какое-то время старший брат давал мне по междугороднему телефону поручения направиться с коробкой конфет к Ирине и от его имени поздравить ее с днем рождения или иным праздником. Однако неожиданно развернулись весьма драматичные политические события. После ареста Берия Круглов С.Н. вновь был назначен министром внутренних дел СССР. А вот Богданова Н.К. во время проведения бурной кампании по «разоблачению банды Берия» Ленинградский обком представил «бериевцем», «врагом народа» и «негодным работником». Отцу в трудной борьбе благодаря заступничеству Хрущева Н.С. удалось отстоять свои честь и достоинство, однако он не имел желания дальше работать в среде ленинградских коммунистов, только что обливавших его грязью, а потом отказавшихся от своих обвинений, и попросил о переводе в другое место. В 1955 году было организовано Министерство внутренних дел РСФСР, и

Богданова Н.К. перевели в Москву, назначив в это новое ведомство на должность заместителя министра. Прекрасно зная существовавшие порядки и опасаясь, чтобы за его «грехи» в Ленинграде не «отыгрались» на старшем сыне, отец организовал перевод Владимира в столичную Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского. Мой брат, получивший вскоре офицерское звание лейтенанта, оказался избалованным вниманием прекрасных девушек, а потому несколько позабыл о своей прежней привязанности. Поразбивав сердца многих милых подружек, Владимир, окончив в 1959 году академию, уехал служить в воинскую часть холостяком, так и не отдав предпочтения ни одной из окружавших его претенденток на руку и сердце.

Между тем Хрущев Н.С., сосредоточивший всю власть в своих руках, начал беспардонный разгон старых кадров, в том числе и в Министерстве внутренних дел, назначая преданных ему партийцев на ключевые посты. По своему трагизму дальнейшая служебная стезя наших отцов стала во многом схожей. В 1956 году Круглов С.Н. был смещен с должности министра внутренних дел и как бы откомандирован в Министерство строительства электростанций. Но через год его уволили в запас и отправили «в ссылку» в Кировский совнархоз. В этом же 1957 году Богданова Н.К. обвинили в нарушении «социалистической законности», но ему удалось доказать свою правоту. В 1958 году Круглова С.Н. освободили от работы в совнархозе в связи с переходом на инвалидность, но не разрешили вернуться в Москву. В 1959 году Богданова Н.К. по прежним обвинениям сняли с должности заместителя министра по служебному несоответствию. Круглова С.Н. в это время исключили из партии и полностью лишили пенсии от МВД. Богданову Н.К также внесли «ограничение в пенсионное обеспечение» и исключили из партии. Через несколько месяцев Богданову Н.К. удалось восстановить свое членство в рядах КПСС, но вопрос о Круглове С.Н. в этом плане так и не был решен положительно. С 1960 года Николай Кузьмич стал работать в Управлении отделочных работ Первого строительно-монтажного управления Министерства среднего машиностроения. Сергей Никифорович, имея инвалидность второй степени, продолжать постоянную работу не имел возможности.

Но жизнь продолжалась свой чередой. В 1963 году Ирина вышла замуж. Двух своих сыновей, Сергея, а затем Дмитрия, она производила на свет в роддоме № 6 имени Крупской Н.К., где встретилась и по-доброму общалась с моей мамой, работавшей в ту пору в этом «богоугодном заведении» врачом, акушером-

гинекологом. Естественно возникшие женские и детские проблемы, по которым Нина Владимировна с удовольствием консультировала молодую мамочку, имели живой интерес и установили между женщинами долголетнюю тесную связь.

Взаимное внимание и поддержка между старшими Кругловыми и Богдановыми сохранялись до последних дней их жизни, а у более молодого поколения продолжается и сейчас.

Сергей Никифорович являлся единственным представителем от высшего руководства Министерства внутренних дел, пришедшим в 1972 году вместе с дочерью Ириной Сергеевной проводить Николая Кузьмича Богданова в последний путь.

На фотографиях похорон Сергея Никифоровича Круглова в 1977 году запечатлена моя мама Нина Владимировна.

В 1990 году Ирина Сергеевна с сыном Дмитрием стояли у гроба моей мамы.

Так переплелись судьбы отцов, их семей и детей.

Если в детские и юношеские годы мы, может быть, просто не задумывались о «трудных» вопросах, то теперь, по прошествии многих лет, глубоко осознаем, как много и напряженно работали наши отцы, какую громадную ответственность несли на своих плечах, как не жалели для дела собственных сил и здоровья, как любили они свои семьи, насколько преданы были родному Отечеству. Их жизнь и деятельность достойны подробного описания и могут служить примером того, как трудились люди старшего поколения, не ища личной выгоды, и в непростых условиях существовавшей тогда общественно-политической обстановки умели сохранять свое собственное лицо, не поступаться честью и достоинством.

О своем отце Богданове Николае Кузьмиче я написал и в 2002 году издал книгу «Строго секретно. 30 лет в ОГПУ — НКВД — МВД» [1]. В этом документальном труде много страниц посвящено и его непосредственному начальнику Круглову С.Н., с которым, как рассказано выше, служебная стезя навсегда свела вместе двух замечательных людей. В то же время незаурядная личность Сергея Никифоровича, его масштабная деятельность и семейная жизнь до сих пор не описаны достойно. Кроме фундаментальных изданий в виде биографических справочников о работниках государственного аппарата и Центрального Комитета партии, Энциклопедии МВД и Столетней истории этого министерства [2—11], содержащих лишь официальные данные о Круглове С.Н., информационных материалов по выборам в Верховный Совет СССР 1954 года и Кировский обком КПСС 1958 года [12–15], нам известно всего несколько журнальных и газетных статей [16–24], в числе коих две стародавние [16,17], да

одна зарубежная [24], повествующих о служебной деятельности и жизни Сергея Никифоровича, причем не всегда объективно. Лишь в книге Некрасова В.Ф. «Тринадцать “железных” наркомов» [25] одна глава посвящена министру внутренних дел СССР Круглову С.Н.

В связи с этим автор в содружестве с Ириной Сергеевной и Валерием Сергеевичем взялся за написание документального труда о жизненном пути их отца Сергея Никифоровича Круглова. На первом этапе совместной деятельности этой творческой группой собраны документы и благодаря инициативе сотрудников Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) в данном архиве создан Личный фонд Круглова С.Н. под номером 10 146 [26]. Несколько ранее там же автором был создан Личный фонд Богданова Н.К. № 10 145. За это подвижничество мы выражаем искреннюю признательность заведующему Архивохранилищем государственных и общественных деятелей СССР и Российской Федерации ГА РФ заслуженному работнику архивного дела Зелову Н.С. Огромная благодарность также сотруднику ГА РФ Кокурину А.И. и работнику Объединенной редакции МВД России Морукову Ю.Н. за собранные и предоставленные нам документальные материалы о Круглове С.Н. и истории НКВД — МВД СССР.

Выражаем признательность сотрудникам Центрального музея МВД России: руководителю группы формирования фондов Шевченко А.Г. и бывшему начальнику этого отдела Озеровой Г.Д., предоставившим имевшиеся в их распоряжении материалы о жизненном и служебном пути Круглова С.Н. [27].

К сожалению, автор не считает возможным выразить свою благодарность Главному управлению кадров Министерства внутренних дел Российской Федерации, отказавшему ему в просьбе дать разрешение на ознакомление в Главном архиве МВД с личным делом генерал-полковника Круглова С.Н. по мотивам секретности.

Не во всем пошло навстречу творческому исканию и руководство Российского Государственного архива новейшей истории, предоставив к ознакомлению лишь крайне ограниченное количество документов, касающихся личности Круглова С.Н. [28].

По какой причине это делается, автор дал ответ в своей упомянутой выше книге «Строго секретно»: потому что и новому руководству, ныне отвечающему за судьбы страны, все еще **страшно и стыдно, стыдно и страшно** открыть всю правду о том, как решались и рушились судьбы многих наших замечательных людей, как уже сказано было, не только в советское время.

Несмотря на эти отказы, в распоряжении автора и его прекрасных добровольных помощников имеется значительное количество материалов и личных воспоминаний, которые позволяют достаточно подробно рассказать о напряженной жизни, многогранной деятельности и драматической развязке служебной карьеры Сергея Никифоровича Круглова.

2. Детство. Комсомольская юность

Сергей Никифорович Круглов родился 2 октября 1907 года (по новому летосчислению) в деревне Устье Зубцовского района Тверской губернии (ныне области) «в семье крестьянина-бедняка» (так сказано в автобиографии, написанной 25 декабря 1948 года). В Биографическом энциклопедическом словаре Залесского К.А. [8] неправильно указано: «Настоящая фамилия — Яковлев». Как раз из-за методов советской паспортизации деревни получилось так, что сын сохранил свою родовую фамилию, а отца и мать записали, подобное часто тогда делалось, по отчеству мужа. Во всяком случае, в церковно-приходской книге, в которой «в царские времена» велась священная запись актов «гражданского состояния», указано, что «у крестьянина Круглова» 19 сентября 1907 года (по старому летосчислению) родился сын Сергей. Кроме того, в Личном фонде № 10 146 ГАРФ имеется справка из ЗАГСа, выданная «взамен метрической выписки», в которой сказано: «Погорельский Волисполком (Волостной исполнительный комитет) настоящим удостоверяет, что гражданин Тверской губернии, Ржевского уезда, Погорельской волости, деревни Устье Круглов Сергей Никифорович действительно родился 1907 года 19 сентября. Акт рождения записан в метрической книге за № 99 за 1907 год» [26].

В начале тридцатых годов при оформлении паспортов Никифору Яковлевичу и его жене Любови Игнатьевне выдали документы на фамилию Яковлевых. Да и во всей деревне Устье родственники, видно, из- за русского наплевательского отношения к юридическим формальностям, поделились на Кругловых и Яковлевых, не придавая этому особого значения. Так, даже среди родных братьев Никифора, например, Николай носил фамилию Круглов, а Кузьма звался Яковлевым.

Дед Яков Николаевич Круглов, от чьего имени и пошла гулять новая фамилия, являлся крестьянином-середняком. У него родились 12 детей, половина из которых умерли в раннем возрасте. После того как глава семьи поделил обрабатывавшуюся его семьей землю между шестью своими ставшими самостоятельными и женатыми сыновьями Владимиром, Игнатом, Кузьмой, Николаем, Борисом и Никифором, все они в этом малоземельном краю «фактически превратились в безземельных крестьян-бедняков». Во всяком случае, Никифору Яковлевичу досталось «полдушины земли». То есть, по трезвым крестьянским расчетам, этот клочок плодородной почвы был в состоянии в течение года прокормить лишь «полчеловека», или, корректнее,

всего лишь одного человека на протяжении полугода. В 1900 году Никифор женился на 16-летней девушке Любе, которая жила в деревне за Волгой да пела так, что по другую сторону великой реки слышно бывало. У Никифора с Любой родились много детей, но большинство из них поумирали из-за голода и болезней. В живых остались лишь Сергей да Василий.

Поскольку крохотный надел земли не мог прокормить семью, пришлось перебираться в город. В 1909 году, когда Сергею не было еще и двух лет, горемыки уехали из родного края в Санкт-Петербург, где Никифор Яковлевич из крестьянина превратился в пролетария, поступив работать сначала на завод «Новый Леслер», потом «Галерный островок», который затем стал называться заводом имени Марти. Могучий ростом, крепкий русский мужик стал молотобойцем. В связи с этим в одном справочном издании указано, что Сергей Круглов являлся «сыном крестьянина» [8]. в другом говорится, что «родился в семье рабочего-молотобойца» [7]. Последнее «социальное происхождение» больше подходит для его родного брата Василия Никифоровича Яковлева, родившегося в городе на Неве 6 января 1912 года.

В Северной столице России Кругловы-Яковлевы вместе с семьями других рабочих жили в бараках, поставленных так тесно, что на вытоптанной в проходах между домами земле не было вообще никакой зелени. О трудностях развития раннего капитализма в России, жестокой эксплуатации рабочих, тяжелом бытовом обустройстве бесправных тружеников достаточно красочно написано хотя бы в произведениях пролетарского писателя Максима Горького.

Начало Первой мировой войны совпало с тем временем, когда Сергей Круглов пошел учиться в начальную школу, сохранив настойчивое желание пополнять свои знания и в дальнейшем. Благодаря тому, что Никифор Яковлевич имел достаточно высокую квалификацию в нелегком деле молотобойца, в годы войны он не был призван в армию, а после Октябрьской революции продолжал работать на заводе имени Марти и других заводах вплоть до 1943 года, когда по инвалидности вышел на пенсию и сменил профиль своей трудовой деятельности.

Вместе с тем в 1919 году в связи с начавшимся в Петрограде голодом мать семейства Любовь Игнатьевна вместе с сыновьями, двенадцатилетним Сергеем и семилетним Василием, вынуждена была вернуться в родную деревню Устье, чтобы иметь возможность хоть как-то прокормить себя и детей. Об этом времени в своей автобиографии Сергей Никифорович писал: «Материальное положение родителей оказалось тяжелым, сильно

нуждались, жили продажей тех вещей, которые привезли из города. В летнее время пришлось прирабатывать и мне в качестве подпаска в различных деревнях». Потом все-таки вспоминалось, что после прокопченного в смраде индустриализации города даже удивительно было, особенно детям, что здесь, на просторе полей и лесов росла зеленая трава, по которой можно было бродить босиком или даже поваляться на «луговом газоне» в свое удовольствие.

Несмотря на все житейские трудности, желание продолжать учебу возобладало в Сергее, хотя имевшихся у него познаний вполне хватило бы для исполнения обязанностей подпаска. Любознательный юноша поступил в Никифоровскую единую трудовую школу 1-й ступени, которая находилась от деревни Устье почти за десять километров, и по дороге к ней приходилось переправляться через две речки. Количество изучавшихся в школе предметов было достаточно обширным: русский язык, арифметика, геометрия, история, география, естественная история, физика, рисование, лепка. К сожалению, «по причинам, от учащихся не зависящим», программа обучения в Трудовой школе в 1919 году в полном объеме оказалась не выполненной. 25 июня «сын гражданина Тверской губернии, Зубцовского уезда, Столыпинской волости, деревни Устье Круглов Сергей Никифорович, родившийся 19 сентября 1907 года», получил написанное от руки Удостоверение № 7 с подписями девяти членов Никифоровского Школьного совета и круглой печатью о том, что он «окончил курс учения», прослушав указанные выше предметы. Однако этот документ, свидетельствовавший о незавершенности начального образования, не давал возможности поступить в школу второй ступени. Тогда при Никифоровской трудовой школе для детей, желавших продолжить учебу, была организована «подготовительная для школы 2-й ступени группа», которая продолжила занятия по прежним предметам. Через год, 14 июня 1920 года, Сергей Круглов получил новое, отпечатанное на пишущей машинке удостоверение № 25, которое подтверждало его подготовленность к продолжению школьного образования.

Следующие два года «гражданин Тверской губернии, Ржевского уезда, Столыпинской волости» С.Н. Круглов посвятил учебе в Спасской советской школе 2-й ступени, где «действительно окончил 2-й класс», что и удостоверялось соответствующей бумагой «с приложением печати» от «сентября 3 дня 1922 года». Далее в течение двух лет учеба продолжилась в Зубцовской советской школе 2-й ступени, чем завершено было получение среднего образования. По постановлению Школьного

совета от 18 июня 1924 года Круглову Сергею Никифоровичу, гражданину (с перечислявшимися выше «регалиями») выдали изготовленное типографским способом удостоверение № 72, в котором указывалось, что он окончил полный курс школы 2-й ступени, «обнаружив достаточное общее развитие и удовлетворительные познания по нижеследующим предметам: Русскому языку и Словесности, Алгебре, Геометрии и Тригонометрии, Физике, Геологии, Гигиене, Естествознанию, Химии, Обществоведению, Географии, Политграмоте и Политэкономии, Графическим искусствам, Немецкому языку и Пению». Перечень предметов, с уважением записанных с заглавной буквы, говорит о том, что к делу народного образования в Советской стране стали подходить весьма серьезно и разносторонне [26].

Еще в период обучения в средней школе Сергей приобщился к общественной работе и трудовой деятельности. Порождающий ныне кое у кого скептическую улыбку «ветер революционных перемен» вызвал широкое движение народных масс. В газете «Ленинский путь» за 29 октября 1968 года под заголовком «Озаренные пламенем революции» была опубликована групповая фотография «организаторов и активистов Зубцовской уездной организации РКСМ (Российского Коммунистического Союза молодежи)». Автор статьи указывает, что «эта фотография сделана в незабываемом 1919 году». Среди юношей и девушек, которые «собранны и серьезны», готовы «победить или умереть», стоит крайний слева Сергей Круглов. Даже на этом, достаточно несовершенном изображении прекрасно видно, что речь идет о мальчике, совсем еще не юноше, небольшого роста, в наглухо застегнутом осеннем пальто и нахлобученной до самых глаз зимней шапке. В ту пору, к которой отнесена старинная фотография, Сергею едва исполнилось 13 лет. В опубликованной ниже статье члена партии с 1917 года Д.М. Логинова, также изображенного на этом снимке, говорилось о том, что «созданию организации комсомола предшествовала длительная политическая и организаторская работа большевиков среди рабоче-крестьянской молодежи», в том числе и в Зубцовском районе. Созданная в марте 1918 года партийная ячейка сразу обратила свое внимание на работу с молодым поколением тружеников. Необходимо было добиться повышения политического сознания молодежи, привлечения ее к активному участию в социалистическом строительстве, вступления лучших представителей юношества в коммунистическую партию. Задачи в то время стояли сложные: борьба с голодом и разрухой, проведение социалистических преобразований в городе и

деревне, подготовка к защите Советской республики от посягательств внутренней и внешней контрреволюции. Трудовая молодежь, разбуженная происходившими переменами, стремилась к новой жизни, к овладению культурой и знаниями. Это стало хорошим, здоровым началом. По инициативе активистов был создан молодежный клуб, который превратился в центр массовой и организаторской работы. Здесь устраивались доклады и лекции, велись диспуты на различные темы. Был собран хор, ставились спектакли, устраивались игры и танцы. В период Гражданской войны формировались отряды красногвардейцев, которые отправлялись на фронт. Созданные комсомольские ячейки помогали партийным организациям проводить массово-политические кампании, боролись с дезертирством и спекуляцией, участвовали в выполнении заданий по заготовке и вывозке дров, проводили субботники по разгрузке и погрузке вагонов на станциях. Среди первых организаторов и вожаков молодежи был назван и Сергей Круглов.

Действительно, через некоторое время после возвращения из Питера на свою «малую родину» несовершеннолетнего пацана, подрабатывавшего пастухом в деревнях Устье, Прокошево и Вороново, избрали председателем Совета бедноты родной деревни. В 1923 году, после организации в селе Никифоровское местной комсомольской ячейки, Сергей Круглов в возрасте 16 лет вступил в комсомол, в работе которого с этого времени и до 1932 года принимал активное участие.

Согласно официальным документам, длительный трудовой путь (который почему-то потом не был засчитан в общий стаж работы) Сергей Никифорович начал сразу после окончания средней школы. В июне 1924 года во время перевыборов Советов шестнадцатилетнего земляка как активного комсомольца избрали членом Никифоровского районного Сельского совета Погорельской волости Тверской губернии, где он стал исполнять обязанности секретаря. Проработав полгода на технической должности, Сергей Круглов положительно зарекомендовал себя, а потому в декабре месяце был избран председателем этого сельсовета.

В Личном фонде Круглова С.Н. № 10 146 Госархива Российской Федерации (ГАРФ) [26] хранится с десяток ветхих бумажек, «подписью и приложением печати» свидетельствующих о том, что в далекие двадцатые годы прошлого столетия они представляли собой полноправные удостоверения, с которыми «предъявитель сего» отправлялся на выполнение служебных и партийных заданий. Самым ранним из этих документов является удостоверение Погорельского волостного исполнительного

комитета Ржевского уезда Тверской губернии от 14 февраля 1925 года за № 857 (почтовое отделение Погорелое-Городище). В бумаге говорится о том, что «предъявитель сего есть действительно Уполномоченный от Погорельского ВИК (Волостного исполнительного комитета) тов. Круглов, каковой командируется в Никифоровский район по проведению кампании по перевыборам сельсоветов, что подписью (председателя, членов и секретаря Избиркома) и приложением печати удостоверяется».

В другом удостоверении того же периода, выданном Погорельским Волисполкомом 3 июня 1925 года за № 3265, указано: «Дано сие председателю Никифоровского района Погорельской волости т. Круглову в том, что он действительно командируется в гор. Ржев на уездное совещание, имеющее быть 4 июня сего года, что подписью (председателя и секретаря) и приложением печати удостоверяется» [26]. Официальные документы позволяют в какой-то мере оценить круг тех вопросов, которыми приходилось заниматься в самом начале своей служебной карьеры энергичному сельскому пареньку.

В это время по всей стране разворачивалась борьба с неграмотностью, велась работа по повышению политического и культурного уровня населения. По решению комсомольской организации да и в соответствии с собственным желанием заниматься политико-просветительской деятельностью в октябре 1925 года Сергей Круглов, как имевший законченное среднее образование, был направлен в село Погорелое-Городище в качестве заведующего избой-читальней, или, попросту, «избачом». Сохранился такой отзыв об этой деятельности члена ВЛКСМ тов. Круглова С.Н.: «В зимний период руководил работой политчитальни, каковая в своей работе имела хорошие результаты. В настоящее время работает руководителем райпропколлектива (районного пропагандистского коллектива)». В это же время, с ноября 1925 года по май 1926 года, Сергей являлся секретарем Погорельской ячейки ВЛКСМ и «проявил там себя как примерный работник», в результате чего «работа Погорельской ячейки имела положительные результаты».

После того как занятия в избе-читальне, ставшей центром распространения знаний, были налажены, активного, высокорослого, набравшегося сил красавца комсомольца решили направить на помощь сельским труженикам. В феврале 1926 года Сергея Круглова определили на работу в совхоз Вахново той же Погорельской волости. Сначала он трудился в мастерской по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, а затем, до конца 1928 года, работал трактористом. В совхозе Сергей продолжал вести активную комсомольскую деятельность: был избран членом

бюро ячейки, заведующим политпросветом, а затем секретарем этой ячейки. В отзыве отмечалось, что имелся «размах в массовой работе, выражавшийся в проведении регулярных собраний беспартийной молодежи и добросовестном отношении ко всем кампаниям, проводившимся коммунистической партией и Советской властью».

В апреле 1926 года Погорельский волисполком назначил восемнадцатилетнего Сергея в ревизионную комиссию, которая проверяла «суммы, материалы и имущество, состоящие в ведении Волисполкома, а также производимые ими строительные, заготовительные и другие хозяйственные операции». Для проведения «ревизии и обследования, а также для получения необходимых справок» Круглов вместе с другими членами комиссии был командирован в учреждения и на предприятия, подчиненные этому ведомству. Комиссия рассмотрела все касавшиеся финансово-хозяйственной деятельности дела, книги счета и документы волисполкома и подведомственных ему структур, приглашала для разъяснения возникавших вопросов заведующих финансово-налоговой частью и лиц, составлявших отчетность, а также в случае необходимости, привлекала соответствующих специалистов (агрономов, техников, инженеров, врачей и др.). Итоговый акт этой комиссии нам не известен, но масштабность проверки, при которой удостоверения ревизоров были действительны в течение больше, чем полгода, до 1 декабря 1926 года, говорит сама за себя.

Помимо комсомольской и ревизионной деятельности, дополнительной к основной работе тракториста, в июне 1926 года Круглов С.Н. был избран делегатом XV и XVI волостных съездов Советов Погорельской волости. На этом форуме его избрали делегатом от Погорельской волости на уездный съезд Советов Ржевского уезда Тверской губернии. Так что обработка совхозных полей постоянно сочеталась у Сергея со всесторонним исполнением общественных обязанностей и комсомольского долга [26].

А тут еще приспело время вставать на воинский учет для прохождения службы в армии. 12 июня 1926 года Погорельский волостной комсомольский комитет выдал документ с ходатайством перед Ржевским укомом (уездным комитетом) ВЛКСМ об отправке «активного и политически выдержанного комсомольца» Круглова С.Н. «в общественно-военно-морское училище имени М.В.Фрунзе». При этом указывалось, что он «в проведении своей работы пользовался авторитетом со стороны широких крестьянских масс населения. При проверке политических знаний показал достаточное политическое

развитие, и проверочной комиссией отнесен ко второй (то есть вполне грамотной) группе».

Мобилизационное отделение Ржевского уездного военного комиссариата взяло допризывника на воинский учет и направило на медицинскую комиссию. 23 июля 1926 года при прохождении освидетельствования состояния здоровья было установлено, что гражданин из деревни Устье (и прочие сведения о месте и времени рождения) Круглов С.Н. имел рост 178 сантиметров (окончательный рост Сергея Никифоровича был 182 см) и вес 72 килограмма, объем груди 92 сантиметра. Призывной комиссией такой могучий кадр был признан «здоровым и годным для службы в РККФ (Рабоче-Крестьянском Красном Флоте)». Уездвоенком и начальник Морского отделения военкомата выдали гражданину Круглову удостоверение для представления в Ржевский уком (уездный комитет) ВЛКСМ с извещением о том, что к допризывнику следует теперь отнестись «как предназначенному к командированию в Военно-Морские Учебные заведения» [26].

Однако в армию Сергея Круглова пока что не забрали (призывной возраст в те годы начинался после 20 лет), на учебу в военное училище не отправили, и он продолжил свою активную общественную работу в родных краях. Так, 26 мая 1927 года секретарь Вахновской ячейки комсомола тов. Круглов был командирован в качестве делегата на Губернское совещание секретарей деревенских ячеек от Ржевской организации. На одном из заседаний он сделал доклад: «Работа ячейки с бедняком и батрацкой молодежью».

Комсомольский вожак, подавший в 1927 году заявление с просьбой принять его кандидатом в члены ВКП(б), постоянно привлекался к работе Погорельской партийной организации. По партийной путевке 3 июля 1927 года Сергею поручили «провести доклад» в селении Раково на собрании граждан местной кооперации на тему: «Международное положение и советское строительство». С января по май 1928 года кандидат в члены партии исполнял поручение волостного исполкома по распространению займа «Укрепления крестьянских хозяйств» с заключением договоров с субагентами. Одновременно с этим проверял работу по взиманию единого сельскохозяйственного налога и окладного госстрахования.

В дополнение к имевшимся нагрузкам в 1928 году Круглова С.Н. избрали не освобожденным от основной работы членом правления Единого потребительского общества «Созвездие», находившегося в селе Погорелое-Городищево. Через несколько месяцев, 9 октября того же года, собранием уполномоченных он

был избран председателем этого правления и работал в данной должности до призыва его в Красную Армию [26].

С 20 ноября по 25 декабря 1928 года здоровый и годный к воинской службе Сергей Круглов прошел 240-часовой курс допризывной подготовки. Приписная книжка допризывника хранится теперь в Центральном музее МВД России [27].

В самом конце декабря 1928 года, сразу после возвращения с военных сборов, Погорельской сельской ячейкой товарищ Круглов С.Н. был переведен из кандидатов в члены большевистской партии. При этом была отмечена его большая общественная работа, выражавшаяся в активном участии в деятельности советских и комсомольских организаций. Как говорилось выше, за прошедшее время Сергей являлся делегатом трех уездных конференций ВЛКСМ, двух волостных и одного районного съездов Советов, членом ревизионной комиссии. Одну из рекомендаций кандидату дал Ржевский волком ВЛКСМ, отметив его как «честного и вполне подготовленного товарища». В соответствии с протоколом № 7 Погорельский волостной комитет партии на своем заседании от 4 января 1929 года, заслушав материалы первичной партячейки и согласившись с ними, постановил «перевести т. Круглова С.Н. из кандидатов в действительные члены ВКП(б)» [26]. Никак не думал тогда новоиспеченный коммунист, получая в свои руки партийный билет № 152 838, что жизнь повернется совсем по иному и всего через три десятка лет у него коварно и бесчестно отберут эту «пурпурную книжицу», которой он чрезвычайно дорожил.

В армию Сергея Круглова призвали в октябре 1929 года, в результате чего прервалась его плодотворная деятельность председателя правления Погорело-Городищевского общества потребителей и, как оказалось в дальнейшем, вообще навсегда завершилась трудовая и общественная деятельность боевого партийца на земле его малой родины. Теперь на берег Волги, в милые сердцу края Сергей Никифорович попадет только в годы войны, чтобы увидеть спаленную немцами дотла родную деревню. Да однажды привезет сюда своих детей, стремясь показать им дорогие места на берегу Волги и фундамент так и не восстановленной после пожара избы их деда Никифора.

Вопреки ранее рисовавшимся прожектам о море и о флоте призывной комиссией Ржевского уездного военкомата направлен был новобранец служить в 1-й автобронедивизион, дислоцировавшийся в Москве в районе Хамовников. Однако с учетом того, что у бойца имелся значительный опыт управления трактором, его здесь же в столице перевели в 3-й танковый полк. Эта войсковая часть считалась коммунистической, поскольку не

только командный состав, но и все рядовые бойцы являлись членами партии. Сначала будущий генерал-полковник отбывал службу красноармейцем, затем стал командиром отделения, а через полгода исполнял должность командира танка, младшего автотехника батальона. Все время пребывания в армии коммунист Круглов вел, как и прежде, большую общественную работу: являлся политинформатором в ленинском уголке, был членом полковой многотиражки «Танкист», избирался секретарем партячейки особой танковой роты, а затем членом полкового бюро ВКП(б).

Армейская служба в буквальном смысле слова оставила на Сергее свой видимый след: во время поездки на грузовике группы бойцов водитель не справился с управлением и машина перевернулась. Многие красноармейцы получили травмы, а наш герой при падении из кузова ударился лицом о придорожный камень. На фотографиях, сделанных после этой аварии, заметно, что нос у него, скажем так, не совсем стройный, словно у опытного боксера.

Еще до этого неприятного инцидента красноармеец Сергей Круглов сфотографировался в фотоателье на фоне нарисованного парка, сам в буденновке, форменной гимнастерке с петлицами командира отделения, шароварах и сапогах, и отправил этот снимок своим родителям, подписав его так: «На память от любящего сына. 28 мая 1930 года. Круглов» [26].

Военная служба продолжалась недолго, чуть больше года, — стране нужны были рабочие руки. Демобилизовавшись в ноябре 1930 года как «средний командир запаса», Сергей вместе с бригадой таких же завершивших воинскую службу танкистов-красноармейцев выехал в порядке партийного шефства в Казахстан. Здесь на черноземных полях, раскинувшихся по берегам реки Тогузак, около одноименной станции Кустанайской области, в условиях резко континентального климата, с жарким сухим летом и холодной малоснежной зимой, квалифицированный сельский специалист проработал в течение года старшим инструктором-механиком в учебно-опытном зерносовхозе (УОЗ) № 2 имени Голощекина, проявив одновременно себя и активным коммунистом. В отзыве, подписанном 30 сентября 1931 года секретарем парткома, говорилось, что за время пребывания на казахстанской земле член ВКП(б) тов. Круглов С.Н. успел поработать секретарем ячейки Зональной опытной станции, членом пленума и бюро парткома и даже исполняющим обязанности самого секретаря партийного комитета УОЗа. В связи с тем, что Сергей не просто трудился на опытной станции, но и вел там «исследовательскую и

рационализаторскую работу», партком рекомендовал своего временного работника для поступления «на подготовительное отделение аспирантов Института политехнического труда».

Директор и заведующий личным столом УОЗа выдали прикомандированному специалисту справку о том, что в период посевной и ремонтной кампании он использовался как инструктор-механик и в связи с недостатком квалифицированных кадров был задержан в зерносовхозе дольше положенного срока. Это же подтверждало и удостоверение, подписанное руководством УОЗа 25 октября 1931 года [26].

3. Учеба в институтах

Имея за плечами лишь среднюю школу 2-й ступени, Сергей Круглов постоянно стремился к тому, чтобы продолжить свое образование. Возраст — 24 года — был еще не так велик, но уже намекал о том, что с учебой в вузе следовало поспешить. Возможность в этом плане представилась в конце 1931 года, когда сельский механизатор в соответствии с решением партийных органов отправился в столицу и с некоторым опозданием, обусловленным уважительной причиной, в ноябре месяце, после обычно начинавшихся в сентябре занятий, поступил в Московский индустриально-педагогический институт имени Карла Либкнехта на общественно-экономический факультет.

Это высшее учебное заведение было создано в 1923 году и называлось тогда Педагогическим индустриально-техническим институтом имени Либкнехта. В задачу этого первого советского вуза такого профиля входила подготовка преподавателей технических и специальных дисциплин, мастеров производственного обучения для профессиональных учебных заведений, рабочих факультетов, фабрично-заводских училищ и общеобразовательных школ. В начале тридцатых годов в дополнение к московскому институту в Свердловске, Нижнем Новгороде и других городах появилась отраслевая группа учебных заведений, получившая название индустриально-педагогических. В соответствии с решением задачи индустриализации страны остро возник вопрос о типе инженера, необходимого бурно развивавшейся экономике страны. Вузы должны были готовить «сознательных строителей социализма». В этих условиях инженер оказывался не просто специалистом в своей отрасли, но и воспитателем, педагогом, «пропитанным идеями реконструкции и коллективизации». Естественно, специальность инженера с самого начала ее преподавания связывалась с выработкой марксистского мировоззрения, с умением подойти с этих позиций ко всем явлениям жизни. Кроме технических дисциплин, будущему специалисту давались курсы педологии, педагогики, психологии, возрастной гигиены и другие. В результате к середине тридцатых годов вуз, дававший инженерно-педагогическое образование, стал называться Московским государственным педагогическим институтом имени К. Либкнехта [30].

Как всегда, помимо основной деятельности по изучению общественных и экономических дисциплин Сергей Круглов

продолжил свое активное участие в партийной работе. Сначала он был избран парторгом группы, потом стал секретарем ячейки ВКП(б) своего факультета. Далее масштаб общественной деятельности значительно расширился, когда активный коммунист получил доверие от своих товарищей, избравших его членом парткома, а затем и секретарем партийного комитета института.

Интересно, что, едва получив ранг студента, Сергей Никифорович с декабря 1931 года начал выступать и в роли преподавателя. В течение полутора лет, до июня 1933 года, он являлся педагогом обществоведения в учебном комбинате при заводе «Геофизика», входившем во Всесоюзное объединение предприятий оптико-электронной промышленности. Характеризуя работу молодого преподавателя, директор заводского техникума и заведующий школой фабрично-заводского обучения отметили, что тов. Круглов работал в учкомбинате с того момента, когда «обществоведческий цикл был на грани полного развала» из-за «вредительской деятельности руководителей учебной части». Несмотря на большие трудности в деле восстановления «пострадавшего» учебного курса, выступавший в качестве педагога студент института «проявил максимум большевистской энергии», в результате чего «обществоведческий цикл встал крепко на ноги и четко определил свою работу». Под его руководством были уточнены учебные программы и задания для учащихся, «окрепли методические организации и подобран штат обществоведов». В результате «работа обществоведческого цикла не имела ни одной политической ошибки». Как педагог Сергей Круглов был признан одним из лучших обществоведов, заслуживших «большой авторитет среди учащихся и преподавателей Учкомбината» [26].

В этот период в соответствии с решениями XVI съезда партии продолжалось развертывание «наступления социализма по всему фронту». Организаторская работа направлялась прежде всего на ускорение темпов нового промышленного строительства. Возводились индустриальные гиганты: Днепрогэс, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические, Березниковский и Невский химические комбинаты, Уральский завод тяжелого машиностроения, Новокраматорский машиностроительный, Челябинский и Харьковский тракторные, Московский и Горьковский автомобильные заводы. В целях повышения производительности труда среди рабочих и колхозников организовывалось социалистическое соревнование, проводились трудовые переклички коллективов новостроек, устраивались производственные смотры и конкурсы на лучший цех, бригаду,

личные показатели.

В соответствии с этим общественным движением преподаватель Круглов получил на заводе «Геофизика» Книжку ударника, которая хранится теперь в Центральном музее МВД [27]. На обороте обложки документа, как это было тогда принято, приводились тематические цитаты из произведений партийных вождей советского народа «Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применять его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительное большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами, миллионами», — наставлял Ленин. Идейно поддерживал своего учителя и возглавлявший большевистскую партию Сталин: «Самое замечательное в соревновании то, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

В книжке типографским шрифтом были напечатаны Основные обязательства, которые по соцдоговору (социалистическому договору между руководством и отдельным работником) обязан был принять на себя каждый передовой труженик предприятия. «Я, ударник, — говорилось в преамбуле, — сознавая необходимость усиления темпов развития нашего социалистического хозяйства и в целях выполнения и перевыполнения промфинплана (промышленного финансового плана), как качественной, так и количественной его стороны, беру на себя следующие обязательства». Далее следовали пункты, во многом отображавшие те проблемы, которые стояли перед социалистическим производством:

«Как ударник, обязуюсь выполнять и перевыполнять производственные задания в установленные сроки». В общем-то, это входило в служебные обязанности работника: для того он и пришел на предприятие, чтобы точно и четко справляться с порученным ему делом. А вот вопрос о перевыполнении и в более поздние времена наводил на размышления: если делать чего-то больше, чем нужно, то при чем здесь план?

«Обязуюсь не иметь ни одного прогула и опоздания, а также бороться всеми мерами общественного воздействия с лодырями и прогульщиками». Увы, эта проблема встала в полный рост: если провозглашен свободный труд, то стоило ли каждый день ходить на работу? Советский директор не имел таких прав, как хозяин

предприятия — капиталист, и без весьма веских оснований никого с завода уволить не мог, что и вело к снижению производственной дисциплины.

«Полностью изжить по моей вине брак и простои». При плановом хозяйстве простои вроде бы не должны были случаться, а вот брак, то есть некачественное изготовление продукции, всегда являлся бичом для нашего производства. В Японии, например, такого понятия, как брак, вообще не существовало. С этим вопросом был связан и следующий пункт обязательств: «Вести решительную борьбу за качественные показатели». К сожалению, качество у нас постоянно страдало в ущерб количеству, о котором с высоких трибун легче было громко заявить: «Вот мы сколько всего понаделали!»

Кроме пятнадцати Основных обязательств, из которых мы привели лишь малую часть, каждый ударник брал на себя дополнительные пункты. В отношении преподавателя С.Круглова они выглядели следующим образом. «Выполнять задания Учкомбината на 100 %» — то есть проводить все занятия в сетке расписания. «Поднять производительность труда на 10 %». Как это должен был делать преподаватель, сказать трудно, видимо, в более быстром темпе читать лекции. «Снизить прогулы и опоздания до 0 %». Действительно, опаздывать или совсем не приходить на занятия со стороны педагога было негоже. Но вот и конкретный пункт: «Подписаться на заем на сумму 275 рублей».

На последующих страницах книжки имелись таблицы, в которых следовало помесячно отображать показатели по выполнению взятых на себя обязательств: процент выполнения заданий администрации и собственного встречного плана, число невыходов на работу (по уважительной и неуважительной причинам), опозданий, простоев, брака, количество и эффективность поданных рационализаторских предложений, посещение производственных совещаний, число взысканий и сделанная общественная работа. В книжке ударника Круглова в графах за апрель и май 1933 года проставлены печатки «Обязательства по соцсоревнованию выполнены» [27].

Помимо интеллектуальной деятельности студенты должны были нести, как это и положено молодежи, физическую нагрузку, а также участвовать в боевой подготовке. За успешное выполнение спортивных норм член физкультколлектива института имени К. Либкнехта тов. Круглов С.Н. был награжден знаком «Готов к труду и обороне» за № 13 574. Кроме того, 5 ноября 1933 года Бауманское районное отделение Московского общества друзей обороны и авиационно-химического строительства «МОСОАВИАХИМ» выдало ему удостоверение «в

том, что он имеет право носить значок “Ворошиловский стрелок” за № 37 199». Это удостоверение являлось временным и подлежало обмену на «единый стрелковый билет» [26].

Повседневная занятость учебными делами, партийной работой, преподавательской деятельностью практически не оставляла свободного времени. И все же часы для прогулок пришлось находить в плотном графике всевозможных планов, поскольку в стенах своего института Сергей встретил и с первого взгляда на всю жизнь полюбил студентку физико-математического факультета Таисию Остапову, которую он называл Таиса или Тая.

Таисия Дмитриевна Остапова родилась 10 октября 1910 года в деревне Татарники Арсеньевской волости Веневского уезда Тульской губернии в многодетной семье крестьянина-середняка. К этому времени у Дмитрия Григорьевича и Анны Георгиевны уже были две дочери, Полина (1902 г. р.) и Елизавета (1904 г. р.), и сын Александр (1906 г.р.). Затем в 1912 году появилась на свет Мария, в 1918 году родился Николай, а в 1920 году — младшенькая Антонина.

На своей малой родине Тася в 1922 году окончила сельскую четырехклассную школу. Для того чтобы продолжить учебу, в возрасте 12 лет уехала в город, где поступила в Тульскую 3-ю единую школу. Для жилья сначала снимала угол, за что должна была работать на хозяйку. Затем младшую сестру забрали к себе Полина и Елизавета, которые перебрались в Тулу несколько раньше.

Очевидно, для того чтобы оправдать пребывание несовершеннолетней Таисии в городе, председатель Татаринского сельсовета выдал гражданину Остапову Д.Г. удостоверение «в том, что он действительно имеет большую семью и работников он один». Далее в рукописной бумаге говорилось: «благодаря малому количеству доходов с земли, на которой имеется возможность только прокормиться и уплатить налог», глава семьи не может обеспечить образование всем детям, коих имеет «семь челов». В связи с этим отец «отдает одну дочь Таису на иждивение старшей дочери 22 лет, служащей школьной работницей при Губернском отделе народного образования, что и удостоверяется». На основании этого документа 16-летняя Таисия Дмитриевна Остапова получила в Карницком сельсовете собственное удостоверение с гербовой печатью. В нем было указано, что она действительно является дочкой крестьянина такого-то и находится на иждивении у своей сестры Елизаветы Дмитриевны в городе Туле.

В 1927 году Таисия окончила полный курс девятилетней

школы и поступила на второй курс Тульского педагогического техникума имени В.И. Ленина. Чтобы иметь средства к существованию, девушка подрабатывала официанткой, воспитательницей в детском саду, а последние полгода учебы даже преподавала в младших классах школы первой ступени в Богородицком районе. После окончания техникума в июне 1930 года получила свидетельство о педагогическом образовании. Затем в течение двух лет работала учительницей в железнодорожной школе при станции Ясная Поляна. В характеристиках и отзывах за это время отмечено, что Таисия Дмитриевна «проявила себя как хорошая производственница, активно ведущая борьбу за ликвидацию коренного недостатка в школе». При этом она «несла ряд ответственных общественных нагрузок» в качестве председателя месткома, «принимала активное участие в организации и укреплении колхозов» и «руководила проведением хозяйственно-политических кампаний в деревнях». В 1932 году в счет представленных по разверстке мест Тульский горком ВЛКСМ командировал активную комсомолку на учебу в Москву на физико-математический факультет Индустриально-педагогического института имени Карла Либкнехта.

Конечно, назначать встречи влюбленным студентам было достаточно удобно, поскольку они проживали в одном и том же институтском общежитии на Стромынке, Сергей в мужской его части, а Таисия, соответственно, в женской. Как и у всех студентов в те трудные времена, быт обоих влюбленных являлся достаточно скромным. Для того чтобы приодеться, девичья комната приобрела в складчину приличное платье и туфли, которые одевали по очереди, кому выпадало счастье идти на свидание с молодым человеком. Точно такую же картину рассказывала нам и моя мама о годах своей учебы на медицинском факультете Смоленского государственного университета. Однажды Таисия на три часа задержалась с выходом на свидание из-за того, что пришлось дожидаться возвращения подзагулявшей подруги, на ногах которой были общественные выходные туфли. Но, перефразируя поговорку, можно сказать: нет добра без худа. В тот раз Таисия задумала, что если Сергей все-таки дождется ее и не станет сердиться на столь длительное опоздание, то она выйдет за терпеливого ухажера замуж. И он ее дождался! Три часа мучился и переживал, но с условленного места не ушел. Так решилась судьба двух молодых сердец.

Поженившись 5 октября 1934 года, Таисия и Сергей продолжали оставаться в своих комнатах общежития, проживая

раздельно. На скромную студенческую свадьбу приехали родители Сергея. Отец Никифор Яковлевич отнесся к выбору сына с пониманием, а матери Любови Игнатьевне невестка не очень понравилась: слишком изящная и физически слабенькая, по крестьянским меркам. Сергею пришлось даже встать на защиту своей суженой. «Это моя жена, — сказал он родителям. — Можете ее не любить, но извольте уважать». В дальнейшем, а жизнь повернулась так, что тесные контакты постоянно поддерживались как с родителями, так и со всеми братьями и сестрами, Таисия называла свекровь и свекра мамой и папой, а они величали невестку по имени и отчеству.

Увлечение партийной работой привело к тому, что в мае 1933 года Сергей Круглов был избран освобожденным секретарем парткома института и в связи с этим на некоторое время даже оставил учебу. Вместе с тем на своем ответственном партийном посту он показал себя «как умелый организатор и руководитель партийной организации». В период его «секретарства» Институт имени К. Либкнехта во Всесоюзном соревновании вузов и втузов получил первую премию по системе Наркомпроса (Народного комиссариата просвещения). Самого партийного вдохновителя этой победы Круглова С.Н. наградили грамотой и денежной премией.

С юных лет закаленный в идеологических сражениях парторг успешно, без замечаний преодолевал постоянно проходившие в организациях ВКП(б) всех уровней партийные “чистки”, поскольку в его действиях «отклонений от генеральной линии партии не было».

Вместе с тем продолжить учебу на третьем курсе педагогического института Сергею Круглову было не суждено. В начале 1934 года решением ЦК ВКП(б) он был мобилизован и направлен слушателем в Особый сектор Московского института востоковедения.

Вместо долгожданного диплома о высшем образовании Сергей получил 10 марта 1934 года лишь справку о том, что «он состоял студентом Московского Государственного Педагогического института имени К. Либкнехта Общественно-экономического факультета», причем с 1 сентября 1931 года по… видимо, имелось в виду время, когда он стал освобожденным партсекретарем. В документе говорилось, что «за этот период времени им пройдены и закончены следующие дисциплины»: политическая экономия, всеобщая история, история народов СССР, экономическая география, психология, физиология, технология, математика, статистика, история ВКП(б),

диалектический материализм и педология. В то же время не завершенными остались курсы по экономической политике, историческому материализму, педагогической практике, немецкому языку и ряду других предметов [26].

Московский институт востоковедения (МИВ) имени Н.Н. Нариманова, получивший сначала название Переднеазиатского института, был создан 4 марта 1919 года декретом СНК РСФСР, подписанным В.И. Лениным, вместо бывшего Лазаревского института восточных языков. 7 сентября 1920 года вуз реорганизовали в Центральный институт живых восточных языков. Через год все московские востоковедческие учебные заведения и аналогичные отделения в различных вузах были слиты в МИВ. Институт имел ближневосточный и дальневосточный факультеты с отделениями: арабским, турецким, иранским, афганским, индийским, китайским, японским, монгольским [29].

Сергей Круглов, получив 15 декабря 1934 года удостоверение № 853 (хранящееся теперь в Центральном музее МВД), стал студентом японского отделения и приступил к изучению языка и истории этой страны в качестве основной дисциплины. Дополнительным языком являлся английский. К этим предметам, как и положено было в то время, присовокупились история коммунистической партии, философия, педагогика и другие предметы. Партийная работа здесь продолжилась: коммунист Круглов был сначала парторгом, а затем стал пропагандистом [27].

Вместе с тем можно себе представить, насколько было сложно сельскому российскому пареньку, никогда об этом и не мечтавшему, осваивать сложнейший язык Страны восходящего солнца. Но русская пословица говорит о том, что терпение и труд все перетрут. О добросовестности учебы Сергея Круглова можно судить хотя бы по содержанию курсовой работы студента, общая тетрадь с записями по которой сейчас хранится в Центральном музее МВД России. Тема работы называлась «К вопросу о революции Мейдзи», произошедшей в Японии во второй половине XIX века и оказавшей серьезное влияние на дальнейшее развитие страны. Ровным четким почерком убористо исписаны все страницы толстой тетради от корки до корки, и к этому добавлено еще с десяток вложенных листков [27].

Обстоятельства сложились так, что в стенах Московского института востоковедения Круглов С.Н. проучился всего лишь полтора года, с февраля 1934-го по сентябрь 1935 года. Тем не менее и за столь короткое время программу обучения он успешно освоил, и ему был выдан диплом «с присвоением квалификации

переводчика по японскому языку» [26].

В октябре 1935 года по решению ЦК ВКП(б) Сергей Круглов был направлен на учебу в Институт красной профессуры на восточное отделение факультета истории.

Институт красной профессуры (ИКП) представлял собой специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук для вузов, а также работников для научно-исследовательских учреждений, центральных партийных и советских органов. Создан ИКП был согласно постановлению СНК РСФСР от 11 февраля 1921 года и находился в ведении Наркомпроса. Однако общее руководство этим учебным заведением осуществлялось агитационно-пропагандистским отделом Центрального Комитета партии. Первоначально ИКП имел три отделения: экономическое, историческое и философское. Затем к ним добавились историко-партийное, правовое, естественное и литературное отделения. Курс обучения в институте составлял 3 года [29].

Напряженная учеба Сергея Круглова продолжилась в новом учебном заведении. В Личном фонде № 101 46 ГАРФ хранятся две общие тетради с конспектами лекций, прослушанных студентом Кругловым в 1935–1936 годах. Из этих тетрадей можно установить, что лекции по истории народов СССР читал Дроздов, историю Древнего мира преподавали академик Струве и профессор Сергеев, другие лекционные занятия вели Косьминский, Пионковский и Бахрушин. Как всегда, продолжалась боевая партийная работа. Коммунист Круглов являлся редактором институтской стенной газеты, на страницах которой он, как сам пишет в автобиографии, «активно боролся за генеральную линию нашей партии, вел беспощадную борьбу с врагами народа — троцкистами и бухаринцами» [26].

К привычным учебным и партийным нагрузкам прибавились новые, но достаточно радостные заботы: 24 августа 1935 года у Таисии и Сергея родилась дочь Ирина. Для ребенка требовалась комната, а родители все еще проживали раздельно, в разных частях общежитиях. Поскольку перспективы с получением жилья не предвиделось, мама Тася силовым порядком заняла одну из освободившихся комнатушек и буквально забаррикадировалась в ней. Теперь семья наконец-то воссоединилась, и никто не решился выгнать молодых родителей с ребенком с самовольно занятой общественной жилплощади.

Несмотря на естественные материнские заботы Таисия Дмитриевна, теперь уже Круглова, в 1936 году успешно закончила учебу и получила диплом вуза, который стал называться Московский государственный педагогический

институт имени К. Либкнехта. Этот документ явился основанием для допуска к преподаванию математики в средней школе. В соответствии со своей специальностью в 1936–1937 годах (когда проживали на Стромынке) Круглова Т.Д. работала учительницей математики в 7–8 классах средней школы № 354 Бауманского района города Москвы. Вот как ее работу характеризовали директор школы и председатель месткома: «Проявила себя как очень активный, политически грамотный член педагогического коллектива. К педагогической работе относится с большим вниманием и любовью, к урокам готовится серьезно, упорно добивается повышения качества своей работы и знаний учащихся. Тов. Круглова умеет владеть детским коллективом, дисциплина на ее уроках хорошая. Была членом местного комитета, работу выполняла хорошо».

Следующий учебный год Таисия Дмитриевна (в связи с переездом на жительство в коммунальную квартиру по новому адресу) преподавала математику в 6–7 классах средней школы № 589 Фрунзенского района Здесь директор школы написал о ней так: «Занятия ведет интересно, планово и методически правильно. Теоретически развита, увлекается своим предметом и тем самым дает хорошие показатели в успеваемости учащихся. Как классный руководитель организовывает учащихся на учебу и общественную работу. В школе ведет среди учащихся большую воспитательную работу. Комсомолка, несет большую нагрузку в качестве председателя Месткома. Выступления тов. Кругловой на собраниях и педсоветах всегда продуманы и принципиально заострены».

20 июня 1938 года, после прохождения установленного испытательного стажа педагогической работы в школе, Народным комиссариатом просвещения РСФСР на основании постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР о введении персональных званий для учителей Круглова Таисия Дмитриевна была удостоена аттестата с присвоением звания «Учитель средней школы».

В этот период Таисия Дмитриевна, активная комсомолка, опытный педагог с общим семилетним стажем работы, решила вступить кандидатом в члены ВКП(б), но семейные обстоятельства помешали реализовать эти планы.

Пройти полный трехгодичный курс обучения в Институте красной профессуры Сергею Круглову опять не удалось. Центральный Комитет партии, который давно уже на активного пропагандиста, умелого организатора и руководителя, как говорят, «положил глаз», в октябре 1937 года перевел Круглова

С.Н. «на практическую работу» в свой аппарат. Такое не совсем удачное завершение учебы оказалось обусловленным еще и тем, что институт истории был ликвидирован.

Снова вместо диплома «вечный студент» получил 5 февраля 1938 года справку о том, что «слушатель 3 курса отделения истории Востока Института Красной профессуры истории тов. Круглов С.Н. состоял в институте с 1 сентября 1935 года по 23 января 1938 года». В течение этого времени он прослушал курсы лекций по истории СССР (по Гражданскую войну включительно), по общей истории (до 1920 года), по истории Японии (по японо-китайскую войну 1927 года) и по истории Китая (до революции 1925–1927 годов). Сдал годовые экзамены за первый курс: по истории СССР (отлично), по всеобщей истории, Древние и Средние века (отлично), по философии и географии (отлично), по японскому (хорошо) и английскому (отлично) языкам. Сделал доклад по философии на тему: «Закон единства и борьбы противоположностей как суть диалектики» (отлично). За второй курс сдал такие годовые экзамены: по всеобщей истории и истории Японии (оба отлично), по истории Китая (удовлетворительно), по японскому и английскому языкам (оба удовлетворительно). Сделал письменный доклад на тему: «Предпосылки и движущие силы революции 1867 года в Японии» [26].

Итак, проучившись шесть лет в трех институтах, Сергей Круглов хотя и приобрел глубокие и всесторонние знания, однако совершенно не по своей вине из этих вузов заветного диплома о высшем образовании так и не получил. После окончания учебы в Институте востоковедения ему был выдан диплом переводчика с японского языка. Вот почему при своей последующей работе в заполнявшихся им анкетах сначала скромно указывал: «Образование незаконченное высшее». Потом в связи с тем, что другие работники центрального аппарата и близко не имели столь глубокой и всесторонней теоретической подготовки, стал писать: «Образование высшее». В качестве гражданской специальности по образованию в некоторых анкетах указывалось «преподаватель», в других — «переводчик по японскому языку».

После окончания учебы первую свою должность тридцатилетний Сергей Никифорович Круглов получил сразу в главном партийном учреждении Страны Советов, где его назначили ответственным организатором Отдела руководящих партийных органов (ОРПО) Центрального Комитета ВКП(б). Заместитель секретаря парткома Института красной профессуры Бутков направил на имя заведующего ОРПО тов. Броварского краткую характеристику на своего бывшего партийного шефа, в

которой, в частности, отмечалось, что Круглов С.Н., член ВКП(б) с 1928 года, был освобожден от обязанностей секретаря парткома «ввиду отзыва его в распоряжение ЦК ВКП(б)». Далее следовала обязательная приписка: «За время пребывания в парторганизации Института (Красной профессуры) партвзысканиям не подвергался» [26].

Отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в котором Круглов С.Н. проработал чуть больше года, был создан в 1934 году по решению XVII съезда партии и просуществовал в течение пяти лет, до 1939 года. Возглавлял этот отдел секретарь ЦК Маленков Г.М. В функции ОРПО входили учет, распределение и организационно-инструкторская работа со специалистами и руководящими партийными кадрами. Инструктора отдела подготавливали необходимые материалы для утверждения на Секретариате, Оргбюро и Политбюро. Отдел отвечал как за проходившую в 1935 году очередную чистку партийных рядов, так и за распределение выдвинутых на руководящую работу коммунистов по партийным, советским, профсоюзным и хозяйственным организациям. Работники отдела проводили инструктажи партийных руководителей в стенах Центрального Комитета или с выездом на места, контролировали отчеты партийных организаций об их повседневной деятельности. Столь ответственная и масштабная работа требовала, естественно, определенной подготовки, в связи с чем в феврале 1938 года на основании решения ЦК партии молодого и перспективного работника Круглова С.Н. зачислили слушателем Высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Работа с кадрами определила на достаточно длительную перспективу дальнейшую судьбу Сергея Никифоровича.

К великой радости, цековский работник наконец-то получил государственную жилплощадь, на которую семья Кругловых вселилась вчетвером, поскольку 5 июля 1937 года у Таисии и Сергея родился сын Валерий. Сначала жили в коммунальной квартире на Большой Пироговской улице, а потом поселились в отдельной маленькой квартирке на Ленинградском шоссе. К сожалению, вторые роды серьезно отразились на самочувствии мамы, и по состоянию здоровья через некоторое время Таисия Дмитриевна вынуждена была на длительное время оставить работу.

Находясь в одной из своих служебных командировок в городе Тбилиси, Сергей Никифорович 28 июня 1938 года послал домой несколько теплых строк.

Моя дорогая Тая!

Все ждал от тебя письмо и сам не посылал, думал, что ты живешь уже на даче. Звонок Головина (сослуживец Сергея Никифоровича по Орготделу ЦК и близкий товарищ. — *Ю. Б.*) *привел меня в большое беспокойство. По телефону хорошо не понял, что с вами случилось. Ясно одно, что ты и дети больны, но чем, ничего не узнал. Волнуюсь страшно. Как назло, только я уеду, так в семье что-нибудь да случится. Милая Тая, поправляйся, ради бога. Я тебя очень и очень люблю. Живя вот здесь несколько дней, я понял, какое огромное место в моей жизни занимает семья, ты, ребятишки. Еще когда работаю, забываюсь, а как придешь к себе в комнату, только о вас и думаешь.*

Дорогой Таек, сегодня буду разговаривать с Москвой, чтобы мне разрешили немедленно выехать. Если разрешат, выеду 21 или 22 (июня 1938 года), *тогда сообщу телеграммой. А если все-таки заставят отправиться в Абхазию, тогда приеду к 1 шюля. Я уже не могу спокойно работать, все валится из рук. Словом, всеми мыслями я с вами в Москве.*

Милые вы мои, поправляйтесь скорее. Скоро, скоро приеду к вам. Любящий Сергей.

Как было отмечено, работа Сергея Никифоровича в аппарате Центрального Комитета продолжалась относительно недолго. В ноябре 1938 года по рекомендации заведующего ОРПО и секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова Г.М. он был направлен «для усиления» в Наркомат внутренних дел.

4. В центральном аппарате НКВД

Ко времени прихода Круглова С.Н. в Наркомат внутренних дел крупномасштабные операции по проведению массовых репрессий были завершены. В результате осуществления «великой чистки» вождь народов Сталин И.В. избавился от «заговорщиков», способных посягнуть на его личную власть и свергнуть советское правительство вместе с существовавшим тогда общественно-политическим строем. В целом в стране была создана обстановка, при которой высшее партийное руководство могло проводить намечавшиеся им мероприятия, не встречая сопротивления со стороны «саботажников» и не опасаясь появления утечки за рубеж информации о великих планах продвижения социализма по европейскому континенту.

17 ноября 1938 года было принято секретное постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР и Центрального Комитета (ЦК) ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем сначала положительно оценивалась работа Наркомата внутренних дел под руководством генерального комиссара госбезопасности (гб) Ежова Н.И. по «очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров», а затем перечислялись «крупнейшие недостатки и извращения в работе: массовые необоснованные аресты, упрощенное ведение следствия и суда, грубое нарушение процессуальных норм» и т. д. Вина за все репрессии возлагалась на «врагов народа и шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД». Постановление запрещало проведение новых массовых операций по арестам и высылкам, ликвидировало судебные тройки и указывало на необходимость «обеспечения за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав» [31].

На новом этапе коммунистического строительства Сталину потребовались иные люди на ключевых постах. От прежних кадров они должны были отличаться тем, что умели организовывать и налаживать государственную, общественную и хозяйственную работу с учетом ее «социалистических особенностей».

25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел СССР был назначен комиссар гб I ранга Берия Л.П. Что бы сегодня ни говорили об этом «верном ученике и ближайшем соратнике И.В.Сталина», как бы ни поминали «бериевщину», но ради объективности следует отдать должное Лаврентию Павловичу за его «большие организаторские способности, смелую инициативу

и умение вести масштабную работу». Новый нарком стал стремительно структурно преобразовывать и совершенствовать вверенное ему ведомство. Одним из ключевых вопросов являлся кадровый. Необходимо было освободиться от работников органов внутренних дел, слишком усердствовавших в период проведения массовых репрессий, безраздельно упивавшихся собственной властью. Для выполнения такой задачи предназначался аппарат «особоуполномоченного», в функциональные обязанности которого входило разбирательство с преступлениями, совершавшимися работниками органов внутренних дел. На данном этапе этому контрольному органу поручались «расследование фактов участия сотрудников в массовых репрессиях» и пересмотр следственных дел на арестованных.

Для выполнения этой непростой работы в ноябре 1938 года в Наркомат внутренних дел как раз и был направлен Круглов С.Н., который мог достаточно объективно провести рассмотрение обстоятельств дела, поскольку к проводившимся репрессиям не имел прямого отношения. Как в те годы случалось часто, официально постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о его командировании в распоряжение НКВД СССР «для ответственной работы в центральном аппарате» состоялось лишь 20 декабря 1938 года. В тот же день был отдан приказ наркома внутренних дел о назначении Круглова С.Н. (пока что не имевшего воинского или специального звания) особоуполномоченным НКВД СССР. До этого в течение двух недель занимавший данную должность лейтенант гб Балябин Г.С., стал его заместителем. 28 декабря 1938 года Круглову С.Н. присвоили спецзвание «майор госбезопасности», что по своему статусу соответствовало армейскому комбригу (командиру бригады).

Начиная с осени 1938 года в органах внутренних дел началась планомерная «чистка» оперативно-чекистских кадров, которая декларировала своей задачей «восстановление социалистической законности» после правового беспредела периода массовых репрессий. Эту работу никак нельзя считать «политическими репрессиями против честных работников», поскольку по своей сути она представляла в какой-то мере кадровую революцию в органах госбезопасности, направленную на радикальное обновление их персонального состава. Всего за этот период, включая 1939 год, из органов НКВД были уволены 7372 сотрудника, из которых арестам подверглись 937 «ежовцев», наиболее отличившихся (в отрицательную сторону) исполнителей массового террора. С учетом ранее проводившихся мероприятий произошло значительное омоложение руководящего состава наркомата, большую часть которого теперь составляли работники

в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет. При этом в новой среде стало заметно снижение стажа работы в органах внутренних дел, поскольку в конце 1938 — начале 1939 годов по путевкам ЦК ВКП(б) был произведен организованный «партийный набор» на руководящую работу в системе НКВД из представителей партийных, советских и народнохозяйственных организаций. Общее число руководящих работников (к которым относились нарком и его заместители, начальники управлений и отделов центрального аппарата, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники управлений НКВД краев и областей, входивших в состав РСФСР, Украинской, Белорусской и Казахской ССР) постепенно росло как в результате образования новых административно-территориальных единиц, так и за счет создания ранее отсутствовавших управлений и отделов в структуре центрального аппарата наркомата. Значительно изменился национальный состав руководящих кадров. Если до начала репрессий русские составляли лишь треть, а евреи почти половину от общего числа начальников, то по состоянию на 1939 год число представителей титульной нации (русских) увеличилось до двух третей и продолжало расти, а количество евреев сократилось до четырех процентов и имело тенденцию к дальнейшему уменьшению. Кроме того, из состава органов убрали представителей так называемых «иностранных национальностей» — поляков, латышей, немцев. Если до 1938 года среди руководящих работников был очень высок процент людей с начальным образованием (с помощью полуграмотных исполнителей Сталин как раз и осуществил массовый террор), то теперь образовательный уровень начальствующего корпуса несколько повысился, хотя доля руководителей с высшим образованием была не слишком велика, всего 38 %. Наряду с этим пятая часть работников все равно оставалась с начальным образованием (то есть умели читать и писать). В этом ведомстве опыт работы, верность и преданность ценились больше, чем интеллектуальный уровень.

Вопреки бытующему мнению о том, что именно в период массовых репрессий Сталин истребил всех старых чекистов, статистические данные говорят о том, что в 1937–1938 годах в руководящем звене НКВД основной костяк (более 70 %) составляли «истинные чекисты» (дзержинцы), поступившие на службу с начала создания органов госбезопасности и до середины двадцатых годов. Их руками как раз и проводились репрессии. Вместе с тем Сталина беспокоила высокая «засоренность» старых чекистских кадров выходцами из «чуждых» классов (помещиков, торговцев, предпринимателей, служителей культа), участниками

небольшевистских партий и движений (эсерами, меньшевиками, анархистами, бундовцами) и представителями «нетитульных» национальностей. В связи с этим под маркой борьбы с заговором правотроцкистского блока в период ежовского правления была проведена «чистка» главным образом сторонников Ягоды. Оставшиеся «неблагонадежные» руководители были уволены либо арестованы с началом бериевского правления, в конце 1938 и начале 1939 годов [7].

После практического завершения работы по привлечению к уголовной ответственности, наказанию в партийно-административном порядке и увольнению ряда печально прославившихся руководителей правоохранительных органов решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1939 года Круглову С.Н. было поручено возглавить работу с кадрами в Наркомате внутренних дел. В соответствии с принятым на следующий день постановлением СНК СССР и объявлявшим это решение приказом № 373 от 28 февраля 1939 года майор гб Круглов С.Н. получил назначение на должность заместителя наркома внутренних дел СССР по кадрам и начальника Отдела кадров НКВД СССР. Ведавший до этого кадрами полковник Давыдов Н.К. был поставлен начальником Центральной школы НКВД СССР.

Теперь расстановка руководства НКВД СССР выглядела следующим образом. Наркомом внутренних дел являлся комиссар гб I ранга Берия Л.П. Обязанности его первого заместителя и начальника Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) исполнял комиссар гб III ранга Меркулов В.Н. Заместителем наркома по войскам был комбриг Масленников И.И. Должности заместителя наркома и начальника Главного управления лагерей (ГУЛАГ) совмещал комдив Чернышов В.В. Заместителем наркома по кадрам, как уже отмечалось, стал майор гб Круглов С.Н. [10].

По своему составу Наркомат внутренних дел того времени имел следующую структуру. В него входили одиннадцать главных управлений: Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), Глазное экономическое управление (ГЭУ), Главное транспортное управление (ГТУ), Главное управление пограничных и внутренних войск (ГУПВВ), Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), Главное управление лагерей (ГУЛАГ), Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСД ОР), Главное управление пожарной охраны (ГУПО), Главное тюремное управление (ГТУ), Главное архивное управление (ГАУ) и Главное управление строительства на Дальнем Севере (ГУСДС) или Дальстрой. Далее структура наркомата включала

Административно-хозяйственное управление (АХУ) и отделы: 1-й спецотдел (учетно-регистрационный), 2-й спецотдел (опертехники), 3-й спецотдел (обыски, аресты, наружное наблюдение), Центральный отдел актов гражданского состояния (ЦОАГС), Центральный финансово-плановый отдел (ЦФПО), Отдел кадров (ОК), Переселенческий отдел, а также особоуполномоченный НКВД СССР со своим аппаратом, Особое конструкторское бюро (ОКБ), Бюро по приему и рассмотрению жалоб, Инспекция по котлонадзору, Секретариат НКВД СССР. К системе НКВД относились также Центральный совет спортивного общества «Динамо» и Центральный клуб сотрудников НКВД СССР [10].

Эта структура, которая должна была постоянно укомплектовываться квалифицированными и преданными делу партии кадрами, не оставалась неизменной, а периодически видоизменялась в соответствии с указаниями Сталина И.В. Так, только в 1939 году в ее составе произошел ряд существенных преобразований. В преддверии приближавшейся войны наиболее значительные изменения коснулись Главного управления пограничных и внутренних войск, которое было разделено на шесть главных управлений: Главное управление погранвойск (ГУПВ), Главное управление войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений, Главное управление войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности, Главное управление конвойных войск НКВД СССР, Главное управление военного снабжения (ГУВС) и Главное военно-строительное управление войск (ГВСУ) НКВД СССР Затем были сформированы Мобилизационный отдел, Отдел железнодорожных и водных перевозок, Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, а также произведен еще ряд более мелких преобразований. В результате по состоянию на 1 января 1940 года в центральном аппарате НКВД СССР по штату числились 32 642 человека [10].

Интересно, что, хотя о войне в то время ходили еще только неясные слухи, приказом НКВД СССР от 19 сентября 1939 года Управлению по военнопленным и интернированным (работу которого вскоре будет курировать Круглов С.Н.) предписывалось загодя создать восемь лагерей, среди которых Осташковский разместили на одном из островов озера Селигер, Юхновский организовали на станции Барыбино, Путивльский определили в Софроньевском монастыре и т. д. Начальная емкость каждого лагеря планировалась порядка 5–7 тысяч человек с последующим расширением до 10 тысяч человек.

Помимо центрального аппарата Отдел кадров НКВД СССР во

главе со своим начальником Кругловым С.Н. занимался подбором и расстановкой, перемещением и увольнением руководящих работников в наркоматах внутренних дел 15 союзных республик, 20 автономных республик, в управлениях внутренних дел 6 краев и более ста областей страны, в высшей и межкраевых школах НКВД, в дорожно-транспортных отделах НКВД железных дорог, в особых отделах НКВД округов, армий, флотов, управлений лагерей заключенных и в ряде других подразделений. Все высшие должности основных руководителей центрального аппарата и местных органов НКВД входили в так называемую номенклатуру народного комиссара внутренних дел СССР. Работники, занимавшие должности начсостава в оперативно-чекистских управлениях и отделах НКВД, утверждались на местах.

При существовавшем тогда порядке нарком внутренних дел СССР не имел права своей властью принять, назначить, переместить или уволить подчиненного ему руководителя, поскольку эти должности относилась также к номенклатуре Центрального Комитета партии и могли замещаться только с ведома этого партийного властелина. Исходя из тезиса «кадры решают всё», партийные вожди Страны Советов жестко сохраняли за собой право расстановки и контроля деятельности руководителей, находившихся на ключевых постах. Считалось, что даже вопреки экономическим и общественным законам, природным условиям и другим неблагоприятным обстоятельствам правильная расстановка кадров позволяла преданным коммунистам-руководителям, вооруженным самой передовой марксистско-ленинской теорией, успешно, по-большевистски, твердо и уверенно решать самые сложные задачи социалистического строительства. Таким образом, для назначения руководящего работника на номенклатурную должность, например, в центральный аппарат, нарком внутренних дел должен был сначала направить в ЦК ВКП(б) подготовленное Отделом кадров секретное письмо с просьбой о разрешении на такое действие и обоснованием его целесообразности. Только после получения санкции от партийного органа принималось соответствующее постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР, и только тогда Нарком подписывал приказ о назначении. (Что мы и видели выше на примере назначения Круглова С.Н. на должность заместителя наркома внутренних дел по кадрам.) Информация о назначении первых (официальных) лиц, например, наркомов, публиковалась в печати.

Аналогично вопрос с назначениями-перемещениями на региональные номенклатурные должности решался и в

республиках, краях и областях, где требовалась санкция своего местного высшего партийного органа (ЦК республики, крайкома или обкома). После произведенного назначения следовало уведомить об этом Отдел кадров НКВД СССР.

Таким образом, переписка по кадровым-вопросам была весьма обширна и требовала тщательного соблюдения партийно-административного бюрократического порядка. Работникам отдела кадров во все времена важно было угадать мнение партийного и наркоматовского руководства, его симпатии и антипатии к претендентам на выдвижение и даже к бывшим работникам органов внутренних дел, о чем мы наглядно убедимся при дальнейшем нашем повествовании. Интересно, что в том случае, когда назначенный («выдвинутый») на руководящую должность работник успешно справлялся с порученным ему делом, заслуга в том присваивалась партии, которая правильно и умело расставляла кадры. Если руководитель с поставленными перед ним задачами не справлялся либо допускал уголовные или аморальные проступки, то всегда в этом виноватыми оказывались его непосредственные начальники и плохо работавший отдел кадров, а партия, ранее санкционировавшая назначение провинившегося, была вроде бы совсем и ни при чем.

Согласно инструкции НКВД, принимать на работу в систему органов внутренних дел допускалось лишь «вполне грамотных только членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ». При этом направляться «абитуриенты» должны были через соответствующие партийные органы. Кандидат в чекисты представлял написанную от руки (образец почерка) автобиографию, заполнял анкету специального назначения и листок по учету кадров. Партийную и деловую характеристики с прежнего места работы органы НКВД запрашивали сами. Без полной спец- проверки анкетных и биографических данных зачислять «новичка» на должность и допускать к работе категорически запрещалось. Принимать работников на временную (даже техническую) работу для подмены ушедших в отпуск или заболевших не допускалось. Тем, кто зачислялся в кадры, присваивалось специальное звание, соответствовавшее его должности. Например, как мы видели выше, Круглов С.Н. сразу стал майором госбезопасности. Увольнение из кадров могло происходить «в запас» (если по возрасту работник мог еще быть использован на работе в военное время), «вовсе со службы» (при невозможности дальнейшего использования работника по компрометирующим материалам, приговору суда или Особого совещания, а также в связи с арестом и нахождением под следствием) и «в отставку» (по возрасту или состоянию здоровья).

А в общем, как любили шутить весельчаки, приписывая это высказывание товарищу Сталину, у работников органов госбезопасности имелось только два пути: либо на выдвижение, либо в могилу.

Для более наглядного отображения картины о заполнении штатных единиц приказом наркома внутренних дел от 2 сентября 1939 года Отделу кадров было предписано создать картотеку по учету всего личного состава как организаций, так и войск НКВД, включая даже срочнослужащих рядового состава.

В целях получения информации о состоянии дисциплины в органах внутренних дел заместитель наркома по кадрам Круглов С.Н. направил во все подразделения и внутренние войска циркуляр НКВД СССР, в соответствии с которым полагалось к 5-му числу каждого месяца представлять сведения о преступлениях, проступках и нарушениях дисциплины, допущенных личным составом. О каждом чрезвычайном происшествии следовало немедленно докладывать специальным внеочередным донесением. Кроме того, за каждый месяц всем руководителям необходимо было иметь данные о самовольных отлучках, прогулах, опозданиях, самовольном оставлении службы подчиненными.

Помимо основной служебной работы по подбору и укреплению кадрового состава Наркомата внутренних дел Круглов С.Н., как всегда, принимал активное участие в жизни своей партийной организации, выполнял отдельные поручения Московского комитета партии и Центрального Комитета ВКП(б). С учетом накопленного большого опыта руководящей партийной работы в марте 1939 года на XVIII съезде партии коммунист Круглов С.Н. был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В соответствии со статусом заместителя наркома внутренних дел и партийного руководителя Круглову С.Н. была предоставлена находившаяся в ведении НКВД жилплощадь в ныне печально знаменитом «Доме на набережной», или, как его тогда называли, Доме правительства. Это была просторная трехкомнатная квартира, выходившая окнами на Москву-реку.

5. В интересах страны

В соответствии с утвержденным в марте 1939 года XVIII съездом партии пятилетним планом развития народного хозяйства, выполнение которого началось в 1938 году, предусматривались развитие индустриальной мощи страны, укрепление колхозного строя, повышение материального и культурного уровня народа, усиление обороноспособности Советского Союза. Значительно увеличивался размер капитальных вложений. В качестве важнейшей задачи третьей пятилетки ставилось развитие оборонной промышленности, создание значительных государственных резервов по топливу, электроэнергии и другим отраслям производства. Намечалось строительство крупнейших предприятий в восточных районах страны — на Урале, в Поволжье, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Предусматривались расширение угольно-металлургической базы, создание нефтяного района между Волгой и Уралом, освоение новой зерновой базы в восточных и юго-восточных регионах страны, использование богатств в труднодоступных районах с суровым климатом [32].

В официальных советских средствах массовой информации постоянно говорилось о том, что все трудовые достижения в нашей стране принадлежали работавшим в тесном союзе рабочим и крестьянам при участии интеллигенции. Вместе с тем всегда замалчивался вклад, который был внесен в дело подневольными тружениками Страны Советов — заключенными, содержавшимися в лагерях НКВД. Дело в том, что многие районы, имеющие полезные ископаемые, расположены на территории нашей огромной по своим пространствам страны в таких местах, куда нелегко добраться, а жить там, в климатических условиях, при которых, как говорят шутники, в году бывает двенадцать месяцев зима, остальное — лето, чрезвычайно трудно. Известно, например, что мантия Земли имеет два разлома, выходящих на поверхность. В этих местах несметные богатства, представляющие собой чуть ли не все элементы таблицы Менделеева, буквально валяются под ногами. Место одного разлома приходится на Южную Африку, а второго — на район Норильска. Но если африканский Клондайк находится в жарком, но приемлемом для жизни регионе, то наша природная кладовая расположена за Полярным кругом, в условиях вечной мерзлоты. То же самое можно сказать о золоте Колымы, алмазах Якутии, нефти Сибири, угле Воркуты, апатитах Кольского полуострова и многих других величайших месторождениях.

Как-то в молодости я встал перед висевшей на стене картой Союза Советских Социалистических Республик и впервые задумался: как же нам могла достаться такая огромная территория суши, шестая часть мира? Но когда сам побывал на Урале и Байкале, в Красноярске и Норильске, во Владивостоке и на Сахалине, то понял, что жить и плодотворно работать в этих суровых краях могут только русские люди, обладающие огромной жизненной энергией, стремлением к подвижничеству, творческой смекалкой, бытовой неприхотливостью и крепким здоровьем. Вместе с тем, предпринятые советским руководством в начале тридцатых годов прошлого столетия попытки освоить необжитые края при помощи вольнонаемной рабочей силы не увенчались успехом. Первопроходцев, желавших добровольно, за весьма скромную зарплату (платить деньги простым труженикам у нас не любили тогда, не любят и сейчас) сражаться с дикой природой, нашлось немного. Это не позволяло быстро решить великие задачи социалистического строительства, реализации грандиозных планов промышленной индустриализации страны в кратчайшие сроки. Тогда-то и пришла мысль использовать для работы в отдаленных местностях труд заключенных. В мировой истории ничего нового в этом не было. Рабы, являвшиеся в основном захваченными во время разбойничьих набегов военнопленными и депортированным населением, возводили в пустыне пирамиды, строили дворцы, прокладывали дороги, обрабатывали поля. Никто сейчас не видит в этом ничего особенного и не осуждает: тогда существовал рабовладельческий строй и использование принудительного труда являлось его основой. Да и в более поздние времена, например, при освоении Америки, рабов захватывали, привозили на открытый Колумбом континент и силой заставляли трудиться на плантациях. В России еще при Петре I среди разновидностей принудительного труда было введено осуждение к каторжным работам. Александр III распространил обязанность трудиться в общественных интересах на всех арестантов. Советская власть также не отказалась от применения подневольного труда заключенных. Как показала история, иной возможности для форсированного, «догоняющего» капиталистические страны пути экономического развития у нашей родины в ту пору, наверное, просто не было.

В чем же состояла особенность советского периода? После Октябрьской революции был во всеуслышание провозглашен свободный труд как обязанность каждого гражданина общества. Но с некоторых пор к нему добавился принудительный труд заключенных, которые представляли собой «чуждые» элементы, политических противников, нарушителей хозяйственного

законодательства и уголовников. Но все это были граждане нашей страны. Россия всегда решала свои проблемы за счет собственных людских ресурсов. Исключением здесь являлись лишь временно находившиеся у нас военнопленные. Так вот, признать тот факт, что, кроме свободного труда, мы в стране строившегося социализма вынуждены применять принудительный труд, было и стыдно и страшно. Правда, в документах, регламентировавших деятельность лагерей, прямо говорилось, что их задачей помимо изоляции являлось «приучение праздного и паразитического элемента к труду» [37].

Как это ни покажется странным, но, на мой взгляд, прекрасно понимая сложившуюся обстановку, Сталин И.В. планировал когда-нибудь в будущем воздать должное безвестным труженикам-заключенным. Ведь недаром следственные дела на арестованных во время репрессий подшивались в папки, на которых типографским шрифтом в правом углу было набрано: «Хранить постоянно». А для несообразительных на этой же обложке дополнительно ставился еще чернильный штамп: «Хранить вечно». По моим представлениям, Сталин И.В. не являлся кровожадным тираном, жаждавшим обязательной гибели своих жертв. Вождь народов был, как мне кажется, беспощадным полководцем, который повел доверившиеся ему народы в лобовую атаку на крепость мирового империализма.

Приоритет использования труда заключенных для решения народнохозяйственных задач принадлежит, по-видимому, Берзину Э.П., латышскому стрелку, чекисту, фактическому создателю ГУЛАГа. Началось это так. После революции в двадцатые годы в стране имелась острая нехватка бумаги. Газеты выходили на таких ветхих листках, что со временем они просто рассыпались. Попытки приобрести бумагу за границей, особенно высокого качества, наталкивались на организованное сопротивление «буржуазных» поставщиков. Стране, боровшейся с неграмотностью, нужны были книги и тетради. Кроме того, для нужд картографии требовались специальные первоклассные листы. Для решения этой неотложной проблемы советским правительством было решено построить крупный бумажный комбинат, для которого выбрали место на Северном Урале, у подножия Полюдова кряжа на берегу реки Вишеры. В плане организации производства это место было удобно тем, что вокруг росли бесконечные еловые и пихтовые леса, наиболее пригодные для изготовления хорошей бумаги. Быстрая река легко обеспечивала производственные нужды необходимым количеством чистой воды. При этом судоходная Вишера, являющаяся притоком Камы, впадающей в Волгу, давала

возможность дешевым водным путем транспортировать готовую продукцию и завозить требуемые для изготовления бумаги хлорную известь, серу, каолин и другие материалы.

Вопрос состоял в другом: как в этот безлюдный край с лютой зимой и прохладным летом завезти большое количество рабочей силы для строительства, а потом и для обслуживания комбината? Попытки добровольно набрать сюда вольнонаемных рабочих не давали удовлетворительного результата. Тогда отчаявшийся Берзин Э.П., которому было поручено возведение этого объекта, обратился к руководству страны за разрешением использовать на строительстве комбината заключенных из Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), представлявших собой лишенные свободы «классово чуждые элементы». (Считается, что предложение о трудовом использовании заключенных первым сделал Френкель Н.А. Но в эти годы он сам сидел в Соловецком лагере, где лишь стал сотрудничать с администрацией, выдвинув свою идею повышения эффективности труда заключенных за счет регулирования их питания путем введения «хлебной шкалы и шкалы приварка».) Такое разрешение было получено, и в порядке эксперимента в организованный на берегу Вишеры лагерь, представлявший собой обтянутую колючей проволокой зону с бараками, в 1927 году были конвоированы около трех с половиной тысяч заключенных. На следующий год их количество увеличилось до пяти тысяч человек. Работы по строительству комбината пошли полным ходом. В период разгара его строительства на всех объектах стали работать сорок тысяч подневольных тружеников. В качестве лишь одного примера трудового подвига заключенных можно отметить, что на болотистую местность под здание комбината была вручную насыпана песчаная подушка толщиной от шести до восьми метров [33].

30 октября 1931 года Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат был введен в строй и в честь председателя ОГПУ назван «имени В.Р. Менжинского». Комбинат стал выпускать писчую, типографскую и картографическую бумагу, а также давать пиломатериалы. Рядом вырос город Красновишерск [34].

Полученный опыт использования рабочих рук заключенных открывал большие перспективы: вместо того чтобы «врагов народа» и других нарушителей советского законодательства просто содержать за решеткой без дела, предоставлялась возможность «перековать» их путем добросовестного труда на благо Родины. 27 июня 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», которым предписывалось в дополнение к

единственному тогда Соловецкому лагерю создать сеть новых лагерей в отдаленных районах страны с целью их колонизации и разработки «природных богатств путем применения труда лишенных свободы». В плане реализации этого постановления по решению Совнаркома все концентрационные лагеря были переименованы в «исправительно-трудовые». Находившиеся в ведении Наркомата юстиции места лишения свободы стали передаваться в Наркомат внутренних дел, а с 1934 года полностью сосредоточились в НКВД.

Еще до завершения строительства Вишерского комбината стало ясно, что эксперимент с использованием заключенных вполне удался. В связи с этим постановлением Совнаркома СССР от 11 июля 1929 года отныне именно на ОГПУ возлагалась задача «развития наименее доступных, наиболее трудно осваяемых и вместе с тем обладающих огромными естественными богатствами окраин нашего Союза, путем использования труда изолируемых социально-опасных элементов, колонизации ими малонаселенных мест». В принципе, эта идея, ставшая основной экономической доктриной ГУЛАГа, принадлежала Дзержинскому Ф.Э., который еще в 1924 году писал, что «преступниками должны заселяться пустынные, бездорожные местности» [37].

В развитие этого постановления нарком внутренних дел 25 апреля 1930 года издал приказ, говоривший о том, что «одним из важнейших условий успешного выполнения этой правительственной задачи по организации новых лагерей в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии является комплектование руководящего состава лагерей из чекистских кадров». Надежда возлагалась на то, что «чекисты не раз показывали себя энтузиастами всякого нового дела». Им поручалось создать исправительно-трудовые лагеря наподобие Соловецкого, которые «должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин». Для этой «ответственной, руководящей работы», «в условиях специфической обстановки» необходимы были «твердые чекисты» с крепким здоровьем, добровольно пожелавшие поехать и жить в отдаленных районах. Для «добровольцев из чекистских кадров», запись которых была немедленно организована, срок службы в лагерях устанавливался трехгодичный и, «учитывая особые и трудные условия работы», предоставлялись льготы: к получаемой зарплате «в зависимости от местоположения» предусматривались надбавка до 50 % и отпуск раз в год сроком на два месяца «с выдачей пособия в размере месячного оклада».

Кроме того, администрации предписывалось «установить ежемесячную посылку добровольцам книжных пайков бесплатно

за счет ОГПУ и обеспечить их максимальными льготами по приобретению предметов культурной необходимости, радиоаппаратуры, спортивных принадлежностей и проч.». Отметим, что столь «привлекательные условия» не вызвали массового потока добровольцев, в связи с чем комплектация администрации лагерей происходила в основном за счет провинившихся и даже осужденных работников ОГПУ — НКВД — МВД [37].

Тем не менее создание «архипелага ГУЛАГ» пошло полным ходом. Кратко опишем историю некоторых довоенных «великих сталинских строек», выполнявшихся силами Наркомата внутренних дел, чтобы у читателя сложилось впечатление о том, как помимо основных функций по охране правопорядка, в этом ведомстве возникло огромное производственное «хозяйство», которым после Великой Отечественной войны суждено было в качестве министра внутренних дел руководить Сергею Никифоровичу Круглову.

Следующим удачным опытом для лагерной системы стало строительство Беломорско-Балтийского водного пути (ББВП), или Беломорканала, мысли о прокладке которого существовали еще при Петре I, но только в советское время смогли воплотиться в реальность.

К маю 1930 года в Совете Труда и Обороны СССР подготовили докладную записку «О сооружении Балтийско-Беломорского пути», в которой говорилось, что трасса канала будет проходить от Ленинградского порта по реке Неве, через Ладожское озеро, по реке Свирь, через Онежское озеро и Онежско-Беломорский канал к Белому морю в Сорокской губе. Общая длина трассы составляла 906 километров. Продолжительность навигации в соответствии с климатическими условиями планировалась от 150 до 170 дней в году. Канал предназначался для плавания судов морского, озерного и речного типов с максимальной осадкой в пять с половиной метров (18 футов). Военно-стратегическое значение ББВП состояло в решении вопросов обороны побережья «от финской границы до доступных для мореплавания берегов Сибири», наличии «свободного выхода в океан через Север», возможности «маневренных переброс в военное время кораблей или целых соединений с одного морского или речного театра на другой». В транспортном и народнохозяйственном плане канал позволял обеспечить «связь Ленинграда с Архангельском и всеми портами Белого моря и Мурманским побережьем, а через Северные морские пути с Сибирью». За счет получения «мощных источников дешевой водной энергии путем строительства при плотинах

гидростанций» открывалась возможность развития на этой базе «всех отраслей народного хозяйства Северного края» и использования «еще нетронутых сырьевых ресурсов, таких, как: лес, рыба, железо, медь, цинк, мрамор, полевой шпат, гранит и т. п.». Кроме того, сооружение канала способствовало «колонизации и пролетаризации края», что создавало «в пограничной полосе крепкие рабочие центры». Стоимость прокладки ББВП оценивалась в 350 млн рублей.

При обсуждении этой докладной записки 5 мая 1930 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) среди партийных руководителей не было единства по данной проблеме, но Сталин И.В. убедил в необходимости осуществления данного строительства «главным образом силами ОГПУ». В итоге приняли решение: «Признать целесообразным постройку Балтийского-Беломорского канала». Причем при проведении технических изысканий, определении сумм затрат и составлении плана строительства предписывалось «учесть возможность привлечения уголовного труда к этим работам».

Срок сооружения ББВП был установлен в 3 года с момента утверждения проекта, состоявшегося 15 мая 1931 года, но потом его сократили на год.

Начальником Беломорстроя был назначен начальник ГУЛАГа ОГПУ Коган Л.И., а заместителем — его помощник по главку Рапопорт Я.Д. Упоминавшийся нами Френкель Н.А. являлся в ту пору начальником работ и помощником главного инженера.

Рабочих для Беломорстроя поставлял Соловецкий лагерь ОГПУ. В 1930 году были выделены первые 600 заключенных для работы в изыскательских партиях. К середине 1931 года число подневольных тружеников возросло до десяти тысяч. По состоянию на 1 января 1932 года в Белбалтлаге насчитывалось уже 64 400 заключенных, весной того же года — 80 200, к лету их число возросло до 122 800, а на октябрь месяц достигло своего максимума в 125 000 человек. Затем количество заключенных стало уменьшаться как за счет переброски части рабочих на строительство канала Москва — Волга, так и за счет освобождения наиболее отличившихся.

Важную роль в повышении производительности труда заключенных, нацеленных на выполнение и перевыполнение норм выработки (на земляных работах, составлявших 2,5 куб. метров в день), играли моральные и особенно материальные стимулы. Передовым бригадам вручались Почетные знамена, объявлялись благодарности и вручались грамоты, имена наиболее отличившихся зэков помещались на Доску почета. Выполнявшие и перевыполнявшие нормы подневольные труженики получали

усиленный хлебный паек (до 1200 грамм), премиальное блюдо (премблюдо обычно представляло собой 75-граммовые пирожки с капустой или картофелем) или денежное вознаграждение. Но самым распространенным и желанным поощрением был, конечно, зачет рабочих дней. Перевыполнявшие нормы выработки могли рассчитывать на зачет трех дней работы за пять дней срока, а для ударников зачет составлял «день за два». В случае же нарушения дисциплины, отказа от работы или фальсификации производственных показателей («туфты») применялись наказания в виде урезания пайка, помещения в РУР (роту усиленного режима), отмены зачетов, а иногда и предания суду.

Благодаря «трудовому энтузиазму» каналармейцев, грамотной работе инженерно-технического состава и неослабному вниманию со стороны высшего руководства страны к началу 1933 года большинство сооружений ББВП было закончено и с весной началось заполнение трассы канала водой. 28 мая 1933 года по водному пути двинулся первый караван Судов во главе с пароходом «Чекист». Чуть раньше из Ленинграда вышли эскадренные миноносцы «Урицкий» и «Валериан Куйбышев», сторожевые корабли «Смерч» и «Ураган», подводные лодки Д-1, Д-2 и Д-3. Успешно добравшись до Сорокской губы на Белом море, эскадра приняла на борт руководителей Советского государства.

2 августа 1933 года Молотов В.М. подписал постановление СНК СССР «Об открытии Беломоро-Балтийского канала имени товарища Сталина», построенного в рекордный срок — всего за 20 месяцев. Длина канала от Онежского озера до Белого моря составила 227 километров. На трассе было сооружено 128 сложных гидротехнических сооружений, среди которых: шлюзов —19, плотин —15, водоспусков —12, дамб — 49, искусственных каналов — 33. В постановлении отмечалось, что в процессе строительства «на основе правильного проведения исправительно-трудовой политики Советской власти, Главное управление исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ провело большую политико-воспитательную работу среди заключенных, получивших трудовые навыки и квалификацию и в целом ряде случаев хорошо проявивших себя в работе на строительстве».

Наиболее отличившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя наградили орденами. В числе удостоенных ордена Ленина были заместитель председателя ОГПУ Ягода Г.Г., начальник Беломорстроя Коган Л.И., начальник ГУЛАГа ОГПУ Берман М.Д., заместитель Начальника Беломорстроя (он же заместитель начальника ГУЛАГа) Рапопорт Я.Д., заместитель главного инженера Беломорстроя Жук С.Я.,

помощник начальника Беломорстроя и начальник работ Френкель Н. А. и другие.

Из «участников строительства» полностью были освобождены из- под стражи 12 484 человека «как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства», сокращены сроки отбывания наказания для 59 516 заключенных, снята судимость и восстановлены в гражданских правах 500 человек [34].

Если Беломорско-Балтийский канал явился одной из крупнейших строек первой пятилетки, то следующая пятилетка прославилась прокладкой канала Москва — Волга. Решение о строительстве этого канала было принято на июньском 1931 года пленуме ЦК ВКП(б). Дело в том, что разраставшаяся в размерах столица страдала от нехватки воды. Предлагалось соединить Москву-реку с верховьем Волги так, чтобы не только устранить проблему обеспечения города водой, но и поднять уровень акватории с тем, чтобы в Москву могли заходить большие пароходы. Строительство канала длиной 127 километров было отнесено к особому списку крупных индустриальных строек с выделением стройматериалов целевыми фондами.

В руководстве Москва — Волгостроя (МВС) замелькали фамилии, знакомые по Беломорстрою: начальник строительства Коган Л.И., заместитель начальника Рапопорт Я.Д., заместитель, затем главный инженер Жук С.Я. и другие.

Для обеспечения рабочей силой Наркомат труда СССР начал вести вербовку вольнонаемной рабочей силы, а в сентябре 1932 года в районе города Дмитрова Московской области был организован Дмитровский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) ОГПУ. С учетом близости к столице в ИТЛ устанавливался усиленный режим охраны, исключавший возможность побега заключенных. В Дмитрлаг запрещалось направлять осужденных по политическим статьям, за бандитизм, иностранных подданных и уроженцев Москвы и Подмосковья. Со следующего месяца стали поступать заключенные. По состоянию на 1 января 1933 года их числилось 10 400, весной стало 39 328, летом — 53 116, осенью — 86 914, а через год — 88 534.

На проходившем с 26 января по 10 февраля 1934 года XVII съезде ВКП(б) первый секретарь Московского горкома партии Хрущев Н.С. сказал, что в Москве и области сейчас ведутся две стройки союзного значения — метрополитен и канал Москва — Волга. Кстати, на строительстве метро заключенные не использовались.

4 июня 1934 года трассу канала посетили Сталин, Каганович, Ворошилов, Куйбышев, Жданов, Ягода, а затем и другие

руководители партии и правительства, представители культуры. Пожалуй, на этой стройке, находившейся вблизи столицы, наиболее интенсивно проводилась «работа по трудовому перевоспитанию заключенных». Так, в июне 1934 года проходил Вселагерный слет ударников-тридцатипятников (осужденных за воровство по статье 35 Уголовного кодекса РСФСР), приветствие которому прислал Максим Горький. 15 сентября того же года состоялся слет лагерных корреспондентов и писателей, на котором выступил писатель Всеволод Иванов. Силами заключенных выпускались газеты «Перековка», «Каналармейка», «Долой неграмотность» и другие, журналы «На штурм трассы», «Москва — Волгострой» и даже книжная серия «Библиотечка Перековки». Например, тираж самой популярной газеты «Перековка» достиг 30 000 экземпляров, объединив вокруг себя 5000 лагерных корреспондентов. В Дмитровском лагере было организовано спортивное общество «Динамо», создан Музей строительства, использовавший в том числе экспонаты с Беломорско-Балтийского водного пути. «В целях художественного отображения строительства канала в живописи, графике, рисунке и скульптуре» к 19-й годовщине Октябрьской революции была организована Вселагерная художественная выставка каналармейского искусства. Состоялся конкурс каналармейской музыки, в жюри которого входили известные советские композиторы Белый В.А., Дзержинский И.И., Кабалевский Д.Б., Старокадомский М.Л., Чемберджи М.К. и Шехтер Б.С.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 29 апреля 1935 года «все хорошо работающие заключенные должны быть окружены особым вниманием и в первую очередь обеспечиваться хорошим снабжением, удобным жильем и улучшенным питанием, а все лодыри, отказчики и вредители стройки должны беспощадно караться, а наиболее злостные из них привлекаться к уголовной ответственности как за сознательный саботаж и срыв строительства канала».

В разгар строительства в работах участвовали почти 200 тысяч заключенных. Приказом по МВС и Дмитлагу от 25 октября 1936 года было увеличено до 15 в месяц число «мясных дней» с увеличением нормы отпуска мяса на 40 %. В остальные, «рыбные дни» норма увеличивалась на 20 %. По общелагерному котлу на одного заключенного в день полагалось хлеба ржаного — 400 грамм, крупы разной — 100 грамм, мяса — 140 грамм, рыбы — 240 грамм, картофеля и овощей 700 грамм.

С марта 1937 года, после ареста одного из главных строителей канала Москва — Волга Ягоды Г.Г., на чекистские кадры Дмитрлага обрушилась волна репрессий. Это оказалось

связано с тем, что решено было убрать людей начальника Дмитрлага Фирина-Пупко С.Г., слишком развившего демократические принципы. Арестованных обвинили в заговорщической деятельности, направленной на совершение терактов с использованием заключенных подмосковных лагерей при посещении канала членами правительства. По приказу нового наркома внутренних дел Ежова Н.И. строительные работы следовало срочно завершать, а лагеря с заключенными сворачивать, перебрасывая рабочую силу в другие места.

4 июля 1937 года Сталин И.В. и Молотов В.М. подписали совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об окончании строительства канала Москва-Волга» и открытии по нему пассажирского и грузового движения. «За выдающиеся успехи в деле строительства канала» 404 представителя руководящего состава наградили орденами, а главного инженера Жука С.Я. «за исключительные заслуги», кроме того, премировали автомашиной «ЗИС». Заударную работу досрочно освободили 55 000 заключенных, приняв меры «к скорейшему устройству их на работу» [34].

Со значительно большими трудностями происходило освоение окраин страны. После завершения своей первой стройки Берзин Э.П. по предписанию, подписанному лично Сталиным, поехал на Колыму обеспечивать там добычу золота. В этом суровом краю, где средняя летняя температура не превышает 8—10 градусов тепла, а зимой обычные для здешних мест морозы держатся на отметке минус 40 градусов, золото уже пытались взять и русские промышленники, и американские бизнесмены, но ничего серьезного у них не получилось. Только Сталин сумел создать такую систему, при которой из природной кладовой удалось извлечь в общей сложности сотни тонн драгоценного металла, пошедших на развитие народного хозяйства страны.

По переписи 1926 года, население Колымского края составляли лишь 28 520 человек «малых народов Севера» (чукчей, эскимосов, якутов, коряков, тунгусов и других, причем половина из них вела кочевой образ жизни) да две с половиной тысячи «пришлых». Попытки привлечь к разработке месторождений старательские артели срывались из-за невозможности организовать их снабжение. В 1929 году на Колымских приисках добыли лишь 189 килограмм золота, на следующий год — 274,5 килограмма, но в последующем выработка снизилась до 153 килограммов. И это в то время, когда страна крайне нуждалась в валюте, а на помощь из-за рубежа рассчитывать не приходилось.

Первый раз вопрос о золотодобыче на Колыме обсуждался на

заседании Политбюро 20 августа 1931 года. Эта проблема сразу стала приоритетной, тем более что этот край оказался богатым не только золотом, но и оловом вместе с другими редкими полезными ископаемыми. Для всемерного форсирования разведки и использования всех возможностей «для немедленной и максимальной добычи золота», а также одновременной подготовки базы «для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов» из Резервного фонда СНК СССР выделили 20 миллионов рублей.

Осенью 1931 года ледорез «Литке», пароходы «Сучан» и «Сясьстрой» доставили в бухту Нагаево первую партию работников специального треста «Дальстрой», подчинявшегося непосредственно ЦК ВКП(б). Однако действительность оказалась гораздо сложней, поскольку из-за непроходимости этих мест два года пришлось потратить на строительство дорог от морского порта до приисков и на возведение жилья. Только в 1934 году начался массовый завоз заключенных в организованный здесь Севвостлаг (Северо-Восточный лагерь ОГПУ — НКВД). Добыча золота сразу же возросла во много раз, составив к концу этого года пять с половиной тонн.

Конечно, условия жизни и работы для заключенных в Колымском краю были чрезвычайно тяжелы, в связи с чем это место стали использовать для изоляции наиболее опасных преступников, осуждавшихся за бандитизм и разбой. Для обеспечения жизнедеятельности каждого заключенного необходимо было завезти морским путем за несколько тысяч километров от материковых портов не менее одной тонны грузов в год. При этом другие ведомства, поставлявшие товары для Дальстроя, всегда стремились ограничить их запросы так, что в конфликтные ситуации приходилось вмешиваться даже Политбюро и СНК.

Среднесписочная численность заключенных Севвостлага в 1935 году составляла порядка 44 тысяч человек, а в следующем году достигла 63 тысяч человек. К этому времени снабжение тружеников Колымы значительно улучшилось, поскольку возросли ресурсы страны, установились транспортные связи, а главное, появился весомый выход химически чистого золота от 14 с половиной тысяч килограмм до 33 360 килограмм.

В юбилейном приказе НКВД от 1 ноября 1936 года по случаю пятилетия со дня начала освоения Колымы отмечалось, что добыча рассыпного золота достигла таких размеров, что Дальстрой выдвинулся на первое место среди золотопромышленных районов Союза. Построен порт в бухте Нагаево, на реке Колыме создан крупный речной флот,

проложена автомобильная дорога в глубинные районы, возведены десятки поселков с электростанциями, промышленными и коммунальными предприятиями, больницами, организованы совхозы, поставляющие овощи, мясо и молочные продукты. Все дети коренного населения стали посещать школу.

Наращивание численности работавших в Дальстрое и получение средств механизации позволили добыть в 1937 году 51515 килограмм золота с себестоимостью одного грамма металла значительно ниже мировой. Вместе с тем проводившиеся в стране репрессии повлияли на жизнь Колымского края в том плане, что арест ряда руководителей Наркомата внутренних дел нарушил четкость работы и снабжения, а прибытие «с материка» значительного количества заключенных создало серьезные трудности в их размещении и обеспечении. В таких условиях смертность подневольных рабочих значительно возросла.

В 1938 году Дальстрой из центрального подчинения перешел непосредственно в ведение НКВД, став Главным управлением строительства Дальнего Севера (ГУСДС), основой которого являлся Севвосттрудлагерь НКВД. Начальником ГУСДС в 1939 году был назначен комиссар гб III ранга Никишов И.Ф. В предвоенные годы Дальстрой продолжал наращивать добычу золота, к которому прибавилось еще и получение олова. Пик добычи золота за всю историю Колымы пришелся на 1940 год и достиг 80 028 килограмм, что составило более половины от общесоюзного производства этого драгоценного металла [34].

При бескрайних просторах Страны Советов одной из серьезных проблем всегда были транспортные пути. Основной упор делался на железные дороги как более надежные и грузоподъемные. Так, в 1937 году 90 % грузооборота пришлось на железнодорожный транспорт, 8 % — на речной и только 2 % — на автомобильный. В царское время на территории России была построена определенная сеть железных дорог, которая связала даже европейский центральный регион с далеким Владивостоком. Однако осенью 1931 года японские войска оккупировали Маньчжурию и вышли к границам СССР. Под их полным контролем оказалась Китайская восточная железная дорога (КВЖД). Для связи с Дальним Востоком оставалась лишь одноколейная Амурская железная дорога с пропускной способностью не более 10–12 пар поездов в сутки. Но эта дорога проходила вдоль границы, приближаясь на отдельных участках к неприятельской территории на расстояние до 20 километров. В таких условиях обеспечение войск в случае военного конфликта становилось невозможным.

Для разрешения данного вопроса советское правительство постановило увеличить пропускную способность дальневосточных железных дорог путем параллельной прокладки вторых путей, а также построить новую железную дорогу от Забайкалья до Приморья на значительном расстоянии от границы. Этот дерзкий проект, получивший свое полное завершение лишь в начале XXI века, имел сначала название «Байкало-Амурская железная дорога», а потом стал именоваться «Байкало-Амурской магистралью», или знаменитым и в наше время БАМом.

13 апреля 1932 года Совет Народных Комиссаров СССР предложил Наркомату путей сообщения (НКПС) «немедленно приступить к подготовке и производству работ по постройке Байкало-Амурской железной дороги». НКПС должен был немедленно снарядить изыскательские партии и обеспечить переброску необходимых материалов, продовольствия, оборудования, специалистов и рабочей силы. Для вербовки рабочих Наркомат труда выделил несколько районов. Однако, несмотря на то что дальневосточные железные дороги были включены в список строек оборонного значения, дело не развивалось в нужном темпе. Тогда 25 октября 1932 года СНК СССР возложил прокладку Байкало-Амурской магистрали на ОГПУ, оставив за ним и прежние крупнейшие строительства, о которых говорилось выше: окончание работ на Беломор- строе, строительство канала Москва — Волга, добычу золота на Колыме, а также «работы по Ухте и Печоре» и «заготовку дров для Ленинграда и Москвы в существующих программах». Постановлением правительства было предписано для строительства БАМа использовать заключенных исправительно-трудовых лагерей ОГПУ.

Однако в связи с тем, что сооружение БАМа оказалось задачей чрезвычайно сложной, сначала все усилия были сосредоточены на прокладке вторых путей вдоль существовавшей железной дороги. Стройка растянулась почти на две тысячи километров. Вот здесь как раз и проявился организаторский талант ранее неоднократно судимого за превышение власти и вымогательство Френкеля Н.А., который в августе 1933 года стал начальником строительства, а затем и начальником Бамлага и Амурлага. Наряду с разумной организацией работ, правильным использованием техники Френкель Н.А. создал совхозы для обеспечения как вольнонаемных, так и заключенных строителей овощами, мясными и молочными продуктами, проявлял заботу об их бытовых условиях.

К концу лета 1937 года прокладка вторых железнодорожных путей, а также «глубоких обходов» была в основном завершена и

совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) вновь было решено продолжить строительство Байкало-Амурской магистрали от Тайшета до Советской Гавани протяжением пять тысяч километров. С сентября 1937 года в Бамлаге были сосредоточены 140 тысяч заключенных, а к апрелю 1938 года их число возросло до 269 тысяч человек. Такое большое количество рабочих оказалось трудно управляемым, поэтому на базе данного лагеря были организованы Амурский, Буреинский, Восточный, Западный, Юго-Восточный и Южный лагеря, руководство которыми стало осуществлять Управление железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД на Дальнем Востоке (УЖДС НКВД на ДВ) во главе с Френкелем Н.А.

Помимо строительства на Наркомвнудел СССР возлагалась задача заселения района Байкало-Амурской магистрали рабочими, колхозниками и единоличниками, «изъявившими желание переселиться на новые места жительства», бывшими заключенными, «освобожденными после срока отбытия наказания, и их семьями», досрочно освобожденными «по своей работе и поведению» из мест заключения и трудовых поселений вместе со всеми членами семьи. «Учитывая особо трудные условия», для строителей и поселенцев БАМа устанавливался ряд льгот: оклады в полуторном размере, подъемные в двойном размере, жилплощадь за счет строительства, бесплатные железнодорожные билеты и другое.

Постановлением СНК СССР от 3 июня 1938 года устанавливалась поэтапная очередность строительства БАМа со сроками сдачи в постоянную эксплуатацию отдельных участков, начиная с 1 ноября 1941 года и заканчивая 1 ноября 1945 года. Этим же постановлением на НКВД СССР было возложено составление проектных заданий, технических проектов и рабочих чертежей. За Наркоматом путей сообщения оставалось лишь составление основных технических условий по строительству БАМа, а все изыскательские и проектные конторы вместе с их работниками переходили в ведение Наркомата внутренних дел. Москва внимательно следила за ходом прокладки железнодорожных линий и постоянно корректировала ввод в строй отдельных участков.

В докладной записке от 4 июня 1940 года на имя наркома внутренних дел СССР Берия Л.П. начальник недавно созданного Главного управления железнодорожного строительства (ГУЖДС) НКВД СССР Френкель Н.А. подвел итог проделанной с 1933 года работе. За это время на Дальнем Востоке, говорилось в документе, осуществлено «огромное по значимости и колоссальное по объему, протяженности и многообразию

железнодорожное и оборонное строительство». Всего было проложено и находилось в постоянной и временной эксплуатации 5486 километров железнодорожного полотна, из них 4075 километров главного пути и 1411 станционных разъездов. При этом построенные вторые пути на дальневосточной трассе явились «мощной, первоклассной железнодорожной магистралью высокой пропускной способности, великолепно оснащенной и оборудованной на уровне требований современной железнодорожной техники». На БАМе проводились изыскания, проектирование и строительство новых линий, причем к данному времени уже было сооружено 488 километров главного пути и 38 километров станционных.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1940 года «за успешное выполнение заданий правительства по строительству вторых путей и новых железных дорог на Дальнем Востоке» орденами и медалями наградили 668 работников железнодорожного строительства, в числе которых Френкель Н.А. был удостоен ордена Ленина [34].

Помимо развития дальневосточных железнодорожных магистралей еще в 1938 году было принято правительственное решение о строительстве железной дороги на Северо-Востоке европейской части СССР, от Котласа до Воркуты. Однако сил на все не хватало, и потому только 10 мая 1940 года Сталин И.В. и Молотов В.М. подписали совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали протяженностью 1191 километр, которая должна была обеспечить быстрейшее развитие производительных сил в этом регионе за счет добычи высококачественных воркуто-печорских каменных углей. Затем эту трассу решили продлить еще на 367 километров с тем, чтобы с ее помощью соединить в итоге между собой Северную и Горьковскую железные дороги. Высокую честь «построить в кратчайший срок» новую железную дорогу по нехоженым болотам и вечной мерзлоте, в сложнейших географических и природных условиях возложили, конечно, на Наркомвнудел СССР. Временное движение поездов на всем протяжении магистрали следовало открыть в декабре 1941 года с тем, чтобы на следующий год вывезти не менее 2 миллионов тонн воркутинского угля.

В связи с окончанием и передачей в постоянную эксплуатацию ряда участков на дальневосточной железнодорожной магистрали, НКВД разрешили «снять всю рабочую силу из заключенных и перебросить целиком лагерные подразделения с Дальнего Востока на Северо-Печорскую магистраль». Кроме того, предписывалось направить туда же

заключенных из всех тюрем и колоний вне зависимости от срока их осуждения» а также забрать лагерников из других ведомств. С разных краев на новую стройку следовало перевезти 160 тысяч человек со всем инвентарем, причем 40 тысяч с Дальнего Востока. Потом к этому добавили еще 50 тысяч заключенных. Прокладка этой дороги велась в тяжелейшие годы войны, и многим подневольным строителям стоила их жизни [34].

Помимо железнодорожных магистралей Наркомат внутренних дел стал отвечать и за строительство шоссейных дорог. В 1928 году Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) и Совнарком СССР приняли постановление, предусматривавшее коренную перестройку в области дорожного строительства и автомобильного хозяйства. В Наркомате путей сообщения создали Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог (Цудортранс). Начали строить дороги разных видов: улучшенные грунтовые, гравийные, щебеночные и с асфальтобетонным покрытием. Появилась новая дорожно-строительная техника. Возросло участие местного населения в создании проезжих путей вблизи поселков, деревень, пашен и других местных объектов. Однако результаты работы оставались достаточно скромными, поскольку число дорог возрастало в основном за счет низших типов покрытий, для ремонта которых с учетом российских климатических условий стало требоваться больше сил и средств, чем для строительства новых. В связи с этим постановлением правительственных органов в 1935 году Цудортранс был передан в подчинение НКВД, где его преобразовали в Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР). Нарком внутренних дел в своем приказе от 10 января 1936 года так определил стратегию развития дорожной отрасли: «в целях максимального удешевления стоимости строительства и капитального ремонта дорог» обеспечение рабочей силой возложить на Главное управление лагерей НКВД. Административно-чекистский аппарат формировать на местах. Кроме подневольных рабочих, разрешалось привлекать сельское население «на условиях непосредственного бесплатного личного труда». Другой приказ, от 3 марта 1936 года, гласил: «Решение правительства о передаче дорожного хозяйства Союза Наркомату внутренних дел обязывает нас в самый кратчайший срок и с минимальными затратами привести дорожное хозяйство в соответствие с требованиями, предъявляемыми к нему нашей социалистической промышленностью, сельским хозяйством и интересами обороны. Мы научились неплохо строить железные дороги, гидротехнические сооружения, а теперь должны овладеть строительством и ремонтом автогужевых дорог. Мы обязаны

строить быстро, прочно, красиво и дешево. Построенное нами земляное полотно, мосты и прочие сооружения должны служить сотни лет».

Планы правительства действительно были грандиозные. Наркомату внутренних дел предлагалось за несколько месяцев закончить изыскания, составить проекты и сметы на строительство «по автомагистралям и оборонным дорогам» Москва — Харьков, Харьков — Ростов, Москва — Ярославль, Ростов — Орджоникидзе, Москва — Горький — Казань — Свердловск, Москва — Ленинград, Ленинград — Киев (реконструкция) и другим направлениям. Затем на НКВД возложили строительство еще двух автомагистралей, «имеющих огромное народнохозяйственное и оборонное значение»: Москва — Киев и Москва — Минск. Для производства работ вдоль трасс строившихся дорог создавали лагеря, куда в зависимости от производственных нужд завозили тысячи заключенных. Во время репрессий тридцатых годов пострадали все быстро сменявшиеся начальники ГУШОСДОРа, и исполняющим обязанности руководителя главка длительное время был капитан гб Малинин Н.Ф. Эта чехарда с руководством отрицательно сказалась на выполнении дорожно-строительных работ. Положение стабилизировалось и получило поступательную динамику, когда в 1939 году начальником этого главка поставили профессионального дорожника Федорова В.Т. [41].

Программа форсированной индустриализации Страны Советов предусматривала строительство ряда крупнейших промышленных предприятий, таких, как Сталинградский тракторный завод, Керченский металлургический завод, Мариупольский трубный завод, Ростовский завод сельхозмашин, Уральский машиностроительный завод, «Уралмедьстрой», карсакпайский комбинат «Азбасцветмет», и многих других. При выборе районов для возведения новых предприятий предполагалось это делать с учетом местных «запасов людей». Однако не всегда удавалось так поступать. Например, «привязка» Магнитогорского металлургического комбината определялась местоположением горы Магнитной на Южном Урале. Значительного населения здесь не было. Несмотря на пропагандистские усилия и старания партийных идеологов, эта огромная стройка не привлекала к себе квалифицированных рабочих и инженеров («комсомольцев-добровольцев»). Первоначально сюда стекались крестьяне из российских деревень в поисках работы и хлеба. Но тяжелейшие жилищные условия, неустроенность быта, нехватка продуктов питания, крайне слабое

медицинское обслуживание приводили к тому, что «убыль и прибыль рабочих» доходили до 70 % в год. Помощь в обеспечении рабочей силой оказало ОГПУ, которое при раскулачивании «приписало» к Магнитогорской стройке свыше 40 тысяч спецпереселенцев. Люди жили и работали в тяжелейших условиях. По состоянию на середину 1938 года по отделу учета ГУЛАГа НКВД всего числилось около миллиона «бывших кулаков», которых с некоторых пор стали называть трудпоселенцами [35].

Если Магнитогорский металлургический завод и начавший работать с ним в паре по производству металла Кузнецкий угольный бассейн возводились руками вольнонаемных тружеников и спецпереселенцев, то Норильский никелевый комбинат, решение о строительстве которого было принято в июне 1935 года, создавался исключительно руками заключенных. Эта «ударная стройка», расположенная на вечной мерзлоте за Полярным кругом, полностью была возложена на Наркомат внутренних дел. Там, где когда-то стояло несколько приземистых бараков, продувавшихся студеными ветрами, выросли огромный комбинат и красивейший город, являющий собой миниатюрное подобие Санкт-Петербурга. Большая заслуга в деле обеспечения производства норильского никеля принадлежала начальнику этого комбината Завенягину А.П. [65].

В предвоенные годы помимо перечисленных выше объектов силами заключенных НКВД были построены комбинат «Североникель» в Мурманской области, Джезказганский комбинат по производству олова и меди в Казахстане, Ухто-Печорский трест по добыче угля и нефти на европейском Севере, Карагандинский и Среднеазиатский лагеря по производству сельскохозяйственной продукции, строились гидролизные, сульфитно-спиртовые, авиационные заводы, склады для хранения резервных государственных фондов продовольственных и промышленных товаров и другие объекты. Приток рабочей силы, вызванный увеличением числа заключенных в процессе массовых репрессий, привел к появлению семи крупных лесозаготовительных лагерей, не требовавших для своего создания серьезных технических наработок. Но эти лагеря оказались чрезвычайно нужными в плане создания новой базовой отрасли, а потому сумели пережить все многочисленные реорганизации, проходившие в лагерных главках НКВД [43].

С марта 1941 года началось строительство многочисленных аэродромов для военно-воздушных сил Красной Армии. Кроме того, в системе НКВД работало Особое техническое бюро с несколькими отдельными конструкторскими бюро (ОКБ),

расположенными на оборонных заводах. В простонародье эти ОКБ назывались «шарашки», однако благодаря сосредоточению в них значительных интеллектуальных сил именно здесь создавались прекрасные проекты современной военной техники.

С 1936 года Наркомат внутренних дел СССР впервые наравне с другими ведомствами начал представлять в правительство проект хозяйственного плана на следующий год не только по капитальному строительству (что делалось и раньше), но и по промышленному производству. Ядром этой экономики являлись крупные предприятия и горнодобывающие комплексы, требовавшие массового применения физического труда в экстремальных условиях.

По состоянию на 1 января 1939 года в лагерях и колониях НКВД находились 1,7 миллиона заключенных, в тюрьмах числились 350 тысяч арестованных, в трудовых поселках проживали около одного миллиона человек [43].

Определенная стабилизация и наращивание экономики НКВД в предвоенные годы произошли за счет «использования внутренних резервов», то есть за счет упорядочения управления лагерями и усиления эксплуатации подневольных тружеников. В октябре 1938 года Сталин И.В. высказал мысль о том, что нежелательно заключенных освобождать досрочно, так как это приводит к излишнему перемещению рабочей силы, а для поощрения труда зэков лучше использовать иные стимулы. В связи с этим летом 1939 года нарком Берия Л.П. с одобрения Политбюро провел некоторые административные реформы, основывавшиеся на отмене так называемых «зачетов рабочих дней», о которых говорилось выше, поскольку при сокращении срока наказания заключенные «не успевают исправиться трудом». Это решение позволило стабилизировать контингенты рабочей силы. Для сохранения стимула к повышению производительности труда предлагалось поощрять хороший труд заключенных улучшенным питанием, бытовым снабжением, денежным премированием, облегчением лагерного режима. Одновременно ужесточались наказания «отказников от труда» и «дезорганизаторов лагерной жизни». При этом предпринимались «решительные и серьезные мероприятия» по улучшению норм питания заключенных.

Политбюро поддержало данные преобразования, поскольку на НКВД в то время было возложено строительство важнейших объектов оборонного значения: железных и шоссейных дорог, аэродромов, особых строек Наркомата военно-морского флота, Куйбышевской и Рыбинской электростанций на общую сумму 5 миллиардов рублей. На решение этих задач едва хватало

имевшегося тогда лагерного контингента (с учетом «слабосильных»).

Курс на интенсификацию трудового использования заключенных позволил Берия Л.П. уже в сентябре 1940 года рапортовать Сталину И.В.: «Вся система лагерей и трудовых колоний находится на полной самоокупаемости и никаких дотаций на содержание заключенных (1700 тысяч человек), их охрану, аппараты лагерей не получает» [37].

Такая, представленная нами весьма кратко, сложилась за полтора десятилетия «хозяйственная мощь» Наркомата внутренних дел, забота о которой в послевоенные годы «по воле партии и правительства» ляжет на плечи будущего министра внутренних дел Круглова С.Н.

Не следует забывать, что помимо несвойственных этому наркомату производственных дел данное ведомство отвечало за ведение разведки за границей и контрразведки внутри страны. На НКВД возлагались охрана государственной границы, важнейших оборонных объектов и безопасность высших руководителей партии и правительства. Наркомат внутренних дел отвечал за обеспечение правопорядка в стране, организацию местной противовоздушной обороны, контроль за государственными архивами и многие другие вопросы.

6. Предвоенное время

Огромный аппарат Наркомата внутренних дел СССР с его периферийными органами в союзных и автономных республиках, краях и областях требовал постоянного внимания со стороны центрального Отдела кадров, который имел в своем составе 362 человека. Разобравшись с порученным участком работы, 17 января 1940 года зам наркома по кадрам Круглов С.Н. подписал циркуляр НКВД СССР о выявленных им и его работниками недочетах в работе собственного и региональных отделов кадров наркоматов и управлений внутренних дел и наметил меры по их устранению.

В первых строках этого совершенно секретного документа, адресованного народным комиссарам внутренних дел республик, начальникам управлений НКВД краев и областей, а в копии — начальникам особых отделов НКВД округов, армий, флотов и начальникам дорожно-транспортных отделов НКВД железных дорог, отмечалась, естественно, партийная сторона кадрового вопроса, отвечавшая духу той эпохи.

«Постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года о работе органов НКВД, доклад товарища СТАЛИНА на XVIII съезде нашей партии, решения XVIII съезда партии являются основными руководящими указаниями, которые были положены в основу перестройки работы по кадрам в Наркомате внутренних дел и его органах. В борьбе за выполнение этих решений партии по вопросам подбора, расстановки и изучения кадров органы НКВД и проводили свою работу с кадрами в истекшем 1939 году».

Подведение итогов за прошедший год показало, говорилось далее в циркуляре, что была проведена большая работа по укреплению органов внутренних дел проверенными молодыми работниками, по подбору, расстановке и выдвижению кадров, по очищению от враждебных людей, обманным путем проникших в НКВД, и от лиц, не заслуживавших политического доверия. В результате в значительной мере укрепились аппараты Наркомвнудела, стали боеспособными, повысили качество всей своей работы.

На примере отделов кадров управлений НКВД Кировской, Свердловской и Киевской областей отмечались определенные сдвиги в этом отношении. За год работниками центрального аппарата была изучена и проверена работа периферийных отделов кадров наркоматов внутренних дел Азербайджанской и Туркменской союзных республик, Башкирской, Крымской, Удмурдской, Чувашской, Калмыцкой, Дагестанской автономных

республик, управлений внутренних дел Архангельской, Кировской, Свердловской, Чкаловской, Пермской, Пензенской, Курской, Смоленской, Ивановской, Калининской, Николаевской, Сумской, Житомирской и Читинской областей, Алтайского и Краснодарского краев. При этом наряду с положительными результатами оказались выявленными и существенные недочеты.

В качестве основных недостатков отмечались: отсутствие плановости в работе, увлечение текучкой, невнимание к главным вопросам — изучение людей, «штатной положенности», расстановки и выдвижения кадров. Бывали случаи, когда оперативники сами подбирали себе нужного работника и представляли его начальству на утверждение, а Отделу кадров оставалась лишь чисто техническая роль по оформлению документов на зачисление в штат.

Отделы кадров недостаточно проводили работу по «закрытию некомплекта» на вакантные должности, плохо занимались созданием резерва на выдвижение из действующего состава работников, а «выдвинутым товарищам» не оказывали соответствующей помощи, в результате чего их часто приходилось снимать как несправившихся.

В некоторых отделах кадров первичная спецпроверка в отношении ряда сотрудников, уже длительное время работавших в органах НКВД, не была завершена и соответствующим образом оформлена. Плохо велась работа над поступавшими жалобами и заявлениями, поскольку эта работа считалась не первостепенной. В некоторых ОК на учете запаса состояли лица, «которых на работе в органах НКВД ни при каких обстоятельствах использовать не представится возможным»: это инвалиды 2-й группы и прежние чекисты, имевшие «серьезные компрометирующие материалы».

В связи с тем, что отделы кадров рассматривались как второстепенные по значимости аппараты, в них должности не всегда укомплектовывались «полноценными работниками». Имели место случаи, когда сюда посылались люди, по своим качествам просто не подходившие для оперативной работы.

Со стороны отделов кадров недостаточно проявлялось заботы о сотрудниках, о создании им соответствующих условий и обстановки на работе, предоставлении отпуска по болезни, выделении жилплощади, удовлетворении социально-бытовых запросов.

Для устранения отмеченных недочетов и упорядочения деятельности отделов кадров предлагалось всю работу строить на основе утвержденного руководством месячного плана, «включая в него задачи решительного улучшения работы по кадрам».

Практиковать производственные совещания, на которых обсуждать план работы, ход его выполнения, отчеты работников, ставить вопросы изучения директив НКВД СССР по работе с кадрами, повышения трудовой дисциплины, культуры в делах, уплотнения рабочего дня. Производить выезды на периферию для глубокого изучения работников на месте, условий их работы, культурно-политического роста, бытовых сторон жизни. Систематически вести работу по созданию резерва на выдвижение, основанного на тщательном и всестороннем изучении сотрудников. После состоявшегося выдвижения проверять, как справляются вновь назначенные с порученной работой, выявлять их затруднения, помогать в скорейшем приобретении необходимых навыков. Установить такой порядок, при котором все организационно-штатные вопросы по оперативно-чекистским аппаратам предварительно рассматривались бы в отделе кадров и им представлялись руководству. Решительно улучшить организацию обязательной чекистской и общеобразовательной учебы. Систематически оказывать помощь и проявлять должную заботу об устройстве быта сотрудников. Упорядочить работу по «пенсионированию» ветеранов органов НКВД, наладив обследование их материального положения.

«На основе усиления большевистской бдительности и неуклонного проведения в жизнь решений XVIII съезда ВКП(б) и ЦК ВКП(б) о подборе и расстановке кадров, органы НКВД должны перестроить работу аппаратов по кадрам и добиться в 1940 году лучших показателей в их работе», — говорилось в заключение документа.

Этот циркуляр, подписанный заместителем наркома внутренних дел Союза ССР по кадрам, комиссаром государственной безопасности III ранга С. Кругловым, надлежало проработать на совещании работников отделов кадров НКВД — УНКВД и обсудить состояние всех участков работы отдела по докладам их руководителей. Протокол совещания с практическими выводами и предложениями следовало выслать в Отдел кадров НКВД СССР [37].

Для того чтобы держать под контролем состояние дел с кадрами, следующим секретным циркуляром, подписанным Кругловым С.Н. 29 января 1940 года, предлагалось местным органам НКВД высылать в Отдел кадров НКВД СССР все приказы по личному составу и организационным вопросам. К сожалению, прежнее циркулярное распоряжение на эту тему, разосланное три месяца назад (упоминалось нами в главе 4), выполнялось крайне неаккуратно, а некоторыми дорожно-транспортными и особыми

отделами НКВД вообще игнорировалось, в результате чего эти приказы «с точки зрения их анализа, их изучения» теряли ценность [37].

Из приведенных документов видно, что заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н. достаточно грамотно строил кадровую политику и хорошо владел ситуацией в этом вопросе.

Посмотрим, как эта кадровая политика реализовалась на местах. В соответствии с разработанным планом во все республиканские, краевые, областные и районные отделы НКВД были направлены представители из Москвы, которые в конкретных условиях должны были проверить работу и побеседовать с наиболее перспективными работниками для того, чтобы из их числа сформировать резерв для выдвижения на руководящие должности.

Так, например, в Ленинградскую область прибыла сотрудница центрального Отдела кадров Хайкина Э.Я., которая в октябре 1939 года в Красногвардейском отделе Ленинградского управления внутренних дел беседовала, в частности, с начальником этого подразделения старшим лейтенантом гб Богдановым Н.К. В своем заключении кадровичка записала: «Тов. Богданов производит впечатление человека культурного, развитого, хорошо знающего оперативную работу, уверенного в своих силах». На основании чего сделала вывод: «Подлежит включению в список резерва на выдвижение».

В результате с ее «легкой руки» мой отец был вызван в Москву, где в Наркомате внутренних дел СССР, как было сказано в главе 1, впервые лично встретился с заместителем наркома по кадрам Кругловым С.Н. После необходимых согласований Богданова Н.К. «решительно выдвинули» на руководящую должность в Наркомат внутренних дел Казахской ССР. В Музее Главного управления внутренних дел (ГУВД) города Алматы хранится удостоверение № 2132, в котором указано, что «старший лейтенант госбезопасности Богданов Н.К. состоит в должности Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел Казахской ССР». 23 июня 1940 года это удостоверение подписал заместитель наркома внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности III ранга Круглов С.Н. Вскоре после состоявшегося назначения Богданову Н.К. присвоили сразу спецзвание майора гб. Надо сказать, что «выдвиженец», получивший столь стремительное восхождение в своей служебной карьере, оправдал оказанное ему доверие. Через некоторое время в его характеристике отмечалось: «За период работы в Казахстане проявил себя как способный руководитель и организатор.

Исключительно честный, исполнительный и дисциплинированный работник» [1]. Так что в данном случае, так же как, впрочем, и во многих других назначениях, не ошибся Сергей Никифорович со своим выбором перспективного руководящего работника. В годы войны в Казахстане этим двум заместителям наркомов, Круглову С.Н. и Богданову Н.К., вновь предстояло встретиться, чтобы вместе решать сложные вопросы по приему переселенцев с Северного Кавказа.

Таким же путем шло выдвижение «из низовки» и многих других руководящих кадров. Следует отметить, что те работники, которых Круглов С.Н. подбирал и изучал сам (в отличие от тех, кого он вынужден был назначать на высокие должности по указаниям «сверху»), оказались наиболее умелыми и грамотными руководителями.

Перед Первомайскими праздниками 1940 года руководство страны наградило большую группу, в составе 757 сотрудников Наркомата внутренних дел орденами и медалями с общей формулировкой: «За выполнение заданий правительства по охране государственной безопасности». В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 года всего были удостоены ордена Ленина —15 человек, ордена Красного Знамени — 36 человек, ордена Красной Звезды —127 человек, ордена Знак Почета — 204 человека, медали «За отвагу» — 321 человек и медали «За трудовую доблесть» — 54 человека.

В числе награжденных свой первый орден Красного Знамени получил комиссар гб III ранга Круглов С.Н. В орденской книжке, прилагавшейся к «высшей награде за особые заслуги в области социалистического строительства и обороны», приводились пункты из постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома СССР, в частности, о том, что «награжденный орденом должен служить примером выполнения всех обязанностей, возлагаемых законом на граждан СССР». За новые заслуги удостоенный ордена мог быть «вновь награжден тем же или иным орденом Союза ССР». Действительно, одной орденской книжки, в которую записывались данные о восьми орденах, Сергею Никифоровичу за его относительно короткую служебную карьеру в органах внутренних дел оказалось мало, и наградному отделу пришлось выдавать ему второй такой же документ. К орденской книжке полагалась в то время подшивка проездных билетов для бесплатного следования орденоносца по железнодорожным и водным путям сообщения в мягком вагоне или каюте первого класса. Этими разовыми билетами на 1940-й, 1941-й и последующие годы Сергей Никифорович никогда не пользовался, считая эту льготу для себя излишней [27].

Прекрасно понимая, что уровень образования как у работников наркомата, так и в целом по стране являлся еще достаточно низким, Круглов С.Н., отвечавший за кадры, всегда уделял внимание высшим учебным заведениям, относившимся к системе Наркомата внутренних дел, помогая им успешно вести учебный процесс. Интересна в этом отношении история Московского автодорожного института (МАДИ), которую описал в своих воспоминаниях один из директоров (потом они стали называться ректорами) этого вуза Артемьев С.П. Как было рассказано в главе 5, в 1936 году в составе Наркомата внутренних дел было организовано Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР). Поскольку без квалифицированных кадров прокладывать хорошие дороги являлось невозможным, в 1936 году в подчинение НКВД были переданы все учебные заведения, готовившие специалистов дорожного строительства: Ленинградский (имени В.В. Куйбышева), Московский, Сибирский (Омский), Саратовский, Харьковский (все — имени В.М. Молотова) автодорожные институты, Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиК), 30 техникумов и семь рабочих факультетов.

В 1938 году Московский автодорожный институт находился на Садово-Самотечной улице в пятиэтажном здании, совершенно не приспособленном для проведения учебных занятий. В связи с этим было принято решение о выделении участка в районе Ленинградского шоссе для строительства нового здания вуза. Как описывал в своих воспоминаниях Артемьев С.П., место для строительства выделялось четыре раза, однако трижды из-за непонятного противодействия со стороны и.о. начальника ГУШОСДОРа Малинина Н.Ф., в чьем ведении этот вуз находился, осваивавшаяся земля отбиралась, несмотря на вложенные в ее подготовку к предстоявшему строительству силы и средства. Дело пошло на лад (хотя и в дальнейшем продвигалось с большими трудностями), когда, как писал директор МАДИ, «на пост заместителя наркома по кадрам был назначен С.Н. Круглов». В отличие от своих предшественников Сергей Никифорович «проявил большой интерес к работе институтов и техникумов, подчиненных непосредственно разным главкам НКВД», в числе которых, «кроме автодорожных учебных заведений, были историко-архивный институт, пожарный и другие».

Далее директор МАДИ Артемьев С.П., упорно отказывавшийся от собственного серьезного продвижения по службе, чтобы иметь возможность непосредственно самому курировать строительство нового здания института, вспоминал:

«С.Н. Круглов неоднократно приглашал к себе директоров учебных заведений, знакомился с их условиями работы, принимал меры к оказанию помощи. В конечном итоге, по его инициативе было решено создать непосредственно в НКВД Управление учебными заведениями (УУЗ НКВД СССР было образовано приказом наркома внутренних дел от 18 марта 1941 года. — *Ю. Б.*) и все институты и техникумы из Главных управлений изъять. Начальником этого Управления был назначен (по совместительству) П.А. Шария (старший майор гб, с 1940 года возглавлял Особое бюро при НКВД СССР. — *Ю. Б.*), работавший помощником у Берия, а заместителями: М.С. Баш (бывший начальник Отдела учебных заведений ГУШОСДОРа — *Ю. Б.*.) и Г.И. Зеленков (с 23 июля 1942 года являлся заместителем директора МАДИ по научной и учебной работе, с 13 октября 1943 года — и. о. директора МАДИ, с 18 ноября 1943 года по 1961 год — директор МАДИ. — *Ю. Б.*), работавший до этого в ликвидированном Ленинградском автодорожном институте».

Автор воспоминаний описал такой интересный случай: «В конце 1940 года в торжественной обстановке был отмечен первый десятилетний юбилей института. В его организации и проведении большое содействие оказал С.Н. Круглов. По его указанию для проведения торжественного заседания был выделен клуб НКВД (на площади Воровского), художественный ансамбль НКВД и необходимые денежные средства. В то время проявляли очень большую “скупость” в отношении награждения орденами и медалями. Поэтому некоторые преподаватели были награждены знаком “Почетный дорожник”, а другие (в том числе и директор МАДИ) денежными премиями и подарками. Был издан юбилейный сборник о деятельности МАДИ за первое десятилетие. На торжественном заседании присутствовал заместитель наркома (внутренних дел) СССР Круглов С.Н., руководители ГУШОСДОРа, Комитета по делам высшей школы, Наркомавтотранса РСФСР и другие».

К сожалению, не все руководители с таким пониманием и заботой, как Сергей Никифорович, относились к проблемам высшей школы. «Позже, — как писал Артемьев С.П., — когда С.Н. Круглов стал заниматься другими делами», являвшийся начальником УУЗ НКВД СССР П.А. Шария «ни с кем из работников учебных заведений не встречался (мне от него был лишь один телефонный звонок), всеми делами Управления руководили его заместители. В первые месяцы войны Управление неожиданно эвакуировали в Саратов, где оно и было затем ликвидировано. Восстановилась старая система управления учебными заведениями, то есть все они снова были переданы в

подчинение Главков. Следует отметить, что в это время кадрами стал заниматься другой заместитель наркома Б.П. Обручников, который вообще никакого внимания не проявлял к учебным заведениям» [42].

Последний полуторагодичный предвоенный период явился временем активной подготовки страны к предстоявшей войне, что вызвало мобилизацию и милитаризацию всех сфер деятельности и ужесточение законодательства и внутренних порядков. В этом плане Наркомату внутренних дел пришлось серьезно поработать.

В феврале, апреле и июне 1940 года, а затем в мае-июне 1941 года проводились операции по массовому выселению поляков. В постановлении СНК СССР предлагалось из «осадников», то есть лиц польской национальности, осевших в присоединенных к СССР западных областях Украины и Белоруссии, создать спецпоселения в районах лесных разработок в Коми АССР, Кировской, Пермской, Вологодской, Архангельской, Свердловской и Омской областях, в Алтайском и Красноярском краях. Это был еще один путь освоения необжитых пространств Страны Советов. Первая волна депортации коснулась не менее 140 тысяч человек. Вторая волна захватила членов семей репрессированных польских офицеров, полицейских, госслужащих, помещиков, фабрикантов и «участников контрреволюционных организаций». Третья волна состояла из беженцев, удравших из района военных действий. Четвертая, «итоговая», волна «тщательной чистки» велась до самого начала вторжения немецких войск.

Присоединение стран Балтии, а затем Бессарабии, воссоединенной с левобережной Молдавией, повлекло за собой вереницу арестов и депортаций «социально опасных» и «антисоветских элементов» вместе с семьями. Согласно плану мероприятий «по этапированию, расселению и трудоустройству», следовало депортировать в качестве «ссыльнопереселенцев» в указанные выше районы около 13 тысячи глав семей и 40 тысяч членов семей [39].

Для наведения должного порядка в стране правительство провозгласило ряд суровых мер, согласно которым, простые нарушения трудовой дисциплины приравнивались к преступлениям. По закону, введенному указом от 26 июня 1940 года, предусматривалось наказание за самовольный уход с работы вплоть до четырех месяцев тюрьмы, за прогул приговаривали к исправительно-трудовым работам на срок от одного до шести месяцев с удержанием четверти зарплаты. В целях борьбы с текучестью рабочей силы запрещалось менять место работы по собственному желанию. Суды оказались

завалены такими делами, которые полагалось рассматривать в течение пяти дней, а органы внутренних дел — исполнением мер наказания. Только за первые девять месяцев по этому закону осудили два с половиной миллиона человек.

Затем в силу вступили два других строгих указа: об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции (10 июля 1940 года) и об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство (10 августа 1940 года). Первый указ особых последствий не имел — качество советской продукции оставляло желать лучшего. А вот по второму указу, предусматривавшему год тюрьмы, пострадали очень многие [38].

С 3 февраля 1941 года у руководства Наркомата внутренних дел, и особенно у кадровиков, возникла серьезная озабоченность в связи с тем, что Сталин И.В. решил разукрупнить это ведомство, создав на базе Главного управления государственной безопасности (ГУ ГБ) самостоятельный наркомат. О действительных причинах такого деления (тем более что с началом войны оно было ликвидировано) остается пока что только догадываться. Одни источники говорят о документах, в которых нарком Берия Л.П. неоднократно обращался к Сталину И.С. с письмами, в которых просил в связи «с непомерно возросшим объемом работ и его разноплановостью» разделить ведомство на две составляющие, сделав органы внутренних дел и государственной безопасности самостоятельными единицами. Другие исследователи считают, что таким действием Сталин И.В. стремился несколько ослабить позиции своего энергичного соратника, действительно способного «подмять под себя» многие, в том числе и напрямую не касавшиеся его, государственные проблемы.

Автором высказывалось собственное мнение о том, что, поскольку товарищ Сталин И.В. ничего не делал непродуманно, без далеко видимых целей, то вопрос о преобразовании Наркомата внутренних дел надо рассматривать с позиций целенаправленной подготовки Красной Армии и всей Страны Советов к задуманному вождем народов широкомасштабному «освободительному походу» в Европу. Естественно, что с предполагавшимся стремительным продвижением советских войск на территорию сопредельных государств функции двух «дружественных» наркоматов становились совершенно различными. Органы государственной безопасности должны были оперативно распространять свою специфическую деятельность на «освобожденные» страны непосредственно сразу после вхождения туда передовых воинских частей. Именно с этой целью Особый

отдел (ОО) Главного управления госбезопасности НКВД СССР был как бы «расформирован», а вместо него созданы и им переданы функции указанного ОО: 3-е управление Наркомата обороны СССР и Наркомата военно-морского флота и 3-й отдел НКВД СССР по оперативной работе в войсках НКВД.

В новой, объявленной 26 февраля 1941 года структуре НКВД СССР имелось четыре типа главков, управлений и отделов. Одни обеспечивали чисто внутренние дела государства, без которых невозможно обойтись: милиция, пожарная охрана, местная противовоздушная оборона, тюрьмы, архивы и прочее. Другие за счет труда заключенных, являвшихся важной производительной силой социализма, создавали прочный тыл и управляли (помимо собственно ГУЛАГа) лагерями железнодорожного строительства, гидростроя, горно-металлургических предприятий, промстроя, топливной и лесной промышленности, а также лагерями по строительству куйбышевских заводов, сверхсекретного подземного командного пункта для правительства в Жигулевских кручах, различных объектов на Дальнем Севере и шоссейных дорог по всей стране. Сюда же следует отнести Управление по делам военнопленных и интернированных, которых еще не было, за исключением, может, поляков и финнов, но мощный поток коих предполагался с началом наступательных боевых действий. К этим подразделениям необходимо прибавить и чуть позднее созданные Главное управление аэродромного строительства, подготавливавшее взлетно-посадочные полосы для военно-воздушных сил Красной Армии, и Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии. К третьему типу относились подразделения обеспечения собственной работы наркомата: Административно-хозяйственное управление (АХУ), отдел кадров, финансово-плановый, контрольно-инспекторский, секретариат и др.

Но наиболее мощными представлялись главки, управления и отделы, сведенные нами в четвертую группу, которую обобщенно назовем ***войска НКВД***. Сюда входили (в порядке их объявления): *Главное управление погранвойск* (к июню месяцу 1941 года снимавшихся со своих рубежей и передававших границу полевым воинским частям); *Главное управление войск НКВД по охране железнодорожных сооружений* (станций, мостов, тоннелей и др. как на своей, так и на занимаемой наступающей армией территории) и *особо важных предприятий промышленности* (собственных и в освобожденных странах); *Управление оперативных войск* (для подавления сопротивления противника в тылу стремительно идущей вперед Красной Армии); *Управление конвойных войск* (для препровождения сдавшегося противника в

лагеря военнопленных); *Управление агитации и пропаганды войск НКВД* (для моральной поддержки и обеспечения правильного понимания военнослужащими внутренних войск политики партии и правительства); *Управление военного снабжения войск НКВД* (без снабжения какая же армия обойдется); *Военно-строительный отдел* (для восстановления разрушенных при ведении боевых действий и возведения новых сооружений, необходимых войскам НКВД). Оперативное решение в войсковых подразделениях вопросов, относившихся к государственной безопасности, возлагалось на упоминавшийся выше 3-й отдел НКВД. В своей совокупности эти мощные войска должны были обеспечивать поддержание надлежащего порядка в тылу наступавшей Красной Армии.

Все логично, глубоко продумано и материально обеспечено. Произведенное кардинальное преобразование строго подчинено решению одной главной задачи — оперативному и фундаментальному освоению предполагавшихся к «освобождению» западных стран [1].

После произведенного преобразования в штатах центральных аппаратов этих двух ведомств в то время состояло: в НКВД — 10 000 человек, а в НКГБ — чуть больше 11 000 сотрудников.

Поскольку разделение наркоматов госбезопасности и внутренних дел произошло вроде бы всерьез и надолго, отделы кадров совместно с тяжелой партийно-административной бюрократической машиной начали добросовестно отрабатывать долгий процесс согласования и назначения работников на должности. Тысячи и тысячи строго и совершенно секретных деловых бумаг — представлений, характеристик, заключений, писем, запросов, выписок из протоколов и прочих иных — появились на свет и стали настойчиво ходить по учреждениям и кабинетам. Самые значимые из них огромным потоком со всех сторон шли в Москву, в Центральный Комитет коммунистической партии (большевиков) для обязательного согласования и утверждения.

Руководство НКВД СССР теперь выглядело так. Наркомом внутренних дел остался Берия Л.П., только что получивший спецзвание «генеральный комиссар государственной безопасности». Комиссар гб III ранга Круглов С.Н. получил повышение, став первым заместителем наркома. На должности заместителя сохранился неизменным, переживший все пертурбации комдив Чернышов В.В., кроме того, замом был назначен старший майор Абакумов В.С. В ранге заместителя наркома по войскам продолжил службу генерал-лейтенант Масленников И.И. Пост заместителя наркома по кадрам и

начальника Отдела кадров принял у Круглова С.Н. упоминавшийся нами капитан гб Обручников Б.П.

В соответствии с циркуляром НКВД по распределению функций между наркомом и его заместителями Круглову С.Н. помимо выполнения обязанностей первого заместителя поручалось наблюдать за работой следующих подразделений Наркомата внутренних дел: Главного управления лагерей (ГУЛАГа), Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОРа), Главного управления местной противовоздушной обороны (ГУМПВО), Главного архивного управления (ГАУ), Тюремного управления, Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), Административно-хозяйственного управления (АХУ), Центрального финансово-планового отдела (ЦФПО), Мобилизационного отдела (Моботдела), 1-го спецотдела (учетно-архивного) и 2-го спецотдела (опертехника). Для обслуживания первого зама была выделена автомашина «Паккард» [10].

Многотрудный процесс преобразования двух важнейших наркоматов, госбезопасности и внутренних дел (неоднократно повторявшийся в будущем), осуществлялся сейчас в тревожно напряженной обстановке незримо витавшего в обществе ощущения неизбежного приближения войны, о дне начала которой думать не хотелось.

Незадолго до войны семья Круглова С.Н., как отмечалось в главе 4, продолжала проживать в Доме правительства. У супруги Сергея Никифоровича Таисии Дмитриевны все еще имелись проблемы со здоровьем, поэтому она не работала, а занималась своими детьми. Ирочке исполнилось уже шесть лет, и пора было готовиться к поступлению в школу. Четырехлетний Валерий пока что возился со своими игрушками.

Семья жила скромно и дружно. Постоянно велась переписка с родителями и многочисленными братьями и сестрами супругов Кругловых.

7. Начало войны

«22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны и даже без предъявления каких-либо претензий напала на Советский Союз с целью свержения советского строя и порабощения советского народа.

Этот вероломный акт был совершен, несмотря на существование советско-германского договора о ненападении» [11]. Такова официальная точка зрения советской историографии на начало очередного этапа Второй мировой войны, явившейся для нашего народа Великой и Отечественной.

Этому кульминационному моменту предшествовали и после него последовали важнейшие события, о которых порой страшно и стыдно было рассказать всю правду, а потому реальность часто подменялась мифами, которые с годами прочно вошли в сознание советских людей. На основании появившихся в последние годы документальных книг [44, 45, 46] сейчас представляется возможность следующим образом кратко описать обстановку того времени.

В конце 1940 года Гитлер утвердил стратегический план «Барбаросса», который предопределял нападение вооруженных сил Германии на Советский Союз. В то же время существовал план операции «Морской лев» по высадке немецких сил на Британские острова. Ряд современных исследователей утверждает, что Германия не имела достаточных боевых возможностей для того, чтобы завоевать Англию, всестороннюю поддержку которой стали оказывать Соединенные Штаты Америки. В связи с этим операция по десантированию немецких войск на острова являлась блефом и служила лишь прикрытием для тайной подготовки войны против СССР.

В то же время в Советском Союзе по указанию Сталина Генеральный штаб разработал операцию «Гроза», в соответствии с которой Красная Армия должна была в благоприятный момент перейти в решительное наступление с тем, чтобы освободить страны Европы от капиталистического ига и установить там социалистическую систему хозяйствования.

Советский Союз и Германия были связаны договором о дружбе и взаимопомощи, на основании которого наша страна поставляла продовольствие и сырье, а взамен получала промышленное оборудование и образцы военной техники. В то же время оба государства интенсивно наращивали свои вооруженные силы, в качестве дезинформации уверяя противоположную сторону во взаимных миролюбивых намерениях.

В итоге к моменту начала войны на советско-германской границе сложилось следующее соотношение сил. Красная Армия имела в своем составе 190 дивизий, насчитывавших 3 289 850 командиров и бойцов. На вооружении у них находилось 59 787 орудий и минометов, 15687 танков и штурмовых орудий, 10 743 самолета.

Противник сосредоточил 166 дивизий численностью 4 306 800 офицеров и солдат (по штату немецкая дивизия имела в среднем несколько больший состав, чем советская). Боевая техника вермахта составляла 42 600 орудий и минометов, 4170 танков и штурмовых орудий, 4846 самолетов. Немецкая армия имела построение в один эшелон и в резерве Главного командования германских сухопутных войск находились 21 пехотная, 2 танковые и 1 моторизованная дивизии [44].

Красная Армия была построена в два стратегических эшелона и с учетом резервов достигала общей численности порядка восьми миллионов человек. За армиями первого эшелона развернулись три воздушно-десантных корпуса. Помимо перечисленных выше вооружений, размещавшихся в приграничной зоне, второй эшелон имел 8 тысяч танков и столько же по численности боевых самолетов. С тыла боевые построения войск прикрывались тремя отдельными армиями НКВД. Резерв Главного командования насчитывал 2300 дальних бомбардировщиков. Приморские фланги фронтов опирались на поддержку мощных и многочисленных соединений военно-морского флота, имевших в своем составе 6 700 самолетов [45].

Анализ наличных вооруженных сил двух армий показывает, что к роковому дню преимущество складывалось далеко не в пользу Германии. Правда, наш противник был полностью отмобилизован и имел опыт ведения современной войны, а Красная Армия еще не закончила процесса стратегического развертывания. Сталин терпеливо ждал, когда Гитлер «повернется к нему спиной», начав операцию «Морской лев», чтобы в этот благоприятный момент осуществить мощное наступление. Фюрер в своих личных посланиях вождю советского народа до последнего момента уверял его, что сосредоточение немецких войск на восточных границах служит лишь для временного укрытия их в период подготовки к высадке на Британские острова, и просил не поддаваться ни на какие провокации и слухи, чтобы не спровоцировать случайное возникновение боевых действий между двумя армиями. Сталин, имея собственный сценарий начала военных действий, категорически запрещал принятие нашей стороной каких-либо ответных мер, например, на разведывательные полеты немецких самолетов вдоль

государственной границы, чтобы не расстроить свой план реализации операции «Гроза». Даже когда на рассвете 22 июня на границах началась стрельба и немецкие танки двинулись вперед, Сталин пытался дозвониться до Гитлера, чтобы указать ему на его недисциплинированных генералов, предпринявших провокационную акцию, о возможности которой фюрер как раз и предупреждал в своих посланиях.

Первая директива военного времени поступила в штабы приграничных фронтов лишь через три с половиной часа после начала вторжения немцев и предписывала: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам границу не переходить».

Только к полудню в Кремле окончательно поняли, что вместо вторжения в Англию Гитлер предпочел напасть на СССР. Было принято решение начать операцию «Гроза». Соответствующий сигнал поступил в войска. В это время на отдельных участках образовавшихся фронтов уже шли ожесточенные бои с противником. Ряд командиров, получив оперативный приказ о наступлении, двинул свои части вперед, прорвавшись на сопредельную территорию на 25–30 километров.

Но это были лишь отдельные случаи. В целом же произошло то, чего никто не ожидал, о чем молчала наша история, о чем страшно и стыдно рассказать даже сейчас: Красная Армия не оказала достойного сопротивления напавшему на нее противнику. Даже если сам момент начала военных действий явился для нас неожиданным и немецкой авиации и артиллерии в первый день удалось уничтожить 1200 краснозвездных самолетов и 600 танков, а мощным бронированным клиньям врага оказалось возможным продвинуться далеко в глубь нашей территории, то у нас оставалась еще огромная масса хорошо вооруженных войск, которые должны были отразить нападение.

Всестороннего объяснения тому, что произошло на полях сражений дальше, в нашей литературе до последнего времени не публиковалось, поскольку об этом стыдно и страшно было рассказать: огромный, практически подготовленный к стремительному наступлению на запад фронт наших армий стремительно разваливался под натиском врага. Героическое сопротивление отдельных застав, частей и гарнизонов не могло остановить грамотно и умело действовавшего противника. Оперативное управление советскими войсками за счет дезорганизации связи было полностью нарушено. Невероятно, но в сложившейся фронтовой неразберихе и вызванной этим

отчаянности в моральном состоянии наши бойцы и командиры стали массово сдаваться в плен. При этом полтора миллиона человек, порой в составе целых подразделений, перешли на сторону немцев с оружием в руках. Два миллиона военнослужащих добровольно сдались в плен, побросав личное оружие и боевую технику. Полмиллиона красноармейцев были захвачены в плен при различных обстоятельствах. Еще миллион воинов дезертировали, разбежавшись по домам, где их потом разыскивали компетентные органы. 800 тысяч человек были убиты и ранены. Сохранившие относительную боеспособность миллион бойцов и командиров с боями откатывались на восток [45]. Столь невероятными и плачевными оказались для Страны Советов итоги первых трех месяцев войны.

Не встречая организованного сопротивления, немецкие войска занимали город за городом, окружая и громя по пути своего следования наши воинские части. Отчаянные встречные бои и попытки прорыва из окружения не приносили советским войскам нужного эффекта. В ряде мест население встречало немцев хлебом и солью.

Однако очень скоро стало ясно, что захватчики несли с собой в нашу страну только рабство и террор, разорение и смерть, поскольку выполняли указание своего фюрера о том, что «мы ни от чего и ни от кого Россию не освобождаем. Мы ее — завоевываем. Русский народ нас интересует только как рабочая сила, которая в будущем будет трудиться на германскую нацию». Свирепый оккупационный режим, установленный немцами на захваченных территориях, массовые казни мирного населения в целях устрашения, открыто декларируемое намерение превратить всех без исключения русских в рабочий скот, карательная система коллективной ответственности, бесчеловечное обращение с военнопленными и многое другое всколыхнули непреодолимую волну русского патриотизма [44]. Теперь война за освобождение Родины от фашистских поработителей стала для нашего народа Великой и Отечественной.

Итак, «вероломное нападение» Германии спутало все стройные планы высшего советского руководства. Вместо стремительного победоносного продвижения на территорию противника Красная Армия с большими потерями отступала в свой глубокий тыл. В целях борьбы с парашютными десантами и диверсантами, забрасывавшимися противником, по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) 24 июня 1941 года при городских, районных и уездных отделах НКВД на территории Ленинградской, Мурманской, Калининской и Ростовской

областей, Карело-Финской республики, Украины, Белоруссии, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской автономной республики, Краснодарского края, западной части Грузинской ССР создавались истребительные батальоны численностью 100–200 человек «из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием». За месяц было сформировано 1755 истребительных батальонов общей численностью 328 тысяч человек во главе с оперативными работниками НКВД и милиции. 25 июня 1941 года постановлением Политбюро на войска НКВД возлагается охрана войскового тыла с целью наведения порядка за фронтовой полосой и очищения дорог от беженцев для обеспечения подвоза и эвакуации, а также налаживания бесперебойной связи. Возглавил эту работу заместитель наркома внутренних дел по войскам генерал-лейтенант Масленников И.И., а начальниками охраны войскового тыла Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов назначили начальников пограничных войск НКВД соответствующих округов [11].

Быстрое наступление немецких войск вызвало огромный поток беженцев. В сложившейся обстановке необходимо было принимать срочные меры для спасения оборудования заводов и фабрик, складов военного имущества и продуктовых запасов, которые в ближайшие дни и даже часы могли остаться за линией фронта. В связи с этим совместным постановлением Совнаркома и Центрального Комитета партии от 24 июня 1941 года был создан Совет по эвакуации при СНК СССР. Председателем Совета назначили Кагановича Л.М., его заместителями стали Косыгин Н.А. и Шверник Н.М. В число членов этого Совета вошли Шапошников Б.М., первый заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н., секретарь Ленинградского обкома Попков П.С. и другие. В наркоматах были образованы бюро и комитеты по эвакуации. Более полутора тысяч заводов, преимущественно крупных, военных, демонтировали и отправили в глубь страны, где на них вновь восстановили производство.

Например, с приближением линии фронта Харьковский тракторный завод (ХТЗ) имени Коминтерна, имевший в своем составе военный завод № 183, который выпускал танки Т-34, был полностью погружен в сорок три эшелона и отправлен за две с половиной тысячи километров, в Нижний Тагил. Туда же прибыли оборудование с Мариупольского металлургического завода имени Ильича, обеспечивавшего поставку всех бронедеталей для танков, и часть инструментария Московского станкостроительного завода имени Орджоникидзе. Одновременно

с техникой эвакуировали инженерно-технический состав и часть рабочих вместе с семьями. Благодаря самоотверженному труду в сложных климатических условиях оборудование эвакуированных предприятий в кратчайшие сроки смонтировали в огромных цехах Уралвагонзавода, и уже в конце 1941 года из цехов возрожденного танкового завода, сохранившего свой номер 183, вышли первые боевые машины Т-34 [49].

Помимо принятия мер по вывозу оборудования предприятий Круглов С.Н занимался вопросами эвакуации как с нашей, так и с уже оккупированной врагом территории имущества и людей, относившихся к наркомату внутренних дел. Только в тюрьмах, расположенных в западных районах СССР, находились почти 190 тысяч заключенных, из которых удалось вывезти более 140 тысяч человек.

Однако события развивались стремительно, и через пять дней Круглов С.Н. получил еще одно назначение. 29 июня 1941 года приказом Ставки Главного Командования при командующем резервными армиями генерал-лейтенанте Богданове И.А. был создан Военный совет, в состав которого вошли второй секретарь Московского городского и областного комитетов партии Попов Г.М. и первый заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н.

Резервные армии формировались в значительной мере из пограничников, входивших в состав НКВД и заблаговременно, до начала боевых действий, выведенных от государственной границы со своих застав. В предвоенные годы пограничными войсками Белорусского военного округа как раз и командовал генерал Богданов И.А. Зам наркома Круглов С.Н. был введен в состав Военного совета в связи с тем, что для обеспечения действий резервных армий планировалось использовать значительные силы и средства НКВД. В распоряжении партийного руководителя Попова Г.М. находились все потенциальные возможности населения и промышленных предприятий советской столицы.

Конечно, годичная военная подготовка, которую Круглов С.Н. завершил в 1930 году в ранге младшего командира, не давала ему возможности сразу начать командовать столь крупными войсковыми соединениями, но умение быстро ориентироваться в незнакомой обстановке, по ходу дела приобретать недостающие знания обеспечивали достижение успеха в решении труднейших задач. Кроме того, богатый опыт партийной и кадровой работы Круглова С.Н. и Попова Г.М. позволял позаботиться о поддержании высокого морального духа командиров и бойцов, а также всего населения, направлявшегося в помощь фронту, в столь сложных условиях боевой обстановки. К тому же при

возведении оборонительной полосы имелась возможность использовать практические навыки обоих членов Военного совета по руководству большими строительствами.

30 июня 1941 года всю полноту власти в стране на период военного времени принял на себя Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе со Сталиным И.В. В числе других членов партии и правительства нарком внутренних дел Берия Л.П. был назначен членом ГКО.

В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков», в выступлении Сталина И.В. по радио 3 июля 1941 года и в последующем постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск» говорилось о создании за линией фронта невыносимых условий для врага, о формировании партизанских отрядов и диверсионных групп для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджогов лесов, складов и обозов. Во исполнение этих указаний руководство разведывательно-диверсионными подразделениями НКВД, действовавшими в тылу противника, возложили на Особую группу, созданную 5 июля 1941 года при наркомате внутренних дел. Возглавил эту группу старший майор гб Судоплатов П. А. С учетом достигнутых успехов по проведению боевых операций во вражеском тылу, через три месяца в составе наркомата организовали 2-й отдел под тем же руководством и с прежними задачами. Так что основой костяк партизанских подразделений во время войны составили сотрудники наркомата внутренних дел СССР.

Согласно опубликованным рабочим тетрадям Поскребышева А.Н., в которых он записывал посетителей кремлевского кабинета И.В. Сталина, 4 июля 1941 года в 20 часов 30 минут на прием к вождю одновременно прибыли командующий Резервными армиями генерал-лейтенант Богданов И.А., второй секретарь Московского городского и областного комитетов партии Попов Г.М., первый заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н., начальник Главного управления гидротехнического строительства НКВД СССР Рапопорт Я.Д. и его заместитель Жук С.Я. В это время в кабинете, согласно тем же записям, находились члены ГКО Молотов В.М., Ворошилов К.Е., Берия Л.П. и Маленков Г.М. За 10 минут до прихода этой группы из кабинета вышел Жуков Г.К. [50].

Сталин И.В. лично объяснил, что на фронт, занимавшийся резервными армиями, возлагалась большая ответственность — оборона Москвы на дальних подступах. Линия фронта была

определена от Брянска через Смоленскую область, Рославль, Издешково, Калининскую область (западнее Ржева и Сычевки), Кувшиново, Семинарово и до Валдая (Осташкове). Председатель ГКО дал указание перебросить на Московское направление крупнокалиберную морскую и береговую артиллерию из Крыма, а также передать в распоряжение командующего армиями все необходимые силы и средства, использовавшиеся на приостановленных гидротехнических стройках НКВД, для оборудования в инженерном отношении укрепленной полосы обороны с долговременными сооружениями. Одной из главных задач ставилось возведение первой линии оборонительных сооружений на расстоянии порядка 330 километров от Москвы, а затем строительство второй линии восточнее от нее, ближе к Вязьме [51].

На всю постановку задач и согласование вопросов потребовалось порядка 40 минут. Это был первый из двадцати двух визитов Круглова С.Н. в кабинет вождя.

На возведение оборонительных сооружений фронта резервных армий направили такие крупные московские строительные организации, как подрядчик работ по Дворцу Советов (на Вяземское направление), трест «Строитель» (на Рославльское направление) и трест «Мосжилстрой» (на Сычевское направление). На других участках действовали строительные организации НКВД под руководством Мальцева П.М. В организованные строительные отряды влились десятки тысяч москвичей, а также жителей Орловской, Смоленской, Калининской, Рязанской, Воронежской и других областей.

Возведенная оборонительная полоса включала в себя следующие сооружения: противотанковые рвы, эскарпы, завалы, командные и наблюдательные пункты, противопехотные препятствия, окопы для станковых пулеметов и минометов, долговременные земляные огневые точки (дзоты), долговременные железобетонные артиллерийские и пулеметные точки (доты), ходы сообщения, убежища и другие объекты. Больших инженерно-строительных работ потребовала установка крупных морских орудий. Кроме того, возводились плотины и мосты, а те дороги и сооружения на них, которые могли использоваться противником при наступлении, готовились к разрушению и минировались [51].

Несмотря на все предпринимавшиеся меры, в июле 1941 года обстановка на всех направлениях боевых действий стала для нас еще сложнее. Даже ввод в сражение большого количества соединений, прибывших из внутренних округов, не обеспечил создания устойчивого фронта стратегической обороны [47].

Быстрое продвижение немецких войск по территории нашей страны вызвало огромный поток беженцев, грузовых транспортов и отступавших частей, который двигался на восток, в том числе и через Москву. Для того чтобы эта стихийная лавина больших масс людей и техники, попав на улицы города, не парализовала столицу, Сталин И.В. перед Главным управлением шоссейных дорог наркомата внутренних дел поставил сложнейшую задачу: в кратчайший срок построить вокруг Москвы кольцевую дорогу, которая позволила бы направить движение транспорта обходным путем. Несмотря на все трудности, работники главка быстро провели полевые изыскания и такая дорога протяженностью 125 км, соединившая 10 автомобильных и 11 железных дорог, сходившихся в столицу, была построена в заданный вождем срок [41].

В связи с тем, что фронтовая обстановка все ухудшалась, Советом по эвакуации при СНК СССР было принято решение о частичном выводе из Москвы центральных аппаратов НКВД и НКГБ, которые следовало разместить в городах Куйбышеве, Чкаловске, Уфе, Саратове, Кирове, Новосибирске, Свердловске, Казани, Пензе, Молотове и Ульяновске. При штате центрального аппарата НКВД СССР в 10 000 человек эвакуации подлежали 7000 сотрудников. Наркомат госбезопасности, имевший несколько больший штат, вывозил 7500 своих работников. Всего вместе с членами семей намечалось эвакуировать порядка 33 000 человек.

В эвакуацию в город Куйбышев отправилась и семья Кругловых. Вместе с Таисией Дмитриевной в поезде ехали ее дочь Ирина шести лет и четырехлетний сын Валерий. К ним присоединилась сестра Таисии Дмитриевны Елизавета Родникова с девятилетней дочерью Маргаритой, а также пришлось с собой забирать гостившего в семье ленинградца Владимира, 10 лет, сына брата Сергея Никифоровича Василия, проживавшего в городе на Неве.

Отмечу попутно, что в это же время таким же маршрутом отправилась в эвакуацию семья сотрудника НКГБ Лебедева Ф.В., моего будущего тестя. Екатерина Ивановна, через два десятка лет ставшая моей дорогой тещей, перевозила троих своих детей: шестилетнего сына Владимира, четырехлетнюю дочку Галину и двухлетнюю малышку Людмилу, мою нареченную супругу.

Серьезные неудачи советских войск, их отступление и частичная дезорганизация, потеря управления войсками, дезертирство и неспособность военного командования справиться с этими проблемами привели к тому, что постановлением ГКО от 17 июля 1941 года органы контрразведки наркомата обороны

были преобразованы в особые отделы НКВД, которые объединило новое управление в составе наркомата внутренних дел, возглавлявшееся заместителем наркома комиссаром гб III ранга Абакумовым В.С. Главной задачей этих отделов являлась «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе». В директивном порядке особые отделы «для выполнения поставленных перед ними задач» наделили большими правами по «беспощадной расправе с паникерами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии». В обязанности НКВД входило также объективное информирование руководства страны о реальном положении дел на фронте и в тылу, о правильности действий войсковых командиров и всех явлениях, мешавших укреплению обороноспособности.

Вполне понятно, что в сложившейся тяжелой обстановке работа органов государственной безопасности «в освобожденных странах» в ближайшем будущем не предвиделась да и функции наркомата внутренних дел претерпели значительные изменения, особенно в плане использования войск НКВД. В связи с этим указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года оба ведомства вновь были объединены. Опять свое привычное место в структуре НКВД заняли оперативно-чекистские управления и отделы. Охранные и конвойные войсковые части сразу утратили свое первоначальное предназначение, поскольку по не взорванным мостам теперь спокойно шли немецкие танки, накопленные у западной границы огромные запасы военной техники, имущества и боеприпасов достались в качестве трофеев врагу, а бесчисленное количество советских военнопленных фрицы гнали в свои фашистские лагеря. В связи с этим указанные войсковые подразделения преобразовали во внутренние войска. Общий штат центрального аппарата НКВД резко сократился до 9000 человек. Должность наркома внутренних дел сохранилась за Берия Л.П., а Меркулов В.Н. вновь стал его первым замом. Постановлением СНК СССР от 30 июля 1941 года другими заместителями наркома были назначены Круглов С.Н., Абакумов В.С., Серов И.А., Кобулов Б.З., Чернышов В.В., Масленников И.И., Завенягин А.П., Сафразьян Л.Б. и Обручников Б.П. При распределении обязанностей между наркомом внутренних дел и его заместителями в циркуляре от 31 июля 1941 года отмечалось, что Круглов С.Н. и Масленников И.И. временно освобождены от наблюдения за работой управлений и отделов НКВД СССР в связи с убытием на фронт [10].

Как раз в это время, 30 июля 1941 года, Ставкой Верховного Командования был издан приказ, которым предписывалось для объединения действий резервных армий на ржевско-вяземской линии сформировать штаб Резервного фронта. Командующим фронтом назначили Жукова Г.К., а генерал-лейтенант Богданов И. А. стал его заместителем. Членами Военного совета образованного фронта остались Круглов С.Н. и Попов Г.М.

В своих «Воспоминаниях и размышлениях», завершенных в 1969 году, знаменитый маршал фамилий Круглова С.Н. и Попова Г.М. не упоминает. Это вызвано, очевидно, тем, что в период написания данных мемуаров Сергей Никифорович и Георгий Михайлович находились в опале у верховных властей и потому приводить их имена в столь фундаментальном труде представлялось нежелательным. Кроме того, Георгий Константинович всегда весьма предвзято относился как к самому НКВД, так и к его войскам, порой вынужденно выполнявшим весьма специфическую роль заградительных отрядов в тылу воинских частей, которые вел в бой в том числе и сам «Маршал Победы». В связи с этим в исторических описаниях оказались весьма слабо отражены боевые действия войск НКВД, хотя в трагической обстановке именно они часто являлись наиболее боеспособными и стойкими [48].

А вот Сергею Никифоровичу нравилось воевать вместе с Георгием Константиновичем. Ему импонировали смелость, решительность тогда еще генерала армии, его способность быстро схватывать обстановку, отдавать четкие указания. Командный пункт фронта командующий устраивал всегда в непосредственной близости от передовой, чтобы самому следить за ходом сражения. Если к этому добавить организационные способности члена Военного совета фронта, опыт комиссара госбезопасности III ранга по работе с людьми, его умение вдохновлять воинов на большие дела, то в совокупной деятельности этих двух крупных руководителей получалось прекрасное сочетание командных и человеческих качеств.

После войны возникнут, правда, серьезные разногласия между маршалом и генерал-полковником по одному принципиальному вопросу. Но об этом речь предстоит еще впереди.

События тех трудных дней Маршал Советского Союза Жуков Г.К. впоследствии описывал так: «Противник, хотя и нес значительные потери, по-прежнему на решающих направлениях имел трех-четырехкратное превосходство, не говоря уже о танках. Железнодорожные перевозки наших войск по ряду причин осуществлялись с перебоями. Прибывающие войска зачастую

вводились в дело без полного сосредоточения, что отрицательно сказывалось на политико-моральном состоянии частей и их боевой устойчивости. Слабость нашей оперативно-тактической обороны состояла главным образом в том, что из-за отсутствия сил и средств нельзя было создать ее глубокое эшелонирование. Оборона частей и соединений, по существу, носила линейный характер. Из-за отсутствия быстроходных и вездеходных тягачей войска не имели возможности широко маневрировать артиллерией, чтобы в нужный момент оказать помощь в отражении танковых атак противника. Во фронтах и армиях осталось очень мало танковых частей и соединений» [47]. Действительно, за несколько месяцев боев Красная Армия потеряла более 25 тысяч танков! К началу битвы за Москву в распоряжении командования оставалось лишь 1700 боевых машин, которые по фронтам распределял лично Сталин [44].

Несмотря на то что Круглов С.Н. находился в войсках, руководство Наркомата внутренних дел не забывало о нем, и в столь горячее время приказом от 7 августа 1941 года опытный в кадровых делах заместитель наркома был назначен председателем Центральной аттестационной комиссии НКВД СССР. Очевидно, вопрос о кадрах был крайне важен в связи со сложившейся фронтовой обстановкой и неожиданной сдачей в плен значительной части армии во главе с сотней генералов и почти двумястами тысячами командиров. Видимо, эти, не известные нам ранее чрезвычайные обстоятельства вынудили Сталина И.В. сделать заявление о том, что «у нас нет военнопленных, у нас есть изменники Родины». Наркомату внутренних дел поручили создать фильтрационные лагеря для проверки военнослужащих, возвращавшихся из плена или побывавших на территории, занятой противником. Приказом Верховного Главнокомандующего до сведения всех находившихся на фронте красноармейцев и командиров доводилось, что их семьи в тылу становились заложниками их поведения на фронте. В случае сдачи в плен родственники могли подвергнуться репрессиям. За отказ от выполнения боевого приказа военнослужащий мог жестоко караться, вплоть до расстрела на месте.

В связи с неудержимым продвижением армии вермахта по нашей территории 12 августа 1941 года было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О расселении немцев Поволжья в Казахстане», которое несколько позднее узаконил указ Президиума Верховного Совета СССР. Несмотря на сложную обстановку, для реализации этой акции были выделены десятки

тысяч сотрудников НКВД. С 3 по 20 сентября 1941 года были организованы многочисленные эшелоны, в которые погрузили 438 700 мужчин, женщин и детей и отправили в Казахстан, а частично также в Красноярскую, Новосибирскую, Омскую области и на Алтай.

Одновременно с этим начались операции по высылке советских немцев, а заодно и финнов из Ленинграда и области. В сентябре депортации подверглись советские немцы из Москвы и Московской области, затем из Ростовской, Тульской, Запорожской, Сталинградской и Ворошиловградской областей и с Северного Кавказа. К 1942 году на спецпоселениях числились более одного миллиона советских немцев, причем 800 тысяч из них составляли репатрианты из европейской части СССР, а остальные ранее проживали на востоке страны, но их без переселения тоже зачислили в «спецконтингент». Десятки тысяч депортированных взрослых немцев, включая женщин, затем мобилизовали в строительные колонны НКВД, в так называемую «трудармию», сочетавшую в себе элементы военных формирований, трудовой деятельности и лагерного режима содержания [39].

На основании постановления ГКО от 22 августа 1941 года для руководства возложенным на НКВД строительством оборонительных сооружений было образовано Главное управление оборонительных работ (ГУОБР) НКВД СССР. Приказом наркома начальником ГУОБРа назначили комиссара гб III ранга Павлова К.А., первым его заместителем стал старший майор гб Рапопорт Я.Д., а заместителем и главным инженером — Жук С.Я. (с оставлением двух последних на своих должностях в Главгидрострое). Возведение оборонительных сооружений развернулось по всей линии от Черного до Балтийского и Белого морей. В качестве рабочей силы использовались как заключенные, так и местное население непризывных возрастов из числа школьников, студентов и пенсионеров.

Главной задачей Резервного фронта в сложившейся стратегической обстановке являлось нанесение контрудара под Ельней с целью ликвидации плацдарма, который немцы могли использовать для наступления на Москву. Ставкой Верховного Главнокомандования эту операцию предложено было провести Жукову Г.К., являвшемуся ее инициатором. В двадцатых числах августа основной контрудар наносила 24-я армия, которой командовал Ракутин К.И., ранее занимавший командный пост в пограничных войсках НКВД. Сражение на всех участках было ожесточенным и тяжелым для обеих сторон. Боевые действия не прекращались ни днем, ни ночью. 6 сентября 1941 года,

воспользовавшись темнотой, разбитый противник оставил свои позиции и наши войска заняли Ельню. Опасный плацдарм был ликвидирован.

Однако в это время тяжелое положение сложилось на Юго-Западном фронте и под Ленинградом. Решением Ставки 10 сентября 1941 года Жуков Г.К. вступил в командование Ленинградским фронтом, а Резервный фронт принял Буденный С.М.

Если к концу сентября оборону невской твердыни удалось укрепить, то на других фронтах положение значительно ухудшилось. После крупного разгрома нашего Юго-Западного фронта немецкое командование перенесло основные усилия на Западное направление, чтобы продолжить наступление на Москву. На подступах к столице оборонялись три наших фронта: Западный (командующий генерал-полковник Конев И.С.), Резервный (командующий Маршал Советского Союза Буденный С.М.) и Брянский (командующий генерал-лейтенант Еременко А.И.). Наступление немецких войск началось 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии. 2 октября противник нанес мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов и прорвал нашу оборону. Ударные силы врага стремительно продвигались вперед, охватывая с юга и с севера всю дислокацию этих фронтов. По приказу командующего Западным фронтом был нанесен контрудар по северной группировке войск противника, но успеха эти боевые действия не принесли. К исходу 6 октября значительная часть войск Западного и Резервного фронтов оказалась в окружении западнее и северо-западнее Вязьмы.

В этой критической обстановке член Военного совета фронта Круглов С.Н. чудом не попал в окружение и не погиб. Как позднее вспоминал Сергей Никифорович, он вместе с еще одним генералом находился в блиндаже, где они анализировали сложившееся положение и прекрасно представляли себе, что скоро кольцо окружения Резервного фронта замкнется. В это время по пока еще работавшей связи Круглову С.Н. было приказано срочно прибыть в Москву, в Наркомат внутренних дел. Комиссар госбезопасности и генерал распрощались, не зная, какая судьба ждет каждого из них. Сергей Никифорович благополучно добрался до своего наркомата, а через какое-то время узнал, что после его ухода снаряд попал в блиндаж и тот генерал погиб.

10 октября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандующего издала директиву, которой в целях сосредоточения в одних руках управления войсками Западного

направления предписывалось объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт и передать в его распоряжение все оставшиеся на Можайской линии обороны войсковые части. Командующим этим фронтом назначили Жукова Г.К., а членом Военного совета Круглова С.Н. К этому времени сюда уже начали прибывать подкрепления из резерва Ставки. В тылу войск первого эшелона проводились большие инженерно-саперные работы по развитию обороны в глубине, строились противотанковые заграждения на всех танкоопасных направлениях.

С 13 октября 1941 года разгорелись ожесточенные бои на всех оперативно важных направлениях, ведущих к Москве. Усилилась бомбежка столицы. С 20 октября в городе было введено осадное положение. В эти тяжелые дни Военный совет Западного фронта обратился с воззванием к войскам, в котором говорилось: «Товарищи! В грозный час опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, героизма и стойкости. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной Москве. Сейчас, как никогда, требуются бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию».

Однако в результате ожесточенных, кровопролитных боев немецко- фашистским войскам удалось продвинуться на 230–250 километров [47].

Опасаясь за свой глубокий тыл, 20 октября 1941 года Ставка назначила Круглова С.Н. начальником 4-го управления оборонительного строительства и одновременно командующим 4-й саперной армии. Оборонительные рубежи предназначались для прикрытия города Куйбышева, куда были эвакуированы часть центральных учреждений и весь дипломатический корпус, а также вывезены из столицы особо важные государственные ценности. Здесь же в глубоком скальном подземелье находился и командный бункер Сталина, в который вождь, несмотря на тревожную обстановку, так и не переехал из Москвы. На всех угрожаемых участках строилась глубоко эшелонированная противотанковая оборона, создавались противотанковые опорные пункты и противотанковые районы.

Пользуясь определенным затишьем на фронте, вызванным тем, что немцы в прошедших сражениях понесли значительные потери и вынуждены были пополнять и перегруппировывать войска, в канун праздника (который теперь отменен) в столице на станции метро «Маяковская» было проведено торжественное

заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября 1941 года на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Это событие сыграло огромную роль в поднятии морального духа армии и советского народа и укрепило уверенность в неизбежном разгроме захватчиков.

15 ноября 1941 года противник начал второй этап наступления на Москву под условным названием «Тайфун». Однако в результате тяжелых боев враг был остановлен, а потом без какой-либо паузы наши войска, начиная с 6 декабря 1941 года, перешли в контрнаступление и отбросили гитлеровские полчища от стен Москвы. Несмотря на то что ударные группировки вермахта потерпели тяжелое поражение и отступали, враг был еще очень силен и последующая борьба предстояла крайне трудная [47].

В связи с устранением угрозы дальнейшего продвижения немецких войск в глубь страны 12 декабря 1941 года Круглов С.Н. был освобожден от командования саперными войсками и вернулся в Москву для продолжения работы в Наркомате внутренних дел СССР. За весь период пребывания Сергея Никифоровича в районе Куйбышева ему лишь один раз удалось заскочить «домой» на улицу Степана Разина, чтобы проведать своих.

В то же время, находясь в войсках, замнаркома не раз приходилось обращаться к исполнению своих непосредственных обязанностей, чтобы отработать документы. Так, 27 ноября 1941 года и. о. прокурора СССР Г. Сафронов, заместитель наркома внутренних дел С. Круглов и нарком юстиции Н. Рычков подписали совместное циркулярное письмо, которым «на основании секретного, не подлежащего публикации» указа Президиума Верховного Совета СССР определили категории заключенных, освобождавшихся от дальнейшего отбывания наказания. В соответствии с этим документом наркоматам внутренних дел и юстиции, прокурорам союзных и автономных республик, начальникам управлений внутренних дел и юстиции, прокурорам краев и областей в местностях, не объявленных на военном положении, предлагалось выпустить из-под стражи лиц, осужденных за опоздания и прогулы, маловажные бытовые преступления, женщин, беременных и с малолетними детьми, учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, военнослужащих, совершивших малозначительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, нетрудоспособных инвалидов и стариков. При этом обретавшие свободу граждане предупреждались, что в случае совершения ими новых

преступлений они будут подвергнуты более суровой мере наказания. Не подлежали освобождению осужденные за контрреволюционные преступления, злостные хулиганы и рецидивисты, а также немцы, финны, румыны, венгры, итальянцы, латыши, литовцы и эстонцы. Самое главное, что вышедшие из заключения лица призывных возрастов организованно передавались в военкоматы для направления их в Красную Армию.

8. Война и жизнь

Начало войны и тревожные вести с фронтов поначалу не вызвали в тыловых городах и населенных пунктах серьезной обеспокоенности населения. Ветераны вспоминают, что молодежь даже веселилась, отправляясь выпить пива за победу, а потом шла на призывные пункты, чтобы записаться добровольцами в армию: «Вот мы им сейчас покажем!» Перед войной партийная пропаганда длительное время старалась выполнить указание товарища Сталина о том, что «нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох». Даже когда немецкие войска рвались к Москве, и пришлось начать эвакуацию учреждений и жителей столицы, многие считали, что это не надолго, а потому старались не набирать с собой в дальнюю дорогу лишние вещи.

С таким же приблизительно настроением отправилась в эвакуацию в город Куйбышев и Таисия Дмитриевна Круглова со своими детьми Ириной и Валерием, с сестрой Лизой Родниковой и ее дочерью Ритой и племянником мужа Володей Яковлевым. Погрузились в поезд почти без всякой поклажи.

Квартиры в «Доме правительства» на набережной, из которых полностью выезжали семьи, после составления описи вещей запирали и опечатывали. Однако квартиру Кругловых сдавать «под охрану» не стали, поскольку Сергей Никифорович по делам службы бывал в городе и иногда заходил к себе домой. Отсюда он направил два письма семье в Куйбышев. Первое письмо было датировано 16 июля 1941 года и на конверте с маркой «Почта СССР. 30 коп.» имело штемпель «Москва. Почтамт. 21.7.41». На Главный почтамт города Куйбышева «Кругловой Таисии Дмитриевне (до востребования)» весточка из столицы прибыла 26 июля 1941 года. Вот ее содержание:

Здравствуй, моя родная Тая!

Шлю тебе привет из родной Москвы и желаю тебе и детям счастья. Как я уже говорил тебе по телефону, я прибыл в Москву ночью 12 июля, заехал на квартиру. У меня было большое желание удостовериться, что вы не уехали. Но, увы, я увидел, что моих родных и близких дома уже нет. Правда, стало на душе как-то грустно, но ничего, приходится перебарывать в себе чувство личного счастья, когда идет вопрос о счастье сотен миллионов людей, об их жизни, свободе. В груди закипает жгучая ненависть против фашистских бандитов, которые нарушили мирную жизнь

всех нас, втоптали в грязь лучшие наши чувства, мысли, желания.

Я, Таек, делаю всё, что могу, всё, что в моих способностях отдаю на борьбу с гитлеровской бандой. Время у меня всё уходит на работу, спать приходится по несколько часов в сутки. Приехал я из поездки весь в пыли, грязный и первым делом с удовольствием искупался и переоделся, почувствовав себя сразу помолодевшим.

В Москве, Тая, чувствуется деловая напряженность, людей стало заметно меньше, автомобили на улицах редки — рабочая столица отдает все силы на борьбу с коварным врагом. Тебя, наверное, интересуют дела на фронте — знакомься с ними по сводкам Информбюро. От себя могу добавить, что дела наши поправляются, и скоро придет время, когда мы крепко дадим по морде фашистской сволочи.

Я доволен, что вы уехали, вы будете спокойнее себя чувствовать, а придет время — снова вернетесь. Мне трудно представить, как вы устроились, хорошо ли, плохо ли или удовлетворительно. Но я знаю одно, что при всех обстоятельствах моя Тая окажется на высоте положения и будет держать себя с достоинством. Карточки (точнее, фотокарточки. — *Ю. Б.*), *оставленные тобою в столе, я взял к себе: пусть они будут постоянно при мне, и я смогу всегда посмотреть на дорогие для меня лица.*

До свидания, Таек, до свидания. Поцелуй за меня детей, а остальным передай привет. Письма твоего еще нет.

Крепко тебя целую и обнимаю, до скорой встречи, моя дорогая жена. Твой Сергей.

Второе письмо, написанное Сергеем Никифоровичем 31 июля 1941 года в Куйбышев Таисии Дмитриевне, совсем короткое:

Здравствуй, моя родная Тая!

Сегодня я из Москвы уезжаю на несколько дней. Как буду иметь возможность, позвоню тебе по телефону. Ты обо мне не беспокойся и не волнуйся, моя дорогая. Писем твоих еще не получил. Отцу денег 200 рублей и ваш адрес — передал. Погода сегодня в Москве плохая — осенняя, накрапывает дождик и холодновато.

Таек, времени прошло с того дня, как мы расстались, немного, а я так соскучился по тебе, по ребятишкам, что все время о вас думаю. Милая моя женушка, мой дорогой Таек, я тебя очень люблю. Крепко тебя целую и обнимаю. Надеюсь, придет скоро времечко, когда я смогу тебя прижать к своей груди, моя Тая.

До свидания, моя любимая, моя единственная и дорогая Тая.

Целую ребят и шлю привет родным. Твой Сергей.

Вещи, которые ты просила — посылаю.

Действительно, затянувшаяся «командировка» привела к тому, что семья стала нуждаться в самых обычных вещах, оставленных дома. Хорошо, что Таисия Дмитриевна имела возможность обратиться к секретарю своего мужа Давыдову А.Ф. с просьбой прислать необходимое. Из того трудного времени сохранились записки Александра Федоровича, которые позволяют понять существо былых житейских проблем.

2 августа 1941 года, направляя в Куйбышев посылку, Давыдов А.Ф. написал: *«Таисия Дмитриевна! Я передал Сергею Никифоровичу вашу просьбу о присылке двух подушек, одеяла, кастрюль, электрокастрюли и электроплиток. Все, что собрано в этом узле, собрано Сергеем Никифоровичем. Оказалось, что электроплиток в узле нет, так как их в квартире не могли найти. Две плитки я купил и вам посылаю. Если потребуется вам еще что-либо, прошу позвонить мне».*

7 августа 1941 года Сергей Никифорович сам написал письмо жене, насколько возможно, подробно описав дороги войны, по которым ему пришлось пройти:

Здравствуй, дорогая моя Тая!

Спешу написать тебе маленькое письмишко, улучив свободную минуту. Вчера от тебя получил письмо, которое ты передавала с посыльным. Других писем, о которых ты упоминаешь, и телеграмм я не получал. Вещи — некоторые — я тебе послал, но далеко не в том количестве, которое ты просила. При первой возможности я тебе пошлю еще (послано: 1 одеяло, 1 подушка, халат, кастрюли, утюг и плитка). Я очень рад, что ты более или менее сносно устроилась, и что все здоровы. Надеюсь, природа там у вас богатая — особенно должна быть величественна Волга. Ты, Тая, полюби Волгу: каждый истинно русский человек должен любить «матушку Волгу», ибо она — наша река и как бы служит нашему национальному чувству и патриотизму. Сейчас, когда фашисты пытаются поработить нашу страну, Волга, ее просторы, ее мощь должны вселять в нас новые силы, новый дух в смертельной войне с кровавым Гитлером.

Недавно я был по делам службы в Ржеве и в районах Ржева. На обратном пути в Москву решил заехать к себе на родину, посмотреть, благо выдался случай, а то, думал, может быть, еще заехать и не удастся. И вот мы на машине поехали в Зубцов, затем к вечеру попали в деревню (Устье), *в которой я уже не был свыше десятка лет. Приехал, ничего не узнаю, все изменилось, природа, люди. Я никого не знаю, и меня большинство не знает. Вечерком обошел я все знакомые места, сходил на Волгу, искупался, и легли спать на свежем сене, в сарае. Утром через Волоколамск*

выехали в Москву, где и были часов через 5 езды.

Знаешь, Тая, какое-то странное состояние переживал я. Или время суровое, или чувство родины сказывалось, но охватило какое-то печальное и в то же время умиротворенное чувство. В деревне было тихо-тихо, нигде не раздавалось ни малейшего звука, только Волга немного шумела на быстрине. Сидя один на берегу Волги, ночью, я безмятежно думал. В голову приходили тысячи воспоминаний и из далекого детства, и из более позднего времени. Как-то вдруг раскрылась вся жизнь, в памяти отразились все годы, все наиболее характерные этапы жизни, и пожалел я, что тебя не было около меня. Очень хотелось обнять, прижать к груди близкого, родного человека, мою Таю. И так долго, долго сидел ни о чем не думая, наслаждаясь тишиной ночи, всплесками воды и звездным небом. Но, увы! Я был один. Просидев часа два, я тихо побрел в сарай, где уже спокойно спали Цыпленков и Косов. В душе нарастала злоба, злоба на мерзавцев, которые огнем и мечом уничтожают все дорогое для нас, для нашей памяти, для нашей жизни. Вместе со злобой против фашистов вырастали уверенность в правоте и победе нашего дела и желание отдать свои силы этой борьбе. Но, довольно, что-то я сегодня расфилософствовался. Не знаю даже, чем это объяснить.

Тая, перед этим письмом я тебе посылал письмо, адресованное на квартиру. Не знаю, получила ты его или нет. Таек! Письма мне пиши на Наркомат, они перешлют мне туда, куда будет нужно. Обо мне не беспокойся, я жив и здоров, чего и вам желаю. Скажи Лерику и Ирочке, чтобы они вырастали большие, большие к моему приезду, были бы здоровые и крепкие и хорошо кушали. Если они будут хорошо вести себя, папа привезет им много интересных игрушек и прокатит их на автомобиле. Не забывают ли ребятишки своего отца, а? Этого мне очень бы не хотелось.

На этом писать заканчиваю. До свидания, моя дорогая Тая.

Целую и обнимаю тебя крепко, крепко. Привет всем.

Твой Сергей.

В следующей записке Давыдова А.Ф. от 17 сентября 1941 года опять сообщалось о решении бытовых вопросов. Во-первых, секретарь посылал один экземпляр справки Жилотдела АХУ НКВД о квартире, передав второй экземпляр в управление домом. Во-вторых, у Таисии Дмитриевны, как на грех, закончился срок действия паспорта, и его следовало заменить на новый. Но если сейчас паспорт обменять, то в нем не будет отметки о прописке, а без этого в Москву не пустят. Старый паспорт становился недействительным, что тоже было чревато неприятными последствиями. Поэтому предлагалось продлить срок действия

паспорта в Главном управлении милиции. В-третьих, секретарь возвращал остаток денег *«от уплаты за перевозку багажа по железной дороге, за хранение, переноску и т. д.».*

Далее в записке говорилось: *«Таисия Дмитриевна! Если Вы в чем- нибудь будете испытывать затруднения, потребуется ли сделать что- либо в Куйбышеве или Москве, или сообщить что-либо Сергею Никифоровичу и т. д. — прошу Вас писать мне или позвонить через Лепилова* (Лепилов А.П. — заместитель начальника ГУЛАГа. — *Ю. Б.*). *Поверьте, что Ваши просьбы не составляют затруднений для меня и все, что возможно будет, сделаю. Уважающий Вас Давыдов».* В качестве постскриптума сообщалось, что *«Ваше письмо Сергею Никифоровичу»* отправлено было сегодня же с попутным нарочным.

В третьей записочке от 8 октября 1941 года сообщалось: *«Вчера в Москву приезжал Сергей Никифорович, буквально на 2–3 часа. Письмо Ваше я ему передал. Он поручил сообщить, чтобы в Москву Вы сейчас не приезжали, во всяком случае до 20 октября, а после этого он Вас известит. Уважающий Вас Давыдов»* [26]. А 20 октября 1941 года, как было рассказано в главе 7, Сергей Никифорович сам получил назначение в Куйбышев.

Война вошла в каждый дом и нарушила мирную жизнь советских людей. По-разному сложились теперь их судьбы, о чем можно узнать из сохранившихся писем, по большей части почтовых открыток или сложенных треугольником листков бумаги, на которых, кроме адреса и почтовых штемпелей, стояли часто треугольная печать «Красноармейское письмо. Бесплатно» и штамп «Проверено. Военная (или Военно-полевая) цензура».

Одно из долгожданных писем в город Куйбышев-областной, на улицу Разина, 44, квартира 16, где разросшаяся семья находилась в эвакуации, Кругловой Таисии Дмитриевне пришло, пропутешествовав по дорогам войны целый месяц, из подмосковного города Серпухова от ее брата Остапова Николая Дмитриевича и было датировано 10 сентября 1941 года. Младший брат писал:

Здравствуй Таиса!

5-го сентября сего года проездом я был в Москве. Конечно, не в самой Москве, а на станции. Сейчас я нахожусь в Подольском пехотном училище. Живем пока в лагерях.

Таиса! Если сможешь, то пришли мне перчатки и белые портянки. Я веду уже подготовку к зиме. Носки у меня есть.

Передай Лизе (сестре. — *Ю. Б.*), *что деньги я получил и прошу*

вас больше не присылать.

Пиши, жду ответа. Привет всем. Николай.

Почтовую карточку в город Тулу старшей сестре Остаповой Полине Дмитриевне Николай, очевидно, немного сердясь и беспокоясь, написал 26 сентября 1941 года:

Поля!

Меня интересует, почему вы с Александром (старшим братом. — *Ю. Б.*) *молчите и не отвечаете мне намой новый адрес? От Таисы с Лизой тоже нет никаких слухов. Если имеете какое-либо известие от них, то напишите. Напиши, выехала ли Мария* (сестра. — *Ю. Б.*)*из Ленинграда.*

Привет отцу и Александру. Пишите, жду ответа. Николай.

Это было последнее письмо от брата Николая Остапова. Помимо семейных сохранилась еще одна личная фотография Коли да его удостоверение № 32 старшего страхинспектора Управления государственного страхования города Тулы. Вот и все. А сам Николай пропал. Где, в каких боях, при каких обстоятельствах — не известно. На запрос в Народный комиссариат обороны Союза ССР Таисия Дмитриевна получила ответ на стандартном бланке от 10 мая 1942 года из Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава Действующей армии Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии:

На Ваше письмо сообщаю, что сведений о местонахождении ***Остапова Николая Дмитриевича*** *в настоящее время не имеется.*

В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится.

Подпись: *Помощник начальника отдела интендант 3 ранга.*

Вот так. Пропал в безвестности советский воин, Красной Армии боец, и нет никаких данных о нем до сих пор. А сколько таких бесследно сгинувших было в ту войну! Каков оказался счет бездушным стандартным бланкам, в которые были вписаны фамилии, имена и отчества людей, коих военный учет уже отправил в полное небытие, а родные все еще безуспешно пытались разыскать?

Утешим себя тем, что у Кремлевской стены, где под неугасимым огнем находится могила Неизвестного солдата, сохраняется Вечная память и о Николае Дмитриевиче Остапове, исчезнувшем где-то на бескрайних полях суровых сражений Великой Отечественной войны.

Постепенно в эвакуацию в Куйбышев, на квартиру к Таисии Дмитриевне съехались другие ее родственники. Сестра Мария Бурляева со своим трехлетним сыном Валерием выбралась с последним поездом из Ленинграда. Перед самым отъездом получила «похоронку», извещавшую о том, что муж ее Виктор Бурляев погиб смертью храбрых в боях за Родину. Одновременно из зажимавшегося в тиски блокады города приехали родители Сергея Никифоровича Круглова — отец Никифор Яковлевич и мать Любовь Игнатьевна Яковлевы. С собой они привезли невестку Анастасию, жену сына Василия, с шестилетним сыном Борисом. Самого Василия, работавшего на ленинградском заводе сталеваром и являвшегося стахановцем, руководство предприятия отправило на аналогичное производство в Саратов. Однако там Василий Никифорович Яковлев проработал недолго: в трудных условиях работы у сталеплавильных печей он заболел воспалением легких и в возрасте тридцати лет умер 14 июля 1942 года.

Никифор Яковлевич в Куйбышеве устроился работать на оборонный завод «Красный химик», и его семье дали квартиру от предприятия. Там и стало проживать все семейство Яковлевых: сам глава семьи, его жена Любовь Игнатьевна, невестка Анастасия и внуки Владимир и Борис.

Самая старшая сестра из детей Остаповых, Полина, приехала в Куйбышев в начале ноября, эвакуировавшись из Тулы перед самым началом последнего наступления немцев по плану «Тайфун».

Самая младшая из сестер, двадцатилетняя Антонина Лазаренко, не захотела своевременно эвакуироваться из Ленинграда, где во фронтовых окопах сражался ее юный супруг Юрий. Большую часть блокады Тоня прожила в семье родителей своего мужа, и только когда почти все родные умерли от голода и болезней, она была эвакуирована через Ладожское озеро по ледовой Дороге жизни и добралась до Куйбышева к своим сестрам. После длительного голодания первое время Тоне постоянно хотелось есть, и она даже обижалась, что ее не кормят. А сестры просто оберегали свою младшенькую, чтобы от излишеств в потреблении пищи ей не стало плохо.

Глава многодетного рода Остаповых, Дмитрий Григорьевич, овдовевший еще до войны, все трудное время оставался и работал в Туле. Уже после того, как наши дела на фронте пошли на поправку, тяжело заболел. Вернувшиеся из эвакуации дочери перевезли его в Москву, где он и умер в 1943 году в возрасте 56 лет.

Так отразилось начало войны на жизни и судьбе самых

родных и близких людей Сергея Никифоровича и Таисии Дмитриевны Кругловых. Мы не рассказали еще только об Александре Дмитриевиче Остапове, которому в ту лихую пору исполнилось 35 лет. Он проживал в Туле, где сразу после нападения гитлеровцев был призван в армию и сражался в составе наших стрелковых частей.

5 февраля 1942 года Таисии Дмитриевне в Куйбышев по упоминавшемуся выше адресу пришла долгожданная почтовая открытка, отправленная братом Александром Дмитриевичем из столицы в последних числах января.

Здравствуй, Тая!

Пишу из Москвы, из госпиталя. В Москве был только одни сутки, и направили дальше, но не знаю, куда.

Я ранен, попал намину. Осколком ранило руку. Состояние хорошее. Привет всем. Приеду, напишу адрес. А.Остапов.

Присланная Александром открытка являлась художественной, на которой на фоне памятника Пушкину А.С. (он стоял тогда на противоположной стороне площади) были изображены пехотинцы в полушубках и шапках-ушанках с винтовками на плечо, маршировавшие в сторону Кремля. По обе стороны от скульптуры Александра Сергеевича красовалась надпись «Новогодний привет из Москвы!», а внизу мелким шрифтом были напечатаны его пламенные строки:

…Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

Таких открыток государственное издательство «Искусство» выпустило в 1941 году 200 тысяч штук.

Госпиталь, в котором проходил лечение Александр Остапов, оказался достаточно недалеко от места временного пребывания всех его родных: в Башкирской АССР, на станции Юматово Куйбышевской железной дороги. Для того чтобы сообщить свой новый адрес, 1 февраля 1942 года Саша послал сестре в Куйбышев новое письмо, написанное карандашом на листке из школьной тетради и свернутое за неимением конверта знаменитым «фронтовым треугольником»:

Здравствуйте.

Таиса, я послал вам письмо (имелась в виду приведенная выше открытка. — *Ю. Б.*). *Не знаю, получили вы или нет.*

Я в госпитале, ранен мелкими осколками от мины: в правую

руку, кисть, в грудь и лицо. Ранение легкое, чувствую себя хорошо.

Таиса, как получишь письмо, пиши, как живут наши.

Я писал Полине. Получила она письмо или нет?

Таиса, если можно прислать папирос, то пришли. Махорку нам дают. Из фруктов что-нибудь пришли. Если нету — не надо. Кормят хорошо.

Пока, всего хорошего. Привет всем. А. Остапов.

Из обоих посланий видно, что Александр давно не получал известий от своих родных, а потому не имел представления, кто и где находился. Но вот теперь связь наконец установилась и настроение раненого бойца значительно улучшилось. Он узнал обо всех, кроме брата Николая, а сестра Полина даже собиралась его навестить. 21 февраля 1942 года Александр написал:

Здравствуйте, сестры и дети.

Шлю я вам свой сердечный привет. Таиса, письмо от тебя и открытку от Марии получил. Ты интересуешься, как мое здоровье? Чувствую себя хорошо, раны почти зажили, только есть шум в голове. Еще, когда глубоко вздыхаешь, закладывает бока. Видно, во время ранения ушибло. Но ничего, пройдет. Так что, не беспокойтесь.

Таиса, я не знаю, сколько я буду в госпитале. Приедет Полина, а меня раньше выпишут. Госпиталь расположен от станции в четырех километрах, там спросит.

Будет писать Коля, сообщи мне его адрес.

Привет всем. Пока, всего хорошего. А. Остапов.

Свое очередное письмо, от 1 марта 1942 года, Александр направил уже из воинской части. Теперь, как принято на Руси, во первых строках перечислил всех своих родных по старшинству:

Здравствуйте, сестры Полина, Лиза, Таиса, Мария и дети Рита (Родинкова), *Ира* (Круглова), *Валерий* (Круглов) *и Лерик* (Валерий Бурляев).

Шлю вам свой сердечный привет.

Меня из госпиталя выписали 28 февраля 1942 года. Сейчас я в части, в городе Уфе. Сколько времени буду находиться здесь, не знаю. Раны мои зажили, только остались пятна. Здоровье ничего, только шум в голове. Закладывает уши — от контузии.

Пишет ли вам Коля? Отцу я письмо послал.

Привет всем родным. А. Остапов.

16 марта 1942 года, снова перечислив всех сестер и их деток, к этому письму добавил:

Я жив, здоров. Только перевели в другую часть. Учусь минометному делу. Скоро буду минометчиком.

И вот опять сестрам Полине, Лизе, Таисе, Марии и Тоне (присоединившейся наконец к своим), детям Рите, Ире, Лерику (Круглову) и Лерику (Бурляеву) — майские вести с фронта:

Шлю я вам красноармейский привет. Я жив и здоров. Мы переехали на фронтовую полосу. Юго-восточное направление. Плохо тем, что ночи стали слабые, бомбят.

Напишите, жив Коля или нет.

Если посылки принимают, то пришлите, маленькую: папирос, табаку, портсигар, ножик — кое-что по мелочам.

Всего хорошего. Минометная батарея, Остапов.

И вот последнее письмо от 18 мая 1942 года, проверенное военно- полевой цензурой:

Шлю я вам свой сердечный красноармейский привет.

Я жив, здоров, нахожусь в другом месте, недалеко от Тулы. Часто бываю в (закрашено цензором. — *Ю. Б.*).

Дальше тревожные строки:

Тася, я заболел, видимо, грипп. Сильно ослаб. Сильная изжога, так жжет — до тошноты. Наверное, от рыбного супа. Врач говорит: пройдет. Хотелось бы белого хлеба.

Всего хорошего. Привет родным и знакомым. А.Д. Остапов.

Александр Дмитриевич Остапов, участвуя в боевых действиях наших войск, еще дважды бывал ранен и контужен, после чего стал не годен к военной службе. Но судьба его хранила, и он был направлен в город Куйбышев на военный завод.

Сохранилась целая подборка «лирических» писем, которые во второй год войны Сергей Никифорович посылал в Куйбышев своим детям и жене, поздравляя их с днями рождения. Первые два письма от 3 июля 1942 года из Москвы связаны с пятилетием появления на свет сына Валерия.

Здравствуй, мой сыночек Лера Круглов.

Твой папа поздравляет тебя с днем рождения и радуется, что ты теперь стал уже такой большой. Когда вырастешь совсем большой, мы с тобой поедем на автомобиле. Ты будешь сам сидеть за рулем и управлять, а я буду сидеть с тобой рядом. А Ирочку с мамой посадим на задние места, и на них будет дуть сильный ветер. А потом ты выучишься летать на самолете и будешь храбрым летчиком. Мы с тобой полетим из Куйбышева в Москву — быстро, быстро, быстрее, чем на автомобиле. Посылаю тебе из Москвы посылку. Ты попроси маму развязать ее и сделай всем подарки. А маму и Ирочку поцелуй за себя и за меня. Не забудь поблагодарить всех, кто тебя будет поздравлять с днем рождения.

До свидания, мой сыночек Лера. Твой папа.

ПОСЫЛАЮ ТАКЖЕ ПРИВЕТ МОЕЙ ИРОЧКЕ КРУГЛОВОЙ. Папа.

Второе из этих писем «с разъяснениями» адресовано жене Таисии Дмитриевне:

Дорогая Тая!

Поздравляю тебя с днем рождения нашего сына Лерочки. Желаю тебе провести этот день настолько радостно, насколько позволяет теперешняя обстановка.

5 лет Лерке! Надо нам запомнить этот год — пройдет время, и мы будем вспоминать его, этот год, когда Лерке было 5 лет и когда наша Родина, все мы, стояли перед огромными испытаниями, когда решался вопрос о нашем будущем, о будущем нашего сына. Желаю тебе за скромным столом со своими близкими поднять тост за нашу победу над врагом, за нашу Родину, за будущее и счастье наших детей, в том числе и нашего сына. Жалею, что в этот день я не с вами, но ты представляй за столом и меня — рядом с тобой.

Поздравляю также с пятилетием внука дедушку и бабушку его, а также и всех его тетей. Хочу, чтобы все они пожелали счастья моему любимому сыну и полной, красивой жизни.

Тайка, я пишу это письмо утром 3 июля (4.30), но до сих пор, несмотря на мое поручение, игрушек и каких-либо подарков для Лерки, если днем не найдут, то не знаю, как быть. Ты, наверное, что-нибудь обещала, так тебе придется и выкручиваться. Но только меня ты уже не подводи.

Косов ничего не купил — сам бегал в магазин, кое-что купил — больше ничего нет.

Тая, прочитай мое письмо Лерке.

Обнимаю тебя и целую. Твой Сергей.

Следующая тройка писем от папочки из Москвы пришла в Куйбышев 24 августа 1942 года, ко дню рождения дочки Ирины. Самое большое письмо досталось, конечно, виновнице торжества:

Моей славной дочурке Ирочке в день ее рождения посылаю свой горячий привет.

Ирочка! Твой папа очень жалеет, что не может приехать в Куйбышев и вместе с мамой, Лериком и тобой отпраздновать твой день рождения. Но я обещаю тебе на будущий год, когда будет опять твой день рождения, обязательно приехать и вместе весело провести его.

Ирочка! Когда все соберутся у нас — дедушка, бабушка, мама, тети Поля, Лиза, Маня, Рита, Вова и более маленькие во главе с твоим братишкой Лериком, ты скажи: «Мой папа велел мне

поздравить вас всех с моим праздником и просил вас всех быть в этот день веселыми и пожелать мне много сил и счастья». А твой папа, Ирочка, тебя очень, очень любит и крепко, крепко тебя целует.

Когда я приеду к вам, я тебе и Лерику расскажу интересную сказку о том, как в одном городе, в другой стране, где всегда зима, снег и холод, жила такая же девочка, как и ты, и эту девочку звали «Красное солнышко». Она была беленькая, волосы у нее были тоже белые, как у тебя. Девочка эта была очень умная, и даже, когда она еще была совсем маленькая, все взрослые люди любили ее и радовались ей. Все ее, эту девочку, ласкали, старались ей что-нибудь подарить и поиграть с ней. Но в далеких горах в этой стране жил Черный ворон. Он был враг людей. И вот он решил украсть эту девочку — Красное солнышко. Однажды, когда она пошла к реке, неожиданно налетела черная туча — в ней скрывался Черный ворон. Туча закрыла девочку. Поднялся сильный ветер, начались дождь, буря. Раздался сильный удар грома, и сразу всё стихло. Когда же все успокоилось и просветлело, на берегу девочки уже не было. Черный ворон унес ее в свое логово. Все знавшие «Красное солнышко», очень плакали и горевали. Искали, но нигде не могли найти эту девочку.

Прошло много лет. Девочку — «Красное солнышко» стали уже забывать. Но у нее был братец. Когда ворон унес девочку, он был еще маленьким мальчиком. Но теперь он вырос, стал сильным, большим юношей — богатырем. Он решил, во что бы то ни стало, найти свою сестру и освободить ее от злодея. Собрался этот братец в путь-дорогу и отправится в далекие горы. С большим трудом, побеждая все темные силы, этот юноша-богатырь достиг места, где жил Черный ворон. Он вступил с ним в смертный бой. Убил этого ворона и освободил свою сестру.

Это уже была немаленькая девочка, а красивая девушка с длинными косами и милой светлой улыбкой. Она очень обрадовалась своему брату и своему освобождению. Они быстро собрались и отправились в обратный путь. Когда они вернулись к себе домой, все были очень рады и счастливы. А девушка эта настолько была добра, что своей добротой растопила весь снег и холод. И с тех пор там, где жила эта девушка, никогда не было ни снега, ни холода. Люди жили счастливо, и солнце щедро грело весь мир своими лучами. Поэтому-то эту девочку и звали — «Красное солнышко».

На этом, Ирочка, сказка и кончается. Эта сказочка и к тебе подходит: у тебя тоже есть брат Лера — он вырастет большой, будет сильный и храбрый и будет о тебе заботиться и защищать тебя.

На этом, Ирочка, письмо я заканчиваю. Поцелуй за меня маму и крепко, крепко ее обними. Твой папа.

Посылаю тебе небольшой подарок, но ты не забудь подарить что- нибудь и другим. Папа.

Вместе с «главным посланием» небольшое письмо папа адресовал и приболевшему сыну Валерию:

Здравствуй, мой сыночек Лера!

Мне мама говорила, когда она была в Москве, что ты последнее время не совсем здоров.

Лера! Если ты любишь своего папу и хочешь ему сделать приятное — ты должен скорее поправиться и быть опять сильным и здоровым. А для этого надо слушаться и исполнять то, что тебе говорят мама, старшие и что советует доктор. Надо принимать те лекарства, которые тебе дают, хотя они и горькие. Когда ты совсем поправишься, я к тебе приеду в гости, и мы с тобой вместе будем гулять и поедем на Волгу купаться. Я тебя научу плавать, а ты тогда уже, в свою очередь, научишь плавать Борю и маленького Лерика.

У Ирочки день рождения. Поздравляю тебя с Ирочкиным днем рождения. Я ей посылаю посылочку, она тебе что-нибудь подарит обязательно. Я ей об этом написал в письме.

Папа тебя очень любит и крепко, крепко целует.

Поправляйся, Лера, скорее — обязательно. Твой папа.

Третье, «взрослое» письмо было адресовано супруге Таисии Дмитриевне:

Милая моя женушка!

Видишь, какое время пришло: пишу тебе письмо уже одновременно с письмами нашим детям. А, кажется, давно ли мы об этом думали как о чем-то очень и очень отдаленном. Жизнь идет своим чередом, Таек. Номы об этом не особенно жалеем — не правда ли?

Поздравляю тебя с днем рождения нашей Ирочки — которую мы оба очень любим. Я, конечно, тебе безгранично благодарен за своих ребятишек — мне кажется, что они у нас самые славные, самые хорошие.

Время, Таек, в Москве у меня идет по-старому, только как-то скучно стало после твоего отъезда. Приходишь домой — пусто и делать нечего. Работы у меня стало больше, потому что многие уехали, и часть новых обязанностей легла и на меня.

Тая! На меня ни за что не сердись. Знай, что бы ни было, я тебя люблю, люблю. Всегда помню и не забуду мою маленькую, худенькую Тайку. Твой Сергей.

P.S. Время уже 5 утра. С этими письмами для ребят ушло порядочно времени. Конец рабочего дня. Немного устал и еду домой. Письма ты им прочитай сама. Если что нужно, прибавь от себя, ты ведьмой редактор. До свидания, Таек. Сергей.

Последнее из этой «лирической серии» письмо Сергея Никифоровича, направленное из Москвы в Куйбышев к 10 октября 1942 года, касалось дня рождения самой Таисии Дмитриевны:

Здравствуй, моя Тая!

Закончил с тобой говорить по телефону и решил написать маленькую записочку — от всей души поздравляю тебя с днем твоего рождения, желаю тебе счастья. А так как твое счастье связано с моим и нашими детьми, то я желаю всем нам благополучия и счастья.

Тая! Твой день рождения желаю провести настолько весело, насколько позволяет теперешняя обстановка. Хотел что-нибудь найти тебе в подарок, но, увы! Ничего не мог найти и придумать. Ты уж извини меня, ради бога — прими в подарок от меня мою любовь к тебе и мои самые лучшие пожелания. Имей в виду, что нам вместе с тобой почти уже 70 лет — мы становимся «мудрыми», «зрелыми» людьми, не правда ли? А давно ли, кажется, жили на Госпиталке в маленькой, сырой комнатке и были моложе почти на 10 лет. Время идет, но, я не знаю, как у тебя, а у меня нет чувства горечи. Годы проходят, но мы в эти годы жили, работали, были у нас свои радости и печали, и пусть жизнь совершает свое исконное движение — мы в этом движении не пассажиры, а сила движения.

Также от всей души желаю тебе здоровья и бодрости духа. Это — самое главное и это всё определяет.

Таек, опять меня вызвали. Писать больше некогда. Поверь, что по тебе соскучился и жду встречи с тобой и ребятишками.

Привет отцу, матери и всем остальным родственникам.

Целую тебя и обнимаю. Твой Сергей [26].

Почти два года пребывания в эвакуации пять сестер и четверо детей, согреваемые письмами родных своих, прожили дружной семьей, вместе переживая общую военную беду. Только в начале 1943 года появилась возможность вернуться домой, в Москву.

9. Трудный год войны

Во второй половине декабря 1941 года, когда комиссар госбезопасности III ранга Круглов С.Н. вернулся с фронта для продолжения исполнения своих обязанностей заместителя наркома внутренних СССР, эвакуированные наркоматы и учреждения начали постепенно переезжать в Москву в связи с тем, что угроза возможности вторжения немцев в столицу Страны Советов была полностью устранена.

Но если со служебными делами вопрос достаточно успешно налаживался, то в отношении бытовых, жилищных условий положение оказалось не слишком хорошим. Получилось так, что при критическом приближении немецких войск к Москве правительство отдало распоряжение заминировать и подготовить к взрыву важнейшие объекты, которые не должны были в случае вынужденной сдачи столицы достаться врагу. В список таких объектов попал и «Дом правительства» на набережной. Здание заминировали, и всем было ясно, что после его подрыва все добро, которое в нем имелось, будет уничтожено. В связи с этим охранные службы не возражали, чтобы оставшиеся в Москве жители забирали себе из обреченного дома те вещи, которые не были заперты. Опечатанные квартир не трогали, боясь нарушить имевшиеся на их дверях пломбы, но те помещения, которые оставались просто закрытыми на замок, вскрывали и оттуда выносили то, что могли. Так случилось и с квартирой Кругловых, которую Сергей Никифорович не стал сдавать по описи под охрану, поскольку, заезжая по делам в столицу, иногда заходил к себе домой. Остались лишь кое-какие пожитки да семейные фотографии, которые никому другому не были нужны.

На 1 января 1942 года громоздкая структура НКВД СССР выглядела следующим образом. Возглавлял наркомат Берия Л.П., первым его заместителем являлся Меркулов В.Н. Обязанности заместителей исполняли Абакумов В.С., Завенягин А.П., Кобулов Б.З., Круглов С.Н., Масленников И.И., Обручников Б.П., Сафразьян Л.Б., Серов И.А. и Чернышов В.В. Работу руководства обеспечивали Секретариат наркомата (Мамулов С.С.) и Контрольно-инспекторская группа (Павлов Н.И.). Карательным органом являлось Особое совещание, которому в связи с военным временем было предоставлено право вынесения приговоров вплоть до расстрела. Государственную безопасность обеспечивали управления разведки, контрразведки и секретно-политическое с необходимыми для их работы спецотделами (учетно-статистическим, опертехники, шифровальным, обысков, арестов,

наружного наблюдения и другие). Войсковые подразделения представляли главные управления пограничных и внутренних войск, Управление оперативных войск, Политуправление, Управление военного снабжения и Военно-строительный отдел. Важнейшими вопросами являлись охрана правительства, обеспечение правительственной спецсвязи и управление коменданта Московского Кремля. Военная обстановка потребовала создания отделов по разведке, террору, диверсиям в тылу противника и борьбе с бандитизмом и Штаба истребительных батальонов. Внутренний порядок в стране обеспечивали главные управления милиции, пожарной охраны, местной противовоздушной обороны и Тюремное управление. Военнопленными, интернированными и спецпереселенцами занимались соответствующие управление и отдел. Собственные вопросы Наркомата решали Хозяйственное управление, Центральный финансово-плановый отдел и Отдел кадров. Хранение документов, представлявших собой историческую ценность, обеспечивало Управление государственными архивами. В «производственные подразделения» входили: Главное управление лагерей, Главное управление шоссейных дорог, Главное управление аэродромного строительства, Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий, Главное управление лагерей железнодорожного строительства, Управление лагерей лесной промышленности, Управление материально-технического снабжения, Главпромстрой и Дальстрой [10].

После разгрома гитлеровцев под Москвой возникла достаточно благоприятная обстановка для дальнейшего успешного хода войны. Окрыленный достигнутым успехом, Верховный Главнокомандующий Сталин И.В. считал, что на данном этапе наша задача состояла в том, чтобы, «не давая немцам передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы», и «обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году». К середине января Красная Армия сразу девятью фронтами перешла в наступление на всем тысячекилометровом пространстве от Балтийского до Черного морей [52].

В Наркомате внутренних дел в начале 1942 года тоже царило приподнятое настроение. Возвращавшиеся в Москву эвакуированные подразделения занимали свои привычные помещения: управления и отделы центрального аппарата заполняли дом № 2 по улице Дзержинского, ГУЛАГ и другие

лагерные управления размещались в доме № 3 по улице Кирова, на улице Дзержинского в домах № 12 и 13 и на Покровском бульваре в доме № 14. ГУАС вернулся в дом № 8 по улице Куйбышева. Главное управление милиции так и оставалось в своих помещениях на улице Чкалова, в Фуркасовском переулке, на Садово-Сухаревской улице и на Ленинградском шоссе. Главное архивное управление занимало свое специальное помещение в доме № 17 по Большой Пироговской улице.

Приказом наркома внутренних дел СССР от 2 февраля 1942 года большинство работников центрального и местных аппаратов за успешную работу по выполнению заданий были награждены знаком «Заслуженный работник НКВД». Получил такой знак и заместитель наркома Круглов С.Н., проработавший к тому времени в органах внутренних дел три весьма боевых года.

21 февраля 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа работников Наркомата внутренних дел была удостоена правительственных наград «за образцовое выполнение заданий правительства по строительству укрепленных рубежей против немецко-фашистских захватчиков». В числе награжденных Круглов С.Н. получил орден Красной Звезды, Павлов К.А. — орден Красного Знамени, а Рапопорт Я.Д. — орден Ленина.

Зимнее советское наступление развивалось поначалу довольно успешно. Однако к концу февраля победоносное продвижение выдохлось, а в марте началась весенняя распутица, которая принесла с собой относительное затишье. За это время ни одна из планировавшихся операций не достигла поставленных решительных целей, а потери Красной Армии за первый квартал 1942 года составили почти 1800 тысяч человек [52].

С началом Великой Отечественной войны в силу сложившейся необходимости произошло определенное сворачивание лагерной системы. Мобилизация всех материальных ресурсов на обеспечение нужд армии потребовала прекращения выполнения многих проектов, в первую очередь крупных, долговременных, требовавших привлечения большой массы заключенных. Сразу же с началом боевых действий были остановлены все гидростроительные работы, строительство заводов по производству алюминия в европейской части страны, автодорожное строительство, законсервирована прокладка БАМа и прекращены работы еще на 60 объектах, обеспечивавшихся НКВД.

В связи с катастрофическими потерями на фронте уже в

первые месяцы войны из мест заключения досрочно освободили 420 тысяч человек и призвали их в Красную Армию. Дефицит рабочих рук в лагерях и колониях первоначально попытались компенсировать увеличением продолжительности рабочей недели и норм выработки. Одновременно с этим значительно ухудшились условия содержания и питания заключенных. В результате в лагерях и колониях резко возросла смертность. В связи с этим 1942 год явился в отношении безвозвратных потерь наиболее трудным годом войны: в глубоком тылу погибли почти четверть миллиона заключенных [37].

Серьезный кризис с началом войны постиг золотодобывающий Дальстрой, производство которого не представлялось возможным останавливать. В 1941 и 1942 годах из Севвостлага освобождали почти по 30 тысяч человек, отправлявшихся в основном в действующую армию. Взамен прислали чуть больше 12 тысяч новых заключенных. Поставки всех видов снабжения, включая продовольствие, значительно сократились. В результате в полярной тундре за эти два года умерли более 30 тысяч заключенных. В таких условиях выполнение планов по добыче золота и олова явилось чрезвычайно трудным делом. Однако, несмотря на все невзгоды, поставки по золоту удалось сохранить на достаточно высоком уровне, а извлечение олова даже увеличить. Положение спасло то обстоятельство, что, начиная с 1942 года, этот северный край во многом стал снабжаться за счет поставок по ленд-лизу из Соединенных Штатов Америки. Пароходами Дальстроя от нашего союзника по антигитлеровской коалиции завезли через только что отстроенный порт в Находке бульдозеры, взрывчатые вещества, жидкое топливо и часть продовольствия [34].

В связи с большими потерями на фронте необходимо было изыскивать людские резервы для Красной Армии. С конца 1941 года в составе Наркомата внутренних дел появились спецлагеря, позднее названные Проверочно-фильтрационными (ПФЛ). Они предназначались для содержания лиц, проходивших проверку после пребывания на оккупированной немцами территории. По данным ГУЛАГа, через сеть этих лагерей к 1945 году прошли около одного миллиона человек, из них от 7 до 10 % были арестованы как пособники врагу или завербованные немецкой разведкой.

Другим источником для пополнения рядов Красной Армии явились спецпереселенцы. 28 февраля 1942 года заместитель начальника ГУЛАГа Завгородний Г.С. направил на имя заместителя наркома Круглова С.Н. докладную записку, в

которой сообщал «о состоянии трудовой ссылки по данным ОТСП (Отдела трудовых и специальных поселений) ГУЛАГ на 1 января 1942 года». В документе напоминалось, что трудовая ссылка была организована НКВД (точнее было бы указать — ОГПУ. — *Ю. Б.*)СССР в 1930 году по указанию правительства в плане проведения мероприятий «по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». На указанный момент в трудссылке находились 265 692 семей, насчитывавших 936 547 человек. Из них 272 473 составляли мужчины, 285 197 — женщины. В семьях имелось 73 280 подростков от 14 до 16 лет и 305 597 детей до 14 лет. Из этих данных можно сделать вывод, что репрессированные трудовые крестьяне, представлявшие собой в основном бывших кулаков, выселенных из районов сплошной коллективизации, «саботажников хлебозаготовок», неблагонадежный «городской элемент», переселенный «в связи с паспортизацией» из Москвы, Ленинграда и «других режимных центров», подозрительный контингент, выселенный «в порядке очистки западных государственных границ», а также лиц, осужденных на срок от трех до пяти лет (кроме особо социально опасных), несмотря на все невзгоды, сумели закрепиться, «осесть», на новых местах проживания и не только сохранить и вырастить имевшихся у них малых детей, но и «нарожать» новое поколение. 1883 трудпоселка «советских колонизаторов» находилось теперь на территории 36 республик, краев и областей. Практически все трудоспособные поселенцы, которых насчитывалось 387 070 человек, работали на предприятиях лесной, угольной, химической, целлюлозно-бумажной промышленности, цветной и черной металлургии, на строительстве и производстве стройматериалов, в совхозах, сельхозартелях, в кустарной промкооперации, на предприятиях, подчиненных НКВД, и на других объектах. На ряде предприятий трудпоселенцы составляли основную часть рабочих кадров. Многие из них являлись квалифицированными забойщиками, машинистами врубовых машин и электровозов, токарями, слесарями, лесорубами и сплавщиками. Наиболее отличившиеся заслужили звания ударников и стахановцев. Начало войны вызвало среди трудпоселенцев патриотический подъем, выразившийся в повышении производительности труда и укреплении трудовой дисциплины. Так что можно считать, что политика Сталина по «раскрестьяниванию России» в определенной мере оправдала себя.

На основании приведенных материалов в марте 1942 года замнаркома Круглов С.Н. представил на имя заместителя

председателя Совнаркома СССР Молотова В.М. свою докладную записку, в которой от имени наркоматов внутренних дел и обороны поставил вопрос о призыве в Красную Армию трудпоселенцев, «которые к моменту выселения их из районов сплошной коллективизации не были главами кулацких семей, а только ее членами». Таких лиц призывного возраста, по учету НКВД, в трудпоселках имелось более 100 тысяч человек. До сих пор трудпоселенцы в армию не призывались, хотя к настоящему времени единственно сохранившимся ограничением прав для них являлось запрещение выезда из трудпоселков. Кроме того, на них налагались 5-процентные отчисления с зарплаты на содержание административно-управленческого аппарата трудссылки. Предлагалось таких трудпоселенцев призывать в Красную Армию на общих основаниях, при этом в случаях положительных отзывов командования с учета труд- ссылки их снимать, а оставшихся иждивенцев от 5-процентных отчислений освобождать.

На основании этого предложения Государственный Комитет Обороны принял постановление, в соответствии с которым в армию были призваны более 60 тысяч бывших трудпоселенцев и около 10 тысяч поставлены на учет в военкоматах. Как доложил начальник ГУЛАГа Наседкин В.Г. заместителю наркома Круглову С.Н., призыв трудпоселенцев повсеместно прошел организованно, явка на призывные пункты, несмотря на разбросанность поселков, была своевременной. Никаких эксцессов отмечено не было. Большинство призванных отнеслись к мобилизации положительно, «расценивая этот факт как выражение доверия, которое они на фронте должны оправдать». При этом многие высказывали патриотические чувства и готовность биться с врагом, не жалея своей жизни.

Вместе с тем отмечалось, что во время призыва трудпоселенцев «активизировалась наиболее враждебная часть трудссылки», которая не только отказывалась от службы в Красной Армии, но и проводила на основе своего недовольства советским строем и жажды мести за ликвидацию кулачества «пораженческую профашистскую агитацию среди призывников и членов их семей». Такие «антисоветски настроенные трудпоселенцы» от призыва в армию были отведены и «взяты местными органами НКВД в активную разработку». В то же время по представлению Наркомата внутренних дел на семьи трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, были распространены льготы и пособия, а на инвалидов Отечественной войны — пенсии в соответствии с ранее принятыми постановлениями правительства в отношении всех военнослужащих [39].

Несколько сложнее обстояло дело с проводившейся в период с 20 по 28 января 1942 года мобилизацией немцев переселенцев в трудовые колонны. Мужчины призывного возраста высказывали недовольство тем, что после их ухода семьи останутся материально не обеспеченными.

«Сперва нас выслали с Сибирь, — приводились в докладной записке начальника УНКВД Новосибирской области слова одного из мобилизованных советских немцев, — загнали в колхозы, под силой страха и голода заставили работать в колхозах бесплатно. Сейчас придумали мобилизацию. Отправят, наверное, куда-нибудь на строительство, заставят опять работать бесплатно, а семьи наши умрут с голода в колхозах, в чужой стороне».

Порой среди советских немцев происходили весьма активные выступления. 15 сентября 1942 года заместитель наркома лесной промышленности Салтыков М.И. обратился к заместителю наркома внутренних дел Круглову С.Н. с письмом, в котором сообщал о саботаже и антисоветских выступлениях среди мобилизованных немцев на предприятиях треста «Томлес». Здесь работали две с половиной тысячи человек, распределенных по отдельным участкам из рабочих колонн, которые формировались Забайкальским военным округом. В состав этих рабочих входили немцы, переселенные из Днепропетровской, Николаевской областей и Республики немцев Поволжья. До этого они прослужили в кадровых частях РККА от 1 до 3 лет, а командный состав — до 20 лет. На лесозаготовки эти люди попали в озлобленном состоянии по отношению к советской власти, а потому старались «всячески мешать работе, срывать ее». По сообщению треста «Томлес», имелись многочисленные случаи «вредительской деятельности отдельных лиц и даже групп». Так, в Тимирязевском механизированном лесопункте невыход на работу достиг четверти состава рабочих, при этом ими были сожжена электростанция и выведен из строя тракторный парк. В Зыряновском леспромхозе один из рабочих немцев поджег гараж вместе с пятью автомашинами и трактором. В Берегаевском лесопункте спалили баню и спецзавод. Рабочие «сознательно рвали выданную им обувь и одежду с той целью, чтобы не выходить на работу в лес». Производительность труда была такая низкая, что под угрозой срыва находилась производственная программа. Трудовая дисциплина оказалась настолько расшатана, что силами руководства треста уже не представлялось возможным выправить положение. Принимались меры «к оздоровлению создавшейся обстановки», но ясно виделось, что «без помощи со стороны НКВД» это не могло дать нужных результатов. На этот «крик души», пришедший из дружественного

гражданского наркомата, Круглов С.Н. приказал начальнику ГУЛАГа Наседкину В.Г. разработать необходимые предложения.

Возмущаться советским немцам было, конечно, от чего. Например, в ноябре 1942 года на строительство Азнефтегазстрой и Бугурусланнефть было направлено 9640 человек немцев, мужчин и женщин. Однако к приему такого количества рабочей силы руководящие органы города не подготовились. В результате весь «контингент» разместили в неприспособленных для жизни землянках и бараках. Жилищно-бытовые условия оказались исключительно плохие. «Отдельные бараки не имеют крыш, во многих комнатах неисправны печи, разбиты окна, за неимением достаточного количества топлива образовалась сырость, обувь сушить негде», — говорилось в телеграфном спецсообщении, поступившем в Наркомат внутренних дел. Дело с питанием обстояло тоже плохо. Для срочного разрешения вопроса пришлось обращаться даже к председателю Президиума Верховного Совета РСФСР Швернику Н.М.

Но самые большие проблемы возникли со спецпереселенцами, или иногда их называли ссыльнопоселенцами, направленными на рыбные промыслы Крайнего Севера. Этот контингент поставлялся из прибалтийских республик, Молдавской ССР, западных областей Украины и Белоруссии и из других приграничных мест. Тысячи людей, часто не имевших при себе теплых вещей, никакого житейского скарба, порой совершенно не приспособленных к физическому труду, перевозили в отдаленные регионы страны, где по местным условиям их совершенно негде бывало разместить. Жилье и рабочие места для прибывавшего контингента подготавливали, но всего этого, как правило, оказывалось недостаточно, да и многие люди в силу разных причин не могли успешно работать на новом, не привычном по их жизненному опыту месте.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года Наркомат рыбной промышленности СССР обязали расширить рыбные промыслы за счет освоения бассейнов рек Сибири и Дальнего Востока. В связи с этим в составе наркомата образовали пять рыбопромышленных трестов: Омский, Новосибирский, Красноярский, Якутский и Байкальский, которым сразу установили повышенный план добычи рыбы на текущий год. Для выполнения этого плана НКВД СССР должен был завезти за два года в указанные тресты 35 тысяч трудоспособных спецпереселенцев.

Посмотрим на примере находившегося в самых суровых климатических условиях Якутского госрыбтреста, что из этого получилось. К началу весеннего судоходства по Лене пункты для

размещения спецпереселенцев были еще не определены, имелись только наметки. Для строительства домов и производственных помещений местный лестрест должен был поставить пиломатериалы, но речное пароходство отказалось заключить договор на перевозку, «поскольку все равно это дело не сможем обеспечить». Завоз продовольствия предполагалось организовать из Америки, а до этого снабжение осуществлять из местных фондов. Для обеспечения лова рыбы Наркомрыбпром должен был по заявкам рыбтреста поставить необходимые снасти, но выполнил лишь пятую часть заказа, что сразу поставило план под угрозу срыва. Из 20 рыбообрабатывающих пунктов рыбтрест построил только один. По бочкотаре заготовили лишь 22 процента от потребности. Ни одного из обещанных газоходных катеров Наркомат речного флота не сделал, а потому Якутский рыбтрест к началу путины оказался вообще без рыболовного флота. Из 10 радиостанций, выделенных по постановлению правительства, ни одной не было отгружено.

Во исполнение упомянутых постановлений партии и правительства за время с июня по сентябрь 1942 года в Якутию были завезены 9080 человек спецпереселенцев. Этот контингент состоял, во-первых, из литовцев, «бывших капиталистов, торговцев, чинов полиции и иного элемента», вывезенных из Прибалтики по решению правительства еще до начала войны и поселенных сначала в Алтайском крае. И, во-вторых, из финнов с немцами, выселенных из пригородов Ленинграда. Большинство лиц «этой категории» работали раньше в колхозах, на предприятиях и в учреждениях. Многие из их родственников являлись служащими в РККА, входили даже в командный состав и были награждены орденами и медалями СССР. Имелись среди них коммунисты и комсомольцы.

«Что послужило в действительности причиной переселения этих лиц в Якутию, откуда они должны были поступить, как должно быть организовано их трудоустройство и хозяйственное использование, по линии НКВД никаких указаний не поступало», — с недоумением сообщал в центр нарком внутренних дел Якутской автономной республики полковник гб Савинов М.И. Действительно, было о чем задуматься. Из всего завезенного контингента только 18 % мужчин находились в «зрелом возрасте», но часть из них были больны или неспособны к физическому труду. К активу или к пассиву следовало отнести женщин, скажем так, в детородном возрасте, коих насчитывалось 34 %, оставалось неясным. Нетрудоспособные составляли 48 %, причем 36 % в их числе были детьми до 16 лет. Вот и лови с ними рыбу.

Во исполнение решения правительства почти весь контингент распределили по рыбзаводам, но некоторых «хиляков» пришлось все-таки отправить в лесную и местную промышленность и в систему Нарком- здрава, где бытовая обстановка была несколько лучше. «Суровые климатические условия Крайнего Севера: морозы, пурги, полярные ночи для неподготовленных к этим условиям спецпереселенцев серьезно затруднили их эффективное использование на работе», — сокрушался республиканский нарком. Литовцы в подавляющей массе никогда раньше не занимались физическим трудом, а потому «в значительной мере к нему непригодны и питают отвращение к работе». В результате такие горе-рыбаки не только не способны были выполнить план лова, но и не могли даже заработать для себя столько, чтобы полностью выкупить полагавшийся им продуктовый паек. А кто должен был кормить детей? В общем, переселенцы оказались «тяжелым бременем» для всех рыбозаводов.

В безвыходном положении кто-то научил спецпереселенцев строить для себя из мерзлой земли жилье в виде юрты размером 18 на 8 метров. В каждой такой «землянке», оснащенной двухэтажными нарами, помещались до 60 человек. При топке печей промерзшая земля таяла, из- за чего с потолка капала вода, которая на полу вновь застывала. Грязь, скученность, теснота и антисанитария были повсюду.

На жилищное и хозяйственное устройство спецпереселенцев правительство отпустило миллионные кредиты, но они, как всегда, ушли на другие цели. Ни индивидуального жилстроительства, ни хозяйственного обзаведения, ни продуктового скота, для оплаты чего и предназначались деньги, бедные пришельцы не увидели: еще до их приезда все средства потратили на погашение долгов рыбзаводов. Хозяйственные организации, в помощь которым как раз и были посланы спецпереселенцы, их проблемами не занимались, по своему разумению считая, что к ним просто сослан «социально опасный элемент». Еще один вопрос в Якутии по сравнению с другими районами даже не поднимался. На родине при сборах к отправке на спецпоселение всем владельцам имущества выдавались обменные квитанции на оставляемое ими добро, скот и даже урожай на огороде. В местах нового жительства власти по этим квитанциям должны были вернуть то, что было оприходовано в государственный доход. Сначала некоторым счастливчикам удалось получить в свое хозяйство хотя бы корову или овцу. Но потом местные хозяйственники стали отказывать в «отоваривании» квитанций, мотивируя это тем, что бумажки неправильно оформлены. Новым якутянам, старавшимся просто

выжить, было не до таких разборок с подобными мелочами.

Уверенность в естественном решении лишь одного профессионального вопроса могла весьма слабо утешать совестливого местного наркома внутренних дел: «Тенденции к побегам среди спецпереселенцев не отмечается, так как в зимних условиях бежать из районов Крайнего Севера невозможно, а в летних условиях можно только во время летней навигации с июня по сентябрь на проходящих довольно редко пароходах». Но предотвратить последнее — «трудности не составляет».

Нарком внутренних дел ЯАССР просил произвести проверку спецпереселенцев, которые уже находились здесь, и тех, кто не мог быть использован в местных условиях, вывезти туда, где они сумели бы жить и работать. С последующим завозом направлять в Якутию только таких людей, которые способны работать в суровых условиях Крайнего Севера.

Аналогичные трудности, может быть, в несколько меньшей степени возникли со спецпереселенцами и в других северных краях.

2 октября 1942 года начальник отдела спецпоселений Наркомата внутренних дел Иванов И.В. представил в контрольно-инспекторскую группу НКВД СССР справку о том, что во исполнение постановления СНК СССР И ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «переселение спец- контингентов на рыбные промыслы НКВД СССР закончено». По состоянию на октябрь месяц сюда были направлены 52 664 человека, из них трудоспособных 35 684 «рыбака», что и требовалось обеспечить.

Своим приказом от 20 ноября 1942 года нарком внутренних дел Берия Л.П. предписал «усилить агентурно-оперативное обслуживание трудпоселенцев и спецпоселенцев, особенно среди контингента, вывезенного из западных областей УССР, БССР и Прибалтики».

Несмотря на приведенную нами поступавшую с мест весьма тревожную информацию, 24 октября 1942 года Совнарком СССР принял новое постановление, возложившее на НКВД СССР задачу по переселению в те же северные края для работы в рыбной промышленности еще 19,5 тысячи человек (вместе с семьями — около 60 тысяч человек). Заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н. вместе с начальником ГУЛАГа Наседкиным В.Г. представил на имя наркома Берия Л.П. докладную записку, в которой обосновывали невозможность организации в 1943 году новой переброски рабочей силы. Основным резервом для переселения в то время оставались только депортированные советские немцы да трудпоселенцы из бывших кулаков. Однако большинство трудоспособных немцев, мужчин и женщин, уже был

мобилизован в рабочие колонны и направлены на лесозаготовки, строительство железных дорог и на промышленные предприятия. Оставшаяся часть этого контингента не являлась полноценной рабочей силой, особенно в условиях Крайнего Севера. Из трудпоселенцев, бывших кулаков, только что направили в Красную Армию 60 тысяч человек да еще 20 тысяч — в рабочие колонны. Остальные трудились на различных предприятиях. Кроме того, только что направленные в рыбную промышленность спецпереселенцы «рыбтрестами еще полностью не освоены», орудиями лова не обеспечены, в жилищном и хозяйственном отношении не обустроены.

В связи с изложенным Наркомат внутренних дел возбудил ходатайство перед ЦК ВКП(б) о пересмотре вопроса по дополнительному отбору переселенцев в рыбную промышленность, и прежнее решение было отменено [39].

В нелегкое военное время тяжело жилось и свободным труженикам, особенно работавшим на оборонных заводах. Тяжкие условия труда, спешность выполнения военных заказов, неопределенный по продолжительности рабочий день, практическое отсутствие выходных, прикованность к своему предприятию, скверные бытовые условия, плохое питание совсем не способствовали повседневному воплощению в жизнь патриотического лозунга: «Всё — для фронта! Всё — для победы!» Периодические проверки, проводившиеся органами прокуратуры, показывали, что в рабочей среде постоянно происходили нарушения трудовой дисциплины, в числе которых наиболее распространенными были прогулы, опоздания, самовольный уход с работы и дезертирство с предприятий. Основными причинами этого прокуратура считала неудовлетворительные материально-бытовые условия, слабую политико-воспитательную работу и отсутствие надлежащей борьбы с дезорганизаторами производства.

В соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года и от 26 декабря 1941 года всем директорам предприятий, начальникам цехов и другим руководителям следовало немедленно передавать в суд материалы на нарушителей дисциплины, а суды обязаны были рассматривать поступавшие к ним дела в течение 48 часов. По первому указу с момента его введения и до конца 1942 года были осуждены почти пять миллионов человек, а по второму указу — около двухсот тысяч дезертиров производства.

В процессе проведения проверок по исполнению законодательных актов прокуратура выявляла различные, чаще

всего бытовые обстоятельства, приводившие к нарушениям трудовой дисциплины. Так, например, на Сталинградском тракторном заводе рабочие, особенно молодые, только что закончившие школы ФЗО (фабрично-заводского обучения), жили в скверных условиях, в необорудованных общежитиях, постельным бельем полностью не обеспечивались, да и то, что имелось, не отдавалось в стирку по несколько месяцев. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации работу в общежитиях проводили плохо, культурно-массовая работа отставала, и в то же время была «ослаблена борьба за трудовую дисциплину». В результате дезертирами с военных предприятий чаще всего становились подростки и молодежь в возрасте до 20 лет. Однако в среде рабочих призывных возрастов, бронировавшихся от зачисления в армию, случаи самовольного бегства с предприятий бывали редки. В то же время оказалось, что среди осужденных за прогулы существенную часть составляли члены семей военнослужащих. На ряде предприятий работало большое количество жен фронтовиков. Многие из них проживали на значительном расстоянии от заводов, а потому затрачивали на проезд 3–4 часа в день и не успевали устроить свои домашние дела. Часто на руках у них имелись малолетние дети или престарелые родители, которые требовали ухода. Порой женщины совершали прогулы только потому, что им необходимо было постирать белье на всю семью или раздобыть продукты и приготовить еду Представительницы слабого пола так изматывались, что часто опаздывали на работу лишь вследствие того, что проспали. В соответствии с приведенными выше указами и таких добросовестных тружениц безжалостно отдавали под суд.

В результате проводившихся проверок становилось понятно, что, несмотря на принимавшиеся жесткие судебные меры, количество прогулов и самовольных уходов с работы не только не сокращалось, но «на некоторых предприятиях» даже увеличивалось. В сложившейся обстановке прокуратура предлагала всем наркоматам «систематически и неослабно осуществлять контроль за проведением в жизнь» упомянутых «дисциплинарных» указов. На важнейших оборонных заводах рекомендовалось изымать у рабочих и служащих паспорта с тем, чтобы они не имели возможности покинуть свои предприятия.

В то же время блюстители закона осознавали, что столь широкое применение судебных репрессий за опоздания, прогулы и другие, в общем-то, не слишком существенные нарушения дисциплины теряло свою эффективность, поскольку при большой массовости осужденных серьезное уголовное наказание

превращалось просто в бытовое явление. Для исправления положения предлагалось предоставить право директорам заводов самостоятельно «организовывать борьбу с прогульщиками так, как это требуется в интересах самого предприятия» [37].

К сожалению, в 1942 году наше Верховное Командование слишком переоценило свои вооруженные силы и недостаточно выявило возможность к сопротивлению войск противника. В сложной ситуации немцам удалось устоять. За первое полугодие восточной кампании германские вооруженные силы потеряли чуть больше одного миллиона человек, в то время как оценка их потерь нашей разведкой превышала эту цифру в шесть раз. Потери советской стороны во всех отношениях оказались несоизмеримо большими. Несмотря на все трудности, к апрелю 1942 года численность советской действующей армии была восстановлена и достигла 5600 тысяч бойцов и командиров. В тылу непрерывно формировались и развертывались стратегические резервы. На полную мощь набирали обороты эвакуированные на восток предприятия, а промышленность была полностью переведена на военные рельсы. Красная Армия получила большое количество автоматического стрелкового оружия, минометов, артиллерии, реактивных установок залпового огня, названных «катюшами», самых лучших в мире танков и самолетов. Подверглось реорганизации высшее управление войсками. Создавались гвардейские армии, отличавшиеся более сильным составом [52].

Начали оказывать помощь Советскому Союзу по ленд-лизу и союзники. Решением ГКО от 1 августа 1942 года Военно-Воздушным силам Красной Армии и Главному управлению гражданского воздушного флота поручили осуществить перегонку самолетов из США в СССР по воздушной трассе Фэрбенкс — Красноярск. В связи с тем, что устанавливалась прямая связь с капиталистическим государством, следовало организовать «оперативно-чекистское обслуживание всех основных объектов воздушной трассы». Заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н. дал указание Транспортному управлению НКВД создать в Якутской АССР группу из пяти человек для руководства агентурно-оперативной работой по трассе. Красноярское и Иркутское управления внутренних дел совместно с Дальстроем выделили в распоряжение этой группы опытных оперативных работников с тем, чтобы они находились на основных аэродромах, где будут производить посадку для дозаправки и технического осмотра перегонявшиеся самолеты. Оперативно-чекистская работа велась «в направлении выявления шпионов,

вредителей, дезорганизаторов, саботажников и другого враждебного элемента, срывающего работу по перегонке самолетов». Помимо этого работникам Наркомата внутренних дел предписывалось «путем оперативного вмешательства устранять ненормальности, тормозящие своевременное выполнение решения ГКО». Правда, американцы не приземлялись на нашу территорию. В соответствии с соглашением их летчики перегоняли самолеты (по большей части истребители) за три тысячи километров от заводов США через Канаду на Аляску. Здесь, в Фэрбенксе, технику принимала Советская военная миссия, и далее самолеты пилотировались нашими летчиками. Местом назначения являлся Красноярск, расположенный за шесть с половиной тысяч километров от американского континента. Работа на трассе, разбитой на участки, оборудованные промежуточными аэродромами, проходила в крайне трудных условиях: летом — густые туманы, низкая облачность, зимой — морозы до минус 60 градусов. Отсюда на фронт самолеты отправлялись по воздуху или по железной дороге. Всего по Красноярской авиатрассе, действовавшей вплоть до капитуляции Японии в 1945 году, было доставлено 7308 самолетов [54].

10. Битвы за Кавказ и Сталинград

Несмотря на мощную подготовку, начиная с мая месяца 1942 года, произошла целая серия катастрофических поражений Красной Армии, вызванная стремлением наших полководцев наступать везде и сразу, что приводило к неоправданному распылению сил и средств. Крупной неудачей обернулась Ржевско-Вяземская операция Калининского и Западного фронтов. Войска Крымского фронта почти полностью были уничтожены стремительным контрнаступлением армий Манштейна. Войска Юго-Западного фронта, наступая на Харьков, сами залезли в «мешок», который немцы успешно ликвидировали.

Все это создало благоприятные условия для стратегического летнего наступления вермахта на Южном направлении. Гитлер опрометчиво посчитал, что русские находились теперь на пределе своих возможностей и уже использовали последние резервы. В связи с этим вермахт начал наступление одновременно по двум расходившимся направлениям: на Сталинград и на Кавказ. Планировалось, что после достаточно быстрого взятия Сталинграда немецкие войска повернут на юг и, продвигаясь вдоль Волги к Астрахани, достигнут Каспийского моря. В это время группа армий «А» оккупирует восточное побережье Черного моря и захватит Кавказ. Бакинские и грозненские нефтепромыслы станут работать на Германию, и судьба войны будет решена.

К сожалению, войска Южного и Северо-Кавказского фронтов, прикрывавшие кавказское направление, хотя и имели достаточно сил и средств для обороны, были растянуты в одну полосу без вторых эшелонов и резервов. Оборонительные рубежи оказались подготовлены слабо, поскольку никто и вообразить себе не мог появление германских дивизий в этих местах.

25 июля 1942 года немецкие войска начали наступление с плацдармов в нижнем течении Дона и за один день взломали оборону Южного фронта по всей полосе. Далее началось стремительное продвижение гитлеровцев, которое не смогли удержать наши армии вследствие нарушения связи и дезорганизации управления войсками. На ряде участков отступление превратилось в бегство, и потому населенные пункты оставлялись врагу практически без сопротивления. Объединение двух фронтов в единый Северо-Кавказский под командованием маршала Буденного С.М. положительного эффекта не дало. Попытки прекратить отступление, перейти к обороне, а затем нанести контрудары успехом не увенчались. Наступление вермахта на Кавказе развивалось столь успешно, что Гитлер даже

распорядился почти всю 4-ю танковую армию перебросить под Сталинград. Положение наших войск стремительно ухудшалось. Взаимодействие родов войск, пехоты, артиллерии, танков, авиации и флота, оказалось полностью нарушенным, а потому каждый воевал сам по себе. После выхода германских войск к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта командование группы армий «А» считало, что советские войска уже не смогут оказать серьезного сопротивления [52].

Не менее драматично для нас складывалась обстановка и на Сталинградском направлении. Начало оборонительного периода принято отсчитывать от 17 июля 1942 года, когда передовые части немецкой армии под командованием генерала Паулюса вошли в соприкосновение с войсками нашей 62-й армии на рубеже реки Чир.

Непредвзятый анализ показывает, что никаким количественным превосходством армия вермахта по отношению к нашим войскам на начало данной операции не обладала: 270 тысяч немецких солдат, имея 3400 орудий и минометов и 400 танков, атаковали 540 тысяч наших бойцов при 5000 орудий и 1000 танков. Тем более что перед Сталинградским фронтом стояла задача: обороняясь, остановить продвижение противника. На подступах к городу возобновилось начатое осенью 1941 года и заброшенное было после зимних побед Красной Армии строительство оборонительных рубежей. Вместе с тем «позиции были размещены в голой степи, открыты для наблюдения и просмотра как с земли, так и с воздуха». Вместо траншей и ходов сообщения отрывались отдельные стрелковые окопы, что «в условиях открытой местности делало смертельно опасным маневр живой силой и огневыми средствами во время боя». В дополнение к этому разведывательные самолеты противника подолгу кружили над позициями, а наша авиация почему-то бездействовала.

22 июля 1942 года сменилось командование Сталинградского фронта, а на следующий день началось наступление немецкой армии. За три дня упорных боев немецкие мотодивизии прорвались к Дону и тем самым завершили окружение трех советских стрелковых дивизий, танковой бригады и трех артполков Резерва Главного Командования. Затем перешла в наступление южная группировка армии Паулюса. В течение суток была прорвана оборона наших войск, и немецкие подвижные соединения вышли в стык между 62-й и 64-й армиями. К тому же в тылах наших войск пронесся слух, что немецкие танки находятся в нескольких километрах от переправ, в связи с чем началась паника. Авиация противника, заметив скопление людей

и техники, беспрепятственно начала бомбардировку, поскольку наша авиация оказалась «занята другими задачами». Севернее Калача немцы глубоким охватом прорвались к переправам через Дон и стали угрожать выходом в тыл всем советским войскам, находившимся в большой излучине. Ставка неоправданно спешила исправить положение, а потому поступил приказ контратаковать противника достаточно большими силами. Однако загвоздка оказалась в организации войск. Наших армий как единого боевого организма не существовало: все корпуса, бригады, дивизии в сложившейся обстановке не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командиров вновь прибывших частей не было времени для того, чтобы познакомиться с собственными войсками и обстановкой, за сутки, отпущенные на подготовку фронтовой операции, наладить взаимодействие и управление. В результате контрудар наносился не одновременно, силами армий, не окончивших формирования и не получивших необходимых средств усиления. В противоположность этому немцы успели быстро подготовиться к нашему наступлению, заняли выгодные рубежи, зарыли в землю свои танки, подтянули противотанковую артиллерию и применили против нашей бронетехники зенитные пушки. Ясно, что в таких условиях непрерывные контрудары, принесшие большие потери, хотя и остановили на время продвижение противника, но намеченных решительных целей не достигли [52].

Вот в этих условиях беспорядочного отступления Красной Армии Народный комиссар обороны СССР Сталин И.В. вынужден был 28 июля 1942 года подписать свой печально знаменитый приказ № 227 «О принятии мер по укреплению порядка и повышению дисциплины в войсках», более известный под кратким названием «Ни шагу назад!». В приказе говорилось о том, что «враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, грабит и убивает советское население». Действительно, уже оказались потеряны Украина, Белоруссия, Прибалтика, Донбасс, бои шли в районе Воронежа на Дону, немецкие войска рвались к Волге, на юге оккупанты стремились любой ценой захватить Кубань и Северный Кавказ с их нефтяными промыслами и хлебными богатствами. Наши войска оставили врагу Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону и другие города «без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором». Советские люди, с любовью и уважением

относившиеся к Красной Армии, начали разочаровываться в своей защитнице, стали терять веру в нее за то, что «она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей». В приказе говорилось о том, что каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что «территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети», «это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги». Из сказанного следовал такой вывод: «Пора кончать отступать. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». Нарком обороны приказывал «упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности» и верил в то, что мы можем выдержать нанесенный нам удар, а затем отбросить врага назад.

В чем же, по мнению высшего руководства, крылась причина наших военных неудач? «Не хватает у нас порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях и танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину». Отныне военным советам фронтов и командующим фронтами предлагалось «ликвидировать отступательные настроения в войсках», снимать с постов для привлечения к военному суду командиров, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования. Паникеров и трусов истреблять на месте.

В целях повышения «устойчивости войск» нарком обороны Сталин И.В. предлагал перенять в этом отношении опыт врага, пусть даже не самый лучший. После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, командование вермахта приняло «некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам». Немцы «сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи». Так же поступили и в отношении командиров, виновных в подобных слабостях, лишили их орденов и «поставили на еще более опасные участки фронта». Кроме этого, создали специальные отряды заграждения, разместили их позади неустойчивых дивизий и «велели им расстреливать на месте паникеров» в случае попытки

самовольного оставления позиций или сдачи в плен. Эти меры, по мнению нашего Верховного, возымели свое действие, и «теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой».

На основании этого весьма неприглядного примера отныне и в наших войсках было приказано «из провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» формировать в пределах фронта штрафные батальоны по 800 человек из средних и старших командиров и политработников всех родов войск, а в пределах армии создавать штрафные роты по 150–200 человек из рядовых и младших командиров, направляя их «на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Помимо этого в пределах армии следовало сформировать «хорошо вооруженные» заградительные отряды, «поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники или беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной» [54].

Неблаговидная роль «набора» провинившихся в штрафные подразделения, так же как и создание заградотрядов, легла на плечи «особистов» и войск НКВД, что создало им весьма непривлекательную славу В том оказалась не вина, а беда их. За неумение вести крупномасштабные боевые действия, за недооценку противника, допущенные высшим руководством страны ошибки пришлось расплачиваться честью и кровью рядовых бойцов Страны Советов.

С моей точки зрения, как кадрового военного, представляется, что причины катастрофического отступления Красной Армии как в 1941, так и в 1942 годах до сих пор недостаточно глубоко изучены и всесторонне проанализированы. Конечно, страшно и стыдно говорить о наших серьезнейших неудачах, которые, чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, чаще всего подменялись мифами о превосходстве противника в техническом отношении и людском составе. На мой взгляд, следует признать что немцы, особенно в первые два года войны, с профессиональной точки зрения сражались значительно грамотнее нас. Вот этот опыт и надо было нам основательно перенимать, а не только тактику создания штрафных батальонов и заградительных отрядов. К сожалению, попытки поставить вопрос об изучении причин наших многочисленных поражений и огромных потерь и сейчас не встречают понимания в среде наших ветеранов, у которых всегда в запасе один обобщенный ответ: «А все равно мы победили!» Действительно, низкий поклон тем, кто

геройски сражался за нашу страну в этой жестокой битве, и вечная память тем, кто не вернулся с полей сражений. Но, как подсказывает мне житейский опыт, осознание собственных ошибок, которые всегда неизбежны, делает человека мудрее. Недаром говорят: «На ошибках мы учимся». Отказ от анализа своих промахов приводит к тому, что опять приходится наступать на те же грабли. Мне представляется, что лакировка наших действительно блестящих побед без вскрытия причин серьезных поражений привела к тому, что мы и сами не заметили, как проиграли «холодную войну» и лишились той великой страны — СССР, которую защищали.

Практически с самого начала продвижения немецких войск по советской территории в тылу оккупантов началось партизанское движение. Особенно широкий размах народная форма вооруженной борьбы получила в период подготовки вермахтом наступления на Кавказ и Сталинград, когда возникла необходимость оказать действенную помощь Красной Армии путем нарушения коммуникаций противника и сбора сведений о передвижении его войск. По решению Государственного Комитета Обороны 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), который возглавил Пономаренко П.К. За короткий срок удалось установить связь и наладить руководство 608 партизанскими отрядами общей численностью более 80 тысяч человек. В дальнейшем количество партизанских отрядов, действовавших под эгидой ЦШПД, превысило две тысячи. Подготовленные кадры для руководства партизанскими силами, ведения разведки и совершения диверсионных актов направлялись в основном из состава работников НКВД. Одним из главных направлений в деятельности ЦШПД являлась организация оперативного и тактического взаимодействия партизанских отрядов с командованием соответствующих фронтов. В интересах поддержания боевых операций нашей регулярной армии партизаны решали задачи по затруднению перегруппировок вражеских войск, уничтожению его живой силы и боевой техники, отвлечению боевых частей на дополнительную охрану тыла, наведению советских самолетов на цели, освобождению военнопленных. Каждый месяц партизаны пускали под откос от полутора до двух сотен железнодорожных эшелонов. В результате расширения партизанского движения на территории Украины и Белоруссии стали образовываться целые партизанские края и зоны, куда немцы не рисковали сунуться.

Несмотря на чрезвычайно трудное положение, сложившееся на фронтах к августу 1942 года, коренной перелом, изменивший всю обстановку на Кавказе, сумел осуществить нарком внутренних дел Берия Л.П., прибывший сюда в качестве члена Государственного Комитета Обороны вместе с оперативной группой офицеров Генштаба. Деятельность представителей Верховного Командования началась с введения в Закавказье с 24 августа 1942 года военного положения. Все войска, организованно отходившие с севера, ставились в оборону, а части и соединения, оказавшиеся обескровленными и утратившими органы управления или вооружение, отводились в тыл. На Бакинском направлении стала формироваться новая армия. Авиация получила четкую задачу: вести ежедневную разведку с воздуха всех перевалов через Главный Кавказский хребет и дорог, ведущих к ним с севера. После того как обстановка стала проясняться, приступили к созданию оборонительных районов около оперативно важных центров, приняли меры по устройству заграждений на горных перевалах, обеспечили перекрытие Военно-Осетинской и Военно-Грузинской дорог. На строительство оборонительных рубежей в районе Махачкалы, Дербента и Баку мобилизовали местное население. По согласованию со Ставкой и ГКО Берия Л.П. освободил от должности не справившегося с управлением войсками маршала Буденного С.М. и произвел еще ряд назначений командующих войсками. В том числе своего заместителя по Наркомату внутренних дел генерал-полковника Масленникова И.И. поставил во главе Северной группы войск Закавказского фронта. В ряде случаев армейские части передавались в подчинение командиров войск НКВД, показавших высокую стойкость, организованность и выучку.

Благодаря принятым мерам к концу сентября 1942 года обстановка на Кавказском театре военных действий изменилась в нашу пользу и немецкие войска были остановлены на всех направлениях. После этого Берия Л.П. со своей командой отбыл в район Новороссийска, где принял конкретные меры для стабилизации обстановки [56].

Гораздо хуже обстояли дела на Сталинградском направлении. Мощные концентрированные удары немецких войск, наносившиеся в стыки между нашими армиями при полном господстве авиации, приводили к разгрому слабо организованной, «поспешной» обороны советских войск. Постоянно повторявшиеся нашим командованием контрнаступления с использованием свежих частей, с ходу, без

необходимой подготовки и огневой поддержки вводившихся в бой, не приносили желаемых результатов, а лишь временно сдерживали натиск немецких войск, при необходимости оперативно и грамотно организовывавших собственную оборону. Плохо действовала часто нарушавшаяся проводная связь, в то время как немцы повсеместно использовали рации. Не помогло добиться значительного успеха и прибытие в Сталинград заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Жукова Г.К., посланного специально для осуществления решительного контрудара. Перед самым началом атаки немцы, прекрасно осведомленные о планах нашего командования, произвели сильнейший артиллерийский обстрел сосредоточившихся советских дивизий, причинив им большой урон, а с переходом русских в наступление бросили против них авиацию. Больше десяти дней советские армии топтались на месте, обильно орошая землю кровью своих солдат. Наступательные действия велись по одной схеме: войска упрямо и прямолинейно атаковали противника в лоб. В то же время германская пехота оборонялась умело, используя особенности местности, оборонительные сооружения, средства заграждения и даже подбитые танки в качестве бронированных огневых точек. Об устойчивости немецких войск говорит тот факт, что на следующий день после того, как советское командование вынуждено было признать, что у него «ничего не вышло», фельдмаршал Паулюс начал собственное наступление. Свою неудачу наши полководцы объяснили численным превосходством врага, хотя на первом этапе Сталинградской битвы со стороны противника воевали 18 немецких и 4 румынские дивизии, включавшие 3 танковые и 3 моторизированные, а с советской стороны в сражениях участвовали 60 стрелковых дивизий, 8 танковых корпусов, 12 отдельных танковых бригад и несколько танковых батальонов, насчитывавших около 2500 боевых машин [52].

Если на Южном направлении немцы действовали активно, то на других участках фронта происходили позиционные бои. В то же время, начиная с середины 1942 года, фашистское командование приняло меры по усилению разведывательно-диверсионной деятельности в тылу наших армий, задачами которой являлись получение информации о планах советского военного руководства и о группировках наших войск, а также проведение террористической деятельности на всей советской территории. Используя любые пути, противник стремился забросить в ближний и глубокий тыл побольше шпионов и

диверсантов, завербованных в основном из наших военнопленных и подготовленных в многочисленных разведшколах. От начальников управлений НКВД Архангельской, Ленинградской, Мурманской, Вологодской, Калининской и других областей, являвшихся прифронтовыми, постоянно поступали сообщения о заброске парашютистов на подведомственную им территорию. В связи с таким положением всему руководству Наркомата внутренних дел пришлось подключиться к контрразведывательной работе. 2 сентября 1942 года заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н. и начальник 3-го (секретно-политического) Управления НКВД СССР Куприн П.Т. направили наркомам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам управлений НКВД краев и областей письмо по вопросу «улучшения агентурно-оперативного обслуживания эвакуированных и тыловых госпиталей». В документе указывалось, что необходимо среди раненых и больных командиров и красноармейцев вести работу по выявлению агентов немецкой разведки и активных антисоветских элементов, которые осуществляют «пораженческую профашистскую агитацию», а также членовредителей, симулянтов и дезертиров. Помимо этого работникам органов внутренних дел следовало оказывать помощь госпиталям в устранении имевшихся недостатков, тормозивших быстрейшее возвращение раненых в строй.

В результате оперативной работы, говорилось далее в письме, проведенной сотрудниками органов внутренних дел Азербайджанской и Армянской ССР, Мордовской, Башкирской и Марийской АССР, Красноярского края, Горьковской, Новосибирской, Ленинградской, Свердловской и Чкаловской областей с находившимися на излечении бойцами и командирами, в ряде госпиталей среди раненых были выявлены агенты немецкой разведки. Анализ материалов по делам этих арестованных агентов показал, что разведывательные органы немецко-фашистской армии проводят вербовку главным образом среди командиров и красноармейцев, добровольно сдавшихся или попавших в плен, перебрасывая их затем с различными легендами в расположение частей Красной Армии. Завербованные из числа раненых специально оставляются в госпиталях, расположенных в населенных пунктах, из которых отступают войска оккупантов. Вражеская разведка дает завербованным задания собирать сведения шпионского характера, дезинформировать командование наших частей о дислокации и вооружении немецкой армии, проводить пораженческую пропаганду, восхваляя фашистские порядки, призывать к измене Родине,

осуществлять диверсии. После излечения в эвакуационных и тыловых госпиталях не выявленные немецкие агенты направляются в войсковые части Красной Армии, а признанные не годными к несению воинской службы оседают на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве.

Помимо «внешних врагов» в последнее время в ряде госпиталей выявлено значительное количество членовредителей и симулянтов. НКВД Мордовской АССР в одном из госпиталей вскрыта целая группа лиц, занимавшаяся членовредительством с привлечением обслуживающего медицинского персонала.

Наркомат внутренних дел СССР предлагал обратить внимание на вопросы оперативного обслуживания госпиталей, «являющихся одним из важнейших участков работы наших органов в деле обороны страны» [54].

В связи с проникновением в наш тыл агентуры противника и вследствие слабого обеспечения войсковой и противодиверсионной охраны железных дорог в районах Кировской, Ленинской, Юго-Восточной, Дзержинской и Московско-Донбасской железных дорог диверсантам удалось совершить несколько террористических акций. Так, «наиболее значительным по своим последствиям и дерзким по характеру» явился диверсионный акт, совершенный в Архангельской области на Северной железной дороге. 29 августа 1942 года в Коношском районе был замечен парашютист. Через три дня здесь же были сброшены еще пять парашютистов и семь парашютов с грузом. На месте приземления «непрошеных гостей» были обнаружены радиостанция, пулемет с 300 патронами, 4 резиновые лодки, обмундирование, продовольствие. Все это имущество диверсанты вынуждены были бросить из боязни преследования их со стороны наших людей (оказавшихся колхозниками из соседней деревни), заметивших приземление группы. 5 сентября в районе Каргополя с самолета были сброшены еще семь парашютистов. В тот же день группа диверсантов, вооруженная минами и автоматами, подорвала железнодорожное полотно, что вызвало крушение товарного поезда, подожгла вагоны и обстреляла поездную бригаду, а район крушения заминировала. Воспользовавшись отсутствием какого-либо сопротивления, эта же диверсионная группа через 4 часа в другом месте подорвала миной стрелку, убила стрелочника, после чего скрылась. Радиоконтрразведкой НКВД СССР в этом районе была зафиксирована работа двух радиостанций, которые поддерживали связь с центром финской разведки в Петрозаводске и между собой. 16 сентября на восстановленном участке железной дороги на мине, установленной диверсантами, вновь подорвался паровоз

товарного поезда, груженного мукой.

2-е (контрразведывательное) управление НКВД СССР разработало план мероприятий по розыску и ликвидации заброшенных диверсантов. По распоряжению заместителя наркома внутренних дел Круглова С.Н. из Москвы самолетом была отправлена группа ответственных работников наркомата, мобилизованы оперативный и милицейский аппарат УНКВД по Архангельской области, воинские части, истребительный батальон, части внутренних войск НКВД, железнодорожная охрана и привлечен местный партийный и советский актив, усилена охрана железнодорожной линии. В результате принятых мер был выявлен район нахождения группы, совершившей диверсионные акты, и установлено наличие еще двух других диверсионных групп в количестве 8 и 9 человек. 27 сентября группа бойцов истребительного батальона в 18 километрах западнее станции Коноша обнаружила место стоянки 6 диверсантов. Во время возникшей перестрелки один диверсант был убит, другой смертельно ранен, остальные скрылись, оставив на месте оружие, ящик с патронами, продовольствие и сумку с документами. При дальнейшем поиске и преследовании еще четыре диверсанта были убиты, а девять захвачены. В ходе операции изъято пять баз с продовольствием и снаряжением, две приемопередающие радиостанции, аппарат для подслушивания телефонных переговоров, шифры и коды, автоматическое оружие и боеприпасы. Удалось подбить и захватить гидросамолет-бомбардировщик «хейнкель-115», присланный Таллиннским разведцентром для эвакуации диверсантов с нашей территории.

При выполнении этого специального задания «по ликвидации фашистских парашютистов-разведчиков на территории Архангельской области» отличилась «смелостью, инициативой и настойчивостью» группа бойцов и командиров военизированной охраны Каргопольского и Северо-Двинского лагерей НКВД. Приказом заместителя народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссара госбезопасности III ранга Круглова С.Н. № 852 от 24 декабря 1942 года «за проявленное мужество и высокое осознание долга по охране государственной безопасности» начальнику маневренной группы Родионову В.А., командирам отделений Титову И.Г. и Кананихину С.Н., проводникам Цибину И.Н. и Радченко В.В. была объявлена благодарность и вручены именные часы с надписью «За отличное выполнение заданий — от НКВД». Начальник управления НКВД по Архангельской области майор гб Мальков П.М. получил правительственную награду [54].

По имевшимся в НКВД СССР данным, фашистская разведка

засылала свою диверсионно-шпионскую агентуру даже в глубокий тыл Союза с задачей разрушения важнейших железнодорожных, промышленных и иных объектов. Действительно, летом 1942 года моему отцу Богданову Н.К., являвшемуся тогда заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР, пришлось участвовать в ликвидации парашютного десанта, выброшенного немцами в Гурьевской области. Задача диверсионной группы, насчитывавшей полтора десятка человек, состояла в выведении из строя строившегося нефтепровода от острова Печной на Каспии до города Орша, по которому должна была перекачиваться бакинская нефть, перевозившаяся по морю танкерами. Органы НКВД республики операцию по ликвидации диверсионной группы провели успешно [1].

В целях предупреждения подобных событий НКВД СССР издал директиву по вопросу активизации агентурно-оперативной работы по предотвращению диверсий на железнодорожном транспорте. Этот документ 8 сентября 1942 года подписал заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н. Наркоматам внутренних дел республик и управлениям внутренних дел краев и областей предписывалось провести дополнительные вербовки населения, проживавшего в пятикилометровой зоне вдоль железных дорог, особенно на участках, «наиболее уязвимых по диверсии» (в районах мостов, водокачек, больших уклонов, насыпей), с тем чтобы созданная агентурная сеть имела возможность немедленно проинформировать компетентные органы о подозрительных лицах, появившихся в данной местности. Одновременно следовало «максимально усилить общий режим охраны железных дрог», установить «более жесткий контроль за бдительным несением караульной службы» подразделениями железнодорожных войск НКВД, военизированной и сторожевой охраны Наркомата путей сообщения, обеспечить «негласное наблюдение» за рабочими бригадами, производившими ремонт сооружений и железнодорожного полотна. В аналогичной по содержанию директиве, подписанной Кругловым С.Н. в тот же день, конкретизировались задачи управлениям — транспортному, контрразведывательному и войск НКВД СССР по охране железных дорог — «об усилении борьбы с вражеской деятельностью диверсантов противника в прифронтовой зоне» [54].

В Наркомат внутренних дел постоянно стекался огромный поток информации о положении дел на фронтах, в прифронтовой полосе, о действии партизанских отрядов в тылу врага, о жизни в освобожденных районах и о работе и трудностях в нашей стране,

всеми силами сопротивлявшейся нашествию фашистских полчищ. Вот, например, какое спецсообщение Управления НКВД по Калининской области от 1 октября 1942 года прочитал заместитель наркома Круглов С.Н. о зверствах, творившихся немецкими варварами, в его родном Ржевском районе:

«После занятия немецко-фашистскими войсками территории Ржевского района военные власти через деревенских старост провели списочный учет всего населения». Каждому взрослому жителю деревни выдавалось удостоверение личности на немецком и русском языках. Жителям запретили свободное передвижение по району. При удалении от своего населенного пункта на расстояние свыше 300 метров виновные расстреливались без предупреждения. За малейшее нарушение установленного режима местное население подвергалось наказаниям и пыткам. Так, в деревне Пантюково была задержана женщина без пропуска и за это избита до потери сознания. В деревне Исаково расстрелян как партизан учитель Курочкин И.Н., хотя никакой связи с народными мстителями он не имел. В деревне Клешнево колхозник Зайцев повешен за подозрение в краже. Там же расстрелян колхозник Михайлов Г.Т. за то, что ходил по деревне в красноармейской шинели. В деревне Немцево все взрослое население сгонялось на ночь в один дом и там находилось под охраной немецких часовых. Из этой же деревни ушли на сторону Красной Армии четыре колхозника. Их родственников, детей и взрослых, арестовали, заключили в сарай и через сутки расстреляли, а сарай вместе с трупами сожгли. Население подвергалось поголовному ограблению. При занятии населенного пункта офицеры и солдаты производили обыск во всех домах, брали все, что попадалось под руку, заявляя при этом: «Мы вас завоевали, и теперь все ваше имущество принадлежит нам». За малейшее сопротивление угрожали расстрелом. При активной помощи деревенских старост у колхозников были полностью изъяты хлеб, картофель и скот. Беззастенчиво ограбленные немецкой армией колхозники голодали, в результате чего многие умерли. Несмотря на это, все население в возрасте от 12 до 60 лет привлекалось немецкими властями в принудительном порядке для ремонта дорог, сооружения огневых точек, блиндажей, окопов, ходов сообщения. За отказ или недоброкачественное выполнение работ колхозники подвергались истязаниям. В деревне Мануйлово две девушки и мужчина (фамилии не установлены) отказались выполнять работы, за что девушек расстреляли, а мужчину повесили. К месту казни были согнаны все жители деревни.

Абсолютное большинство освобожденных Красной Армией

населенных пунктов Ржевского района разрушено немецко-фашистскими войсками. Многие дома разбирались ими для постройки оборонительных сооружений. При отступлении оккупанты сжигали целые поселки. В том числе сгорела дотла родная деревня Сергея Никифоровича Круглова — Устье. Немцы угнали в Германию и увели с собой при отходе много наших людей, особенно молодежи.

Сам город Ржев, расположенный на берегу Волги и представляющий собой крупный железнодорожный узел и перекресток многих шоссейных дорог, был освобожден 3 марта 1943 года. За время оккупации в городе фашисты разрушили все промышленные предприятия, железнодорожный узел, уничтожили школы, больницы, клубы, театры, сады и парки. От пяти с половиной тысяч жилых домов осталось только 300 полуразрушенных построек в окраинных районах. Из 60 тысяч жителей города на день освобождения удалось отыскать только 362 человека [54].

Горько было узнавать Сергею Никифоровичу из служебных сообщений о таких бедствиях, постигших его малую родину.

Еще страшнее рисовалась картина зверств фашистских захватчиков на оккупированной территории на основании трофейных документов, доставленных в НКВД нашими разведчиками. Вот выдержки из некоторых оперативных приказов и отчетов начальников войск СС и полиции тыла «о мероприятиях по борьбе с партизанами» и уничтожении населенных пунктов и их жителей в Белоруссии и на Украине.

«По приказу рейхсфюрера СС (Г. Гиммлера) и начальника германской полиции 21 сентября 1942 года в 12 часов было завершено мероприятие “Болотная лихорадка”. Оценивая сложившуюся обстановку, обергруппенфюрер СС Э. Бах-Зелевски, подписавший представленный начальству отчет, указывал, что «враждебные мероприятия», опиравшиеся на поддержку местного населения, приняли такие размеры, которые «серьезнейшим образом угрожают безопасности и порядку» в тылу. «Тот факт, что они (партизаны) выступают в значительной части как простые крестьяне и возчики и таким образом внешне не выделяются как бандиты, чрезвычайно затрудняет ловлю их и уничтожение». В связи с этим борьба с партизанами использовалась фашистами как предлог для массового уничтожения советских людей, что соответствовало директиве фюрера о «сокращении числа славян на 30 миллионов человек». В результате «во время проведения мероприятий (осуществленных немецкими войсками в течение только одного месяца) убито 389 бандитов, осуждено и расстреляно 1274 подозреваемых, приведены в исполнение

смертные приговоры в отношении 8350 евреев, эвакуировано (в Германию) 1217 человек». Перед этим в Белоруссии проводились операции под кодовыми названиями «Майкефер» («Майский жук») и «Адлер» («Орел»), в ходе которых каратели сожгли дотла деревни Костричи, Козуличи, Костричная Слободка, Борки Кировские, Ореховка и Подстружье, замучили и расстреляли свыше 600 советских жителей.

В оперативном приказе 15-го немецкого полицейского полка отдавалось такое распоряжение: «23 сентября 1942 года 3-й батальон уничтожает расположенные в районе к северо-востоку от Мокран и отравленные бандитской заразой деревни Борки, Заботье и Борисовка». В приказе четко расписывалось, как распределялись выделенные силы, наличное вооружение и приданное подкрепление для проведения операции, которая назначалась на 5 часов 30 минут утра. В процессе операции планировалось провести «конфискацию поголовья скота, сельскохозяйственного инвентаря, запасов хлеба и прочего имущества». Для вывоза награбленного «рота должна организовать обоз из крестьянских телег и подвезти их на близкое расстояние к месту действия».

Сохранился отчет о расправе с деревней Борки, учиненной 10-й ротой 3-го батальона. Взяв деревню в клещи, полицейские стали сгонять поголовно все население к месту казни, располагавшемуся в 70 метрах от околицы, где были тщательно замаскированы пулеметы. Исполнявший обязанности командира роты обер-лейтенант Мюллер доложил: «Расстрел начался в 9 часов 00 минут. Расстреляно мужчин 203, женщин — 372, детей — 130. Израсходовано винтовочных патронов 786, патронов для автоматов 2496. Потерь в роте не было». Поистине немецкие точность и пунктуальность!

Не менее цинично и скрупулезно отчитался и командир 11-й роты 3-го батальона капитан Пельс, получивший задание «уничтожить населенный пункт Заболотье и расстрелять население». После краткого разъяснения обстановки и распределения сил рота выступила в направлении указанной деревни. «Специально мобилизованные для операции 93 крестьянские подводы были оставлены до дальнейших распоряжений у входа в населенный пункт под охраной команды, состоявшей из 1 унтер-офицера и 4 солдат». 23 сентября 1942 года около двух часов ночи рота подошла к первым, отдельно стоявшим дворам. «В то время как главные силы двинулись дальше в глубь деревни, отдельные дворы были окружены выделенной для этого командой и жители выведены из домов». Все население во главе со старостой согнали в школу, «а одна

команда тотчас отправилась на расположенные в 7 километрах от деревни выселки, с тем, чтобы забрать их жителей». Обреченных на смерть людей разделили на три группы и расстреляли на месте казни, «которое было тем временем подготовлено мужским населением деревни». С нескрываемой «любовью» к этому черному делу капитан Пельс написал, что «казнь была проведена планомерно и без особых происшествий, если не считать одной попытки к бегству». А вот как оценил этот палач мужество советских людей в столь кошмарной обстановке: «Большинство жителей деревни сохраняло самообладание и шло навстречу вполне заслуженной судьбе, которая вследствие их нечистой совести не была для них неожиданностью».

После того как около 12 часов 00 минут казнь завершилась, высланные патрули повторно обыскали все помещения в деревне и обнаружили 5 спрятавшихся человек. «Их извлекли из убежищ и тут же, на месте, расстреляли». После этого внешнее оцепление было снято и началась «очистка дворов». Подтянутые тем временем крестьянские подводы отвезли под охраной «весь живой и мертвый инвентарь» в Мокраны, «в государственное имение». Необмолоченный хлеб сложили у южного выезда из деревни. После этого приступили к сожжению деревни. Выселки и отдельно стоявшие дворы предали огню сразу же после «очистки». Результаты «боевой операции» оказались следующие: «Расстреляно 289 человек, сожжен 151 двор, угнано 700 голов рогатого скота, 400 свиней, 400 овец и 70 лошадей. Вывезено хлеба: 300 центнеров обмолоченного и 500 центнеров необмолоченного. Конфисковано около 150 сельскохозяйственных машин с ручным приводом и многочисленный инвентарь». 27 сентября 1942 года в 12 часов 30 минут рота с подразделениями усиления покинула мертвое пепелище и выступила в направлении Мокран, оставив один взвод для охраны не вывезенного наворованного хлеба [53].

В связи с чудовищными преступлениями, совершенными на временно оккупированных советских территориях, 2 ноября 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия «по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Но и в своем тылу органам внутренних дел хватало проблем. В связи с тем, что многих квалифицированных рабочих призвали в армию, на производстве подчас трудились подростки, женщины

и не пригодные к строевой службе мужчины. Вследствие неопытности и по неосторожности эти труженики часто нарушали технику безопасности, что приводило к серьезным последствиям, особенно на заводах Наркомата боеприпасов. Так, на одном предприятии «вследствие резкого повышения температуры сушки пороха, нарушения режима продувки и отсутствия квалифицированного наблюдения за производственным процессом» произошел взрыв, в результате которого погибли трое рабочих и был причинен значительный материальный ущерб. На другом заводе в мастерской по приготовлению взрывчатого вещества возник пожар, от которого сгорели здание и аппаратура. Локализовать огонь не было возможности из-за неисправности противопожарной системы, огнетушителей и водопровода. В подобных случаях печальных последствий можно было избежать при соблюдении правил техники безопасности. А вот на заводе № 50 произошел взрыв погребка с капсюлями, принесший убыток на огромную сумму. При обследовании места происшествия специалисты обнаружили «механизм, дающий возможность произвести взрыв погребка», что заставило предположить «о наличии в данном случае диверсионного акта». Аналогичный взрыв произошел и на другом заводе. Несмотря на большое количество взрывов и пожаров, повторявшихся на ряде заводов по несколько раз, органы внутренних дел не приняли «эффективных мер к предотвращению аварий и установлению виновных». В связи с этим заместитель наркома Круглов С.Н. утвердил Указания НКВД СССР, в которых предлагалось проверить состояние техники безопасности на заводах и принять меры к очистке отделов, отвечавших за этот вопрос, «от подозрительного и антисоветского элемента». Создать в аппаратах таких отделов агентурно-осведомительную сеть, возложив на нее «профилактическую работу по предупреждению случаев нарушения техники безопасности». Лиц, виновных в нарушении техники безопасности, арестовывать и привлекать к уголовной ответственности [54].

В целях предотвращения возможности утечки информации, представлявшей интерес для нашего противника, в военное время велась перлюстрация частных писем, отправлявшихся с фронта и на фронт. Вместе с тем сотрудники военной цензуры не всегда добросовестно исполняли свою работу, в результате чего при вскрытии и заделке конвертов на адресах срезались или забивались проставлявшимися штемпелями номера полевой почты и бойцы и командиры не могли получить долгожданные весточки из дома. Из конвертов порой терялись, а иногда перепутывались с другими пересылавшиеся фотокарточки,

документы и сами письма. Тексты в письмах зачеркивались либо небрежно и грязно, либо так, что имелась возможность их прочитать. В ряде цензорских отделений, часто при поощрении начальников, установилась вредная практика погони за рекордным количеством просмотренных писем, что вело к снижению качества контроля.

В связи с изложенным, заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н. подписал директиву НКВД СССР от 12 сентября 1942 года, в которой предлагалось народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам областных и краевых управлений НКВД и начальникам особых отделов фронтов, армий и флотов «в 20-дневный срок проверить работу отделений военной цензуры и принять необходимые меры по улучшению дела военной проверки писем и отправки их на фронт и трудящимся». Начальникам спецотделов предписывалось систематически контролировать качество проверки и технической обработки писем. Указывалось на необходимость в отделениях военной цензуры вести регистрацию всех обнаруженных дефектов в работе цензоров с тем, чтобы «на конкретных примерах ошибок и халатного отношения к работе учить и воспитывать цензорский состав». Отменить вредную практику погони за перевыполнением норм, установленных НКВД СССР (750 писем для контролеров первой категории, 650 писем — для контролеров второй категории, новичкам нормы вводить запрещалось). Отделам кадров вменялось при комплектовании отделений военной цензуры обращать серьезное внимание на качественный состав подбиравшихся работников «как по общеобразовательному уровню, так и по политической грамотности» [54].

12 сентября 1942 года командующие немецкими армиями группы Б прибыли в ставку Гитлера под Винницей. Считая, что «русские находятся на грани истощения своих сил», фюрер принял роковое для всей восточной кампании решение о продолжении операции по взятию Сталинграда, хотя с военной точки зрения в этом не просматривалось никакой необходимости. На следующий день немцы начали новый штурм, сосредоточив на узком участке 5 дивизий и нанеся ими сильнейший удар. Бои разгорелись на улицах города. Несмотря на огромные потери, захватчики лезли напролом, стремясь как можно скорее достичь Волги.

Наши войска, хотя и получали подкрепления и поддерживались огнем артиллерии с левого берега великой реки, постепенно утрачивали свои позиции. Боевые потери, отходы, недостаток боеприпасов и продовольствия, трудности с

пополнением людьми и техникой отрицательно влияли на моральное состояние войск. Многие, включая командный состав, стремились поскорее вырваться из этого пекла, переправившись на тот берег. За два с половиной месяца боев 41-й заградительный отряд, действовавший на Сталинградском направлении, задержал 51 758 военнослужащих, сбежавших с передовой.

Между тем ожесточение боев непрерывно росло, невиданный характер принимало это сражение, единодушно названное «сталинградским адом». Потери с обеих сторон были огромны. Обстановка в процессе уличных боев сложилась так, что бойцы получили своеобразную свободу в решении стоявших перед ними задач, успех их действий зависел от индивидуальных способностей, смекалки и находчивости. Вот тогда и проявились настоящие природные качества русского солдата, у которого обострилось чувство личной ответственности за результат боя, умение мыслить по-командирски. Немцы увязли в тяжелых боях на улицах Сталинграда и прилегавших к нему районах.

14 октября 1942 года Гитлер отдал приказ своим войскам о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. И хотя на следующий день немцам удалось овладеть тракторным заводом и прорваться к Волге, разрубив нашу 62-ю армию пополам, таран Паулюса начал терять свою силу. Ожесточенное сопротивление прижатых к реке советских частей истощало противника физически и морально, сковывало действие его войск.

Если для Гитлера взятие Сталинграда превратилось просто в политический престиж, то для Сталина такая обстановка давала возможность без излишней спешки подготовить сокрушительный удар по врагу. В затяжной войне силы Германии заметно истощились, в то время как Советский Союз вопреки представлениям немцев к осени 1942 года полностью восстановил военное производство и обеспечил Красную Армию материальными и людскими ресурсами. Например, только один воссозданный в Нижнем Тагиле на базе харьковского предприятия танковый завод, о котором мы упоминали в главе 7, выпустил за год более 5 тысяч средних танков Т-34. А все вместе наши танковые заводы за это время поставили для армии более 12 тысяч лучших в мире боевых машин.

Начиная с конца сентября 1942 года советское командование приступило к разработке плана и непосредственной подготовке контрнаступления на Сталинградском направлении под кодовым названием «Уран». На левом берегу Волги тайно накапливались огромные силы, сосредоточение которых просмотрела немецкая

разведка. Для обеспечения свободного маневра войсками здесь были построены рокадная железная дорога, подъездные автомобильные пути и переправы. Большой объем строительства выполняли заключенные. Для организации работ сюда выезжал заместитель наркома внутренних дел Круглов С.Н.

19 ноября 1942 года советские войска осуществили прорыв на обоих флангах — на Дону и южнее Сталинграда — и начали окружение немецких армий. Все попытки противника помешать окружению оказались запоздалыми: всего через четыре дня подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились восточнее Калача. В кольце оказались двадцать немецких и две румынские дивизии, а также многочисленные части усиления — в общей сложности 270 тысяч солдат и офицеров. Несмотря на предпринимавшиеся немецкой стороной усилия по деблокированию группировки, 2 февраля 1943 года Паулюсу пришлось капитулировать. Шестимесячная сталинградская эпопея закончилась для вермахта катастрофой, ставшей символом перелома в ходе войны [52].

11. От обороны к наступлению

После успешного завершения Сталинградской битвы и изгнания немцев с Северного Кавказа последовала, естественно, череда награждений, повышений и преобразований. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 4 февраля 1943 года руководящему составу Наркомата внутренних дел были присвоены новые специальные звания. Первый заместитель наркома Меркулов В.Н. получил спецзвание «Комиссар государственной безопасности I ранга». Заместители наркома Абакумов В.С., Кобулов Б.З., Круглов С.Н., Серов И.А. и Чернышов В.В. стали «комиссарами госбезопасности II ранга». Нарком Берия Л.П. сохранил наивысшее для НКВД спецзвание «Генеральный комиссар государственной безопасности», которое в подписывавшихся Лаврентием Павловичем документах обычно не указывалось (только должность).

Вместе с тем Президиум Верховного Совета СССР 9 февраля 1943 года издал указ, в соответствии с которым специальные звания работников НКВД и армейские воинские звания уравнивались теперь между собой. До этого, например, лейтенант гб соответствовал армейскому капитану, а майор гб равнялся полковнику. Для того чтобы воинская субординация наглядней просматривалась и строже соблюдалась, с этого же времени в Красной Армии и в органах и войсках НКВД ввели новые знаки различия — погоны. Объяснялся такой возврат к прежнему тем, что таким образом устанавливалась вроде бы преемственность между старой русской армией и нынешней рабоче-крестьянской.

7 марта 1943 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Верховному Главнокомандующему, председателю Государственного Комитета Обороны Сталину И.В. звание Маршала Советского Союза.

По состоянию на 1 января 1943 года у наркома Берия Л.П. имелось 11 заместителей: Меркулов В.Н. (первый зам), Абакумов В.С., Аполлонов А.Н., Завенягин А.П., Кобулов Б.З., Круглов С.Н., Масленников И.И., Обручников Б.П., Сафразьян Л.Б., Серов И.А. и Чернышов В.В. В связи с тем, что с началом войны как сам нарком, так и его замы часто выезжали в длительные командировки или направлялись в войска, обычно принятого ежегодного распределения обязанностей по наблюдению за работой «подшефных» главков, управлений и отделов, отдававшегося письменным распоряжением или циркуляром, не производилось. С одной стороны, ориентировались на последнее

распределение полномочий, сделанное в конце июля 1941 года после объединения наркоматов внутренних дел и госбезопасности. С другой стороны, замы подменяли отсутствовавшего коллегу, принимая на себя его функции. Единственно с 1 марта 1943 года приказом НКВД СССР на Круглова С.Н. помимо тех задач, которые он выполнял, были возложены обязанности по наблюдению за работой Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ). Это Управление, как отмечалось в главе 4, создали еще в 1939 году, и в его ведении находилась целая система заранее подготовленных лагерей, расположенных, в основном, в европейской части СССР. Но с тех пор за военное время многое изменилось. Пленных немцев до победы под Сталинградом оказалось у нас не слишком много, зато появился новый «спецконтингент», к которому были отнесены «бывшие военнослужащие Красной Армии, находившиеся в плену и окружении противника». Доработанное с учетом данного обстоятельства «Положение об Управлении НКВД Союза ССР по делам о военнопленных и интернированных» было объявлено приказом НКВД СССР, подписанным заместителем наркома внутренних дел Серовым И.А. еще 3 августа 1942 года. После пленения войск Паулюса под Сталинградом и в связи с продвижением Красной Армии на запад началось интенсивное наполнение системы лагерей как немцами и их союзниками, так и освобожденными из плена и вышедшими из окружения нашими бойцами и командирами. С плененным врагом вопрос был достаточно ясен: по крайней мере до конца войны «бывшим захватчикам» следовало пребывать в изоляции. «Спецконтингент» из наших бойцов должен был пройти тщательную проверку, после чего решался вопрос о направлении проверенных в Наркомат обороны для зачисления их в ряды Красной Армии либо о привлечении к ответственности тех, кто оказался скомпрометирован.

В задачи УПВИ входили прием, распределение и учет военнопленных, интернированных и спецконтингентов, организация охраны, всех видов снабжения, питания, медико-санитарного и бытового обслуживания, а также трудового использования на основании договоров в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве. Политинструкторские группы должны были проводить среди содержавшихся в лагерях агитационно-пропагандистскую работу, руководить деятельностью клубов, красных уголков и библиотек, снабжать политической и художественной литературой, «культурным имуществом».

Постоянно дебатируется вопрос о том, почему наши бойцы,

освобожденные из немецкого плена, попадали не на свободу, а оказывались за решеткой, теперь уже в сталинских лагерях? Во-первых, о том, что фашистские разведчики усиленно вели вербовку среди наших военнопленных, а потом разными способами забрасывали их в качестве своих агентов в советский тыл, кратко было рассказано в предыдущей главе. Переправить шпионов и диверсантов на нашу сторону под видом возвращавшихся из плена было, пожалуй, проще и безопасней, чем сбрасывать с парашютом. Во-вторых, для советского руководства желательным представлялось выяснить вопрос, как и почему получилось, что огромная часть армии оказалась у противника в плену. Точных данных о наших военнопленных в годы войны не имеется. Германское командование указывало цифру 5 270 000 (пять миллионов двести семьдесят тысяч) человек. Это невообразимое количество самых работоспособных мужиков. Нам, победителям, удалось в итоге пленить «немчуры» почти вполовину меньше. Демографы говорят, что представить себе миллион человек, собранных вместе просто невозможно. А тут — в пять раз больше, и еще за колючей проволокой! Правда, в концлагерях находились не все: в 1942 году пунктуальные немцы произвели учет русских, точнее, русскоязычных, сражавшихся на их стороне с оружием в руках. Их оказалось миллион двести тысяч! Это еще до того, как появилась Русская освободительная армия под командованием Власова. Наша разведка установила, что в числе изменников были и белоэмигранты, которые активно сотрудничали с немцами, участвовали в боевых действиях на фронте, работали в очень многих разведывательных школах, совершали диверсионные и террористические акты, проводили репрессии против мирного населения. Так что, прежде чем обижаться на тогдашние порядки, надо бы повнимательней разобраться в этом вопросе, что пока еще не сделано. Стыдно и страшно.

После успешного завершения битв за Сталинград и Кавказ стало ясно, что военная ситуация окончательно переломлена в пользу Советского Союза. Еще предстояли страшные, кровопролитные бои, еще необходимо было отразить сильнейшее летнее наступление немецкой армии, но в стратегическом плане четко просматривалось, что фашистская военная машина не сможет выдержать готовившегося мощного напора Красной Армии, обеспеченной неиссякаемыми резервами тыла и высоким патриотическим подъемом всего народа.

В этих условиях вновь получила реализацию предвоенная идея о разделении НКВД на ведомства государственной

безопасности и внутренних дел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года из состава НКВД «путем выделения оперативно-чекистских управлений и отделов» был образован самостоятельный Наркомат государственной безопасности (НКГБ) СССР. Возглавить новый наркомат поручили комиссару гб I ранга Меркулову В.Н., а его первым заместителем назначили комиссара гб II ранга Кобулова Б.З.

Одновременно на базе Управления особых отделов НКВД было организовано Главное управление контрразведки Смерш (Смерть шпионам), которое вошло в состав Наркомата обороны. Возглавил этот главк комиссар гб II ранга Абакумов В.С.

Интересно, что сотрудники, как перешедшие в НКГБ и Смерш, так и оставшиеся в НКВД, сохранили свои персональные спецзвания с добавлением к ним слова «госбезопасности». Однако контрразведчики, находившиеся непосредственно в частях, чтобы «не светиться», носили военную форму того рода войска, который «обслуживали».

Теперь НКГБ отвечал за ведение разведывательной работы за границей, за борьбу с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок в СССР, за борьбу «со всякого рода антисоветскими элементами и проявлениями среди различных слоев населения СССР в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства» и за «охрану руководящих кадров партии и правительства». Несколько позднее к этому добавились «организация и проведение диверсий и иной подрывной работы на временно оккупированной противником территории» и «организация дешифровально-шифровального дела и контроль за охраной государственных тайн».

На органы Смерш возлагались задачи по борьбе со всякого рода подрывной деятельностью в частях и подразделениях Красной Армии, по принятию необходимых мер, «исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта», по борьбе с предательством и изменой Родине, дезертирством и членовредительством, а также по проверке военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника.

Во главе сократившегося НКВД остался Берия Л.П., а его первым заместителем, как это и было перед началом войны, назначили Круглова С.Н. Помимо перешедших в «дружественные ведомства», остальные семь заместителей были прежние: Аполлонов А.Н. (заместитель по войскам), Завенягин А.П., Масленников И.И., Обручников Б.П. (заместитель по кадрам), Сафразьян Л.Б., Серов И.А. и Чернышов В.В. Правда, через

несколько месяцев генерал-полковник Масленников И.И. был освобожден от занимаемой должности «в связи с переходом на постоянную работу в Красную Армию».

Оставшиеся в Наркомате внутренних дел главки, управления и отделы, претерпевшие незначительные изменения, продолжали выполнять свои прежние задачи. В мае было выделено в самостоятельное подразделение Главное управление войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии (ДКА), а ровно через два года после начала войны появился Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Неразумное стремление завоевать мировое первенство военными средствами привело к неисчислимым страданиям миллионов самых незащищенных граждан страны — детей, потерявших родителей и кров, жестоко разбросанных по дорогам войны на произвол судьбы. Теперь следовало выявить всех беспризорников и принять меры к размещению их в детские дома, определить на учебу или трудоустроить. Необходимым являлось налаживание справочной службы, обеспечивавшей розыск детей родителями. Требовалось также усилить репрессивные меры к подстрекателям детей на совершение преступлений.

В условиях войны НКВД СССР оставался одним из важнейших строительных ведомств. Однако объемы и структура капитальных работ значительно изменились. По сравнению с довоенным производством к 1943 году доля капитального строительства снизилась до минимального уровня. Уменьшилось железнодорожное, шоссейное и особенно гидротехническое строительство. В то же время возросло участие наркомата в возведении и обслуживании предприятий черной и цветной металлургии, топливной промышленности, а также в сооружении аэродромов. Вместе с тем золотодобывающий Дальстрой, несмотря на все трудности, продолжал поддерживать свое производство на высоком уровне, выполняя государственные задания. Благодаря «концентрации работ на лучших месторождениях золота и олова и обеспечению этих работ материалами и оборудованием» удалось годовой план 1942 года по добыче металлов выполнить досрочно. План на 1943 год устанавливался такой же напряженный: 70 тонн золота и 4000 тонн олова. Кроме того, следовало добыть 60 тонн вольфрамовых концентратов и 350 тысяч тонн угля. Для отправки этих богатств на материк и доставки необходимых для жизнедеятельности края продуктов, лесоматериалов, оборудования и жидкого топлива требовалось своим флотом за короткую навигацию перевезти огромное количество грузов. Только из Америки в бухту Нагаево следовало переправить 75 тысяч тонн сухогрузов, поставлявшихся

по ленд-лизу.

19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, шпионов и изменников родины и их пособников», в соответствии с которым при Воркутинском, Норильском и Севвостлагере (Дальстрой) были организованы отделения каторжных работ на 10 000 человек каждое. Для больных и нетрудоспособных сделали отделение при Карлаге (Карагандинском ИТЛ) НКВД. В соответствии с Инструкцией о порядке содержания такого контингента, осужденных к каторжным работам полагалось размещать «отдельно от остальных в особых бараках с решетками на окнах», которые «находятся на запоре и охраняются стрелками». Каторжане должны были носить одежду «специального образца и цвета» с нашивкой личного номера и направляться на особо тяжелые работы. Питание и снабжение вещевым довольствием этих осужденных осуществлялось по общелагерным нормам, а вот переписка с родственниками, получение посылок и премиальных денег, чтение книг и газет полагались только через год, и то по распоряжению начальника лагеря «в зависимости от поведения и отношения к труду на производстве». За отказ от работы, невыполнение норм выработки и нарушение режима применялись наказания в виде удлинения рабочего дня до двух дополнительных часов, содержания в одиночном карцере до 20 суток и привлечения к уголовной ответственности с рассмотрением дела на Особом совещании при НКВД СССР.

В результате упорных сражений, проходивших зимой и весной 1943 года, в районе города Курска образовался выступ, созданный продвинувшимися на запад Центральным и Воронежским фронтами. Немецкое командование решило провести летом операцию по разгрому советских войск, находившихся в этой своеобразной дуге. Планом операции под кодовым названием «Цитадель» намечалось сходящимися ударами с севера и юга в общем направлении на Курск окружить и уничтожить советские войска и, развивая предполагавшийся успех дальше, вернуть себе стратегическую инициативу. В ходе трехмесячной стратегической паузы, наступившей в конце марта, воюющие стороны закреплялись на достигнутых рубежах, пополняли свои войска людьми, военной техникой и оружием, накапливали резервы.

Ставка Верховного Главнокомандования, своевременно и верно определив замысел противника, приняла решение,

несмотря на превосходство собственных сил, перейти на заранее подготовленных рубежах к преднамеренной обороне, в ходе которой обескровить ударные группировки немецких войск, а затем начать контрнаступление. Во исполнение этого решения в течение трех месяцев в районе Курского выступа было оборудовано восемь оборонительных полос общей глубиной до 300 километров. Войска и местное население отрыли около 10 тысяч километров траншей и ходов сообщения, на наиболее опасных направлениях установили заграждения, проложили две тысячи километров дополнительных дорог, восстановили и построили 686 мостов.

Располагая данными о времени начала германского наступления, советское командование провело заранее спланированную артиллерийскую контрподготовку, которая нанесла сосредоточенным войскам захватчиков существенный урон. Ринувшись в наступление одновременно на северном и южном фасах фронтов, противник встретил упорное сопротивление оборонявшихся. Немецкое командование вынуждено было ввести в бой все силы своих ударных группировок, но успеха не достигло. Крупнейшее сражение произошло в районе Прохоровки, где во встречном бою участвовало с обеих сторон до 1200 танков и самоходных орудий. После этого от оборонительных действий Красная Армия перешла в наступление. 5 августа 1943 года были освобождены Орел и Белгород, а в процессе дальнейшего наступления 23 августа в наши руки перешел Харьков.

Успешному проведению Курской битвы во многом способствовали активные действия партизан, которые нанесли по тылам врага мощные налеты, сковали значительные силы противника и разгромили свыше 400 воинских эшелонов.

За беспредельное мужество, высокую стойкость и массовый героизм, проявленные советскими воинами в ходе тяжелейших боев, 132 соединения и части получили гвардейское звание, 26 удостоились почетных наименований. Более 100 тысяч воинов были награждены орденами и медалями, более 180 человек удостоены звания Героя Советского Союза [55].

Осенью 1943 года Государственный Комитет Обороны решил отметить руководителей и специалистов, обеспечивших «усиление производства вооружений и боеприпасов в трудных условиях военного времени». За особые заслуги в этой области наркому внутренних дел Берия Л.П. присвоили звание Героя Социалистического Труда. Первого заместителя наркома Круглова С.Н. наградили орденом Ленина.

После провала операции «Цитадель» немецкое командование рассчитывало упорной обороной стратегического рубежа вдоль Днепра, названного «Восточным валом», остановить наступление Красной Армии. Советское Верховное Главнокомандование приняло решение главный удар нанести на юго-западном стратегическом направлении. После проведения ряда стратегических наступательных операций наши войска продолжили наступление по всей Левобережной Украине и в Донбассе. Всем фронтам было дано указание о форсировании Днепра с ходу для захвата плацдармов на его правом берегу. Развернулась ожесточенная борьба за удержание и расширение 23 захваченных участков на правом берегу реки, которая осложнялась отсутствием коммуникаций, распутицей, нехваткой боеприпасов и продовольствия, а также большими потерями в живой силе и технике. В период с 26 сентября по 20 декабря 1943 года серией из пяти фронтовых операций было осуществлено освобождение Левобережной Украины в низовьях Днепра, блокирована немецкая группировка в Крыму, освобождены Запорожье и Днепропетровск, а также создан стратегический плацдарм на правом берегу Днепра. Благодаря этому успешно прошло наступление по разгрому киевской группировки противника, и 6 ноября 1943 года столица Украины была занята нашими войсками. Таким образом, в ходе битвы за Днепр, сражения за который проходили на фронте протяженностью 1400 километров, наши войска продвинулись на юге до 600 километров и начали освобождение Правобережной Украины [52].

В связи с изменением обстановки на фронтах весной 1943 года стали возвращаться в Москву эвакуированные предприятия вместе с рабочими, а также семьи работников Наркомата внутренних дел. Таисия Дмитриевна Круглова приехала в свою квартиру в «Доме правительства» на Берсеневской набережной вместе со всеми сестрами и детьми, с которыми дожидалась наших побед в Куйбышеве. Некоторое время продолжали жить «большой семьей», но постепенно женщины начали устраиваться на работу и получать собственную жилплощадь. Полина Дмитриевна стала работать в Школе кремлевских курсантов преподавателем русского языка и литературы. Мария Дмитриевна устроилась на работу по своей специальности инженера-текстильщика. Елизавета Дмитриевна продолжила свои занятия в школе учителем химии. У нее была собственная комната в районе Таганской площади, где она и поселилась. Антонина Дмитриевна продолжала проживать у Кругловых, поскольку в ее семье дела сложились не совсем удачно. Ее муж Юрий на фронте заболел

открытой формой туберкулеза. В связи с этим в Москве его положили в госпиталь и сделали операцию по инерации (частичному удалению) легкого. Для восстановления здоровья Тоня вместе с больным мужем прожила одну зиму у Кругловых на госдаче в Жуковке. Как только Юре стало лучше, он поступил на работу в МВД. Для обеспечения благоприятных для его здоровья климатических условий Юрия вместе с женой направили после освобождения Крыма в этот благодатный край. Однако для Антонины, которая в результате пережитой ленинградской блокады страдала тяжелейшим пороком сердца и потому не могла работать, крымский климат оказался неприемлемым. В связи с этим Юрия с женой вновь перевели в Москву, где они получили свою жилплощадь. К сожалению, Антонина умерла в 1956 году в возрасте 36 лет. Брат Александр Дмитриевич после полученных на фронте ранений и контузии работал на военном заводе в городе Куйбышеве. Вместе с заводом он переехал в Москву и здесь получил комнату. На этом предприятии бывший фронтовик проработал до 70 лет, скончавшись в 1992 году в возрасте 86 лет.

Родители Сергея Никифоровича оставались в Куйбышеве несколько дольше, пока военный завод «Красный химик», на котором работал Никифор Яковлевич бригадиром хозчасти, в конце 1943 года не возвратили в Москву. В столице семье Яковлевых, вместе с которыми проживала овдовевшая невестка Анастасия Алексеевна вместе с сыновьями Владимиром и Борисом, предоставили квартиру. Дед Никифор продолжал трудиться на заводе, Любовь Игнатьевна занималась домашним хозяйством, невестка Анастасия работала в больнице, а дети учились в школе. Однако в 1946 году Никифор Яковлевич по состоянию здоровья вынужден был уйти с завода и поступить работать вахтером в административно-хозяйственный отдел спортивного общества «Динамо». Поскольку в результате имевшихся ранее больших физических нагрузок у бывшего профессионального рабочего стали проявляться различные болячки, руководство общества предоставило ему в районе станции Правда Северной железной дороги числившиеся за ХОЗУ МВД пару комнат в общем загородном доме на две семьи и небольшой участок земли. Этот деревянный дом был 1928 года постройки и, естественно, уже требовал ремонта. Хозяйственное управление, чтобы снять с себя лишнюю заботу, продало нанимателю занятую им часть жилья. В результате Никифор Яковлевич оказался владельцем недвижимого имущества.

В выходные дни и праздники, в отпуска и школьные каникулы все родные часто собирались вместе на квартире или на

даче у Кругловых. 1 сентября 1943 года дочь Ирина стала школьницей, поступив в первый класс, а ее брат Валерий пока что еще оставался на «домашнем воспитании».

К 10 октября 1943 года, ко дню рождения Таисии Дмитриевны, Сергей Никифорович, находившийся в служебной командировке, прислал в Москву супруге, которая лежала в больнице, коротенькую записку с поздравлением:

Дорогая моя жена!

Очень сожалею, что сложившиеся обстоятельства не позволили мне лично поздравить тебя с днем рождения и прижать тебя, мою любимую, к своей груди.

Прошу принять, Таек, заочно мои самые искренние поздравления и пожелания тебе счастья. Верь мне, что в день твоего рождения, находясь от тебя за несколько сотен верст, я мысленно буду вспоминать о тебе и с чувством глубокой любви и привязанности посылать тебе самые теплые, самые горячие поздравления.

Я приеду, ты возвратишься домой поправившейся, и тогда заодно отпразднуем нашу скромную семейную радость. Я, также, как и ты, жду этого дня с нетерпением.

Ну, будь здорова, моя хорошая.

Крепко тебя целую. Твой Сергей [26].

12. Депортация малых народов

В ходе Великой Отечественной войны большой размах приобрели депортации целых народов. Если переселение советских немцев носило «профилактический» характер, «для предупреждения серьезного кровопролития» при наступлении германской армии, то шесть малых народов (карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары) были «наказаны» за сотрудничество с врагом. Действительно, все годы Советской власти органам внутренних дел приходилось бороться с вылазками ингушей и чеченцев. В программных документах Особой партии кавказских борцов, объединявшей 11 народов Кавказа, но действовавшей преимущественно в Чечено-Ингушетии, ставилась цель борьбы «с большевистским варварством и русским деспотизмом» и выдвигался лозунг «Кавказ — кавказцам!». На практике это означало выселение всех русских и евреев из данного региона, что фактически и произошло в ряде регионов, но в конце XX века, в период чеченского конфликта. С приближением немецких войск кавказскими националистами ставились задачи по обеспечению полной дезорганизации тыла Красной Армии, ускорению «гибели большевизма на Кавказе» и достижению поражения России в войне с Германией. Впоследствии здесь планировалось по мандату Германской империи создать Федеративную республику братских народов Кавказа. Еще в самом начале войны, 8 июля 1941 года, Берия Л.П. санкционировал войсковую операцию «для ликвидации чеченских банд», укрывшихся в ущельях Грузии, но тогда важнее оказались другие дела. Повстанческое движение особенно усилилось летом 1942 года, с приближением немецких войск к Главному Кавказскому хребту. В августе месяце, в период организации представителями Ставки Верховного Главнокомандования отпора врагу нашими отступавшими армиями, чеченские отряды ликвидировали колхозы и советские органы в ряде селений горной Чечни и вступали в бой с расположенными в райцентрах войсковыми гарнизонами. В конце сентября — начале октября вспыхнуло крупное восстание в Веденском и Чеберлоевском районах, в подготовке которого участвовали немецкие парашютисты. Всего на территории Чечено-Ингушской республики действовали до 25 тысяч повстанцев. В результате официальным обвинительным мотивом для депортации чеченцев и ингушей стало их «активное и почти поголовное участие в террористическом движении, направленном против Советов и Красной Армии».

Против Советской власти боролись также карачаевцы и балкарцы. В числе других северокавказских народов они искренне приветствовали немцев как освободителей от векового российско-советского и большевистского ига. Считается, что о преступлениях Гитлера они не знали, а потому поднесли ему в дар золотую сбрую. В период оккупации эти малые народы почти поголовно участвовали в террористических операциях, служили проводниками, показывавшими немецким войскам дороги через перевалы. Издававшаяся в Берлине газета кавказских борцов за свободу «Газават» выходила под лозунгом «Аллах над нами — Гитлер с нами». В этой газете публиковались очерки истории сопротивления Советам на Кавказе. Так, в номере от 11 августа 1943 года в передовице «Мы отомстим!» говорилось о том, что за годы большевистской ежовщины «родной Кавказ похоронил в тюрьмах НКВД лучших сынов, наших братьев и отцов». В период коллективизации по аулам прокатилась новая волна большевистского террора, что вызвало восстания. Когда в июне 1941 года прозвучала «радостная весть» о том, что Германия начала войну против большевиков, сотни тысяч карачаевцев ушли в горы и там организовали повстанческие отряды. Когда фашисты были еще далеко, карачаевцы повстанцы уже вели борьбу в нашем тылу. С приближением фронта к горам Кавказа действия повстанцев настолько активизировались, что они смогли отрезать Красной Армии все пути отступления, в частности, Клухорский перевал, через который можно было уйти в Сванетию. «Сотни убитых комиссаров, тысячи пленных красноармейцев, большие отары отбитого у отступавших большевиков скота, огромное количество воинского снаряжения и оружия — таковы были трофеи повстанцев, — писала газета. — При активной помощи карачаевцев германские войска заняли Карачай обходным движением без единого выстрела. По тропинкам, известным только сынам гор, вошли германские солдаты-освободители в аулы». Во время пребывания немецкой армии на Кавказе велась борьба с «большевистскими бандами», представлявшими собой группы красноармейцев-окруженцев, многие из которых были полностью уничтожены. Карачаевцы вступали в организованные немцами отряды для борьбы с Советской властью, предавали немцам честных советских граждан. При отступлении оккупантов «опустели аулы Карачая», поскольку вместе с германской армией ушла и большая часть горцев. Вдали от родины «гордые сыны Карачая» стали готовиться к новой борьбе с большевиками «не на жизнь, а на смерть».

Точно такие же события привели к сотрудничеству с немцами основную массу балкарцев. Одно из первых восстаний против

Советской власти вспыхнуло в феврале 1930 года в Чегемском и Эльбрусском районах под лозунгом: «Долой коммунистов и колхозы!» Лишь через два месяца удалось подавить выступление горцев, конечно, не без принятия жестких мер. Но смирить балкарцев не удалось: они возненавидели коммунистов, коллективизацию и ГПУ-НКВД, представлявшие собою «остро отточенный меч» Сталина. К приходу немцев балкарские партизаны — абреки уже достаточно прославились своими антисоветскими действиями. Конечно, методы, применявшиеся чекистами и красноармейцами в борьбе с горцами, были весьма суровыми. Впрочем, все сражавшиеся в той войне стороны «мягкостью» и «человеколюбием» не отличались.

В период оккупации немецко-фашистскими захватчиками Калмыцкой АССР многие местные жители изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали советских граждан, захватывали и передавали противнику эвакуированный из других районов и числившийся за своими колхозами скот. После изгнания оккупантов организовывали банды и активно противодействовали органам Советской власти в работах по восстановлению разрушенного хозяйства, совершали налеты на колхозы и терроризировали население [56].

После оккупации Крыма немецкими и румынскими войсками определенная часть татарского населения, преимущественно в горных районах, не только не поддерживала советских партизан, но и активно боролась с ними вместе с захватчиками. В 1941 году из Красной Армии дезертировали свыше двадцати тысяч татар, которые перешли на службу к немцам. Во всех горных татарских деревнях были созданы «добровольческие отряды» во главе с немецкими или румынскими инструкторами. Все лица, входившие в отряды, носили форму оккупантов и повязку на левом рукаве с надписью: «На службе немецкой армии». Добровольцы, вооруженные стрелковым оружием, пулеметами и минометами, оставшимися после отхода Красной Армии, несли дозорную службу и проводили карательные операции в деревнях, оказывавших помощь партизанам. В отношении захваченных русских татары проявляли такую жестокость, что даже немецкое командование вынуждено было своими приказами запрещать подобные действия. За свою службу члены отрядов получали зарплату и продовольствие, освобождались от налогов, наделялись участками садов, виноградников и табачных плантаций, которые отбирались у населения нетатарской национальности (русских, украинцев, греков и др.). Во всех районах Крыма были созданы «татарские национальные

комитеты», которые содействовали немцам в сколачивании из числа дезертиров и молодежи татарских воинских частей. В апреле 1942 года в Симферополе было закончено обучение и подготовлены к отправке на фронт 15 000 татар. Большую роль в таком поведении малого народа сыграло обещание немцев дать полуострову автономию под лозунгом: «Крым — для татар».

Одна из причин, на основании которой определенные национальности действительно поддерживали «новый немецкий порядок», заключалась в расовой политике нацистов: оккупанты рассматривали кавказцев, казаков, калмыков, татар, а также латышей и эстонцев в качестве арийских народов. На них не распространялся унизительный статус «недочеловеков». Если завоеванных славян планировалось частично уничтожить, а оставшихся поработить, то «расово близкие» получили право создавать на оккупированных территориях органы самоуправления и военные формирования под германским контролем. А вот столь же активно боровшихся против Советской власти литовцев и жителей Западной Украины немцы «арийцами» не считали, но старались их просто не трогать.

При депортации народов Советской властью в основе лежали отнюдь не расистские мотивы. Несмотря на то что высылке подвергались не только компактно проживавшие национальные меньшинства, но и все представители данной народности, рассеянные по территории Советского Союза, вплоть до военнослужащих, находившихся в армии, в этом процессе отсутствовала расовая дискриминация. Сталинский режим не преследовал советских немцев, кавказцев или татар за так называемые биологические дефекты. Центральной власти были важны, прежде всего подчиненность данных сообществ советскому правопорядку, их политическая благонадежность. Конечно, в трудное военное время справедливый гнев вызывало предательство интересов своей страны, состоявшее не только в сотрудничестве с оккупантами, но и в вооруженной борьбе с советскими людьми, насмерть сражавшимися с фашизмом. Вместе с тем возможно предположить, что «наказание народов», выразившееся в их переселении «в дальние края», вполне могло представлять собой «пограничные чистки», в результате которых в случае будущего военного конфликта с Турцией за возвращение СССР грузинских и армянских земель, отторгнутых в 1921 году, в тылу нашей армии теперь не могла возникнуть «пятая колонна». Так что «предательство» явилось одновременно и причиной, и поводом для депортации. Тем более что после малых народов из Крыма и с Черноморского побережья выселили болгар, греков и армян, а из приграничных районов Грузии удалили турок-

месхетинцев, хемшилов и курдов, связанных с жителями Турции родственными отношениями и занимавшихся контрабандой. От них могла произойти утечка за рубеж нежелательной информации, что помешало бы реализации сталинских планов по присоединению к СССР растерянных после Октябрьской революции закавказских земель [56].

Первыми в октябре 1943 года депортировали карачаевцев, а освободившиеся земли ликвидированной автономной области передали Ставропольскому и Краснодарскому краям и Грузинской ССР. 8 декабря 1943 года начальник ГУЛАГа Наседкин В.Г. представил первому заместителю наркома внутренних дел СССР Круглову С.Н. докладную записку, в которой сообщал о расселении спецпереселенцев-карачаевцев в Казахской и Киргизской ССР. Всего в течение месяца были депортированы 15 987 семейств, насчитывавших 68 614 человек. Расселение в Джамбульской и Южно-Казахстанской областях Казахстана и Фрунзенской области Киргизии производилось в основном в колхозах и совхозах «путем уплотнения местного населения». За счет проведения предварительной работы по подготовке помещений, сосредоточению автогужевого транспорта в местах разгрузки 34 эшелонов, организации пунктов питания, ночлега и медицинского обслуживания на пути следования к местам расселения, а также выполнения разъяснительных мероприятий среди местного населения «никаких эксцессов» как со стороны прибывших, так и со стороны принимавших отмечено не было. Поскольку значительная часть карачаевцев прибыла без продуктов питания, создалось «затруднительное положение», которое на короткое время позволило решить выделение фондов на муку и крупу. По сообщению местных органов внутренних дел, в первые же дни после прибытия подавляющая часть спецпереселенцев приступила к работе в совхозах и колхозах по уборке хлопка, свеклы, очистке ирригационной системы.

В конце 1943 — начале 1944 года было депортировано калмыцкое население, причем не только из мест компактного проживания, но и из Ростовской области. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», органы НКВД СССР провели операцию по переселению 26 359 семей, включавших 93 139 человек, в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области.

В феврале — марте 1944 года было депортировано в Казахскую и Киргизскую ССР балкарское население в количестве 37 103 человек. При этом 478 человек были арестованы, изъято

288 единиц огнестрельного оружия. После этого Кабардино-Балкарскую Автономную республику переименовали в Кабардинскую АССР [37].

Далее настал черед для чеченцев и ингушей. Об этом деле расскажем подробнее, поскольку в нем пришлось участвовать первому заместителю наркома внутренних дел Круглову С.Н.

Сергей Никифорович, в принципе, был против массового переселения народов из родных для них мест, но что представлялось возможным сделать в условиях сталинского режима и состояния войны? Необходимо было быстро и четко выполнять те распоряжения, которые принимала верховная власть. По своему статусу первого зама Круглов С.Н. должен был возглавить операцию по выселению чеченцев, но, учитывая его отрицательное отношение к этому делу, старшим оперативным начальником назначили более младшего по служебной иерархии заместителя наркома Серова И.А. Всю территорию Чечни поделили на четыре сектора. В центральном, включавшем город Грозный, начальником сектора по совместительству являлся руководитель операции. Круглову С.Н. достался Гудермесский сектор, объединявший семь административных районов. Двумя другими секторами командовали первый заместитель наркома госбезопасности Кобулов Б.З. и заместитель наркома внутренних дел по войскам Аполлонов А.Н. К операции привлекли 19 тысяч оперативных работников НКВД-НКГБ и Смерш и около 100 тысяч солдат и офицеров войск НКВД, «стянутых с различных областей».

При выполнении правительственного задания исполнители руководствовались типовой «Инструкцией о порядке проведения переселения», которая конкретизировалась для каждой массовой операции. В данном случае депортации подлежали все жители автономной республики по национальности чеченцы, включая членов ВКП(б) и ВЛКСМ. Переселению не подлежали женщины-чеченки, состоявшие в замужестве с лицами других национальностей. Отсутствовавшие в момент переселения брались на учет и подлежали переселению дополнительно.

В оперативных секторах на период подготовки и проведения операции для каждого населенного пункта назначались участковые уполномоченные, в чье распоряжение выделялось необходимое количество оперативных работников и войск НКВД в соответствии с числом переселявшегося контингента. Устанавливалась приблизительная «норма», по которой на оперативную группу, состоявшую из одного оперработника НКВД-НКГБ и двух бойцов войск НКВД, полагалось переселение четырех семейств.

В целях успешного проведения депортации участковые уполномоченные с учетом всех мер конспирации заблаговременно знакомились с поступившим в их ведение контингентом. Затем вместе с командирами войсковых подразделений скрытно изучали маршруты движения от населенных пунктов до мест сбора и железнодорожных станций погрузки, разрабатывали планы оцепления, расположения войсковых резервов и засад на случай возникновения непредвиденной ситуации. Для приемки, описи и обеспечения сохранности скота и прочего имущества, остававшегося на месте, к каждому оперативному сектору прикреплялась хозяйственная комиссия от советских органов, уполномоченные которой выдавали переселяемым соответствующие сохранные квитанции.

С началом операции участковый уполномоченный созывал сход взрослого мужского населения данного жилого объекта и объявлял, что решением советского правительства все население Чечни переселяется в выделенные для этого районы Средней Азии. При этом подробно разъяснялось, сколько и какого имущества разрешено взять с собой и на каких условиях будет произведено расселение в новых местах жительства. После этого сходу предлагалось приступить к сбору имущества и делалось предупреждение об ответственности за сопротивление или попытку уклонения от переселения. Оперативные группы сразу же расходились по закрепленным за ними домам и предлагали главам семейств сдать, возможно, имевшееся у них дома огнестрельное и холодное оружие. Переселявшимся разрешалось взять с собой все лично принадлежавшие им ценности, деньги, домашние вещи (одежду, обувь, посуду, инвентарь) и запас продовольствия. На каждую семью оперработник заполнял учетную карточку в двух экземплярах, где делал отметку об отсутствовавших на месте родственниках. Все подозрительные лица немедленно подвергались аресту. В случае необходимости применения оружия предлагалось действовать «твердо и решительно, без лишней суеты, шума и паники». В населенных пунктах, где автотранспорту приходилось останавливаться на ночевку, принимались меры, исключавшие возможность побега или возникновения каких-либо эксцессов. При доставке на станцию погрузки участковый уполномоченный сдавал переселяемых под расписку коменданту эшелона и *вручал* ему один экземпляр учетных карточек. Одновременно все участковые доносили рапортом начальнику оперативного сектора о результатах операции и прилагали к своей бумаге второй экземпляр карточек.

На станциях погрузки в один двухосный вагон,

оборудованный «под людские перевозки», загружались несколько семейств с их имуществом, но не более 30 человек и пяти-шести тонн груза. Не допускалась разбивка семей по разным вагонам или эшелонам. Питание переселяемых в пути следования производилось комендантом поезда в специально установленных пунктах за счет выделенных для этого средств. Каждый эшелон сопровождали конвой войск НКВД численностью 25 человек, врач и две медсестры с необходимыми медикаментами и инструментами, а также оперативный работник. В обязанности прикрепленного к поезду оперработника входили налаживание связи с имевшейся оперативно-осведомительной сетью среди переселяемых и принятие своевременных мер против попыток побегов или антисоветских действий [37].

Операция по депортации чеченцев и ингушей началась 23 февраля 1944 года и была практически полностью завершена в течение пяти дней. В связи со снегопадом и бездорожьем несколько задержалась вывозка переселявшихся из высокогорных аулов. В основной массе были выселены и погружены в 177 железнодорожных составов, имевших по 65 вагонов каждый, 478 479 человек, в том числе 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей. Вслед за простыми гражданами отправился и поезд с руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, «которые использовались при проведении операции». За время подготовки и проведения депортации были арестованы 2016 человек «антисоветского элемента», изъято огнестрельного оружия 20 072 единицы, в том числе 4868 винтовок, 479 пулеметов и автоматов.

В своей докладной записке Сталину И.В. нарком внутренних дел СССР Берия Л.П. сообщил, что «операция прошла организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов. Случаи попытки к бегству и укрытию от выселения носили единичный характер, и все без исключения были пресечены» [39].

Вместе с тем в настоящее время приводятся данные о том, что не все обстояло так благополучно: в процессе выселения войска совершали преступления, о которых Берия Л.П. предпочитал не докладывать Верховному Главнокомандующему, хотя, как известно, скрыть что-либо от всевидящего ока Сталина, получавшего информацию по разным, независимым каналам, представлялось весьма проблематичным. Так, имеются сведения, что 27 февраля 1944 года в ауле Хайбах Галанчейского района несколько сотен жителей согнали в колхозную конюшню, заперли и подожгли. Инициатор этого деяния вроде бы известен [39, 56]. Кроме того, в дальнейшем прозвучали и огульные обвинения в

насилии над населением и массовых, безрассудных расстрелах [8]. В частности, через полтора десятилетия Круглову С.Н. инкриминировали «грубое нарушение социалистической законности» в том, что, «занимаясь в 1944 году выселением чеченцев и ингушей, он допустил произвол по отношению к выселяемым, применял расстрелы невинных людей, больных стариков и женщин с детьми» [57]. Смею утверждать, что это является абсолютной ложью, поскольку как раз Круглов С.Н., вынужденный в силу своего служебного положения производить выселение чеченцев из Гудермесского района, стремился к тому, чтобы в порученном ему оперативном секторе «социалистическая законность» не нарушалась и людям была обеспечена возможность взять с собой необходимые вещи и продукты. Более того, эшелон со «своими чеченцами» первый зам наркома лично сопровождал до места назначения, что позволило в пути проследить за предоставлением «пассажирам» питания и питьевой воды и тем самым минимизировать страдания переселявшихся людей.

В Казахстане прием и расселение чеченцев и ингушей проходили достаточно организованно. Для контроля за движением эшелонов, планомерным распределением их по областям и организацией проведения разгрузки на головные железнодорожные станции командировали заместителей наркома внутренних дел, начальников отделов НКВД Казахстана и представителей управлений внутренних дел принимавших областей республики. За всем ходом работ по обустройству спецпереселенцев лично следил нарком внутренних дел Казахской ССР Богданов Н.К.

Для кормления «пассажиров» следовавших по территории республики эшелонов имелось 24 питательных пункта, полностью обеспеченных продуктами и топливом. Переброска прибывавших на станции разгрузки спецпереселенцев осуществлялась на 1590 автомашинах, 57 тысячах повозок и 103 тракторах. Поскольку для одновременной перевозки такой массы народа до мест поселения, отстоявших на расстоянии 200–250 километров от мест выгрузки из эшелонов, транспорта не хватало, в селениях, расположенных вблизи станций имелись пункты передержки. Автотранспорт горючим был обеспечен, а для лошадей на промежуточных базах по пути следования имелись достаточные запасы кормов. Поскольку на большинстве станций прибытия санпропускников не было, соответствующая обработка производилась в местах расселения, где подготовили 11 240 бань, 1190 дезокамер и вошебоек, обеспеченных топливом. Для полноценной санитарной обработки «новоселов» требовалось порядка двадцати тонн мыла,

являвшегося одним из весьма дефицитных бытовых продуктов времен войны. Благодаря предпринятым усилиям потребность в этом предмете гигиены была удовлетворена. Для медицинского обслуживания населения привлекли полторы тысячи врачей. В местах разгрузок и по пути следования создали контрольные медико-санитарные пункты, а для госпитализации инфекционных и тяжелобольных переселенцев организовали санизоляторы.

В связи с тем, что в Южно-Казахстанской, Джамбульской и Кзыл-Ординской областях установилась теплая весенняя погода, условия для доставки «новоселов» на места проживания сложились достаточно благоприятные. В то же время на остальной части республики, в Павлодарской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Кустанайской и Актюбинской областях, наблюдались снегопады и метели. В связи с этим здесь для отдыха и обогрева переселенцев вдоль путей следования создали 560 промежуточных пунктов, обеспеченных топливом и питанием. Для детей и плохо одетых переселенцев на время их переброски от станций разгрузки до мест расселения были собраны теплая одежда и валяная обувь, а для предохранения от обморожения и непогоды — брезенты и кошмы.

За организацию режима жизни спецпереселенцев отвечали 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур НКВД, которые укомплектовали почти полутора тысячами оперативных работников органов внутренних дел.

Всего в Казахскую и Киргизскую ССР прибыло (с учетом дополнительных поездов, доставивших выявленные «остатки») 180 эшелонов с чеченцами и ингушами общей численностью переселяемых 494 456 человек, в том числе в Казахстане разгрузилось 147 эшелонов, доставивших 405 941 человека, а в Киргизии — 33 эшелона в составе 88 515 человек. В пути следования обнаружились заболевания сыпным тифом, в связи с чем ряд вагонов был отцеплен от составов для госпитализации больных и санобработки лиц, находившихся с ними в контакте. Из всех переселявшихся за дорогу умерли 1361 человек и были госпитализированы 1070 человек [39].

В Казахстане при сдаче-приеме спецпереселенцев произошла новая личная встреча Круглова С.Н. и Богданова Н.К., укрепившая их служебные отношения. Первый заместитель союзного наркома внимательно ознакомился с работой республиканского наркома внутренних дел и в целом остался доволен решением в Казахстане вопросов как с организацией приема и расселения прибывших людей, так и с реализацией всех других функций наркомата.

Однако обстоятельства заставили Круглова С.Н. поспешить вернуться на Кавказ, поскольку, в соответствии с приказом наркома Берия Л.П. об окончании операции по выселению чеченцев и ингушей, на первого зама возлагалась задача организации возвращения к местам постоянной работы оперативных работников НКВД-НКГБ и Смерш НКО, участвовавших в депортации кавказцев. Больше Круглов С.Н. к последующим делам по выселению народов напрямую не привлекался, видимо, потому, что, как отмечалось выше, являлся противником таких кардинальных мероприятий. Однако к вопросу о жизни «своих чеченцев» в Казахстане возвращался еще не раз. После доклада о завершении операции 7 марта 1944 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном разделе ее территории между прилегающими областями и автономными республиками. В тот же день нарком Берия Л.П. представил на имя Сталина И.С. докладную записку с просьбой о награждении участников операции по выселению народов с Северного Кавказа. Действительно, если отвлечься от моральной стороны этого дела, то таких масштабных операций по принудительной «миграции населения», проведенных высоко организованно и в кратчайшие сроки, история человечества еще не знала. Без задержки 8 марта 1944 года был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым руководителей операции удостоили полководческих наград Страны Советов. Возглавлявший депортацию Берия Л.П., руководивший исполнителями Серов И.А., а также начальники секторов Кобулов Б.З., Круглов С.Н. и Аполлонов А.Н. получили ордена Суворова I степени [37].

Сразу отметим, что указ об этом награждении был отменен в отношении Берия Л.П. непосредственно после его ареста в июне 1953 года, а по остальным руководителям — 4 апреля 1962 года.

Вместе с тем практически одномоментное вселение в Казахскую республику в общей сложности 500 тысяч чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев в дополнение к ранее депортированным сюда советским немцам создало ряд серьезных проблем. 6 апреля 1944 года на X Пленуме Центрального Комитета компартии Казахстана нарком внутренних дел республики Богданов Н.К., выражая установку, данную советским правительством, отметил, что «перед этими народностями поставлена задача — честным трудом искупить свою вину перед народами Советского Союза». В связи с этим необходимо было «данный контингент» быстрейшим образом обеспечить в части

хозяйственно-бытового устройства и «втянуть в работу». Однако прибывшие на новое постоянное место жительства «плясуны», как их прозвали в народе, трудились плохо или вообще не выходили на работу. При таком соседстве местные колхозники боялись (и не без основания) уходить в поле и оставлять дома детей одних. Партийные и советские организации стремились добиться такого положения, чтобы вместе с колхозниками пошли на работу и переселенцы. Перед органами внутренних дел стояла задача следить за тем, чтобы не допустить каких-либо столкновений переселенцев с местным населением, тем более что антисоветские элементы из «новоселов» распространяли массу провокационных слухов и стремились вызвать недовольство. Всемерную помощь местным органам власти и колхозам стали оказывать спецкомендатуры НКВД, которые занялись всеми вопросами, связанными с трудоустройством, хозяйственной деятельностью и режимом пребывания переселенцев [1, 39].

Однако в связи с неурожаем 1943 года значительно осложнился вопрос обеспечения продуктами питания резко возросшего населения Казахской республики. Эти трудности обусловливались также и тем, что после начала войны в эти края эвакуировали много предприятий и учреждений вместе со специалистами и рабочими, а также прибыла масса беженцев. Поступавшие из управлений НКВД областей сообщения свидетельствовали о том, что «продовольственные затруднения» охватывали все новые районы и группы населения. В связи с этим нарком внутренних дел Казахстана Богданов Н.К. направил 8 апреля 1944 года в Москву Берия Л.П. письмо с сообщением о том, что районными аппаратами НКВД было обследовано свыше ста населенных пунктов в различных областях республики, «в отношении которых имелись данные о тяжелом продовольственном положении населения». В процессе проверки было выявлено свыше тысячи семейств военнослужащих и колхозников, численностью до четырех тысяч человек, нуждавшихся в неотложной помощи, «истощенных и опухших на почве голодания». В Алма-Атинской, Семипалатинской, Акмолинской и Северо-Казахстанской областях зарегистрировали десятки смертных случаев от истощения. Причем большинство погибших относились к советским немцам. В тяжелом положении эта категория спецпереселенцев оказалась в связи с мобилизацией наиболее работоспособных членов семей в трудовую армию. В ряде случаев вследствие неурожая колхозы вообще не выдавали хлеба на заработанные трудодни. Многие семьи фронтовиков также «впали в крайнюю нужду: за время войны износили одежду и обувь, из- за чего в зимнее время не

имели возможности выходить на работу, а дети посещать школу». Не получая длительное время продуктов питания и не имея собственного хозяйства, значительное число семей крайне бедствовало: «Взрослые и дети истощены, опухают и нередко, особенно дети, лежат в постелях не имея сил передвигаться». Некоторые женщины, матери семейств, от отчаяния находились на грани самоубийства.

Центральный комитет компартии Казахстана предпринял ряд мер по учету всех остро нуждавшихся в продовольственной помощи, открытию столовых в колхозах, выделению продуктов целевым порядком. Однако, по мнению республиканского наркома Богданова Н.К., «положение в некоторых районах республики таково, что требуется неотложная помощь продовольствием со стороны государства» [1].

Так теперь получилось, что в результате войны и массовых переселений народов некогда «справные хозяева», имевшие по несколько коров, массу овец, домашнюю птицу, огороды, теперь влачили жалкое существование и висели ярмом на шее государства, которое приняло на себя функцию сбора и централизованного распределения всех товаров.

На основании полученного «сигнала» нарком Берия Л.П. еще дважды направлял своего первого заместителя Круглова С.Н. в Казахстан, чтобы на месте помочь разобраться с возникшими проблемами, касавшимися НКВД.

Для полноты картины сообщим, что с учетом приобретенного опыта для депортации почти 190 тысяч крымских татар НКВД, НКГБ и НКПС понадобилось всего три дня. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны эту задачу в период с 18 по 20 мая 1944 года выполнили 9 тысяч оперативных работников и 23 тысячи бойцов и офицеров войск НКВД. План операций был четко расписан по часам. Выселение начиналось с ареста «опасных элементов» в количестве порядка тысячи человек. Далее все шло по описанной выше инструкции. Погруженные эшелоны отправили к местам нового расселения в Узбекскую ССР. Во время операции было изъято 49 минометов, 622 пулемета, 724 автомата, 9888 винтовок и 326 887 патронов. После этого, как говорится, «за компанию», выселили из Крыма 12 420 болгар, 15 040 греков и 9620 армян как «немецких пособников».

В целом с 1940 по 1945 годы административной высылке подверглись около 2,6 млн человек [37].

В каком большом секрете от своей и мировой общественности удавалось сохранять в Советском Союзе все мероприятия по использованию принудительного труда спецпереселенцев и

заключенных, показывает следующий небезынтересный случай.

В главе 9 уже говорилось о том, что в годы войны Дальстрой стал важнейшей перевалочной базой по перевозке грузов, поступавших из США по ленд-лизу Под видом контроля за ходом поставок в период с 24 по 26 мая 1944 года «столицу Колымского края» город Магадан посетил вице-президент США Генри Уоллес, которого сопровождали три гражданских советника и четыре офицера. С советской стороны высокопоставленных американских гостей принимал начальник Дальстроя комиссар гб III ранга Никишов И.Ф., несколько месяцев назад ставший Героем Социалистического Труда. Кроме того, для обеспечения встречи прибыли уполномоченный НКГБ СССР по Дальнему Востоку, начальник УНКГБ Хабаровского края комиссар гб II ранга Гоглидзе С.А., представитель Наркомата иностранных дел (фамилия не указана), начальник особой воздушной трассы генерал Семенов и летчик полковник Мазурук.

В Магадане, имевшем в то время население 20 тысяч человек, вице- президент и сопровождавшие его лица осмотрели порт, авторемонтный завод, школу-десятилетку, столовую, магазин, склад пушнины, Дом культуры и свиносовхоз, расположенный в 23 километрах от города. На следующий день вечером иностранные гости вместе с хозяевами слушали концерт.

Затем американцам устроили экскурсию по Колымскому краю. На Нижнем Сеймчане вице-президент и его коллеги осмотрели поселок Южного горно-промышленного управления, посетили школу, столовую, детский интернат, парткабинет, а в клубе побывали на демонстрации кинокартины «Два бойца». Далее в Западном горно-промышленном управлении американцы посетили Сусуманский совхоз, по одному из участков приисков имени Фрунзе и «Комсомолец». На обоих этих приисках работал только вольнонаемный состав. На прииске имени Фрунзе Г. Уоллес побеседовал с рабочими.

По мнению начальника Дальстроя Никишова И.Ф., о котором он тут же телеграфировал наркому внутренних дел Берия Л.П., на протяжении всех трех суток пребывания в городе Магадане и на предприятиях Дальстроя вице-президент Уоллес интересовался, в основном, такими вопросами:

— Целесообразно ли на территории Чукотки и Колымы иметь железную дорогу или же более рационально использовать лишь авиацию?

— Добыча золота необходима в этом крае только во время войны или драгоценный металл продолжат извлекать здесь и после ее окончания?

— Какое количество людей работает в Дальстрое?

— Сколько золота добывается Дальстроем?

Далее Никишов И.Ф. отметил: «Следующий вопрос, по моему мнению, больше всего интересовал Уоллеса и спутников: они хотели увидеть лагерь заключенных. Однако поскольку за время своего пребывания здесь они нигде не видели не только лагерь, но даже и отдельных заключенных, то в этом вопросе были разочарованы».

Заметим, что общая численность работавших в Дальстрое в то время составляла порядка 200 тысяч человек, в числе которых находились около 80 тысяч заключенных. Из вольнонаемных более 70 процентов ранее являлись узниками местного Севвостлагеря. Все это удалось скрыть от любознательных и деловых американцев, и даже в частных беседах патриоты Страны Советов не выдали главной тайны Колымского края.

25 мая вечером в городе Магадане Г. Уоллес со своими сотрудниками и офицерами побывали в Доме культуры, где они осмотрели выставки изобразительного искусства и изобретательства. При знакомстве с художественным творчеством Уоллесу понравились две картины, и он изъявил желание их купить. Хозяин Колымского края, «посоветовавшись с тов. Гоглидзе», решил эти полотна зарубежному ценителю искусства подарить. Картины Уоллес принял с большой благодарностью. В книге посетителей вице-президент США оставил следующую запись: «Выдающееся художественное выражение сильного народа, который первым начал освоение этого края. Генри Уоллес».

После осмотра Дома культуры все гости присутствовали на концерте. Представлением Уоллес остался доволен. Хорошее впечатление произвел концерт и на его спутников. «Больше каких-либо особых моментов за время пребывания Уоллеса в Магадане и на предприятиях Даль- строя не было», — отрапортовал в центр Никишов И.Ф.

Однако на вице-президента США посещение им освоенного советскими людьми сурового золотоносного края и радушие принимавших его хозяев возымели, видимо, весьма сильное воздействие. 5 июля 1944 года в 19 часов, пролетая над знакомыми теперь местами, он с борта своего самолета, вспомнив, возможно, что-то приятное, направил начальнику Дальстроя дружественную телеграмму в демократичном американском стиле: «Магадан, Никишову. Примите горячий привет! Я сожалею, что не могу быть в Нижнем Сеймчане. Уоллес».

В соответствии с нашими порядками получатель «приятельской» международной депеши немедленно «отстучал»

об этом наркому Берия Л.П. [34]. Вопрос об использовании заключенных в Советском Союзе так и остался для американского вице-президента до конца не раскрытым.

13. Борьба с бандитизмом

В ходе зимнего наступления в начале 1944 года войска четырех Украинских фронтов разгромили крупные группировки противника и полностью сорвали оборонительные планы германского командования на юге. Весеннее наступление советских войск началось одновременно по всей Правобережной Украине.

По мере продвижения линии фронта на запад войска НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии активно, как и в предыдущие военные годы, вели очистку территории, освобожденной от противника. При этом они задерживали военнослужащих, «неорганизованно отходивших с поля боя» либо отставших от своих частей, а также тех, кто побывал в плену у противника либо вышел из окружения. Обязательной проверке подлежали люди в военной форме, имевшие неправильно оформленные документы. Среди гражданских задерживались лица, бежавшие с оборонных работ и из мест заключения, уклонившиеся от призыва в армию и нарушители прифронтового режима. Конечно, направлялись на проверку и те, кто вообще не имел документов, а также «подозрительные личности». Всего за 1943 год было проверено более 900 тысяч человек, в числе которых удалось разоблачить и арестовать около 80 тысяч агентов противника, изменников и предателей, полицейских и карателей, немецких ставленников и пособников, дезертиров и мародеров и «прочего преступного элемента».

Кроме этого, войскам НКВД приходилось заниматься ликвидацией бандитских групп, которых набралось достаточно много в тылах всех Украинских фронтов. После того как советские войска освободили от немецко-фашистских захватчиков Ровенскую, Волынскую и Тарнопольскую области, значительно активизировались банды, состоявшие из украинских националистов. Основными бандформированиями на территории этих областей явились вооруженные отряды так называемой Украинской повстанческой армии (УПА), созданные Организацией украинских националистов (ОУН) еще в конце 1941 года, после ареста немцами одного из руководителей ОУН Степана Бандеры. Руководство ОУН поставило перед своей «армией» задачу борьбы за «самостийную соборную украинскую державу». В период фашистской оккупации оуновцы боролись с немцами, а после прихода Красной Армии стали нападать на ее обозы и отдельные группы военнослужащих, совершать террористические акты против советско-партийных работников и

противодействовать мероприятиям, проводимым органами Советской власти. Участники вооруженных отрядов преследовали и местных жителей, если те отказывались выделять им продукты, одежду и людское пополнение.

29 февраля 1944 года оуновские бандгруппы «Олег» и «Черноморец» напали на следовавшие по дороге две автомашины. В результате произведенного обстрела перебили всю охрану и смертельно ранили командующего 1-м Украинским фронтом генерала Ватутина Н.Ф. Затем захватили штабные документы, оперативные карты и скрылись [58].

В связи с таким инцидентом нарком Берия Л.П. в начале марта 1944 года, сразу же после завершения операции по выселению чеченцев и ингушей, срочно направил в тыл 1-го Украинского фронта, командовать которым назначили Жукова Г.К., своих заместителей Круглова С.Н. и Серова И.А. с группой работников НКВД — НКГБ. Перед ними была поставлена задача организовать на месте «необходимые чекистско-оперативные мероприятия» для ликвидации бандгрупп. В дополнение к имевшимся в Ровенской и Волынской областях четырем бригадам внутренних войск НКВД (10000 человек) и четырем полкам по охране тыла (4000 человек) были направлены две дивизии, четыре бригады, один кавалерийский полк и один танковый батальон войск НКВД, общей численностью 28 000 человек. Выделенные части имели обеспечение необходимым вооружением, боеприпасами, автотранспортом и средствами проволочной и радиосвязи. Для укрепления личного состава органов НКВД-НКГБ из тыловых областей и из органов Смерш сюда направили оперативных работников, ранее работавших в районах западных областей Украины.

В результате произведенного сбора разведданных удалось установить, что возглавлял «Украинскую повстанческую армию» командующий под кличкой Клим Савур. Армия состояла из четырех групп: Северная в составе шести батальонов охватывала северные районы Ровенской и Волынской областей; приблизительно такой же численности Южная группа действовала в южных районах Ровенской и северных районах Тарнопольской областей; чуть меньшая по составу Восточная группа промышляла в восточных районах Ровенской области и западных районах Житомирской области; не известная по составу Западная группа терроризировала население в западной и южной областях Волынской области. Входившие в состав групп батальоны («курени») насчитывали до 300–400 человек каждый и имели на вооружении русские, немецкие и польские винтовки, ручные и станковые пулеметы, а также минометы. Помимо этого

во многих населенных пунктах существовали еще подпольные оуновские организации.

По распоряжению руководителей операции Круглова С.Н. и Серова И.А. для ликвидации выявленных банд в городах Луцк, Ровно, Сарны, Гоща, Костополь, Острог и Домбровица было создано семь оперативно-войсковых групп, которые возглавили опытные оперативные работники НКВД. Эти подразделения немедленно приступили к работе по выявлению и аресту участников подполья и ликвидации бандгрупп. В первые же дни были убиты 157 и захвачены живыми 202 бандита. Поскольку выяснилось, что в упомянутых областях имелось порядка 60 тысяч человек призывного возраста, которые втягивались в банды в качестве пополнения, работники НКВД стали оказывать активную помощь военкоматам в проведении призыва в армию данного контингента. Однако оуновцы попытались активно мешать этому процессу, что вынудило работников НКВД предпринять соответствующие действия по подавлению такого противодействия. В целях обеспечения безопасности работы в тылу были приняты меры по охране фронтовых дорог, железнодорожных сооружений, средств связи и мест нахождения районных органов власти.

Нарком Берия Л.П. отдал распоряжение дела на арестованных активных участников ОУН и вооруженных бандгрупп направлять в военные трибуналы, а решения трибуналов в отношении приговоренных к расстрелу объявлять местному населению. При этом семьи оуновцев, находившихся на нелегальном положении или участвовавших в бандах, а также осужденных за активную антисоветскую деятельность, приказал брать на учет для выселения их в восточные районы СССР. Кроме того, чтобы подорвать базу снабжения и пополнения бандформирований, распорядился наметить к выселению жителей тех населенных пунктов, из которых большая часть мужчин находилась в бандах или жители которых оказывали помощь бандитам и укрывали их [58].

После уяснения обстановки и проведения перегруппировки войск с 7 марта 1944 года начались боевые действия по ликвидации бандформирований. Так, 31 марта 1944 года по связи ВЧ от руководителей операции Круглова С.Н. и Серова И.А. в Москву поступило следующее сообщение о проведении боевых действий:

«В течение 27–30 марта сего года в Ровенской и Волынской областях проведено 9 чекистско-войсковых операций по окружению и ликвидации оуновских банд. В результате боевых столкновений убито 614 и захвачено во время боя 62 бандита.

Захвачено оружия: пулеметов — 30, минометов — 1, автоматов — 19, винтовок — 79. Кроме того, много оружия бандитами брошено в реку Горынь.

27 марта в районе села Липки Степановского района Ровенской области отряд бойцов 16-й бригады внутренних войск НКВД окружил и завязал бой с бандой, численностью до 500 человек. Бандиты засели в домах и длительное время сопротивлялись. В результате шестичасового боя банда полностью ликвидирована. Подсчитано до 400 трупов бандитов. Около 30 бандитов, пытавшихся переправиться через реку, были убиты и утонули. Захвачено 9 бандитов. Среди трупов опознан главарь банды “Гамаля”.

Наши потери: убито 18 бойцов и 4 офицера и ранено 10 бойцов.

29 марта подразделениями 19-й бригады внутренних войск НКВД проведена операция по уничтожению банды оуновцев в селе Баскино Гощанского района Ровенской области. Бой продолжался 3 часа. После того как сопротивление было подавлено, бандиты пытались переправиться через реку Горынь на лодках и вплавь. Однако действовавшая на противоположном берегу вспомогательная рота наших войск открыла огонь по переправлявшимся бандитам. Убито — 106 человек, утонуло в реке — 10, захвачено 18 человек. Среди убитых главарь банды “Богун”.

Наши потери: убито — 13, ранено — 7 бойцов.

В течение 27–30 марта арестовано 46 активных оуновцев» [58].

На основании таких сообщений регулярно составлялись докладные записки, которые за подписью наркома внутренних дел Союза ССР Берия Л.П. направлялись в Государственный Комитет Обороны на имя Сталина И.В., Молотова В.М. и Маленкова Г.М., а также в Генеральный штаб Красной Армии на имя первого заместителя начальника Генштаба генерала армии Антонова А.И.

Бои в тылу 1-го Украинского фронта развернулись нешуточные. За месяц оперативно-войсковые группы НКВД провели 109 операций по ликвидации банд. Удалось полностью уничтожить крупные отряды Богуна, Черноморца, Лебедя, Олега и Гамаля, каждый из которых насчитывал по 200–300 человек. При проведении операций были убиты 2594 бандита, ранены 760, захвачены 3256 человек. Боевые трофеи составили 2 пушки, 17 минометов, 7 станковых и 86 ручных пулеметов, 114 автоматов, 762 винтовки, большое количество патронов, гранат, мин и снарядов. Из захваченных у бандитов 123 складов имевшиеся там

продовольствие, фураж и обмундирование передали на довольствие воинских частей. При раскрытии подпольных организаций были арестованы 926 оуновцев, находившихся на нелегальном положении.

Проведенные активные действия существенно изменили общую обстановку в регионе и настроение местного населения. Участились случаи явки с повинной рядовых оуновцев. Жители окрестных деревень положительно высказывались в отношении проводившихся операций по ликвидации бандитов. Через призывные пункты были пропущены и отправлено на формирование войсковых частей свыше 127 тысяч лиц призывного возраста [58].

В связи с тем, что в начале апреля 1944 года Красная Армия вышла на отдельных участках на государственную границу СССР, возникла необходимость вновь обозначить соответствующим образом западные рубежи нашей Родины. Государственный Комитет Обороны принял постановление, которым обязал НКВД восстанавливать охрану госграницы на освобождавшихся от войск противника территориях. Для этого использовались кадровые пограничные части, выполнявшие в данное время охрану тыла Действующей Красной Армии. На смену им формировались новые 35 полков войск НКВД общей численностью 57 тысяч человек.

В апреле 1944 года операции по ликвидации оуновских банд в Ро- венской, Волынской и Тарнопольской областях шли полным ходом. Однако нарком Берия Л.П. отозвал оттуда своего заместителя Серова И.А. и направил его в Крым «для проведения мероприятий по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». Теперь действиями оперативно-войсковых групп НКВД Круглов С.Н. руководил единолично. На основании сообщений, отправлявшихся им в Москву, нарком Берия Л.П. продолжал подписывать докладные записки в ГКО и Генштаб о ходе боевых действий за каждую пятидневку. В них по-прежнему подробно сообщалось о том, сколько произошло боестолкновений, каковы потери с той и другой стороны, какие захвачены трофеи. В связи с тем, что силы местных оуновцев начали иссякать, немцы с оккупированной ими территории забросили через линию фронта несколько свежих оуновских групп.

На основании агентурно-разведывательных данных Круглову С.Н. стало известно, что большое количество оуновских батальонов («куреней»), потрепанных в боевых столкновениях с нашими войсками, обычно уходило в Кременецкие леса, где

банды отдыхали, пополнялись людьми и вооружением, а затем вновь выходили на задания. В связи с этим в период с 21 по 27 апреля 1944 года была проведена операция по окружению, разгрому и уничтожению банд, засевших в этих местах. Со стороны войск НКВД в деле участвовало 15 легких танков. Бандиты использовали минометы, пулеметы и ручное вооружение. В результате 26 боевых столкновений были убиты 2018 человек и захвачены живыми 1570 человек. В числе трофеев оказались самолет У-2, 7 пушек, 15 минометов, 6 противотанковых ружей, стрелковое вооружение и патроны, немецкая рация, полевые телефоны, типография с запасом бумаги, склады с продовольствием и теплыми вещами, а также 130 лошадей и повозок.

Наши потери в этих боях составили 11 человек убитыми и 46 ранеными.

Борьба с украинскими националистами продолжалась долгие годы, но, поскольку в данном случае ситуация в определенном плане была стабилизирована, следовало переходить и к нормализации мирной жизни.

В этой обстановке в помощь Круглову С.Н. руководство направило наркома внутренних дел Украинской ССР Рясного В.С. Теперь в сообщениях в центр, кроме чисто военных отчетов, говорилось о том, что в областных городах Ровно, Луцке и Тарнополе плохо организована торговля предметами первой необходимости. Отмечалось, что население особенно страдало от недостатка соли. Внимание обращалось на то, что в большинстве районов крестьяне охотно продавали хлеб государству, а встречная продажа необходимых им товаров являлась неудовлетворительной. Широкие размеры приняли заболевания местного населения тифом и чесоткой, и потому требовалась медицинская помощь, которая практически отсутствовала. За счет проведения мобилизации мужчин призывного возраста за три месяца в ряды Красной Армии были направлены из Ровенской области 76 449 человек, из Волынской — 32 299 человек и из Тарнопольской — 51 600 человек.

В процессе проведения чекистско-войсковых операций командование и бойцы НКВД приобрели хороший боевой опыт, в результате чего даже при столкновениях с большими бандформированиями потери с нашей стороны стали минимальными: на сотни убитых бандитов приходились единицы наших погибших воинов.

18 мая 1944 года после ликвидации банды в селе Новомиське Здолбуновского района Ровенской области у одного из убитых бандитов обнаружили письмо оуновского

подрайонного руководителя Сосновского, в котором он писал, видимо, своему влиятельному знакомому: «Дорогой Дорошенко, довожу до Вашего сведения, что территория нашего подрайона вся занята советами, и нам некуда деваться, хоть лезь в трубу, поэтому я хочу с вами посоветоваться, что нам делать, так как работу выполнять невозможно. Посоветуйте, что нам делать. Сосновский» [58].

Советскому руководству вопрос о состоянии дел в тылу Украинских фронтов представлялся вполне решенным, и потому в конце мая 1944 года нарком Берия Л.П. направил Круглова С.Н. в Казахстан и Киргизию для того, чтобы он на месте разобрался с состоянием дел со спецпереселенцами. Причиной этой командировки, скорее всего, послужило приводившееся нами в главе 12 письмо наркома внутренних дел Казахской ССР Богданова Н.К. о «продовольственных затруднениях» в республике. Не исключено, что, отправив своего первого зама в глубокий тыл, Берия Л.П. дал ему возможность немного передохнуть после напряженной борьбы с бандформированиями.

В процессе знакомства с положением дел в двух республиках Круглов С.Н. направил из Алма-Ата (в те годы название этого города не склоняли) на имя своего шефа два письма, от 29 мая и 16 июня 1944 года. В своих посланиях первый зам отметил, что спецпереселенцы с Северного Кавказа в целом с жильем устроены и вовлечены в работу колхозов, совхозов, промышленных организаций и на стройках, но просил оказать конкретную помощь продуктами, стройматериалом и одеждой. Одной из криминогенных проблем являлась кража скота, обусловленная тем, что не все семьи были им обеспечены. На этот вопрос обращено внимание местных властей. В отношении обучения детей в школе предлагалось вести занятия на русском языке. Сообщалось о принятых мерах по улучшению продовольственного снабжения и обеспечения населения текстильными товарами. Работа спецкомендатур НКВД по контролю за спецпереселенцами и оказанию им необходимой помощи была отмечена как удовлетворительная, но для совершенствования их деятельности необходимо было улучшить техническое оснащение. Бюро Центрального Комитета компартии Казахстана регулярно заслушивало на своих заседаниях сообщения о состоянии дел со спецпереселенцами.

В общем-то, эта информация совпадала с мнением партийного руководства Казахстана, которое было выражено в итоговой характеристике на наркома, министра внутренних дел Богданова Н.К. при его переводе из республики на другую работу: «За годы войны на органы НКВД Казахской ССР, в связи с

вселением в республику около одного миллиона спецпереселенцев — немцев, карачаевцев, чечено-ингушей и т. д., были возложены особо ответственные задачи. В результате правильно организованной работы — разоблачения и изоляции вражеских элементов среди спецпереселенцев — с этими задачами НКВД Казахской ССР справился успешно» [1].

После возвращения из Казахстана 4 июля 1944 года Круглову С.Н. была вручена медаль «За оборону Москвы», которой он был награжден в числе многих советских воинов, принявших участие в героической защите столицы нашей Родины.

В ходе проведения Львовско-Сандомирской операции войска 1-го Украинского фронта, которым с 24 мая 1944 года стал командовать маршал Конев И.С., разгромили группу немецких армий «Северная Украина». Бои носили тяжелый характер, но позволили освободить территории западных областей Украины с городами Львов, Перемышль и Станислав.

Однако вновь по мере удаления линии фронта на запад и продвижения вперед передовых частей и тылов Красной Армии в восемнадцати районах Львовской области, имевших крупные лесные массивы, началось усиление бандитских проявлений со стороны Организации украинских националистов (ОУН). За время фашистской оккупации существовавшая в этих краях ОУН значительно возросла и при поддержке немцев приобрела большое количество оружия, включая помимо «обычных» винтовок и пистолетов, автоматы, пулеметы, минометы и противотанковые ружья. Органы НКВД перехватили листовки руководства ОУН с призывом к бандитам выходить из лесов и приступать «к активной работе против советской власти» и физическому уничтожению местных партийных и советских руководителей, работников НКВД и активистов из местного населения. В лесных районах области появились отряды численностью от 300 до 500 человек. Через реку Западный Буг с оккупированной немцами территории перешло несколько банд в составе порядка 1000 человек. Бандиты нападали на отдельные воинские повозки, автомашины, захватывали и уводили призывников, отправлявшихся на пункты сбора, обстреливали из засад отдельных военнослужащих, убивали советских и партийных работников, а также бывших бандитов, явившихся с повинной в НКВД, и терроризировали местное население. Общее число раненых, убитых и пропавших без вести военнослужащих, работников НКВД-НКГБ и мирных жителей исчислялось уже сотнями.

В связи с ухудшившейся обстановкой в тылу наших фронтов

нарком Берия Л.П. вновь направил своего первого заместителя на борьбу с бандитизмом. 3 и 17 августа 1944 года Круглов С.Н. и нарком внутренних дел Украины Рясной В.С. послали в Москву сообщения, в которых на основании разведданных так обрисовали положение дел:

«В лесах Львовской области скрываются остатки сформированной немцами в 1943 году из украинцев Львовской, Дрогобычской и Станиславской областей дивизии СС “Галиция”. Вероятно, имелись и другие национальные подразделения, поскольку «фактическое число мобилизованных украинцев значительно превышало численность этой дивизии». Во главе воинских формирований были поставлены «видные военные представители Украинско-Галицийской армии», воевавшей еще в 1914–1918 годах. Бывший генерал этой армии Курманович являлся почетным председателем всех украинских соединений.

Отдельная часть из состава дивизии СС «Галиция» была направлена немцами на итальянский и западный фронты. Другая часть находилась под Тарнополем и была разгромлена наступавшей Красной Армией. В июле 1944 года немцы с запада перебросили остатки этой дивизии на Львовское направление, где они попали под удары наших войск. Значительная группа солдат и офицеров окончательно разгромленной дивизии разбежалась по местным лесам и стала заниматься бандитизмом вместе с отрядами Украинской повстанческой армии (УПА). Так что войскам НКВД сейчас противостояли достаточно подготовленные и организованные силы. В наибольшей степени «поражены бандитизмом» оказались западные районы Львовской области, непосредственно примыкавшие к пограничной линии между СССР и Польшей.

«Город Львов, — говорилось далее в сообщении Круглова С.Н. и Рясного В.С., — за время военных действий в основном сохранился»: из 16 тысяч домов разрушено 1067. Однако разрушен главный вокзал, выведен из строя водопровод, взорвано три водонапорные станции. В районе города подорвано восемь шоссейных и железнодорожных мостов, почти полностью разрушена контактная трамвайная сеть, выведен из строя нефтеперегонный завод, уничтожена радиостанция.

По данным, поступившим пока только из 16 районов, немцы расстреляли и замучили свыше 42 тысяч человек, в большинстве евреев, и угнали в Германию 19 тысяч человек.

По предварительным данным, в городе в то время проживали 134 500 человек взрослого населения, в том числе 6950 русских (из них 4000 человек прибыли после освобождения города) и 43 000 украинцев (из них 3000 тоже недавно переехали). За время

немецкой оккупации во Львов прибыли свыше 40 тысяч жителей, из которых 30 тысяч составляли поляки, ранее проживавшие в Кракове, Варшаве и других городах Польши. С приходом частей Красной Армии поляки проявили националистические настроения, вывесили свои флаги и «имели намерение приступить к организации польской администрации, полиции и самоуправления». Поскольку это не удалось, «наиболее активная часть поляков ушла в подполье и начала свою антисоветскую деятельность».

Для пресечения бандитизма и разгрома имевшихся на территории Львовской области групп оуновцев руководство Наркомата внутренних дел предприняло следующие действия. В область было направлено значительное количество войск НКВД. В «наиболее пораженных бандитами районах» (Бродском, Лопатинском, Подкаменском, Золочевском и других) выставили гарнизоны внутренних войск ротного состава, усиленного пулеметными отделениями. Для оказания необходимой помощи в проведении работы по борьбе с бандитами в районы области направили 250 оперативных работников НКВД. Для усиления боевой мощи послали милицейские вооруженные отряды численностью от 50 до 70 человек каждый.

Началось проведение чекистско-войсковых операций. Боевые столкновения проходили в ожесточенной борьбе. В связи с тем, что действиями бандитов руководили определенное количество офицеров из разгромленных немецких частей и из украинской дивизии «Галиция», пулеметный и винтовочный огонь, а также минометный обстрел велись ими «организованно и продуманно». Банды занимали прочную оборону, отрывали окопы и ходы сообщения в полный профиль, а в ряде мест сооружали дерево-земляные укрытия. Большинство оуновцев были одеты в немецкое обмундирование или в красноармейскую форму.

23 августа 1944 года Круглов С.Н. направил Берия Л.П. докладную записку о ходе очистки Львовской области от оуновских банд. Незамедлительно, без каких-либо собственных комментариев нарком внутренних дел распорядился направить копии этой записки в ГКО Сталину И.В., в СНК Молотову В.М., в ЦК ВКП(б) Маленкову Г.М. и в Генштаб Антонову А.И. Приведем этот документ полностью.

Из ЛЬВОВА
МОСКВА
НКВД СССР — товарищу Берия Л.П.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
О результатах борьбы с оуновским бандитизмом на

территории Львовской области.

На территории Львовской области, в результате проведенных операций включительно по 22 августа, убито 1252 бандита, из них 100 человек немцев, захвачено бандитов 1316 человек, в том числе 86 человек раненых, задержано уклонявшихся от призыва в Красную Армию 1828 человек, задержано бандпособников 195 человек и немцев 26 человек. За это же время органами НКВД арестовано 720 человек участников ОУН.

За время проведения чекистско-войсковых операций, с 5 по 22 августа, захвачены следующие трофеи: противотанковых орудий — 1, станковых пулеметов — 18, ручных пулеметов — 50, минометов — 8, противотанковых ружей — 4, автоматов — 89, винтовок — 370, пистолетов разных —34, ручных гранат — 658, противотанковых гранат — 12, мин и артиллерийских снарядов — 1931, винтовочных патронов — 137 662, толу — 90 кг, динамиту — 30 кг, милениту — 60 кг, ручная типография — 1, радиоприемников —9, лошадей — 10. Кроме того, захвачено 14 складов с продовольствием и снаряжением. Продовольствие и снаряжение изъято и оприходовано войсковыми частями, а сами склады уничтожены.

Наши потери за время проведения операций и при бандитских налетах за это время составили убитыми: офицеров и младшего начальствующего состава — 26 человек, рядовых красноармейцев — 72 человека, сотрудников НКВД-НКГБ — 12 человек.

Проведенные чекистско-войсковые операции, в результате которых нанесены значительные потери установленным бандгруппам, в ряде районов положительно воздействовали на местное население.

После проведения 16 августа чекистско-войсковой операции в районе сел Новая и Старая Скважена, Золкаевского района, в районные центры явилась делегация от населения во главе со священником ГАЙДА Степаном с просьбой в их селах больше операций не проводить, гарантируя при этом, что скрывавшаяся молодежь из лесов возвратится домой, и в селах никаких банд не будет.

В Яворовском районе, в результате проведения чекистско-войсковых операций, за последнее время отмечается значительное увеличение явки в военкомат призывного контингента.

Одновременно с этим имел место случай провокационного характера, совершенный оуновскими бандитами: 17 августа с. г. в селе Екимово, Ново-Милятинского района, при проведении операции было убито 2 бандита, которые были зарыты в землю. На второй день бандитами эти трупы с целью провокации были выкопаны, обезображены и показывались местным жителям как факт

издевательства сотрудников НКВД над трупами.

Несмотря на проводимую ОУНовцами усиленную антисоветскую агитацию среди населения со строгим предупреждением уклоняться от призыва в Красную Армию, прекратить уборку хлеба и т. п., все же мобилизация в Красную Армию в районах области проходит сравнительно удовлетворительно.

Из числа подлежащих призыву в Красную Армию по области 45.996 человек на 20 августа с. г. призвано 27.244 человека. Из этого количества 6000 человек взяты в армию проходившими передовыми частями Красной Армии. Мобилизация по области продолжается.

Уборка урожая по области подходит к концу. Колосовые культуры на полях в основном убраны.

В целях ликвидации оперирующих ОУНовских бандитов и очистки области от бандитского элемента, намечено проведение ряда крупных чекистско-войсковых операций в пораженных районах области.

22 августа с. г. пограничными войсками Управления пограничных войск Украинского округа, охраны тыла 1-го Украинского фронта при участии специально выделенных 1-м Украинским фронтом двух мотоциклетных и одного кавалерийского полка, начата операция в Сокольском, Мостовельском, Магеровском, Городецком, Краковецком, Немировском, Яновском и Золкевском районах области.

Задача операции: ликвидировать в этих районах оперирующие ОУНовские банды, изъять и направить в военкомат призывной контингент, уклоняющийся от службы в Красной Армии, и проведение по ходу операции разных мероприятий среди населения в свете обращения правительства Украинской ССР к участникам так наз. УПА, УНРА.

Одновременно подразделениями 17 и 25 бригад и 18 кавалерийского полка внутренних войск НКВД при участии милицейских отрядов и опергрупп УНКВД, начата аналогичная операция в Родзеховском, Каменка-Струмиловском, Ново-Ярычевском, Ново-Милятинском, Бусском, Глинянском, Красненском районах области.

О результатах этих операций донесу дополнительно.

ЗАМ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР — КРУГЛОВ [59].

Между тем бесчинства ОУНовцев продолжались. 3 сентября 1944 года в Львовской области банда неустановленной численности напала на села Великий и Малый Желихов Ново-Милятинского района, где убила и ограбила семь польских семей.

5 сентября в селе Высокичи Острийского района неизвестные бандиты убили командира батальона 18-й армии 1-го Украинского фронта старшего лейтенанта Гавардиева. В ночь на 6 сентября до сотни вооруженных бандитов, одетых как в форму бойцов Красной Армии, так и немецких солдат, ограбили мельницу в селе Гай, погрузив на свои подводы две тонны пшеницы и полторы тонны муки. В ночь на 9 сентября в городе Каменка-Бугск были разбросаны и расклеены контрреволюционные оуновские листовки. В ночь на 10 сентября банда в составе свыше 100 человек произвела разбойное нападение на село Гжейда, во время которого разграбила имущество и убила 25 местных жителей (из них 24 поляка и 1 украинец). В ночь на 11 сентября из села Стрептов бандой численностью до 50 человек, были уведены 14 мужчин призывного возраста. В тот же день в Желеховском лесу бандиты перехватили и увели группу из 18 мужчин, следовавших в райвоенкомат. 13 сентября по дороге из местечка Млынов на село Демидовку прошла конная группа, численность до 50 человек именовавшая себя «партизанами-ковпаковцами». По пути следования бандиты проверяли у граждан документы и всех задержанных направляли в хутор Поляны, где их зверски убивали, а потом сбрасывали в колодец. Опергруппой НКВД из колодца были извлечены и опознаны 13 трупов военнослужащих и гражданских лиц. 15 сентября на дороге из села Талашевка в город Шумск сотня бандитов окружила 12 работников совпартактива и в завязавшейся перестрелке убила 11 человек.

В ходе борьбы с оуновцами в период с 5 по 20 сентября 1944 года войска НКВД провели 596 чекистско-войсковых операций, в ходе которых были убиты 6092 и захвачены живыми 3467 бандитов. В числе трофеев оказались одна бронемашина, шесть пушек, 14 минометов, пять гранатометов, 326 пулеметов, 13278 гранат и много стрелкового оружия, а также шесть типографий, столько же радиостанций и три радиопередатчика.

Среди подпольщиков были арестованы 62 активных члена ОУН и руководящего состава УПА. С повинной явились 1694 человека из числа бандитов и лиц, уклонявшихся от службы в Красной Армии [59].

В результате проведенных операций к середине октября 1944 года большинство оуновских банд удалось ликвидировать. Найденные у бандитов документы и агентурные данные свидетельствовали о том, что решительное преследование бандитов поставило остатки разрозненных групп в тяжелое положение и побудило рядовых участников лихих набегов

явиться с повинной в органы НКВД. Аналогичная картина наблюдалась в западных областях Белоруссии и в Литве, хотя самый сильный накал боев имелся на Украине. Во всех трех регионах в боестолкновениях погибли 1226 сотрудников НКВД-НКГБ, офицеров и бойцов войск НКВД и 1038 человек были ранены.

Для «выкорчевывания остатков бандитско-повстанческого подполья» укреплялись органы внутренних дел и госбезопасности Украины, Белоруссии и Литвы, а также налаживалась работа советского и партийного аппаратов. Улучшению общего положения поспособствовали мероприятия «по изъятию и выселению в Сибирь членов семей активных оуновцев и участников бандитских шаек».

Работников НКВД и НКГБ, особо отличившихся при проведении операций по ликвидации оуновских банд в западных областях Украины, представили к правительственным наградам. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1944 года первый заместитель наркома внутренних дел СССР Круглов С.Н., нарком внутренних дел Украинской ССР Рясной В.С., начальник внутренних войск Украинского военного округа Марченков М.П. и нарком государственной безопасности Украины Савченко С.Р. были удостоены полководческих орденов Кутузова II степени. Вместе с ними орденами Богдана Хмельницкого II степени наградили 12 человек, орденом Красного Знамени — 42 человека, орденом Отечественной войны I степени — 38 человек, II степени — 318 человек, орденом Славы III степени — 32 человека, медалью «За отвагу» — 210 человек, медалью «За боевые заслуги» — 108 человек [58]. Помимо этого в связи с учреждением медали «За оборону Кавказа» 1 ноября 1944 года Круглов С.Н. в числе многих участников битвы за освобождение кавказской земли получил данную награду.

Но на этом участие в борьбе с бандитизмом для Круглова С.Н. не закончилось: в ноябре 1944 года нарком Берия Л.П. направил своего первого зама в Литву для оказания помощи местным руководителям органов внутренних дел и госбезопасности. Здесь проходила борьба с антисоветским подпольем, а также польскими и литовскими вооруженными отрядами. В результате проведенных чекистско-войсковых операций в Камайской и Нобельской волостях Рокишского уезда были разгромлены три бандгруппы, при этом в числе убитых оказались солдат и награжденный «железным крестом» офицер немецкой армии. В Вильнюсском уезде войска НКВД ликвидировали польскую вооруженную банду «Сокол», которая

имела связь с руководством подпольной Армии Крайовой, поставлявшей оружие, боеприпасы и антисоветскую литературу. Наряду с борьбой с вооруженными формированиями проводились аресты руководителей и участников литовского и польского «буржуазно-националистического подполья». Такие организации удалось вскрыть в городе Вильнюсе, при этом был задержан полковник литовской буржуазной армии Жикайтис С.И., бывший личный адъютант президента Сметоны. Всего по состоянию на 10 декабря 1944 года органы НКВД и НКГБ Литовской ССР арестовали 3433 человека, в том числе 904 участника подполья, 206 немецких агентов и 45 немецких парашютистов. При проведении операций изъяли 7456 единиц огнестрельного оружия, 3 автомашины, 9 мотоциклов, 5 типографий, 37 радиоприемников и радиостанций, 5 складов с оружием и продовольствием, большое количество антисоветских листовок.

15 декабря 1944 года зам наркома Круглов С.Н. и уполномоченный НКВД-НКГБ СССР по Литве Ткаченко И.М. направили из Вильнюса наркому внутренних дел Берия Л.П. докладную записку, которую тот, как «заслуживающее внимания сообщение», направил в ГКО Сталину И.В. В документе говорилось «о положении в 50-й запасной литовской стрелковой дивизии». Эта дивизия была сформирована в сентябре 1944 года на базе отдельного литовского стрелкового батальона. Комплектование дивизии проходило в городе Ярцево Смоленской области из числа призывников, поступавших из освобожденных от немецких войск районов Литовской ССР. По просьбе ЦК КП(б) Литвы и Совнаркома Литовской ССР в конце октября дивизию численностью более 25 тысяч человек рядового состава передислоцировали на малую родину, распределив полки по Вильнюскому, Укмергскому и Каунасскому уездам. На новом месте из дивизии начались случаи дезертирства, превысившие одну тысячу человек. Бежали не только одиночки, но и группы, причем прихватив с собой оружие. В общем-то, это было и не удивительно, поскольку в числе дезертиров находились 830 литовцев, «выловленных войсками НКВД в лесах Литовской ССР и направленных в подразделения дивизии через военкоматы». По линии органов контрразведки Смерш НКВД поступили следственные, агентурные и иные данные о том, что в бега собирались пуститься еще порядка полутора тысяч военнослужащих. При этом имелись многочисленные случаи, когда дезертиры из полков литовской дивизии уходили прямо в банды, действовавшие в этих районах.

Причиной такого явления помимо идеологического аспекта, о котором в докладной не говорилось, являлось «исключительно

тяжелое состояние дивизии», характеризовавшееся «отсутствием элементарного порядка в частях» и, прежде всего среди офицерского корпуса. «В дивизии не создано надлежащих бытовых условий для красноармейцев». Большое количество бойцов не имело обуви, положенного обмундирования и постельных принадлежностей. В результате подразделения дивизии поразили всеобщая вшивость, чесотка и брюшной тиф (более 500 больных). Среди командного состава процветали пьянство и отсутствие должной дисциплины. Многочисленные родственники, навещавшие бойцов, часто увозили своих детей с собой или склоняли их к дезертирству и уходу в банды. Боевая подготовка и политическая учеба, в дивизии являлись неудовлетворительными. Командный состав литовского языка не знал, а офицеров-литовцев имелось совсем немного.

Органы «Смерш» зарегистрировали распространение в полках слухов о «якобы готовящемся восстании солдат», при котором они «организованно и с оружием в руках разбегутся по лесам».

Для того чтобы спасти дивизию как боевую единицу, Круглов С.Н. и Ткаченко И.М. предлагали передислоцировать ее в тыловые районы СССР и впредь призывавшихся в Красную Армию литовцев не оставлять на месте, а отправлять для обучения и формирования в запасные полки и бригады, дислоцированные в тыловых областях страны [58].

В связи с тем, что оуновские бандитизм и подполье не удавалось полностью ликвидировать, с подачи первого секретаря компартии Украины Хрущева Н.С. высшим руководством страны было принято решение провести прилюдное наказание главарей националистического движения. В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР в декабре 1944 года в западные области Украины были направлены две выездные сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР с предоставлением им прав военно-полевых судов, предусматривавших вынесение приговоров о повешении и ссылке на каторжные работы. Одна сессия рассматривала дела, представленные управлениями внутренних дел и госбезопасности Львовской, Дрогобычской, Станиславской и Черновицкой областей, а вторая — Ровенской, Волынской и Тернопольской (переименованной 9 августа 1944 года из Тарнопольской) областей.

По сообщению из Львова наркома внутренних дел УССР Рясного В.С., 22 декабря 1944 года были приведены в исполнение приговоры Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР о повешении районного руководителя ОУН Петришина И.А.

и руководителей оуновских банд Харченко Ф.Н. и Мандзюк М.И., участвовавших в убийстве 13 работников Куликовского райвоенкомата в сентябре сего года, а также о повешении руководителя банды террористов Бруха З.М. и районного руководителя Париса А.Н. Приговор приводился в исполнение публично в присутствии 200–400 человек. «Из среды собравшихся были слышны возгласы: собакам — собачья смерть. Этих бандитов надо не вешать, а разорвать на куски».

Такие же приговоры о повешении активных участников УПА, служивших при немцах в полиции, в дивизии СС «Галиция» и осуществлявших расстрелы советских граждан, в том числе и детей, приводились в исполнение и в других западных областях Украины. Присутствовавшие при казни местные жители подавали реплики: «Правильно, смерть бандитам!» В местечке Олеско зачтение приговора было встречено аплодисментами [58].

14. Охрана высших руководителей

С началом 1945 года направление служебной деятельности первого заместителя наркома внутренних дел Круглова С.Н. резко изменилось: приказом наркома на него возложили «организацию охраны объектов специального назначения» в Крыму в связи с решением провести там конференцию глав правительств трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Почему вдруг для выполнения столь ответственной задачи выбор пал на руководящего работника органов внутренних дел, а не государственной безопасности? Ведь после раздела наркоматов в 1943 году охраной руководителей партии и правительства занималось 6-е управление НКГБ, а НКВД отвечали только за правительственную ВЧ-связь? Понятно, что это решение принял сам Сталин И.В., а нарком Берия Л.П. лишь оформил полученное распоряжение приказом НКВД № 0028 от 8 января 1945 года. Раньше Круглов С.Н. напрямую не занимался охраной правительства и при распределении обязанностей между замами не курировал этого направления, даже когда наркоматы были объединены в одно ведомство. Очевидно, Сталин И.В. внимательно отслеживал работу всех исполнителей его воли и пришел к выводу, что такой руководящий работник, как коммунист Круглов С.Н., по-большевистски, основательно и добросовестно справится с любой задачей, которая перед ним будет поставлена.

Предыдущая конференция руководителей трех ведущих держав антигитлеровской коалиции проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года в Тегеране и касалась вопросов координации совместных действий СССР, Великобритании и США в войне против нацистской Германии и ее союзников. Теперь в связи с успешным наступлением Красной Армии высшие руководители решили, что настало время обсудить новые актуальные, взаимно интересные вопросы.

Почему после рассмотрения ряда других вариантов для встречи глав правительств была выбрана именно Ялта? Только в мае 1944 года Крым был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Отступая, оккупанты бесчинствовали, как могли, не трогали только татарских поселений. Например, город Севастополь, который противник объявил «особой укрепленной зоной», был почти полностью разрушен, сохранились лишь «мелкие домики» на окраинах. Помещения почты и телеграфа, городскую электростанцию, хлебопекарню и водопровод вывели из строя. Железнодорожные и портовые

сооружения взорвали или сожгли, а подвижной состав в подожженном виде спустили под откос. Все плавсредства либо увели с собой, либо потопили. Во многих городах и населенных пунктах полуострова разведорганы противника создали подпольные и антисоветские организации.

Конечно, силами бойцов и офицеров войск НКВД и оперативным составом НКВД-НКГБ под руководством заместителя наркома госбезопасности Кобулова Б.З. и заместителя наркома внутренних дел Серова И.А. за два месяца Крым был основательно «почищен», о чем было рассказано в главе 11. Видимо, с дальним прицелом выселялись отсюда в восточные районы страны не только крымские татары, но и болгары, греки, армяне, немцы, итальянцы, румыны и «лица иностранного подданства». Кроме этого, органы НКВД арестовали «из числа антисоветского элемента» 7833 человека, «в том числе 998 шпионов». При проческе лесных массивов и проверке населенных пунктов войска и опергруппы задержали 7739 человек, «в процессе фильтрации которых выявили значительное количество агентов противника, изменников Родины и предателей». У населения изъяли нелегально хранившегося оружия 15 990 единиц, в том числе 716 пулеметов, а также 5 миллионов патронов [58].

И все-таки не безопаснее было бы провести совещание на высшем уровне где-либо в глубоком тылу: в Куйбышеве, например, или, чтобы потеплее, в Алма-Ате или Ташкенте? Нет, видимо, Сталин хотел дать почувствовать Черчиллю и Рузвельту обстановку на недавно освобожденной от фашистских оккупантов советской земле.

Под руководством Круглова С.Н. началась подготовка к приему глав правительств и высоких советских и иностранных представителей, которые должны были прибыть на встречу «большой тройки», засекреченную под кодовым названием «Аргонавт». Помимо приведения в порядок помещений для проживания, проведения совещаний и отдыха (с установкой там прослушивающих устройств), налаживания системы питания, самое главное, необходимо было обеспечить полную безопасность важнейшего мероприятия. Есть сведения, что в решении этого вопроса произошли такие небезынтересные события.

Еще 13 апреля 1944 года, сразу после освобождения Симферополя от фашистских войск, в управление Смерш 4-го Украинского фронта пришли с повинной два вражеских агента-радиста, Сарибек Оганесян и Норайр Торлакян. В начале войны они оба попали в плен, были завербованы германской разведкой

и прошли обучение в специальной разведшколе. На допросе Оганесян и Торлакян засвидетельствовали, что перед отступлением фашистских войск из Крыма они были оставлены немцами «для информационно-подрывной работы в тылу Красной Армии». Для выполнения задания агентов снабдили четырьмя портативными коротковолновыми радиостанциями, советскими деньгами, запасом продовольствия, личным оружием и фиктивными документами.

Контрразведывательное управление Наркомата госбезопасности перевербовало Оганесяна и Торлакяна и начало радиоигру с противником. Тексты отправлявшихся немцам радиограмм составлялись в разведывательном управлении Генштаба. В этих сообщениях легендировалось, будто оставленные агенты наладили связь с двумя бандами, скрывавшимися в крымских горах и готовившими проведение массовых подрывных операций на полуострове. Для реализации этих намерений у гитлеровцев затребовали подкрепление. На переброску новой агентуры немцы согласились, но предложили радистам из-за удаленности фронта перебраться на Украину, пообещав направить к ним курьера с соответствующими документами для переезда. 23 декабря 1944 года на парашюте был сброшен агент германской разведки Хаким Шакирзянов, который должен был доставить крымчанам деньги, новые фиктивные документы, штампы и печати воинских частей, обмундирование, батареи для радиостанций. Связной был арестован и на допросе показал, что немецкая разведка приказала агентам передислоцироваться в район реки Припять.

21 января 1945 года при очередном сеансе связи радистами от немецких хозяев было принято две радиограммы. В одной немцы распорядились отправить одного из агентов через линию фронта и в то же время интересовались: что нового в Крыму?. В другой — просили передавать ежедневно состояние погоды на полуострове, «а именно: температуру, ветер, облачность — четверть, половина, три четверти, полная, солнце, снег, туман и т. д.».

Наши разведчики решили, что все задания с маневрами являлись лишь проверочными, а на самом деле немцев интересовал Крым. Для того чтобы в этом убедиться, на следующем сеансе направили гитлеровцам такую радиограмму: «К вам идет Торлакян с одним нашим агентом. Скажите, где лучше перейти к вам. Еще срочно сообщите точно, в каком месте переезжать остальным». Расчет был построен на том, что если противник действительно проявляет особый интерес к Крыму, то он предложит группе остаться на месте и поставит перед ней

конкретную задачу, что даст возможность установить действительные намерения гитлеровцев.

На отправленную радиограмму немецкая разведка ответила незамедлительно. Теперь агентам предписывалось никуда не уходить, а регулярно сообщать метеосводки: «С каждой радиограммой передавайте сведения о погоде, при этом точно указывайте час установления температуры. Передавайте точно, ибо это очень важно для нас».

Теперь стало совершенно ясно, что противнику известно о предстоявшей встрече в Крыму «большой тройки». В общем-то, удивляться особенно не приходилось: конференция готовилась долго и потому информацией о том, где она должна состояться, располагали многие люди, в том числе и за рубежом. Для выяснения намерений гитлеровцев были задействованы силы всех советских разведывательных служб. В результате буквально через два-три дня военная разведка и зафронтовая агентура Смерша сообщили, что на немецких аэродромах, находившихся ближе всего к Черному морю, готовятся к выполнению особого задания несколько групп дальних бомбардировщиков. Стало очевидным, что немцы могут бомбить Ялту.

Выход из ситуации был найден достаточно простой: сообщать гитлеровцам по радиостанции с подставными агентами, что в Крыму низкая облачность и безостановочно идет снег. Для подстраховки на полуострове и в прилегающих к нему регионах Украины усилили части ПВО. Конечно, дело являлось достаточно рискованным, поскольку немцы могли перепроверить информацию, и потому можно себе представить нервное состояние отвечавшего за безопасность глав правительств Круглова С.Н., которому в случае чего головы было не сносить.

Сталин И.В. полностью находился в курсе проводившейся радиоигры, поскольку нарком Берия Л.П. регулярно представлял ему подробные докладные записки по данному вопросу, но не побоялся вопреки утверждениям нынешних скептиков проводить столь серьезный политический форум в пределах досягаемости бомбардировочной авиации противника [26].

Вот что поведал в своих воспоминаниях очевидец начала Крымской конференции полковник Осокин В.И., работавший последние годы службы в МВД. Тогда ему едва исполнилось восемнадцать лет, и после окончания Московской военно-морской школы он являлся шифровальщиком штаба Черноморского флота в подразделении, размещавшемся в Ялте. «Работали мы тогда в небольшом пятиэтажном здании на набережной и обеспечивали радиосвязь с нашим штабом. И вот просыпаемся однажды утром,

это было как раз 4 февраля 1945 года. Видим — на набережной, через каждые сто метров, вдоль дороги, стоят милиционеры в парадной форме. Что, думаем, такое случилось? Прошел час, два. Вдруг на набережную влетает колонна виллисов. И из них выходят, кто бы мог подумать, Сталин, Рузвельт и Черчилль. И направляются вместе со всей своей свитой к Ливадийскому дворцу. Оказалось, что именно в этот день они прибыли сюда на конференцию».

Вот насколько скрытно шла подготовка к встрече глав правительств, что даже молодой парень, находившийся с ноября 1944 года совсем рядом с местом проведения конференции, ничего особенного не заметил, пока не посчастливилось самому увидеть «съезд гостей». А ведь в подготовке было задействовано большое количество народа да и через шифровальный отдел наверняка шла относившаяся к данному вопросу информация. Поскольку в сталинской свите находился и адмирал Кузнецов Н.Г., то ему каждый день отправлялись радиограммы со сводками со всех морских фронтов, а относить эти донесения утром и вечером поручено было Виктору Осокину. Так что ветеран считает, что и он принимал, хоть и относительное, участие в исторической конференции [61].

Во время Крымской встречи «большой тройки», проходившей с 4 по 11 февраля 1945 года в Ливадийском дворце близ Ялты, была определена политика СССР, США и Великобритании в отношении Германии и намечены общие принципы послевоенного взаимодействия. Главы правительств согласовали военные планы, нацеленные на скорейший разгром нацистской Германии, и выработали отношение к побежденной стране после ее капитуляции. Было решено, что после победы над гитлеровскими вооруженными силами войска каждой из трех стран союзников оккупируют определенную зону Германии и создадут совместную администрацию. Если Франция пожелает, она сможет взять на себя определенную зону оккупации и участвовать во всех вопросах в качестве четвертого члена. Германия будет превращена в демилитаризованное, демократическое и миролюбивое государство. Военные преступники будут наказаны, нацистские законы отменены, а фашистская партия запрещена.

«Нацистская Германия обречена на гибель. Если немецкий народ будет и дальше продолжать свое безнадежное сопротивление, он заплатит еще большую цену за свое поражение, — говорилось в коммюнике Крымской конференции. — Мы не помышляем уничтожить немецкий народ.

Только после искоренения нацизма и милитаризма германский народ сможет занять достойное место в сообществе наций».

В процессе совещаний главы великих держав пришли к договоренности о создании всемирной Организации Объединенных Наций, которая придет на смену Лиге Наций. Был также решен вопрос о правительстве Польши и прохождении польско-советской границы. СССР обязался через 2–3 месяца после окончания войны в Европе вступить в войну с Японией [60].

С учетом «нелетной погоды» гитлеровцы не рискнули поднять с аэродромов свои бомбардировщики. А над Крымом светило солнце, и Сталин на свежем воздухе в окружении своих высоких гостей охотно позировал перед фото- и кинокамерами.

Ялтинская конференция прошла в достаточном взаимопонимании трех глав правительств великих держав. Сталин задавал вопросы Рузвельту и Черчиллю и сам охотно отвечал, когда его спрашивали. Кроме политических тем, разговоры велись и чисто житейские, вплоть до оценки достоинств тех или иных блюд, напитков, обсуждения их популярности в различных странах. Как-то за обеденным столом Сталин спросил, знают ли его гости грузинскую виноградную водку — чачу. Оказалось, что никогда не слыхивали, а Черчилль, уважавший крепкие напитки, заинтересовался и пожелал ее попробовать. Поскольку в закромах Ливадийского дворца таковой водки, естественно, не оказалось, отправили самолет в Грузию. Там у насмерть перепуганного лучшего грузинского самогонщика набрали чачу и отправили ее в Ялту. Сталин торжественно презентовал доставленную бутылку Черчиллю.

На серьезном мероприятии не обошлось и без курьезов. На одном из заседаний за большим круглым столом министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден что-то написал на бумажке и протянул ее Черчиллю. Тот, прочитав, поджег записку от своей сигары. Затем сам написал ответ и протянул его Идену. Взглянув на записку, министр разорвал ее на мелкие кусочки и бросил в корзину для бумаг. Это не ускользнуло от внимания советских сотрудников госбезопасности. Из обрывков восстановили текст записки Черчилля. Британский премьер написал: «Не волнуйтесь. Старый ястреб не выпадет из гнезда». Несколько лет советские дешифровщики пытались разгадать скрытый смысл записки, но не смогли. Только в конце пятидесятых годов Хрущев Н.С., встретившись в Великобритании с премьером Черчиллем, спросил его напрямую, о чем шла речь. Дело, мол, прошлое, и теперь можно поделиться секретом.

— Да ничего особенного, — ответил Черчилль. — Просто у

меня тогда расстегнулась ширинка. Господин Иден предупредил меня, а я его успокоил…

Пользуясь случаем, руководители великих держав не отказывали себе в возможности подшутить друг над другом не только для того, чтобы создать более дружелюбную атмосферу, но и «протестировать на сообразительность» своих именитых собеседников. В один из дней после официальных переговоров состоялся легкий обед-фуршет, на котором президент Рузвельт и премьер Черчилль решили разыграть Сталина, намекая на его диктаторские замашки. Обращаясь к Рузвельту, Черчилль сказал: «Фрэнк, мне приснилось сегодня ночью, что я стал Властелином Земли». Подыгрывая своему партнеру по переговорам, Рузвельт ответил: «Уинстон, а мне приснилось, что я стал Властелином Мира». И, обращаясь к советскому руководителю, задал ему вопрос: «А вам что приснилось, маршал Сталин?» Ни секунды не раздумывая, великий вождь в тон своим визави парировал: «А мне приснилось, что ни вас, президент Рузвельт, ни вас, господин премьер-министр, я в этих должностях не утвердил!» Незадачливые претенденты на Мировое Господство буквально рухнули от смеха [74].

Сталин тоже в долгу не остался. Под занавес Ялтинской встречи он разрешил ответственному за охрану Круглову С.Н., владевшему английским языком, аккуратно намекнуть союзникам, какой серьезной опасности подвергались их жизни в Крыму, разгадай немцы нехитрую дезинформацию, посылавшуюся во вражеский стан через завербованных нами радистов. Американский президент и английский премьер, прекрасно осведомленные о том, как беспощадно умели бомбить немцы, не только поняли всю серьезность обстановки во время их пребывания на крымской земле, но и по достоинству оценили смелость и мужество Круглова С.Н., персонально отвечавшего за безопасность глав трех государств и сопровождавших их лиц. Теперь все это оставалось в прошлом и действительно могло послужить шуткой о хитроумном обмане коварного противника. А вот вся организация встречи действительно заслуживала самой высокой похвалы.

Прежде всего это оценили американские коллеги по увиденной ими нелегкой работе. Еще не завершилась конференция, когда 7 февраля 1945 года в адрес генерал-полковника (так гости из-за океана интерпретировали спецзвание комиссара госбезопасности II ранга) С.Н. Круглова поступило благодарственное письмо на английском языке, в переводе звучащее так:

«От имени начальников штабов США выражаю Вам свою искреннюю и глубокую признательность за ту ответственную подготовку, которую Вы осуществили в организации необходимых удобств и порядка, направленных на создание комфорта и возможности для работы всем американским сотрудникам в течение их пребывания на конференции “Аргонавтов” в Ялте.

Сожалею, что преподносимый Вам в качестве подарка небольшой презент не соответствует духу военного времени, но мы надеемся, что Вы примете этот скромный сувенир от имени Ваших американских гостей как знак нашей признательности за Ваш добросовестный труд».

«С большой искренностью» письмо подписал С.Е. Олсен, контр-адмирал Военно-морского флота США [26].

К сожалению, установить сейчас, какой презент получил Сергей Никифорович от американских военных, не представляется возможным: в то время любые подарки, тем более от капиталистов, хотя они и были тогда нашими союзниками, полагалось сдавать «в государственный фонд».

По окончании Крымской конференции признательность своих военных поддержал и президент США Ф. Рузвельт. И февраля 1945 года он адресовал советскому security (ответственному за безопасность) «генерал-полковнику С.Н. Круглову, командующему войсками НКВД в Крыму», такое письмо:

«Дорогой генерал Круглов.

Во время Ялтинской встречи Советское правительство любезно предоставило мне и моим сотрудникам один из самых лучших русских дворцов. В связи с тем, что решение о проведении встречи в Ялте было принято совсем недавно, я сознаю, какие огромные усилия потребовались от Вас и Ваших помощников для того, чтобы в полном объеме подготовить к работе резиденцию и обеспечить питание. Когда я прибыл в Ялту со своими двумястами семидесятые пятью помощниками, все было готово к нашему приему.

У меня имеется огромное желание попросить Вас передать Вашим помощникам, особенно генерал-лейтенанту Иванову П.В, генерал-майору Горлинскому Н.Д. и господину Гогиберидзе Д.Г., мою глубокую благодарность за качественное обслуживание нашей делегации. Мы проживали в великолепном комфорте, и все Ваши помощники проявляли максимум усердия для того, чтобы обеспечить наш отдых. Любой человек из обслуживающего персонала, будь то мужчина или женщина, выполнявшие различные функции в наших помещениях, был очень умелым и

внимательным к нам. Я выражаю свою признательность каждому из них.

От имени всех моих сотрудников я выражаю самую глубокую благодарность. Мы покидаем Ялту с очень теплым ощущением русского гостеприимства и Вашей находчивости в решении всех непредвиденных случаев.

Искренне Ваш Франклин Рузвельт» [26].

Подлинники приведенных писем являются достоянием Личного фонда Круглова С.Н. № 10 146, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Интересно, что в приложенном к письму президента США официальном переводе, сделанном службой НКВД, допущены некоторые неточности. Во-первых, там сказано просто: «Весь обслуживающий персонал был очень внимателен к нам, и я выражаю благодарность всем». На самом деле Ф.Рузвельт в своем послании постарался искренне поблагодарить персонально каждого советского сотрудника, обслуживавшего Крымскую конференцию, будь то генерал, офицер, официант или горничная. Этим, на мой взгляд, и отличается уважение к любому человеку, вне зависимости от его служебного положения.

Во-вторых, в последней строчке письма было переведено так: «…в решении самых важных и срочных вопросов». Но президент использовал не слово question, означающий «вопрос» или «проблема», а emergency — непредвиденный или экстренный случай, критическое положение, авария. Тем самым, мне представляется, Ф. Рузвельт корректно подчеркнул свое понимание той чреватой неприятными последствиями обстановки с возможностью немецкой бомбежки, которая, как он узнал от Круглова С.Н. в самом конце своего пребывания на полуострове, была предотвращена за счет квалификации и находчивости наших сотрудников государственной безопасности. От себя лично президент США подарил главе советской службы обеспечения и охраны автомашину марки «Бьюик», двухдверную, с открывающимся брезентовым верхом.

От советского правительства за организацию Крымской встречи Круглов С.Н. был награжден полководческим орденом Кутузова I степени.

Для того чтобы закрепить порядок, созданный на правительственных резиденциях при подготовке и проведении конференции, сначала в составе НКВД по примеру Наркомата госбезопасности организовали 6-й спецотдел, который должен был наблюдать за работой специальных объектов в Крыму. Затем приказом НКВД СССР от 28 марта 1945 года было образовано

Управление спецобъектами НКВД в Крыму, которое осуществляло руководство Ливадийским, Воронцовским и Юсуповским дворцами, а также совхозами «Красный маяк» и «Молодая гвардия» [10].

Умелые действия первого заместителя наркома внутренних дел в период подготовки и проведения Крымской конференции послужили, видимо, причиной того, что, не успев вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей, Круглов С.Н. вновь получил ответственнейшее задание по организации охраны и обслуживания советской делегации во главе с народным комиссаром иностранных дел СССР Молотовым В.М. в процессе перелета и пребывания на конференции в городе Сан-Франциско Соединенных Штатов Америки.

Еще в 1943 году в Москве руководство США, Великобритании, СССР и Китая договорились рассмотреть вопрос о создании вместо Лиги Наций новой международной Организации Объединенных Наций (ООН). Через год, в период с 21 августа по 7 октября 1944 года, на конференции в американском городе Думбартон-Оксе делегации этих же стран (позже к ним присоединилась Франция) выработали проект Устава ООН. На Крымской встрече, как было отмечено выше, главы трех великих держав эту договоренность подтвердили и постановили созвать учредительную конференцию весной 1945 года. Теперь полномочная советская делегация отправлялась за океан для того, чтобы выработать основополагающие документы создававшейся международной организации.

Следует отметить, что в руководстве Соединенных Штатов к этому времени произошло существенное изменение. 12 апреля 1945 года скончался президент США Франклин Делано Рузвельт. Его преемником стал вице-президент Гарри С. Трумен [60].

Для своей первой поездки за границу Сергей Никифорович получил дипломатический паспорт, выданный Наркоматом иностранных дел СССР. Этот документ также хранится в его Личном фонде № 10 146 в ГАРФ. Солидную темно-красную обложку советского паспорта украшает тисненный в цвете герб Страны Советов. На первом листе запись: «Именем Союза Советских Социалистических Республик Народный Комиссариат Иностранных Дел просит все гражданские и военные власти СССР и Дружественных государств пропускать беспрепятственно гражданина СССР Круглова Сергея Никифоровича, Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел СССР, отправляющегося за границу, и оказывать ему всяческое содействие». Фотография в паспорте представлена в военной форме, а отправился в Америку

владелец документа в гражданском. Визу на выезд из СССР «через любой пограничный пост» оформили за день до отлета.

По согласованию с американской стороной был разработан план организации охраны главы советской делегации и сопровождавших его лиц. В Сан-Франциско через Канаду вылетели 16 апреля 1945 года на четырехмоторном боинге, предоставленном правительством США. В пункте назначения на военном аэродроме приземлившийся самолет встречали почетный караул и оркестр, исполнивший гимны СССР и США. Поскольку в это время года в Москве погода оставалась еще прохладной, все советские представители были одеты в пальто, а офицеры охраны — в шинели. В отличие от Крыма, где Круглов С.Н. носил военную форму с погонами комиссара гб II ранга, на американский континент он прибыл в гражданской одежде и при всех передвижениях неотлучно находился за спиной Молотова В.М. Все американские военные, присутствовавшие при встрече, были одеты по-летнему: в открытые однобортные кители и рубашки с галстуком (аналогичную форму одежды в нашей армии ввели через полтора десятка лет).

Всего на конференцию в Сан-Франциско прибыли представители пятидесяти государств. Дебаты по проектам документов начались 25 апреля 1945 года. Участники форума доработали и утвердили Устав, который определил структуру и принципы Организации Объединенных Наций. Главными органами ООН стали Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и социальный Совет, Совет по опеке, Международный Суд и Секретариат.

Конференция по выработке Устава ООН проходила успешно. На американскую публику и представителей других стран достойное впечатление произвела мощная фигура главного телохранителя советского министра иностранных дел, всегда готового прикрыть собой «объект охраны».

Радостную весть о нашей победе и окончании войны советские представители встретили далеко от родной земли. Союзники по антигитлеровской коалиции тогда признавали, что основной вклад в дело разгрома фашистской Германии внес Советский Союз, а также то, что на его долю пришлись основные людские потери и разрушения городов и сел. В числе многих советских защитников Родины и тружеников тыла Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года Круглов С.Н. как участник Великой Отечественной войны был награжден медалью «За победу над Германией».

В Москву нарком Молотов В.М. с сопровождавшими его лицами и охраной вернулся 14 мая 1945 года. Вместо него работу

на конференции продолжил Громыко А.А., возглавивший советскую делегацию.

Однако передышка после поездки за океан оказалась недолгой: Круглову С.Н. вновь поручили организацию очередной встречи глав правительств трех держав-победительниц. Проводить этот политический форум решили на немецкой земле, но конкретное место следовало еще подобрать. Для получения указаний по данному поводу 28 мая 1945 года в 21 час Круглов С.Н. вместе с руководителем охраны главы правительства Власиком Н.С. был вызван в кабинет Сталина И.В. Там в это время находились Молотов В.М., Микоян А.И., Берия Л.П. и Маленков Г.М. На выдачу личного распоряжения потребовалось всего пять минут — так краток оказался второй визит товарища Круглова в кабинет вождя. Видимо, вопрос был уже, в принципе, решен, поскольку перед этим в течение трех дней Сталин И.В. по два часа беседовал с личным представителем президента США Т. Гопкинсом, послом В. Гарриманом и советником посольства Ч. Боленом.

На следующий день Круглов С.Н. с Власиком Н.С. уже прибыл в Берлин. После краткого разговора с Жуковым Г.К. и Серовым И.А., которые заверили, что подходящего места в разгромленном Берлине найти невозможно, решили осмотреть Потсдам, как близлежащий населенный пункт, наименее пострадавший при ведении боевых действий.

Вместе с Серовым И.А., которого представители из Москвы поздравили с присвоением ему звания Героя Советского Союза, немедленно выехали в этот пригородный район. Знакомство с тогда еще мало известным немецким городком показало, что подходящий зал для заседаний имелся во дворце Цецилиенхоф, а все делегации вполне возможно было разместить в находящемся на юго-востоке от Потсдама Бабельсберге. Об этом предложении командированные «квартирмейстеры» телеграфировали Берия Л.П.

5 июня 1945 года представители: от СССР — маршал Г.К. Жуков, от США — генерал Д. Эйзенхауэр, от Великобритании — фельдмаршал Л. Монтгомери и от Франции — генерал Ж.М. де Латр де Тассиньи, подписали Декларацию о поражении Германии. Констатировав, что после капитуляции в этой стране нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка и управление, представители Верховных командований союзных держав заявили, что их правительства берут на себя всю власть в Германии. Декларация требовала полной ликвидации

вооруженных сил побежденной страны, выполнения всех распоряжений союзников об аресте и выдаче нацистских лидеров и военных преступников, содействия в размещении вооруженных сил и гражданских органов союзников в любом месте Германии. Союзники заявили, что будут принимать любые меры, «какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности».

После согласования со Сталиным И.В. 6 июня 1945 года нарком внутренних дел Берия Л.П. подписал приказ, в соответствии с которым на Круглова С.Н. возлагались обязанности по организации и руководству охраной «объектов специального назначения» для проведения Потсдамской конференции под кодовым названием «Пальма». С этого момента закипела работа по подготовке помещений, выработке маршрутов движения делегаций, размещению постов охраны, налаживанию линий связи. Конечно, наши разведчики постарались, и все апартаменты американских и английских представителей были оснащены таким количеством подслушивающих устройств, которое позволяло иметь полную информацию о «закулисных» переговорах наших союзников.

Когда схема обустройства участников переговоров четко определилась, Сталин И.В. в своем послании У. Черчиллю от 18 июня 1945 года следующим образом оповестил британского премьера по данному вопросу:

«1. Делегации будут размещены так, как Вы предлагаете в своем послании, и как это было устроено в Крыму. Каждая делегация будет иметь свою замкнутую территорию с режимом, согласно усмотрению руководителя делегации. Район расположения всех трех делегаций — Бабельсберг, юго-восточнее Потсдама. Четвертое помещение, для совместных заседаний — дворец германского кронпринца в Потсдаме.

2. Маршал Жуков будет в Берлине 28 июня.

К этому времени следует направить передовые группы Монтгомери и Эйзенхауэра для осмотра и приема помещений в Бабельсберге. Передовые группы Монтгомери и Эйзенхауэра могут получить на месте все необходимые справки и разъяснения, касающиеся помещений, от генерала Круглова, известного Вашим людям по Ялте».

Указанный срок прибытия Жукова Г.К. в Берлин был связан с тем, что 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы, который принимал прославленный маршал.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 6 июля 1945 года Главноначальствующим Советской военной администрацией в Германии (СВАГ) был назначен Маршал

Советского Союза Жуков Г.К., а его заместителем по делам гражданской администрации в Берлине стал заместитель наркома внутренних дел комиссар гб II ранга Серов И. А.

Однако в подобном спецзвании работники наркоматов внутренних дел и госбезопасности объявлялись в последний раз, поскольку в этот же день был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым для начсостава НКВД-НКГБ вводились общеармейские офицерские и генеральские звания. В соответствии с этим указом 9 июля 1945 года наркому внутренних дел СССР Берия Л.П. присвоили звание Маршала Советского Союза. Нарком государственной безопасности Меркулов В.Н. получил воинское звание генерала армии. Постановлением СНК СССР генерал-полковниками стали Абакумов В.С., Круглов С.Н., Серов И.А., Кобулов Б.З., Чернышов В.В., Гоглидзе С.А. и Павлов К.А. Тем же постановлением воинские звания генерал-лейтенанта и генерал-майора были присвоены большой группе работников НКВД и НКГБ СССР. Кстати, это был последний случай раздачи генеральских званий в период жизни Сталина.

За два дня до открытия конференции трех держав в Берлин прибыли Молотов В.М. и Берия Л.П., чтобы лично убедиться в готовности всех служб и помещений к принятию делегаций. Два наркома в сопровождении генерал-полковников Круглова С.Н. и Серова И.А., заместителя Главнокомандующего группой советских войск в Германии генерала армии Соколовского В.Д. и других ответственных лиц осмотрели зал заседаний, апартаменты глав правительств, места расквартирования представителей союзных держав и ознакомились с системами охраны и связи. Маршал Берия Л.П., хотя и был в гражданском костюме, по-военному четко давал указания по устранению замеченных им недоработок.

17 июля 1945 года открылась знаменитая Потсдамская конференция победителей, на которой Советский Союз представлял председатель Совнаркома И.В. Сталин, Соединенные Штаты Америки — президент Г. Трумэн и Великобританию — премьер-министр У.Черчилль (с 28 июля, после поражения Консервативной партии на выборах, его сменил новый премьер-министр, К. Эттли). Главное место в работе конференции заняли вопросы, связанные с денацификацией, демилитаризацией и демократизацией Германии. Было установлено, что верховная власть в стране будет осуществляться главнокомандующими оккупационными силами СССР, США, Великобритании и Франции — каждым в своей зоне оккупации и совместно в Контрольном

совете — по общегерманским вопросам. В качестве целей оккупации предусматривалось: полное разоружение и демилитаризация Германии, включая ликвидацию всей военной промышленности; демократизация всей политической жизни, в том числе уничтожение нацистской партии; отмена всех нацистских законов; удаление всех активных нацистов с общественных постов и ответственных должностей в частных фирмах; демократизация системы образования, правосудия и местного самоуправления. Участники конференции подтвердили право народов, пострадавших от германской агрессии, на получение репараций. По территориальным вопросам: были установлены границы Польши, а город Кенигсберг (с 1946 года — Калининград) с прилегающей к нему частью Восточной Пруссии передан Советскому Союзу. Участники конференции подтвердили намерение трех держав предать суду Международного военного трибунала главных военных преступников. Во время работы конференции была опубликована Декларация правительств США, Великобритании и Китая, к которой позднее присоединился и СССР, с требованием о безоговорочной капитуляции Японии [60].

Официально Потсдамская конференция завершила свою работу 2 августа 1945 года, но еще до ее окончания американцы, довольные теми условиями комфорта и безопасности, которые им создала советская сторона, поспешили наградить своими орденами советских руководителей, отвечавших за их всестороннее обеспечение и охрану.

В Центральном музее МВД России хранятся все правительственные награды, отечественные и зарубежные, полученные С.Н. Кругловым, а также подлинники документов к ним. В советском переводе указа Президента США награда «AWARD OF THE LEGION OF MERIT» была определена как «орден Легион Достоинства». Под таким привлекательным, но недостаточно понятным с точки зрения русского языка названием она хранится и вошла в ряд публикаций [23, 25]. Однако дословный перевод наименования этой награды будет означать: «За множество заслуг», или, адаптируя к русскому пониманию, «За большие заслуги». Так в дальнейшем мы и будем называть этот американский почетный знак, присвоенный трем советским представителям.

По указу Президента США и в соответствии с военным Уставом и циркуляром, которые действовали в армии Соединенных Штатов, находившейся в Европе, Сергей Н. Круглов, генерал-полковник, был удостоен американской награды «За большие заслуги (Командорской степени)». В приказе по армии США, подписанном 26 июля 1945 года бригадным генералом П.Л.

Рансомом, объявлялся данный указ Президента США, а в разделе первом отмечались заслуги награжденного. По этому поводу говорилось следующее: «Генерал-полковник Круглов С.Н., являвшийся начальником Советского штаба охраны Конференции трех держав, получил награду за очень четкую и отличную службу и исполнение крайне ответственных обязанностей в период с 22 июня по 25 июля 1945 года. В качестве начальника советской охраны он грамотно применил и успешно усовершенствовал все возможные меры охраны зоны проведения конференции трех держав в Потсдаме и Новом Бабельсберге в Германии. Его отличное знание и понимание всех проблем охраны, а также разработанный им детальный план обеспечения безопасности в высокой степени помогли в оперативном, точном и аккуратном разрешении всех вопросов. Превосходное исполнение генерал-полковником Кругловым С.Н. своих обязанностей явилось одной из главных причин успеха конференции трех держав. Его собственная самоотверженная служба в сочетании с тесным сотрудничеством с командованием Штаба США Берлинской зоны заслужила самой высокой похвалы и прекрасно показала превосходное качество работы награжденного».

Указом Президента США награды «За большие заслуги (Офицерской степени)» был удостоен генерал-лейтенант Горлинский Н.Д., в период проведения конференции являвшийся советским комендантом зоны, в которой проживала американская делегация. В разделе втором приказа отмечалось, что награжденный принял все необходимые меры для создания надежной охраны и обеспечения безопасности представителей США. Его усилиями была обеспечена устойчивая связь как с командованием Штаба США Берлинской зоны, так и с правительством Соединенных Штатов.

Третьим награду «За большие заслуги (Легионерскую)» получил полковник Корецкий М.М., представлявший советскую охрану при Президенте США и обеспечивший «великолепное обслуживание». Он сопровождал президента в поездках и отвечал за его безопасность. Награжденный продемонстрировал «как собственное высокое качество работы, так и всей Красной Армии».

Английская делегация постаралась не отстать от своих заморских коллег. 30 июля 1945 года в Лондоне в Букингемском дворце Его Величество король Великобритании Георг VI подписал Указ о награждении генерал- полковника Круглова С.Н. Превосходным Орденом Британской империи и о присвоении ему звания Рыцаря Командора этого ордена. В реляции к указу отмечалось, что награжденный был ответственным за

безопасность в районе, в котором находились все делегации, и за пути следования, по которым они перемещались во время конференции трех держав в Потсдаме. Он также обеспечивал координацию всех действий по организации трехсторонней встречи. Своими четкими указаниями и плодотворным сотрудничеством с Британским командованием он, несомненно, способствовал успешному проведению и обеспечению безопасности конференции. За все эти заслуги генерал-полковник Круглов С.Н. стал первым и единственным представителем органов внутренних дел и госбезопасности СССР, кому было пожаловано высокое звание Рыцаря Британской империи. Теперь в соответствии со статусом советский руководитель мог именовать себя «сэр Круглов», но этому громкому титулу Сергей Никифорович предпочитал скромное слово — товарищ [27].

Сколько же надо было вложить сил и насколько правильно и четко следовало организовать охрану и хозяйственное обеспечение как на Крымской, так и на Потсдамской конференциях, чтобы это важное, но, в общем-то, вспомогательное действие оказалось так высоко оценено зарубежными и советскими участниками переговоров. Как известно, организаторов мероприятий чаще ругают за недостатки, а не поощряют за инициативу и выполненную работу.

15. Продолжение боевых действий

После победы над гитлеровской Германией боевые действия закончились, но только не для работников наркоматов внутренних дел и госбезопасности и войск НКВД. В западных областях Украины и Белоруссии, в прибалтийских республиках, а также на территории Польши продолжались бандитские нападения на военнослужащих, милиционеров, работников советских органов власти и мирных граждан. Осуществлялись подрывы железнодорожных путей, порча подвижного состава, поджоги предприятий и складов.

Так, в Украинской ССР 30 мая 1945 года в Ракитновском районе Ровенской области бандиты убили участкового уполномоченного райотделения НКВД и семерых бойцов истребительного батальона. В ночь на 9 июня в Ново-Ярычевском районе Львовской области был обстрелян из минометов и пулеметов дом, в котором находился пункт связи воинской части, в результате чего оказался ранен боец и нарушены проводные линии связи. 10 июня в селе Залуковка Станиславской области нападавшие убили работника райпотребсоюза, заведующего сельпо и двух местных жителей. 11 июня в Колковском районе Волынской области бандой Голуба убиты секретарь сельсовета села Рудника, его жена и дочь. В ночь на 20 июля в городе Куты бандиты сожгли дом работника милиции, а в селе Старые Куты повесили секретаря сельсовета и председателя земельной общины. Такая же участь постигла в селе Молодятин двух оуновцев, явившихся с повинной.

В Белорусской ССР 23 мая 1945 года в Островецком районе Молодечненской области бандиты напали на дом бойца группы содействия истребительному батальону, ранили его самого и его сестру, а отца, мать и двенадцатилетнего брата убили, сожгли дом и скрылись. 3 июня в том же районе был убит участковый уполномоченный НКВД. 9 июня бандиты совершили налет на Залесский сельсовет, сожгли документы и ограбили магазин.

Столь тревожная обстановка в западных областях республик сохранялась во многом благодаря тому, что в столице Третьего рейха Берлине, до взятия его нашими войсками находились многочисленные украинские и белорусские антисоветские учреждения, которые поддерживали националистические выступления на территории СССР. Так, в их число входили: «Украинское бюро», «Комитет украинских организаций», «Украинская доверительная инстанция», «Украинское национальное объединение» (УНО), «Белорусское объединение в

Германии», «Белорусский комитет самопомощи», газета белорусских националистов «Ранница» и другие. Многие руководители и активисты этих организаций также проживали в Берлине. Несмотря на то что органами внутренних дел и госбезопасности эти организации были ликвидированы, а их руководители арестованы, последействие заложенных нацистами «мин» продолжалось еще долгие годы.

В Литовской ССР участники ряда организаций под командованием «Литовской армии свободы» саботировали проводившиеся властями мероприятия, дезорганизовывали движение поездов, осуществляли диверсионные акты на железной дороге и подготавливали вооруженное выступление «в случае военного конфликта между СССР и Англией». В ночь с 4 на 5 августа 1945 года в Алитусском и Трокайском уездах бандитами, именовавшими себя «лесные братья», были убиты 48 человек, причем в двух русских, двух польских и остальных литовских семьях.

В Эстонской ССР действовала антисоветская вооруженная организация «Борцы за свободу», основной задачей которой являлось ведение пропаганды среди населения за выход Эстонии из СССР и совершение террористических актов против советских активистов.

В Латвийской ССР немецкая разведка совместно с руководителями латышских националистов создала в 1944 году антисоветскую организацию фашистского толка «Межа-Кати» («Лесные кошки»). В эту организацию вступили достаточно много местных латышей, поскольку немцами они освобождались от мобилизации в армию и от вывоза на работу в Германию. Зато из их числа создавались шпионско-диверсионные группы, которые во время войны засылались в тыл Красной Армии, а перед капитуляцией ушли в подполье и создали бандитские группы. Антисоветское движение активно поддерживалось духовенством и интеллигенцией, распространявшими слухи о том, что Англия и Америка предпринимают меры по предоставлению самостоятельности прибалтийским республикам.

В Польше ведущей силой реакционного подполья являлась партия «Стронництво Народове» («Национальная партия»), которая занимала непримиримую позицию по отношению к Советскому Союзу и Польскому правительству национального единства. В бюллетене партии излагалась, в частности, такая программная установка: «Целью нашей политической борьбы является — действовать такими методами, вызвать такой эффект, чтобы НКВД и советские войска вынуждены были покинуть нашу территорию». «Стронництво Народове» имела в своем

распоряжении вооруженные отряды, занимавшиеся террористической деятельностью по отношению к просоветски настроенным польским руководителям и их семьям, а также к местным жителям. Например, в протоколах 35-го батальона Национальных вооруженных сил имелись такие записи: «2 июля 1945 года произвели операцию в деревне Булька. Избили двух шпионов и остригли волосы двум женщинам, симпатизирующим Красной Армии». Или: «7 июля 1945 года произвели операцию в деревне Еднорожец. Наказали плетками четырех пособников Сталина». Проводились и крупные нападения: 9 сентября банда «АК» численностью до 130 человек осуществила налет на тюрьму города Радом. Для отвлечения внимания бандиты подожгли в городе сарай, а потом сильным ружейно-пулеметным огнем подавили огневые точки заставы, охранявшей тюрьму. Затем взрыввеществами взорвали ворота и, проникнув в тюрьму, освободили 292 человека, в числе которых были 26 участников банд, 75 фольксдойче, 54 немецких пособника, 80 арестованных за незаконное хранение оружия и 87 уголовников.

Как и во время войны, работники НКВД-НКГБ и войска НКВД продолжали проводить чекистско-войсковые операции по борьбе с бандформированиями и осуществляли агентурно-оперативные действия по выявлению и ликвидации подпольных организаций. Нарком Берия Л.П. на основании поступавших сообщений с мест регулярно направлял докладные записки о ходе боевых действий Сталину И.В., Молотову В.М. и Маленкову Г.М.

Так, например, НКВД Украинской ССР сообщал о том, что только за период с 1 июля по 1 августа 1945 года в западных областях было проведено 2894 чекистско-войсковые операции, в результате которых убиты 2380 оуновцев и 2380 взяты в плен. Явились с повинной 3653 бандита и 10 758 уклонявшихся от мобилизации в армию и дезертиров. Наши потери: убиты 80, ранены 52 человека.

В Белорусской ССР в течение августа месяца 1945 года в процессе очистки западных областей органы НКВД арестовали и задержали 6146 человек, 79 бандитов убили, добровольно явились с повинной 243 человека. 4 августа в Логищенском районе Пинской области ликвидирована банда, возглавлявшаяся Гречко, убиты трое, захвачены 7 бандитов. 12 августа в Домачевском районе Брестской области уничтожена банда Шумского, убиты 29, захвачены 16 бандитов. 24 августа в Ошмянском районе Молодечненской области захвачены 9 человек из банды Мацулевича. 27 августа убито 6 и задержан один бандит из банды Тумаш. Изъяты пулеметы, автоматы, винтовки, гранаты, патроны.

В Литве за два месяца боев войска НКВД ликвидировали 195 бандгрупп, уничтожили 2778 бандитов и 2946 захватили живыми, а также арестовали 4673 участников подпольных организаций, при этом изъяли много оружия. Был задержан руководитель подвижного террористического отряда и разгромлены две банды, насчитывавшие до 320 человек, которые в начале августа убили 48 местных крестьян. В результате проведения агентурно-оперативных и следственных мероприятий органы НКВД-НКГБ арестовали часть штаба Вильнюсского округа польской Армии Крайовой и ликвидировали подпольные типографии в Вильнюсе и Каунасе. Агентурным путем было установлено, что всеми антисоветскими подпольными организациями в городе Паневежиес и соседних уездах руководила группа немецких парашютистов во главе с полковником и капитаном, служившими сначала в литовской, а затем в немецкой армиях. Оперативные группы НКВД-НКГБ приняли меры к розыску и ликвидации парашютистов и подпольщиков.

В Латвии местные органы НКВД-НКГБ ликвидировали 119 банд, при этом убили, захватили и легализовали 3145 бандитов. Арестованы участников национального подполья и иных антисоветских элементов 17 987 человек.

В Эстонии вскрыта и ликвидирована антисоветская организация.

На территории Польши в ходе борьбы с бандами Армии Крайовой, Народовы силы збройны и УПА войсками НКВД, органами общественной безопасности Польши и польским войском в течение августа 1945 года были убиты 208, ранены 42, захвачены 96 и арестованы 1298 бандитов. За это же время за счет проведения «разложенческой» деятельности вышли из подполья и явились с повинной в органы местных властей 48 бандгрупп общей численностью 3465 человек. Захвачено в боях и сдано при добровольной явке много оружия, взрывчатых веществ и патронов. Несмотря на это, бандпроявления на территории Польши продолжали оставаться высокими, в результате которых за указанное время убиты 118, ранены 32 и захвачены 8 человек. В их числе 52 военнослужащих Красной Армии, 8 военнослужащих Войска Польского, 13 сотрудников органов общественной безопасности, 30 милиционеров и 65 активистов. Бандиты захватили оружие, 150 лошадей, 800 коров, 20 свиней, несколько вагонов сахара и около двух миллионов рублей.

Положение усугублялось еще и тем, что в соответствии с соглашением между правительствами Украинской ССР и Польши от 9 сентября 1944 года было решено переселить в добровольном порядке из СССР в Польшу поляков и евреев, выразивших на то

желание, а из Польши в обратном порядке направить украинцев, белорусов, русских, русинов и литовцев, пожелавших получить советское гражданство. На переезд в Польшу записались почти полтора миллиона человек, а на переселение в СССР — более 350 тысяч человек. Выезд эвакуировавшихся в Польшу осуществлялся беспрепятственно, с оформлением необходимых документов и предоставлением транспорта. В то же время переезжавшим в Советский Союз чинились всевозможные препятствия: на железной дороге не предоставлялись вагоны для погрузки или паровозы к готовым составам. Банды УПА усиленно противодействовали выезду крестьян, проводили среди них провокационную работу, подрывали и разбирали железнодорожные пути, чтобы сорвать движение поездов. Офицеры и солдаты Войска Польского вместо борьбы с бандитами и поддержания общественного порядка грабили собравшихся к переезду, отбирали у них ценности, продовольствие и скот, а сопротивлявшихся даже убивали. Польские военнослужащие и представители местных властей агитировали украинцев не выезжать в Украинскую ССР, что в ряде случаев удавалось сделать. В целях лучшей организации и быстрейшего завершения переселения, прекращения грабежей и бесчинств пришлось этот вопрос поставить перед главой польского правительства Б. Берутом [59].

Таковы лишь отдельные штрихи затянувшейся вооруженной борьбы Советской власти с националистическими силами в западных областях Украины и Белоруссии, в прибалтийских республиках и Польше, не желавшими соглашаться с принципами советизации. Прискорбно, что война с Германией уже закончилась, а раздутый, в том числе и нацистами, пожар внутри страны все еще продолжал полыхать, пожирая человеческие жизни.

Помимо этого Советский Союз, верный принятым на себя обязательствам, 9 августа 1945 года объявил войну Японии. В это время под предлогом скорейшего окончания войны 6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а через три дня — на Нагасаки. Говорят, была сброшена еще и третья бомба, но она не взорвалась. Меньше чем за месяц советские войска разгромили Квантунскую армию, освободили Южный Сахалин и Курильские острова. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. 3 сентября вошло в Историю как день победы над Японией и окончания Второй мировой войны, которая продлилась ровно шесть лет. За это время 18 стран, участвовавших в боевых действиях, потеряли

совместно около 55 миллионов человек [60].

После завершения дел по обеспечению Потсдамской конференции первый зам наркома Круглов С.Н. получил новое ответственное поручение: приказом наркома внутренних дел от 9 августа 1945 года его назначили председателем Комиссии по пересмотру структуры и штата НКВД СССР. В состав этой комиссии вошли заместители наркома Чернышов В.В., Обручников Б.П., Аполлонов А.Н., Сафразьян Л.Б., Завенягин А.П. и начальник секретариата Мамулов С.С. Перед комиссией стояла непростая задача: сформировать применительно к условиям мирного времени ведомство, подвергавшееся значительным преобразованиям в период войны.

Следует отметить, что постоянное нервное напряжение военных лет, высокая степень ответственности за проводившиеся в Крыму и Потсдаме конференции не могли не отразиться на здоровье Сергея Никифоровича. Обычно после снятия сильной психологической нагрузки начинают проявляться болячки, на которые в процессе работы некогда бывает обращать внимание. Пришлось зам наркома ложиться в Кремлевскую больницу.

21 августа 1945 года начальник санитарного отдела Хозяйственного управления НКВД Волошин представил на имя Берия Л.П. рапорт, в котором доложил, что состояние здоровья товарища Круглова улучшилось, но ему рекомендовано санаторное лечение, желательно в Кисловодске. В этом рапорте вопреки тому, что некоторые искатели остренького могут подумать, не было ничего особенного: медицинские начальники часто представляли «наверх» сведения о своих больных, поскольку руководители страны должны были знать, в состоянии ли их подчиненные продолжать интенсивную работу или им следовало искать замену. В отношении Круглова С.Н., показавшего в военное время недюжинные и всесторонние организаторские способности, планы строились большие.

В сентябре 1945 года комиссия из заместителей наркома внутренних дел представила на утверждение Берия Л.П. несколько вариантов новой структуры центрального аппарата НКВД СССР. В основном проекте предлагалось объединить в крупные управления все взаимосвязанные по задачам подразделения. Например, создать Общее управление, в состав которого включить секретариаты наркомата и Особого совещания, Спецотделы шифровальный и учетно-статистический, отделы Юридический и Контрольно-инспекторский. В Секретно-оперативном управлении сосредоточить задачи борьбы с бандитизмом и агентурно-оперативного обслуживания

исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений. Центральный финансовый отдел мыслилось объединить с финансовым отделом войск НКВД. Материально-техническое обеспечение объектов НКВД в Крыму считалось целесообразным передать в Хозяйственное управление, ликвидировав за счет этого 6-й спецотдел. В Главном управлении лагерей сосредоточить Тюремный отдел, Отдел спецпоселений и Управление лесной промышленности. Сюда же передать Отделение по использованию заключенных специалистов, более известное как Особое техническое бюро, которое руководило так называемыми шарашками. Проверочно-фильтрационные лагеря за истечением надобности в них ликвидировать. Все строительные подразделения объединить в Главное управление промышленного строительства (Главпромстрой), а Инспекцию по котлонадзору выделить из их состава в отдельный аппарат при НКВД. Создать самостоятельное Политуправление войск НКВД, объединив в нем политорганы всех войсковых управлений. В Главное управление милиции передать функции по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, зато Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности сделать независимым подразделением. В проекте предлагалось освободить НКВД от ряда несвойственных ему функций. Так, Гохран (Хранилище государственных ценностей) передать в Наркомфин СССР, а Главное архивное управление перевести в ведение Совнаркома СССР. Главное управление пожарной охраны предлагалось преобразовать в Главную пожарную инспекцию НКВД, а функции по пожаротушению передать в ведение наркоматов и Исполкомов Советов. В связи сокращением задач считалось целесообразным снизить статус Главного управления местной противовоздушной обороны до управления, зато Отдел кадров преобразовать в Управление кадров НКВД СССР [10].

Далеко не все из перечисленных предложений оказались реализованы, поскольку у Сталина И.В. имелось собственное представление о предназначении Наркомата внутренних дел, о чем будет рассказано ниже.

Только 16 сентября 1945 года появился наконец указ Президиума Верховного Совета СССР, которым Круглов С.Н. «за успешное выполнение специального задания правительства, связанного с проведением Потсдамской конференции», был награжден орденом Ленина. Чем оказалось вызвано такое отставание советской награды от американской и британской, пока остается только предполагать.

После долгих и напряженных военных лет приказом наркома

внутренних дел Круглову С.Н. был предоставлен месячный отпуск, с 20 сентября по 20 октября 1945 года. В соответствии с рекомендацией врачей Сергея Никифоровича направили на курорт в Кисловодске. На отдых он поехал вместе с женой Таисией Дмитриевной и детьми: десятилетней Ириной и восьмилетним Валерием, прервав на некоторое время их учебу в школе.

Вместе с тем в архивных документах имеется следующая информация. 15 октября 1945 года нарком Берия Л.П. направил по ВЧ телеграмму на имя начальника санатория: «С Вашим предложением о продлении тов. Круглову срока пребывания в санатории на 10 дней согласен. Если для окончания лечения тов. Круглову требуется продлить срок еще на некоторое время, это можно решить». Такое случается. Не успел отдыхающий за обычные санаторские 24 дня принять все процедуры или полностью восстановить здоровье, и начальство заботливо разрешает продлить срок лечения. Тем более что в последний день октября 1945 года Круглов С.Н. сам посылает по ВЧ сообщение на имя своего шефа Берия Л.П.: «Установленное время отпуска закончилось. 31.10.45 выезжаю в Москву к месту работы. Состояние здоровья вполне удовлетворительное». Все прекрасно.

Но вот что интересно: в Справке, отражающей послужной список Круглова С.Н. и составленной 28 апреля 1956 года сотрудником Управления кадров МВД СССР подполковником Овсянниковым, указано следующее. В разделе «17. Пребывание в заграничных командировках (где, с какой целью, с какого и по какое время)» имеется такая запись: «Служебная командировка. Советская зона оккупации Германии. VII-1945 — X-1945». Как указывалось в документе, приведенном в главе 14, Круглов С.Н. вместе с Власиком Н.С. прилетел в Берлин 29 мая 1945 года. Затем там же занимался подготовкой конференции. Поскольку эти края тогда не назывались «советской зоной оккупации», то, возможно, это и не нашло отражения в личном деле. Удивительно другое: Потсдамская конференция закончилась 2 августа, а, в соответствии с послужным списком, «служебная командировка» первого зам наркома продолжалась и в октябре 1945 года. Чуть выше мы документально выяснили, что в августе месяце Круглов С.Н. работал в комиссии, потом находился в Кремлевской больнице, в сентябре отправился в отпуск. Значит, в промежутках между этими делами, а тем более во время отпуска он, вполне очевидно, неоднократно наведывался по делам в Советскую зону оккупации Германии. Чем это было вызвано?

Как известно, на Потсдамской конференции в перерыве между заседаниями президент Трумэн в присутствии премьер-

министра Черчилля сообщил Сталину о том, что 16 июля текущего года в пустыне Аламогордо американцами успешно проведено испытание первой атомной бомбы. К удивлению руководителей пока еще союзных с нами держав, советский вождь как бы не выразил никакой заинтересованности в этом сообщении. Во всяком случае, по реакции Иосифа Виссарионовича великие капиталистические мужи, желавшие несколько пошантажировать главу социалистического государства, не смогли даже сделать для себя вывод о том, понял ли Сталин, о чем шла речь. Но Сталин не только все прекрасно понял, но и знал уже об этом событии.

Еще в марте 1942 года Берия, основываясь на данных советской разведки в Англии и США, сообщил вождю о развернувшихся там масштабных работах по «урановому» и «манхэттенскому» проектам, нацеленным на создание атомного оружия. За две недели до взрыва в Аламогордо нарком госбезопасности Меркулов В.Н. уже поставил в известность советское руководство о дате испытаний и конструкции бомбы. Да и подслушивающие устройства, установленные в Бабельсберге в резиденциях партнеров по переговорам в Потсдаме, дали возможность, по всей вероятности, узнать, какой «экспромт» готовился при очередной встрече. В нашей стране работы по использованию внутриатомной энергии урана производились в научном плане еще в тридцатые годы, но им тогда не было придано существенного значения — ориентир был взят на обычные средства вооружения. Поступавшие во время войны сведения от разведки о том, что разработкой атомного оружия занимаются не только американцы, но и англичане, а самое главное, немцы, вынудили Сталина И.В. подписать 11 февраля 1943 года постановление правительства об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Возглавить это дело поручили Молотову В.М., а заместителем у него по вопросу получения разведданных стал Берия Л.П. К работам привлекли весь цвет советских физиков во главе с Курчатовым И.В., сразу получившим звание академика. Стал заниматься этой проблемой и заместитель наркома внутренних дел Завенягин А.П. В феврале 1944 года по распоряжению Берия Л.П. для сбора и обработки информации по атомной тематике был создан специальный отдел «С», во главе которого поставили опытного разведчика Судоплатова П.А. Изучение добытых материалов показало, что за границей вокруг атомной проблемы была создана «невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил», которая уже добилась значительных результатов. В связи с тем, что в нашей стране исследования в

этом направлении шли недостаточно интенсивно, постановлением ГКО от 3 декабря 1944 года персонально на Берия Л.П. возложили «наблюдение за развитием работ по урану».

Глава ведомства внутренних дел, помимо многочисленных забот по своему наркомату, активно включился в атомный проект и сумел из ученых и разведчиков создать эффективный тандем, позволивший наверстать допущенное нашей страной отставание. Для обеспечения работ выделялись необходимые финансовые средства и производственные мощности.

На основании данных нашей разведки весной 1945 года стало ясно, что в результате проведенных в Англии и США научных исследований ядерный вид оружия «следует считать практически осуществимым». Произведенный американцами взрыв в Аламогордо, а затем и боевое применение атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки заставили Сталина И.В. решительно повернуться лицом к советскому «урановому» проекту. 20 августа 1945 года постановлением ГКО был сформирован Специальный комитет под председательством Берия Л.П. для создания атомной промышленности. В этот Спецкомитет вошли кандидаты в члены Политбюро Маленков Г.М. и Вознесенский Н.А., видные хозяйственники Ванников Б.Л. (заместитель председателя), Завенягин А.П. и Первухин М.Г. и ученые Иоффе А.Ф., Капица П.Л. и Курчатов И.В. На Спецкомитет возлагалось: руководство всеми научными исследованиями и работами «по использованию внутриатомной энергии урана»; широкое развертывание геологической разведки и создание сырьевой базы по добыче урана в СССР, а также использование известных урановых месторождений в Болгарии и Чехословакии; организация промышленности по переработке урана; строительство атомно-энергетических установок; разработка и производство атомной бомбы [62, 56].

Для того чтобы заполучить данные по урановой проблеме в побежденной Германии, сразу же после немецкой капитуляции в Берлин был направлен зам наркома внутренних дел Завенягин А.П. с группой советских ученых. Нашим специалистам удалось разыскать физиков, участвовавших в германском «урановом» проекте. Организацию работ по демонтажу и перевозке оборудования с немецких предприятий, работавших по атомной тематике, поручили первому заму Круглову С.Н. Вот почему он числился находившимся в Советской зоне оккупации включительно до октября 1945 года. Постоянное пребывание организатора работ на месте не требовалось, поэтому Сергей Никифорович одновременно участвовал и в других делах: руководил комиссией, лечился и находился в отпуске. Каждую

его поездку в Германию с учетом секретности задания и кратким сроком очередного пребывания за границей в личном деле не отмечали, ограничившись лишь общей записью. В связи с тем, что на командировки оказалась потрачена часть отпуска, нарком продлил своему первому заму пребывание на отдыхе почти на две недели (с учетом обратной дороги). В данное время такое решение было достаточно просто принять, поскольку и самому Хозяину, как за глаза называли Сталина И.В., решением Политбюро был предоставлен отпуск и потому вождь не вел приема посетителей в своем кремлевском кабинете с 9 октября по 16 декабря 1945 года. Правда, все важные документы непрерывным потоком отправлялись Сталину И.В. по месту его отдыха на Кавказе, так что глава государства полностью находился в курсе всех происходивших событий как в стране, так и за рубежом.

Берия Л.П. все больше сосредоточивался на работе по атомному проекту. Ему полностью подчинялась вся разведывательная деятельность по сбору информации за рубежом по данному вопросу. Говорят, что наши пинкертоны сумели даже вывезти из Японии не разорвавшуюся американскую атомную бомбу. В решении возникавших проблем Лаврентий Павлович действовал «с размахом, энергично, напористо», часто выезжал на объекты, чтобы на месте разобраться с заторами, все задуманное стремился доводить до конца. Конструктивно проводил совещания Спецкомитета. Но и работа по Наркомату внутренних дел требовала массу времени. Необходимо было поддерживать правопорядок в стране, налаживать охрану границы на западных рубежах, перестраивать деятельность исправительно-трудовых лагерей, заниматься миллионами спецпереселенцев. Да и боевые действия в западных областях Украины и Белоруссии, в Прибалтике и Польше не утихали. Охватывать все эти многочисленные и сложные вопросы одному руководителю становилось сложно.

В связи с этим после возвращения Сталина И.В. из отпуска было принято решение об освобождении Берия Л.П. от должности наркома внутренних дел «ввиду загруженности его другой центральной работой» (данная фраза в постановление Политбюро вписана рукой вождя), а на самом деле — для предоставления ему возможности сосредоточиться на решении проблем «атомного» проекта. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1945 года новым наркомом внутренних дел СССР был назначен генерал-полковник Круглов С.Н.

В начале 1946 года западная пресса так писала по этому поводу: «Из Москвы пришло известие об изменении, коснувшемся

одной из основных фигур советского режима. Маршала Лаврентия Берия заменили в качестве начальника НКВД на генерал-полковника Сергея Круглова. Новый начальник НКВД широко известен за границей как деловой работник, возглавлявший личную охрану Вячеслава Молотова в Сан-Франциско. Круглов является кадровым сотрудником НКВД. Вполне возможно, что Берия всего лишь предназначен для нового и более важного дела». В другой зарубежной статье, касавшейся нового наркома внутренних дел Круглова С.Н., говорилось: «Живой бывший начальник политической полиции — редкое явление в Советской России. На прошлой неделе в этой стране появилось такое лицо, поскольку профессорского вида маршал Берия перестал быть начальником НКВД. Преемником Берия Сталин избрал генерал-полковника Сергея Круглова, могучего великана с моложавым лицом (рост 6 футов и 2 дюйма, вес 245 фунтов), который по внешнему обличью похож на нашего профессионального полицейского, а в действительности таковым и является. Круглов командовал группой сотрудников, охранявших Сталина на конференциях в Ялте и Потсдаме, сопровождал Молотова в его поездках в Сан-Франциско и Лондон. Пребывая в Потсдаме, генерал-полковник иногда курил, с удовольствием брал предлагавшуюся ему жевательную резинку, прекрасно ел, употреблял спиртное и при этом заразительно смеялся. Президенту Трумэну Круглов настолько понравился, что он подарил советскому security собственный портрет с автографом» [3].

16. Нарком — министр внутренних дел СССР

10 января 1946 года Маршал Советского Союза Берия Л.П. и генерал-полковник Круглов С.Н. подписали акт приема и сдачи дел по НКВД СССР по состоянию на последние дни декабря прошлого года. В этом документе о задачах Наркомата внутренних дел было записано следующее:

— борьба с бандитизмом и повстанческими формированиями;

— охрана государственных границ СССР;

— борьба с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности;

— охрана общественного порядка и личной безопасности граждан СССР;

— организация проведения паспортной системы;

— обеспечение изоляции преступников и их трудовое использование;

— содержание, охрана и трудовое использование военнопленных и интернированных;

— охрана железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности;

— организация пожарной охраны и местной противовоздушной обороны;

— борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью;

— выполнение оборонных и народно-хозяйственных заданий правительства (строительство оборонительных рубежей, военно-морских баз, аэродромов, заводов и предприятий промышленности, железных и шоссейных дорог, промышленная добыча золота, олова, никеля, угля и т. п.);

— а также ряд других заданий правительства.

Отдельным пунктом в акте отмечалось, что работа НКВД СССР «строится и проводится в соответствии с решениями ЦК ВКП(б), на основе законов и постановлений правительства СССР».

Из приведенных в акте данных следовало, что на 30 декабря 1945 года по штатам органов НКВД (без войск) числилось 993 072 должности, на которых было заполнено 846 022 единицы. По штатам центрального аппарата имелось 9530 должностей, которые фактически были укомплектованы 8577 работниками. В войсках НКВД по штату значилось 680 280 должностей, на которых в данный момент находились 655 370 командиров и бойцов [10].

Таким образом, в возрасте 38 лет (самом работоспособном для мужчин), проработав в органах внутренних дел всего лишь шесть лет, Сергей Никифорович Круглов возглавил это важнейшее и крупнейшее ведомство Страны Советов. Этому столь стремительному выдвижению некогда простого сельского паренька на весьма высокий государственный пост предшествовали получение им достаточно хорошего образования и стремление в любой обстановке пополнять свои знания, приобретение навыков управления разнообразными коллективами в сложной политической и военной обстановке, способность быстро и основательно входить в курс любых порученных дел, выполнение с высокой ответственностью и тщательностью каждой поставленной задачи, искреннее желание сделать все, от него зависевшее, на благо Родины, преданность провозглашенным тогда идеалам строительства нового общества, а также знание и уважение людей, умение работать с ними. К этому следует еще добавить личную скромность, обаяние и доброжелательность могучего по внешнему виду мужчины.

Здесь очень к месту было бы привести аттестации и характеристики, составленные в то время на Круглова С.Н., для того чтобы познакомиться с мнением высшего руководства о его персоне. К сожалению, отказ Главного управления кадров МВД Российской Федерации, о чем говорилось в главе 1, лишил нас такой возможности, что несколько обедняет документальное повествование. Приходится ориентироваться лишь на имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы, мнение знавших Сергея Никифоровича людей и юношеские воспоминания автора.

Отныне Круглов С.Н. возглавил огромное ведомство, но отнюдь не был полностью свободен в своих действиях, поскольку все основополагающие и обязательные к исполнению решения принимались советским правительством — Советом Наркомов (Министров) СССР и могучим партийным властелином — Политбюро Центрального Комитета коммунистической партии, главную роль в которых играли сначала Сталин И.В., а потом Хрущев Н.С. Помимо этого Берия Л.П., находясь в ранге заместителя председателя Совнаркома (Совмина) СССР и члена Политбюро, полностью курировал деятельность Наркомата (Министерства) внутренних дел.

Руководящий состав НКВД СССР, возглавлявшийся наркомом Кругловым С.Н., выглядел теперь следующим образом. На освободившуюся должность первого заместителя наркома был назначен глава Наркомата внутренних дел Украинской ССР генерал-лейтенант Рясной В.С., вместе с которым Круглов С.Н. два года назад громил банды оуновцев. Заместитель наркома

генерал-полковник Чернышов В.В. по-прежнему курировал лагерные подразделения. Заместителем по войскам остался генерал-полковник Аполлонов А.Н. Заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант Сафразьян Л.Б., одновременно являвшийся начальником Главного управления аэродромного строительства (ГУАС), 5 февраля 1946 года был переведен на должность зама в Наркомат по строительству топливных предприятий СССР, куда одновременно из НКВД передали и ГУАС. Герой Советского Союза генерал-полковник Серов И.А. остался на должности заместителя наркома, но продолжал свою работу в качестве заместителя Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Заместитель наркома генерал-лейтенант Завенягин А.П., одновременно являвшийся заместителем начальника Первого Главного управления (ПГУ) при СНК СССР, был назначен по совместительству начальником только что образованного Управления специальных институтов (9-е управление) и полностью сосредоточился над проблемами атомного проекта. Еще один заместитель наркома, генерал-лейтенант Обручников Б.П. занимался кадровыми вопросами [10].

С назначением нового наркома никаких кардинальных изменений, как это случалось раньше, в руководстве и личном составе работников Наркомата внутренних дел не последовало. Сергей Никифорович считал, что работать надо с тем коллективом и с теми людьми, которые имелись. Выполнения задач следовало добиваться за счет глубокого и всестороннего знания подчиненных, учета в работе их сильных и слабых сторон, проявления заботы об их личных нуждах и запросах. А для того чтобы обеспечить четкую и ответственную работу всех звеньев наркомата, одним из первых генерал-полковник Круглов С.Н. подписал приказ «О создании группы контроля и особых поручений при Народном комиссаре внутренних дел СССР» со штатом 21 человек. Согласно Положению об этом самостоятельном подразделении, на офицеров группы возлагалась задача по проверке (в соответствии с указаниями наркома) своевременного исполнения центральными управлениями, местными органами и войсковым командованием постановлений партии и правительства, приказов и директив НКВД для «предупреждения нарушений и извращений при проведении их в жизнь и выявления конкретных виновников невыполнения». По результатам проводившихся проверок управлений, отделов, лагерей, строек, учреждений, заведений, соединений и частей войск группа должна была представлять наркому обобщение материалов своей контрольно-ревизионной

деятельности с целью постановки «принципиальных вопросов, направленных к улучшению работы органов НКВД». Для выполнения этих функций группа наделялась необходимыми полномочиями [10].

11 февраля 1946 года генерал-полковник Круглов С.Н. «за участие в обеспечении боевых действий Советских войск против Японии» в числе многих других участников тех событий был награжден медалью «За победу над Японией», учрежденной указом Президиума Верховного Совета СССР 30 сентября 1945 года.

15 марта 1946 года Верховный Совет СССР принял Закон о переименовании наркоматов в министерства. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б), где предварительно обсуждался данный вопрос, Сталин И.В. дал такое разъяснение смысла этого преобразования: «Народный комиссар или вообще комиссар — отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период революционной ломки и прочее, и прочее. Этот период прошел. Война показала, что наш общественный строй очень крепко сидит, и нечего выдумывать название такое, которое соответствует периоду неустоявшемуся, и общественному строю, который еще не устоялся, не вошел в быт. Коль скоро наш общественный строй вошел в быт и стал плотью и кровью, уместно перейти от названия — народный комиссар к названию — министр. Это народ поймет хорошо, потому что комиссаров чертова гибель. Путается народ. Бог его знает, кто выше. (Смех в зале.) Кругом комиссары, а тут — министр, народ поймет. В этом отношении это целесообразно» [63].

Очевидно, такой шаг пришлось предпринять также и в связи с тем, что в нарождавшихся странах народной демократии не представлялось возможным применить «наркоматовскую» терминологию, а система управления во всем содружестве стран, возглавлявшихся Советским Союзом, должна была создаваться единой. Во всяком случае, советское правительство отныне представлял Совет Министров СССР, председателем которого по-прежнему оставался Сталин И.В., а одним из его заместителей — Берия Л.П. Соответственно генерал-полковник Круглов С.Н. теперь именовался министром внутренних дел СССР, а генерал армии Меркулов В.Н. — министром государственной безопасности СССР. Во исполнение принятого закона приказом министра внутренних дел от 26 марта 1946 года НКВД СССР переименовали в МВД СССР.

После того как было сформировано новое советское правительство в ранге министерств, распоряжением от 25 апреля 1946 года обязанности по наблюдению за работой управлений и

отделов МВД СССР между министром и его заместителями распределились следующим образом.

Сам министр Круглов С.Н. наблюдал за работой Главного управления милиции (ГУМ), Особого совещания (ОСО), Секретариата министерства, Отдела спецзаданий, 4-го спецотдела (небезызвестных «шарашек») и Группы контроля и особых поручений (по проверке исполнения постановлений партии и правительства и приказов МВД). Первый заместитель министра Рясной В.С. помимо общих вопросов курировал Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ), Отдел контрразведки Смерш НКВД СССР, 1-й спецотдел (учетно-статистический), Отдел спецпоселений (ОСП), Центральный финансовый отдел (ЦФО), Хозяйственное управление (ХОЗУ), Отдел правительственной связи (ОПС), 6-й спецотдел (по работе с Управлением спецобъектами в Крыму), Управление спецобъектами МВД в Крыму, Военно-строительное управление (ВСУ) и Управление войск правительственной связи. Заместителю министра Чернышову В.В. были подконтрольны Главное управление лагерей (ГУЛАГ), Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР), Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Тюремное управление, Особый дорожностроительный корпус (ОДСК) и Автотранспортный сектор. Отсутствовавшему в Москве заместителю министра Серову И.А. было поручено наблюдать за органами МВД, находившимися в зоне оккупации советских войск в Германии. Заместитель министра по войскам Аполлонов А.Н. контролировал Главное управление пограничных войск (ГУПВ), Главное управление внутренних войск (ГУВВ), Управление войск по охране железных дорог, Управление войск по охране особо важных предприятий промышленности, Управление конвойных войск, Главное управление военного снабжения, Управление военно-учебных заведений (УВУЗ), Финансовый отдел войск МВД, Главное управление пожарной охраны (ГУПО), Главное управление местной противовоздушной обороны (ГУМПВО) и спортивное общество «Динамо». Заместитель министра Завенягин А.П. отвечал за 9-е управление (Управление специальных институтов, работавших над атомной проблемой) и Главпромстрой (возводивший атомные объекты). Заместитель министра Обручников Б.П. возглавлял Отдел кадров и курировал Отдел борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В связи с тем, что у некоторых заместителей министра задачи являлись узконаправленными и им нежелательно было давать дополнительную нагрузку, с 22 апреля 1946 года генерал-

лейтенант Мамулов С.С. с должности начальника Секретариата МВД СССР был назначен еще одним замом (на должность, освободившуюся после ухода из МВД Сафразьяна Л.Б.). В его ведении оказались Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Управление лагерей лесной промышленности (УЛЛП), Дальстрой, Управление материально-технического снабжения (УМТС), Плановый отдел, Главное архивное управление (ГАУ), Отдел перевозок, 2-й спецотдел (шифровальный) и 3-й спецотдел (Государственное хранилище ценностей — Гохран). Секретариат министерства теперь возглавил полковник Давыдов А.Ф.

Простое перечисление всех служб, входивших в сталинские времена в Министерство внутренних дел, может вызывать у любого человека определенную оторопь своим многообразием задач. К тому же большинство из приведенных подразделений представляло собой огромные «хозяйства», включавшие в свой состав миллионы (!) людей и огромные материальные средства. Правильно и эффективно распорядиться всем этим потенциалом в условиях, когда основная стратегия определялась стремлением высшей власти к распространению социалистических принципов на все мировое сообщество, являлось весьма трудной задачей.

Из приведенного перечня распределения обязанностей между министром и его замами видно, что по структуре и штатам из предложений комиссии, выработанных в сентябре 1945 года, практически ничего не было принято. Сталин И.В. сам решал, когда и что следовало изменить, но без его ведома небезопасным для исполнителя являлось любое, даже мелкое новшество или преобразование. Создав жестко централизованную систему управления, которой в огромной стране в состоянии оказывался руководить лишь гений, вождь каждый вопрос держал под своим неослабным контролем.

Помимо приведенного распределения подразделений МВД каждый руководитель министерства наблюдал за состоянием дел в ряде закрепленных за ним регионов Союза. Так, министр внутренних дел лично курировал Московскую и Ленинградскую столичные области, Марийскую и Чувашскую АССР, а также Владимирскую, Вологодскую, Воронежскую, Горьковскую, Ивановскую, Калужскую, Костромскую, Пензенскую, Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую и Ярославскую области. Аналогичные группы союзных и автономных республик, краев и областей числились за каждым замом. В приведенный перечень подшефных территорий Марийская АССР вошла в связи с тем, что в марте 1946 года Круглов С.Н. был избран от Кужеперского избирательного округа этой автономной республики депутатом

Совета Национальностей Верховного Совета СССР. В Центральном музее МВД хранится его депутатский билет № 492 [16, 27].

Для того чтобы деловые бумаги, отправлявшиеся из МВД, были написаны юридически грамотно, министр внутренних дел Круглов С.Н. своим приказом от 19 июля 1946 года восстановил Юридическую часть, ликвидированную в наркомате много лет назад. Теперь девять юристов, чтобы исключить возможные правовые ошибки, должны были давать свои заключения по всем документам, которые представлялись на подпись министру и его заместителям.

Должность личного секретаря министра Круглова С.Н. в этот период занимал капитан (потом стал подполковником) Цыпленков Н. А. В годы войны он в качестве адъютанта сопровождал командовавшего войсками комиссара госбезопасности по многим фронтовым дорогам. Теперь, в мирных условиях, четко обеспечивал работу своего шефа. По сравнению с могучей фигурой Сергея Никифоровича Николай Алексеевич имел небольшой рост, но это совсем не мешало им в течение многих лет составлять дружный деловой тандем.

В связи с тем, что масштаб и сложность задач, стоявших перед министром внутренних дел, были огромны, дальнейшее описание служебной деятельности Круглова С.Н. в период с 1946-го по март 1953 года (то есть с момента его вступления в должность и до дня смерти Сталина И.В.) представим не в строго хронологическом порядке, как это делалось в нашем документальном повествовании до сих пор, а по темам, иначе нам придется постоянно скакать с одного вопроса на другой (что в текущей работе как раз и приходилось делать министру). Для того чтобы представить себе масштаб деятельности МВД, характер работы этой огромной махины, которой в указанный период руководил Круглов С.Н., приведем выдержку из выступления заместителя министра внутренних дел генерал-полковника Чернышова В.В., сделанного им 4 февраля 1949 года на партийно-хозяйственном активе Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС). Отметим попутно, что Василий Васильевич, хотя не имел образования, являлся человеком самобытным, умным и порядочным. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД он работал с 1920 года, а в должности заместителя наркома — министра внутренних дел состоял с 1937 года до дня своей смерти 12 сентября 1952 года.

«Министерство внутренних дел — это такое своеобразное министерство, — говорил Чернышов В.В. на партактиве, — которое по своему названию, казалось бы, должно было бы быть

сугубо административным учреждением, ведающим охраной границ, милицией, ЗАГСом и тому подобными вещами. А практически, в связи с наличием большого количества специальных контингентов (заключенных, спецпереселенцев и военнопленных. — *Ю. Б.*) в распоряжении МВД, это министерство представляет из себя, наряду с огромным административным аппаратом, ведающим почти всеми делами населения, начиная с момента рождения и до похорон, в связи с наличием большого количества рабочей силы, это министерство превратилось за последние годы в огромный народно-хозяйственный организм. Мы за 1948 год выполнили план производства работ, приблизительно равный по количеству и объему двум крупным промышленным министерствам. Нет другого такого министерства, с программой которого можно было бы сравнить программу нашего министерства. Мы за последний год выполнили по товарной продукции больше 10 миллиардов рублей. Сегодня только объединенное Министерство металлургии (черной и цветной. — *Ю. Б.*), может быть, сможет дать такую программу товарной продукции. Мы выполнили почти на 3,5 миллиарда рублей капитальных работ, а если учесть работы Главпромстроя (объекты, построенные по атомной программе. — *Ю.Б.*), то это будет значительно больше. Вместе с Главпромстроем — это больше, чем одно из крупных строительных министерств Минтяжстроя. Таким образом, мы представляем из себя, если можно так выразиться, наряду с административным министерством, еще два промышленно-производственных министерства плюс одно крупное строительное министерство.

Как правило, нашему министерству дают работы по капитальному строительству и по основному производству наиболее трудные, наиболее тяжелые по территориальному размещению и производственным условиям. То есть такие работы, которые другими министерствами вряд ли могли быть выполнены.

Если вы посмотрите на нашу производственную деятельность, то она начинается и заканчивается где-то на востоке, на севере, в виде лесных лагерей, которые обращены своей работой к северо-восточным частям Советского Союза. Если вы посмотрите, какие поручения даются министерству в вопросах капитального строительства, то это не только ГУЛЖД С. Это также работа золотой промышленности, это тот же Дальстрой, это тот же Норильский металлургический комбинат, Печорский угольный бассейн, работа по строительству отдаленных, в тяжелых таежных северных условиях, железных дорог и так далее.

Мы должны понять, что ГУЛЖД С работает, как правило, по-

особому (дальнейшее можно распространить и на все другие Главки МВД. — *Ю. Б.*). Если вы вспомните любую из наших строек, которые мы начинали или еще не закончили и сейчас продолжаем, то все эти стройки не только пионерские, как их называют, но это стройки обычно и скоростные. Нет еще никаких проектов, а мы уже укладываем рельсы. И сейчас по 501 стройке (прокладка железной дороги Чум — Салехард с возведением паромной переправы через реку Обь. — *Ю. Б.*) решение вышло только три дня назад, а в приказе Министра (внутренних дел) уже записывается укладка в 1949 году первых 50 километров дороги там, где Татаринцев еще не ходил (Татаринцев П.К. — начальник Северной проектно-изыскательской экспедиции МВД СССР. — *Ю. Б.*). Никакая другая организация не взялась бы за такое строительство.

Задачи 1949 года, стоящие перед ГУЛЖДС (так же, как и перед другими главками, управлениями и отделами МВД. — *Ю. Б.*), огромные.

Это почти миллиард рублей, о чем говорил товарищ Гвоздевский (генерал-майор инженерно-технической службы Гвоздевский Ф.А. — начальник ГУЛЖДС с 5 августа 1948 года. — *Ю. Б.*).

Я знаю много министерств. 80 процентов промышленных министерств не имеют такого плана капитальных работ, которые выполняет ГУЛЖДС. Министерство промышленного машиностроения и приборостроения имеет план 110 миллионов (рублей). Министерство лесной промышленности имеет 600 миллионов (рублей), из них 300 миллионов (рублей) — на приобретения. Нет такого министерства, кроме собственно строительных. ГУЛЖДС руководит и обеспечивает работу нескольких сот тысяч человек» [34].

Вот в общих чертах, какую громаду представляло собой Министерство внутренних дел, когда во главе него встал Круглов С.Н. В связи с этим «послойно», по годам, как было сказано, представить работу сразу всех подразделений просто невозможно. А какую же надо было иметь светлую голову, чтобы всем этим многообразием руководить! Сталин — И.В. прекрасно видел, что МВД успешно справлялось со сложнейшими производственными заданиями, а потому постепенно переводил из этого ведомства в МГБ силовые структуры: главные управления пограничных, а затем и внутренних войск, Управление транспортной, а затем и Главное управление всей милиции, Управление специальными объектами в Крыму, Отдел и Управление войск правительственной связи и др.

Деятельность Министерства внутренних дел невозможно

рассматривать отдельно от тех партийных и правительственных решений, которые во многом определяли судьбу страны и народа. Официальные указы и постановления принимали Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР, часто по предложениям, сделанным Политбюро ЦК ВКП(б), а исполнять эти «предначертания» своим тяжким трудом должны были десятки тысяч работников МВД и сотни тысяч подневольных тружеников.

17. Послевоенная политика

Победа в Великой Отечественной войне была для нашей страны достигнута дорогой ценой. Людские потери составили порядка 27 миллионов человек, помимо этого СССР утратил почти треть своего национального богатства. На советской земле полностью или частично были разрушены 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, подверглись уничтожению многие заводы и другие промышленные предприятия.

Несмотря на все трудности, выступая на встрече с избирателями в феврале 1946 года, глава Советского государства Сталин И.В. заявил, что «партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который бы дал нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем». При этом основной упор опять делался на развитие в первую очередь тяжелой промышленности. «Только при этом условии, — говорил вождь, — можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей». В марте 1946 года сессия Верховного Совета СССР приняла четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства. Промышленность страны должна была не только наращивать объемы производства, но и одновременно перестраиваться с тем, чтобы увеличивать выпуск гражданской продукции, включая в том числе изделия сложной техники для нужд населения. Однако при этом удельный вес военного производства не сокращался. Широкий размах строительства и освоения новых промышленных мощностей стал причиной дефицита рабочей силы. Правда, в распоряжении Советской власти имелись миллионы заключенных, спецпереселенцев и военнопленных, которыми командовало МВД, но все равно основным источником роста числа работающих продолжала оставаться деревня. При этом во время войны самые большие людские потери понесло как раз сельское население, поскольку именно из него комплектовали рядовой состав армии.

Необходимо отметить, что в послевоенный период в сталинской единоличной системе власти несколько изменилось распределение функций между высшими органами управления Страной Советов. Естественно, как и раньше, имелось определяющее воздействие Сталина И.В. на все сферы деятельности властных структур. Однако, как известно, почти до самого начала войны Иосиф Виссарионович являлся лишь

партийным вождем и никакой административной должности не занимал. В связи с этим все ключевые вопросы тогда решались сначала на Политбюро, а затем реализовывались через системы законодательной и исполнительной власти. Теперь, являясь членом Политбюро и секретарем ЦК (фактически первым или генеральным, что обычно не подчеркивалось), а также Председателем Совета Министров СССР (и министром Вооруженных сил до 26 февраля 1947 года), Сталин И.В. имел возможность разделить ранее перепутанные партийные и хозяйственные приводы управления. Теперь в функции Политбюро входило решение принципиальных кадровых, внешнеполитических, военных, валютных вопросов и проблем госбезопасности. Совет Министров занимался преимущественно оперативным управлением народным хозяйством. Несмотря на то что сферы деятельности обеих ветвей власти не пересекались, по своему приоритету решения Политбюро являлись определяющими. Конституционно высшая власть в лице Верховного Совета СССР или его Президиума (в перерывах между сессиями), как и раньше, являлась представительским органом и существенной роли в управлении не играла, а должна была лишь быстро и четко реализовывать в законодательном порядке те решения, которые принимало Политбюро.

Послевоенные годы сталинского правления, названные историками «поздним» или «зрелым» сталинизмом, характеризовались многочисленными аппаратными реорганизациями, которые были связаны с попытками повысить эффективность огромной и громоздкой партийно-государственной машины. Отражением этой тенденции явилось создание в Политбюро и в Совете Министров узких руководящих групп, фактически подменявших собой эти органы. Официально они назывались комиссиями, но между собой Сталин И.В. и его соратники называли их по числу членов «шестеркой», «семеркой» или «восьмеркой». Первоначально такая комиссия была создана в Политбюро в декабре 1945 года для рассмотрения вопросов внешней политики, но затем она получила полномочия выработки задач «внутреннего строительства и внутренней политики». Включение кого-либо из руководителей в такую комиссию означало максимальную степень приближения к вождю. В отличие от формального Политбюро, которое в полном составе стало собираться крайне редко, комиссия заседала регулярно (чаще всего в кремлевском кабинете Сталина) и обсуждала ключевые вопросы, подлежавшие ведению Политбюро. Продолжением этой практики стало выделение из Президиума ЦК КПСС, образованного в октябре 1952 года вместо Политбюро,

Бюро Президиума ЦК КПСС. Аналогичная узкая руководящая группа в Совете Министров СССР называлась в разные периоды Бюро, Президиум или Бюро Президиума Совета Министров и заседала регулярно в установленные дни. В связи с усложнением функций государственного управления в правительстве создавались отраслевые бюро при Совете Министров, возглавлявшиеся заместителями председателя Совмина, многие из которых являлись одновременно членами Политбюро. (Например, Бюро по металлургии и химии, возглавлявшееся замом председателя Совмина и членом Политбюро Вознесенским Н.А.) Отраслевые бюро контролировали и координировали деятельность различных групп министерств, представляя их интересы.

Во всей этой иерархии власти Сталин И.В. оставался ключевой фигурой в процессе принятия важнейших решений и нередко реализовал свои замыслы единолично. Ни разу и никто из членов Политбюро не позволил себе оспорить вопросы, согласованные со Сталиным И.В., хотя сам вождь неоднократно изменял постановления, принятые членами Политбюро и направленные ему для утверждения. Определенная «коллективность руководства» сохранялась лишь в том, что члены Политбюро голосовали «опросом», то есть визировали проект документа или сообщали исполнителю свое мнение, которое помечалось на этой бумаге. Вполне очевидно, что такая процедура являлась одним из методов контроля за соратниками и устанавливала «коллективную ответственность» за фактически единоличные решения.

Проблема для высших советских руководителей во все времена заключалась в том, что они никогда не могли предугадать, как обернется к ним «отцовская» милость или немилость «хозяина», чье личное доверие, по словам «провинившегося» однажды Молотова В.М., являлось «доверием партии», которое «дороже жизни». Решения и действия, еще недавно считавшиеся правильными, в какой-то момент по сталинскому указанию могли быть объявлены «ошибочными» и «антипартийными». Это заставляло высших руководителей действовать осторожно, избегая серьезных инициатив. Нападки Сталина на своих ближайших соратников, являвшихся политическими символами Советской власти, не предавались огласке, и о них высокопоставленное окружение порой только догадывалось, поскольку любая критика в адрес Политбюро и его членов означала подрыв самих основ режима. Зато максимальный уровень публичной критики (как сверху, от высших властей, так и снизу — в письмах трудящихся) достигал министерств, всегда

виноватых во всех бедах. В то же время вся система сталинской власти в значительной мере держалась на огромных усилиях административно-карательного аппарата, который повседневно и в чрезвычайном режиме компенсировал отсутствие многих других стимулов развития производительных сил общества. Напряженная и даже самоотверженная деятельность партийных и советских функционеров всех уровней являлась условием работоспособности партийно-государственного аппарата по претворению в жизнь масштабных замыслов вождя [63].

В первый послевоенный год на Украине, в Крыму, Молдавии, Сталинградской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Рязанской, Саратовской Куйбышевской, Пензенской, Ульяновской, Тульской, Брянской областях, в Забайкалье и на Дальнем Востоке, Северном Дону и в Ставропольском крае погибли от засухи большие площади зерновых культур, а в Сибири и Казахстане из-за дождей урожай собирали медленно, с большим опозданием или вообще оставили на полях. В связи с этим в стране разразился голод. Жертвами этого бедствия стали прежде всего жители сельских местностей, которые не имели карточного, государственно-распределительного обеспечения. Сдавая всю сельхозпродукцию колхозов государству и выплачивая значительные натуральные налоги со своих хозяйств, крестьяне не имели ни гарантированной оплаты деньгами, ни натуральной оплаты в достаточных объемах.

Вместе с тем решение всех возникавших проблем высшее руководство страны искало в выполнении намеченных грандиозных планов любой ценой, и в первую очередь за счет ужесточения внутренних порядков. 27 июля и 25 октября 1946 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба, исполнение которых легло на Министерства юстиции и внутренних дел. Судебным органам был отдан приказ рассматривать все дела по кражам в десятидневный срок и со всей строгостью применять устаревший закон от 7 августа 1932 года. В ноябре-декабре 1946 года по этим мотивам были осуждены к большим срокам заключения более 53 тысяч человек, в большинстве колхозников. Тысячи председателей колхозов арестовали за «саботаж кампании по заготовкам». В условиях, когда в некоторых областях Украины, Центральной России и Молдавии разразился голод, было запрещено пользоваться индивидуальными участками сверх разрешенной нормы.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения

государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» вводились наказания в виде лишения свободы на срок от 7 до 25 лет, в зависимости от того, как была совершена кража: индивидуально или коллективно, в первый раз или по рецидиву. Секретным циркуляром Совета Министров действие первого из этих указов распространялось даже на мелкие кражи на производстве. За счет этого рабочие и служащие, ставшие «несунами» (то есть вынесшими что-либо с предприятия), приговаривались не к одному году тюрьмы (как предусматривалось законом от 10 августа 1940 года), а от 7 до 10 лет заключения, причем при краже повторной или совершенной группой — до 25 лет исправительно-трудовых лагерей. На основании этих указов только во втором квартале 1947 года были осуждены более 380 тысяч человек (из них 21 тысяча несовершеннолетних), а всего к 1953 году «получили срок» за воровство 1,5 миллиона человек (из них 400 тысяч женщин и несовершеннолетних), что в составе ГУЛАГа достигало до 25 процентов осужденных. Одним из последствий применения указов явилось то, что наказание получили солдатские вдовы с малолетними детьми, инвалиды, подростки, стащившие из-за голода буханку хлеба или несколько яблок в колхозном саду. 22 апреля 1949 года пришлось даже проводить секретную частичную амнистию «воровок», чьи дети воспитывались в «домах младенца». Впрочем, МВД каждый год стремилось освободить лагеря от «балласта», то есть от слабосильных и больных, имевших небольшие сроки наказания, но не способных выполнять тяжелую физическую работу.

Суровым элементом репрессивной политики явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Теперь, в основном, «антисоветские элементы» после окончания срока своего наказания отправлялись в отдаленные районы либо принудительно оставлялись в качестве вольнонаемных в тех краях, где сидели, если оттуда дальше ехать было некуда [37].

Интересный выход из кризисного состояния колхозного производства нашел первый секретарь ЦК компартии Украины Хрущев Н.С. Он предложил выселять в отдаленные районы лиц, злостно уклонявшихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. На основании этой инициативы Президиум Верховного Совета СССР 21 февраля 1948 года принял указ об изгнании из колхозов Украинской ССР и отправке в ссылку всех «паразитов и

тунеядцев», то есть колхозников, не вырабатывавших положенного минимального количества трудодней. Летом того же года эту меру распространили на всю страну. Предполагалось, что колхозники на собраниях сами выгонят своих «нахлебников», как это делала дореволюционная крестьянская община. Несмотря на сопротивление и нежелание «участвовать в репрессиях», колхозные собрания все же сразу после выхода указа «сдали» более 27 тысяч «бездельников», которых сослали в среднем на 8 лет. В дальнейшем данный закон применялся ограниченно, и потому к 1953 году таких сосланных набралось 35 тысяч человек [64].

В тот же самый день, 21 февраля 1948 года Сталин И.В. подписал постановление Совета Министров СССР «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные районы СССР». Эти места заключения предназначались для содержания осужденных к лишению свободы «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности». Первоначально общая численность заключенных особлагов составляла 100 тысяч человек, потом увеличилась в два с половиной раза.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года значительно ужесточилось наказание за побег ссыльных и спецпоселенцев из мест пребывания: теперь предусматривалось не 8 лет заключения, а 20 лет каторжных работ [38].

В соответствии с правительственными постановлениями непрерывно пополнялось и так уже огромное число спецпереселенцев, которых вывозили из Прибалтики, Закавказья, Молдавии, Западной Украины, Западной Белоруссии и других мест. Общее количество депортированных только в послевоенные годы, которых МВД в соответствии с решениями партии и правительства должно было переселить, обустроить и контролировать, оценивалось примерно в 380–400 тысяч человек. Все приказы и действия Министерства внутренних дел осуществлялись во исполнение принятых партией и правительством решений, краткий перечень которых нами приведен выше.

Внутренние вопросы Страны Советов невозможно рассматривать в отрыве от международного положения, от той политики, которую проводили главные мировые державы в послевоенный период. Как, в общем- то, и следовало ожидать, после победы над Германией во взаимоотношениях между союзниками постепенно возникли серьезные проблемы, поскольку совершенно разных принципов придерживались политическое руководство Советского Союза, США, Великобритании, Франции и других ведущих и малых стран мирового сообщества. Основная причина всех конфликтов заключалась в том, что коммунистическое руководство стремилось решить глобальную задачу о переустройстве всего мира на социалистической основе, а ведущие капиталистические страны хотели уничтожить неприемлемый для них советский строй и завоевать для себя абсолютное господствующее положение. При этом обе стороны постоянно говорили о демократии и защите мирных процессов, но своими действиями вели дело к военной конфронтации. Ядерное оружие, которым после войны монопольно владели Соединенные Штаты Америки, являлось политическим средством давления на Советский Союз. Если в 1946 году, несмотря на достаточно провокационное выступление бывшего премьер-министра Черчилля в Фултоне, еще велся поиск путей взаимоприемлемых решений, то с начала 1947 года уже обозначился открытый конфликт между СССР и США в духе «холодной войны». Причем разжигание страстей велось как с одной, так и с другой стороны. Летом 1947 года США провозгласили программу помощи европейским странам, наиболее пострадавшим от нацистской агрессии, или «план Маршалла». Однако Советский Союз в число этих стран не входил, поскольку имел «положительный баланс бюджета». Под давлением Москвы политическое руководство ряда стран Центральной Европы (Румынии, Венгрии, Албании, Болгарии, Югославии, Польши, Финляндии и Чехословакии) отказались от участия в «плане Маршалла», поскольку проведение его в жизнь означало подчинение экономическому и политическому контролю со стороны США. Так сложилось два лагеря, в советской терминологии: «империалистический и антидемократический во главе с США» и «антиимпериалистический и демократический во главе с СССР». Конфронтация в международных отношениях нарастала. Руководство Соединенных Штатов Америки в своих долгосрочных программах разрабатывало меры, которые позволили бы «Советский Союз сделать и держать слабым в политическом, военном и психологическом отношении». Намечались планы ядерной войны против нашей страны, при

начале которой должны быть сброшены атомные бомбы на Москву, Ленинград и другие важные промышленные центры.

В сложившихся условиях советское руководство стремилось принять все меры для повышения экономической и военной мощи Страны Советов и для быстрейшего создания собственного атомного оружия, позволявшего ликвидировать монополию США в данном вопросе.

Вот в такой внутренней и международной обстановке в послевоенные годы действовало под руководством Круглова С.Н. Министерство внутренних дел СССР. Сохраняя на первом этапе функции по поддержанию общественного порядка в стране, МВД постепенно становилось административно-хозяйственным ведомством. Такая трансформация была вызвана тем, что в распоряжении именно данного министерства сосредоточилась многомиллионная армия абсолютно «пролетарской» рабочей силы, то есть заключенных и военнопленных, не имевших «ни кола ни двора», но состоявших в своей основной массе из самых работоспособных мужчин. Эту «армию» хотя и требовалось надежно «окарауливать», зато достаточно легко можно было перемещать за короткое время в заданный район и заставлять «с энтузиазмом» выполнять порученную работу, правда, часто малоквалифицированную. Но были и весьма грамотные заключенные, большие специалисты в области самолетостроения, разработки двигателей, оружия, броневых сталей и так далее, которые трудились в специальном конструкторском бюро в «прекрасной» творческой обстановке. Помимо этого в распоряжении МВД находилось огромное количество спецпереселенцев, которые могли иметь свою семью и собственное хозяйство, но также являлись приписанными к определенному району подневольными тружениками.

В дополнение к такой массе людей в составе министерства подобрались умелые руководители, которые могли рационально организовать работу огромных коллективов.

18. Милицейские проблемы

Охрана общественного порядка силами милиции всегда являлась одной из проблем, которая требовала и требует к себе постоянного внимания со стороны руководства Министерства внутренних дел. Особенность этой проблемы состоит в том, что органы милиции наиболее тесно связаны с повседневной жизнью населения и постоянно находятся на виду у всех. В результате любое неправомерное действие хотя бы одного стража порядка тут же негативно распространяется досужими разговорами на всю систему в целом. С другой стороны, именно работникам милиции постоянно приходится защищать нас от неприятностей, выручать из беды, иметь дело с бытовыми скандалами, сражаться, порой рискуя собственной жизнью, с преступными элементами и контактировать со всеми «отбросами общества». На такую работу далеко не всегда соглашаются порядочные люди, рассчитывающие на собственный успех в иных сферах деятельности. Вот поэтому в милицию часто и попадают лица, не обладающие достаточно высокими моральными качествами. Это, безусловно, отражается на авторитете данного правоохранительного органа. Помню, еще в детстве мы, если бывали недовольны кем-то, говорили ему: «Ты кто — человек или милиционер?»

В послевоенные годы в стране возникла сложная криминальная обстановка, что пришлось учитывать в соей повседневной работе наркому — министру внутренних дел Круглову С.Н. Прежде всего это было связано с изменением социально-психологического климата, когда величайшее физическое и нравственное напряжение в период войны привело к серьезным изменениям в сознании общества в целом. А после того как многие посмотрели на жизнь в Европе, появилось настроение немедленно, любыми путями повысить свой уровень жизни. С другой стороны, в среде огромной массы населения ощущалась острая нехватка продуктов питания, одежды, обуви. В результате резко возросла уголовная преступность, выразившаяся в воровстве, грабежах, спекуляции, коррупции, стяжательстве, в том числе и среди высших должностных лиц. В центральные органы власти, в редакции газет шел поток писем с «острыми сигналами» граждан о неблагополучном положении дел в Новосибирске, Саратове, Москве, Пензе, Никополе, Днепропетровске, Подольске, Архангельске, Челябинске, Владимире и многих других городах. «За последнее время, — сообщалось в одном из таких посланий, — в Новосибирске

распоясались преступные и уголовные элементы. Пользуясь беспечностью и благодушием ряда милицейских работников, преступники так обнаглели, что совершают кражи и грабежи не только в ночное, но и в дневное время». Повсеместно шайки бандитов орудовали безнаказанно, терроризируя местное население. С наступлением темноты люди боялись выходить на улицу. В ряде городов (Саратов, Архангельск и другие) пустовали кино и театры, срывались культурно-массовые и политические мероприятия. Детей, учившихся в вечерних сменах, родители не отпускали в школу. Студенты, проживавшие далеко от своих учебных заведений, не посещали вечерних лекций. Кроме улиц, бандиты орудовали в поездах пригородного и дальнего сообщения. Воры помимо оружия были снабжены бритвами и ножами, которыми вспарывали вещи пассажиров, а в иных случаях «гуляли» ими по «физиономиям пассажиров». Граждане возмущались тем, что органы милиции бездействовали или ограничивались фиксированием фактов о случившемся. Пострадавшие не встречали защиты и тщательного расследования преступлений. Бывали случаи, когда даже пойманные с поличным жулики и хулиганы не несли должного наказания. Большое беспокойство вызывала детская преступность. Трудящиеся требовали наведения порядка, «суровой кары бандитам и преступникам», создания нормальных условий для работы и отдыха.

Проверка статистических данных уголовных преступлений по Владимирской области показала, что по социальному положению наибольшее количество преступлений совершали рабочие (40–50 %), колхозники (20–28 %), военнослужащие (5–6 %) и лица без определенных занятий (до 20 %). Молодежь среди привлеченных к уголовной ответственности составляла 65–70 % [65].

Некомплект личного состава милиции, нехватка юридически грамотных специалистов для борьбы с этим явлением, плохие условия для несения службы и бытового устройства, а порой и недисциплинированность самих работников охраны правопорядка, взяточничество и связь с преступным элементом требовали принятия неотложных мер. Интересно, милицейская статистика показывала, что перед войной, в 1940 году, уголовная преступность была гораздо выше, чем в послевоенные годы, причем почти в три раза. Тогда официально было зарегистрировано 1 253 947 происшествий криминального характера [65].

Начальниками Главного управления милиции Министерства внутренних дел в то время являлись комиссар милиции I ранга Галкин А.Г. (с 1941-го по 10 марта 1947 год), затем генерал-

лейтенант Леонтьев А.М. (до марта 1953 года).

В связи с тем, что кадровая проблема в милиции являлась самой острой, а решить ее в общегосударственном масштабе на том этапе не представлялось возможным, по заданию правительства стали предприниматься шаги для улучшения положения в отдельных регионах. Сначала меры по совершенствованию охраны общественного порядка и борьбе с преступностью органы внутренних дел начали реализовать в столице, а затем перенесли накопленный опыт в наиболее крупные и оживленные центры. 2 марта 1946 года правительство приняло постановление по Москве, касавшееся технического оснащения милиции, улучшения материально-бытового положения ее работников, строительства для них жилья, повышения окладов денежного содержания и др. В том же месяце вышло решение об улучшении работы милиции в курортных городах. Затем постановлением Совета Министров СССР от 9 августа 1947 года позаботились о материально-бытовом положении работников милиции в 12 городах страны: Москве, Ленинграде и их пригородных районах, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Вильнюсе, Кишиневе, Одессе, Архангельске, Мурманске и Владивостоке. В названных городах младший начальствующий состав и милиционеры комплектовались теперь из «наиболее дисциплинированных и проверенных военнослужащих Советской Армии и войск МВД», отслуживших действительную службу и имевших общеобразовательную подготовку не ниже семилетки. В начальствующий состав набирались лица, окончившие офицерские школы МВД или милиции. Министру внутренних дел предоставили право присваивать сотрудникам милиции этих городов такие же офицерские и сержантские звания, какие были установлены в МВД СССР. Для «привилегированной» милиции ввели новую форму одежды, а оклады по должности и званию, нормы продовольственного снабжения приблизили к тем, что имелись в войсках МВД и МГБ. В последующие годы «особый список» городов существенно расширился.

В связи с возникновением больших проблем с охраной железных дорог, подвижного состава и контроля пассажиропотока с конца 1945 года серьезное внимание стало уделяться укреплению транспортной милиции. Решением правительства от 16 ноября 1945 года при окружных управлениях железных дорог были созданы отделы транспортной милиции. Для обеспечения общественного порядка и борьбы с хулиганством и уголовной преступностью стали формировать маршрутные оперативные группы для работы в поездах и на станциях. Весной 1946 года выдача пропусков на проезд по железным дорогам (кроме

запретных и пограничных зон) была отменена, что привело к некоторому сокращению административного аппарата. Однако по решению правительства постановлением Совета Министров от 20 января 1947 года Транспортное управление милиции со штатом в 33 тысячи человек было передано из МВД в ведение МГБ [10].

Одной из первоочередных задач в послевоенное время являлось повышение общеобразовательного уровня работников милиции. Проблема оказалась весьма острой, поскольку подавляющее большинство сотрудников имели «низшее образование», а значительная часть являлись вовсе малограмотными. В связи с этим на места были посланы директивы, в соответствии с которыми местные органы народного образования обязывались «на свои средства и за счет своих фондов обучать и снабжать учебными пособиями работников милиции». Весь начсостав милиции, не имевший семилетнего образования, обязан был обучаться по школьной программе. Обучение организовывалось «за счет вечернего рабочего времени» из расчета 8 часов в неделю.

Поскольку заметного улучшения в работе с кадрами не происходило, 10 января 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал директиву «О мероприятиях по закреплению кадров на работе в органах милиции». В документе говорилось о том, что за годы войны милиция пополнилась новыми кадрами, квалификацию которых необходимо повышать. В то же время политотделы и политчасти неудовлетворительно проводили политико-воспитательную работу, в результате чего общеобразовательная подготовка работников оставалась слабой, забота о материально-бытовых условиях была неудовлетворительной. В качестве мер по улучшению состояния дел предлагалось для вновь принимавшихся в милицию ввести письменное обязательство прослужить не менее трех лет. Работников, уволенных по отрицательным мотивам, выселять из предоставленных им квартир. Предписывалось наладить снабжение сотрудников милиции топливом и овощами, открыть для них столовые по низким ценам. С целью закрепления кадров на длительные сроки для рядовых милиционеров ввели разряды с существенной разницей в оплате: первый разряд — для прослуживших 6 и более лет, второй — для прослуживших от 3 до 6 лет, третий — для всех остальных. За особые заслуги, подвиги, героические поступки предусматривался досрочный перевод в следующий разряд. Перед политорганами министр поставил задачу: «Довести до понимания каждым работником милиции почетной роли милиции, в повседневной работе укреплять личный авторитет рядового милиционера, повышать в

каждом из них чувство ответственности за надлежащее выполнение своего служебного долга» [11].

В связи с тем, что пополнение рядов стражей правопорядка сталкивалось на местах со значительными трудностями, министр внутренних дел Круглов С.Н. издал очередной приказ «О повышении требований к вновь поступающим на работу в органы милиции», который предписывал принимать «на должности начальствующего, оперативного состава и участковых уполномоченных, как правило, только с семилеткой». Следует отметить, что после войны на службу в милицию пришли бывшие партизаны, демобилизованные офицеры и солдаты, в числе которых были даже 24 Героя Советского Союза. Это обстоятельство благоприятно сказалось на укреплении дисциплины, повышении строевой выучки, боевого мастерства личного состава, но решающего улучшения качественного состава кадров не произвело, поскольку число этих закаленных в боях воинов было невелико, да они к тому же не были знакомы со спецификой оперативно-служебной деятельности.

Прекрасно понимая, что без повышения уровня образования сотрудников милиции невозможно наладить четкую и грамотную работу этого ведомства, министр Круглов С.Н. продолжал предпринимать усилия по организации профессиональной подготовки кадров. «Работать и учиться, учиться и работать!» — стало девизом тех лет. Применялись различные формы проведения занятий, при этом комплектовались учебные группы с учетом служебно-отраслевой специфики. Помимо активного обучения вновь принятых на службу была создана система переподготовки и повышения квалификации кадров. Начальствующий и оперативный состав занимался в процессе командирской учебы, рассчитанной на два года.

В 1947 году министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал два приказа, в которых намечался широкий комплекс мер по развитию системы подготовки и переподготовки руководящих и оперативных кадров. В качестве недостатка было отмечено, что существовавшие школы не стали основной базой подготовки квалифицированных оперативных работников, выпускники не имели среднего юридического образования, теоретическое обобщение опыта оперативной работы не проводилось. Приказами предусматривалось в течение 4–5 лет охватить системой школьного и заочного обучения весь руководящий и оперативный состав, включая наряду со специальными дисциплинами юридическую подготовку.

В этом, 1947 году и мой отец, работая в центральном аппарате Министерства внутренних дел и имея генеральское

звание, поступил в Высшую офицерскую школу МВД, чтобы после долгих и непростых лет заочного обучения к своему среднему техническому образованию добавить диплом юриста.

В связи с тем, что органам охраны правопорядка одним, без помощи общественности сложно было держать ситуацию под контролем, принимались меры, направленные на укрепление бригад содействия милиции (БСМ), которые в предвоенные годы положительно зарекомендовали себя в охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В приказе наркома внутренних дел от 17 января 1946 года «Об усилении борьбы с преступностью» говорилось о развитии организационных форм связи милиции с общественностью. Руководители местных органов внутренних дел стали принимать меры по организации на предприятиях и в учреждениях широкой сети БСМ. В работу активно включился комсомол, для дежурства и патрулирования улиц привлекались молодежные активисты, демобилизованные воины Советской Армии, бывшие бойцы истребительных батальонов, что превратило бригады содействия милиции в работоспособные формирования. Одновременно бригадмил явился одним из источников комплектования кадровой милиции.

В директиве министра внутренних дел об усилении борьбы с уголовной преступностью, хулиганством и нарушением паспортного режима ставилась задача не оставлять не раскрытыми не только тяжкие преступления, но и кражи, «какими бы мелкими они ни были». Этому должны были способствовать усиление паспортного режима, постановка на учет не работавших более 3 месяцев, введение в наиболее напряженное с оперативной точки зрения время суток патрулирования улиц. Усилиями сотрудников уголовного розыска и других служб милиции удалось ликвидировать воровские, грабительские шайки, которые действовали в Ленинграде, Краснодаре, Ростове, Казани и ряде других городов. С помощью общественности органы милиции организовали изъятие оружия у населения и сбор военного имущества на полях сражений, что предотвратило многие разбойничьи нападения.

В то время уголовный розыск, как важнейшая составная часть милицейской службы, переживал наибольшие трудности, поскольку из его рядов в период войны ушли много квалифицированных специалистов. В 1947 году Министерство внутренних дел пересмотрело штаты отделов уголовного розыска в направлении увеличения их численности и приняло меры к возвращению на прежнюю работу оперативных сотрудников, оказавшихся в других подразделениях милиции. Улучшилась информационно-аналитическая работа, что позволило аппаратам

уголовного розыска обобщать данные о состоянии преступности, вскрывать основные причины возникновения антиобщественных явлений. Для совершенствования подготовки личного состава уголовного розыска во всех республиканских, краевых и областных управлениях милиции были созданы криминалистические музеи, явившиеся базой для накопления опыта оперативной работы и проведения занятий. Помню, в школьные годы наш класс с большим интересом побывал в таком московском музее. В результате принятых мер в относительно короткие сроки удалось добиться заметного укрепления уголовного розыска, улучшения его материально-технического и бытового обеспечения.

Послевоенная разруха, усугубленная неурожаем 1946 года, предопределила основные направления деятельности аппаратов по борьбе с хищениями социалистической собственности (БХСС). В августе 1946 года министр внутренних дел направил на места директиву, обязывавшую активизировать оперативно-разыскную работу по борьбе с кражами и разбазариванием хлеба. В связи с тем, что не повсеместно были приняты необходимые меры, правительство возложило на МВД ведущую роль в этом вопросе. Силами оперативного состава была организована систематическая проверка сохранности хлеба, выделены работники для обслуживания перевозок урожая.

Большую опасность представляла тогда спекуляция, которой чаще всего занимались лица, нигде не работавшие, но получавшие «товар» от работников торговых и снабженческих организаций либо просто похищавшие государственную и личную собственность. Наиболее распространенными видами спекуляции были скупка и сбыт сельскохозяйственных продуктов, скота и промышленных товаров. Часто предметом кражи и незаконной торговли являлись продуктовые и промтоварные карточки. Милиция выявляла спекулянтов, преграждала им путь на рынки. В ходе денежной реформы 1947 года увеличилось число случаев изготовления и сбыта фальшивых денежных знаков. 28 июля 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. издал приказ «О мерах по усилению борьбы с фальшивомонетничеством», в соответствии с которым ставились на учет все ранее судившиеся за этот вид преступления, а также заподозренные или могущие по характеру своей деятельности быть причастными к такому делу.

Тяжкими последствиями войны явились детская беспризорность и безнадзорность и высокий уровень преступности в среде несовершеннолетних. Неурожай 1946 года и вызванный им голод обусловили в ряде регионов значительное увеличение бездомных детей. Работой в данной области в той

или иной мере занимались все службы милиции, но прежде всего подразделения, специализировавшиеся на детском вопросе.

4 февраля 1948 года министр внутренних дел Круглов С.Н. представил на имя Сталина И.В., Молотова В.М., Берия Л.П., Вознесенского Н.А., Жданова А.А. и Кузнецова А.А. докладную записку, в которой сообщил «о состоянии уголовной преступности по Союзу ССР за 1947 год и о проделанной органами МВД работе по борьбе с уголовной преступностью». Указывалось, что в 1946 году было зарегистрировано 546 275 уголовных преступлений, а в 1947 году — 453 165, или на 17 % меньше. Наиболее распространенными являлись «простые кражи» (то есть без предварительного сговора, организации банд и т. п.), затем шли «кражи квалифицированные», за ними следовали кражи скота, карманные кражи и невооруженные ограбления, дерзкие формы хулиганства, бытовые убийства и мошенничество. Наиболее тяжкими являлись убийства с целью ограбления и вооруженные ограбления. Если квалифицированные и карманные кражи, а также уличное хулиганство в 1947 году удалось сократить, то количество убийств с ограблением и скотокрадство даже возросли. За совершенные преступления в течение отчетного года к уголовной ответственности привлекли 567 897 человек, из которых были арестованы 419 320 человек. Среди несовершеннолетних преступность сократилась на 37 % (а по сравнению с предвоенным годом — на 60 %). Отмечалось, что почти половину преступлений совершили дети, находившиеся на иждивении родителей.

В докладе министра указывалось, что в 1947 году Министерство внутренних дел провело следующие мероприятия по борьбе с преступностью. В республики, края и области, наиболее неблагополучные в криминальном отношении, выезжали группы руководящих и оперативных работников МВД и Главного управления милиции. Оперативная работа органов милиции направлялась в первую очередь «на предупреждение уголовных преступлений, отрыв из-под влияния преступных элементов лиц, ранее не судившихся, и на повышение раскрываемости совершенных преступлений». В борьбе с уголовной преступностью стали более широко использоваться служебно-разыскные собаки. С целью предотвращения краж из магазинов, складов и баз проверялась сторожевая охрана. При этом были отстранены от работы более 12 тысяч сторожей, в числе которых были обнаружены ранее судимые, а также «престарелые и имеющие серьезные физические недостатки, препятствующие несению сторожевой службы». В отношении должностных лиц, не принимавших должных мер к обеспечению

сохранности товаров и ценностей, направлялись сообщения в местные советские и партийные органы. Во всех городах страны была улучшена постовая служба милиции, усилено конное и пешие патрулирование на улицах и в окраинных районах в ночное время. Введено обязательное круглосуточное дежурство дворников и домовой администрации. В общественных местах около театров, кино, клубов выставлялись милицейские посты и группы из бригад содействия милиции. Значительно усилилась работа по поддержанию паспортного режима, для чего были проверены более 45 миллионов домов, бараков и общежитий, а также 60 тысяч предприятий, учреждений и организаций. В результате удалось выявить 1385 тысяч нарушителей (50 тысяч из которых привлекли к уголовной ответственности) и почти две с половиной тысячи должностных лиц, управляющих домами и комендантов, способствовавших нарушителям. Была проведена большая работа по изъятию у преступного элемента и населения нелегально хранившегося оружия: за год конфисковали 6582 пулемета и автомата, 89 799 винтовок, 76 434 револьвера и пистолета, 17 229 единиц холодного оружия и большое количество боеприпасов.

В результате проведения в жизнь указанных мероприятий Министерству внутренних дел удалось, начиная со второго квартала 1947 года, добиться повсеместного и последовательного снижения уголовной преступности [65].

По окончании Великой Отечественной войны в народное хозяйство поступило значительное количество автомобилей как за счет расформирования воинских частей, так и в результате производства их промышленностью. Органы милиции проводили работу по поддержанию должного порядка в автохозяйствах и обеспечению безопасности движения на дорогах, а также пресекали попытки использования транспорта в корыстных целях.

Вместе с тем руководство страны решило органы внутренних дел, перегруженные другими многотрудными задачами, освободить от выполнения, пожалуй, самой главной функции этого ведомства по поддержанию общественного порядка и постановлением Совета Министров СССР от 13 октября 1949 года произвело передачу из МВД в МГБ пограничных войск и милиции [11].

19. Главное управление лагерей

По состоянию на 1 января 1946 года Главное Управление лагерей (ГУЛАГ) МВД СССР отвечало за работу 42 управлений исправительно-трудовых лагерей, занимавшихся строительством (УИТЛ-строительств), 26 Управлений исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК), 11 контор управления снабжением. «Штатная положенность» личного состава, обеспечивавшего трудовое использование и охрану ИТЛ К, равнялась 330 438 единицам, из которых 10 процентов являлись вакантными. Начальником ГУЛАГа в этот период (начиная с февраля 1941 года) являлся генерал-лейтенант Наседкин В.Г. [38].

Окончание Великой Отечественной войны, амнистия 1945 года и отмена ряда ограничений на освобождение бывших заключенных позволяли надеяться на изменение ситуации в ГУЛАГе. Действительно, в начале 1946 года количество заключенных в лагерях НКВД оказалось минимальным и составляло около 600 тысяч человек, к этому в лагерях УИТЛК местных органов внутренних дел находилось 400 тысяч заключенных. Зато число военнопленных достигало двух с половиной миллионов человек плюс 600 тысяч репатриантов и около 150 тысяч интернированных. Приказом НКВД СССР от 24 января 1946 года в состав ГУЛАГа передали Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ), за которым числились порядка 200 тысяч бывших военнослужащих, число которых по мере проведения проверки постепенно уменьшалось. Вот такой огромный контингент подневольной рабочей силы имелся в распоряжении только одного главка МВД СССР.

В последние годы сталинского правления не произошло ни одного крупного процесса или массовой операции, напоминавших собой «большой террор» предвоенного времени, однако постепенно именно в этот период спецпоселения и лагеря ГУЛАГа достигли наибольшего «наполнения». По состоянию на 1 апреля 1946 года количество заключенных в местах лишения свободы превысило полтора миллиона человек. Данные ежеквартальной сводки серьезно озадачили министра внутренних дел Круглова С.Н., и он поручил своему заместителю, наблюдавшему за работой ГУЛАГа, разобраться с ситуацией.

27 мая 1946 года генерал-полковник Чернышов В.В. представил докладную записку, в которой отразил динамику движения заключенных с момента объявления амнистии летом 1945 года по текущее время. Оказалось, что по амнистии освободили 650 тысяч человек, но в это же время начались новые

аресты за совершенные преступления, в результате чего количество заключенных существенно возросло. Так, за последние шесть месяцев были заключены под стражу и поступили в тюрьмы НКВД и лагеря ГУЛАГа 526 тысяч человек, из которых органы внутренних дел арестовали 64 %, а органы государственной безопасности — 12 % от указанного числа. Остальное падало на прокуратуру и взятие под стражу в зале суда. Из арестованных органами внутренних дел 89 % приходилось на территориальную и транспортную милицию.

Значительное количество арестов, произведенных милицией, свидетельствовало о возросшей ее активности в работе по борьбе с хулиганством, спекуляцией, скотокрадством, нарушениями паспортного режима и другими уголовными преступлениями. Причем количество арестованных почти равномерно распределялось по всей территории страны. Таким образом, можно было засвидетельствовать, что милиция повсеместно зорко стояла на страже существовавшего в ту пору законодательства.

В связи с ростом численности контингента Главное управление лагерей испытывало значительные затруднения в обеспечении заключенных продуктами и вещевым довольствием. Частично дефицит покрывался за счет посылок и передач от родных: МВД принимало этот вид помощи людям, лишенным свободы, беспрепятственно и в любом количестве.

В условиях недостатка рабочей силы, обусловленного огромными людскими потерями в годы войны, осужденные и военнопленные явились подневольными тружениками, использовавшимися на стройках по восстановлению объектов, разрушенных при ведении боевых действий. Одним из первых крупных сооружений, залечивших раны войны, явился Беломорско-Балтийский канал, о завершении восстановительных работ на котором министр внутренних дел Круглов С.Н. доложил Сталину И.В. 26 июня 1946 года.

Важнейшей задачей ГУЛАГа с этого времени стало обеспечение рабочей силой строек атомной промышленности, которые вел Главпромстрой МВД СССР, возглавлявшийся генерал-майором инженерно-технической службы Комаровским А.Н. К концу 1946 года в ведении этого главка было уже 11 специальных строительств, расположенных в Нарве, подмосковной Электростали, поселке Большая Волга (нынешняя Дубна), Челябинске, Сарове, Свердловске, Березниках и узбекском Чирчике. Объем работ по атомной программе, которую от МВД курировал заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант Завенягин А.П., был столь велик, что Главпромстрой освободили от других выполнявшихся им задач, передав

незаконченные объекты и материально-имущественные ценности тем министерствам, в чьих интересах велось строительство.

На 1 января 1947 года численность заключенных ГУЛАГа составляла 1 703 506 человек и продолжала нарастать. В связи с этим была увеличена «штатная положенность» главка. Вместе с тем в течение марта — сентября 1947 года все руководство постепенно заменили, и новым начальником ГУЛАГа стал генерал-майор Добрынин Г.П. [11]. Вызвано это было тем обстоятельством, что во все годы функционирования ГУЛАГа существовала определенная кадровая проблема, заключавшаяся в том, что набрать работников для постоянного проживания и несения службы в отдаленных местностях да еще с суровым климатом оказывалось не так- то просто. В связи с этим начальниками северных лагерей и строек часто назначали проштрафившихся или потерявших политическое доверие чекистов либо тех из них, кто был осужден и отбыл свой срок в зоне. В отношении последних говорили: «Кто может лучше знать лагерь, как не бывшие лагерники», — и их брали на работу в аппарат, даже в ряде случаев в центральные органы. Ясно, что в администрацию и охрану ИТЛ также шли, в основном, люди, не нашедшие себе достойного места «на материке», то есть в давно обжитых регионах. В связи с этим общеобразовательный и культурный уровень работников ГУЛАГа был значительно ниже, чем у сотрудников территориальных органов НКВД-МВД. Партийно-комсомольская прослойка в этом главке также являлась значительно меньшей (в 1946 году — 17,1 %), а перед войной здесь работали практически одни беспартийные. Для подготовки кадров только в 1944 году появилась Центральная школа ГУЛАГ, в которой к поступавшим предъявлялось лишь требование иметь образование в объеме 5 классов средней школы. В послевоенные годы несколько увеличилась доля инженерно-технических работников в высшем руководящем звене главка, хотя в целом почти три четверти состава имели «низшее образование», то есть умели кое-как читать и писать [38].

В таких обстоятельствах в целях обеспечения в местах лишения свободы нормальных условий для содержания заключенных министр внутренних дел Круглов С.Н. своим приказом от 4 января 1947 года создал при заместителе министра генерал-полковнике Чернышове В.В. инспекторскую группу по обследованию тюрем и исправительно-трудовых лагерей МВД. В состав этой группы из пяти человек входили назначавшиеся приказом офицеры центрального аппарата МВД. Для группы задачей, регламентировавшейся соответствующим Положением, являлось проведение периодических инспекторских обследований

тюрем и трудовых колоний. Каждый инспектор группы должен был не менее 20 дней в месяц находиться в командировках для проведения работы на местах в тех областях, которые были за ним персонально закреплены. Инспектирующий вне зависимости от плановых проверок, проводившихся руководством министерства, обязан был «в первую очередь и, главным образом, проверить»: санитарное состояние тюрьмы или колонии, содержание помещений для заключенных, санузлов и пищеблока; правильность распределения заключенных по камерам в тюрьмах в зависимости от характера их преступлений; состояние охраны и надзирательской службы; поддержание порядка и соблюдение со стороны администрации и охраны «революционной законности». По всем выявленным фактам нарушений инспектирующий должен был на месте немедленно и «с особой тщательностью» произвести расследование. Положением устанавливалось, что во всех случаях, когда после инспектирования будут вскрыты факты нарушения революционной законности, инспектирующий понесет «персональную ответственность» [38].

Не сразу и несмотря на трудное послевоенное время, но в местах лишения свободы удалось создать для подневольных тружеников приемлемые условия жизни, которые на мой вопрос инспектор Лагерного управления ГУШОСДОРа Васильева О.В. охарактеризовала «терпимо тяжкими» [1]. Дома, в кругу семьи, Сергей Никифорович как-то рассказывал, что Хрущев Н.С. пожаловался на него Сталину И.С. Недоволен тогда Никита Сергеевич оказался тем, что, как он выразился: «Заключенные в лагерях МВД живут лучше, чем вольнонаемные рабочие». Вождь народов сразу отпарировал: «Так создайте для вольнонаемных нормальные условия».

Еще в октябре 1945 года в Комитете по делам архитектуры при СНК СССР состоялось первое послевоенное заседание Государственного архитектурного совета, в котором приняли участие видные архитекторы и народные художники. Учитывая то, что в грядущей пятилетке ожидалось ведение жилищного строительства в огромных масштабах, предлагалось в качестве основного вида массовой застройки в столице возводить двух- и четырехэтажные дома из кирпича и шлакобетона. Однако против этого плана выступил Сталин И.В., обратив внимание на то, как будет выглядеть двухэтажная Москва из шлака. Вождь представлял себе столицу иначе: «Многоэтажным, светлым, красивым городом». В результате строительную программу пересмотрели, и было предложено на наиболее оживленных магистралях и набережных Москвы построить высотные дома, а

на Воробьевых горах — здание университета. В начале 1947 года макеты высотных домов были представлены вождю и с некоторыми поправками одобрены. После выхода постановления Совета Министров СССР о возведении высотных домов было решено, что строить их будут различные министерства. Однако не все министры стремились получить почетный заказ, понимая, что это дело новое, непривычное и необычное. Тогда министр внутренних дел Круглов С.Н. предложил поручить ему строительство всех высотных зданий, поскольку в МВД имелось достаточное количество квалифицированных кадров и рабочих, просматривалась возможность поставки необходимых объемов строительных материалов, а также, как он высказался, «накоплен кое- какой опыт». Однако этому решительно воспротивился первый секретарь Московского обкома и горкома партии и одновременно председатель исполкома Моссовета Попов Г.М. (бывший коллега Круглова С.Н. по Военному совету Резервного фронта), отвечавший по поручению Центрального Комитета партии за строительство высоток, который сказал: «Заключенные Москву строить не будут!» В результате приняли компромиссное решение: Министерство внутренних дел строит два объекта — Московский государственный университет (МГУ) на Воробьевых горах и жилое здание на Котельнической набережной, Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии — жилое здание на площади Восстания, Министерство авиационной промышленности — гостиницу «Украина», Министерство путей сообщения и Министерство иностранных дел — собственные административные здания, соответственно, у Красных Ворот и на Смоленской площади.

Одновременно с высотками московские архитекторы приступили к проектированию многоэтажных жилых домов. Главная идея в концепции застройки новых районов заключалась в том, что квартиры должны быть благоустроенными, просторными, оборудованными по последнему слову техники. Предложение о строительстве красивых, «достойных москвичей» домов, созданных по индивидуальным проектам, поддержал Сталин И.В., который выдвигал главное требование: чтобы по красоте Москва могла поспорить с любой столицей мира. Несколько таких жилых домов было построено силами Министерства внутренних дел [51].

Помимо этого ИТЛ, выделенные в состав Главного управления лагерей промышленного строительства (ГУЛПС), занимались сооружением в Москве научных и производственных зданий института Геохимии имени Вернадского Академии наук СССР, Физического института Академии наук (ФИАН),

гидротехнической лаборатории АН, института имени Карпова, Научно-исследовательского вакуумного института, Гознака на Мытной улице, Центрального государственного архива на Большой Пироговской улице и многих других.

Уголовно-исправительная система МВД постоянно получала от советского правительства все новые и новые крупные задания. Так, постановлением Совета Министров СССР от 1 марта 1947 года Министерству внутренних дел от Министерства угольной промышленности восточных районов СССР передавались три лесозаготовительных треста «Северокузбасслес», Южкузбасслес» и «Молотовшахтолес», лесопильные заводы, лесоперевалочные комбинаты и другие подсобно-вспомогательные производства. Причем сдачу-приемку указанных предприятий предписывалось «произвести на ходу, в месячный срок, с установленными для них планами, всеми зданиями, сооружениями, материально-техническими ресурсами, товаро-материальными ценностями, транспортными средствами, а также рабочей силой, штатом инженерно-технических работников и служащих». Но теперь вместо двух первых из указанных трестов следовало организовать исправительно- трудовые лагери — Севкузбасслаг и Южкузбасслаг, а третий трест включить в состав Широклага. В связи со столь значительным увеличением объема работы на базе существовавшего управления было организовано Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) МВД СССР, штат которого увеличился на 20 работников, переданных для преемственности из Министерства угольной промышленности. Во исполнение упомянутого постановления Совета Министров приказом министра внутренних дел от 4 марта 1947 года предписывалось начальников на ключевые должности вновь создававшихся лагерей «назначить немедленно», на остальные номенклатурные должности — в течение месяца, полностью укомплектовать штат ГУЛЛП до 1 июня сего года. Начальником нового главка стал прежний начальник «лесного управления» генерал-майор Тимофеев М.М. Приказом МВД в месячный срок предлагалось составить промфинпланы, пересмотреть общую смету, начать промышленное и гражданское строительство. Далее следовало обеспечить для вновь организуемых лагерей выделение «технических и строительных материалов, оборудования, вещдовольствия и предметов хозобиходов», а также «150 тонн колючей проволоки для строительства зон». Начальнику ГУЛАГа предписывалось «завезти по заявкам ГУЛЛП и в сроки с ним согласованные заключенных во вновь организуемые лагери в потребном количестве» и укомплектовать эти лагеря специалистами [38].

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 20 октября 1947 года в системе исполнения наказаний МВД организовали (точнее было бы сказать, восстановили ликвидированное в 1941 году) Главное управление лагерей гидротехнического строительства (Главгидрострой) со штатом центрального аппарата 174 человека. Приказом МВД СССР от 4 ноября 1947 года начальником Главгидростроя назначили генерал-майора инженерно-технической службы (итс) Рапопорта Я.Д., а главным инженером и первым заместителем начальника (одновременно начальником и главным инженером Гидропроекта) генерал-майора итс Жука С.Я., которые возглавляли этот главк еще до войны [10].

В качестве первоочередной задачи на Главгидрострой МВД СССР возложили строительство для Москвы Северной водопроводной станции и Курьяновской станции аэрации. Согласно предписанию Совета Министров СССР, первую очередь водопровода, дававшую 24 миллиона ведер воды в сутки, следовало ввести в эксплуатацию в 1950 году, а подачу вдвое большего объема воды предлагалось обеспечить в 1952 году. Курьяновскую станцию мощностью 40 миллионов ведер очистки в сутки необходимо было полностью ввести в строй в 1950 году. Конечно, такая объемная задача требовала принятия со стороны руководства МВД экстренных мер по подготовке проектов и смет важнейших строительств, огромной переброске рабочей силы, материально-технических и финансовых ресурсов в кратчайшие сроки. Министр внутренних дел Круглов С.Н. приказал «в месячный срок укомплектовать строительство названных московских станций, обратив на их укомплектование в первую очередь инженерно-технический и административно-хозяйственный состав, ранее работавший в системе Главгидростроя МВД СССР». Оперативные задания были даны многим начальникам главков, управлений, отделов и служб министерства. Так, например, министр предписывал «начальнику Планового отдела МВД СССР инженер-полковнику т. ПОПОВУ, начальнику Автотранспортного сектора МВД СССР инженер-подполковнику т. ГРИГОРЯНУ в 5-дневный срок представить мне на утверждение разнарядку (за счет изъятия из наличия в хозяйствах МВД) на выделение Главгидрострою 600 лошадей (с зимним и летним обозом и упряжью) и 120 технически годных грузовых машин». Всем начальникам главков и плановых органов предлагалось «выявить в месячный срок и передать Главгидрострою, по согласованию с ним, все бездействующее, излишнее как исправное, так и требующее ремонта оборудование, могущее быть использовано на строительствах Главгидростроя».

«Начальнику ГУЛАГа МВД СССР генерал-майору т. ДОБРЫНИНУ» было приказано обеспечить в 4-м квартале 1947 года укомплектование строительств «физически полноценной рабочей силой из состава заключенных в сроки и количествах по графику, согласованному с Главгидростроем».

Помимо возведения упомянутых московских станций в состав Главгидростроя МВД СССР были включены строительства Волго-Балтийского водного пути, Москворецкой водной системы, Широковской гидростанции, Опокского гидроузла, Волго-Донского канала и других объектов [34].

Однако не следует думать, что Министерство внутренних дел безропотно соглашалось на выполнение всех работ, которые ему поручались. Например, 14 мая 1947 года заместитель министра Чернышов В.В. представил «товарищу Круглову С.Н.» записку, в которой сообщил о рассмотрении на заседании Бюро по металлургии и химии Совета Министров СССР, которое возглавлял первый заместитель председателя Совета Министров СССР и председатель Госплана СССР Вознесенский Н.А., вопроса о строительстве МВД СССР новых предприятий. В записке говорилось о том, что на заседании упомянутого Бюро, посвященном вопросу развития производства минеральных удобрений, проектом постановления, представленным министром химической промышленности СССР тов. Первухиным М.Г., предусматривалось возложение на МВД СССР строительства Лисичанского и Новокемеровского химических комбинатов, Березниковского калийного комбината, Чирчикского электрохимического комбината, Днепродзержинского и Березниковского азотно-туковых заводов. В качестве мотивов выдачи таких поручений Первухин М.Г. высказал мнение, что все равно в этих местах строительные организации МВД (в том числе Главпромстрой) ведут работы, по окончании которых могли бы перебросить силы на новые объекты. Присутствовавший на заседании заместитель министра внутренних дел Завенягин А.П. возразил, что «Главпромстрой получил в 1947 году программу в три раза большую против 1946 года и эту программу пока не полностью обеспечивает своими ресурсами. Никаких дополнительных работ на Главпромстрой возлагать нельзя, так как предстоят еще новые дополнительные объемы работ по Первому Главному управлению (занимавшемуся атомной программой. — *Ю. Б.*). Совет Министров СССР в свое время этот вопрос рассматривал и вынес постановление воспретить возлагать какие-либо иные работы на Главпромстрой».

Автор записки Чернышов В.В., курировавший ГУЛАГ,

поддержал своего коллегу, сообщив следующее: «Записанные обязательства МВД СССР на эту пятилетку предусматривают огромный объем капитальных работ, которые, в связи с неудовлетворительным снабжением материалами в 1946–1947 годах, фактически переносятся на остальные три года пятилетки». По словам замминистра, исключительно большие задачи в этот период предстояли по железнодорожному строительству, включая железную дорогу Чум — Салехард с выходом к сооружавшемуся порту в районе Обской губы, строительство Байкало-Амурской магистрали и вторых путей Печорской железной дороги для ведения работ по развитию добычи воркутинских углей. К этому добавлялись серьезные проблемы по золотой промышленности, в том числе по Главспеццветмету и Дальстрою, которые также переходили на вторую половину пятилетки. Продолжались начавшиеся еще в 1938 году работы по развитию ухтинского нефте- и газового месторождения. Оставались не выполненными значительные планы по прокладке шоссейных дорог, а в ближайшее время подлежали репатриации все военнопленные, приписанные к ГУШОСДОРу. При этих условиях объемы работ для МВД возрастали «до исключительно больших размеров», а возможности и ресурсы, даже в отношении рабочей силы, существенно сокращались. «Поэтому, — делал вывод Чернышов В.В., — никаких новых дополнительных обязательств возлагать на МВД СССР не следует».

В заключение совещания Вознесенский Н.А. заявил, что, по-видимому, Министерству внутренних дел «придется чем-то помочь». В результате «для рассмотрения вопроса в целом» была создана комиссия, в состав которой включили министра внутренних дел Круглова С.Н. с поручением представить свои предложения через месяц. Практически от всех «внеплановых» работ МВД удалось отбиться [63].

Очень сложным для ГУЛАГа явился 1948 год. В условиях обострения «холодной войны» началась борьба с возможными проводниками западного влияния. В связи с этим правительством было решено наиболее активных врагов Советской власти содержать в более строгой изоляции от общества. Во исполнение личного указания Сталина И.В. 27 января 1948 года министр внутренних дел Круглов С.Н. и министр государственной безопасности Абакумов В.С. представили вождю свои предложения по этому вопросу. В результате 21 февраля 1948 года вышло постановление Совета Министров СССР «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в

отдаленные местности СССР». Места лишения свободы «нового типа» предназначались для содержания осужденных «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп, а также лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности». По сравнению с обычными ИТЛ в особых лагерях вводились повышенные меры охраны, запрещались все льготы, например, такие, как сокращение сроков наказания. Заключенных этих лагерей предписывалось использовать только на тяжелой физической работе, причем за свой труд они не должны были получать никакого вознаграждения.

Первоначально было организовано пять особых лагерей с общей численностью «наполнения» до 100 тысяч человек. На местах создали комиссии из представителей МВД, МГБ и прокуратуры, которые отбирали заключенных, подлежавших переводу в эти лагеря. Строгий контроль за поведением контингента обеспечивался организованными при лагерях отделами МГБ, которые вели свою работу «с целью пресечения попыток продолжения заключенными вражеской работы из лагерей, а также выявления оставшихся на свободе связей и их разоблачения». Однако с созданием особых лагерей у МВД возникли значительные трудности, поскольку в ряде случаев не хватало строений для размещения заключенных и охранявших их конвойных войск, а для возведения заграждений в соответствии с новыми требованиями не оказалось необходимого количества колючей проволоки. Вместе с тем число особых лагерей постепенно росло, и к концу 1952 года их стало уже 12, содержавших 221 435 «особо опасных» заключенных [38].

В январе 1950 года министр внутренних дел Круглов С.Н. представил на имя Сталина И.В., Берия Л.П. и Маленкова Г.М. следующий доклад о работе уголовно-исправительных учреждений за предыдущий год.

В системе МВД к этому времени имелось 86 исправительно-трудовых лагерей, 9 особых лагерей и 1019 исправительно-трудовых колоний и лагерных подразделений, подчиненных местным органам внутренних дел. В этих местах лишения свободы содержались 2 558 275 заключенных. Из них отбывали наказание за контрреволюционные преступления 578 912 человек, или 22,7 % от общего числа контингента. В течение 1949 года в лагеря и колонии поступили 929 430 заключенных. За это же время 735 840 человек выбыли ввиду отбытия срока наказания

и досрочного освобождения на основании определений судебных органов. В число «помилованных» в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1949 года вошли 55 402 женщины, беременные либо имевшие малолетних детей.

За счет осужденных за хищение государственного и общественного имущества, а также личного имущества граждан численность содержавшихся в лагерях и колониях за прошедший 1949 год возросла на 193 590 человек. При этом в связи с усилением уголовной ответственности за хищения, кражи и разбой количество осужденных на длительные сроки лишения свободы составило: свыше 10 лет — 366 489 человек, свыше 20 лет — 82 445 человек.

По состоянию на 1 января 1950 года в особых лагерях МВД содержались 171 165 заключенных, в том числе: «шпионов — 12 694, диверсантов — 2661, террористов — 5582, националистов — 59 779, и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и антисоветской деятельности, — 55 832». За прошедший год по назначению МГБ в особые лагеря были направлены 34 097 человек, осужденных за особо опасные государственные преступления.

В результате мер, предпринятых МВД СССР, количество побегов заключенных значительно сократилось. Санитарная служба в лагерях и колониях несколько улучшилась. Через сеть специальных оздоровительных подразделений прошли 300 901 заключенных с «пониженным физическим состоянием», из которых «до полной трудоспособности» восстановились 69,3 %. «В результате улучшения материально-бытовых условий содержания заключенных, а также усиления лечебно-профилактической работы, смертность заключенных в 1949 году снизилась и составила 0,1 процента против 0,18 процента в 1948 году к общему числу заключенных, содержащихся в лагерях и колониях МВД СССР».

Согласно докладу министра внутренних дел, все трудоспособные заключенные работали на предприятиях и строительствах МВД, а также на производстве и строительстве других министерств и ведомств. Ограниченно годные к труду и ослабленные заключенные использовались в лагерях и колониях на работах по выпуску ширпотреба и лагерного обихода. Заключенные, содержавшиеся в особых лагерях, работали в шахтах по добыче угля, железной и медной и марганцевой руд, на строительстве шахт и других тяжелых работах. В целом расходы по содержанию трудоспособных заключенных, лагерного аппарата и охраны окупались за счет производственной и хозяйственной

деятельности лагерей и колоний [11].

Интересно, что в послевоенные годы многие промышленные министерства стали обращаться в МВД с просьбой направить к ним партию заключенных для выполнения определенного объема работ. Постепенно многие гражданские руководители так вошли во вкус с использованием весьма удобной для них рабочей силы, что буквально завалили «дружественное» министерство своими заявками. Министр внутренних дел Круглов С.Н. часто сам распоряжался командированием подневольных рабочих. При этом если, по его мнению, просьбу следовало удовлетворить, то на заявке он писал резолюцию «выделить». Если же обращение за помощью считал неоправданным, то давал письменное распоряжение «при возможности выделить». В этом случае подчиненным предоставлялось право самим «откручиваться», то есть находить пути уклонения от дополнительной нагрузки.

Как уже говорилось, уголовно-исправительная система МВД и без «соседей» получала «сверху» все новые задания. В начале 1950 года Министерству внутренних дел было поручено строительство под Красноярском комбината № 815 по наработке оружейного плутония, а в мае того же года — строительство железной дороги от Комсомольска-на- Амуре до Победино на Сахалине с прокладкой тоннеля под Татарским проливом. В марте 1951 года к этому добавилось строительство системы противовоздушной обороны (ПВО) вокруг Москвы, получившей название «Беркут». Именно в ходе этого строительства были проложены две кольцевые трассы, в 50 и 100 километрах от Москвы, которые отсутствовали на обычных картах автодорог. Тогда же на Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР) возложили строительство и нынешней Московской кольцевой автомобильной дороги (МКАД) протяженностью 109 километров [11].

31 января 1951 года новым начальником Главного управления лагерей назначили генерал-лейтенанта Долгих И.И., который занимал эту должность до 1954 года. В акте приема-передачи сообщалось, что в составе ГУЛАГа на тот момент имелись 105 исправительно-трудовых лагерей, 9 особых лагерей, 97 управлений и отделов лагерей и колоний, относившихся к местным органам внутренних дел, и 57 пересыльных тюрем. В 1950 году из исправительно-трудовых лагерей и колоний были освобождены 727 500 заключенных, причем 163 100 человек (включавших беременных и имевших детей женщин и несовершеннолетних) вышли на свободу досрочно.

К началу 1953 года насчитывалось уже 166 исправительно-трудовых лагерей, и это без учета ИТЛ, подчиненных территориальным управлениям [11].

20. Отдел спецпоселений

К началу 1946 года, когда Круглов С.Н. стал наркомом-министром внутренних дел СССР, на учете в МВД, согласно официальным данным, находилось несколько категорий спецпереселенцев, выселенцев и административно-ссыльных общим числом 2 230 500 человек. Депортированные граждане расселены были на территории шести союзных и восьми автономных республик, пяти краев и 27 областей РСФСР. Находились все «выселенные народы» в ведении отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР, начальником которого с 17 марта 1944 года являлся полковник Кузнецов М.В., и обслуживались 2055 местными комендатурами. В функции Отдела входили: прием, расселение и учет спецпереселенцев, трудовое и хозяйственное их устройство, административный надзор, а также проведение в этой среде «оперативно-чекистской работы».

В состав спецпереселенцев входили (здесь и далее приведем округленно): 687 тысяч немцев, 606 тысяч бывших кулаков, 405 тысяч чеченцев и ингушей, 195 тысяч крымских татар, греков и болгар, 88 тысяч хемшилов, турок и курдов, 80 тысяч калмыков, 60 тысяч карачаевцев, 33 тысячи балкарцев, 43 тысячи ссыльнопоселенцев, 20 тысяч оуновцев и 9 тысяч «прочих» (немецких пособников, сектантов, репатриированных и других). Наибольшее количество спецпереселенцев находилось в Казахстане — 866 тысяч человек, в Узбекистане — 181 тысяча человек, в Красноярском крае — 125 тысяч человек, в Киргизии — 112 тысяч человек, в Кемеровской области — 97 тысяч человек, в Томской области — 92 тысячи человек, в Свердловской области — 89 тысяч человек, в Алтайском крае — 85 тысяч человек и в Молотовской области — 84 тысячи человек [39].

Естественным желанием нового руководителя Наркомата — Министерства внутренних дел являлось наведение надлежащего порядка и обеспечение точного учета наказанного Советской властью «спецконтингента», за который Круглов С.Н. теперь отвечал перед партией и правительством. В связи с этим, для того чтобы иметь информацию о реальном состоянии дел не только от собственных служб, но и с мест, приказом НКВД СССР от 1 марта 1946 года в составе Отдела спецпоселений было создано отделение по рассмотрению жалоб и заявлений спецпереселенцев. Однако попытка охватить тотальным наблюдением и контролем все контингенты и все стороны жизни огромного, разбросанного географически, неоднородного по

национально-ментальному, идеологическому и религиозному принципам населения спецпоселков, имевшего также различный статус (трудпоселенцы, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, выселенцы), оказалось делом практически трудноосуществимым.

Еще раньше потребность в регламентации управления столь сложной системой повлекла создание единых государственных документов, отображавших состояние дел и определявших права и обязанности «наказанной» и контролирующей сторон. 8 января 1945 года Совнаркомом СССР были приняты постановления «О правовом положении спецпереселенцев» и «Об утверждении Положения о спецкомендатурах НКВД». Согласно этим документам, спецпереселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, за исключением того, что без разрешения коменданта своей спецкомендатуры не имели права отлучиться за пределы района расселения (дальше трех километров). Самовольный отъезд рассматривался как побег и приводил к ответственности в уголовном порядке. Главы семей обязаны были в трехдневный срок сообщать в свою спецкомендатуру о всех изменениях, произошедших в составе их семей (рождение ребенка, смерть родственника, побег и т. п.). В остальном, все трудоспособные спец- поселенцы обязаны были заниматься общественно-полезной работой, в чем им должны были способствовать местные советы депутатов трудящихся, действовавшие в согласии с органами внутренних дел. За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекались к ответственности в соответствии с тогдашними законами, а за несоблюдение режима и общественного порядка могли быть оштрафованы на 100 рублей или арестованы до пяти суток. Спецкомендатуры «в целях обеспечения государственной безопасности» должны были следить за общественным порядком, предотвращать побеги и контролировать хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев. Наложение комендантом административного взыскания должно было утверждаться начальником районного отделения НКВД, а применение ареста — санкционироваться прокурором. Дела о побегах, бандитизме и контрреволюционных преступлениях следовало направлять через соответствующие органы внутренних дел на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР [39].

Однако реальное положение дел в связи с прибытием новых контингентов и освобождением отбывших наказание, заменой срока на пожизненную ссылку, материальными претензиями потерявших свое имущество семей, озлобленностью обездоленных людей, бытовой неустроенностью, плохим питанием и одеждой, побегами с мест поселения и возвращением

пойманных беглецов, плохим знанием русского и местных национальных языков, недостаточностью и низкой квалификацией работников спецкомендатур, невниманием местных властей к нуждам спец- переселенцев и другими разнообразнейшими жизненными проблемами обусловливало большую неразбериху в данном вопросе. В июне 1946 года Министерство внутренних дел подготовило проект Устава о спецпереселенцах, в котором в законодательном порядке закреплялся весь процесс пребывания на спецпоселении и трудоустройства различных категорий репрессированных, начиная с момента погрузки в эшелоны и до освобождения из спецпоселков, а также разграничивались между МВД и МГБ полномочия по контролю за спецконтингентом. Однако правительством этот документ так и не был утвержден.

Вместе с тем необходимость всесторонне отслеживать состояние дел в огромной массе людей (мужчин и женщин, стариков и детей, трудоспособных и инвалидов), разбросанных по отдаленным районам, приводила к постоянному увеличению количества отчетов. Регулярно каждое подразделение, занимавшееся вопросами спецпоселенцев, должно было составлять ежедекадные сводки по одним контингентам, ежемесячные — по другим, сводки о побегах, об агентурной работе, раз в квартал составлять общий отчет о состоянии спецссылки в регионе и тому подобное. Все эти документы, заполнявшиеся по утвержденной форме, следовало направлять в центр в строго определенное время. За отчетным валом бумаг, поступавших со всех сторон, очень трудно было увидеть реальную картину положения на спецпоселениях. Основной вопрос, который старались отслеживать органы внутренних дел, касался закрепления прибывших людей на постоянное место жительства и их обязательное трудоустройство. Однако параллельно шел и другой процесс: снятие с учета одних категорий спецпоселенцев (освобожденных от наказания), разрешение свободы передвижения в ограниченных пределах для других либо иное изменение статуса для третьих. После окончания войны началась постепенная ликвидация зон и снятие военизированной охраны в местах расселения мобилизованных в различные отрасли промышленности «советских немцев» и лиц других национальностей, воевавших с СССР стран (финнов, румын, венгров и др.), с приравниванием их в отношении трудового законодательства к вольнонаемным рабочим. В течение 1946–1953 годов было проведено массовое освобождение из спецпоселений бывших кулаков и членов их семей. А вот ссыльнопоселенцев из Молдавии и прибалтийских республик и

часть финнов, переселенных из прифронтовой полосы, с учета спецпоселений сняли, но оставили в местах фактического проживания под гласным надзором. Переселенным с Дальнего Востока корейцам по директиве МВД СССР от 2 августа 1946 года выдали «чистые» паспорта без ограничений, но через полгода выезд к прежним местам проживания запретили, оставив право свободного передвижения только в пределах Средней Азии. Последним из сокращавших контингенты спецпоселений явился приказ МВД СССР от 2 марта 1948 года, по которому возвращались в родную республику молдаване, наказанные за служение в армии противника.

По результатам проведенной в начале 1947 года проверки состояние учета ссыльных и высланных и гласного надзора за ними министр внутренних дел Круглов С.Н. в своем приказе от 18 февраля 1947 года определил как неудовлетворительное. В ряде областей не имелось точных данных о наличии подконтрольного контингента, гласный надзор должным образом не осуществлялся. Так, при сверке наличия спецпоселенцев в районах их проживания с учетными данными, представленными ОСП, оказалось, что «не были установлены» в Омской области — 864 человека, в Тюменской области — 1714 человек, в Кировской области — 224 человека. В Казахской ССР, наоборот, выявили 1039 человек, которые не состояли на учете. Значительное количество ссыльных и высланных крайне нерегулярно являлись на регистрацию. Одной из серьезнейших проблем являлись побеги. Часто это случалось из-за того, что большие семьи оказывались разбросанными по различным районам среднеазиатских республик и естественным желанием являлось стремление воссоединиться, чтобы проживать вместе. С другой стороны, неизвестность, тяготы пути, голод, болезни, смерть близких толкали людей на отчаянные шаги в попытке вернуться и спрятаться где-нибудь на родине. Министерство внутренних дел постоянно предпринимало усилия к объединению разрозненных семей, но в то же время, в соответствии с указаниями правительства, в отношении бежавших ужесточались карательные меры. По постановлению СНК от 8 января 1945 года побег со спецпоселения приравнивался к бандитизму и контрреволюционным преступлениям, а дела по этому вопросу следовало направлять на рассмотрение Особого совещания во внесудебном порядке. Для предупреждения побегов в среде спецпереселенцев создавалась агентурно-осведомительная сеть, но и она не всегда давала необходимые результаты, поскольку «в ряде мест оказалась серьезно засоренной двурушниками, дезинформаторами и прямыми предателями». Ни старательно

насаждавшаяся агентура, ни заслоны на дорогах не могли остановить людей, спасавшихся бегством от тяжелых условий существования и работы. В ход шли любые уловки: сговор с комендантами для незаконного получения разрешения на выезд в места прежнего жительства или создание целых групп по изготовлению и торговле фальшивыми документами. Так, во Владивостоке «группа лиц» в составе работника горвоенкомата, начальника паспортного стола и учетчиц военно-учетного стола при содействии двух спецпереселенцев занималась «выдачей за взятки паспортов и военных билетов спецпереселенцам, по которым они совершали побеги». Не очень помогло в деле пресечения побегов издание соответствующих директив и приказов МВД СССР. На 1 января 1948 года в бегах находились около 17 тысяч спецпоселенцев, причем почти треть из них составляли «особо опасные контингенты» — «власовцы» и «оуновцы».

По докладам с мест по линии МВД поступала информация о том, что руководители предприятий различных министерств, к которым были приписаны спецпоселенцы, по-разному относились к приданной им подневольной рабочей силе. Так, начальник УМВД Хабаровского края сообщал, что по состоянию на 25 октября 1946 года на спецпоселении находились 4234 репатрианта, которых расселили по 26 спецпоселкам. При этом под «репатриантами» понимались граждане СССР немецкой национальности, ушедшие при отступлении немецкой армии, но затем возвращенные на родину. Те из них, кто не служил в вооруженных формированиях вермахта, направлялись на поселение сроком на 6 лет. Указанный контингент физически был здоровый и в целях хозяйственного и трудового использования передан: Приморзолото — 1 тысяча человек, Райчихуголь — 1470 человек, Сахалинуголь — 599 человек, Сахалиннефть — 621 человек, Хабаровсклес — 311 человек, ХОЗО УМВД г. Хабаровска — 75 человек, ХОЗО УМВД г. Благовещенска — 72 человека. В основном, все находились на физических работах: рубка леса, копка земли, добыча угля и др., и только незначительная часть трудилась по специальности. Зарплата спецпереселенцев на основных работах в шахтах и на лесозаготовках достигала полутора тысяч рублей в месяц. Работавшие на строительстве получали от 350 до 600 рублей. В подсобных хозяйствах заработки оказывались более низкие от 280 до 500 рублей. Продуктами питания спецпоселенцы — репатриированные снабжались по государственным нормам наравне с вольнонаемными рабочими. Передовикам-стахановцам дополнительно выдавались разовые талоны. Промтоварное

снабжение «вполне нормальное»: работавшие на угледобыче получили по 15 метров хлопчатобумажной мануфактуры, кожаную обувь, рабочие — брезентовые костюмы, по две пары белья. Жилищно-бытовые условия в большинстве случаев удовлетворительные, «в бараках чисто, каждый имеет свою кровать, все обеспечены постельными принадлежностями за счет предприятий». Развертывалось, но медленно индивидуальное строительство. Плохое жилье отмечалось в городе Райчихе, где репатриированных разместили в бывших овощехранилищах и палатках летнего типа. Об этом было направлено письмо министру угольной промышленности. Дирекции Райчихугля предложено к 15 октября всех людей перевести в бараки [39].

Министр внутренних дел Киргизской ССР генерал-майор Пчелкин А.А. 18 июля 1946 года направил в Москву докладную записку о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа (карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев) и Грузии. В документе отмечалось, что депортация спецпереселенцев происходила в осенне-зимний период 1943/44 годов, при этом в связи с плохим обеспечением одеждой и обувью, скученностью в эшелонах произошла вспышка сыпного тифа. В последующем по причине неудовлетворительных жилищно-бытовых и санитарных условий эпидемические заболевания получили массовое распространение, что привело к большой смертности среди спецпереселенцев. По состоянию на 1 июля 1946 года в республике находились 27 362 семьи, насчитывавшие 95 764 человека с Северного Кавказа и 2264 семьи в составе 9389 человек из Грузии. Семьи распределили по колхозам, совхозам, промпредприятиям, стройкам и учреждениям. Из числа переданных для хозяйственно-трудового использования были учтены трудоспособных 40 595 человек, из которых не работали по разным причинам 1200 человек — «женщины с малолетними детьми, вследствие болезни, отсутствия обуви и одежды». Среди спецпереселенцев имелись 2096 специалистов и квалифицированных рабочих, которые в абсолютном большинстве работали по специальности. После проведения ряда мероприятий по улучшению жилищно-бытового положения спецпереселенцев основная масса трудоспособных людей приступила к работе и к труду стала относиться хорошо. Многие перевыполняли нормы, появилось значительное число стахановцев и ударников. Особенно отмечался трудовой подъем среди чеченцев, «которые раньше менее активно принимали участие в труде». Одним из больных вопросов оставалось несвоевременное и неполное обеспечение спецодеждой и обувью спецпереселенцев, работавших на промышленных предприятиях,

в результате чего имелись вынужденные невыходы на работу. По прибытии в Киргизию кавказцев расселили в основном в домах местных жителей «на уплотнении». Для создания нормальных жилищных условий намечалось развертывание индивидуального жилстроительства, для чего постановлениями Совнаркома на 1944 и 1945 годы были выделены стройматериалы и долгосрочные ссуды. Однако из запланированных лесоматериалов и оконного стекла поступила лишь незначительная часть, да и та по решению республиканского правительства практически вся оказалась использована не по назначению. На полученные ссуды более двух тысяч семей приобрели дома, а полторы тысячи семей — вновь выстроили. В то же время МВД республики вскрыло факты того, что «работники системы Сельхозбанка несерьезно отнеслись к вопросу выдачи денежных ссуд и контролю за правильным использованием последних». В результате на полученные деньги многие семьи ничего не купили и не построили, либо приобрели «дома, не пригодные к жилью, которые впоследствии разрушились». Кроме того, «Сельхозбанк зачастую выдавал ссуды правлениям колхозов, где расселены спецпереселенцы, которые расходовались на нужды колхозов». Прибывшие в Киргизию кавказцы в основной части не имели минимальных запасов продуктов. Для оказания им помощи правительство выделило фонды продовольствия. МВД республики установило строгий контроль за своевременной и правильной выдачей продуктов. К настоящему времени почти все семьи были обеспечены приусадебными участками и индивидуальными огородами, которые полностью засеивались собственными семенами. В целях обеспечения бывших кавказцев скотом «в порядке возмещения за оставленный ими в местах прежнего жительства» было отпущено 24 472 голов крупного рогатого скота, 6 тысяч овец и коз, а также 17 754 лошади «для передачи в общественное стадо колхозов, где расселены спецпереселенцы». В связи с улучшением материально-бытовых условий спецпереселенцы стали приобретать на рынке молочный скот за собственные средства. В общей массе кавказцы прибыли в плохой одежде и обуви. На промышленных предприятиях и стройках спецпереселенцы приобретали промтовары на общих основаниях, но колхозники покупать одежду и обувь на рынке не имели возможности. Попытки наладить изготовление этих бытовых предметов из сырья кустарным способом не увенчались успехом. МВД Киргизской ССР ставило этот вопрос перед республиканскими ЦК и Совмином, которые обратились в Совет Министров Союза ССР с ходатайством о выделении для спецпереселенцев обуви, одежды и трикотажа. Положение с

охватом школьным обучением детей спецпереселенцев оставалось неудовлетворительным. Из учтенных 21 240 детей школьного возраста школы посещали только 4560 учеников. Основными причинами этого являлась слабая организационная работа органов народного образования и отсутствие у значительной части детей одежды и обуви. Кроме того, в своем большинстве кавказцы находились среди киргизского населения, где обучение велось на родном языке, а преобладающее большинство детей спецпереселенцев не знали ни русского, ни киргизского языков. Взаимоотношения спецпереселенцев с местным населением по прибытии их в Киргизию зачастую бывали ненормальными. Со стороны руководящих работников имелись случаи грубого, пренебрежительного отношения к спецпереселенцам, доходившие до издевательства. В связи с этим ряд партийных, советских работников, народных судей, председателей сельсоветов и колхозов были сняты с работы и отданы под суд. Благодаря принятым мерам, оказанию практической помощи по улучшению положения спецпереселенцев, проведению массово-разъяснительной работы и сурового наказания виновных лиц положение изменилось в лучшую сторону, хотя отдельные драки на межнациональной почве продолжались. Одной из причин такого положения являлось то, что переселенческие аппараты необходимыми проверенными кадрами не были укреплены, практическая помощь в работе им не оказывалась и их деятельность не контролировалась [39].

Сам министр внутренних дел Круглов С.Н. направил на имя Берия Л.П. докладную записку о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа, находившихся в Казахской ССР. В ней говорилось, что на территории Казахстана были расселены 103 683 семьи в составе 399 165 человек — чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. В результате принятых мер по закреплению спецпереселенцев на постоянном месте жительства большинство из них хозяйственно устроены и основная масса трудоспособных людей привлечены к трудовой деятельности. Отношение спецпереселенцев к труду вполне удовлетворительное. Многие перевыполняли установленные производственные нормы и являлись передовиками сельского хозяйства и промышленности. Наряду с трудовым устройством проведена значительная работа по обеспечению спецпереселенцев жилищами. В результате принятых мер большинство семей обеспечены нормальными бытовыми условиями, хотя часть спецпереселенцев все еще временно проживали в домах колхозников в порядке уплотнения. В целях улучшения материального положения подавляющему большинству

спецпереселенцев бесплатно выдали молочно-продуктовый скот, а также выделили приусадебные участки и индивидуальные огороды. Для улучшения продовольственного снабжения правительством систематически оказывалась помощь. В отдельных районах Казахстана из-за неурожая спецпереселенцы переживали в 1945 году серьезные продовольственные затруднения, в связи с чем постановлением правительства в текущем году им отпущено 3,8 тысячи тонн зерна, которого хватит до нового урожая. Органами внутренних дел проведена значительная работа по розыску и воссоединению разрозненных семей. Серьезное внимание было обращено на устройство беспризорных детей, инвалидов и одиноких стариков. В целях дальнейшего улучшения хозяйственно-трудового устройства спецпереселенцев проводившиеся мероприятия намечено было продолжить [39].

Но не везде дела обстояли столь благополучно. Вот что сообщил 20 июня 1946 года начальник УМВД Иркутской области в своей докладной записке о хозяйственно-трудовом устройстве расселенных здесь спецпереселенцев-«власовцев». Отметим, что к категории репрессированных лиц под условным наименованием «власовцы» (указывавшемся всегда в кавычках) относили не только солдат воевавшей на стороне Германии под командованием генерала Власова Российской освободительной армии (РОА), но и граждан СССР, служивших в национальных воинских формированиях немецкой армии (легионеры) или в местных полицейских органах на временно оккупированной территории нашей страны.

Согласно учетным данным, в Иркутской области в числе упомянутого контингента находились 5028 человек, среди которых женщин и детей не было. Для использования в качестве рабочей силы УМВД их передало: на предприятия и стройки Министерства угольной промышленности восточных районов — 4070 человек; на завод Министерства строительства топливных предприятий — 250 человек; на работы в системе треста «Иркуттранслес» Министерства путей сообщения (МПС) — 708 человек. Проводившиеся проверки показали, что абсолютное большинство «власовцев» выполняли нормы от 100 до 200 %. Однако примерно пятая часть этого контингента нормы недовыполняли как по причине плохой организации труда руководителями производства, так и вследствие собственного недобросовестного отношения к работе. Значительное влияние на подневольных рабочих оказывала слишком низкая оплата их труда. Даже при выполнении полутора норм заработок квалифицированных рабочих не превышал 250–350 рублей, а

после вычета налогов, платы за коммунальные услуги, по подписке на заем на руки выдавалось 150–200 рублей, «на которые при отсутствии личного подсобного хозяйства существовать трудно». В ряде случаев вместо зарплаты выплачивались только мизерные авансы. При такой обстановке «власовцы» попадали «в крайне тяжелые условия», зачастую не имея средств даже «на выкуп хлеба». В силу этого значительная часть спецпоселенцев «вынуждена после своей основной работы прирабатывать в других организациях “вечеровками” или продавать последние вещи с себя». И это все усугублялось еще «фактами бездушного, грубого, доходящего до рукоприкладства отношения со стороны администраторов к «власовцам». Конечно, отношение к «предателям» в определенной мере можно было понять. Один прораб строительства комбината «Востоксибуголь» при обращении к нему рабочих отвечал: «Вы — “власовцы”, вам дали шесть лет, вы замаранные и не имеете права много говорить и должны работать. Если не будете работать, я вас заставлю работать под винтовкой», — и, получая талоны на дополнительное питание передовиков производства, большую часть использовал для себя. В таких случаях на полях докладной записки делались пометы руководством МВД: «Написать письмо в Министерство», использовавшее данных подневольных рабочих, и «Лиц, нарушающих революционную законность, привлечь к уголовной ответственности». Спецодежда «власовцам», работавшим на строительствах, почти не выдавалась, ордера на промтовары предоставлялись «в малом количестве». У многих спецпоселенцев не было одеял, простыней, лишней смены нательного белья и обуви. Произведенной проверкой состояния жилищно-бытовых условий было установлено, что «значительный процент расселенных по общежитиям “власовцев” находится в крайне тяжелых жилищных условиях». В общежитиях грязно, «наличествует» большое количество клопов, тараканов, мух, «борьба с которыми не ведется». В силу этого «приходящие со смен рабочие не имеют нормального отдыха», спят на чердаках, на улице, на балконах, на полу в коридорах, «от клопов обливают вокруг постелей водой». Сушилки при общежитиях отсутствуют, мокрые рабочие костюмы развешиваются в жилых комнатах, «выделяя испарения, создают духоту». Кипятильников или общих котлов для приготовления чая нет. Каждый из рабочих индивидуально готовит для себя пищу, «кушают на своих грязных койках». К спецпереселенцам прибыли 15 семей, «которые с большим трудом обеспечиваются жилплощадью и находятся в крайне тяжелых жилищно-бытовых условиях» [39].

По этой докладной записке заместитель министра

внутренних дел СССР Чернышов В.В. издал распоряжение «о немедленном улучшении хозяйственно-трудового устройства спецпереселенцев-“власовцев”». Досталось в ней и автору докладной: «со стороны УМВД Иркутской области должных мер к устранению на месте отмеченных недостатков не принималось, а информация о существующем тяжелом положении в хозяйственно-трудовом устройстве “власовцев” представлена в МВД СССР со значительным опозданием». Министерство внутренних дел потребовало от Министерства угольной промышленности восточных районов «немедленно принять меры к созданию нормальных жилищно-бытовых условий спецпереселенцев». Начальнику УМВД Иркутской области московское руководство предложило поставить вопрос в обкоме ВКП(б) «о немедленном принятии действенных мер». По всем случаям нарушений «революционной законности» провести расследования и виновных привлечь к уголовной ответственности [39].

Возможно, Министерство внутренних дел сумело бы в достаточной мере наладить жилищно-бытовые условия и трудовое использование имевшихся спецпереселенцев, но и в послевоенный период депортации значительных масс людей, не внушавших доверия Советской власти, продолжились. Так, летом 1947 года было предписано выселить из западных районов Украины, а затем и из Прибалтики семьи осужденных, убитых и находившихся на нелегальном положении «активных националистов и бандитов», в общей сложности 75 тысяч человек. При этом постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года «О ссылке, высылке и спецпоселениях» МВД предписывалось установить строгий режим в местах расселения спецпоселенцев, исключив какую-либо возможность побегов, организовать точный учет и правильное трудоиспользование. Этим же постановлением вся работа с агентурой «по выявлению среди спецпоселенцев шпионов, диверсантов, террористов и других вражеских элементов» передавалась из МВД органам МГБ СССР.

21 февраля 1948 года по указу Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» на лиц, еще отбывавших наказание в особых лагерях и тюрьмах, по истечении срока лишения свободы автоматически накладывалось новое наказание: ссылка на поселение (под надзор органов МГБ) на Колыму, в Сибирь, центральные (наиболее засушливые) области Казахстана, в

Якутскую и Бурят-Монгольскую АССР. По постановлению Совета Министров СССР от 6 октября 1948 года в Томскую область выселили 1100 человек «кулацкого контингента» из Измаильской области. Постановление правительства от 29 января 1949 года санкционировало операцию по высылке из Литвы, Латвии и Эстонии на спецпоселение в Якутию, Красноярский и Хабаровский края, в Омскую, Тюменскую, Новосибирскую и Иркутскую области «кулаков и их семей», а также семей «бандитов и националистов» в общем количестве 30 630, включавших 94 779 человек. По постановлению от 6 апреля 1949 года в ряд областей Восточной Сибири, Дальнего Востока и Бурят-Монгольской АССР депортировали с территории Молдавии 34 743 «кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, участников профашистских партий и нелегальных сект» вместе с членами семей. 17 мая 1949 года ЦК ВКП(б) принял очередное решение о выселении с территории закавказских республик и Черноморского побережья 14 167 семей греков, турок и дашнаков в количестве 54 154 человека в целях очистки этих территорий от «политически неблагонадежных элементов». По постановлению Совета Министров от 29 декабря 1949 года в Хабаровский край с формулировкой «навечно» выселили «бывших прибалтов», проживавших на территории Псковской области [39].

При всей сложности переселенческой деятельности высшее советское руководство обычно не было удовлетворено тем, как Министерство внутренних дел вело работу среди спецпереселенцев, особенно в отношении борьбы с побегами, когда бежавшие просто возвращались к местам их поселения без привлечения к уголовной ответственности. В постановлении Совета Министров СССР от 24 ноября 1948 года отмечалось, что «наличие подобной антигосударственной практики в работе административных органов стало возможным в результате попустительства со стороны Министерства внутренних дел и Прокуратуры». В связи с этим 26 ноября 1948 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», которым устанавливалось, что выселение чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других народов «произведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) виновные подлежали привлечению к уголовной ответственности с мерой наказания за такое преступления в виде 20 лет каторжных работ. Лица,

виновные в укрывательстве беглецов или способствовавшие их побегу, а также оказавшие им помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, подлежали привлечению к уголовной ответственности и наказывались лишением свободы на срок 5 лет.

С этим указом были ознакомлены работники МВД, руководители промышленности и строительства, в системе, которых использовались на работах выселенцы. Затем в спекомендатурах провели собрания самих выселенцев с объявлением указа и других регламентирующих документов, после чего у всех взрослых членов семей получили расписки об ознакомлении с данными документами. Интересно, что, по сообщению с мест, «все собрания выселенцев прошли организованно и с большим вниманием». Задававшиеся вопросы касались в основном бытовых условий и соединения с близкими родственниками. «Никаких отрицательных высказываний или реплик на собраниях зафиксировано не было». Агентура потом уже донесла, что «со стороны незначительной части выселенцев зафиксированы упаднические и антисоветские настроения», связанные с утратой людьми всяких перспектив в отношении изменения их подневольного положения [39].

В целях борьбы с беглецами МВД создало в девяти республиках, краях и областях оперативно-разыскные отряды общей численностью около 200 человек, которые «в целом оправдали свое назначение». Для «склонных к побегам спецпереселенцам» в Якутской АССР и Красноярском крае организовали строго режимные поселения в местах, отдаленных от любых путей сообщения. Туда по постановлениям рай- и горотделов МВД переводились лица, «подготавливающие побег и склоняющие других спецпоселенцев к этому», задержанные при попытке к бегству и нарушители установленного режима.

16 апреля 1949 года министр внутренних дел СССР Круглов С.Н., заместитель министра внутренних дел СССР Рясной В.С. и начальник Отдела спецпоселений МВД СССР Шиян В.В. (назначенный на эту должность 14 февраля 1948 года) представили на имя Сталина И.В., Молотова В.М., Берия Л.П. и Маленкова Г.М. докладную записку о проделанной МВД в январе-феврале текущего года работе по усилению режима, по организации точного учета, правильного и обязательного трудоиспользования и укрепления административного надзора в местах расселения выселенцев и спецпоселенцев. По состоянию на 1 апреля 1949 года на учете органов МВД состояли (вместе с членами семей) 2 307 410 выселенцев и спецпоселенцев. Из этого количества выселенцами (то есть выселенными «навечно»)

являлись 1 835 078 человек, в число которых входили (здесь и далее приводим округленно): 1 035 700 немцев, 365 170 чеченцев и ингушей, 57 490 карачаевцев, 31 870 балкарцев, 77 270 калмыков, 186 530 крымских татар, греков, армян и болгар, 81 020 хемшилов, турок и курдов. Спецпоселенцев (то есть расселенных в новых местах на определенный срок) числилось 472 332 человека, из них: 158 590 бывших кулаков, 135310 лиц, служивших в немецких строевых формированиях, 96 190 членов семей украинских националистов, 46 940 членов семей литовских националистов, 28300 лиц, выселенных по общественным приговорам за злостное уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведение антиобщественного, паразитического образа жизни, 5840 членов семей активных немецких пособников и «фольксдоче» (то есть «советских немцев», принявших за время оккупации германское гражданство) и 1120 сектантов. В соответствии с постановлениями Правительства СССР все указанные контингенты были расселены в следующих районах Советского Союза: в Казахской ССР — 820 165 человек, в Средней Азии — 340 253 человека, на Урале — 245 396 человек, в Западной Сибири — 479 617 человек, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — 237 325 человек, в центральных районах страны —184 654 человека.

Все трудоспособные выселенцы и спецпоселенцы, составлявшие 1 282 000 человек, были заняты в районах расселения на работах в сельском хозяйстве (546550 человек) и в различных отраслях промышленности (угольной, лесной и бумажной, местной, металлургической, золотодобывающей, нефтяной, пищевой, легкой, машиностроении, рыбной, химической и других) и строительствах (стройки МВД, железнодорожные МПС, тяжелой индустрии и другие). Работа по обеспечению строгого режима, организации учета, трудового использования и административного надзора осуществлялась 2679 специальными комендатурами МВД, на обслуживании каждой из которых состояли от 300 до 1000 взрослых выселенцев и спецпоселенцев. Во исполнение указания правительства о наведении полного порядка в учете органами МВД были проведены «поголовный переучет и перепись» всех выселенцев и спецпоселенцев «путем подворного обхода, а также личного вызова в спецкомендатуры». На основе полученных данных были созданы картотеки персонального учета и централизованная картотека МВД СССР. В результате проведенной работы сократилось количество побегов с мест поселений. После объявления Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест

обязательного поселения» многие выселенцы стали стремиться к тому, чтобы «прочно обустраиваться в местах поселения», начали получать приусадебные земельные участки, строить жилые дома, приобретать скот и домашнее имущество. Органы МВД старались «строжайше» выполнять указания Правительства СССР «об установлении такого режима в местах расселения выселенцев, который исключал бы всякую возможность их побегов». По каждому случаю побега производилось тщательное расследование, и виновные строго наказывались. Органы МВД принимали «активные меры розыска», и задержанные привлекались «к уголовной ответственности по закону». За первые три месяца 1949 года Особым совещанием при МВД СССР «за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения» по упомянутому указу были осуждены к 20 годам каторжных работ 489 выселенцев. Эти постановления объявлялись всем выселенцам, проживавшим в тех местах, откуда совершился побег. Лица, виновные в укрывательстве беглецов или способствовавшие их побегу, привлекались к уголовной ответственности. Руководство Министерства внутренних дел заверило верховную власть страны, что работа по дальнейшему усилению административного надзора и укреплению режима «проводится под нашим повседневным руководством и контролем» [39].

Однако Прокуратура СССР считала, что «в исключительных случаях, когда будет точно доказана самовольная отлучка из района расселения, без умысла совершить побег», виновного не следовало привлекать к уголовной ответственности, а инкриминировать лишь нарушение режима. Помимо этого только в административном порядке должны были отвечать выселенцы за переезд к своим родственникам, также находившимся в местах специальных поселений. Для того чтобы устранить причины, дававшие достаточно большой процент побегов, МВД в августе-сентябре 1949 года провело массовое воссоединение семей спецпереселенцев. Для этой цели организовали даже специальные эшелоны и разработали маршруты их движения.

В 1948–1949 годах в Министерство внутренних дел СССР с мест постоянно поступали докладные записки от начальников областных управлений МВД о приеме, расселении и трудоустройстве депортированных во исполнение приведенных выше постановлений правительства все новых партий то выселенцев-дашнаков из Молдавии, то греков и турок из закавказских республик, то семей кулаков и бандитов из Прибалтики, то бывших помещиков, крупных торговцев и

активных пособников немецких оккупантов из Молдавской ССР, то спецпереселенцев-указников (то есть «тунеядцев», выселявшихся по указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года) со всех краев, то «иноподданных и лиц без гражданства» из Грузии. Прибывавшие контингенты расселялись в Казахской ССР, Якутской и Бурят-Монгольской АССР, Красноярском, Хабаровском и Алтайском краях, Омской, Томской, Курганской, Кемеровской, Тюменской, Читинской, Иркутской, Амурской и Новосибирской областях. И опять, как и раньше, в ряде районов все переселенцы были «размещены в квартиры, пригодные для жизни в зимних условиях», и трудоустроены. В других местах строившиеся «дома барачного типа» закончены не будут «за недостатком стройматериалов». В совхозе «Таежный» Норильского ИТЛ и комбината МВД, например, 67 человек указников вместе с 38 членами их семей (в том числе 29 детей) были размещены «в одном бараке, очень скученно, окна в нем не застеклены, нет топлива и вообще без капитального ремонта барак в зимних условиях к жилью не пригоден». В докладных отмечалось, что многие люди «прибыли на поселение, не имея денег, продуктов, предметов домашнего обихода и теплой одежды, в результате чего в настоящее время испытывают материальные затруднения». В некоторых из выселенных семей не имелось ни одного трудоспособного человека. «Мотивы выселения этих лиц из республик Кавказа нам не ясны», — жаловался в своей докладной начальник УМВД по Алтайскому краю. В таких случаях на полях докладных московским руководством делались пометы: «Передайте указания министру (соответствующей отрасли)» для принятия необходимых мер.

После приема, расселения и трудоустройства местными органами МВД «главное внимание было уделено тому, чтобы установить режим в местах поселения, обеспечить административный надзор за выселенцами и создать среди них агентурный аппарат, способный предупреждать побеги с места поселения». Во всех спецкомендатурах выселенцы-переселенцы заносились «в книги посемейного учета» и под расписку предупреждались об ответственности за побег. На путях вероятного следования беглецов создавались дополнительные группы содействия задержанию лиц, «отлучившихся за пределы спецкомендатуры без разрешения органов МВД».

Абсолютное большинство трудоспособных переселенцев в сложившихся (прямо скажем, безвыходных) условиях добросовестно работали, в ряде случаев значительно перевыполняя заданные нормы, за что получали достаточно

хорошее денежное вознаграждение. За беспричинный отказ от работы виновные привлекались к уголовной ответственности. Но случалось и такое, как, к примеру, по тресту «Хакасзолото»: прибывшие на поселение в августе и сентябре 1949 года «указники узбеки, казахи, туркмены и другие (всего 88 человек) не акклиматизировались, к тяжелому физическому труду на приисках не привыкли и дневные нормы выработки не выполняют». Все равно трое из них «за отказ от работы привлечены к уголовной ответственности» [39].

В связи с тем, что постоянное перемещение больших масс людей создавало огромные трудности с их размещением, обеспечением и трудоустройством и, таким образом, серьезно нарушало установившуюся работу совхозов и промышленных предприятий, министр внутренних дел СССР Круглов С.Н. неоднократно обращался в Совет Министров СССР с просьбами об оставлении «на поселении навечно» некоторых категорий спецпоселенцев — поляков, «власовцев», «фольксдоче», членов семей «оуновцев» — и о распространении на них действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года об уголовной ответственности за побеги. Например, в 1936 году в Казахскую ССР были выселены «как политически неблагонадежный элемент лица польской национальности», проживавшие в пограничных районах Украины и Белоруссии. В сентябре 1947 года, когда встал вопрос об окончании срока ссылки, «появились тенденции к массовому возвращению» поляков на родину. В связи с этим возникла угроза оставления выращенного урожая на полях, поскольку некоторые колхозы полностью состояли из польских спецпереселенцев. Такие же трудности возникали и на других предприятиях, подневольные труженики которых, получив свободу, могли, отправившись к прежним местам проживания, оставить без рабочей силы шахты, рудники, заводы, строительство и другие производственные объекты. Установленных планов выпуска продукции при этом никто не изменял [39].

На совещании руководства МВД СССР 30 декабря 1949 года министр внутренних дел Круглов С.Н. поручил Отделу спецпоселений выяснить, как проводилось школьное обучение детей выселенцев-спецпоселенцев. Оказалось, что по состоянию на 1 января 1950 года в местах расселения были учтены 460 тысяч детей школьного возраста, из которых 80 % обучались в начальных и средних школах, но 91 943 ребенка не были «охвачены учебой». Основной причиной непосещения школ являлось тяжелое материальное положение родителей или родственников, на иждивении которых находились дети,

вследствие чего ребятишки не имели зимней одежды и обуви или вынуждены были вместе со взрослыми работать на производстве для получения средств к существованию. Кроме того, в ряде мест расселения не было школ либо они находились слишком далеко. Значительная часть детей не учились из-за отсутствия в школах старших классов. Наибольший процент не охваченных учебой детей относился к «кавказским контингентам», поскольку среди взрослых имелось большое количество неграмотных (по всем контингентам выселенных — свыше 352 тысяч человек), которые сами не проявляли «необходимой заботы об устройстве своих детей в школы». Другим препятствием являлось незнание русского и местных языков, которые использовались в школах. При этом переселенцы с Кавказа и из Прибалтики, проявляя «националистические тенденции», в ряде случаев запрещали своим детям учиться не на своем родном языке. Описанная ситуация сложилась, по мнению начальника ОСП МВД СССР Шияна В.В., вследствие того, что местные советские и партийные органы недостаточно внимания уделяли вопросу обязательного семилетнего обучения детей выселенцев-спецпереселенцев, а органы МВД на местах мало занимались вопросами всеобщего обучения детей и недостаточно ставили вопрос органами власти, а также не изучали в процессе своей работы «национальные особенности контингентов» и не принимали мер «к изжитию национальных пережитков». В целях устранения «недочетов» в школьном обучении детей выселенцев-спецпереселенцев начальник ОСП предлагал поставить этот вопрос перед Советом Министров СССР и дать указание местным органам МВД проинформировать республиканские, краевые и областные советы депутатов трудящихся о состоянии школьных дел [39].

В феврале 1950 года министр госбезопасности Абакумов В.С. представил на имя Сталина И.В. вполне обычную записку с информацией о состоявшемся 10 февраля этого года очередном заседании Особого совещания МГБ, на котором были рассмотрены дела на 1599 человек. При этом к заключению на 25 лет оказались приговорены 34 человека, к ссылке под надзор органов МГБ («шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков и участников других антисоветских организаций и групп») — 115 человек и к высылке под надзор органов МВД («членов семей националистических банд и их пособников») — 1286 человек. Обычно Сталин И.В. просто прочитывал такие сообщения и принимал к сведению, но на этот раз начертал на докладной резолюцию: «А кто отвечает за побеги?» Эти несколько неопределенных слов привели к тому, что

встал вопрос о передаче всей работы со спецпереселенцами в ведение МГБ. Министр внутренних дел Круглов С.Н. совместно со своими заместителями Серовым И.А., Чернышовым В.В. и Рясным В.С. направили на имя Сталина И.В., Берия Л.П. и Маленкова Г.М. записку со своими возражениями. В качестве главного аргумента приводился тезис о том, что без спецпереселенцев МВД будет трудно решать «большие народно-хозяйственные задачи в отдельных районах страны, где использование другой рабочей силы крайне затруднительно» [76]. Кроме этого, в начале июля 1950 года Министерство внутренних дел СССР подготовило справку, в которой говорилось, что все трудоспособные переселенцы размещены для работы «в колхозах — 590 тысяч человек, в системе Министерства совхозов — 110 тысяч, на предприятиях и шахтах Министерства угольной промышленности —160 тысяч, лесной и бумажной промышленности — 122 тысячи, в металлургической промышленности — 34 тысячи, в нефтяной промышленности 28 тысяч, в местной промышленности — 52 тысячи, в пищевой промышленности — около 23 тысяч, на железнодорожном строительстве — около 28 тысяч, на строительстве предприятий тяжелой индустрии — 20 тысяч, в легкой промышленности — более 19 тысяч, в машиностроительной промышленности — 18 тысяч, в рыбной промышленности — 13 тысяч, в промышленности стройматериалов — около 12 тысяч, в химической промышленности — около 7 тысяч, в торговых организациях — 3,6 тысячи, в золотодобывающей, слюдяной промышленности и на других предприятиях и стройках МВД СССР — свыше 120 тысяч, в других отраслях народного хозяйства — около 116 тысяч человек». Среди них учтено 6358 членов ВКП(б), 1308 кандидатов в члены партии, 11 670 членов ВЛКСМ. Высшее образование имели 9 тысяч человек и среднее — около 66 тысяч человек. На расселении находились 157 тысяч бывших военнослужащих (в том числе около 6 тысяч офицеров и 60 тысяч сержантов), правда, более половины из них служили в период войны в частях так называемой РОА («власовцы»). В справке была предпринята попытка защитить выселенцев-спецпереселенцев, которые, согласно имевшимся постановлениям правительства, пользовались всеми правами граждан СССР, за исключением лишь тех ограничений, о которых в данной главе говорилось выше. Это было вызвано тем, что «в ряде республик, краев и областей советские хозяйственные органы, не считая переселенцев постоянными кадрами промышленных предприятий, строек, колхозов и совхозов, не принимают должных мер к правильному трудовому использованию

спецпереселенцев и созданию для них необходимых хозяйственно-бытовых условий». Так, 3646 семей проживали в не пригодных для этого помещениях, 32 184 семьи находились «на уплотнении у местного населения». Заработная плата спецпереселенцам на ряде предприятий выплачивалась нерегулярно, расчет за трудодни в колхозах производился крайне плохо, в результате чего «многие семьи оказались вовсе без продуктов питания». Отпускавшиеся государством денежные средства на индивидуальное строительство часто использовались для выплаты зарплаты вольнонаемным и иные цели. В местах поселения находились более девяти тысяч одиноких стариков и инвалидов, «которые по причине нетрудоспособности» не могли обеспечить себе самостоятельное существование. На неоднократные просьбы МВД о размещении нетрудоспособных людей в домах инвалидов Министерство социального обеспечения в большинстве случаев отвечало отказом «из-за отсутствия свободных мест». С помощью МВД СССР в девяти областях было открыто 13 домов инвалидов для спецпереселенцев, которые заполнили нетрудоспособными и престарелыми людьми. В то же время более тысячи детей-сирот, потерявших родителей на спецпоселении, в детские дома оказались не устроены. Оставался неясным вопрос с оформлением пенсий, поскольку органы социального обеспечения гражданам, имевшим «порочащие данные об их поведении во время немецкой оккупации», пенсий и пособий не выплачивали. Однако к подавляющему большинству спецпоселенцев такое толкование пенсионного вопроса являлось неприменимым. В ряде областей наблюдалась «практика неправильного отношения к рабочим из числа спецпоселенцев», когда они ставились на «менее ответственные и низкооплачиваемые работы», что нарушало систему оплаты труда. Несмотря на принимавшиеся органами МВД меры по обеспечению законных прав поселенцев и справедливого отношения к ним, продолжались факты «ущемления, грубого обращения, а подчас и издевательского отношения, вплоть до избиения». Некоторые партийные и советские органы слабо вовлекали спецпоселенцев в общественно-политическую жизнь. Членам и кандидатам ВКП(б) запрещали посещать закрытые партийные собрания. В колхозе «Кзыл-Аскер» в Киргизии перед открытием торжественного собрания, посвященного дню 8 Марта, в грубой форме удалили всех женщин-спецпоселенок. В ряде мест «ввиду отсутствия массовой политико-воспитательной работы» возникали серьезные конфликты между спецпоселенцами и местными жителями, приводившие к человеческим жертвам. В

справке МВД предлагало провести ряд конкретных мер, которые позволили бы определить правовое положение спецпоселенцев [39].

Однако в ответ на приведенные выше возражения руководства МВД и выдвинутую ими «демократическую» инициативу Сталин И.В. 14 июля 1950 года подписал постановление Совета Министров СССР, в соответствии с которым спецпоселения из Министерства внутренних дел передавались в Министерство государственной безопасности. Министров «т. Круглова и Абакумова» обязали «произвести прием и передачу всех аппаратов и дел» в 10-дневный срок, а спецпоселений — в 3-месячный срок, доложив о выполнении в Совмин.

Интересен пункт 10 этого постановления: «Оставить под надзором МВД спецпоселенцев, работающих на Воркутинском угольном комбинате МВД, в Норильском никелевом комбинате и других лагерях и стройках МВД, расположенных в районах ссылки и спецпоселения, общей численностью 44 564 чел. Возложить целиком ответственность на МВД СССР (т. Круглова) за охрану, режим и побеги спецпоселенцев и обязать органы МВД отчитываться о спецпоселенцах, находящихся в лагерях и стройках МВД, перед МГБ СССР. Остальных спецпоселенцев, работающих на промышленных предприятиях и стройках МВД вне зон лагерей, оставить как рабочую силу в распоряжении МВД, а надзор за этими спецпоселенцами, обеспечение режима и борьба с побегами осуществляются органами МГБ» [39].

Мотивацией передачи Отдела спецпоселений из МВД в МГБ явилась не «демократизация», а наоборот, установление строгого режима «в местах расселения политических и уголовных ссыльных, высланных и спецпоселенцев», при этом проблемы трудового использования этого контингента теперь оказались вторичными. Получив в свое распоряжение уже сложившуюся систему, МГБ нашло только один путь «улучшения» ее деятельности — дальнейшее «закручивание гаек», выразившееся в закреплении «на поселении навечно» все новых категорий населения. Ухудшение правового положения отрицательно сказалось на общем состоянии спецссылки: репрессированные народы и социально-этнические группы почувствовали всю иллюзорность своих сокровенных надежд на скорое возвращение домой. В связи с этим при объявлении новых репрессивных указов люди нередко в знак протеста решались бежать или заговаривали о самоубийстве. Отмечались случаи массовых беспорядков на этнической почве, происходили кровавые столкновения отчаявшихся переселенцев и ни в чем не повинных местных жителей. Часть переселенцев ввиду отсутствия необходимой

производственной базы вели паразитический образ жизни, нередко занимаясь воровством и спекуляцией. Фактически усиление режима привело к диаметрально противоположному результату [39].

21. ГУЛЖДС

При разделении в начале 1941 года НКВД СССР на наркоматы внутренних дел и госбезопасности в новой структуре НКВД Главное управление железнодорожного строительства (ГУЖДС), о котором сообщалось в главе 5, было переименовано в Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС). Во главе него остался прежний начальник, коринженер (корпусной инженер) Френкель Н.А. Наблюдение за работой ГУЛЖДС с 31 июля 1941 года было возложено на заместителя наркома внутренних дел Чернышова В.В. [34].

В послевоенные годы, кроме продолжавшихся с прежних времен железнодорожных строительств, на ГУЛЖДС по постановлениям правительства, как из «рога изобилия», непрерывно сыпались все новые и новые задачи, ряд из которых по своей «авантюрности» можно было бы назвать просто «хвантазиями», как говорил один из моих непосредственных начальников. Этому мощнейшему по своим производительным силам главку помимо прокладки железных дорог, причем в самых геологически неразведанных и климатически суровых условиях да в наиболее отдаленных районах страны, поручалось еще строительство других важных объектов: морских и речных портов, нефтепроводов, перерабатывающих заводов и баз, судостроительных и судоремонтных заводов, а также Северной водопроводной станции и жилого дома на 1-й Мещанской улице в Москве. Вполне очевидно, неоправданное стремление в короткий срок покрыть сетью железных дорог весь Крайний Север страны привело к тому, что многие поставленные правительством задачи не могли быть в тех условиях выполнены в отведенный срок. В результате сразу после смерти Сталина И.В. в марте 1953 года многие новостройки и незавершенные магистрали, в которые было вложено столько сил, средств и человеческих жизней, оказались попросту заброшены как «не вызывавшиеся неотложными нуждами народного хозяйства».

Расскажем лишь о нескольких крупных железнодорожных строительствах, которые завершились, продолжились или начались в период работы Наркомата — Министерства внутренних дел СССР под руководством Круглова С.Н..

Байкало-Амурская магистраль. Сразу после капитуляции Японии в сентябре 1945 года Берия Л.П. подписал приказ НКВД СССР, которым на основании постановления ГКО военнопленных японцев в количестве порядка 200 тысяч человек направили на продолжение строительства начатой еще до войны Байкало-

Амурской магистрали (БАМ). С началом боевых действий работы на этом объекте пришлось временно прекратить в соответствии с приказом НКВД СССР от 18 августа 1941 года. На новом, послевоенном этапе изыскания, проектирование и строительство этой железной дороги на основании постановления СНК СССР от 21 сентября 1945 года были возложены на ГУЛЖДС НКВД СССР. К первой очереди БАМ отнесли часть железнодорожной линии общим протяжением 1995 километров, которую предписано было закончить за 4 года и сдать Наркомату путей сообщения (НКПС) в постоянную эксплуатацию к 1949 году. Прокладывавшуюся линию разбили на три участка: Тайшет — Братск — Усть-Кут протяжением 700 километров, Комсомольск — Ургал (507 километров) и Известковая — Ургал (334 километра). Для производства работ организовали Амурское управление (начальник генерал-майор Петренко И.Г.), а также Тайшетское и Ленское строительства ГУЛЖДС МВД СССР [34].

В то время, пока работы по строительству БАМа разворачивались полным ходом, была сдана в постоянную эксплуатацию завершенная летом 1945 года железная дорога Комсомольск — Советская Гавань (строительство № 500 МВД) протяженностью 475 километров. На этой дороге было открыто 40 станций и разъездов, построено свыше 500 средних и малых мостов, дренажных труб и других искусственных сооружений, 7 больших мостов с металлическими фермами через горные реки Хунгари, Хуту, Мули и другие. На переходе через главный Сихотэ-Алинский горный хребет прорыт тоннель длиной 400 метров. В бухте Ванино было построено два морских причала, что позволило принимать одновременно три большегрузных парохода водоизмещением до 10 тысяч тонн каждый. С основной Дальневосточной магистралью новая железная дорога соединялась у города Комсомольска с помощью паромной переправы через Амур. В связи с таким успехом 30 января 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил на имя председателя Совета Министров СССР Сталина И.В. письмо с просьбой о награждении почти полутора тысяч наиболее отличившихся изыскателей и строителей данной железнодорожной линии. Однако положительного ответа на инициативное письмо не последовало. Очевидно, это оказалось связано с тем обстоятельством, что в стране нарастала волна борьбы с космополитизмом и Сталин И.В. не хотел в этой обстановке награждать начальника ГУЛЖДС Френкеля Н.А, который к этому времени и так уже имел за свою работу три ордена Ленина, орден Красной Звезды (за выслугу лет) и звание генерал-лейтенанта. В духе того времени, поскольку положено

было освобождаться от «нежелательных работников», 8 марта 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. вместе со своими заместителями Серовым И.А. и Чернышовым В.В. написали письмо на имя Берия Л.П. с предложением освободить Френкеля Н.А. от должности начальника ГУЛЖДС. Приказом МВД от 28 апреля 1947 года в возрасте 60 лет он был освобожден от своих обязанностей «по болезни», а на его место назначен генерал-майор Петренко И.Г. В письме МВД СССР в ЦК ВКП(б) говорилось, что ранее Френкель Н.А. «был осужден на 10 лет за растрату и отбывал наказание в лагерях», теперь же «освобожден от работы в числе работников неспособных, скомпрометировавших себя и несправлявшихся со своими обязанностями». Для того чтобы хоть как-то сгладить вынужденное лицемерие, приказом МВД СССР от 9 июня 1947 года генерал-лейтенант Френкель Н.А. был уволен в отставку по состоянию здоровья и «за долгую и добросовестную службу в органах МВД» ему была объявлена благодарность, и он был награжден именными часами и месячным окладом — все, что имелось в арсенале поощрений министра внутренних дел [34]. После отстранения от работы Нафталий Аронович репрессиям не подвергался и прожил на пенсионном обеспечении 13 лет, до своей кончины в 1960 году.

В отношении БАМа 31 мая 1947 года Круглов С.Н. направил на имя Сталина И.В., Молотова В.М., Берия Л.П. и Вознесенского Н.А. доклад об окончании прокладки железнодорожного пути от Известковой до станции Ургал, вдоль которого были построены 16 станций, 11 пунктов водоснабжения, два депо, а также служебные, жилищно-бытовые и производственные здания. К празднику 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции министр внутренних дел порадовал вождя народов сообщением о том, что 6 ноября 1947 года укладка главного пути на головном участке Байкало-Амурской железнодорожной магистрали от Тайшета до Братска протяжением 310 километров закончена и по ней пущен первый поезд. «Открытием рабочего движения поездов на участке Тайшет — Братск, — говорилось далее в приветственном сообщении, — обеспечена возможность перевозок народно-хозяйственных грузов до Братска для нужд золотой промышленности и местного населения. Досрочное открытие движения рабочих поездов до Братска будет также способствовать развертыванию строительных работ на следующем участке Байкало-Амурской магистрали — от Братска до Усть-Кута, который свяжет реку Лену с железнодорожной сетью Советского Союза» [34].

В канун празднования Дня солидарности трудящихся 1 мая 1948 года Круглов С.Н. вновь направил на имя Сталина И.В.

письмо с просьбой о награждении строителей упомянутой выше железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань. На этот раз в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР в числе 1347 награжденных орден Ленина получили начальник ГУЛЖДС МВД СССР генерал-майор Петренко И.Г., начальник Желдорпроекта и заместитель начальника ГУЛЖД С генерал-майор итс Гвоздевский Ф.А. и еще шесть руководителей строительства. Не был забыт и бывший начальник ГУЛЖДС Френкель Н.А., которого наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Однако «почивать на лаврах» было некогда. Постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1948 года было объявлено о подготовке к восстановлению законсервированной в войну железнодорожной линии Бам — Тында и о подготовке к строительству железной дороги Тында — Хандыга с ответвлением на город Якутск. В развитие этого постановления 24 мая 1949 года министр внутренних дел Круглов С.Н. представил на имя Сталина И.В. и Берия Л.П. докладов котором были сделаны предложения в отношении организации и сроках прокладки Якутской железнодорожной магистрали. Строительство считалось целесообразным вести с двух сторон в три очереди. На первом этапе построить участки Бам-Тында-Чульмакан протяженностью 480 километров и Якутск- Хандыга протяжением 350 километров. К строительству приступить в 1950 году с тем, чтобы открыть временное движение поездов на этих участках соответственно к концу 1954 и 1953 годов. Во вторую очередь построить участок Чульмакан-Томмот протяжением 350 километров, начав строительство в 1952 году и закончив в четвертом квартале 1955 года. На последнем этапе построить участок Томмот-Якутск длиною 500 километров, завершив всю работу к концу 1958 года [34]. Этим планам не суждено оказалось сбыться, а потому до Якутска и в наши дни, кроме санного и водного пути, «только самолетом можно долететь».

Зато 13 августа 1951 года Круглов С.Н. направил на имя Сталина И.В., Молотова В.М., Берия Л.П., Маленкова Г.М., Булганина Н.А., Микояна А.И., Кагановича Л.М. и Хрущева Н.С. доклад об окончании строительства железнодорожной линии от станции Тайшет до Усть-Кута на реке Лене протяжением 702 километра. В результате по западному участку Байкало-Амурской магистрали была обеспечена сквозная перевозка народно-хозяйственных грузов с Восточно-Сибирской железной дороги в северо-восточные районы СССР. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1950 года в районе Усть-Кута на реке Лене было намечено строительство речного порта,

судостроительного завода, верфи металлического судостроения и жилого поселка. Выполнение этих работ поручили Ангарстрою ГУЛЖДС МВД СССР [34].

Таким образом, к апрелю 1953 года, когда ГУЛЖДС было передано из МВД в МПС СССР, состояние со строительством БАМа оказалось следующее. Железная дорога Тайшет — Братск протяжением 310,9 километра находилась во временной эксплуатации с 4-го квартала 1947 года. Ее продолжение от Братска до Усть-Кута длиной 379 километров вступило в строй с 25 января 1950 года. Доработки на всей линии продолжал выполнять Ангарстрой. Железная дорога Известковый — Ургал протяжением 339,5 километра находилась в постоянной эксплуатации у Министерства путей сообщения с 1 июля 1951 года. На участке Ургал — Комсомольск из 508 километров главного пути успели уложить всего 200 километров. Строительство и доделочные работы на этой линии выполнял Нижнеамурстрой. Если учесть, что в 1943–1945 годах была построена железнодорожная линия Комсомольск-Совгавань, протяжением 475 километров, то из запланированных к строительству 1995 километров первой очереди БАМа к 1953 году было построено 1704,4 километра [34]. Достройка первой очереди и строительство второй очереди БАМа уже не были связаны с МВД СССР.

Железная дорога Наушки — Улан-Батор. 19 августа 1947 года министр внутренних дел СССР Круглов с. Н., его заместитель Рясной В.С., начальник ГУЛЖДС Френкель Н.А., его заместитель и начальник Желдорпроекта ГУЛЖДС Петренко И.Г. и главный инженер Желдорпроекта Червяков В.А. направили на имя председателя Госплана СССР Вознесенского Н.А. письмо с представлением проекта постановления Совета Министров СССР о строительстве железной дороги от станции Наушки Восточно-Сибирской магистрали до столицы Монгольской Народной республики города Улан-Батора протяжением главного пути 399 километров. Затем проект постановления за подписями заместителей председателя Совета Министров СССР Берия Л.П. и Вознесенского Н.А., а также министров внутренних дел Круглова С.Н. и путей сообщения Ковалева И.В. был представлен Сталину И.В. В сопроводительном письме говорилось, что в подготовленном «в соответствии с Вашим указанием» проекте постановления правительства строительство этой дороги возлагается на Министерство внутренних дел СССР. МВД обязано было приступить к изысканиям и проектированию немедленно, а строительство начать в 4-м квартале текущего года с тем, чтобы закончить укладку пути и открыть движение на 12 пар поездов в

сутки по всей линии к концу 1949 года. В техническом проекте предусматривалось доведение в дальнейшем пропускной способности дороги до 24 пар поездов в сутки. В сопроводительной бумаге пояснялось, что, по имевшимся в МПС и МВД СССР сведениям, данная дорога будет проходить в сложных топографических условиях. Это потребует сооружения двух крупных и 15 средних мостов. Общий объем земляных работ оценивался в 12 млн кубометров, причем треть из них — скальные породы. В связи с большим объемом работ и сравнительно сжатыми сроками предлагалось перевести на указанное строительство 40 000 рабочих, в том числе 20 000 военнопленных японцев, со строительства Байкало-Амурской магистрали. Оттуда же забрать часть материалов и строительного оборудования, в связи с чем перенести срок открытия движения поездов на участке Братск — Усть-Кут с 1949-го на 1950 год. В дальнейшем количество рабочей силы довести до 80 000 человек.

4 сентября 1947 года Сталин И.В. подписал постановление «О строительстве железнодорожной линии Наушки — Улан-Батор», причем дважды: на первом листе документа размашисто начертал «За. И.Сталин», а на последнем листе поставил свою подпись в качестве председателя Совета Министров СССР. В целях секретности этому объекту было присвоено наименование «строительство № 505 МВД СССР».

10 сентября 1947 года Круглов С.Н. подписал приказ МВД СССР, в котором во исполнение данного постановления правительства конкретизировал задачи своим подчиненным. Для осуществления строительства № 505 министр распорядился «создать в составе двух лагерей строительное управление и дислоцировать его в районе Сухэ-Батора на территории МНР в 8 километрах к югу от Советско-Монгольской границы». Начальником Управления строительства министр назначил Гвоздевского Ф.А., его заместителем — Успенского Д.В., а главным инженером и заместителем начальника — Гильнера Н.К. Это Управление должно было непосредственно руководить прокладкой первых 250 километров трассы. Далее строительство дороги возлагалось на «Южный лагерь МВД», который его начальнику Успенскому Д.В. следовало организовать в районе города Улан-Батор.

Для производства проектно-изыскательских работ и оформления документации и чертежей была образована «Селенгинская экспедиция Желдорпроекта ГУЛЖДС МВД СССР». В соответствии с приказом в ее состав срочно направлялись с БАМа «основные кадры Байкальской и Читинской экспедиций и часть работников Тайшетской экспедиции». Из Западного

управления БАМа и ликвидировавшегося Нижнеамурского лагеря приказ предписывал «перебросить немедленно» на новое строительство инженерно-технических и административно-хозяйственных работников в количестве 100 человек, в полном составе по два штаба строительных отделений и рабочую силу в количестве 40 000 человек, в том числе 20 000 военнопленных японцев. «Отправку рабочей силы, — говорилось в приказе, — произвести организованными колоннами со штабами колонн, хозобиходом, зимним вещдовольствием и месячным запасом продовольствия». Запрещалось направлять «инвалидов, длительно неработающих и ослабленных». Для подготовки к приему рабочей силы следовало послать вперед «колонны по строительству гражданских временных сооружений», снабдив их палатками, оборудованием, инвентарем, инструментом, хозобиходом, минимально необходимыми запасами материалов и леса, продовольствия и фуража. Из лагерей и баз ГУЛЖДС предписывалось направить на строительство № 505 «все свободные и излишние материально-технические ресурсы», установив график завоза оборудования и средств механизации, предусматривавший в первую очередь обустройство лагерей и подготовку «к развороту работ». К формированию двух исправительно-трудовых лагерей и одного лагеря военнопленных следовало «приступить немедленно», укомплектовав лагерный аппарат офицерским составом, административно-техническими работниками и военизированной охраны за счет лагерей МВД СССР, находившихся на строительстве БАМа и в районах Сибири и Дальнего Востока. В целях повышения производительности труда разрешалось распространить на лагеря строительства № 505 льготы по зачету рабочих дней заключенным за высокие показатели в работе. Военнопленным японцам, которых разрешалось использовать только на первых 250 километрах строившейся трассы, устанавливалась повышенная норма суточного питания. Для обеспечения оперативного решения всех возникавших вопросов на строительство командировался на один месяц новый начальник ГУЛЖДС Петренко И.Г. Контроль за ходом строительства и «оказание повседневной личной помощи» возлагались на заместителя министра внутренних дел генерал-лейтенанта Рясного В.С.

На основании документов, предопределивших начало действий по разворачиванию строительства, складывается впечатление, что «старший брат» (Советский Союз) собрался построить своему «младшему, брату» (Монгольской Народной Республике) железную дорогу, не удостоившись заранее проработать по международным каналам вопросы

взаимодействия с суверенным государством. Во всяком случае, когда приказ о немедленной переброске рабочей силы и оборудования был отдан, министр внутренних дел поручил своему заместителю Чернышову В.В. и ряду других руководящих работников министерства «разработать предложения МВД СССР по проекту соглашения с Правительством Монгольской Народной Республики о строительстве № 505», предусмотрев в этом документе: «порядок упрощенного перехода через Монгольско-Советскую границу всего личного состава Селенгинской экспедиции, строительства и лагерей № 505 и работников МВД, командируемых на это строительство», порядок «беспрепятственного и беспошлинного провоза через границу в обоих направлениях грузов, транспорта, оборудования и материалов», порядок отвода земель «как под строительство железнодорожной линии и сооружений этой линии», так и для организации поселков, лагерей и подсобно-вспомогательных предприятий, получение права «на разработку нерудных ископаемых с организацией карьеров», получение разрешения на изыскание и разработку топливных ресурсов и другие важнейшие вопросы. Известно, что по своему менталитету монголы очень бережно относятся к природе своей страны и даже поднятый с земли камень стараются положить на прежнее место. А тут такие преобразования!

Во всяком случае, как и было поручено постановлением СМ СССР, министр внутренних дел Круглов С.Н. и заместитель министра иностранных дел Малик Я.А. 15 октября 1947 года представили Молотову В.М. разработанный совместно двумя министерствами проект договора между Правительствами СССР и МНР по вопросу строительства железнодорожной линии Наушки — Улан-Батор. Согласно этому договору, строительство производилось силами и средствами Советского Союза, «в соответствии с чем указанная дорога со всеми зданиями, оборудованием, подвижным составом и предприятиями будет являться собственностью Правительства СССР». Для строительства дороги и последующей ее эксплуатации Правительство МНР предоставило в безвозмездное пользование «полосу земли по всей трассе от 120 до 300 метров шириной и за пределами указанной полосы соответствующие земельные участки, необходимые для возведения технических сооружений, зданий и подсобных строений, а также для заготовки строительных материалов, в том числе леса и каменного угля». По истечении 75 лет с момента открытия движения железнодорожную линию со всеми строениями предполагалось передать безвозмездно в собственность МНР.

23 декабря 1947 года Сталин И. В. подписал постановление Совета Министров СССР, которым был одобрен проект соглашения с МНР об учреждении «Советско-Монгольского Акционерного общества Улан- Баторской железной дороги» для постройки и эксплуатации железнодорожной линии Наушки — Улан-Батор.

Работы по прокладке железнодорожной линии развернулись полным ходом. В 1947 году в ИТЛ строительства № 505 прибыли 9000 заключенных, в 1948 году — около 47 500. По состоянию на 1 января 1949 года в лагерях числились 46185 подневольных рабочих, на 1 апреля —41 612, на 1 июля — 40 150, на 1 октября — 37 409. К 1 января 1950 года количество заключенных сократилось до 35 652 человек.

За время строительства произошли следующие изменения в руководстве. Приказом МВД СССР от 5 августа 1948 года генерал-майор итс Гвоздевский Ф.А. был назначен начальником ГУЛЖДС, а его предшественника генерал-майора Петренко И.Г. перевели в Дальстрой. Новым начальником УИТЛ и строительства № 505 стал полковник Потемкин Н.Ф. 20 августа 1948 года подполковника Успенского Д.В. освободили от должности начальника Южного лагеря, а через месяц этот ИТЛ «в целях упрощения структуры и удешевления аппарата» был ликвидирован с организацией вместо него строительного отделения, подчиненного Управлению строительства № 505.

3 ноября 1949 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил доклад на имя Сталина И.В., Берия Л.П. и Маленкова Г.М., в котором отрапортовал, что возложенное на МВД задание правительства о строительстве в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 4 сентября 1947 года железнодорожной линии Наушки — Улан-Батор (Монгольская Народная Республика), протяжением 404 километра, с окончанием укладки пути и открытием движения в 4-м квартале 1949 года выполнено. «За короткий срок, в течение 24 месяцев, — говорилось в докладе, — в тяжелых условиях пустынной и горно-пересеченной местности Монгольской Народной Республики, при крайнем недостатке местных строительных материалов, транспортных средств и связи Строительством № 505 МВД СССР, производившим строительство железнодорожной линии Наушки — Улан-Батор, выполнено 8,7 млн кубометров земляных работ, 48 тыс. кубометров бетонной и железобетонной кладки мостов и труб, уложено 404 километра главного пути, 25 километров станционных путей, 170 тысяч кубометров балласта, построено 90 тысяч кубометров постоянных зданий. На станциях Сухэ-Батор, Дархан, Хара, Дэун-Хара, Улан-Батор построены пассажирские

здания, открыто 12 пунктов водоснабжения и проложена постоянная линия связи с необходимым обустройством.

25 октября 1949 года на всем протяжении пути закончена укладка рельсов и 3 ноября 1949 года открыто движение поездов по этой линии. 6 ноября 1949 года со станции Сухэ-Батор до города Улан-Батор отправляется пусковой поезд.

По всей трассе железной дороги Наушки — Улан-Батор продолжаются работы по дальнейшему оснащению дороги и жилищному строительству в объемах, предусмотренных проектом» [34].

17 января 1950 года Круглов С.Н. доложил советскому руководству, что в день празднования 37-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, *«7* ноября 1949 года в столицу Монгольской Народной Республики прибыл первый сквозной поезд». С 1 декабря 1949 года железная дорога, находившаяся во временной эксплуатации, обеспечиваемой строительством № 505, стала принимать к перевозке народнохозяйственные грузы МНР. На трассе продолжалась достройка станционных и жилых зданий и других объектов с тем, чтобы в 3-м квартале 1950 года сдать всю линию в постоянную эксплуатацию Управлению Улан-Баторской железной дороги.

18 декабря 1950 года был подписан Акт Советско-Монгольской комиссии по передаче железнодорожной линии Наушки — Улан-Батор в постоянную эксплуатацию, в котором отмечалось, что железная дорога построена «в полном соответствии с основными показателями, утвержденными постановлением СМ СССР от 9 февраля 1950 года и техническим проектом». Далее в Акте говорилось: «При сооружении железной дороги строители и проектировщики приложили много усилий в целях максимального уменьшения стоимости постройки и принимали смелые технические решения, особенно при сооружении головного участка. Выбор направления трассы железнодорожной линии произведен с исчерпывающим технико-экономическим обоснованием, а сама трасса уложена на местности с минимальными объемами работ. Все основные работы по земляному полотну, искусственным сооружениям, верхнему строению пути, раздельным пунктам, пассажирским устройствам на основных станциях, водоснабжению, связи, сигнализации, по служебно-техническим, жилым и производственным зданиям закончены. Качество выполненных работ по всем основным сооружениям, в целом по дороге, следует признать отличным». Заключительная часть Акта носила политический характер: «Коллектив строителей и проектировщиков в трудных горных условиях выполнил

огромную творческую работу по сооружению данной железнодорожной линии и обеспечил в 1949 году досрочное открытие сквозного движения поездов, пользуясь при этом постоянным вниманием и поддержкой Правительства Монгольской Народной Республики. Вводимая в действие Улан-Баторская железная дорога имеет огромное политическое и экономическое значение и будет способствовать еще большему развитию производительных сил МНР.

Строительство Улан-Баторской железной дороги является новым проявлением великой Сталинской заботы о Монгольском народе и постоянной бескорыстной помощи Советского народа дружественному Монгольскому народу в развитии и процветании Монгольской Народной Республики, новым свидетельством нерушимой дружбы Монгольского и Советского народов» [34].

28 июня 1951 года министр внутренних дел Круглов С.Н. и заместитель министра иностранных дел Зорин В.А. направили на имя Сталина И.В. письмо, в котором в связи с окончанием строительства и отличным качеством выполненных работ считали «целесообразным отметить строителей железной дороги Наушки — Улан-Батор правительственными наградами».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1951 года «за успешное выполнение заданий правительства» были награждены 413 работников МВД СССР. Орден Ленина получили 3 человека (в том числе бывший начальник строительства Потемкин Н.Ф.), орден Красного Знамени — 7 человек, орден Трудового Красного Знамени — 28 человек (в том числе бывший начальник ГУЛЖД С Гвоздевский Ф. А. и новый начальник этого главка Смольянинов А. А., начальник Желдорпроекта Червяков В.А. и главный инженер строительства Гильнер Н.К.), орден Красной Звезды — 54 человека, орден Знак Почета — 127 человек.

За время существования ИТЛ и строительства № 505 МВД СССР в лагерь прибыли 74 571 заключенный, в том числе из них были освобождены 44 549 человек, умерли 1071 человек, бежали 497 человек, остальных по окончании работ перевели в другие лагеря [34].

Северо-Печорская железнодорожная магистраль. Как было отмечено в главе 5, эта железная дорога строилась в основном в труднейшие годы войны с тем, чтобы обеспечить вывозку высококачественных печорских углей для оборонных нужд страны. Проектирование дороги шло параллельно строительным работам. При этом выяснилось, что местные грунты, представляющие собой неустойчивые моренные суглинки, не пригодны для возведения земляного полотна. В связи с этим весь

стройматериал пришлось завозить из дальних карьеров. Несмотря на все трудности, в 1942 году были закончены и сданы Наркомату путей сообщения в постоянную эксплуатацию участки железнодорожной магистрали Вольск — Котлас протяжением 260 километров и Котлас — Кожва протяжением 728 километров. Кроме того, была построена и пущена во временную эксплуатацию часть железнодорожной магистрали Кожва — Воркута протяжением 420 километров. В этом военном году Воркутлагом и Интинлагом было добыто и отправлено по железной дороге более 750 тысяч тонн угля, а Ухтажемлагом добыто и транспортировано около 100 тысяч тонн нефти.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 сентября 1943 года «за успешное строительство в 1940–1943 годах новой Северо-Печорской железной дороги Воркута — Котлас — Коноша протяжением 1847 километров и освоение Печорского угольного бассейна» орденами и медалями были награждены 714 сотрудников НКВД. В числе 12 человек, награжденных орденом Ленина, были начальник ГУЛЖДС- Френкель Н.А., главный инженер ГУЛЖДС Бакин А.К. и начальник Севжелдорлага НКВД Шемена С.И.

В дальнейшем Северо-Печорская дорога достраивалась и успешно эксплуатировалась, но так и не была полностью передана в НКПС. Только 1 августа 1949 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Берия Л.П. письмо с просьбой дать указание о назначении Правительственной комиссии для приемки Северного участка Печорской железнодорожной магистрали в постоянную эксплуатацию. 28 августа 1949 года распоряжением Совета Министров СССР была образована Правительственная комиссия для приемки построенной МВД СССР железнодорожной линии Кожва — Воркута.

В докладе МВД СССР от 17 января 1950 года на имя Сталина И.В., Берия Л.П. и Маленкова Г.М. о выполнении плана капитальных работ 1949 года по строительству железных дорог было записано, что по Северо-Печорской железнодорожной магистрали капиталовложений освоено 102,4 % к плану. В результате проведенных работ пропускная способность на всем протяжении магистрали доведена до 20 пар поездов в сутки. Участок Кожва — Воркута принят Правительственной комиссией с оценкой «хорошо». Помимо этого закончена укладка главного пути и открыто рабочее движение поездов на участках от Воркуты до станции Хальмер-Ю и от станции Хановей до пункта Мульда-Шахта № 7 общим протяжением 124 километра. Это дало

возможность увеличить вывоз печорских углей и форсировать строительство шахт для добычи коксующихся углей в районе Хальмер-Ю. Помимо выполнения строительных работ в 1949 году МВД СССР погружено 250 282 вагона печорских углей, что составило 100,5 % к годовому плану.

Постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1950 года Акт Правительственной комиссии о приемке в постоянную эксплуатацию построенной МВД СССР железнодорожной линии Кожва — Воркута протяжением 462 километра был утвержден. Этим же постановлением обязали МВД СССР (т. Круглова) передать, а МПС (т. Бещева) принять указанную линию в постоянную эксплуатацию, включив ее в состав Печорской железной дороги [34].

16 августа министр внутренних дел Круглов С.Н. и секретарь Коми обкома ВКП(б) Осипов Г.И. направили на имя Сталина И.В., Берия Л.П. и Маленкова Г.М. письмо о том, что 10 июля 1950 года строительными организациями МВД СССР сдана МПС СССР железнодорожная линия Кожва — Воркута. «Строителями и проектировщиками, — говорилось далее в письме, — в труднейших условиях Крайнего Севера и Заполярья успешно решены сложные технические вопросы железнодорожного строительства и выполнены большие работы по постройке мощной железнодорожной магистрали, которая в настоящее время выполняет полностью перевозку печорских углей». МВД СССР и Коми обком ВКП(б) возбудили ходатайство «о награждении особо отличившихся строителей и проектировщиков правительственными наградами». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 ноября 1950 года «за успешное строительство Печорской железнодорожной магистрали Кожва — Воркута» были награждены 250 работников строительства. В числе 9 человек, удостоенных ордена Ленина, были начальник ГУЛЖДС Гвоздевский Ф.А. и бывшие начальники Печорлага МВД Барабанов В.А. и Боровицкий А. И.

Постановлением Совета Министров СССР от 14 июля 1950 года на управление Печорстроя ГУЛЖДС МВД СССР было возложено строительство вторых путей Печорской железной дороги на участке Вельск — Воркута протяжением 1430 километров с окончанием строительства в 1955 году. К 1953 году была выполнена лишь небольшая часть этой работы[34].

Если описанные выше железные дороги удавалось при крайнем напряжении сил доводить до логического завершения и практического использования, то приводимые ниже строительства, которые поручались МВД СССР, руководимому

Кругловым С.Н., можно в определенной мере рассматривать как «хвантазии» наших высших правителей, принимавших желаемое за действительное, словно в популярной тогда песне:

Нам нет преград ни в море, ни на суше.
Нам не страшны ни льды, ни облака.

В результате эти сверхграндиозные проекты так и не были реализованы, а оказались после смерти их вдохновителя Сталина И.В. попросту брошенными на полпути.

Железная дорога Чум — Салехард — Игарка (см. карту в фотоальбоме). 26 декабря 1946 года в кремлевском кабинете Сталина И.В. заседала «шестерка», в которую помимо вождя, входили Молотов В.М., Берия Л.П., Вознесенский Н.А., Ворошилов К.Е. и Хрущев Н.С. В 20 часов 20 минут в кабинет на это заседание были приглашены министр внутренних дел Круглов С.Н., его заместитель Чернышов В.В., начальник Желдорпроекта и заместитель начальника ГУЛЖДС Гвоздевский Ф.А., министр Морского флота СССР Ширшов П.П. и начальник Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) при Совете Министров СССР Афанасьев А.А. Решался вопрос об освоении северных приполярных территорий страны, существо которого было затем отражено в постановлении Совета Министров СССР от 4 февраля 1947 года.

В порядке реализации этого постановления 17 февраля 1947 года появился совместный приказ министра внутренних дел СССР Круглова С.Н. и начальника Главного управления Северного морского пути Афанасьева А.А. «Об организации Северной проектно-изыскательской экспедиции МВД СССР и ГУСМП для производства проектно-изыскательских работ в районе Обской губы». В приказе говорилось о том, что Совет Министров СССР обязал МВД СССР и ГУСМП при СМ СССР «немедленно приступить к производству проектно-изыскательских работ по выбору территории для строительства порта, судоремонтного завода и жилого поселка в районе Обской губы (по западному берегу от устья реки Обь и района мыс Каменный), а также железной дороги от Воркуты до места строительства порта».

Создается впечатление, что никакой предварительной разведки намеченных районов будущего грандиозного строительства не производилось, лишь руководящим перстом на карте было смело указано то место, где (перефразируя Пушкина А.С.) «будет порт заложен назло надменному соседу». Под «соседом» подразумевались, очевидно, бывшие союзники — Великобритания и Соединенные Штаты Америки.

Поскольку постановления правительства следовало не обсуждать, а добросовестно исполнять, указанную совместную экспедицию МВД и ГУСМП с включением в ее состав работников Министерства вооруженных сил СССР, Морского и Речного флотов СССР организовали немедленно. Начальником этой экспедиции постановлением Совета Министров СССР был утвержден «заместитель начальника строительства № 500 МВД СССР инженер тов. Татаринцев П.К.». Местопребывание полевых штабов экспедиции назначили в Воркуте и Салехарде. В составе комплексной экспедиции организовали три частные экспедиции и два авиаотряда для решения конкретных вопросов. Портовая экспедиция, укомплектованная опытными полярниками из ГУСМП, должна была произвести проектно-изыскательские работы по местам, пригодным для будущей дислокации порта, судоремонтного завода и жилого поселка. Железнодорожная экспедиция, в которую вошли работники МВД, предназначалась для проведения изысканий по выбору направления и вариантов прокладки трассы железной дороги от Северо-Печорской магистрали до места строительства порта. Аэрофотосъемочная экспедиция, также комплектовавшаяся из кадров МВД, предназначалась для производства воздушной разведки по трассе железной дороги и побережью Обской губы, включая всю ее дельту, от местоположения будущего порта до Салехарда. Один авиаотряд, составленный из кадров МВД, сформировали для обеспечения аэрофотосъемочных работ и решения транспортных задач в интересах железнодорожной экспедиции. Второй авиаотряд, имевший в своем составе кадры полярников, выполнял аналогичные функции для портовой экспедиции.

При проведении проектно-изыскательских работ Северной экспедиции предписывалось учесть следующие исходные условия. Участок строительства порта должен быть расположен возможно ближе к устью реки Оби, иметь глубину не менее 10 метров и располагаться в месте, где не происходит интенсивного отложения речных наносов. Акватория порта должна составлять порядка 200 га, а территорию под предприятия, склады, железнодорожную станцию и жилой поселок требовалось выбрать размером не менее 300 га, причем с учетом строительства на ней тяжелых сооружений (судоремонтных цехов, элеватора и др.). Железную дорогу следовало строить «по облегченным техническим условиям с перспективой дальнейшего развития». На все намеченные районы полагалось составить природные и строительные характеристики с выявлением наличия как местных стройматериалов, так и потребных для завоза. Экспедиции следовало представить соображения об организации

строительства и возможных сроках постройки порта, завода и железной дороги. Начальник экспедиции Татаринцев П.К., в распоряжение которого помимо специалистов направлялись 500 расконвоированных заключенных «физически здоровых, годных для работы в условиях Заполярья», должен был сообщить об итогах проделанной работы не позднее 15 июля 1947 года.

7 апреля 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. и начальник ГУСМП Афанасьев А. А. представили на имя Сталина И.В. свой доклад о работе Северной проектно-изыскательской экспедиции. В нем сообщалось, что экспедиция прибыла на место в начале марта и приступила к подготовительным и организационным работам. Руководство Северной и штаб железнодорожной экспедиций разместились в районе Воркуты. Всего прибыли 130 сотрудников Желдорпроекта МВД СССР. Первая партия портовой экспедиции в количестве 70 человек находилась в Салехарде. Составлены предварительные технические условия и задания изыскательским и геологическим партиям по железнодорожной трассе и по проектированию морского порта. «Воздушной рекогносцировкой, — говорилось в докладе, — обследован хребет Северного Урала для определения пересечения его железнодорожной трассой и установлено, что наиболее легким переходом перевала является вариант Елецкого седла с направлением на Салехард и Пуйко (150 км от Салехарда вниз по течению реки Обь)». «Портовой экспедицией произведена воздушная рекогносцировка с посадкой на побережье Обской губы. В результате выбраны две площадки: район мыса Каменный и район мыса Сетного в 80 километрах севернее Нового порта, где организованы водомерные и гидрологические посты и начаты работы по сбору данных о строительных материалах этого района». «Для речного порта в устье реки Оби наиболее подходящим является район Пуйко, который в то же время крайне неблагоприятен для железнодорожных подходов (заливаемая низменность). Работа экспедиции по изысканию других мест для строительства морского и речного портов продолжается. О дальнейшем ходе работ будем ежемесячно докладывать» [34].

Не дожидаясь окончательных результатов работы Северной экспедиции, 22 апреля 1947 года Сталин И.В., уверенный в своем предвидении, подписал постановление Совета Министров СССР «О строительстве железнодорожной линии к морскому порту в Обской губе», в котором «в целях быстрейшей организации работ» волевым порядком устанавливалось направление железнодорожной линии от станции Чум Печорской железной дороги через Елецкое седло Уральского хребта и далее до будущего морского порта. В постановлении безапелляционно

говорилось:

«Обязать МВД СССР (т. Круглова)

а) приступить немедленно к строительству (упомянутой выше) железнодорожной линии; строительство именовать — строительство № 501 МВД СССР;

б) открыть в декабре 1947 года рабочее движение на головном участке железнодорожной линии от станции Чум через Елецкое седло Уральского хребта протяжением 118 километров (24 километра за перевалом);

в) для осуществления строительства железнодорожной линии № 501 создать строительную организацию МВД СССР — «Северное управление железнодорожного строительства МВД СССР», возложив на это управление также достройку линии Печорской железной дороги на участке Кужва — Воркута;

г) представить к 1 ноября 1947 года в Совет Министров СССР предложения о дальнейшем направлении трассы железной дороги к месту расположения будущего морского порта и о сроках рассмотрения и утверждения проектно-сметной документации.

Утвердить начальником Северного управления железнодорожного строительства МВД СССР заместителя начальника ГУЛЖДС МВД СССР т. Барабанова В.А., главным инженером т. Цвелодуба Б.И.».

В целях стимулирования повышения производительности труда заключенных было разрешено на строительство № 501 распространить льготы в части зачетов рабочих дней за высокие производственные показатели: до трех дней пребывания в лагере за один день ударной работы.

Признавая особое государственное значение строительства железной дороги к морскому порту в Обской губе, Совет Министров СССР обязал все министерства СССР, главные управления СМ СССР и Совет Министров РСФСР «оказывать строительству № 501 МВД СССР всемерную помощь путем выделения планируемой продукции, а также путем обеспечения своевременной отгрузки фондируемых и планируемых материалов и оборудования». Наблюдение за выполнением данного постановления правительства было возложено на заместителя председателя Совета Министров СССР Берия Л.П.

Во исполнение приведенного постановления правительства министр внутренних дел Круглов С.Н. для усиления подразделений, занятых в строительстве железной дороги, включил в состав Северного управления лагеря Севжелдорстрой и Печорстрой, а за Уральским хребтом приказал организовать лагерь Обский. Кроме того, из Нижнеамурлага Восточного

управления БАМ сюда «перебрасывался» штаб 2-го строительного отделения «со штабной колонной, необходимыми материалами, хозяйственным обиходом и инструментом». В целях наилучшего использования короткого строительного сезона строительные работы предписывалось организовать в две смены. Контроль за выполнением приказа возлагался на заместителя министра Чернышова В.В. [34].

Во вторую годовщину Дня Победы, 9 мая 1947 года Круглов С.Н. и Афанасьев А.А. доложили Сталину И.В. и Берия Л.П., что Северная экспедиция приступила к трассированию железнодорожного отхода от станции Чум. В связи с утверждением правительством направления железнодорожной линии изыскательские работы в этом районе были прекращены и проведение их предусматривалось только после 118 километра намечаемой дороги. Портовая экспедиция в составе 103-го человек продолжала свои работы по изысканию подходящей территории для морского порта, судоремонтного завода и жилого поселка в районе мыса Каменного и мыса Сетного. Специалисты начали полевые работы, выполнили топографическое обоснование для промера глубин, установили водомерный пост и начали проводить геологическое обследование районов с выбором вариантов расположения порта.

В очередном докладе Круглова С.Н. и Афанасьева А.А. говорилось, что в составе Северной экспедиции организованы Уральская и Обская железнодорожные экспедиции, Портовая и Аэрофотосъемочная экспедиции, работа которых характеризовалась следующими данными.

Уральская железнодорожная экспедиция. На строительном участке линии до 118-го километра работали три комплексные изыскательские партии, а часть четвертой партии «в настоящее время передвигается на оленях на свой участок работы от перевала через Уральский хребет в направлении на речной порт». Указанными партиями подготовлен 31 километр окончательной трассы для производства строительных работ и начато проектирование искусственных сооружений, земляного полотна, станций и гражданских сооружений. «Строительство дороги развернуто на головном участке от примыкания к Печорской магистрали до реки Воркута, где производятся земляные работы поездной возкой и укладка верхнего строения пути. После вскрытия реки Уса и завоза водой грузов до пятидесятого километра трассы представится возможность приступить к строительству второго участка — до реки Елец. Изыскательские работы третьей партии от Елецкого седла (93 км) на запад до смычки со второй партией (61 км) задерживаются в связи с

весенним разливом реки, затрудняющим подвоз продовольствия и снаряжения».

Обская железнодорожная экспедиция. На основном направлении железнодорожной линии от пункта Харбей, далее на север, к морскому порту организованы четыре комплексные (трассировочные и геологические) изыскательские партии, из которых в настоящее время на трассе работают две. Эти партии производят рекогносцировочную и предварительную разведку по двум вариантам северо-западнее основного направления в районе реки Щучьей. Производится геологическая съемка территории мыса Каменного, Яр-Сале и озера Яррото в целях изыскания строительных материалов, земляных карьеров и выбора вариантов железнодорожной трассы, обеспеченной наличием грунтов для возведения земляного полотна. Начавшийся разлив рек и прекращение работы авиации Северной экспедиции задержали выезд и прибытие на трассу остальных двух комплексных партий.

Портовая экспедиция. Продолжались работы на мысе Каменном и мысе Сетном. Ведутся водомерные и гидрометеорологические наблюдения. Лед на территории Обской губы имеет толщину до двух метров. В результате проведенных промерных работ установлено, что 10-метровые глубины располагаются только в трех километрах от берега. Река Обь в районе Салехарда освободилась ото льда 27 мая. Вскрытие Обской губы в районе Нового порта ожидается в конце июня. Арктическим научно- исследовательским институтом на основе материалов прошлых лет составлен физико-географический очерк Обской губы и установлены навигационные периоды для плавания. Транспортная связь с районами работ Северной экспедиции ввиду наличия льда до настоящего времени осуществляется только самолетами.

Аэрофотосъемочная экспедиция. По состоянию погоды и по ходу весенней распутицы прокладка маршрутов съемки станет возможной лишь к концу первой декады июня.

Общие условия работы Северной экспедиции были охарактеризованы следующим образом: «Значительные затруднения возникли в связи с наличием до сего времени в районе работ снегового покрова, скопления снеговой воды в болотах и залежей снега в логах оврагов, сильно затрудняющих передвижение оленьего транспорта изыскательских партий» [34].

Приводимые ниже регулярные доклады министра внутренних дел руководителям партии и правительства позволяют судить о том, что Сергей Никифорович умел глубоко вникать в существо проектных и строительных дел, выполнявшихся подчиненными

ему подразделениями, и принимал обоснованные решения по обеспечению работ специалистов, трудившихся в тяжелейших условиях Приполярья.

27 июня 1947 года Круглов С.Н. доложил Сталину И.В. и Берия Л.П. следующее: «Для ускорения начала и разворота работ по строительству железной дороги от станции Чум Печорской железной дороги через Уральский хребет к месту будущего строительства морского порта в Обской губе, МВД СССР были переброшены с других строек значительные материальные ресурсы: рельсы, шпалы, металл, лес, автомашины, строительное оборудование, тракторы, инструмент и необходимое для начала работ количество рабочей силы организованными колоннами. Это дало возможность подготовиться к приему новых партий рабочих и еще до подхода материальных ресурсов, выделенных постановлением Совета Министров СССР, развернуть необходимые строительные работы от станции Чум.

Строительные работы на головном участке начаты с 15 мая с. г. На 24 июня выполнено 43 000 куб. м земляных работ и уложено 13 км главного пути. Укладка пути ведется по минимальным отметкам с последующей засыпкой поездной возкой из карьеров. Встречающиеся на пути многочисленные малые озера и болотца шириной до 50 метров и глубиною до двух метров проходятся по специально строящимся мосткам с последующей засыпкой озер и болот с рельс железнодорожной возкой. Переход рек Воркута и Уса будет осуществлен по временным деревянным мостам, причем в этом году будет начато также строительство через эти реки постоянных мостов с металлическими пролетными строениями на бутобетонных опорах. Параллельно ведутся работы по строительству линии постоянной связи, деревянных искусственных сооружений и строений, гражданских сооружений для непосредственных нужд строительства. На реках Уса, Воркута и Елец построены причалы и к пристаням делаются подъезды от трассы будущей железной дороги. Первое время строительство ведется лобовым способом со стороны станции Чум с подвозкой материалов мотовозами и калужанками по укладываемым впереди рельсам. С июля укладка пути будет вестись с двух концов, в том числе со стороны второго участка от 43 километра навстречу первому участку.

По состоянию на 25 июня с. г. на строительстве находится 8000 человек. Сверх этого на Печору прибыло 7900 человек из числа отправляемых в мае заключенных, которые после карантина комплектуются в производственные колонны и также будут направлены в первых числах июля на строительство. До 1 июля с. г. на строительство дополнительно из центральных

областей отправляются 8000 человек заключенных и в июле будут отправлены остальные 10 000 человек.

Наряду с проведением строительных работ на головном участке трассы, со стороны примыкания к Печорской железной дороге, также ведутся организационные работы по созданию Обского строительства и лагеря в районе Салехарда. В задачи этого строительства положено до весны 1948 года провести следующие работы:

— уложить 22 км ж.д. подъездных путей от будущего речного порта в районе Салехарда до примыкания к основной трассе железной дороги, ведущейся к морскому порту;

— подготовить помещения и базы для приема необходимого количества материальных и людских ресурсов, подлежащих завозу в навигацию 1948 года для разворота работ на участке трассы от 260 километра и дальше. Для этой цели в навигацию этого года в район Салехарда направляется строительная организация в составе 3500 человек рабочих- заключенных с необходимыми материальными ресурсами, оборудованием и транспортом.

Строительные работы на трассе железной дороги производятся в чрезвычайно сложных климатических условиях, затрудняющих более быстрое проведение работ. До 7 июня с. г. в районе железнодорожной трассы температура была ниже нуля при пурге и буранах, затем наступило резкое потепление. 10 июня пошел лед по рекам Усе и Воркуте. Ледоход сопровождался резким подъемом воды, достигая в районе Абези 8,1 метра выше ординара. Все подступы к трассе были затоплены. Через шесть дней вода сильно спала и уже с 22 июня пароходы из-за низкой воды не доходят до пристани Елец на 43 км трассы. После оттаивания грунта вся тундра покрылась водой и сделалась совершенно непроходимой для автотранспорта, а затем до настоящего времени и для всех остальных видов транспорта, включая танки и тракторы» [34].

11 июля 1947 года Круглов С.Н. доложил Сталину И.В. и Берия Л.П.: «Для производства работ текущего года организовано 5 строительных отделений со следующими границами: первое отделение от 0 до 25 км; второе — от 25 до 45 км; третье — от 45 до 65 км; четвертое — от 64 до 87 км и пятое — от 87 до 120 км. Второе и четвертое отделения являются временными и после укладки пути на их территории будут переведены на участок работы 1948 года восточнее 118 км.

Первое отделение начало работать 13 мая и имеет в настоящее время 12 колонн со списочным составом 4400 человек; второе отделение начало строительные работы 5 июля и состоит

из пяти колонн со списочным составом 1600 человек; третье отделение, занимающееся своим обустройством и строительством автодороги, имеет в своем составе 3 колонны со списочным составом 1000 человек; четвертое отделение в составе двух колонн — 700 человек прибыло к месту работы и начало обустраиваться. Одна колонна в составе 200 человек, являющаяся ядром будущего пятого отделения, прибыла 5 июля в район станции Полярный Урал на 98 километре. Кроме того, на месте работ у перехода реки Воркуты находится строительно-мостовая контора со списочным составом 400 человек. В Салехард прибыл штаб строительного отделения и работники Управления Обского лагеря. Рабочая сила для 3, 4 и 5 отделений ввиду отсутствия дорог направляется пешим порядком. Рабочая сила для Обского лагеря в ближайшее время будет отправлена пароходами из Омска. По состоянию на 10 июля уложено 15 километров главного пути. Производство работ осложнялось неблагоприятными климатическими условиями. В течение первой недели июля шли дожди со снегом» [34].

10 сентября 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал приказ «О строительстве порта и судоремонтного завода Главсевморпути в Обской губе», которое постановлением Совета Министров поручалось ГУЛЖДС МВД СССР. Строительство предписывалось осуществить из расчета обеспечения грузооборота порта в 1–1,2 миллиона тонн в составе 12 причалов с подходными глубинами в 8 метров с последующим доведением до 10 метров. Работы планировалось осуществить в две очереди, обеспечив на первом этапе ввод в строй половины от проектной мощности порта и завода и 75 % от общей площади жилого поселка. Для осуществления всех работ было приказано организовать на мысе Каменном Управление строительства и исправительно-трудовой лагерь, присвоив им наименование «Заполярстрой ГУЛЖДС МВД СССР» [34].

3 октября 1947 года Круглов С.Н. доложил Сталину И.В. и Берия Л.П. о ходе работ на строительстве № 501 МВД СССР: «По состоянию на 1 октября организация Управления строительства и его подразделений полностью закончена. Работы развернуты на всем фронте заданного участка железнодорожной трассы.

Организованная в составе Северной экспедиции Уральская экспедиция закончила на головном участке трассы от станции Чум до 192 км изыскательские работы и выдала необходимые проектные материалы для строительства линии на участке от станции Чум до 118 км (задание этого года). Участок железнодорожной линии от станции Чум до 192 км (станция Обская) протрассирован до перехода Уральского хребта

долинами рек Уса и Елец. Переход через Урал осуществлен через Елецкое седло на отметке 174 от уровня моря. Далее трасса уложена долиною реки Собь и выходит на побережье реки Обь и Обской губы.

Условия развертывания строительства № 501 были крайне неблагоприятными. Строительные работы начались в условиях наступающей весны и ледохода. В силу этого фронт работ в мае и в июне был ограничен невозможностью забросить ресурсы за реки Воркуту и Усу. Это задержало на первом этапе работы на широком фронте и строители вели их только в лоб.

От примыкания трассы к действующей железной дороге Печорстроя грузы на ближайшие участки вновь строящейся линии забрасывались гусеничным транспортом. Только в начале июля представилась возможность забрасывать ресурсы водным путем по реке Усе до пересечения трассой рек Уса и Воркута. После этого фронт работ был значительно расширен. В связи с тем, что на первых 30 километрах трасса проходит по сильно заболоченному участку тундры при полном отсутствии леса, строительство автодороги на этом участке было невозможно.

Завоз грузов и тяжелого оборудования (экскаваторы и другие механизмы) в отдаленные пункты трассы и сейчас производится еще в весьма тяжелых условиях, вызванных начавшимся в конце августа периодом сильных дождей.

В настоящее время автомобильная дорога доведена до 90 км, а на участке от 90 до 118 км грузы транспортируются тракторами и частично автотранспортом. К половине октября закончится заброска основных ресурсов в этот наиболее отдаленный участок трассы.

По состоянию на 1 октября работают четыре строительных отделения с количеством рабочей силы 31 540 человек. Включено в работу 14 экскаваторов, остальные 7 экскаваторов, выделенных по решению Правительства, прибыли на строительство и находятся в стадии сборки и транспортировки к месту работы. Работают 50 тракторов, 37 танков, 463 автомашины, 218 лошадей и 46 малых электростанций.

На 1 октября уложено 61,6 километра главного пути и 3,2 километра станционных путей. Начато строительство постоянных мостов через реки Уса и Воркута. Одновременно с форсированием основных строительных работ, усилия строительства направлены на подготовку к работе в тяжелых условиях полярной зимы. Ведется строительство жилых, коммунально-бытовых и производственных зданий, завозятся в глубинные пункты продовольствие, топливо и технические материалы.

Наряду со строительством на Западном участке новой линии,

проведена большая работа по организации завоза ресурсов на место расположения Обского строительства в Лабытнанги. К концу сентября завезено из Омска по Оби 640 вольнонаемных сотрудников, 3400 заключенных, 17 тысяч кубометров леса, 19 тысяч шпал и около 15 тысяч тонн разных грузов (продовольствие, технические материалы, горючее), необходимых для обеспечения Обского строительства до открытия навигации будущего года. Таким образом, созданы условия для освоения трассы в сторону запада и северо-востока со стороны реки Оби.

На 1 октября Обская экспедиция представила в Москву материалы по выбору варианта трассы от станции Обская до порта мыс Каменный. В ближайшее время эти материалы будут рассмотрены Министерством внутренних дел и представлены на утверждение Правительства к установленному сроку — 1 ноября 1947 года» [34].

В праздничный день 7 ноября 1947 года Круглов С.Н. направил на имя Сталина И.В. письмо: «МВД СССР докладывает Вам, что коллектив строителей железнодорожной линии № 501 (станция Чум Печорской ж. д. — порт мыс Каменный в районе Обской губы) в ознаменование Тридцатилетия Великой Октябрьской Социалистической революции, досрочно против графика уложил железнодорожный путь на участке от станции Чум Печорской железной дороги до станции Полярный Урал, перейдя укладкой на восточный склон Уральского хребта и пропустив по уложенному участку первые грузовые поезда.

Строители в течение шестимесячного строительного сезона 1947 года в тяжелых условиях необжитой заполярной тундры и полного бездорожья, уложили 101 километр железнодорожного пути, выполнив при этом свыше 1 миллиона кубометров земляных работ. Укладка железнодорожных путей до 101 километра обеспечила доставку за восточный склон Полярного Урала оборудования, материалов и продовольствия, что значительно ускорит работы по оставшимся 17 километрам задания этого года и позволит окончить эти работы на месяц раньше установленного Правительственного срока — к 1 декабря с. г. Выход за хребет Полярного Урала дает возможность соединить в 1948 году низовье реки Обь в районе Салехарда с железнодорожной сетью Советского Союза и улучшить условия развертывания работ по дальнейшему строительству железной дороги к району морского порта на мысе Каменном.

Накопленный за короткий срок организационный и строительный опыт позволяют заверить Вас, дорогой товарищ Сталин, что задание партии и правительства по строительству этой железнодорожной линии будет коллективом строителей

МВД выполнено» [34].

7 декабря 1947 года Круглов С.Н. вновь направил Сталину И.В. и Берия Л.П. сообщение об успехах предпраздничной трудовой вахты: «МВД СССР докладывает Вам, что коллектив строителей железнодорожной линии № 501 (станция Чум Печорской железной дороги — порт мыс Каменный в районе Обской губы) 5 декабря в день Сталинской Конституции выполнил досрочно Правительственное задание по укладке в 1947 году участка железнодорожной линии от станции Чум до станции Собь. В течение семи месяцев 1947 года, работая в тяжелых условиях полярной тундры, строители уложили 118 километров железнодорожного пути, выполнили свыше 1200 тысяч кубометров земляных работ, построили временные сооружения общим объемом 250 тысяч кубометров, закончили строительство постоянной линии связи на всем протяжении участка и приступили к строительству постоянных мостов. Коллективом строителей проводятся подготовительные работы к строительному сезону 1948 года» [34].

На основании постановления Совета Министров СССР от 14 апреля 1948 года и совместного приказа МВД СССР и Главного управления Северного морского пути при СМ СССР Северная проектно-изыскательская экспедиция была разделена на две экспедиции:

— Северную портовую проектно-изыскательскую экспедицию ГУСМП при СМ СССР с подчинением ее Проектно-изыскательской конторе «Арктикпроект» Главсевморпути при СМ СССР;

— Северную железнодорожную проектно-изыскательскую экспедицию МВД СССР с подчинением ее Московской конторе «Желдорпроект» ГУЛЖДС МВД СССР.

6 мая 1948 года приказом МВД СССР Управление по строительству порта на мысе Каменном и Заполярный ИТЛ включили в состав Северного управления ГУЛЖДС МВД СССР и стали именовать «Заполярный ИТЛ и строительство № 503 ГУЛЖДС МВД СССР». Заместителем и исполняющим обязанности начальника ИТЛ и строительства № 503 был назначен Самодуров В.В. [34].

В тот же день в другом приказе министр внутренних дел Круглов С.Н. во исполнение постановления Совета Министров СССР от 14 апреля 1948 года дал указания начальнику ГУЛЖДС МВД СССР Петренко И.Г., начальнику Северного управлению ГУЛЖДС Барабанову В.А. и начальнику Северной проектно-изыскательской экспедиции Татаринцеву П.К. «принять для окончательных изысканий, проектирования и строительства направление трассы железнодорожной линии к морскому порту

на мысе Каменном по прибрежному варианту: станция Чум — Елецкое Седло — Обская — район Яр-Сале, район бухты Находка, район Нового порта — мыс Каменный». Открытие рабочего движения поездов приказано было обеспечить в следующие сроки: на участке от станции Собь(118 км)до станция Обская (182 км) и на ветке от станции Обская до пристани Лабытнанги — в декабре 1948 года, на участке от станций Щучья до порта на мысе Каменном — в 4-м квартале 1952 года. Сдачу в постоянную эксплуатацию всей железнодорожной линии от станции Чум Печорской железной дороги до порта на мысе Каменном следовало произвести в 3-м квартале 1955 года.

Для обеспечения этих работ изыскания и проектирование на трассе требовалось завершить в следующие сроки: на всем протяжении железнодорожной линии до бухты Находка (514 км) — в 4-м квартале 1948 года и до порта на мысе Каменном — в 4-м квартале 1949 года. При этом основные положения частных технических проектов, подготовленных на основе предварительных изысканий (план и профиль железнодорожной линии, размещение разделительных узлов и пунктов водоснабжения, организация движения поездов, типы искусственных и гражданских сооружений, род основных строительных материалов, принятых для возведения всех сооружений дороги), необходимо было рассмотреть в ГУЛЖДС МВД СССР с привлечением необходимых экспертов. Согласованные с Северным управлением ГУЛЖДС технический проект и генеральную смету на строительство участка линии от станции Чум до станции Обская с ветвью к Лабытнанги приказано было представить на рассмотрение МВД СССР в мае 1949 года, а на строительство участка от станции Обская до порта на мысе Каменном — в августе 1950 года.

Для наращивания рабочей силы на строительстве № 501 в составе Северного управления ГУЛЖДС организовали с месторасположением в районе пристани Новый Порт еще одно, Байдарское управление строительства и к нему — Байдарский исправительно-трудовой лагерь МВД. Обеспечение нужд строительств № 501 и № 503 в пиломатериалах возложили на Березовский ИТЛ, созданный в районе выделенных для порубок лесных массивов в бассейне реки Обь, возле пристаней Березов и Кондинск, наиболее удобных для осуществления сплава.

Начальнику ГУЛАГа МВД СССР Добрынину Г.П. было приказано направить в лагеря Северного управления ГУЛЖДС в мае — августе 1948 года 21 000 заключенных, «годных к тяжелому физическому труду на открытом воздухе в суровых условиях Крайнего Севера». Кроме того, на строительство № 501

следовало завезти «400 человек специалистов железнодорожного транспорта и 100 человек специалистов водно-речного транспорта по специальному отбору из тюрем, колоний и лагерей МВД СССР». Начальнику Управления конвойных войск МВД Бочкову В.М. приказали передать из войск в ВОХР ГУЛАГа для укомплектования лагерей Северного управления ГУЛЖДС 30 офицеров, 96 сержантов и 1074 солдата. Отбор следовало произвести «из числа морально-устойчивых и физически здоровых, могущих нести службу в условиях Заполярья» [34].

Несмотря на все трудности, проектно-изыскательские работы и прокладка железнодорожной линии Чум — Обская — мыс Каменный (строительство № 501), а также подготовительные операции к строительству морского порта в Обской губе (строительство № 503) успешно продолжались. 20 июля 1948 года Круглов С.Н. направил Сталину И.В. очередной подробный отчет о состоянии дел по всем этим вопросам. Изыскания и проектные работы на участке Чум — Обская протяжением 182 километра с 18-километровой веткой к реке Оби были полностью закончены. Завершались изыскания и на протяжении 320 километров следующего участка Обская — река Щучья — бухта Находка. На конечном участке бухта, Находка — мыс Каменный, были выполнены лишь предварительные изыскания. А вот строительство порта на мысе Каменном «пока никакими проектными материалами не обеспечено». Разработанное Арктикпроектом Главсевморпути проектное задание по этому строительству пока что еще только представлено на рассмотрение экспертизы Научно-технического совета Госплана СССР.

По подготовительным и строительным работам министр внутренних дел в своем докладе отметил, что в 1947 году был уложен путь и открыто рабочее движение поездов на протяжении 118 километров, от станции Чум до разъезда Собь, расположенного на восточном склоне перевала через Урал. В настоящее время на этом участке производились работы по техническому оснащению и приведению пути в такое состояние, которое обеспечит к концу года непрерывность движения грузовых составов со скоростью 25 километров в час. На станциях Елецкая и Полярный Урал возводились паровозные депо и электростанции. На всем участке обустраивались пункты водоснабжения и строились жилищно-коммунальные и бытовые здания. Временные мосты заменялись постоянными. На участке Собь — Обская (182-й километр) закончились подготовительные работы и открылось движение автомашин по временным грунтовым дорогам. Проложена проводная связь, и через каждые 5–6 километров построены жилые городки, в которых размещена

рабочая сила. Начаты основные работы по возведению земляного полотна и искусственных сооружений. Завершение укладки железнодорожного пути планируется в декабре месяце 1948 года, и тогда будет открыто сквозное движение поездов на протяжении 182 километров, от станции Чум до станции Обская. Между станцией Обская и поселком Лабытнанги заканчивается строительство временной автодороги для транспортировки грузов, прибывающих водным путем из Омска. На участке от станции Обская до станции Щучья (302-й километр) проводятся подготовительные работы, связанные с освоением трассы, строится временная автодорога, прокладывается линия связи и возводятся жилые городки. Основные строительные работы и укладка железнодорожного пути будут вестись в 1949 году. В третьем квартале текущего года будут созданы опорные пункты в Ярсале, Находке и Новом порту для освоения участка железнодорожной трассы от 302-го километра до Нового порта (573-й километр). Первые строительные подразделения для этих пунктов, оснащенные всем необходимым для работы в необжитой тундре, направлены из Абези в Салехард для последующего завоза их пароходами. На строящейся трассе введены в эксплуатацию большие металлические мосты через реки Воркуту (длиной 145 погонных метров), Уса (длиной 300 п. м.) и Лек-Елец (длиной 113 п. м.) В июле месяце заканчивается возведение моста через реку Манита-Шор длиной 80 погонных метров. Для строительства порта на мысе Каменном производится подготовка к завозу водным путем трех тысяч человек рабочих, оборудования, технических материалов, леса и продовольствия общим тоннажем до 70 тысяч тонн для обеспечения строительства до начала навигации 1949 года [34].

Строительство железной дороги к морскому порту в Обской губе на мысе Каменном шло полным ходом, когда 29 января 1949 года в кремлевском кабинете Сталина И.В. собралось заседание Совета Министров СССР, на которое пригласили министра внутренних дел Круглова С.Н. В грандиозных планах начались новые «хвантазии»… В итоге было принято постановление Совета Министров СССР, которым, как по мановению волшебной палочки, строительство морского порта, судоремонтного завода и жилого поселка для Главного Северного морского пути с мыса Каменного Обской губы с легкостью перенеслось на тысячу километров восточнее, в район поселка Игарка на реке Енисей. Туда же по новым топям и болотам следовало проложить и железную дорогу, начав ее от города Салехарда.

Во исполнение этого постановления правительства в приказе

МВД СССР от 5 февраля 1949 года ставилась задача ГУЛЖДС «приступить немедленно» к строительству на новом месте. При этом следовало учесть, что задуманный порт должен иметь 12 причалов с глубинами 10 метров и судоремонтный завод для производства ежегодно капитального ремонта одного ледокола и двух транспортных морских судов, а также среднего ремонта еще одного ледокола и трех транспортных судов. В связи с таким «перелетом» основного объекта предлагалось «изменить направление железной дороги Чум — мыс Каменный, направив ее от города Салехарда к месту расположения порта в районе Игарки на реке Енисей». Прежние работы по строительству железной дороги от станции Обская до мыса Каменного, а также изыскания и проектирование морского порта и других объектов в районе этого мыса следовало прекратить. Теперь советским правительством было установлено следующее направление железной дороги к новострою: город Салехард, долины рек Полуй и Ярудей с переходом через реку Надым в районе фактории Надым; долины рек Хетта-Нада, Ево-Яха с переходом реки Пур; долины рек Хадыр-Яха, Варка-Сылкы, Таз, Турухан до поселка Яновстан, дальше по долине реки Вымская с переходом реки Енисей в районе поселка Денежкино и далее по правому берегу реки Енисей до морского порта Игарка. Общая протяженность дороги составляла порядка 1200 километров. Переходы рек Оби и Енисей предлагалось осуществлять при помощи самоходных паромов по типу переправы на реке Амур у города Комсомольска.

Строительство всех объектов, включавших железную дорогу от Салехарда к морскому порту в районе Игарки на реке Енисей, морской порт, судоремонтный завод и жилой поселок, возлагалось на Северное управление строительства и лагеря ГУЛЖДС МВД СССР. Изыскания и проектирование в полном объеме железнодорожной линии Салехард — Игарка поручались Желдорпроекту ГУЛЖД С МВД СССР [34].

В плане практической реализации задания правительства в составе Северного управления организовали два исправительно-трудовых лагеря и строительства: Обский ИТЛ и строительство № 501 с местом дислокации в Салехарде и Енисейский железнодорожный ИТЛ и строительство № 503 с базой в районе переправы через реку Енисей в районе Игарки. На Обский комплекс возлагалось завершение железной дороги от станции Чум до Салехарда с паромной переправой через реку Обь, строительство железной дороги от Салехарда до реки Пур (исключительно), а также строительство перевалочной базы в бухте Новый Порт в Обской губе. Енисейские организации должны были продолжить строительство участка железной

дороги от реки Пур (включительно) до морского порта в районе Игарки с паромной переправой через реку Енисей. Работы по прокладке железной дороги было приказано производить одновременно с двух направлений: со стороны Салехарда и со стороны реки Енисей. Строительство порта, судоремонтного завода и жилого поселка в районе Игарки возлагались непосредственно на Северное управление строительства и лагерей ГУЛЖДС МВД СССР.

Начальником Северного управления строительства и лагерей ГУЛЖДС МВД СССР был назначен Барабанов В.А., а главным инженером — Цвелодуб Б.И. Начальником Северной железнодорожной проектно-изыскательской экспедиции и заместителем начальника Северного управления строительства и лагерей остался Татаринцев П.К. Начальником Обского УИТЛ и строительства № 501 поставили Самодурова В.В., а начальником Енисейского УИТЛ и строительства № 503 — Артамонова А.В.

По срокам строительство первой очереди порта, судоремонтного завода и жилого поселка в районе Игарки на реке Енисей полагалось закончить в 1953 году, а всего комплекса сооружений на полную мощность — в 1955 году. Открытие рабочего движения поездов на всем протяжении железной дороги следовало обеспечить в 4-м квартале 1952 года, а полное окончание строительства со сдачей в постоянную эксплуатацию — в 1955 году.

Интересно, что начальнику ГУЛЖДС Гвоздевскому Ф.А., начальнику Желдорпроекта Червякову В.А. и начальнику Северной экспедиции Татаринцеву П.К. было приказано представить в МВД СССР технический проект железнодорожной линии Салехард — Игарка к 1 марта 1952 года (то есть через три с лишним года). В то же время начальник Северного управления строительства и лагерей Барабанов В. А. был обязан обеспечить к концу 1950 года укладку 400 километров пути с двух направлений, в том числе в 1949 году со стороны Салехарда 100 километров. Опять эти работы, как и при прежнем незавершенном строительстве, предписывалось проводить без наличия документации по неизведанным местам, «где и Татаринцев еще не ходил» (как было сказано в главе 16 замминистра Чернышовым В.В.). Однако приказ надо было выполнять, а потому с наступлением навигации 1949 года следовало приступить к вывозу людских и материальных ресурсов с мыса Каменного, из Нового Порта, Находки, Яр-Сале и с участка Обская — Щучье с тем, чтобы направить все это на организацию Обского ИТЛ и строительства № 501.

Начальник ГУЛАГа МВД СССР Добрынин Г.П. обязан был

поставить в лагеря Северного строительства ГУЛЖД С 30 000 заключенных, в том числе: 800 человек шоферов, 200 автослесарей, 50 автомехаников, 1000 железнодорожников, 100 человек специалистов, работавших ранее на речном и морском транспорте.

Контроль за выполнением приказа о передислокации был возложен на заместителя министра внутренних дел СССР Чернышова В.В. При этом для оперативного разрешения на месте всех вопросов, связанных с организацией работ, он был направлен в район строительства в командировку [34].

Через два месяца Круглов С.Н. представил на имя Сталина И.В. и Берия Л.П. доклад о ходе строительства железной дороги от Салехарда к будущему морскому порту в районе Игарки на реке Енисей по состоянию на 1 апреля 1949 года. Для выполнения проектно-изыскательских работ были организованы три железнодорожные экспедиции. Обская экспедиция действовала на участке от реки Обь до реки Надым на протяжении 365 километров. Надымская экспедиция обрабатывала следующий участок трассы от реки Надым до реки Таз на протяжении 500 километров. Енисейская экспедиция вела работу на последнем участке от реки Таз до порта на реке Енисей в районе Игарки на протяжении 365 километров.

Выполнение работ по прокладке железной дороги от станции Чум Печорской железной дороги к морскому порту на реке Енисей в районе Игарки общим протяжением 1430 километров велось в составе Северного управления двумя строительствами, № 501 и № 503. На строительство № 501 была возложена организация работ на участке от станции Чум Печорской железной дороги до реки Пур общим протяжением 880 километров. В 1949 году это строительство обязали провести работы по улучшению состояния пути, постройке постоянных мостов и труб (взамен имевшихся временных), выполнить путевое развитие раздельных пунктов, депо и водоснабжения на протяжении 200 километров от станции Чум до Лабытнанги на левом берегу Оби, обеспечив в результате на этом участке прямое железнодорожное пассажирское и товарное сообщение с Печорской магистралью. Для выполнения этих работ здесь сосредоточили 23 000 рабочих, 200 автомашин, 12 экскаваторов и необходимое количество другого оборудования и транспорта. На втором участке строительства, от Салехарда до 150-го километра, развертывались строительные работы, обеспечивавшие укладку в 1949 году первых 100 километров железнодорожного пути. На этой строительной площадке были сосредоточены 6100 человек вольнонаемных и заключенных строителей. Завоз рабочих

продолжался, и к началу проведения основных работ их количество довели до 30 000 человек. Дополнительно сюда были направлены 500 автомашин, 500 лошадей и 15 экскаваторов.

На строительство № 503 возлагалась организация работ на участке протяжением около 550 километров, от реки Пур до порта на реке Енисей, в районе Игарки. В 1949 году на этом строительстве следовало освоить участок железной дороги на первых 100 километрах со стороны реки Енисей и обеспечить укладку железнодорожного пути на первых 30 километрах. Для организации Управления строительства № 503 на место в район Игарки самолетами перебросили группу инженерно-технических работников во главе с руководителями строительства. Завоз рабочей силы и материальных ресурсов в больших количествах планировалось начать с открытием навигации по реке Енисей через Красноярск. Всего для строительства № 503 в текущем году намечалось завезти с учетом потребности на межнавигационный период 30 000 человек рабочих, 150 километров рельсов, 280 автомашин, 30 тракторов, 20 экскаваторов, продовольствие, вещевое довольствие и различные технические грузы [34].

Докладывая 17 января 1950 года Сталину И.В., Берия Л.П. и Маленкову Г.М. о выполнении плана капитальных работ 1949 года по строительству железных дорог, министр внутренних дел СССР Круглов С.Н. отметил: «Строительствами № 501 и № 503 (железнодорожная линия Салехард на Оби — порт Игарка на реке Енисей) освоено капиталовложений 809 млн рублей, что составляет 110,6 % к плану; уложено главного железнодорожного пути 132 километра при задании в 130 километров. Участок железнодорожной линии от примыкания к станции Чум Печорской железной дороги до станции Лабытнанги на левом берегу реки Обь приведен в состояние, обеспечивающее нормальное грузовое и пассажирское движение. Уложена ледовая железнодорожная переправа через реку Обь от станции Лабытнанги до города Салехарда протяжением в 7 километров.

По строительству железной дороги Салехард — Игарка намечалось в 1950 году провести следующие работы: уложить 400 км железнодорожного пути, в том числе 250 км в направлении от Салехарда на Игарку, обеспечив открытие рабочего движения поездов от станции Салехард на протяжении 380 км до перехода через реку Надым и со стороны Игарки от пункта Ермаково на левом берегу реки Енисей на протяжении 150 км до пункта Янов-Стан; приступить к строительству мостовых переходов через реки Надым, Пур и Таз; построить необходимое количество временных депо, пунктов водоснабжения, мастерских, производственных, технических и

жилых зданий».

Заданные правительством сроки строительства поджимали, и потому приказом МВД СССР от 16 августа 1950 года начальнику ГУЛЖДС МВД СССР Гвоздевскому Ф.А. и начальнику Желдорпроекта Червякову В.А. было приказано закончить в 1950 году предварительные изыскания на трассе железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка на всем ее протяжении в полторы тысячи километров, а на 950 километрах из них завершить изыскания в полном объеме. В дополнение к строительству железной дороги начальнику ГУЛЖДС поручалось также «в месячный срок разработать мероприятия по организации землечерпательных работ в районе Игарки на реке Енисей» [34].

16 ноября 1950 года, докладывая Сталину И.В., Молотову В.М., Маленкову Г.М., Берия Л.П. и Булганину Н.А. о ходе выполнения ГУЛЖДС МВД СССР плана капитальных работ по строительству железных дорог за 10 месяцев 1950 года, министр внутренних дел Круглов С.Н. сообщил, что строительство по трассе железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка протяжением 1468 километров развернуто на протяжении 800 километров, в том числе с запада, со стороны реки Обь, на 550 километров и со стороны города Игарки на реке Енисей на протяжении 250 километров. По состоянию на текущий день уложено 495 километров главного пути, в том числе со стороны реки Обь — 402 километра; построено 620 мостов и труб. Завершенный участок железной дороги Чум — Салехард протяжением 195 километров находился во временной эксплуатации и обеспечивал перевозки народно-хозяйственных грузов до реки Обь.

Годовой план капитальных работ за прошедшие 10 месяцев успешно выполнялся: уложено 176 километров главного пути, выполнено 41 000 кубических метров земляных работ, построено необходимое количество искусственных сооружений и 810 тысяч кубических метров временных зданий.

В плане организации дноуглубительных работ в районе Игарки на реке Енисей, связанных со строительством порта, Министерство морского флота СССР обязали перевезти в июле 1951 года из Ленинграда в Архангельск и далее в порт Игарку землечерпательную машину «Колыма». Главное управление Севморпути должно было транспортировать из Архангельска к острову Диксон четыре шаланды и теплоход «Юкан» Балттехфлота. Министерство морского флота обеспечивало дальнейшую буксировку этих судов от Диксона до Дудинки, а Министерство речного флота — от Дудинки до Игарки. ГУЛЖД С и строительству № 503 для проведения вскрышных работ

предлагалось направить необходимое количество подрывников, а также выделить взрывчатые материалы для производства работ по разрыхлению плотных грунтов и грунтов на участках вечной мерзлоты.

Вместе с тем огромные расходы, которые потребовало новое гигантское строительство, привело к необходимости хоть как-то экономить средства страны, выполнявшей одновременно большое число часто волюнтаристски заданных правительством капитальных работ. В связи с этим 13 августа 1950 года Совет Министров СССР принял постановление о сокращении стоимости строительства морского порта в районе Игарки «за счет упрощения конструкций гидротехнических и промышленных сооружений и устранения допущенных в проекте излишеств» (сделанных, кстати, по заданию правительства. — *Ю. Б.*). Выполняя это постановление, 23 декабря 1950 года Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства, Министерство внутренних дел СССР и Главсевморпуть при СМ СССР доложили Молотову В.М. свои предложения. На основании этих предложений 24 мая 1951 года Совет Министров СССР принял постановление «О переработке проектного задания на строительство в районе Игарки порта, судоремонтного завода и поселка Главсевморпути при Совете Министров СССР», которым было предписано, во-первых, уменьшить расчетный грузооборот порта на 1955 год с 1570 тысяч тонн до 1100 тысяч тонн и сократить количество морских причалов в порту с 12 до 9 (включая реконструкцию 5 существующих причалов) с уменьшением глубины причалов с 10 до 8,5 метра. Во-вторых, предписывалось построить в районе Игарки вместо судоремонтного завода судоремонтные мастерские, рассчитанные на междурейсовый ремонт морских судов, а также на ремонт судов и механизмов, обслуживающих порт. Совет Министров СССР обязал ГУСМП при СМ СССР срочно представить на утверждение свое предложение о новом месте строительства судоремонтных мастерских, а затем и переработанное проектное задание.

12 сентября 1951 года Совет Министров СССР утвердил новое проектное задание на строительство порта, судоремонтных мастерских и поселка в районе города Игарки на реке Енисей со следующими показателями:

— порт в составе 11 морских причалов, в том числе: 4 причала глубиной 8,5 метра и 7 причалов глубиной 7 метров (включая реконструкцию 5 существующих причалов);

— расчетный грузооборот порта на 1955 год в размере 1136 тысяч тонн;

— судоремонтные мастерские по ремонту судов, механизмов и оборудования с объемом работ 12 млн рублей в год;

— сметная стоимость строительства порта, судоремонтных мастерских и жилого поселка 695,5 млн рублей.

ГУСМП при СМ СССР обязан был утвердить не позднее 15 апреля 1952 года технический проект и генеральную смету на строительство всех указанных объектов [34].

Если по вопросу строительства порта возникли серьезные проблемы, то работы по прокладке железной дороги продолжались в заданном темпе. Еще 21 февраля 1951 года Круглов С.Н. доложил Молотову В.М., что в июле 1951 года заводом № 402 Министерства судостроительной промышленности СССР (город Молотовск Архангельской области) будет закончена постройка двух железнодорожных самоходных паромов речного типа № 217 и № 218. Паромы предназначались для перевозки подвижного состава на строившейся железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка: один в районе города Салехарда через реку Обь и второй — в районе города Игарки через реку Енисей. 19 июля 1951 года приказом МВД СССР было объявлено, что Совет Министров СССР распоряжением от 15 июля 1951 года утвердил комиссию для приемки двух самоходных железнодорожных паромов. Приказом МВД СССР было предписано закончить приемку паромов к 1 августа 1951 года и укомплектовать команду, предназначенную для перевода паромов Северным морским путем в районы Салехарда и Игарки [34].

Строительство железной дороги Чум — Салехард — Игарка шло полным ходом, когда 17 мая 1952 года Совет Министров СССР принял постановление с новыми, как говорил мой начальник, «хвантазиями» о строительстве железных дорог на Крайнем Севере. Конечно, очень заманчиво было бы иметь надежный круглогодичный путь в те суровые края, где дорог нет и до сих пор. Но вопрос: какой ценой? Скрытое от общественности использование подневольной рабочей силы для реализации многих смелых сталинских замыслов являлось, наверное, не самым лучшим вариантом развития производительных сил. С другой стороны, понятно, что с помощью даже тысяч добровольцев, работавших за символическую плату, пробраться к богатствам недр, скрытых зимой под толстым слоем снега, а летом утопавших в болотах, в то время не представлялось возможным. На мой взгляд, следовало бы все-таки сочетать желаемое и возможное на данном историческом отрезке времени.

Во всяком случае, правительство утвердило план научно-

исследовательских, проектно-изыскательских и опытных работ по транспортному освоению Крайнего Севера на 1952 год, которым предусматривалось «возложить на Желдорпроект ГУЛЖДС МВД СССР технико-экономическое и военно-транспортное обоснование возможных вариантов перспективного развития железнодорожных транспортных коммуникаций на Крайнем Севере, в том числе дать сравнительную оценку следующих направлений:

— Якутско-Чукотская железнодорожная магистраль (Усть-Кут — Хандыга — Зырянка или Сеймчан — Восточное побережье Чукотского полуострова с выходами к порту Певек и Колючинской губе), как основная магистраль на северо-востоке СССР;

— Северная широтная железнодорожная магистраль Ермаково — Якутск;

— варианты железнодорожных линий от станции Усть-Кут до Якутска и из района Якутска до Тикси;

— варианты новых железнодорожных выходов на побережье Баренцева моря (Индига, Югорский шар);

— линия от станции Полуночная вдоль восточного склона Урала до Салехарда;

— линия Анадырь — Марково — Усть- Большерецк — Петропавловск-Камчатский».

Разработку технико-экономических соображений было предложено произвести на основе проектных, литературных и картографических материалов, имевшихся в МВД СССР, а также в других министерствах и ведомствах, с представлением материалов в МВД СССР к 1 декабря 1952 года. Непосредственное выполнение указанных работ возложили на Якутскую экспедицию Желдорпроекта ГУЛЖДС МВД СССР. Начальники Дальстроя (Митраков И.Л.), Главного управления лагерей горно-металлургической промышленности (Добровольский Н.А.), Специального главного управления Главспеццветмет (Харитонов Ф.П.) и Енисейстроя (Панюков А.А.) должны были передать Желдорпроекту имевшиеся у них материалы по технико-экономическому обоснованию железнодорожных направлений, а также вместе с начальником ГУЛЖДС МВД СССР Смольяниновым А.А. принять участие в разработке материалов по приемам и методам проектирования, строительства и эксплуатации транспортных сооружений в условиях вечной мерзлоты [34].

Однако этим планам не суждено было сбыться в связи со смертью 5 марта 1953 года организатора и вдохновителя всех великих строек коммунизма И.В. Сталина.

С этого же времени постановлением Совета Министров СССР от 25 марта 1953 года строительство железной дороги Чум —

Салехард — Игарка, а также порта, судоремонтных мастерских и жилого поселка в районе города Игарки (сметной стоимостью 7200 млн рублей, из которых на начало 1953 года освоили 3724 млн рублей) было прекращено. Из указанных в проекте 1470 километров главного пути этой железной дороги успели уложить 887 км, а из 112,5 километра станционных путей — 76 километров. На время прекращения работ на строительстве имелось следующее количество рабочей силы и административно-технического персонала: заключенных — 28 000 человек, охраны — 2500 человек, вольнонаемных рабочих — 2800 человек, административно-технического персонала — 4500, лагерного персонала — 1200 человек [34].

Тоннель под Татарским проливом (см. карту в фотоальбоме). В августе 1945 года Южный Сахалин, отторгнутый Японией у России в результате Русско-японской войны 1904–1905 годов, был освобожден советскими войсками. В течение следующего года с территории острова было репатриировано проживавшее там японское население. Началось заселение южной части острова переселенцами из материковых районов СССР. 2 января 1947 года была образована Сахалинская область в составе РСФСР.

Экономическое развитие острова, связанное прежде всего с добычей нефти и угля, а также с использованием богатств омывающих Сахалин морей, сильно тормозилось слабым развитием дорог на острове и отсутствием надежной связи с материком. Морское сообщение с северной частью Сахалина могло осуществляться лишь с конца июня до начала ноября, то есть всего 4 месяца в году. Дорожная сеть северной части острова была развита слабо, а в южной части большинство дорог оказалось разрушено в ходе боевых действий. Добыча нефти в районе города Охи сдерживалась недостаточной пропускной способностью построенного в годы войны нефтепровода Оха — Комсомольск-на-Амуре и невозможностью использования из-за мелководья нефтеналивных судов.

В июле 1947 года руководство области доложило в Совет Министров СССР вопрос о необходимости восстановления автомобильных трасс. Кардинальное улучшение транспортной сети и обеспечение надежной связи с материком стало жизненной необходимостью для дальнейшего развития области [34].

30 июля 1947 года Совет Министров СССР принял постановление «Об организации изыскательской экспедиции по обследованию направлений строительства железной дороги Оха — Катангли на Сахалине». На основании этого документа ГУЛЖДС МВД СССР должно было организовать экспедицию для

определения трассы железной дороги от района нефтепромыслов до Катангли — ближайшего глубоководного порта на восточном побережье Сахалина. Однако проведенные изыскания показали, что строительство железной дороги вдоль восточного побережья острова слишком трудоемко и экономически нецелесообразно. Возражали и военные: они настаивали на строительстве железной дороги по побережью Татарского пролива на западе острова. Но такая транспортная ветка не смогла бы содействовать экономическому развитию Сахалина из-за короткого периода навигации в Татарском проливе.

В конце 1940-х годов обеспечение надежной связи с островом приобрело еще большую актуальность: начало «холодной войны» обострило обстановку на Дальнем Востоке. В этих условиях при превосходстве американского флота, базировавшегося в Японии, морские пути сообщения с Сахалином в случае возникновения конфликта могли быть прерваны. Все это требовало принятия мер по обеспечению надежной и постоянной связи с островом, позволявшей в случае необходимости, заменить морской транспорт.

В декабре 1949 года заместитель Председателя Совета Министров СССР Берия Л.П. поручил специалистам МВД, МПС, Военно-морского министерства, Главного управления Северного морского пути и Министерства судостроительной промышленности изучить возможность осуществления непрерывного железнодорожного сообщения с островом Сахалин через Татарский пролив путем строительства железнодорожного тоннеля под проливом или надежной ледокольной паромной переправы.

В апреле 1950 года специалисты указанных ведомств представили три варианта железнодорожного перехода через Татарский пролив: дамба, паромная переправа и тоннель. По экономическим соображениям предпочтение отдавалось дамбе и паромной переправе. В заключении специалистов Желдорпроекта и Гидропроекта МВД СССР говорилось, что прямое железнодорожное и автомобильное сообщение острова Сахалин с материком можно осуществить посредством каменной насыпной дамбы длиной около 8 километров через Татарский пролив в наиболее узком его месте — мыс Лазарева — Погиби. Для устройства дамбы и прокладки по ней двухпутного железнодорожного пути и автомобильной дороги ширину ее по гребню следовало предусмотреть не менее 30 метров. Для предотвращения водных разрушений гребень дамбы должен возвышаться над водой не менее чем на 10 метров. Откосы дамбы необходимо было укрепить кладкой из тяжелых бетонных

массивов. Сквозь каменное набросное тело дамбы допускалась свободная фильтрация воды в обе стороны. Для пропуска кораблей, ходивших по Татарскому проливу, в дамбе предусматривалось устройство судоходного шлюза, у которого длина камеры составляла около 300 метров, ширина 30 и глубина 8 метров. Шлюз должен был позволять преодолевать наибольшую временную разницу горизонтов уровней воды в 2 метра. Стоимость работ по постройке дамбы и шлюза в ценах 1950 года была примерно 1300 млн рублей.

Сооружение дамбы, перекрывавшей полностью морской пролив в условиях бурного моря с тяжелым ледовым режимом, не имело аналогов в мировой практике морских сооружений. Такая дамба должна была обладать высокой прочностью и устойчивостью. Для этого при ее строительстве следовало предусмотреть:

— отсыпку по дну пролива под дамбой толстой подушки из щебня и мелкого камня, чтобы предотвратить вынос грунта из-под тела дамбы при фильтрации воды;

— обустройство подводных откосов пологими и из наиболее крупных камней;

— сооружение надводных откосов крутыми для лучшего отражения волн и льда.

При этом утверждалось, что перекрытие пролива такой дамбой обеспечит почти неограниченную транспортную связь материка с островом, но изменит режим пролива, нарушит миграцию рыбы и несколько затруднит судоходство по проливу.

Другое решение вопроса о преодолении пролива основывалось на использовании морских железнодорожных паромов ледокольного типа. Паромная переправа могла быть осуществлена так: с обоих берегов до глубины 4 метров отсыпаются насыпи, имеющие ширину поверху 25 метров и общее протяжение от уреза воды около 3 километров. В конце каждой насыпи обустраиваются станционные площадки, к которым подходят железнодорожные пути. На станционных площадках со стороны пролива строятся причальные сооружения для паромов. От ледовых подвижек насыпи ограждаются стенками из мощной каменной наброски с бетонными блоками. Наиболее глубокая средняя часть пролива протяжением 5 километров остается свободной и обслуживается двумя самоходными паромами ледокольного типа, каждый из которых берет на борт железнодорожный состав весом 1500 тонн.

В весенний, летний и осенний периоды возможность движения паромов не вызывала сомнений, но их эксплуатация существенно осложнялась в зимних условиях. По имевшимся

данным, ледовый режим северной части Татарского пролива характеризовался как тяжелый: толщина льда в средней части пролива достигала до полутора метров, причем наблюдались подвижки и сжатие ледяного поля. Однако эти условия не закрывали возможности круглогодичного движения ледоколов-паромов водоизмещением 7 тыс. тонн каждый. Ориентировочная стоимость паромной переправы составляла около 650 млн рублей.

Третий вариант заключался в строительстве железнодорожного тоннеля под Татарским проливом в наиболее узком его месте. Проектируемое строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре — мыс Лазарева — Победино после его завершения могло обеспечить подвоз строительных материалов и оборудования уже в 1953 году. До открытия движения на этой дороге подвоз грузов для строительства тоннеля мог осуществляться только водным путем, причем портовых сооружений в районе строительства не имелось.

Изучение материалов по геологическому строению дна Татарского пролива показало, что при проходке тоннеля строители столкнутся с необходимостью работы в насыщенных водой песках и суглинках. Это обстоятельство вызывало необходимость заглубления тоннеля не менее чем на 35 метров. При прокладке такого тоннеля обязательным являлось применение щитовых проходок под сжатым воздухом, что требовало наличия мощных компрессорных установок.

По предварительным подсчетам, общая длина тоннеля составляла 13,4 километра, в том числе подводная его часть имела 7,3 километра. Такая длина подземной проходки требовала наличия искусственной вентиляции с подогревом воздуха для поддержания нормального климатического режима. Вентиляционные устройства тоннеля предполагали строительство на каждом берегу по одной котельной с общим расходом угля до 50 тысяч тонн в год. В целях обеспечения строительства тоннеля в пятилетний срок требовалось изготовить 10 проходческих щитов, каждый из которых представлял сложный механизм весом до 250 тонн, оснащенный гидравлическими домкратами. Для обеспечения электропитания проходческих щитов и компрессорных установок необходимо было не менее 20 тысяч киловатт электроэнергии. Это вынуждало до начала основных строительных работ построить электростанцию мощностью до 25 тысяч киловатт.

Диаметр проектировавшегося тоннеля составлял 8,2 метра. В тоннеле укладывался один путь железной дороги нормальной колеи, что позволяло в сутки пропускать с материка на остров и

обратно 13–14 пар поездов с применением двойной паровозной тяги. Входные порталы тоннеля предполагалось разместить приблизительно в трех километрах от уреза воды и выполнить в мощных железобетонных конструкциях толщиной 5–6 метров.

Срок прокладки тоннеля предполагался в пять — пять с половиной лет. Стоимость строительства оценивалась в 2700 млн рублей. Необходимая потребность в рабочей силе составляла 12 000 человек, в том числе — 3800 «подземщиков».

Любой вариант перехода через Татарский пролив предполагал строительство железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Победино на Сахалине. 3 апреля 1950 года МВД СССР представило свои соображения по поводу сооружения этой дороги. В докладной говорилось, что железнодорожную линию целесообразно проложить от Комсомольска-на-Амуре, использовав в начале пути 52 километра существовавшей железнодорожной линии на Советскую Гавань, далее пройти долинами рек Хавынь и Мачтовая, затем — правым берегом реки Амур, южнее озера Кизи на мыс Лазарева и Погиби.

По острову Сахалин имелось два варианта прохождения трассы:

— по западному берегу острова до города Александровск-на-Сахалине, затем Дербинское — Победино общим протяжением 381 километр;

— от мыса Погиби через Камышевый хребет по долине реки Тымь до Дербинское и далее до Победино с веткой на город Александровск протяжением 448 километров.

Общее протяжение железной дороги Комсомольск — Победино по первому варианту составляло 883 километра и по второму — 950 километров.

В связи со строительством новой железнодорожной линии возрастала потребность в увеличении пропускной способности железнодорожной переправы через Амур в районе Комсомольска. В то время здесь работало два самоходных парома, вмещавших по 32 вагона каждый, что обеспечивало перевозку 500 вагонов в сутки в обоих направлениях. Поскольку имевшиеся паромы не могли справиться с предстоявшим потоком грузов, предлагалось построить третий самоходный паром такого же типа. По мнению специалистов МПС, к концу строительства железной дороги Комсомольск — Победино следовало иметь постоянный железнодорожный мост через реку Амур. Одновременно с этим эксперты всех заинтересованных ведомств предложили перевести движение поездов в тоннеле на электрическую тягу, что существенно облегчало устройство вентиляционных сооружений. В этом случае строительство вентиляционных шахт в проливе,

необходимых при паровой тяге, исключалось. При электрической тяге вентиляция тоннеля могла быть осуществлена посредством двух береговых вентиляционных шахт большой мощности. По соображениям военных, эти шахты можно было замаскировать и сделать защищенными [34].

3 апреля 1950 года все вышеуказанные материалы и исследования вместе с проектом постановления Совета Министров СССР по данному вопросу были направлены Берия Л.П., который 7 апреля доложил их Сталину И.В. Затем 13 апреля проект постановления поступил на рассмотрение Президиума Совета Министров СССР.

После выполнения всех необходимых процедур 5 мая 1950 года Сталин И.В. подписал постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось: «В целях соединения железных дорог Южного Сахалина с общей сетью дорог СССР Совет Министров Союза ССР постановляет: считать необходимым построить в течение 1951–1955 годов железную дорогу от Комсомольска-на-Амуре через Татарский пролив до Победино на Южном Сахалине, тоннель под Татарским проливом в районе мыса Лазарева — Погиби и паромно-ледокольную железнодорожную переправу через Татарский пролив южнее тоннельного перехода с одновременным увеличением пропускной способности паромной переправы через реку Амур в Комсомольске-на-Амуре». При этом проектирование и строительство всей линии железной дороги и паромной переправы через Татарский пролив возлагалось на Министерство внутренних дел СССР. Тоннель под Татарским проливом должно было спроектировать и построить Министерство путей сообщения СССР. Проектирование и строительство самоходных паромов для железнодорожных переправ через Татарский пролив и через реку Амур обеспечивало Министерство судостроительной промышленности СССР.

В соответствии с данным постановлением правительства МВД и МПС СССР обязаны были обеспечить открытие временного движения поездов по полностью построенной железной дороге Комсомольск-Победино и окончание работ в 1955 году. При этом сквозное железнодорожное движение с использованием временной паромной переправы через Татарский пролив должно было начаться уже в 1953 году. Строительство тоннеля под Татарским проливом следовало окончить в 1955 году.

Постановление правительства обязывало МВД СССР возложить выполнение работ по строительству участка железной дороги Комсомольск — мыс Лазарева на Нижнеамурлаг, усилив его кадрами и ресурсами. Для строительства железной дороги Погиби — Победино предписано было организовать на Сахалине

строительство № 506 и исправительно-трудовой лагерь МВД. Для строительства паромной переправы через Татарский пролив формировались ИТЛ и строительство № 507. В связи со сдачей в постоянную эксплуатацию железной дороги Наушки — Улан-Батор, о которой речь шла выше, правительство распорядилось на вновь организуемое строительство направить людские и материальные ресурсы строительствах № 505 МВД СССР.

Начальником строительства железной дороги Комсомольск-на-Амуре — мыс Лазарева был назначен Орловский И.И., главным инженером — Замахаев А.П. Начальником строительства железной дороги Погиби — Победино стал Потемкин Н.Ф., главным инженером — Гильнер Н.К. Начальником строительства паромной переправы через Татарский пролив назначили Арайса Я.Ф.

Проектирование тоннеля под Татарским проливом правительство возложило на Метропроект и Главтоннельметрострой Министерства путей сообщения. Для осуществления работ по тоннелю МПС поручили организовать строительное управление № 6, начальником которого назначили Ермолаева Н.А., а главным инженером — Дьяконова Л.П. Для маскировки трассы тоннеля МПС обязали построить на расстоянии 40–50 километров в сторону от входа в тоннель ложные ориентиры.

Представляет определенный интерес вопрос о том, как советское правительство решило обеспечить «вольнонаемной» рабочей силой гражданское стройуправление № 6 Министерства путей сообщения, приступившее к подготовке работ по сооружению тоннеля под Татарским проливом. В приказе МВД СССР от 11 августа 1950 года было сказано: «Совет Министров СССР постановлением от 5 мая 1950 года обязал МВД СССР по согласованию с Прокуратурой СССР освободить из исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД в 1950 году и направить для работы на строительстве № 6 Министерства путей сообщения СССР 8000 заключенных (за исключением осужденных за бандитизм, разбой, умышленное убийство, воров-рецидивистов и лиц, осужденных к каторжным работам, а также за исключением подлежащих содержанию в особых лагерях МВД), закрепив их на этих работах (в качестве «вольнонаемных». — *Ю. Б.*) до истечения срока, назначенного для отбытия наказания». Во исполнение указанного постановления правительства министр внутренних дел приказал «приступить к отбору в первую очередь 2000 заключенных, для чего образовать комиссии. Комиссиям отобрать для освобождения заключенных, положительно проявивших себя в быту и на производстве, по физическому

состоянию первой категории труда и имеющих остаток срока наказания не менее 2 лет. В число подлежащих освобождению не включать заключенных из числа иностранных граждан (подданных), лиц без гражданства, а также осужденных “власовцев”, спецвыселенцев и отбывающих наказание за контрреволюционные преступления. Протокол, подписанный всеми членами комиссии, в двух экземплярах, не позднее 25 августа 1950 года, выслать в ГУЛАГ МВД СССР для последующего направления на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР. УМВД и исправительно-трудовым лагерям по получении решений Особого Совещания при МГБ СССР на всех освобождаемых заключенных оформить паспорта и справки об освобождении. Выписки из решения Особого Совещания при МГБ СССР объявлять освобождаемым перед отправкой к месту работы. Всем освобождаемым объявлять, что они по прибытии на место будут досрочно освобождены и закреплены на неотбытый срок наказания на положении вольнонаемных. От каждого освобождаемого отобрать подписку о том, что он обязан проработать на строительстве в течение неотбытого срока наказания. Всех досрочно освобождаемых заключенных, подлежащих освобождению из лагерей и колоний, направить под охраной конвойных войск в распоряжение начальника строительства № 6 Министерства путей сообщения, а также на строительство МВД № 507 для использования на работах по вольному найму. Начальнику Нижне-Амурского ИТЛ МВД подполковнику Орловскому обеспечить прием в Комсомольске-на-Амуре всех освобождаемых заключенных и переотправку их к местам назначения. Начальнику строительства № 507 подполковнику Арайс обеспечить прием и размещение освобождаемых заключенных, а также их правильное трудоиспользование на работах для строительства № 6 МПС. При отправке освобождаемых к месту работы вручить начальнику конвоя в отдельном пакете паспорта, справки об освобождении и отобранные от заключенных подписки с обязательством отработать неотбытый срок наказания на строительстве. Личные дела на освобождаемых оставлять на хранении в лагерях-колониях, где они содержались. По прибытии освобождаемых к месту работ начальникам конвоя, в соответствии с настоящим приказом, произвести их освобождение из-под стражи и передачу администрации строительства. Одновременно вручить паспорта освобожденных вместе с отобранными от них подписками о работе на строительстве на время неотбытого срока наказания, а также справками об освобождении, руководству строительства. Предупредить администрацию строительства, что взамен

паспортов и справок об освобождении, освобожденным следует выдать специальные удостоверения о работе на данном строительстве, а паспорта и справки выдавать бывшим заключенным лишь по истечении неотбытого срока наказания». Заключенные из числа первых 2000 человек направлялись на новое строительство из Нижне-Амурлага и Сиблага, УМВД Приморского, Красноярского и Хабаровского краев, УМВД Амурской, Иркутской, Читинской областей и МВД Бурят-Монгольской АССР.

Помимо «вольнонаемной» рабочей силы начальнику ГУЛАГа МВД СССР Добрынину Г.П. было предписано в июне-октябре 1950 года обеспечить завоз на строительство 12 000 заключенных, «годных к тяжелому физическому труду на открытом воздухе в суровых климатических условиях». При этом на заключенных, занятых на строительстве железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре — Победино, тоннеля и паромной переправы через Татарский пролив распространялись зачеты рабочих дней, установленные для лагерей Дальстроя. Для работы в изыскательских партиях обязали начальника Отдела спецпоселений МВД СССР Шияна В.В. направить в течение мая-июня 1950 года в распоряжение Нижнеамурлага МВД 800 человек спецпоселенцев, «физически здоровых, годных для изыскательских работ в условиях таежной местности и Приморья». Контроль за выполнением приказа возложили на заместителя министра внутренних дел СССР Чернышова В.В.

Постановлением правительства в планах на 1951 год МВД СССР предписывалось выполнение следующих работ: «Подготовить 200 километров земляного полотна под укладку рельсов; уложить 150 километров рельсов, из них — 120 километров главного пути; построить 300 километров временных автомобильных дорог вдоль трассы строящейся железной дороги; выполнить земляные работы по устройству подхода к паромной переправе на западном берегу Татарского пролива и работы по устройству ряжевых причалов; построить для нужд строительства ремонтно-механические предприятия, предприятия по производству местных строительных материалов, жилые и коммунально-бытовые здания; завести в 1951 году на остров Сахалин для строительства паромной переправы через Татарский пролив рабочую силу, а также материально- технические ресурсы в количестве, обеспечивающем производство строительных работ до начала навигации 1952 года; завезти на остров Сахалин из Монгольской Народной Республики 500 лошадей, освобождающихся на строительстве № 505».

Строительные работы, возложенные МВД, несмотря на все

трудности, настойчиво выполнялись. В то же время порученное МПС сооружение тоннеля шло с большим трудом. Для решения этой проблемы постановлением правительства от 6 апреля 1951 года на строительство № 6 направили еще 6000 «вольнонаемных» рабочих из числа досрочно освобожденных заключенных, обязанных там работать до истечения срока наказания. Однако 11 ноября 1952 года Совет Министров постановил «в целях ускорения строительства тоннельного перехода через Татарский пролив на железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре — Победило» возведение этого объекта возложить на Министерство внутренних дел СССР. Очевидно, высшему руководству стало ясно, что «гражданское» министерство со столь сложной задачей справиться не в состоянии, а потому обязало МПС передать МВД «строительную организацию № 6 со всем штатом рабочих, инженерно-технических работников, служащих и военнослужащих, имуществом, оборудованием, транспортными средствами и другими материальными ценностями и всеми возведенными жилыми, административными, культурно-бытовыми и производственными сооружениями». Игра в «вольнонаемных» закончилась, и во исполнение постановления правительства при строительстве № 6 был организован обычный исправительно-трудовой лагерь с включением обоих этих объектов в состав ГУЛЖДС МВД СССР. При этом начальником управления ИТЛ и строительства № б МВД остался Ермолаев Н.А., а его заместителем и главным инженером — Дьяконов Л.П. Несмотря на все упущенное время, МВД СССР обязали закончить строительство тоннельного перехода под Татарским проливом общей протяженностью 12,9 километра в 1955 году, как это и было предусмотрено ранее постановлением правительства от 5 мая 1950 года.

В отношении рабочей силы на других объектах имелись такие сведения. По состоянию на 1 января 1953 года в Нижнеамурлаге МВД значились 30 689 заключенных, в ИТЛ и на строительстве № 506 (Сахалинская область) работали 14 165 подневольных тружеников, в ИТЛ и на строительстве № 507 (село Софийское Хабаровского края) находились 13 030 заключенных [34].

Только смерть Сталина И.В. остановила и эту «великую стройку коммунизма». К моменту прекращения работы выполнение поставленных правительством задач оказалось следующим. На участке железной дороги от Комсомольска до мыса Лазарева, имевшем по проекту 457 километров, было уложено 150 километров пути, что составило 27 % от сметной стоимости. Железнодорожная паромная переправа через Татарский пролив планировалась к вводу во временную

эксплуатацию в 4-м квартале 1953 года, но к началу этого года по ней было освоено лишь 23 % капиталовложений. Проходка тоннеля под Татарским проливом еще не началась, но при подготовке к этой работе были построены жилой городок, морской порт, складские здания и сооружения, подъездные пути и автодороги, а также частично отсыпаны ограждающие островки и дамбы в месте входа в тоннель. Кроме того, для обеспечения строительства электроэнергией возводилась на озере Кизи паротурбинная электростанция, срок ввода в действие половины мощности которой предполагался в 1-м квартале 1954 года. По итогу всех работ по тоннелю на начало 1953 года было освоено лишь 16 % от громадной сметной стоимости дорогостоящего проекта. На участке общей железнодорожной линии, проходившей по острову Сахалин от Погиби до Победино, из запроектированных 327 километров было уложено 80 километров, что составило 31 % от запланированных капиталовложений [34].

Помимо приведенных нами нескольких крупных железнодорожных строительств, ГУЛЖДС МВД СССР по состоянию на начало 1953 года вел или получил правительственные задания на выполнение еще трех десятков различных строительств. Кратко отметим среди них лишь некоторые.

На основании постановлений Совета Министров СССР от 15 августа и 8 октября 1951 года на Кольском полуострове строилась железная дорога Апатиты — Кейва — Поной (458 километров) с ветвями к бухте Иоканьга (70 километров) и к Умбо — озеро Лесное (110 километров). Уложено было на начало 1953 года 40 километров главного пути. Срок открытия движения по основной части дороги правительство установило в 4-м квартале 1954 года.

На основании постановления Совета Министров СССР от 17 апреля 1951 года в том же краю прокладывалась железная дорога Кица — Печенга — Лиинахамари с двумя ветками общей длиной 179 километров. Построено 42 километра, срок открытия движения — в конце 1953 года, полная сдача в эксплуатацию — в 1955 году.

По постановлению Совета Министров СССР от 31 октября 1949 года ГУЛЖДС МВД был построен и только что сдан в постоянную эксплуатацию Министерству нефтяной промышленности нефтепровод Софийское — Комсомольск-на-Амуре протяженностью 248,5 километра.

В соответствии с постановлениями Совета Министров СССР от 13 сентября 1952 года и 5 января 1953 года начаты работы по

строительству железной дороги в Монгольской Народной Республике от столицы Улан-Батор до китайской границы протяженностью около 750 километров.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 11 октября 1949 года и по договору с Министерством транспортного и тяжелого машиностроения осуществлялось строительство в Советской Гавани Судостроительного завода № 372. Срок ввода в действие — в 1954 году, а полное окончание работ — в 1955 году.

В дополнение к перечисленному можно отметить возложенные постановлениями правительства на ГУЛЖДС строительства морских портов в Ванино и Нарьян-Маре, речного порта и судостроительного завода в городе Печоре, Осетровского речного порта на Лене, хлебозавода в городе Игарке, холодильника в городе Салехарде, военно-морской базы в бухте Иоканьга и других объектов [34].

Таков в сталинские времена был масштаб работы лишь одного главка Министерства внутренних дел СССР. Интересно, что непосредственно за строительство железных дорог возглавлявший МВД Круглов С.Н. не получил ни одной правительственной награды.

22. Дальстрой

(см. карту в фотоальбоме)

В 1946 году, когда Круглов С.Н. стал министром внутренних дел СССР, Главному управлению строительства Дальнего Севера (кратко именовавшемуся Дальстрой) МВД СССР исполнилось 15 лет. Так сложились обстоятельства, что дела именно этого, территориально значительно удаленного от центра и весьма самостоятельного золотодобывающего главка потребовали самого серьезного внимания со стороны Сергея Никифоровича, поскольку за начавшиеся неудачи в работе Дальстроя ему, как министру, не раз пришлось держать ответ перед советским правительством и лично Сталиным И.В.

В справке МВД СССР, направленной в упомянутом году в ЦК ВКП(б), отмечалось, что территория хозяйственной деятельности Дальстроя охватила площадь в 2 миллиона 266 тысяч квадратных километров и включала в себя Северное и Западное побережья Охотского моря от Пнежинской до Удской губы, полностью бассейны рек Колымы, Индигирки, Яны, Восточной Хандыги (правого притока Алдана), Чукотский полуостров и Полярное побережье от Чукотки до Яны. Дальстрой входил в состав Министерства внутренних дел на правах главка с самостоятельным хозяйственным расчетом и размещался в городе Магадане Хабаровского края.

Главное управление Дальстроя включало такие управления и отделы: Главное геолого-разведочное управление, Производственно-технический отдел, Плановый и Финансовый отделы, Управление капитального строительства, Управление исправительно-трудовых лагерей, Управление автотранспорта, Управления дорожного строительства и шоссейных дорог, Управление «Дальстройуголь», Управление морского пароходства, Колымское речное управление, Авиаотряд Дальстроя, Управление сельского хозяйства, Управление рыбопромыслового хозяйства, Управление связи, Санитарное управление и Управление местной промышленности. Кроме того, имелись отделы, ведавшие ремонтно-механическими и подсобными заводами, мастерскими, фабриками и хозяйствами, культурно-просветительными и коммунально-бытовыми учреждениями и предприятиями.

В состав Дальстроя входило в то время восемь горно-промышленных территориальных управлений: Северное с

центром в поселке Ягодное, расположенном на расстоянии 545 километров от Магадана, Западное с центром в поселке Сусуман на расстоянии 641 километра от Магадана, Чай-Урьинское, Индигирское с центром в поселке Нера (1060 километров от Магадана), Тенькинское в поселке Усть-Омчуг, Юго-Западное (поселок Сеймчан в 600 километрах от Магадана), Янское (поселок Эсэ-Хайя в 1200 километрах от Магадана) и Чаун-Чукотское (поселок Певек в 2000 километрах от Магадана). Каждое из этих управлений имело полный набор функционально необходимых предприятий: золотые и оловянные прииски, рудники, обогатительные фабрики, геолого-разведочную службу, электростанции, ремонтно-механические мастерские, автобазы и дорожные отделы, связь, санитарные учреждения, предприятия торговли и общественного питания, жилищно-коммунальное хозяйство, подсобные сельские и лесные хозяйства, стройконторы и мастерские бытового обслуживания.

Должность начальника Дальстроя с 1939 года занимал генерал-лейтенант Никишов И.Ф., в 1944 году удостоенный звания Героя Социалистического Труда, а в 1945 году награжденный полководческим орденом Кутузова I степени. Заместителями начальника являлись: по добыче золота — полковник Гагкаев М.А, по добыче олова — инженер-полковник Груша М. А., по геологоразведке и он же главный геолог — Герой Социалистического Труда генерал-майор инженерно-технической службы Цареградский В.А., по строительству — полковник Поспелов М.Л., по кадрам — полковник Никешичев Н.А., по лагерю — генерал-майор Титов Н.Ф. Должность начальника политического управления занимал генерал-майор Сидоров И.К.

За обеспечение правопорядка на этой огромной территории отвечал начальник Управления МВД по Дальстрою генерал-майор Окунев П.И., в подчинении которого находились Отделение контрразведки, Секретно-политический и Экономический отделы, Управление милиции, Внутренняя тюрьма и другие службы.

Снабжение обеспечивали московский трест «Дальстройснаб» и магаданский трест «Колымснаб», который имел в своем распоряжении Приморское управление (в районе Владивостока), Управление перевалочной базы в бухте Ванино, Нагаевский порт, конторы, отделения и снаббазы.

Обязанности по наблюдению за работой Главного управления Дальстроя в период Отечественной войны и после ее окончания осуществлял заместитель наркома внутренних дел СССР Завенягин А.П., а с 25 апреля 1946 года — заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант Мамулов С.С.

Общая численность работавших в Дальстрое в это время

составляла 205 тысяч человек, из них около 70 тысяч являлись заключенными, немногим более 30 тысяч составляли спецвыселенцы (в основном, «власовцы») и до 4 тысяч было военнопленных японцев. Количество вольнонаемных достигало 101 тысячи человек, причем 11 тысяч из них относились к инженерно-техническим работникам (ИТР). До 70 % вольнонаемных рабочих и ИТР составляли бывшие заключенные, «добровольно-принудительно» осевшие в этих краях.

За прошедшие годы в Дальстрое была освоена огромная сумма капиталовложений, что позволило на безжизненных приполярных просторах создать мощную автономную производственную инфраструктуру. Геологоразведка продолжала обнаруживать значительные запасы рассыпного и рудного золота и олова, вольфрама, кобальта, угля. В строжайшем секрете держались месторождения урановых руд. Золото добывали из россыпей на 50 приисках, на которых в летний период работало до 530 золотопромывочных приборов, и на двух рудниках. Олово извлекали на восьми рудниках и одном рассыпном прииске. Для обеспечения предприятий и электростанций местным углем в эксплуатацию были введены 14 шахт и три открытых карьера. Двадцать крупных электростанций и значительное количество мелких, а также дизель-генераторы создавали суммарную мощность электроэнергии до 100 тысяч киловатт. Техническая оснащенность добывающих приисков, обогатительных фабрик и транспорта достигалась за счет полутора сотен экскаваторов, трехсот с лишним компрессоров, до трех тысяч грузовых автомобилей, шестисот тракторов, сотни бульдозеров. Кроме того, Дальстрой имел «флотилию» из 4 океанских пароходов, 3 морских буксиров, до 25 речных пароходов, до 40 морских и речных катеров, более 100 барж и собственный авиаотряд с 15 разведывательными и транспортными самолетами. Четыре ремонтных завода и восемь районных ремонтных мастерских имели возможность не только приводить в порядок наличную технику, но и выпускать собственную продукцию, вплоть до экскаваторов и бульдозеров.

За прошедшие годы были построены город Магадан, «столица Колымского края», с портом Нагаево и восемь районных административных центров горных управлений, проложено до 4 тысяч километров автомобильных дорог с гравийным покрытием. Получение продуктов питания обеспечивали 22 совхоза и до 200 подсобных сельских хозяйств, которые имели более 10 тысяч голов крупного рогатого скота, почти такое же количество свиней и лошадей, а также овец, коз, птицу и оленье стадо в 80 тысяч голов.

Подневольные труженики Дальстроя в поисках золота, олова и других металлов «перекопали» 125 миллионов кубометров горных масс, причем сначала вручную (в ряде мест после вскрытия грунта при помощи взрывчатых веществ), а в последние годы в основном при помощи экскаваторов и бульдозеров. Несмотря на все трудности, задания партии и правительства по добыче полезных ископаемых успешно выполнялись, за что указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года Дальстрой НКВД СССР наградили орденом Трудового Красного Знамени, а «наиболее отличившихся работников» удостоили орденов и медалей СССР.

Производственный расцвет Дальстроя пришелся на тяжкие военные годы, и потому советскому руководству казалось, что с наступлением мирных дней будет происходить дальнейшее наращивание выпуска ценнейшей продукции. Приказом НКВД СССР от 23 ноября 1945 года (во исполнение постановления СНК СССР от 29 октября 1945 года) план добычи химически чистого золота на 1946 год был установлен в размере 72 тонн, олова — 4500 тонн, угля — 700 тысяч тонн, по улову рыбы — 200 тысяч центнеров. План капитальных работ (включавших геологоразведку) был утвержден в размере 520 миллионов рублей [34].

12 января 1946 года новый нарком внутренних дел СССР Круглов С.Н. доложил Сталину И.В., Молотову В.М., Берия Л.П. и Маленкову Г.М., что в прошлом году было добыто 70 тонн золота (правда, несколько меньше, чем в предыдущие военные годы), что составило 61 процент к общесоюзной добыче этого драгоценного металла, и 4505 тонн олова, что составило 121,6 % годового плана добычи и 90 процентов от общесоюзного производства.

На волне достигнутых успехов постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 26 января 1946 года о присуждении Сталинских премий за 1943–1944 годы Первая премия в размере 150 000 рублей была присуждена главному геологу Геолого-разведочного управления Дальстроя Ерофееву Б.Н. с группой сотрудников («За открытие и геологическое исследование месторождений олова на Северо-Востоке СССР, обеспечившие создание сырьевой базы для увеличения отечественного производства олова») и начальнику Геолого-разведочного управления Дальстроя Цареградскому В. А. с группой сотрудников (за открытие и исследование новых месторождений золота на Северо-Востоке СССР) [34].

Однако юбилейный для Дальстроя 1946 год оказался в целом не слишком счастливым, что явилось проявлением различных,

постепенно накапливавшихся причин, бороться с которыми, принимая ответственные решения, пришлось наркому — министру внутренних дел СССР Круглову С.Н.

Еще в декабре 1945 года, когда Наркомат внутренних дел СССР возглавлял Берия Л.П., на его имя и одновременно «начальнику Отдела кадров ЦК ВКП(б)» пришло анонимное письмо о неприглядном поведении начальника Дальстроя Никишова И.Ф. и его жены Гридасовой — А.Р., являвшейся начальником Управления Магаданского ИТЛ. На этой бумаге нарком написал резолюцию: «Круглову и Обручникову. Надо проверить. Представьте свое предложение. 22.12.45 г. Л.Берия».

Очевидно, это была уже не первая анонимка, поскольку текст начинался словами: «Много раз уже сообщалось, что начальник Дальстроя НИКИШОВ окончательно разложился и своим поведением компрометирует звание простого советского человека, а не только Депутата Верховного Совета и члена ЦК ВКП(б). У нас, на Колыме, каждому понятно, что если бы рядовой человек сделал бы сотую долю того, что делает НИКИШОВ — его давно посадили бы». Далее в письме следовали примеры «грязных дел», которые Никишов И.Ф. «творил» вместе со своей женой Гридасовой А.Р. Сюда входили годичной давности банкет с геологами и такое же большое мероприятие при участии «актива города» с приехавшими на гастроли артистами Хабаровской оперетты. «Как говорится, всякий повод хорош, чтобы выпить за государственный счет», а остатки «прямо ящиками» свести себе на квартиру. «На пароходах, которые приходят из Америки, НИКИШОВ с ГРИДАСОВОЙ устраивают сильные пьянки». Для Гридасовой А.Р. делались «бесконечные премирования по всякому поводу и без всякого повода», приказы о которых подписывали все заместители по очереди. В письме приводились многочисленные примеры аморального поведения Гридасовой А.Р., которое дискредитировало ее мужа. Досталось и детям — дочери и сыну Никишова И.Ф. «ГРИДАСОВА свободно залезает в карман государства, — писал анонимщик. — К приезду Уоллеса в Магадан для обстановки (подготавливавшейся для вице-президента США) квартиры было сделано много ценных вещей», которые затем забрала себе Александра Романовна. «При каждой поездке в Москву ГРИДАСОВА берет с собой полсамолета ценных вещей (в качестве подарков): художественные вышивки, картины, изделия из слоновой кости и др.», которые изготавливались в мастерских, но по нарядам не проводились. Обо всем, «что делается в Дальстрое», прекрасно «все знает начальник Политуправления СИДОРОВ», но «почему молчит — не понятно». Анонимка заканчивалась словами: «Выезжая на прекрасном

коллективе Дальстроя, этот паразит ГРИДАСОВА строит авантюры, влияет на представление к правительственным наградам, а НИКИШОВ до того опустился, что выполняет все ее капризы и неужели этому не будет конца» [38].

Отметим, что автор жалобы, возможно, не знал, но, во всяком случае, не решился бы написать о том, что действительно могло серьезно повлиять на дальнейшие шаги высшего руководства страны в отношении оценки действий «Хозяина Колымского края» и его жены. В процитированном письме упомянуто описанное нами в главе 12 посещение в мае 1944 года Магадана вице-президентом США Генри Уоллесом вместе с сопровождавшими его лицами. Так вот, к его приезду «за государственный счет» были снесены все наблюдательные вышки охраны лагерей, а всех заключенных убрали с глаз долой — их три дня держали взаперти под охраной и даже впервые показывали им кинофильмы, чтобы они не устраивали беспорядков. Женщин-узниц, работавших в свинарниках, демонстрировавшихся американскому гостю, заменили самыми представительными из работавших там сотрудниц НКВД. На шахтах появились сильные, здоровые и счастливые молодые люди, заменившие изможденных заключенных. Полки магазинов наполнили товарами. Бесконечно довольные оказанным приемом Генри Уоллес и сопровождавший его профессор Оуэн Латтимор в американском журнале опубликовали статью, в которой отметили отличный оркестр и хорошую опереточную труппу в Магадане. А профессор, совершенно очарованный Никишовым и Гридасовой, написал далее: «Оба, он и его жена, высказывают понимание и проявляют тонкий интерес к искусству и музыке, а также обладают глубоким чувством гражданской ответственности… Мы с интересом обнаружили вместо преступлений, пьянства и постоянных ссор, золотой лихорадки прошлых времен — обширные теплицы, где выращивают помидоры, огурцы и даже дыни, чтобы отважные шахтеры получали достаточно витаминов» [38].

Что было важнее для высшего руководства страны: выполнение планов по добыче драгметаллов и сокрытие от всего мира действительного положения дел в Колымском крае или «некоторые завихрения» в поведении начальника Дальстроя и его жены?

Не известно, проводил ли сам Круглов С.Н. расследование по приведенной анонимке (в этот период он как раз принимал дела по новой должности), поскольку в архиве НКВД — МВД такие материалы не обнаружены. А вот Центральный Комитет партии этим вопросом занимался в течение длительного времени. Управление кадров ЦК ВКП(б) в январе 1946 года направило в

Дальстрой комиссию в составе начальника Политотдела войск НКВД по охране железных дорог генерал-майора Борисоглебского Е.И., заместителя начальника Политотдела ГУЛАГа полковника Щекина А.А. и инструктора ЦК ВКП(б) Машкова В.И.

В усугубление сложившейся ситуации, по сообщению из Магадана, 23 января 1946 года заместитель начальника Дальстроя полковник Прун А.Г. «около 8 часов утра у себя на квартире выстрелом в голову смертельно ранил себя» и через несколько часов скончался, о чем Круглов С.Н. после получения этой информации доложил Берия Л.П. Следствие выяснило, что «Прун имел ссоры с женой на семейной почве. Других причин к самоубийству не установлено» [34], но характеризовало общую моральную обстановку в руководящем звене Дальстроя.

Видимо, нервотрепка, связанная с работой любой, а тем более цековской комиссии, сильно повлияла на начальника Дальстроя Никишова И.Ф., и он обратился в НКВД СССР с просьбой о предоставлении ему отпуска для лечения с 15 марта 1946 года «ввиду неудовлетворительного состояния здоровья». Нарком внутренних дел Круглов С.Н. направил на имя Берия Л.П. докладную записку, в которой так откликнулся на эту просьбу: «Тов. Никишов смог бы возвратиться в Дальстрой в первой половине мая с.г. Со своей стороны нахожу необходимым предоставить тов. Никишову отпуск для лечения. Прошу Ваших указаний». В соответствии с полученным «добро» от руководства отпуск Никишов И.Ф. получил с 26 марта по 10 мая 1946 года. Исполнение обязанностей начальника Дальстроя возложили на это время на полковника Гагкаева М.А., которого 4 апреля 1946 года заодно назначили заместителем начальника главка вместо покончившего с собой предшественника.

В марте месяце 1946 года комиссия ЦК ВКП(б), вернувшаяся из поездки в Магадан, представила доклад с достаточно неожиданным предложением: «В связи с длительным пребыванием в Дальстрое (с 1939 года) начальника Политуправления т. Сидорова и несработанностью его с начальником Дальстроя, что отрицательно влияет на состояние партийно-политической работы, освободить т. Сидорова от занимаемой должности и перевести на другую работу». Главк рекомендовалось укрепить новыми кадрами [38]. Начальник Дальстроя вместе с женой оказались вроде бы вообще ни при чем.

Приказом МВД СССР от 19 марта 1947 года генерал-майор Сидоров И.К. был освобожден от занимаемой должности, а на его место получил назначение полковник Шевченко В.Ф., являвшийся до этого ответственным редактором журнала «Пограничник» [34].

Помимо совместного доклада комиссии инструктор Машков

В.И. представил секретарю ЦК Маленкову Г.М., заведовавшему Управлением кадров ЦК ВКП(б), собственную докладную записку, в которой сообщил, что Никишов, возглавляя «сложный коллектив», провел «большую работу по выполнению важнейших заданий партии и правительства» и зарекомендовал себя «как энергичный, волевой работник и умелый организатор, хорошо освоивший порученный ему участок работы и завоевал заслуженный авторитет среди коллектива Дальстроя». В качестве недостатков отмечалось, что Никишов крайне болезненно реагирует на критику, не терпит возражений и некритичен к подхалимам. Факты, изложенные в анонимном письме, оказались верны, поскольку «он находится под большим влиянием своей жены, которая компрометирует его своим поведением» и «крайне неустойчива в моральном отношении». Гридасова действительно неоднократно премировалась, она же «вмешивалась в расстановку кадров Дальстроя и в депутатские дела Никишова». Далее отмечалось: «Влияние Гридасовой так велико, что даже непосредственные заместители Никишова заявляют, что они могут работать на своих участках до тех пор, пока она к ним благосклонно относится». В качестве вывода рекомендовалось: «Было бы целесообразно указать т. Никишову на его недостатки и особенно на недостойное поведение его жены».

Однако Маленков Г.М. не успел принять какого-либо решения по этим материалам, поскольку в это время он был освобожден от своих партийных постов, а на его место пришел Кузнецов А. А. Новый заведующий Управлением кадров ЦК ВКП(б) решил, что в дополнение к уже принятым мерам следовало бы по Дальстрою вынести строгое постановление Секретариата Центрального Комитета партии [38].

Видимо, почувствовав, что руководящее кресло под ним зашаталось и могут последовать крупные неприятности, Никишов И.Ф. 28 октября 1946 года направил на имя Круглова С.Н. следующее письмо:

«Работая в течение семи лет начальником Дальстроя, я все свои силы и всего себя отдал работе, делу. За этот семилетний период, как я работаю начальником Дальстроя, благодаря большой заботе о Дальстрое со стороны Правительства, Центрального Комитета Партии и лично товарища Сталина, Дальстрой вырос в три раза, и эта, когда-то суровая снежная пустыня на далеком Северо-Востоке, превратилась в крупный культурный горно-промышленный край нашей страны.

Работая в течение семи лет в этих тяжелых суровых климатических условиях, я чувствую, что за последнее время

состояние моего здоровья резко ухудшилось, сердечные припадки стали повторяться все чаще, а также усилился процесс сахарного диабета. Такое состояние моего здоровья не дает мне возможности бывать часто на приисках, а от этого страдает дело.

Прошу Вас, если можно, по окончании плана 1946 года, освободить меня от должности начальника Дальстроя.

Дорогой Сергей Никифорович, мне очень тяжело писать Вам это письмо, но я беспокоюсь не за себя, а за большое дело, за Дальстрой.

Начальник Дальстроя генерал-лейтенант Никишов» [34].

Должность начальника главка МВД СССР, которую занимал Никишов И.Ф., являлась номенклатурой Центрального Комитета партии, и потому министр внутренних дел, даже если бы посчитал нужным, не имел полномочий, чтобы уволить своей властью такого руководящего работника. Кадровый вопрос прежде всего следовало согласовать с Секретариатом ЦК ВКП(б), и только после получения разрешения оттуда можно было издавать приказ по министерству. А высший партийный орган дело Дальстроя еще не завершил. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе политуправления Дальстроя МВД СССР» было принято лишь 21 декабря 1946 года. В соответствии с этим постановлением 14 апреля 1947 года была созвана 7-я партийная конференция Дальстроя, на которой присутствовали 230 делегатов с решающим голосом и 37 с совещательным, представлявшие 6578 членов и 2220 кандидатов в члены партии. По результатам этой конференции начальник Дальстроя Никишов и исполнявший обязанности начальника Политуправления Дальстроя Гущин направили в Москву на имя Кузнецова А. А. докладную записку о ходе выполнения постановления ЦК. В отчете лишь кратко сообщалось о том, что делегаты «подвергли серьезной критике недостатки хозяйственного и партийного руководства Дальстроя», а основное внимание уделялось росту партийной организации по сравнению с довоенным уровнем. О выходках самого Никишова и Гридасовой говорилось очень туманно: «Имелось немало случаев, когда хозяйственные руководители командовали политорганами и парторганизациями и тем самым принижали их руководящую и организующую роль». В дальнейшем внимание Кузнецова А. А. к делам на Дальстрое не ослабевало, но, несмотря на все бури, Никишов И.Ф. продолжал руководить этим главком вплоть до 24 декабря 1948 года [38]. Видимо, Сталин И.В., от мнения которого всецело зависело решение кадрового вопроса, прекрасно понимал, вспоминая время своей ссылки в недалеком от

будущего Дальстроя Туруханске, как непросто было добывать драгоценный металл в суровых условиях Заполярья в годы войны, и потому прощал Никишову И.Ф. его «маленькие прегрешения».

В целях усиления руководства главка 21 января 1947 года Круглов С.Н. направил на имя Берия Л.П. письмо, в котором доложил, что «в соответствии с Вашим указанием нами подобрана кандидатура на должность заместителя начальника Дальстроя МВД по общим вопросам». Министр внутренних дел считал «наиболее подходящим товарищем из числа работников МВД» генерал-майора Семенова И.П., работавшего с 1939 года начальником УМВД по Красноярскому краю. Претендент на должность зама в прошлом был партийным работником в Ленинградской области и по мобилизации ЦК ВКП(б) прибыл на работу в МВД. Имел опыт не только оперативно-чекистской работы, но и «принимал участие в делах Норильского комбината и Красноярского аффинажного завода». После согласования всех вопросов по представлению кандидатуры с Секретариатом ЦК приказом МВД от 28 февраля 1947 года Семенов И.П. был назначен на специально для него введенную должность первого заместителя начальника Дальстроя [34].

Но персональный кадровый состав являлся не самой главной проблемой Дальстроя. Гораздо хуже было то, что с 1946 года начал снижаться объем добычи золота. Одна из причин заключалась в значительном сокращении количества рабочей силы, о чем еще в августе 1945 года предупреждал Сталина И.В. тогдашний нарком внутренних дел Берия Л.П. По амнистии 1945 года из числа заключенных Дальстроя освобождалось 19 000 человек. Кроме того, получили разрешение на выезд на материк ранее освобожденные, но временно задержанные до окончания войны 49 000 человек, отбывавшие срок за антисоветскую деятельность и другие особо опасные и уголовные преступления. Также подлежали освобождению от работы на Дальстрое 20 000 человек бывших заключенных, судившихся за незначительные преступления, которым во время войны не было предоставлено право выезда с Колымы. Таким образом, на материк могло одновременно уехать до 44 % рабочей силы, что ставило под угрозу добычу золота и олова не только в текущем году, но и на будущее время. Тогда было принято решение задержать на Колыме до конца промывочного сезона на правах вольнонаемных рабочих всех амнистированных и бывших осужденных за опасные преступления, а также направлять сюда возвращавшихся из плена бывших «власовцев». Но в перспективе проблема обеспечения приисков рабочей силы этим не решалась.

Другая причина снижения производства была связана с

прекращением поставок по ленд-лизу из США запасных частей к завезенной ранее импортной технике, что привело к сокращению объемов работ, выполнявшихся механизмами. Положение усугублялось отставанием за годы войны геологоразведки, а также не проведением разного рода необходимых вспомогательных и сопутствовавших производству мероприятий. Да и форсированная (значит, не бережливая) эксплуатация самых богатых приисков привела к их значительному истощению, что требовало переработки все большего объема золотоносных руд. К этому следовало бы добавить и срыв поставок необходимых для горного производства взрывчатых веществ. Дело в том, что этот опасный груз поставлялся ранее из США в соответствующей упаковке, а теперь отгружавшаяся с предприятий Министерства сельскохозяйственного машиностроения продукция находилась в таре, не приспособленной для длительных перевозок и неоднократной перегрузке. Да и личный состав снабженческих и перевалочных баз не в должной мере соблюдал правила хранения взрывоопасного груза и обращения с ним. Все это привело к взрывам и пожарам, произошедшим 24 июля 1946 года в порту Находка на базе Дальстроя. Для предотвращения в дальнейшем подобных случаев постановлением Совета Министров СССР от 11 сентября 1946 года были намечены основные мероприятия по ликвидации последствий трагедии и недопущению нарушений в будущем. Единственным положительным результатом среди всех этих неприятностей явилось открытие перевалочной базы Дальстроя, помимо порта Находка, в порту Ванино, что значительно сокращало маршруты как железнодорожных, так и морских перевозок. В развитие этого постановления правительства министр внутренних дел издал приказ, которым распорядился объекты Дальстроя в морских портах принять под свой контроль войскам МВД по охране особо важных предприятий промышленности, а Главному управлению пожарной охраны (ГУПО) МВД СССР усилить на них государственный пожарный надзор за соблюдением противопожарного режима. Приказом предписывалось проследить за дополнительным изготовлением Министерством сельхозмашиностроения и отгрузкой Дальстрою 8 тысяч тонн взрывоматериалов, «обратив особое внимание на приемку взрывчатки в прочной, высококачественной таре». Начальнику Дальстроя следовало специально под перевозку в Нагаево взрывчатых веществ оборудовать пароход, выделенный для этой цели Министерством морского флота [34].

Прекрасно понимая, что в сложившихся условиях решение ряда производственных вопросов может быть достигнуто за счет повышения квалификации специалистов Дальстроя, ныне тесно

замкнутых в собственной среде, путем изучения ими накопленного мирового опыта золотодобычи, министр внутренних дел Круглов С.Н. решил направить за рубеж на длительный срок группу из пяти инженеров различных профилей. Использовав в качестве обоснования своей инициативы решение правительства годичной давности, 19 ноября 1946 года он направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова А.А. следующее письмо: «Постановлением СНК СССР № 2775—789сс от 29 октября 1945 года Дальстрою разрешено командировать в США 5 специалистов для изучения иностранного опыта золотодобывающей промышленности». Во исполнение указанного постановления МВД СССР наметило следующие кандидатуры:

1. Скворцов Н.Я. — горный инженер электромеханик.
2. Березин В.П. — горный инженер.
3. Билик С.С. — горный инженер.
4. Богатов А.Д. — инженер-металлург по обработке золотых руд.
5. Спешков А.Ф. — инженер-геолог.

«Кроме изучения опыта золотодобывающей промышленности США, — говорилось далее в письме, — на вышеуказанную группу специалистов возлагается реализация импортных заказов Дальстроя, а также обеспечение качественной приемки оборудования крупной вольфрамообогатительной фабрики и шести драг, заказанных в США. Срок их командировки с учетом времени нахождения в пути считаем необходимым установить в 10 месяцев» [34].

Однако за прошедший год международные отношения между СССР и США претерпели значительные изменения в сторону ухудшения, о чем было рассказано в главе 17, и потому в архиве не найдено документальных подтверждений, что эта достойная внимания инициатива министра внутренних дел оказалась поддержана и командировка советских специалистов состоялась.

Несмотря на все предпринимавшиеся усилия, по причинам, изложенным выше, и в силу иных обстоятельств план золотодобычи 1946 года Дальстроем был сорван, и вместо намечавшихся 72 тонн получили лишь 52 610 килограмм чистого золота. Правда, прежний уровень добычи олова в объеме 4,5 тысячи тонн удалось сохранить. Совет Министров СССР в своем постановлении от 17 февраля 1947 года отметил невыполнение Дальстроем плана добычи золота, указав в числе причин — снижение объема горных работ и промывки золотосодержащих песков вследствие необеспеченности установленного правительством уровня механизации производственного процесса

и непринятия своевременных мер к восполнению вышедшей из строя техники.

Во исполнение этого постановления правительства министр внутренних дел Круглов С.Н. издал приказ, в котором установил на 1947 год планы добычи золота — 70 тонн, олова — 5500 тонн, кобальта — 50 тонн. При этом значительно увеличивались финансовые средства, отпускавшиеся на капитальные работы и геологическую разведку, особенно по золоту. Начальнику Дальстроя предписывалось принять все меры к «безусловному выполнению плана текущего года». Для обеспечения программы по добыче золота предлагалось закрепить на золотодобыче практически все бульдозеры и экскаваторы, обеспечив их максимальную производительность. Осуществить изготовление на месте еще двухсот бульдозеров. Начальнику ГУЛАГа МВД СССР тов. Наседкину было дано указание направить в Дальстрой 50 тысяч «физически здоровых заключенных». В конце приказа говорилось: «Обращаю внимание начальника Дальстроя МВД СССР тов. Никишова и всего коллектива руководящих и инженерно-технических работников на необходимость сделать серьезные выводы из ошибок и уроков 1946 года и выражаю уверенность, что коллектив Дальстроя, получая большую помощь Правительства в деле материально-технического обеспечения, по-большевистски будет бороться за выполнение постановления Совета Министров СССР от 17 февраля 1947 года и добьется не только выполнения, но и перевыполнения плана 1947 года по добыче золота и олова. Министр внутренних дел С.Круглов».

В целях оказания практической помощи Дальстрою приказом МВД от 28 июля 1947 года туда был командирован заместитель министра внутренних дел СССР Аполлонов А.Н. с группой руководящих работников министерства, в которую вошли: начальник Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) Захаров П.А., заместитель начальника Управления войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог Марченков М.П., заместитель начальника Главного управления местной противовоздушной обороны (ГУ МПВО) МВД СССР Мирошников И.П., заместитель начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР Петров И.А. и начальник отдела ГУЛГМП Фейтельсон В.С. Руководитель группы Аполлонов А.Н. обязан был каждую пятидневку докладывать в МВД СССР о ходе выполнения плана по добыче золота и олова [34].

Однако все принятые меры не решили принципиальных проблем Дальстроя, и по итогам 1947 года план добычи золота был выполнен лишь на 59 % (41,2 тонны), по олову на 75 % (4141

тонна), а к производству кобальта при задании в 50 тонн вообще не приступили.

В довершение всего под самый конец 1947 года в Дальстрое произошло чрезвычайное происшествие (ЧП), о котором министр внутренних дел Круглов С.Н., его первый заместитель Серов И.А. и министр морского флота Ширшов П.П. доложили на имя Сталина И.В., Молотова В.М. и Берия Л.П. следующее: «МВД СССР сегодня в 15 часов получило сообщение из Магадана от заместителя начальника Дальстроя т. Семенова и начальника УМВД т. Окунева о том, что 19 декабря в 10 часов 25 минут в бухте Нагаево на пароходах Министерства морского флота, прибывших с грузом взрывчатых материалов, “Генерал Ватутин” и “Выборг”, стоявших на рейде, произошел взрыв. По сообщению из Магадана, в результате взрывной волны пострадали ряд складских помещений и портовых зданий. Имело место загорание ряда складов. Пароходы “Выборг” и “Генерал Ватутин” затонули. Принятыми мерами пожар в порту локализован. Портовые нефтесклады не пострадали. Стоящие в порту под разгрузкой пароходы “Минск”, “Старый большевик” и танкер “Совнефть” от взрывной волны получили повреждения палубных надстроек. Имеются убитые и раненые. Число жертв и материальные убытки устанавливаются. Для расследования обстоятельств взрыва просим утвердить Правительственную комиссию (в составе пяти человек)… персональный состав которой намечен с соответствующими министрами. Просим Вашего решения».

Как оказалось, в результате взрыва пароход «Генерал Ватутин» ушел на дно вместе с судовой командой и пассажирами, а с «Выборга» удалось спастись 22 членам команды. Всего погибли 97 человек и были госпитализированы 224 человека, причем 32 — с тяжелыми ранениями. Убытки составили 116 миллионов рублей, не считая стоимости пароходов [34].

В наступившем 1948 году помимо прежних задач постановлением Совета Министров от 22 февраля и приказом МВД от 27 февраля текущего года «в целях выявления новых месторождений богатых руд А-9 и Б-9» (так были зашифрованы уран и торий) руководству Дальстроя предписывалось развернуть подземные геолого-разведочные работы по обнаруженным в прошлом году месторождениям и «выявить запасы, достаточные для организации добычи А-9». Для оперативного руководства и технического контроля над всеми работами по радиоактивным материалам в составе Дальстроя было организовано новое Управление № 1 в количестве 100 человек, начальником которого назначили генерал-майора Павлова В.П., ранее работавшего

начальником УМВД Челябинской области. В этом же месяце на территории Колымы был создан Особый лагерь № 5, получивший название «Береговой» [34].

Дела по добыче золота в планируемом объеме не налаживались, что вызывало серьезное беспокойство высшего руководства страны. В связи с этим 18 мая 1948 года в кремлевском кабинете Сталина И.В. состоялось заседание Президиума Совета Министров СССР, на котором, помимо самого председателя Совмина, присутствовали его заместители: Молотов В.М. (он же — министр иностранных дел СССР), Берия Л.П., Маленков Г.М., Микоян А.И. (он же — министр внешней торговли СССР), Вознесенский Н.А. (он же — председатель Госплана СССР), Каганович Л.М. (он же — председатель Госснаба СССР) и Косыгин А.Н. (он же министр финансов СССР). На это заседание в 22 часа были приглашены министр внутренних дел СССР Круглов С.Н., начальник Дальстроя Никишов И.Ф., главный инженер и заместитель начальника Желдорпроекта ГУЛЖДС МВД СССР Червяков В.А., заместитель начальника Дальстроя по геолого разведке Цареградский В.А. и руководитель группы по Дальстрою Александров С.П.

На заседании по-деловому обсуждались причины, вызвавшие невыполнение государственных планов добычи золота. Конечно, досталось Круглову С.Н., в период руководства которого Министерством внутренних дел как раз и произошло резкое снижение производства колымского драгметалла. Сталин И.В. предоставил возможность представителям МВД свободно высказаться по тем проблемам, которые мешали налаживанию производства, но не могли быть решены в рамках служебной компетенции исполнителей. Остро был поставлен вопрос о подготовке квалифицированных кадров и проведении научных исследований в интересах совершенствования производственного процесса по добыче полезных ископаемых. Руководство наметило пути преодоления возникшего кризиса. Начальнику Дальстроя Никишову И.Ф. предоставлялась возможность исправить положение дел.

Результатом проведенного совещания явилось постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1948 года, в соответствии с которым МВД СССР разрешалось организовать в Магадане горный техникум на 500 учащихся, а также создать Всесоюзный научно-исследовательский институт золота и редких металлов на базе Центральной научно-исследовательской лаборатории и научно-исследовательского отдела Геолого-разведочного управления Дальстроя. Приказом МВД СССР директором ВНИИ-1 назначили

работавшего в МВД по делам Дальстроя видного ученого, специалиста по цветным металлам (включая урановую группу) профессора, инженер-полковника Александрова С.П., за которого ходатайствовал Круглов С.Н. В ноябре месяце было утверждено Положение о Всесоюзном магаданском научно-исследовательском институте золота и редких металлов, который сокращенно стал именоваться «ВНИИ-1 МВД СССР». Начальнику Дальстроя разрешалось использовать на работе во ВНИИ-1 заключенных специалистов, отбывавших наказание в Северо-Восточных лагерях МВД, для чего при институте следовало организовать специальный лагерный пункт. Начальнику ГУЛАГа Добрынину Г.П. и начальнику 5-го спецотдела МВД (по работе Дальстроя) Щёлкову М.С. поручалось произвести персональный отбор заключенных специалистов из других лагерей, которые могли быть использованы на работе во ВНИИ-1, и после утверждения направить их по целевому назначению в Дальстрой.

Указанным постановлением правительства по Дальстрою «для стимулирования труда заключенных» поручалось МВД проработать вопрос о возможности применения для лагерников системы заработной платы. Кроме того, «в виде исключения» разрешалось производить заключенным, выполнявшим и перевыполнявшим производственные нормы, зачеты рабочих дней из расчета за каждый ударно отработанный день: занятым на основных работах — до трех дней, занятым на вспомогательных и подсобных работах — до двух дней срока наказания. Такая система зачетов распространялась даже на заключенных, содержавшихся в Особом лагере «Береговом». МВД СССР обязано было вывезти в течение 1948 года из Дальстроя в другие лагеря всех не способных к труду лагерников и в дальнейшем поставлять на Колыму «только физически здоровых заключенных в возрасте не старше 45 лет». Приказом МВД СССР от 29 мая 1948 года в целях зашифровки наименований драгоценных металлов золоту было присвоено условное наименование «дерас», серебру — «скандий», платине — «титан» [34].

Продолжало проявляться внимание к кадрам. 18 июня 1948 года первым заместителем начальника Дальстроя был назначен генерал-майор Петренко И.Г., ранее возглавлявший ГУЛЖДС МВД СССР, с перспективой замены им Никишова И.Ф., действительно «уставшего» от напряженной работы в условиях Крайнего Севера. Новым начальником Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ) и заместителем начальника Дальстроя назначили генерал-майора Деревянко А.А., до этого работавшего заместителем начальника УМВД Ленинградской области.

3 июля 1948 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил начальнику Геолого-разведочного управления и заместителю начальника Дальстроя, Герою Социалистического Труда, лауреату Сталинской премии генерал-майору инженерно-технической службы Цареградскому В.А. правительственную телеграмму, в которой говорилось: «Поздравляю Вас с 20-летней годовщиной плодотворной и успешной работы по освоению Крайнего Северо-Востока СССР. Под Вашим руководством большой и дружный коллектив геологов Дальстроя за 20 лет провел громадную работу по геологическому исследованию Северо-Востока нашей родины и открыл много месторождений полезных ископаемых. Очень желаю, чтобы эта деятельность не ослабевала, наоборот, развивалась и улучшалась. От успешной работы геологов и Вашей лично, Валентин Александрович, многое зависит в улучшении дел Дальстроя. Желаю Вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо Родины» [34].

Начальник Политуправления Дальстроя Шевченко В.Ф. представил в ЦК ВКП(б) следующие данные по Дальстрою по состоянию на 1 сентября 1948 года: всего населения на территории Дальстроя имелось 250 800 человек, из них 26 754 неработающих, в том числе 17 922 детей. Всего работали 224 046 человек, из них: 115 749 вольнонаемных, 104 828 заключенных и 3469 военнопленных. В состав вольнонаемных входили 32184 «договорника», 5046 «работающих иждивенцев», 985 местных жителей, 49603 освободившихся из лагерей и 27930 спецпоселенцев, при этом имелись 104 230 мужчин и 11 519 женщин. С высшим образованием находились здесь 3686 специалистов, а со специальным средним — 4184. В руководящий состав входили 8 генералов, 222 старших офицера и 2201 младший офицер. Партийная организация насчитывала 8724 коммуниста. Указывалось также, что Политуправление издавало ежедневную газету «Советская Колыма» тиражом до 35 000 экземпляров [34].

В связи с тем, что серьезного прогресса в работе Дальстроя не наблюдалось, 2 сентября 1948 года министр внутренних дел Круглов С.Н. «в целях оказания помощи в выполнении плана добычи золота и олова» командировал в Магадан своего заместителя по кадрам Обручникова Б.П. и только что назначенного замминистра внутренних дел, бывшего начальника Норильского комбината МВД Панюкова А.А., которому, знавшему дела Севера не понаслышке, поручено было курировать деятельность Дальстроя. Но и эти руководители не смогли улучшить положение дел. За 1948 год оказалось добыто 43,6

тонны золота и лишь 3344 тонны олова.

Таким образом, судьба Никишова И.Ф. была решена, и приказом МВД СССР от 24 декабря 1948 года новым начальником Дальстроя был назначен генерал-майор Петренко И.Г. В тот же день освобожденный от многотрудных забот Иван Федорович направил из Магадана в Москву на имя Круглова С.Н. такую телеграмму: «В течение 30 лет моей напряженной работы на руководящих должностях в погранвойсках и органах НКВД, 9 лет в должности начальника Дальстроя отпуском пользовался один месяц в апреле 1946 года. Устал, состояние здоровья резко ухудшилось. Прошу Вас предоставить мне отпуск за проработанное время для лечения и отдыха, если я заслужил». Через месяц, прибыв в столицу, доложил министру внутренних дел: «По сдаче дел и должности начальника Дальстроя, 20 января 1949 года прибыл в город Москву в Ваше распоряжение. Генерал-лейтенант И.Никишов». Министерство внутренних дел без промедления направило в Управление делами Совета Министров СССР письмо с просьбой о выдаче «путевок в санаторий Лечебно-санитарного управления Кремля “Барвиха” И.Ф. Никишову и его жене А.Р. Гридасовой». После отдыха и лечения 15 августа 1949 года Никишов И.Ф. был уволен в запас МВД по выслуге лет [34].

Постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года и приказом МВД СССР от 4 ноября 1948 года план добычи золота по Дальстрою на 1949 год был установлен в количестве 55 тонн. При этом «в целях увеличения добычи золота, а также вовлечения в эксплуатацию не полностью отработанных и нерентабельных для государственной добычи приисков» в Дальстрое разрешили старательскую добычу золота. Списочный состав установили в количестве четырех тысяч старателей с годовым намывом золота на одного человека 750 грамм.

Однако после тщательного анализа имевшихся возможностей министру внутренних дел Круглову С.Н. удалось доказать нереальность такого планового задания, и новым постановлением правительства от 28 декабря 1948 года план по золоту сократили до 51 тонны.

Прекрасно понимая, как непросто новому начальнику Дальстроя налаживать сложное производство в далеком и суровом крае, 20 января 1949 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил Петренко И.Г. большое личное письмо, в котором постарался по-товарищески сориентировать его по самым разным вопросам повседневных служебных забот:

Уважаемый Иван Григорьевич!

В связи с Вашим назначением на пост начальника Дальстроя и задачами работы Дальстроя по выполнению установленного плана добычи металлов в 1949 году, я решил Вам написать нижеследующее личное письмо и поделиться с Вами своими мыслями.

Дело в том, что, как Вам хорошо известно, Дальстрой в течение трех лет не выполняет установленных государственных планов производства, причем невыполнение планов производства падает на 1946–1948 годы, т. е. годы, когда я перед Правительством отвечаю за работу Министерства, в том числе и за работу Дальстроя.

Дальстрой фактом невыполнения плана, ежегодными убытками причинял большие неприятности Министерству в целом и персонально мне, как Министру: Приходилось давать объяснения Правительству, искать оправдания такому положению вещей, причем, нечего греха таить, очень часто положение было не из приятных. Это положение еще усугублялось очень несолидным поведением руководства Дальстроя, которое часто выдавало обязательства по добыче металлов: золота, олова, вольфрама и кобальта, совершенно не подкрепленные реальными возможностями. Как Вам известно, так было и в 1948 году, когда тов. Никишов несколько раз называл цифры проектировок плана на 1949 год и каждый раз они были разными.

Я хорошо понимаю, что Дальстрой находится сейчас в тяжелом положении. Это трудное положение объясняется и падением содержания металла в россыпях и рудах, и допущением в оловянной промышленности отставания в развитии и эксплуатации новых месторождений и значительным замедлением геолого-разведочных работ.

В то же самое время Дальстрой со своим планом стал занимать большой удельный вес, а по некоторым позициям, как, например, по олову, решающий удельный вес во всем народном хозяйстве нашего государства, и поэтому невыполнение Дальстроем своих заданий приводит к серьезному ущербу в народном хозяйстве нашей страны и, особенно по такому металлу, как олово.

Руководство Дальстроя за эти три года неоднократно вводило меня в заблуждение своими предположениями о выполнении планов: так было в 1946 году, так было особенно в 1947 году. Когда же план срывался, искались объяснения в ссылках на недостатки материально-технических ресурсов, особенно транспорта, искались различные объективные причины, которые бы дали какие-либо объяснения такому положению вещей. Конечно, слов нет, для выполнения плана Дальстрой вынужден

преодолевать большие трудности, подчас, от него не зависящие, на, тем не менее, я полностью уверен, что в таком большом хозяйстве, как Дальстрой, решающее значение имеет правильная организация, распределение и использование тех материальных и транспортных ресурсов, которые выделяются государством.

К тому же, если сравнить снабжение других отраслей промышленности страны, то нужно сказать, что Дальстрой находится в более выгодном положении. Министерство в ущерб всем другим организациям предоставляло Дальстрою максимально возможные ресурсы. Задачи Дальстроя состояли в том, чтобы эти ресурсы наиболее правильно использовать, наиболее целесообразно ими маневрировать, получить от этих ресурсов максимально возможный эффект. Мне кажется, что в этом отношении Дальстроем до самого последнего времени предпринималось и делалось очень и очень мало.

Известно, скажем, какое значение имеет правильное использование морского тоннажа в снабжении Дальстроя, а в то же время простои пароходов под погрузкой и выгрузкой, пожары и аварии стали частыми явлениями в деятельности Дальстроя. Или возьмите Вы работу перевалочных баз Дальстроя в Ванино и Находке. К сожалению, в работе этих перевалочных баз имеют место многочисленные серьезные недостатки, несоблюдение первоочередности по отправке нужных грузов, неправильное складирование, хищение и порча грузов, штрафы за простои вагонов и судов. Все это снижало эффективность использования ресурсов и причиняло значительный материальный ущерб.

Вам должно быть хорошо известно, что материальные ресурсы устанавливаются государством на год. Дальстрой должен знать эти ресурсы, должен хорошенько обдумать и организовать с максимальной пользой использование этих ресурсов. Неорганизованность, бестолковщина в этом деле всегда пагубно отражались на работе Дальстроя и его производственных предприятий.

Вы приступаете к руководству Дальстроем со старым управленческим аппаратом. К сожалению, я не был на Дальстрое и могу судить о кадрах работников Дальстроя по тем материалам, которые ко мне поступают, и по личным встречам с немногочисленным кругом работников, главным образом, руководящими работниками, но, однако, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что кадры в Дальстрое, в основном, неплохие, хорошие кадры и желают по-большевистски драться за выполнение заданий Правительства. Весь вопрос состоит в том, чтобы лучше мобилизовать эти кадры, организовать кадры, сплотить их, правильно расставить, помочь им и потребовать настоящей

большевистской работы от этих кадров. В этой связи очень большие задачи выдвигаются перед аппаратом самого главка. Здесь Вы должны знать, что весь успех будет определяться качеством руководства главка производственными предприятиями. Я могу судить, что до сих пор аппарат главка, работники главка руководили предприятиями плохо, работали бюрократическими методами, не осуществляли повседневного конкретного руководства производственной деятельностью горно-промышленных управлений. Большое количество инженерно-технических работников сидит в аппарате, и в то же самое время на производстве ощущается недостаток в квалифицированных кадрах. Аварии, простои, низкая производительность труда и механизмов, неэкономное расходование ресурсов, низкий уровень технологической дисциплины, плохая постановка лагерной работы, все эти причины, на мой взгляд, имели решающее значение в неудовлетворительной работе Дальстроя.

Вам известно, что с большим трудом нам удалось правительственным органам доказать необходимость некоторого снижения уровня плана добычи золота, олова, вольфрама и кобальта на 1949 год. Вы сами понимаете, что оценка Вашей работы, как начальника Дальстроя, и моей работы, как Министра, в Правительстве будут судить по работе 1949 года. Если мы с Вами не обеспечим выполнение плана 1949 года, нам нечем будет тогда объяснять причины провала, придется тогда расписаться в своей беспомощности, в своем неумении организовать дело.

Я хорошо себе представляю, что результаты работы Дальстроя в 1949 году будут для нас с Вами своеобразным экзаменом, своеобразной проверкой и оценкой нашей деятельности, как государственных работников. Поэтому я искренне жду и от всей души желаю Вам энергичной, самоотверженной, большевистской работы за укрепление Дальстроя, за то, чтобы поставить его на крепкие ноги.

Со своей стороны особенно рекомендую Вам обратить внимание на задачи улучшения руководства всей производственной деятельностью Дальстроя. В этих целях полезно было бы пересмотреть структуру, штаты и расстановку как главного управления Дальстроя, так и его горных управлений. Нужно обновить руководящие инженерно-технические кадры, выдвинуть на работу в аппарат наиболее способных и активных работников производства, а людей, засидевшихся в аппарате, передвинуть на производство. Нужно продумать вопрос об организации полноценного технического отдела главка и о назначении работника на пост главного инженера Дальстроя. Разобраться и принять меры по укреплению среднего звена работников:

начальников участков, фабрик, смен, мастеров. Поднять их роль и значение, укрепить их вес и авторитет. Смело выдвигать людей из числа начальников участков и начальников приисков, которые успешно справляются со своими задачами и проявляют организаторские и административные способности.

Надо также принять энергичные меры по ликвидации отставания геолого-разведочных работ. Добиться выполнения плана 1949 года, в первую очередь, по приросту промышленных запасов. Особенно это касается сырьевой базы по олову. Вы должны с этим делом хорошо разобраться и выправить положение. Лично займитесь работой геологоразведки. Постоянно держите эту работу под своим непосредственным контролем. Примите все меры к использованию зимнего периода для подготовительных работ к промывочному сезону 1949 года. В этой связи необходимо провести весь комплекс зимнего ремонта фабрик, экскаваторов, бульдозеров и горного оборудования, подготовив все к летним работам. Теперь же развернуть самым широким фронтом строительство промывочных приборов с таким расчетом, чтобы завершить эти работы полностью к началу промывочного сезона.

На основе внедрения передовых методов организации труда развернуть во всех отраслях деятельности и, в первую очередь, на горных работах, широкое социалистическое соревнование. Переход на систему оплаты заключенных по ставкам вольнонаемных создает все условия к тому, чтобы добиться в этом году более высокой производительности труда заключенных и общего улучшения лагерной работы.

Ликвидировать отставание в изыскательских и проектно-сметных работах, повысить техническую культуру в разработке проектов строительств, особенно крупных промышленных сооружений.

Окажите помощь в организации научно-исследовательского института в Дальстрое. Деятельность института направьте, в первую очередь, на решение основных производственных задач, на повышение извлечения металла, разработки месторождений, изыскание наилучших методов обработки труднообогатимых руд и т. д.

Уделите больше внимания оловянной промышленности Дальстроя. Прошу не забывать, что выполнение производственного плана по добыче олова в 1949 году является первостепенной задачей Дальстроя, и оловянную промышленность надо поставить в преимущественное положение перед другими, обеспечивая ее рабочей силой, оборудованием и всеми необходимыми материалами для выполнения плана, прежде всего, раньше всего и,

если можно сказать, при необходимости, в ущерб другим работам.

Уделите соответствующее внимание вопросам укрепления лагерей Дальстроя. Не забывайте, что нормальное состояние лагерей Дальстроя, поддержание соответствующего внутрилагерного режима, нормальное содержание заключенных, в свою очередь, не замедлит сказаться на повышении производительности труда заключенных и, в конечном счете, на улучшении выполнения установленного плана добычи металла в Дальстрое.

Шире и смелее опирайтесь на актив работников Дальстроя, советуйтесь с активом, прислушивайтесь к его голосу, поддерживайте и проводите в жизнь предложения, направленные на улучшение организации работ. Больше опирайтесь в работе на партийную организацию и политорганы. Держите тесную связь с МВД СССР. Информируйте нас о Ваших планах, расчетах, намерениях. В необходимых случаях своевременно ставьте вопросы об оказании Вам помощи. Не забывайте, что Вы находитесь на огромном ответственном посту. Тысячи людей смотрят на Вас, присматриваются к Вам. Вся Ваша жизнь в Дальстрое на виду.

Повысьте требовательность, прежде всего, к себе. Знайте, что с Вас будут брать пример, поэтому Вы должны быть образцом большевика и на службе и в быту. Будьте требовательным и взыскательным начальником, в то же самое время, проявляйте чуткость, заботу о своих подчиненных. Работайте вместе с коллективом, опирайтесь на коллектив. Министерство будет оказывать Вам всяческую помощь.

Еще раз от всей души желаю Вам всяческих успехов на Вашем новом посту. Что касается меня, то я буду принимать все меры, чтобы Вам помочь и буду оказывать Вам всемерную поддержку.

Крепко жму руку. С коммунистическим приветом. Круглов [34].

Из письма министра внутренних дел видно, что основными принципами, положенными в основу ведения «социалистического хозяйства» советского времени, являлись точная расстановка кадров, способных в любой обстановке выполнять сложнейшие задачи, и правильная организация ими работы, часто вне зависимости от экономических и физических законов либо климатических условий, что позволяло бы своевременно претворять в жизнь правительственные планы, заданные чаще всего, исходя из политических соображений. Материальным стимулам, к которым можно отнести оплату труда вольнонаемных и спецпоселенцев, а также зачет отработанного с перевыполнением нормы рабочего дня за несколько дней срока

осуждения для заключенных, отводилось второстепенное значение. В то же время на условия труда и быта подневольных рабочих рекомендовалось обратить серьезное внимание, поскольку «человеческое» отношение к их нуждам всегда позволяло получить хорошую отдачу. Главным являлось — трудиться вместе с подчиненным коллективом по-большевистски, всего себя отдавая делу и не считаясь с личными интересами, здоровьем, семьей и прочими заботами.

В целях решения поставленных правительством задач вновь производились кадровые перестановки. 9 апреля 1949 года Круглов С.Н. направил на имя Берия Л.П. следующую докладную записку: «Ваше указание о необходимости укрепления руководства Дальстроя МВД путем посылки новых руководящих работников обсуждалось на совещании совместно со всеми заместителями Министра. В результате обсуждения мы пришли к выводу о целесообразности выдвижения на вакантную должность первого заместителя начальника Дальстроя тов. Кузнецова Ивана Кузьмича, работающего в настоящее время заместителем тов. Мальцева в Германии. Тов. Кузнецов, рождения 1899 года, член ВКП(б) с 1942 года, состоит в кадрах МВД, в системе МВД работает с 1937 года на руководящей работе по проектированию и строительству гидротехнических сооружений, имеет высшее образование по горно-металлургическому производству. Тов. Кузнецов имеет достаточный опыт работы по геологоразведке, промышленному производству и по работе обогатительных фабрик. В личной беседе со мной тов. Кузнецов произвел положительное впечатление и не возражает против отъезда на работу в Дальстрой. Тов. Завенягин это предложение поддерживает. Прошу Вашего согласия».

После получения «добро» от руководства и партийной инстанции Кузнецова И.К. назначили первым заместителем начальника Дальстроя и присвоили ему звание «инженер-полковник». Участие заместителя министра внутренних дел Завенягина А.П., курировавшего атомный проект, в этом назначении было связано с тем, что опытный специалист направлялся на работу по добыче урана для советской атомной бомбы.

Помимо произведенных еще ряда назначений произошли и смещения руководителей. Заместителя начальника Дальстроя по строительству Поспелова М.Л. освободили от занимаемой должности «как не обеспечившего надлежащего руководства порученным ему делом». Другой заместитель начальника Дальстроя Иноземцев К.Д. был снят «за необеспеченность порученного участка работы», а материалы ревизионной

комиссии о его неудовлетворительной деятельности, принесшей убытки Дальстрою, передали в Особую инспекцию для расследования. Не прижившегося на Северо-Востоке генерал-майора Семенова И.П. из первого заместителя перевели на должность заместителя начальника Дальстроя, а затем он был откомандирован в Управление кадров МВД СССР для получения нового назначения.

В ряду отрицательных явлений 18 июля 1949 года Круглов С.Н. подписал приказ МВД СССР, в котором сообщалось о том, что к 1 июля 1949 года Дальстрой был обязан ввести в действие обогатительную фабрику № 14-бис Омсукчанского комбината. В отчетах, поступавших со строительства, докладывалось о готовности фабрики к установленному планом сроку. Произведенной же проверкой было установлено, что «никаких зданий для фабрики не построено», а выполнены лишь нижняя обвязка и каркас отдельных цехов. «За антигосударственную практику и очковтирательство в строительстве предприятий Дальстроя» указанным приказом был снят с должности начальника Управления капитального строительства майор Ахундов М.Д. [34].

Получило продолжение и дело, в котором была замешана жена бывшего «хозяина Колымы» Никишова И.Ф. В конце 1949 года новый начальник У МВД по Дальстрою полковник Кольцов И.И. направил на имя Круглова С.Н. сообщение о том, что арестована группа работников Магаданского ИТЛ МВД «за систематическое присвоение и растранжиривание государственных денежных средств». По этому делу проходили: старший лейтенант Гридасова А.Р., в недавнем прошлом являвшаяся начальником этого лагеря, военный прокурор Дальстроя полковник юстиции Дмитриев и ряд других ответственных работников главка. «В целях быстрейшего окончания следствия по делу» Кольцов И.И. просил, во-первых, направить в Магадан работника Особой инспекции МВД СССР для расследования фактов злоупотребления служебным положением упомянутыми лицами. Во-вторых, «считал бы целесообразным под благовидным предлогом командировать Гридасову (проживавшую в это время в Москве) в г. Магадан и на месте решить вопрос о ее аресте». В-третьих, всех арестованных по данному делу предлагал направить в тюрьму УМВД Хабаровского края, где и вести следствие [34].

Интересную информацию о недостаточном, видимо, режиме секретности в отношении работ, производившихся в Колымском крае, сообщил заместитель министра внутренних дел СССР Чернышов В.В. 29 июня 1949 года он направил Петренко И.Г. «для

сведения» перевод из иностранного журнала статьи «Советский Союз — величайшая в мире страна по добыче золота». В сопроводительном письме указал: «Как видите, сведения о Дальстрое как-то проскальзывают в иностранные журналы». Впрочем, империалисты в отличие от нас всегда умели считать деньги и потому прекрасно вычислили, какими средствами расплачивался Советский Союз за поставлявшиеся ему товары, а отсюда легко определили и запасы постоянно пополнявшегося золотого фонда страны. Шило, а тем более золото, выходящее на международный рынок, в мешке не утаишь.

В соответствии с решением правительства «в целях повышения производительности труда заключенных и обеспечения выполнения производственных планов Дальстроя» 21 июня 1949 года совместным приказом МВД и Генерального прокурора была введена в действие Инструкция о зачете рабочих дней заключенным, содержавшимся в колымских лагерях. Согласно этой инструкции, право на зачеты рабочих дней имели все работавшие заключенные, в том числе и осужденные к каторжным работам, независимо от установленного для них срока наказания, статьи осуждения и времени пребывания в лагере. При условии «соблюдения лагерного режима» (то есть хорошей дисциплины) зачеты устанавливались в следующих размерах: за один день работы при выполнении нормы выработки за месяц от 100 до 110 % — 1,5 дня срока наказания; от 111 до 120 % —1,75 дня; от 121 до 135 % —2 дня; от 136 до 150 % — 2,5 дня; от 151 % и выше — 3 дня срока наказания [34].

20 августа 1949 года заместителем министра внутренних дел был назначен Митраков И.Л., перешедший в МВД с должности первого заместителя министра промышленности строительных материалов СССР. Иван Лукич окончил Московский горный институт в 1937 году и имел звание «горный генеральный директор II ранга». Новому заму поручили курировать Дальстрой и другие подразделения МВД, связанные с драгметаллами.

20 сентября 1949 года министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал приказ с объявлением новой структуры Главного управления Даль- строя МВД СССР. Согласно этому приказу укреплялась единоличная власть начальника Дальстроя (Петренко И.Г.), который теперь являлся и начальником всех находившихся в «колымском краю» исправительно- трудовых лагерей (ИТЛ). Далее состав руководства выглядел так: первый заместитель начальника Дальстроя (Кузнецов И.К.), главный инженер и заместитель начальника Дальстроя (Груша М.В.), заместитель начальника по геологоразведочной службе и он же

начальник Геолого-разведочного управления Дальстроя (Цареградский В.А.), заместитель начальника по лагерю и он же начальник Управления ИТЛ Дальстроя (Деревянко А.А.), заместитель начальника по транспорту и снабжению (Корсаков Г.А.), заместитель начальника по кадрам (Никешичев Н.А.), заместитель начальника Дальстроя по строительству (Перфилов И.М.). В громадную структуру Дальстроя входило 28 подразделений на правах управлений и столько же подразделений на правах отделов, 9 заводов, производственных комбинатов и мастерских, Всесоюзный научно-исследовательский институт и два учебных заведения, снабженческий трест «Колымснаб» и московский трест «Дальстройснаб», а также «прочие предприятия и организации», включавшие гидрометеорологическую службу, коммунальный и административно-гражданский отделы, издательство «Советская Колыма» и Магаданский Дом культуры имени Горького [34].

Интересно, что штатные категории для военного руководства (то есть то наибольшее воинское звание, которое мог получить генерал или офицер, занимая данную должность) были для Дальстроя установлены очень высокие. Так, должностной категорией начальника Дальстроя являлся генерал-полковник, всех его заместителей, начальников горно-промышленных и ряда других управлений (всего 19 должностей) — генерал-лейтенант, лишь должности начальников Первого (режим и оперработа), Второго (охрана) и Третьего (лагерное) управлений значились генерал- майорскими. Начальники отраслевых и производственных управлений по должности были полковниками. Была ли использована эта возможность служебного роста, увидим чуть ниже.

В Справке, представленной министром внутренних дел Кругловым С.Н. 1 сентября 1949 года на имя Берия Л.П. и Маленкова Г.М., сообщалось, что штатная численность Главного управления, отраслевых управлений и производственных предприятий Дальстроя составляла 131 500 человек, в том числе офицерского состава 7000 человек, сержантского и рядового состава 9500 человек, вольнонаемных (включая рабочих) — 115 000 человек [34].

27 декабря 1949 года Круглов С.Н. доложил Сталину И.В., Берия Л.П. и Маленкову Г.М., что годовой план добычи золота по Дальстрою выполнен досрочно 27 октября в объеме 51,1 тонны, или на 9 тонн больше, чем в предыдущем году. Всего по итогам этого года государству было сдано 52,4 тонны золота. Перед самым новым годом министр внутренних дел отрапортовал

правительству, что план добычи олова в количестве 4200 тонн также успешно выполнен.

Стремясь поощрить руководящих работников, «достигших в текущем году первых результатов в преодолении многолетнего отставания Дальстроя в выполнении государственных заданий, а также поднятия и укрепления их авторитета», начальник Дальстроя Петренко И.Г. и начальник Политуправления Дальстроя Шевченко В.Ф. направили на имя Круглова С.Н. письмо с просьбой «представить 4–5 руководящих работников к присвоению генеральских званий и группу работников к присвоению звания “полковник”». Проблем с присвоением полковничьих званий не было, поскольку это входило в компетенцию министра силового ведомства, а вот генеральские звания присваивались постановлениями Совета Министров СССР за подписью Сталина И.В. Однако после 1945 года не было отмечено ни одного случая вручения генеральских погон работникам МВД.

С началом нового года советское правительство вновь озаботилось вопросом производства столь необходимого стране драгметалла. Серьезный анализ состояния дел в этой отрасли был представлен в постановлении Совета Министров СССР от 9 февраля 1950 года и приказе МВД СССР от 12 февраля того же года «О мерах по снижению затрат на добычу золота». В этих документах отмечалось, что «за истекшие 10 лет себестоимость добычи золота резко возросла». Так, по Дал встрою если в 1939 году себестоимость одного грамма золота составляла 6,71 рубля, то в 1949 году она увеличилась до 42,11 рубля. Старательская добыча с 16,52 рубля за десять лет скакнула до 51,64 рубля. Основными причинами этого явления назывались следующие. Во-первых, систематическое снижение среднего содержания золота в песках и рудах, что вело к резкому увеличению объемов горных работ. Во-вторых, изменение структуры горных работ, «выразившееся в увеличении удельного веса дорогостоящих и трудоемких подземных работ». В-третьих, повышение цен на материалы, продовольственные и промышленные товары. В-четвертых, повышение заработной платы в золотодобывающей промышленности. Среднее содержание золота в песках по Дальстрою снизилось с 13,71 грамма на кубометр в 1939 году до 5,68 грамма в 1949 году. В связи с этим объем перерабатываемой горной массы для извлечения одного килограмма золота за десять лет возрос с 248 до 764 кубометров. При этом, если раньше подземных песков извлекали менее пятой части ко всему объему переработки золотосодержащей массы, то теперь их доля

достигла 40 процентов. Даже то, что за прошедшие годы выработка на одного рабочего возросла в три раза, а нормы расхода материалов были снижены, не дало возможности перекрыть возросшие затраты по объему горных работ.

В сложившихся условиях главный выход виделся в том, что геолого-разведочные работы должны были бы «обеспечить пополнение разведанных запасов новыми месторождениями золота», а это соответствующей службой Дальстроя в течение последних лет не было сделано. Пока что для снижения себестоимости золота предлагалось перестроить работу золотодобывающих предприятий «с целью дальнейшего повышения производительности труда, рационализации производственных процессов, достижения высокого уровня использования механизмов и внедрения новых высокопроизводительных машин, дальнейшего снижения норм расхода материалов, топлива, электроэнергии, а также сокращения цеховых и общезаводских расходов». Для стимулирования геолого-разведочных работ постановлением Совета Министров СССР предлагалось первооткрывателей новых крупных месторождений золота «с запасами свыше 25 тонн металла для коренного и 15 тонн для россыпного золота» представлять к званию Героя Социалистического Труда и награждению орденом Ленина. За открытие новых месторождений с меньшими против указанных запасами геологов следовало награждать орденом Ленина. Для первооткрывателей устанавливались также премии в размере до 20 000 рублей [34].

Помимо ранее добывавшихся полезных ископаемых, в перечне продукции Дальстроя появилось новое наименование — «свинец». Правда, оно являлось условным, поскольку под этим термином подразумевалась урановая руда. «Учитывая большие перспективы месторождений свинца на Северо-Востоке СССР» и «считая промышленное освоение сырьевой базы по свинцу важнейшей государственной задачей», Совет Министров СССР своим постановлением от 14 февраля 1950 года утвердил «специальные мероприятия по развитию геолого-разведочных работ и добыче свинца на территории деятельности Дальстроя МВД СССР на 1950–1951 годы». В связи с важностью этого направления приказом МВД СССР от 18 февраля 1950 года начальника 1-го управления Дальстроя МВД СССР Павлова В.П. одновременно назначили заместителем начальника Главка, а 5-й спецотдел МВД СССР по работе Дальстроя (начальник — инженер-полковник Шелков М.С.) реорганизовали в Специальное управление МВД СССР, в составе которого создали Отдел по руководству работой «по свинцу» на территории Дальстроя.

Другим приказом МВД СССР от этого же числа во исполнение постановления Совета Министров для заключенных, занятых на предприятиях «свинцового» управления Дальстроя, установили рекордные для системы лагерей зачеты рабочих дней: при 100 процентах выполнения нормы выработки один день работы засчитывался за два дня срока наказания, при выполнении нормы до 125 процентов — за три дня срока, а за день труда с превышением 140 процентов нормы снимали 4 дня наказания [34].

В навигацию 1950 года приказом министра внутренних дел предписано было через Ванинский транзитный пункт завезти в лагеря Дальстроя 58 000 заключенных, в том числе 8000 «особо опасных государственных преступников для Берегового лагеря МВД». Начальнику ГУЛАГа Добрынину Г.П. поручалось обеспечить отбор и отправку заключенных мужчин и женщин (последних не более 30 %) в возрасте от 18 до 45 лет «только первой категории физического труда, пригодных для работы в условиях Крайнего Севера, независимо от состава преступления, осужденных преимущественно к большим срокам наказания».

Для того чтобы отметить успешную работу заключенных, а также разгрузить колымские места лишения свободы для приема новой подневольной рабочей силы, Совет Министров разрешил МВД по согласованию с Генеральным прокурором освободить из лагерей 15 000 заключенных разных специальностей, «осужденных за должностные, хозяйственные, имущественные и воинские преступления, с оставлением их в Дальстрое для работы по вольному найму до конца неотбытого срока наказания, используя эту меру как поощрение за добросовестный труд и хорошее поведение в лагерях» [34].

Насколько нелегко было командовать суровым Северо-Восточным краем страны, говорит тот факт, что всего через полтора года после назначения на должность Петренко И.Г. серьезно заболел. 22 июня 1950 года первый заместитель министра внутренних дел Серов И. А. доложил Берия Л.П., что дано указание отправить начальника Дальстроя в Москву самолетом в сопровождении врача. Несмотря на принятые меры, 3 августа 1950 года И.Г. Петренко скончался.

Новым начальником Дальстроя постановлением Совета Министров СССР от 30 сентября 1950 года был назначен заместитель министра внутренних дел СССР Митраков И.Л. (без освобождения его от обязанностей зама). За счет этого впервые статус главного руководителя Колымского края оказался поднят на более высокую ступень, что говорило о важной роли, которую

играл Дальстрой в экономике страны.

В 1950 году в связи с передачей ряда административных функций из МВД в МГБ оказалось, что объем работы Управления внутренних дел по Дальстрою резко сократился. Было предложено ликвидировать «изживший себя аппарат», передав его функции Управлению исправительно-трудовых лагерей. После долгих споров Круглов С.Н. подписал приказ «Об упорядочении структуры органов МВД и ИТЛ на территории Дальстроя», которым местное УМВД упразднялось, а его функции передавались «соответствующим аппаратам Дальстроя».

С учетом всех сложностей, выпавших на 1950 год, план добычи золота удалось выполнить в объеме 49 тонн, что стало нормой для последующих лет. Олова в этом году произвели значительно меньше — всего 3612 тонн [34].

Стремясь ликвидировать провал в добыче олова за счет повышения производительности труда подневольных рабочих, начальник Дальстроя Митраков И.Л. обратился с просьбой к руководству о разрешении на распространение «шкалы зачетов рабочих дней заключенным», введенной для лагерей 1-го управления Дальстроя, на всех заключенных, работавших на оловянных приисках и рудниках. Однако этому предложению воспротивился куратор Дальстроя Чернышов В.В., посчитавший, что делать это «нецелесообразно», поскольку «высшие зачеты» (4 дня срока наказания за 1 день ударной работы) были утверждены правительством по просьбе МВД «в порядке особого исключения». Ранее таких примеров в практике ГУЛАГа не было, и поэтому «широко распространять такие зачеты будет неправильно».

Вместо этого было создано Производственно-техническое управление по олову, начальником которого по совместительству назначили заместителя начальника Дальстроя Грушу М.В. с освобождением его от должности главного инженера. Новым главным инженером стал по совместительству первый заместитель начальника Дальстроя Кузнецов И.К.

В 1951 году произошли и другие штатные изменения. Начальник Политуправления Шевченко В.Ф. был освобожден от занимаемой должности в связи с тем, что он «неправильно понимал роль Политуправления и не укреплял единоначалия начальника Дальстроя». На его место назначили полковника Буланова П.С., ранее являвшегося первым заместителем начальника ГУЛАГа МВД СССР. Кроме того, 23 апреля 1951 года Круглов С.Н. направил своим заместителям Серову И.А. и Обручникову Б.П. и начальнику ГУЛАГа Долгих И.И. следующее предписание: «Дальстрой (т. Митраков) давно просил нас послать нового начальника Севвостлагерей вместо т. Деревянко.

Министерство до сих пор этого не сделало. Прошу дать Ваши предложения». В соответствии с этим указанием на должность начальника Управления исправительно-трудовых лагерей и заместителя начальника Дальстроя был рекомендован и 3 мая 1951 года назначен генерал-лейтенант Жуков Г.С., занимавший до этого пост заместителя начальника У МВД по Новосибирской области.

По материалам акта приема-передачи дел УИТЛ Дальстроя, подписанного Деревянко А.А. и Жуковым Г.С. 24 мая 1951 года, можно представить достаточно полную картину о подневольных тружениках, работавших в колымских лагерях в последние годы существования Главного управления строительства Дальнего Севера МВД СССР. Не вдаваясь во все подробности, отметим только, что лагерный сектор насчитывал в своем составе 504 подразделения, в том числе 9 управлений (в них входил Особый лагерь «Береговой», но учет контингента по нему велся отдельно), 14 отделений, 129 ОЛПов (отдельных лагерных пунктов), 252 лагпункта и 100 лагкомандировок. Всего на момент подписания акта числились 143 630 заключенных, из которых более 122 тысяч составляли мужчины. На учете имелись 2812 каторжан, в том числе 2470 мужчин и 342 женщины. Для обслуживания механизмов, мелких полевых геолого-разведочных партий, дорожно-строительных бригад и лесных командировок были расконвоированы более 30 тысяч заключенных (20,1 % к списочному составу), причем более трети «в нарушение требований приказа МВД СССР № 0286–1950 года». «За контрреволюционные преступления» отбывали наказание свыше 33 тысяч осужденных, из них за измену Родине — почти 17 тысяч человек, за шпионаж — около 500 человек, за контрреволюционный саботаж — 9,5 тысячи человек, за антисоветскую агитацию — 4,5 тысячи человек. По неполитическим статьям отбывали наказание 111 617 осужденных, в том числе 5766 расхитителей социалистической собственности (по закону от 7 августа 1932 года), 26 750 грабителей личного имущества граждан и 35 489 расхитителей государственного и общественного имущества (по указу от 4 июня 1947 года), 1648 спекулянтов, 735 бандитов и вооруженных грабителей, 3735 убийц, 2830 хулиганов, 2590 дезертиров, также другие нарушители законов. Основной контингент имел возраст от 18 до 45 лет, но более пяти тысяч человек были старше, чем разрешал приказ министра для Севвостлага, причем имелись 1709 инвалидов. По срокам осуждения: до 1 года имели 186 человек, от 1 до 3 лет — 3027 человек, от 3 до 5 лет — 18 127 человек, от 5 до 10 лет — 79 841 человек, от 10 до 15 лет — 20

954 человека, от 15 до 20 лет — 10966 человек, свыше 20 лет — 11 830 человек. От бытовых и производственных травм, огнестрельных ранений и прочих заболеваний умерли в 1950 году 504 человека, в 1951 году — 691 человек. Бежали за год 580 человек, из которых пока что не были задержаны 68 человек.

Согласно архивным данным, по состоянию на 22 мая 1951 года через колымские лагеря прошли всего 501 271 заключенных, из которых 374 057 получили освобождение, а 125 316 остались в этой земле навечно.

Помимо этого Особый лагерь № 5 МВД «Береговой» (Берлаг) при лимите наполнения 35 тысяч человек на момент подписания акта приема-передачи имел 28 908 заключенных, которые «суммировались» так: «мужчин — 19 513, женщин — 5636, каторжан — 3759 (мужчин — 3020, женщин — 739)».

Личный состав военизированной стрелковой охраны (ВСО) лагерей при штате 19 450 должностей имел в наличии 13 760 командиров и бойцов, вооруженных тридцатью станковыми пулеметами «максим», ста двадцатью ручными пулеметами, автоматами, винтовками (вплоть до трофейных японских) и пистолетами [34].

Возвратившийся 4 июня 1951 года из поездки в Дальстрой замминистра Чернышов В.В. в своем рапорте на имя министра внутренних дел Круглова С.Н. отметил: «Проверка состояния лагерей, режима и охраны заключенных в обследованных предприятиях Дальстроя показала, что общее состояние бытового и хозяйственного устройства ИТЛ Дальстроя с трудом может быть названо удовлетворительным». Однако поскольку государственные планы надо было выполнять любой ценой, в лагеря Дальстроя предписано было завезти в навигацию 1951 года 46 000 заключенных (из них тысячу «особо опасных преступников» для Берлага), а в навигацию 1952 года — еще 30 000 подневольных тружеников. Золота в эти годы было добыто по 49,2 тонны, а олова 4586 и 5345 тонн, соответственно [34].

23. Атомный проект

Свое монопольное владение атомным оружием Соединенные Штаты Америки наглядно продемонстрировали в 1945 году путем проведения испытаний на Аламогордо и сбрасыванием бомб на Хиросиму и Нагасаки. Затем американские военные в целях шантажа начали разработку планов атомной и бактериологической войны против Советского Союза, проводя циничные расчеты количества атомных бомб, которые они сбросят на наши промышленные центры и какой результат после этого получат.

В сложившейся обстановке для Страны Советов имелся единственный выход: надо было срочно создавать собственное атомное оружие, чтобы иметь возможность на равных противостоять агрессору. Программа строительства, оснащения, научно-технического, конструкторского и технологического обеспечения советского «атомного проекта» оказалась настолько масштабной, что потребовала мобилизации людских и материальных ресурсов практически всего народного хозяйства страны. Теперь уже открыто признано, что значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы, была связана как раз с необходимостью направить огромные средства на то, чтобы сделать все возможное для успешного проведения в кратчайшие сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия.

Временем начала отсчета реализации советского «атомного проекта» можно считать 20 сентября 1942 года, когда Государственный Комитет Обороны (ГКО) обязал Академию наук СССР возобновить проводившиеся до войны «работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана» и через полгода представить доклад «о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». 27 ноября 1942 года ГКО принял решение об организации добычи и переработки урановых руд на Табашарском заводе «В» Главредмета Наркомата цветной металлургии. 15 февраля 1943 года по решению ГКО в Академии наук СССР была создана специальная Лаборатория № 2 по атомной проблеме, руководителем которой назначили Курчатова И.В. В 1944 году для координации деятельности разведки по атомной проблеме в НКВД сформировали группу «С» во главе с Судоплатовым П.А. Как было отмечено в главе 15, для руководства всеми вопросами, связанными с созданием атомной

бомбы, 20 августа 1945 года был создан Специальный комитет в составе знаменитой «девятки»: Берия Л.П. (председатель), Маленков Г.М., Вознесенский Н.А., Ванников Б.Л. (заместитель председателя), Завенягин А.П., Первухин М.Г., Иоффе А.Ф., Капица П.Л. и Курчатов И.В. Этот комитет находился под непосредственным контролем ЦК, и его работа была строго засекречена. По предложению Сталина И.В. при Спецкомитете сформировали Научно-технический и Инженерно-технический советы по атомной энергии (чаще упоминается просто Технический совет во главе с Ванниковым Б.Л.), в которые включили виднейших ученых и специалистов в данной области науки и техники. Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб образовали при СНК СССР Первое Главное управление (ПГУ), подчинив его Спецкомитету. Начальником ПГУ назначили Ванникова Б.Л., а его первым заместителем — Завенягина А.П., причем без освобождения от должности заместителя наркома внутренних дел СССР. По линии Наркомата внутренних дел Завенягину А.П. подчинялся Главпромспецстрой НКВД СССР (начальник Комаровский А.Н.), который стал основным производителем работ по возведению атомных объектов [66].

Следует отметить, что созданная структура руководства «атомной проблемой» являлась, на мой взгляд, не совсем «удобной» для Круглова С.Н. как министра внутренних дел. Ведь его заместитель Завенягин А.П., входя в Специальный комитет, представлявший собой высший орган по решению всех организационных вопросов, стал как бы его начальником. Кроме того, все принципиальные проблемы по данной тематике решало Первое Главное управление при Совете Министров СССР, МВД которому не подчинялось, но обязано было оперативно выполнять поставленные этим всесоюзным главком задачи. Возникавшие разногласия в директивном порядке решались высшими руководителями страны Сталиным И.В. или Берия Л.П. путем вынесения постановлений Совмина, причем часто с указанием в них фамилии заместителя министра, а не министра. Если по всем другим главкам МВД иерархия вертикали управления соблюдалась, то в данном случае она оказалась нарушена, что и приносило главе ведомства определенные неудобства. По своей служебной стезе и я в свое время, только на существенно более маленьком посту, попал в аналогичную ситуацию, когда через мою голову, как начальника подразделения, командовали

подчиненными мне сотрудниками да еще научное руководство велось «со стороны». Прямо скажу, чувствуешь себя в такой ситуации не руководителем коллектива, а «мальчиком на побегушках». Оставалось лишь утешать себя мыслью: если это не отражается на окладе моего денежного содержания, то пусть себе командуют. Но до поры до времени — успехами найдется кому попользоваться, а вот за неудачи придется отвечать штатному начальнику.

Необычность по сложности, новизне, объемам и срокам выполнения поставленных задач предопределила нестандартные (хотя и достаточно привычные для Наркомата — Министерства внутренних дел) приемы их решения: ПГУ имело право начинать любое дело, заказывать необходимое оборудование без утверждения проектов и смет, руководствуясь в ряде случаев лишь эскизами и указаниями проектантов на месте. Финансирование осуществлялось по фактическим расходам. Рабочая сила и стройматериалы поставлялись без задержки в соответствии с поданными заявками. Возникавшие излишние затраты, переделки, доработки не возбранялись и не принимались в расчет. Все окупалось темпом реализации правительственных директив [66].

К лету 1946 года были определены проектировщики будущих атомных предприятий. Однако формирование строительной организации ПГУ оказалось делом непростым. Предлагавшиеся проекты не устраивали высшее руководство. Еще в апреле 1946 года Спецкомитет поручил Ванникову Б.Л. (созыв), Круглову С.Н., Хрулеву А.В., Завенягину А.П., Борисову Т.П. и Комаровскому А.Н. рассмотреть вопрос о создании единой строительной организации ПГУ и МВД. Только 8 октября 1946 года правительство приняло постановление «Об организации строительства предприятий Первого Главного управления при Совете Министров СССР». В соответствии с ним в ПГУ создавалась собственная строительная организация, а основой для ее формирования служил Главпромстрой МВД СССР. Доработку всех организационных вопросов производила комиссия под председательством министра внутренних дел Круглова С.Н.

Заметную роль в разворачивании атомного проекта сыграло привлечение к этому вопросу немецких ученых, а также использование того оборудования, которое было вывезено из Германии. Как было упомянуто в главе 15, выявлением немецких институтов и поиском ученых, работавших над урановой проблемой, занимался Завенягин А.П., за вывозку оборудования предприятий отвечал Круглов С.Н., а операцией по непосредственной погрузке и отправке оборудования руководил

Серов И.А. По поручению советского правительства на работу в СССР были приглашены профессора: Тиссен, нобелевский лауреат Г. Герц, конструктор электронно-оптических приборов Манфред фон Арденне, специалист по металлургии урана Н. Риль и другие известные немецкие ученые. Все они выехали в нашу страну, как у нас говорят, «добровольно-принудительно», согласившись работать над советской атомной бомбой, чтобы таким образом «отомстить американцам за варварские бомбардировки Дрездена и других немецких городов». За победный год было вывезены 70 человек, а всего к концу 1948 года в советских лабораториях под опекой МВД собрались почти 300 немецких ученых, специалистов и квалифицированных рабочих. Правда, в их числе не оказалось ни одного физика-ядерщика, поскольку целевую охоту на эти «мозги» организовали спецслужбы США, отправив нужных ученых к себе за океан.

Из оборудования в счет репараций Государственный Комитет Обороны (ГКО) «узаконил» вывоз имущества Физического института Общества Кайзера Вильгельма, специальной лаборатории и научной библиотеки физического и химического институтов Грейфсвальдского и Ростокского университетов, оснащения ряда крупных заводов и научных центров. Затем была поставлена и успешно выполнена задача по розыску частной научно-исследовательской лаборатории М. Арденне и лаборатории Г. Герца в фирме «Сименс». Вывезли все, от циклотронов, опытных установок, высоковольтного, горно-геологического оборудования до химпосуды, инвентаря, реактивов и материалов. И, конечно, специальную литературу.

Американцы оборудования почти не брали, но «импортировали» практически всю добытую немцами урановую руду, которую те спрятали в шахтах Саксонии и Тюрингии. Согласно решению Ялтинской конференции, эти провинции входили в состав советской зоны оккупации, однако американские части опередили наши войска и под разными предлогами не оставляли занятой территории, пока ночами в течение нескольких недель не вывезли на двух тысячах студебеккерах основную массу урана.

Наши специалисты на складе какого-то кожевенного предприятия в городе Нейштадт-Глеве обнаружили и затем отправили в Союз «груз, который так долго и упорно искали», — бочки со 100 тоннами окиси урана. В Чехословакии на Яхимовском месторождении выявили запасы готовой радиоактивной продукции, которые за деньги приобрела советская сторона. В середине января 1946 года в официальном докладе Сталину И.В. приводились обобщенные данные, согласно

которым, было найдено и вывезено из Германии и Чехословакии различных химических соединений урана «общим весом в пересчете на металл 220 тонн» [66].

Помимо трофейных материалов по заявкам научных центров проходили интенсивные закупки необходимого оборудования в Австрии, Чехословакии, Англии, Швеции и США. По постановлениям правительства средства для этого выделялись очень большие.

Но для успешной реализации атомного проекта необходимо было иметь собственные запасы урана. Поиск месторождений этого радиоактивного металла начался еще до войны под руководством академика Ферсмана А.Е., однако начало боевых действий изменило намеченные планы. В 1942 году, после возобновления работ по использованию урана, Комитету по делам геологии при СНК СССР поручили провести необходимые изыскания, доложив о результатах к 1 мая 1943 года. После этого поисково-разведочные работы по урану и другим радиоактивным элементам получили дальнейшее развитие. Несмотря на то что дело двигалось медленно, к концу 1944 года было выявлено два перспективных района: один в Ферганской долине Узбекистана, другой в северной части Эстонской ССР. 8 декабря 1944 года ГКО СССР принял постановление о развитии добычи и переработки урановых руд, определив это направление важнейшей государственной задачей. Как всегда в сложных условиях, вопрос был возложен на НКВД СССР, которому поручалось продолжить разведку и доразведку ряда урановых месторождений, наладить на этой базе добычу и переработку урановых руд, осуществить строительство и эксплуатацию рудников и обогатительных фабрик, возвести и обеспечить работу заводов по переработке урановых руд и концентратов, а также «разработать технологии наиболее рационального передела урановых руд на химические соединения и технологии получения из них металлического урана». Для решения этих задач из Наркомцветмета в Наркомат внутренних дел перевели значительную часть подразделений, занимавшихся ураном. На базе разведанных в Средней Азии месторождений НКВД предписали создать крупный уранодобывающий Комбинат № 6. Заместителю наркома внутренних дел Завенягину А.П. персонально поручили представить на утверждение ГКО предложения на 1945 год по планам добычи урановых руд, производства урана и сопутствовавшего этому строительства рудников и заводов.

На первом этапе создания сырьевой отрасли урановой промышленности добыча руды осуществлялась самым примитивным образом: ручными перфораторами делались

проходы горных выработок, затем лопатами порода загружалась в вагонетки, которые людьми или конной тягой откатывались по деревянным брусьям к месту отгрузки. Отсюда на ишаках и верблюдах сырье перевозили на перерабатывающий завод. Эти тяжелые и опасные работы выполняли в основном заключенные, спец- переселенцы и военнопленные. Правда, в течение нескольких лет к предприятиям Комбината № 6 подвели дороги и линии электропередачи, построили ТЭЦ, рабочие поселки и мастерские, а основные производственные процессы в значительной мере механизировали.

В целях обеспечения надлежащего руководства разведкой, добычей и переработкой урановых руд в составе Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) НКВД СССР организовали специализировавшееся по урану 9-е управление, которое напрямую подчинялось Завенягину А.П. Темпы работ значительно возросли. Если в 1944 году из полутора тысяч тонн добытой руды получили всего 2 тонны урановых солей, то на следующий год из пяти тысяч тонн руды извлекли 7 тонн урана в химических соединениях, а еще через год довели добычу до 50 тонн урана.

Согласно постановлению СНК СССР от 13 октября 1945 года, геолого-поисковые и разведочные работы развернулись на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири, Якутии, Красноярском крае, Казахстане, Средней Азии, северо-западных областях Союза, на Кавказе и Урале. Удалось выделить наиболее перспективные районы для интенсивной разработки в Ферганской долине, Прибалтике, Восточной Сибири и Азербайджане. 9 апреля 1946 года Совет Министров СССР издал постановление об организации геолого-поисковых работ на А-9 и Б-9 (условное наименование урана и тория) в Арктике. В августе того же года было дано распоряжение провести такие же работы по Норильскому, Ухтинскому комбинату и Дальстрою. В результате проведенных изысканий, которые проводили около 320 партий, сырьевая база по урану значительно улучшилась [66].

С урановым месторождением на Таймыре произошла интересная коллизия, которую по воспоминаниям очевидцев можно описать следующим образом. К концу августа 1948 года поисковой партией Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) на предполагаемом месторождении урана были заложены первые разведочные шурфы. Поднятые из них образцы показывали заметную радиоактивность. После завершения полярной зимы в мае следующего года заложили глубокий шурф и произвели взрывами пиропатронов вскрышные работы. Выброшенные на поверхность породы показали «ураганную

активность». Сообщение о находке сразу же отправили в ГУСМП. Доставленные в Москву богатые образцы, в которых выявили до 2 % урана (при обычном среднем содержании 0,6–0,7 %), передали в лакированной шкатулке в «ведомство Берии». Эти материалы представили руководству на правительственном уровне. Немедленно поступило распоряжение «организовать зимовочные работы с проходкой горных выработок». Однако заместитель начальника Главсевморпути, побывавший на месторождении, заявил, что в условиях полярной ночи вести работы нельзя. Когда об этом доложили Сталину И.В., его реакция оказалась резкой: «Убрать дурака!» На заседании Совета Министров встал вопрос о том, кто возьмет на себя проведение зимних работ на Таймыре, которые вождь назвал «крайне необходимыми». Ясно, что, кроме МВД, на такое решиться не могло ни одно другое ведомство, и потому министр внутренних дел Круглов С.Н. встал и сказал: «Мы возьмем!» В соответствии с принятым правительством решением все работы, а также сотрудников передали из ГУСМП в сформированное в МВД новое 21-е управление. Начальник этого управления майор Васин К.Д. объявил своим подчиненным, что «высшим руководством государства подписана директива: через шесть месяцев приступить к добыче полезного компонента. К 1 мая (1950 года) выполнить и доложить!» Однако произошло непредвиденное: в том «уклоне» (наклонной шахтной проходке), где ожидалась встреча с рудным телом, не оказалось ничего. Следовало бы остановиться, повторить разведку, но «машина» была запущена, и потому рабочие «продолжали гнать пустые метры тоннеля только для того, чтобы делать хоть что-то». Когда летом тундра подсохла, появилась возможность вести нормальную геологоразведку. Заложили несколько глубоких шурфов, намереваясь проследить распределение радиоактивности в них с глубиной. Но это была медленная и кропотливая работа, а начальнику управления требовались впечатляющие показатели. Поступила команда: проходить длинные разведочные канавы, и не только вручную, но и с помощью экскаваторов и бульдозеров. По тундре потянулись километры рвов, которые не успевали обследовать специалисты, так как эти разработки в оттаявшем грунте обрушивались и оплывали. На объект, получивший наименование «Рыбак», зачастили различные комиссии и представители. И хотя вопрос о реальности месторождения еще не был ясен, в соответствии с решением правительства проектировщики уже говорили о руднике, обогатительной фабрике, поселке, аэропорте, узкоколейке до бухты Зимовочной в заливе Фаддея, где промерами обнаружили глубины свыше 15

метров, что позволяло судам с большой осадкой подходить близко к берегу. В летнюю навигацию уже ожидалось прибытие десяти тысяч тонн грузов: топливо, сборные финские дома, тракторы, вездеходы, буровые станки, строительные материалы. Попытки специалистов поставить вопрос о необходимости возобновления тщательной разведки, тем более что неподалеку другие геологи обнаружили радиоактивный участок, приводили в смятение организаторов работ. Прибывший уже после наступления полярной ночи начальник 21-го управления, осунувшийся от переживаний, сообщил, что срок начала работ по организации добычи руды продлили на шесть месяцев. Но для тундры это «мертвый сезон» (как об этом и докладывал в свое время зам начальника ГУСМП), когда в условиях полярной ночи и глубокого снежного покрова, а затем весенней распутицы никакую производительную работу выполнять невозможно. А в бухте Зимовочной на берегу уже лежали тысячи тонн груза, заваленные снегом. Несмотря на то что для ведения геологоразведки удалось выхлопотать время до конца 1951 года, положительного результата получено не было. У руководства начала нарастать тревога: истрачены огромные средства, завезены горы оборудования, а результата нет. Тогда вновь была применена «тактика переворачивания тундры», когда всю имевшуюся технику и рабочую силу выпустили «на оперативный простор». Впечатляюще, но без толку начали расти показатели «кубометража, погонного метража и километража». После столь мощной, но бесполезной атаки на природу «руководящие лица, отягощенные грузом ответственности и власти», с облегчением поставили свои подписи под решением закрыть работы на «Рыбаке» в связи с их бесперспективностью. А дальше, как вспоминал один из очевидцев, произошла «потрясающая воображение мизансцена»: в тот день, когда пришло наконец распоряжение о ликвидации работ и о нем всем стало известно, из скважины на центральном участке был поднят керн с радиоактивной пробой. Но этот подарок земных недр уже оказался персоной нон грата и только испугал всех. Кто теперь мог решиться сообщить об этом высшему руководству страны? Чтобы не «класть голову в пасть льву» и утверждать, что новое решение было преждевременным, радиоактивный образец отправили в дальний заброшенный шурф и там втихую взорвали без свидетелей. Затем подорвали все шурфы, штольни и штреки, а заодно и горное оборудование, компрессоры, электростанции и другую технику. Тысячи банок консервов «во избежание злоупотреблений» рассыпали по тундре и раздавили бульдозерами и тракторами. Все, что могло гореть, сожгли. Так

закончилась «урановая история» на севере Таймыра [66].

Впрочем, к этому времени добыча радиоактивных элементов достигла необходимого уровня. Помимо поставок с отечественных месторождений, были заключены соглашения с Германской Демократической Республикой, с Чехословакией о развитии Яхимовских рудников и организации разведки и добычи в Саксонии, с Болгарией о развертывании работ, проведении обогащения и химической обработки руды на приисках «Готен» и «Стрелча», с Польшей о геолого-разведочных работах в Силезии, а также с Венгрией и Северной Кореей.

По постановлению правительства от 27 декабря 1949 года для решения организационных вопросов добычи урановых руд и химической их переработки было образовано Второе Главное управление при Совете Министров СССР. С 1946-го по 1950 год общий объем добычи продукта А-9 (в концентратах) возрос с 53 до 1250 тонн, в том числе по СССР — с 17 до 940 тонн [66].

Для решения атомной проблемы необходимо было создание мощной научно-исследовательской базы. В частности, на НКВД-МВД возложили задачу по использованию «немецкого контингента», за который персонально отвечал Завенягин А.П. К осени 1945 года были созданы лаборатории «А» для группы фон Арденне и «Г» для группы профессора Герца, а также группы работников, возглавлявшиеся профессорами Рилем и Доппелем. Спецкомитет при СНК СССР утвердил задания Технического совета для этих лабораторий. Кроме того, к каждой лаборатории прикрепили членов Технического совета, которые должны были осуществлять наблюдение за работой немецких специалистов путем ознакомления с письменными отчетами, заслушивания докладов руководителей групп, выезда на место для личного ознакомления и участия в важнейших испытаниях или экспериментах. На основе изучения сведений и материалов делалось заключение о ходе работ и формировались дальнейшие планы. Для удобства управления создававшимися научными подразделениями 19 декабря 1945 года в составе НКВД постановлением СНК СССР образовали 9-е Управление специальных институтов, начальником которого назначили Завенягина А.Н. Из ПГУ все лаборатории передали в это управление, переименовав их в институты «А» и «Г». Помимо этого были организованы Институт «Б», Лаборатория «В» и экспериментальный завод «для осуществления конструкций, разрабатываемых специальными институтами и лабораториями», а также административно-хозяйственные подразделения, обеспечивавшие снабжение, охрану и режим секретности. Для лабораторий (затем институтов) «А» и «Г» выделили бывшие

сухумские санатории «Синоп» и «Агудзеры», обустройство которых поручили Главпромстрою НКВД. Постановлением правительства от 7 января 1946 года для обеспечения ввода этих объектов в строй в первом полугодии в помощь НКВД подключили Наркомстрой для выполнения сантехнических, электромонтажных и специальных отделочных работ, Наркомвнешторг для поставки материалов и оборудования, поступавших из США, и Наркомат обороны, который должен был направить стройбат в количестве «1000 солдат и 50 офицеров». Для Института «Б» правительство обязало Челябинский облисполком выделить Наркомату внутренних дел санаторий «Сунгуль» со всеми постройками и прилегавшей к нему территорией. После переоборудования и достройки помещений здесь немецкие специалисты начали заниматься изучением «воздействия продуктов ядерной реакции на живую природу и поиском способов соответствующей защиты». Местоположение специальной лаборатории «В» определил сам министр внутренних дел Круглов С.Н., лично одобривший выделение для этого научного подразделения помещений бывшей детской трудовой воспитательной колонии, расположенной в 110 километрах от Москвы, в районе станции Обнинское. Эта уединенная усадьба являлась весьма удобной для творческого использования заключенных советских и подлежавших изоляции немецких специалистов. По предложению Круглова С.Н., Ванникова Б.Л., Курчатова И.В., Первухина М.Г. и Лейпунского А.И. в конце июля 1946 года сюда направили из Германии группу профессора Позе. Из числа 106 сотрудников, в том числе 30 немецких специалистов, здесь была организована научно-исследовательская группа 9-го управления МВД, которая по программе Лаборатории № 2 Академии наук СССР занялась «теоретическими, экспериментальными и проектными работами по разработке установки типа 5» (реактор на слабообогащенном уране) [69].

Интересно была решена проблема языкового барьера между нашими и немецкими специалистами. В годы войны на службу в спецорганы НКВД набирались девушки в возрасте 17 лет, которые после интенсивной годичной подготовки в различных спецшколах приобретали хорошее знание немецкого языка, а также осваивали радиодело и получали медицинские навыки. Затем этих «специалисток» забрасывали за линию фронта для ведения разведывательной, диверсионной и другой работы в тылу врага. Однако последние выпуски 1945 года на «невидимый фронт» уже не попали. По инициативе генерал-лейтенанта Судоплатова П.А., отвечавшего за подготовку кадров разведчиков, из оставшихся не

у дел девчат были организованы службы, осуществлявшие «чекистское обеспечение» работавших в нашей стране немецких специалистов. С чьей-то легкой руки этих девушек в шутку стали называть «немецкими «Танечками». В системе подразделений, занимавшихся атомным проектом, работали до полусотни таких очаровательных «Танечек». Примечательно, что даже в специальной ведомственной терминологии весьма секретная задача отечественных спецслужб по обеспечению контроля над немецкими учеными и специалистами и по созданию благоприятных условий для их успешной работы получила кодовое наименование «Немецкая «Танечка». Забегая вперед, отметим, что «эффективность» деятельности наших чаровниц-переводчиц подтвердилась такими цифровыми данными: за неполные десять лет пребывания немцев в «золотой клетке», предоставленной им Советским Союзом для проживания и работы, было заключено 23 советско-германских брака и родились за это время 14 детей [69].

К середине января 1946 года Научно-технический совет, а затем Спецкомитет утвердили планы научно-исследовательских работ немецких ученых. Завенягин А.П. напрямую регулярно и во всех подробностях информировал Берия Л.П. о ходе работ в подчиненных ему подразделениях. Так, например, 10 апреля 1946 года сообщалось, что «группа доктора Риля закончила разработку технологического процесса получения чистого металлического урана на базе опыта германской промышленности». На основе этих данных был подготовлен проект и по нему выстроен завод (опытное производство на заводе № 12), который «в настоящее время освоен на мощность 20 тонн металлического урана в год по сравнению с 10 тоннами, которые он имел до демонтажа в Германии». Экспериментальные результаты позволили спроектировать и построить к 1 июля текущего года большой металлургический завод (промышленное производство на заводе № 12).

10 сентября 1946 года Спецкомитет при СМ СССР обсудил результаты деятельности институтов «А» и «Г» и принял постановление об их работе до конца 1946 года. На «тт. Круглова и Завенягина» была возложена персональная ответственность за своевременное обеспечение этих институтов недостающим оборудованием и необходимыми материалами. При этом министру внутренних дел было приказано «изъять из институтов “А” и “Г” и перевести в спецлагерь сотрудников, манкирующих работой (по списку тт. Первухина, Завенягина и Курчатова)». Кроме того, Первухину М.Г., Круглову С.Н., Курчатову И.В. и Завенягину А.П. поручили оперативно представить в Спецкомитет

предложения о кандидатурах на должности заместителей директоров данных институтов [66].

В конце 1946 года министр внутренних дел Круглов С.Н. и его заместитель Завенягин А.П. доложили Сталину И.В. и Берия Л.П., что для формирования работ по продуктам атомного распада дополнительно привлечены находившиеся в лагерях специалисты-заключенные Вознесенский С.А., Тимофеев-Ресовский Н.В., Царапкин С.Р., Фишман Я.М., Кирьян Б.В., Попов И.Ф., Ткачев А.С., Горюнов А.А., Башилов И.Я. и другие. Так, радиобиологический отдел института (затем лаборатории) «Б» возглавил Тимофеев-Ресовский Н.В., под руководством которого стали работать около 30 немецких специалистов. Как вспоминал чуть не погибший в лагерях от истощения и болезней советский ученый-узник, на базе санатория в Сунгуле для работы были созданы комфортабельные условия. По карточкам ведущие научные сотрудники ежедневно получали килограмм мяса, полкило рыбы, 125 грамм сливочного масла, пол-литра сметаны, сливки, шоколад, крупы. Зарплата по сравнению с другими специалистами была гораздо выше — от 4 до 6,5 тысячи рублей. Правда, профессору Н. Рилю платили 14 тысяч рублей, то есть больше, чем получал начальник ПГУ. А в расположенных рядом населенных пунктах на рабочую карточку выдавали лишь 450 граммов хлеба.

22 июня 1946 года (интересно, в день пятилетия с начала войны) министр внутренних дел Круглов С.Н. доложил Сталину И.В., что в лагерях для военнопленных МВД выявлены до 1600 высококвалифицированных немецких специалистов, из которых 111 являлись докторами физико-математических, химических и технических наук. Думаю, нападая на СССР, А. Гитлер такого не ожидал. «По отзывам Академии наук СССР, ряда научно-исследовательских институтов и хозяйственных министерств, — сообщил далее Круглов С.Н., — среди выявленных специалистов имеются крупные ученые, а также видные производственные и технические руководители известных германских фирм». На этой докладной записке Берия Л.П. поставил резолюцию: «Тт. Первухину (созыв), Махневу, Завенягину. Вместе с т. Кругловым представьте свои предложения о возможности использования немецких специалистов для выполнения заданий по Первому Главному управлению. 11.9.46». Во исполнение этого указания были отобраны 208 военнопленных, из них на объекты 9-го управления МВД СССР направили 190 специалистов, в том числе в институты «А» и «Г» — 93 человека, в Лабораторию «В» — 41 человека, в Институт «Б» — 37 человек, в группу профессора Доппеля — 19 человек. Остальных 18 отобранных специалистов

распределили по другим министерствам [66].

Однако в соответствии с постановлением Совмина от 2 августа 1948 года 9-е управление МВД, курировавшее немецкий контингент, вместе со всеми его спецучреждениями было передано в ведение Первого Главного управления при СМ СССР. После того как впервые была испытана советская атомная бомба, работа немецких ученых и специалистов стала постепенно сворачиваться, и в начале пятидесятых годов они начали выезжать в Германскую Демократическую Республику.

Одной из наиболее емких работ, в которой непосредственно участвовало МВД, явилось строительство объектов атомной промышленности. Некогда существовавшая высокая секретность материалов, связанных с этим вопросом, позволяет нам теперь привести лишь достаточно разрозненные сведения, опубликованные в открытой печати.

В программе атомного проекта особое место занимал Ногинский завод № 12, на котором предстояло наладить производство металлического урана (А-9). 10 октября 1945 года Спецкомитет утвердил комплекс основных мероприятий по перестройке завода, выпускавшего раньше боеприпасы. Постановлением СНК СССР основным исполнителем работ назначили Главпромстрой НКВД, начальником которого являлся Комаровский А.Н. По намеченным планам к 1 июля 1946 года следовало ввести в строй первую очередь завода по производству 100 тонн металлического урана в год, а вторую очередь с вдвое большим производством — к 1 июля 1947 года. Хотя для выполнения поставленной задачи были мобилизованы огромные ресурсы, новизна этого дела вносила существенные поправки. К концу мая 1946 года ситуация оказалась близкой к критической, и Берия Л.П. было доложено, что программа выпуска А-9 находится под угрозой срыва. В качестве основной причины создавшегося положения было указано на задержку строительства производственных цехов и лабораторий по вине Главпромстроя Министерства внутренних дел СССР, хотя работы велись, что называется, «с колес» — не по рабочим чертежам, а по эскизам и указаниям проектировщиков. Кроме того, было ясно, что для возведения такого важного предприятия не хватало значительного количества специалистов и квалифицированных рабочих. К счастью, обошлось без оргвыводов, но Берия Л.П. дал указание начальнику ПГУ Ванникову Б.Л. принять «срочные меры». В конце концов, все вопросы технологии решили и производство наладили. Намечавшийся прорыв удалось преодолеть за счет трофейных запасов урана, вывезенных из Германии [66].

После долгих поисков были выбраны площадки для строительства заводов-первенцев № 817 и 813. Завод № 817 (с конца 1947 года — Комбинат № 817, затем комбинат «Маяк»), представлявший собой комплекс сооружений первого промышленного уранграфитового реактора для производства плутония, имел адресную привязку Челябинск-40 и находился в 16 километрах к востоку от города Кыштым, на южном берегу озера Кызыл-Таш. Завод № 813 являлся предприятием по производству урана-235 газодиффузионным методом и находился в 80 километрах от города Свердловска (ныне Екатеринбурга). Постановлением от 21 декабря 1945 года Совнарком обязал ПГУ и Главпромстрой НКВД немедленно приступить к строительству «объектов № 817 и 813». В качестве строительной организации первого объекта был определен Челябметаллургстрой НКВД, которому поставили задачу завершить работу во втором квартале 1947 года. Следующий объект поручили Тагилстрою НКВД со сроком ввода в строй в сентябре 1946 года. Но в отведенное время уложиться не удалось, поскольку, например, в апреле 1946 года был готов еще только котлован под первый промышленный реактор. Правда, размеры его оказались внушительными: глубина 54 метра, диаметр на поверхности 110 метров. Но до готового уран-графитового котла было еще далеко, да к тому же постоянно шли многочисленные переделки по вине проектировщиков, что приводило к неувязкам с рабочей силой и материалами. Спецкомитет не раз рассматривал на своих заседаниях ход строительства заводов. 9 апреля 1946 года постановлением Совмина ввод в строй первоочередных объектов завода № 817 перенесли на 1 июля 1947 года, а последующих — на 1 сентября того же года. К этому же времени должен был поспеть и завод № 813, на строительстве которого работали до сорока тысяч человек. Летом 1947 года после командирования на объект № 817 комиссии в составе Завенягина А.П., Курчатова И.В., Комаровского А.Н. и других специалистов для проверки состояния дел и с целью принятия мер, обеспечивавших нужный темп строительно-монтажных работ, было заменено руководство строительства, что дало определенный эффект. В итоге на полную проектную мощность первый промышленный реактор был выведен 19 июня 1948 года, и на нем началась наработка оружейного плутония [66].

Как известно, первая атомная бомба создавалась в КБ-11. 14 декабря 1945 года Спецкомитет при СНК СССР принял предложение Ванникова Б.Л., Завенягина А.П., Курчатова И.В., Харитона Ю.Б. и Алиханова А.И. об организации КБ-5 (первоначальное наименование будущего КБ-11) и поручил

группе исполнителей определить место его расположения. Учитывая указание Сталина И.В. о том, что этот объект должен быть расположен «в уединенном месте, вдали от больших трасс и дорог, но не далее 400 километров от Москвы», в январе 1946 года вождю доложили следующее мнение: «Учитывая особую секретность работ, решено организовать для конструирования атомной бомбы специальное конструкторское бюро с необходимыми лабораториями и экспериментальными мастерскими в удаленном, изолированном месте». В качестве базы для размещения этого КБ наметили в Мордовской АССР завод боеприпасов № 550 Наркомсельмаша, который находился в бывшем Саровском монастыре, расположенном в 75 километрах от железнодорожной станции Шатки, юго-восточнее города Арзамаса. Это место было привлекательно тем, что кругом находились лесные заповедники, что позволяло «организовать надежную изоляцию работ». Официальной датой создания нового атомного центра, имевшего адресную привязку Арзамас-16, считается 9 апреля 1946 года, когда было принято постановление Совета Министров СССР, утвердившее руководство конструкторского бюро и его дислокацию. Выполнение строительно-монтажных работ по КБ-11 Совмин поручил Министерству внутренних дел. Конкретным подрядчиком стало Стройуправление № 880 Главпромстроя МВД. Работы первой очереди предстояло выполнить к 1 октября 1946 года, второй (полный объем) — к 1 мая 1947 года. Правительственным постановлением предусматривалось все, вплоть до увеличенных окладов и спецпитания. Впоследствии вопросы КБ-11 неоднократно рассматривались на правительственном уровне, при этом речь шла как о научно-технических и производственных вопросах, так и о переносе сроков строительства. В постановлении от 8 апреля 1948 года Совмин объективно признал, что намеченные планы не выполнены в связи с «новизной и непредвиденными научными и техническими трудностями создания РДС («Ракетный двигатель Сталина» — так условно именовалась атомная бомба) и отчасти с задержкой Конструкторским бюро подбора кадров, развертывания работ и задержкой строительства для КБ-11 необходимых зданий и сооружений». Только 8 апреля 1948 года руководство КБ-11 информировало высшее руководство страны о решении всех теоретических, конструкторских и технических задач по РДС-1 [66].

Вслед за первенцами атомного проекта вводились в строй крупные заводы и комбинаты, как дублеры действовавших, так и пионеры новых технологий. Завод № 814 (Свердловск-45) освоил

магнитное разделение изотопов урана, на комбинате № 815 (Красноярск-26) построили самый мощный реактор для наработки оружейного плутония. Производство высокообогащенного урана и оружейного плутония организовали и на Комбинате № 816 (Томск-7). Строительство этих и других объектов обеспечивалось главным образом силами Министерства внутренних дел. Вопросы, связанные с созданием этих грандиозных предприятий, еще не рассекречены, поэтому осветить подробности не представляется возможным. Известно, например, что для подземной части горно-химического Комбината № 815 выбрали место в северных отрогах Саянских гор, где Атамановский кряж вплотную подходит к Енисею, образуя «прижим» между крутыми скалистыми берегами. В подписанном Сталиным И.В. постановлении Совета Министров СССР от 26 февраля 1950 года было, в частности, сказано: «В целях надежного *укрытия* Комбината № *815 от нападения* с *воздуха* и обеспечения его бесперебойной работы… Комбинат № *815* по производству теллура-120… построить *под землей* в *скальных породах* с *заглублением* не менее *200–300* метров над потолком сооружений» [67]. Выделенные курсивом слова в совершенно секретный правительственный документ, подлежавший хранению в «особой папке», были вписаны от руки. Возведение комбината и города Железногорска поручили Управлению строительства железных рудников Главпромстроя МВД СССР. Дирекция будущего предприятия условно именовалась «Восточная контора». Все сооружалось капитально, добротно и комплексно. На объекте работало семьдесят тысяч заключенных, 135 тысяч военных строителей, десятки тысяч тщательно отобранных вольнонаемных горняков, метростроевцев, монтажников и эксплуатационников. Как пишут наши современники-атомщики, эти люди сотворили «героико-трагическую историю единственного в мире поземного реакторного и радиохимического производства, всего за шесть лет подняли скроенные по питерским лекалам городские кварталы и, по рекомендациям ученых-ядерщиков, в прямом смысле свернули горы» [67].

Об отношении к специалистам в этих трудных условиях со стороны министра внутренних дел Круглова С.Н. рассказал мне ныне находящийся на пенсии бывший заместитель министра строительства автомобильных дорог СССР Надежко А.А. В 1951 году, сразу после окончания Саратовского автодорожного института, он в числе 5 выпускников был в приказном порядке направлен на строительство Комбината № 815 под Красноярском, как им сказали: «Прекрасного краевого центра». Однако работы

по возведению огромных железобетонных конструкций в районе Енисейского кряжа не являлись профильными делами для специалистов — мостовиков-дорожников. Понимая огромную значимость гигантского строительства, полный масштаб которого в силу чрезвычайной секретности невозможно было полностью себе даже представить, молодые ребята добросовестно выполняли поставленные перед ними огромные производственные задания. При этом работы на стройплощадке были прекрасно спланированы и шли без задержек, а необходимые стройматериалы (лес, металлическая арматура, бетон и все другое) поставлялись в срок и должны были без промедления пускаться в дело. Вместе с тем молодые дорожники-саратовцы не были довольны тем, что они работали не по своей основной специальности, связанной с прокладкой автомагистралей, чему учились целых пять лет в институте. Ребята обратились к местному руководству с просьбой перевести их на другую работу, где они могли бы в полной мере применить свои знания дорожных строителей, сославшись при этом даже на пункт Конституции СССР об использовании молодых специалистов. Однако командовавший строительством генерал Чесноков весьма неодобрительно отнесся к просьбе молодежи, а на их заявление о том, что они отсюда уйдут, безапелляционно ответил: «Отсюда мышь не выскользнет!» Тогда отчаявшиеся молодые люди отправили письмо с изложением своей проблемы в адрес министра внутренних дел Круглова С.Н. К их крайней радости, через некоторое время пришел ответ с указанием отправить автодорожников для работы по специальности. Причем места для новой работы им были предложены не где-нибудь в отдаленной местности, а в Ленинграде, Баку, Сталинграде и других городах центральной части страны. Поскольку от такой перспективы просто «глаза разбегались», ребята решили тянуть жребий — кому что достанется. Артуру Надежко достался родной Ленинград. С этого времени его служебная карьера на поприще строительства автомобильных дорог сложилась весьма удачно, за что Артур Акимович остался признателен именно министру внутренних Круглову С.Н., выручившему молодых автодорожников из красноярского «плена».

Весьма серьезные события произошли вокруг вопроса о производстве для нового типа реакторов тяжелой воды, именовавшейся также гидроксилином и «продуктом 180». Поясним, что атомный реактор с тяжелой водой, которая, как и графит, служит для замедления нейтронов в «котле», проще по конструкции, чем уранграфитовый реактор, и для работы требует на порядок меньше металлического урана. Однако, чтобы

получить тяжелую воду из обычной воды, последнюю необходимо обогатить в шесть тысяч раз, на что потребуется огромное количество электроэнергии. Еще на своих первых заседаниях в 1945 году Спецкомитет поручал Техническому совету «тщательно обсудить вопрос о других методах получения продукта 180», поскольку для производства известным электролизным способом 20 тонн тяжелой воды, необходимых для разовой зарядки реактора, требовалось в течение ближайших двух лет построить ряд заводов, расширить мощности электростанций и изготовить либо закупить за границей большое количество сложного оборудования. Работавшие в СССР немецкие ученые под руководством М. Фольмера предложили более эффективный и дешевый способ производства тяжелой воды из аммиака. Основываясь на этой идее, 18 марта 1946 года Совнарком (на следующий день наркоматы были переименованы в министерства) принял постановление, которым возложил на НКВД СССР (т. Круглова) строительство и монтаж установки по производству гидроксилина по новой методике на Сталиногорском азотно-туковом заводе. 4 апреля 1946 года Совет Министров СССР в очередном постановлении по тяжелой воде предписал, в частности, ввести в действие «на Норильском комбинате Министерства внутренних дел СССР (под личную ответственность министра т. Круглова и директора комбината т. Панюкова) цех «Г» мощностью 2,2 т в год, с вводом в действие на полную мощность во втором квартале 1948 года». Генеральное проектирование этого цеха комбинат должен был осуществить сам на основании технического проекта, который вышел в свет только в 1947 году. Можно себе вообразить, что представляло собой это грандиозное сооружение, если, согласно техпроекту, основной частью установки являлся каскад из пяти колонн высотой около 100 метров каждая и диаметрами 4,7; 1,7; 0,8 и две по 0,3 метра. Устанавливались они на одном постаменте и окружались дюжиной испарителей диаметром 3,2 метра и высотой 6 метров. Весь процесс по получению на этом «агрегате» 8 тонн тяжелой воды в год был полностью автоматизирован. Для обеспечения электроэнергией этакой махины в постановлении правительства предусматривалось: «Обязать Министерство внутренних дел СССР (тт. Завенягина и Захарова) обеспечить бесперебойную подачу электроэнергии для выполнения плана по цеху «Г» на Норильском комбинате от ТЭЦ комбината в размере 72 тыс. кВт со второго квартала 1948 года» [66].

Всего планировалось строительство на разных предприятиях семи цехов по производству тяжелой воды. В отношении МВД в упомянутом правительственном постановлении по этому поводу

говорилось далее: «Министерство внутренних дел СССР (тт. Завенягин, Комаровский и Захаров)» проводит строительные и монтажные работы по Чирчикскому электрохимическому комбинату, Березниковскому и Днепродзержинскому азотно-туковому заводам, которые относились к Министерству химической промышленности. В качестве меры по обеспечению электроэнергией перечисленных выше и других предприятий предписывалось: «Обязать Первое Главное управление при Совете Министров СССР (т. Ванникова), Министерство химической промышленности (т. Первухина), Министерство электростанций (т. Жимерина), Министерство цветной металлургии (т. Ломако), Министерство внутренних дел (т. Завенягина), Министерство по строительству предприятий тяжелой индустрии (т. Юдина) в месячный срок разработать и представить на рассмотрение и утверждение Совета Министров СССР согласованные предложения по проведению всех мероприятий, связанных с электроснабжением цехов «Г». В этом плане следовало предусмотреть расширение и укомплектование оборудованием ряда теплоэлектростанций (ТЭЦ), развитие районных электросетей и подстанций, связанных с подачей электроэнергии для цехов «Г».

Заметим, что в постановлениях правительства обычно персонально упоминались министры соответствующих отраслей и только в решениях по атомному проекту Министерству внутренних дел поручения часто давались непосредственно заместителю министра Завенягину А.П., минуя министра Круглова С.Н., который тем не менее головой отвечал за выполнение поставленной задачи. Как уже говорилось выше, такая система руководства вносит определенные неудобства в деятельность любого начальника, вне зависимости от его ранга.

По Норильскому комбинату следует отметить, что вопрос о строительстве там цеха по производству тяжелой воды несколько раз отменялся, но потом вновь принималось правительственное решение (окончательное 9 августа 1947 года) о проведении этой, чрезвычайно сложной в условиях отдаленности Заполярья стройки. Через пять лет, осенью 1952 года, начались пусковые работы, однако ввод технологии сопровождался частыми неполадками и авариями, которые шаг за шагом устранялись. Летом 1955 года на установке, за систему длинных труб прозванной «макаронкой», был получен кондиционный продукт, хотя производительность цеха оказалась вдвое ниже проектной. После доработок завод достиг 85 % от заданной мощности и проработал семь лет, после чего был остановлен из-за дороговизны конечного продукта [66].

Важнейшие объекты, возведенные по «атомному» проекту, порой обобщенно называют «памятниками ГУЛАГу», хотя лагеря заключенных имелись и в других главках Наркомата — Министерства внутренних дел. Действительно, тысячи лишенных свободы людей направляли на новые стройки, особенно на начальном их этапе, когда приходилось осваивать глухие, необжитые районы, часто с суровым климатом. Бытовые условия подневольных рабочих часто бывали просто ужасными, поскольку считалось, что они здесь находятся временно и после окончания строительства будут переведены в другое место, а поэтому «комфортно» обустраиваться не имело смысла. Как вспоминали участники тех строек, «за ходом строительства и сроками исполнения контроль был жесткий, а вот контроля за состоянием бытовых условий не было». К сожалению, и орудия труда до прибытия техники бывали самыми примитивными: «кувалда да зубило», как вспоминал один из строителей, а выработать ими надо было два с половиной кубометра мерзлоты на человека, иначе останешься без еды. Рабочий день, правда, мог длиться и десять, и одиннадцать часов. Вместе с заключенными на ряде объектов трудились солдаты строительных батальонов, условия жизни и работы которых мало чем отличались от лагерных, а также спецпереселенцы. На урановых рудниках в самых неблагоприятных для здоровья условиях работали каторжники.

Сколько всего использовалось на атомных объектах рабочих, подсчитать в настоящее время достаточно сложно в связи с закрытостью сведений. Однако имеются такие данные. 19 июня 1946 года Совмин СССР обязал Министерство Вооруженных Сил в двухнедельный срок направить в МВД 7000 военнопленных для строительства заводов Министерства машиностроения и Первого Главного управления. К концу 1947 года на строительстве объектов КБ-11 (Арзамас-16) находились более 10 тысяч заключенных. В 1948 году на сооружении объектов ПГУ работали уже 250 тысяч человек. В 1951 году на стройках по атомному проекту имелось порядка 15 лагерей со 100 тысячами заключенных. К 1950 году на Комбинате № 6, который вел добычу и переработку урановой руды всего Среднеазиатского района страны, имелись более семи тысяч заключенных и несколько тысяч спецпереселенцев. Для обеспечения рабсилой Комбината № 7 ПГУ Министерству внутренних дел было приказано сформировать 10 военно-строительных батальонов по 1000 человек каждый из репатриированных литовцев, латышей и эстонцев, служивших в немецких частях, а также направить туда 16 000 заключенных для обеспечения горных и строительных

работ. В Береговом лагере Дальстроя, обслуживавшем урановые рудники и обогатительную фабрику, содержались в 1951 году более 30 тысяч заключенных. Безусловно, от тяжелого и изнурительного труда, а также вследствие плохого питания и бытовой неустроенности люди умирали десятками и сотнями [66].

К сожалению, иной системы, позволявшей в те годы в короткие сроки решить масштабные проблемы создания атомной промышленности, просто не было. Руководство МВД ставило вопрос о том, чтобы для заключенных обеспечивались по возможности человеческие условия в быту, питании и других сторонах лагерной жизни, поскольку иначе подневольный рабочий будет трудиться плохо. Те непосредственные начальники, которые понимали это и осознавали, что многие люди, попавшие за решетку, все равно оставались людьми и хорошими специалистами, при соответствующем отношении к ним получали высокий эффект в работе. Так, бывший директор Норильского горно-металлургического комбината Логинов А.Б. вспоминал, что раскрепил всех своих сотрудников по лагерям с тем, чтобы они следили за качеством пищи, наличием у заключенных газет и журналов, работой радио, функционированием в клубе кружков, позволявших людям проявлять творчество. «Крупнейшие инженеры, которые у нас там были, — отмечал в своих записках бывший директор, — работали с той полной отдачей, на которую только были способны. В этом я могу вас уверить. Многие из них властью Завенягина были расконвоированы. Приходя на работу, они чувствовали, что они творцы, что у них, как это ни парадоксально звучит, полная свобода — они могут изобретать, могут вносить свои предложения, использовать их. Конечно, лагерный начальник имел возможность, черт знает как, искалечить жизнь. И, тем не менее, специалисты знали, что он им ничего не сделает. Узнай Завенягин, что специалиста прижимают за какие-то там дела, то и начальнику лагеря не поздоровится». Далее Логинов А.Б. делился опытом: «Если только начальник улавливал, что в этих людях, волею судеб попавших в Норильск, его сила, то все ладилось, а там, где начинали командовать, получался совсем иной результат. И, кстати, тогда начальника снимали, заменяли». В общем, «там, где человек чувствовал себя заключенным, дело не шло».

Интересный случай в этом плане произошел в Норильске в период монтажа завода по производству тяжелой воды. Группа заключенных слесарей в количестве 90 человек благодаря хорошим отзывам об их работе и выполнению заданий с зачетом

рабочих дней в счет срока осуждения была досрочно освобождена из-под стражи. Согласно Инструкции, «бывшие ЗК» не имели права трудиться на закрытых объектах, тем более относившихся к атомному проекту, и потому должны были покинуть стройку. Но если бы они ушли, то монтаж оборудования оказался бы сорванным. Тогда предложили такой оригинальный выход: слесаря добровольно должны были остаться заключенными при условии, что им будет начисляться зарплата, а по окончании монтажа их отпустят с хорошими документами. После короткого совещания бригадир слесарей сказал: «Мы понимаем, мы согласны, мы — коммунисты» [66]. К сожалению, такая «идиллия» наблюдалась далеко не везде.

Вопрос о строительстве специального полигона для испытания «готовых изделий» (то есть атомных зарядов), а также с целью исследования «поражающего действия изделия на живой организм на примере различных подопытных животных» рассматривался Спецкомитетом при СМ СССР 11 ноября 1946 года. Первому Главному управлению было предложено подобрать место и установить сроки сооружения полигона. 31 мая 1947 года Спецкомитет предварительно рассмотрел, а затем Совет Министров СССР принял постановление соорудить Горную станцию (так первоначально назывался Семипалатинский полигон) на площадке № 1 в районе реки Иртыш, в 170 километрах западнее города Семипалатинска. Обустройство и подготовку полигона к работе за два года осуществили воинские части, переданные в подчинение заместителю министра внутренних дел Завенягину А.П.

По своей служебной деятельности автору этих строк пришлось с 1968 по 1974 годы многократно участвовать на Семипалатинском полигоне в проведении исследования воздействия факторов ядерного взрыва на ракетные системы. К этому времени испытания атомных зарядов в атмосфере были запрещены, поэтому производились только подземные ядерные взрывы. Незабываемо впечатление от движения «земной тверди» у тебя под ногами, вызванного взбешенным «ядерным джином», которого «разбудил» человеческий разум. Удалось «полюбоваться» и на огромную, глубоченную воронку, в несколько сот метров в диаметре, сотворенную в бескрайней казахстанской степи при одном из последних наземных испытаний ядерного оружия.

19 августа 1949 года Спецкомитет возложил персонально на Завенягина А.П. руководство доставкой изготовленного в КБ-11 плутониевого ядерного заряда и нейтронных взрывателей на

Семипалатинский полигон. Ему было поручено сопровождать «Груз № 1» на всем пути следования, а также обеспечить сохранность «Изделия 501» во время подготовки к испытанию.

В ночь на 29 августа 1949 года первая советская атомная бомба РДС-1 была установлена на 30-метровой стальной башне и подключена к системе подрыва. В связи с тем, что к моменту проведения заключительных операций произошло резкое ухудшение погоды и поднялся сильный ветер, по предложению Курчатова И.В. и с согласия Берия Л.П. во избежание неожиданностей подрыв заряда произвели на час раньше запланированного времени — в 7 часов утра по местному времени. Созданная трудом огромной армии ученых, инженеров, техников, рабочих, как свободных, так и находившихся в заключении, офицеров разведок, руководителей всех рангов, советская атомная бомба ярко и громогласно заявила о себе. 29 августа 1949 года стало рубежом, когда монополия США на этот вид оружия массового поражения была ликвидирована.

На следующий день Берия Л.П. и Курчатов И.В. направили Сталину И.В. доклад о предварительных данных, полученных при испытании атомной бомбы. Точно в назначенный момент, говорилось в документе, «произошла вспышка атомного взрыва, во много раз превосходящая по своей яркости яркость Солнца. В течение 3–4 секунд вспышка приняла форму полушария, увеличившегося до размеров 400–500 м по диаметру. Одновременно со световой вспышкой образовалось взрывное облако, достигшее в течение 2–3 минут высоты нескольких километров и прорвавшееся затем в обычные дождевые облака, которые покрывали в момент испытания небо. Вслед за вспышкой взрыва возникла огромной силы ударная волна атомного взрыва. Зарево взрыва было видно, а грохот ударной волны слышен наблюдателям и очевидцам, находившимся от места взрыва на расстоянии 60–70 км». Мощность взрывного устройства была определена в 15 килотонн тротилового эквивалента. Проведенное испытание признали успешным [68].

Несмотря на столь впечатляющий эффект от атомного взрыва, Сталин И.В. не спешил похвалиться достигнутым успехом ни у себя в стране, ни на весь мир. Однако американцы и англичане сумели определить сам факт испытаний и начали этот вопрос усиленно муссировать, нагнетая общественное мнение. Только 25 сентября 1949 года Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) поместило в газетах сообщение в связи со сделанным накануне заявлением президента США Трумэна о проведении в СССР атомного взрыва. Поскольку вслед за этим в печати многих стран появились «многочисленные высказывания,

сеющие тревогу в широких общественных кругах», ТАСС уполномочили заявить, что в Советском Союзе ведутся строительные работы крупных масштабов, которые вызывают необходимость «больших взрывных работ с применением новейших технических средств». «Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что “этого секрета давно уже не существует”. Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В.М. Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 года. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году». В отношении тревоги общественности говорилось, что «Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия» [68]. Этот написанный в типично сталинском духе документ является, на мой взгляд, прекрасной «информацией для размышления» для современных читателей.

28 октября 1949 года Берия Л.П. вручил Сталину И.В. «Заключительный доклад о результатах испытания атомной бомбы», в котором конкретно описывались все подробности исторического события. Только ознакомившись с этим документом, Председатель Совета Министров СССР на следующий день подписал постановление, в соответствии с которым Сталинскими премиями I и II степени и денежными премиями награждались около 300 ученых и инженеров, принимавших участие в разработке бомбы, создании атомной промышленности и проведении испытания. На основании этого постановления и ходатайств Спецкомитета Верховный Совет СССР издал под грифом «совершенно секретно» указ, по которому звание Героя Социалистического Труда было присвоено 33 участникам атомного проекта: Курчатову И.В., Харитону Ю.Б., Ванникову Б.Л. Завенягину А.П. и другим. Орденом Ленина наградили 260 человек, в том числе организатора атомного проекта Берия Л.П. и министра внутренних дел Круглова С.Н. Орден Трудового Красного Знамени получили 496 человек, орден «Знак Почета» — 52 человека. В числе награжденных по такому знаменательному случаю фамилия Сталина И.В. не встречается. Впрочем, вождь народов считал, что руководителям его уровня обычные награды ни к чему. Правительство удостаивало

орденами и медалями лучших людей Страны Советов, чтобы народ знал своих героев. Однако награждение участников «атомного» проекта не афишировалось и проходило так же, как и все работы по созданию бомбы, с соблюдением всех правил конспирации: награжденному вручалась только выписка из указа, касавшаяся его лично. Опубликован указ был только в самом конце двадцатого века [68].

После испытания первой атомной бомбы работа по совершенствованию ядерного оружия успешно продолжилась, поскольку в трудные послевоенные годы была сделана не показуха для устрашения наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции, а создана мощная атомная промышленность, позволившая поднять на новый уровень обороноспособность Страны Советов. Не случайно с этого времени в средствах массовой информации и в выступлениях государственных политических деятелей США заявлений о «ковровых» атомных бомбардировках городов Советского Союза больше не делалось. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 декабря 1951 года министр внутренних дел Круглов С.Н. совместно с многими другими исполнителями вновь был награжден орденом Ленина «за успешное выполнение правительственного задания» в связи с проведением на Семипалатинском полигоне очередных испытаний атомных бомб на земле (24 сентября 1951 года) и в воздухе (18 октября 1951 года) [26].

24. ГУШОСДОР

К Главному управлению шоссейных дорог (ГУШОСДОР) НКВД-МВД СССР я не могу относиться без особого чувства, поскольку этот большой главк в течение полутора лет возглавлял мой отец Богданов Н.К., благодаря чему мы всей семьей стали москвичами. Но все по порядку.

В главе 5 говорилось о том, что в тридцатые годы с руководством ГУШОСДОРа происходила непрерывная чехарда и это пагубно отражалось на результатах работы, пока в 1939 году данное ведомство не возглавил профессиональный строитель Федоров В.Т., получивший при назначении на руководящую должность в НКВД звание «военный инженер 3- го ранга». В предвоенный период строительство и реконструкция дорог наиболее широко развернулись в Белорусском, Киевском, Ленинградском и Московском трестах ГУШОСДОРа, а также в Приморском крае Дальнего Востока. Кроте того, правительство возложило на НКВД прокладку дороги Новгород-Волынский — Ровно — Дубно — Львов «в максимально короткие сроки». С начала 1940 года специально созданными комиссиями стали повсеместно приниматься в эксплуатацию законченные участки дорог, имевшие асфальтовое, щебеночное и булыжное покрытие, а также искусственные сооружения на них (мосты, дренажные трубы, административные и жилые постройки и др.). Всего по итогам года было введено в действие около тысячи километров новых дорог.

Однако постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 марта 1941 года высшее руководство страны приняло решение резко сократить прокладку дорог и возложить на НКВД СССР срочное строительство 254 аэродромов для военно-воздушных сил Красной Армии. В связи с этим опытного строителя Федорова В.Т. назначили начальником Главного управления аэродромного строительства (ГУАС) НКВД СССР, освободив на время выполнения данной работы от забот по ГУШОСДОРу. Исполнять обязанности откомандированного начальника стал его заместитель, военный инженер 2-го ранга Засов И.А. Значительную часть инженерно-технического состава и рабочей силы в ГУАС забрали из ГУШОСДОРа, в связи с чем дорожный главк вынужден был заниматься лишь вводом в эксплуатацию ранее построенных дорог.

С началом войны оказалось, что основная нагрузка отступавших войск и эвакуировавшегося населения легла именно на автомобильные дороги, которые к этому совершенно не были

подготовлены. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 15 июля 1941 года в Красной Армии образовали Автомобильно-дорожное управление, в задачу которого входило наведение порядка на дорогах. В свою очередь, НКВД сформировал семь военно-дорожных управлений (ВДУ), по пять отрядов в каждом, выполнявших ремонтные и мостовые работы на дорогах за тыловыми границами фронтов.

Быстрое продвижение немецких войск по территории нашей страны вызвало огромный поток беженцев, грузовых транспортов и отступавших частей, который двигался на восток, в том числе и через Москву. Для того чтобы это стихийная лавина больших масс людей и техники, попав на улицы города, не парализовала столицу, Сталин И.В. поставил перед ГУШОСДОРом труднейшую задачу: в кратчайший срок построить вокруг Москвы кольцевую дорогу, которая позволила бы направить движение транспорта и людей обходным путем. Несмотря на все трудности, работники главка быстро провели полевые изыскания, и такая дорога протяженностью 125 км, соединившая 10 автомобильных и 11 железных дорог, сходившихся в столицу, была построена в заданный вождем срок.

В связи с тем, что многие оборонные предприятия находились в глубине страны или были туда эвакуированы, железные дороги не справлялись с доставкой их продукции на фронты. ГКО поручил ГУШОСДОРу вопросы строительства и содержания автомобильных дорог в глубоком тылу. В соответствии с этим распоряжением началось строительство дорог Горький — Казань, Ульяновск — Куйбышев, Рязань — Пенза — Куйбышев и др. Прокладывались дороги и в тех направлениях, по которым США и Англия по ленд-лизу направляли технику и военные грузы [71].

Для повышения оперативности управления всеми силами, отвечавшими за прифронтовые дороги, в мае 1942 года постановлением ГКО было создано Главное управление автотранспортной и дорожной службы Красной Армии, в которое помимо армейских частей вошли все полевые подразделения ГУШОСДОРа НКВД. Поскольку бригадного инженера Федорова В.Т. назначили заместителем начальника этого военного главка, то вместо него ГУШОСДОР возглавил комиссар гб II ранга Павлов К.А. Нехватка сил и средств привела к тому, что в 1943 году ГУШОСДОР мог проводить только текущий и средний ремонт дорог, позволявший содержать их «в проезжем состоянии». Затем на освобождавшейся от врага территории началось восстановление разбитых дорог, которые при отступлении немцы

основательно попортили. Только на территории Российской Федерации фашисты разрушили и повредили 13 836 километров дорог и 156 тысяч погонных метров мостов. От взрывов заложенных под дорожное полотно фугасов на проезжей части зияли воронки до пяти метров глубиной и порядка 20 метров в диаметре, а в иных местах и побольше. В целях обеспечения ремонтно-строительных бригад рабочей силой в составе ГУШОСДОРа стали организовывать исправительно-трудовые лагеря. К концу войны на восстановлении дорог трудились почти двадцать тысяч заключенных. Помимо этого в систему главка стали возвращать откомандированных в Наркомат обороны инженерно-технических работников, а также направили десять рабочих колонн по 10 тысяч человек «из числа контингентов, не годных для службы в Красной Армии, но годных к физическому труду». Для восстановления дорог разрешили привлекать местное население «в свободное от сельскохозяйственных работ время, в порядке трудгужповинности и трудучастия». В дополнение к той технике, которая стала передаваться дорожникам из Красной Армии, рекомендовалось собирать и использовать для работы трофейные дорожные машины и автотранспорт, «завезенные и брошенные противником». Рабочие кадры начали направлять на курсы подготовки квалифицированных шоферов, трактористов, грейдеристов, мотористов, укатчиков и пр. К последней военной зиме СНК СССР утвердил «сеть особо важных автомобильных дорог», которые Главдорупру Красной Армии и ГУШОСДОРу НКВД следовало содержать «в проезжем состоянии» (все остальные общесоюзные дороги — «в общем порядке»). К «особняку» отнесли дороги, ведущие из Москвы в Горький, Ярославль, Харьков, Ленинград, Минск и Брест, из Ленинграда в Киев и Нарву — Таллин, из Риги в Каунас и Псков, а также Минск — Вильнюс — Каунас, Киев — Житомир — Львов — Перемышль, Ровно — Ковель — Брест, Харьков — Ростов — Дзауджикау и Тбилиси — Джульфа. Весной 1945 года строительно-восстановительные работы производились на дорогах Москва — Минск (в районе Вязьма — Смоленск), Москва-Харьков (в районе Орел — Курск), восстанавливался Харьковский автодорожный институт и завод дорожных машин в Пушкине, возобновил деятельность Ленинградский филиал ДОРНИИ [41].

В мае 1945 года, после завершения боевых действий Великой Отечественной войны, начальнику ГУШОСДОРа было приказано принять из ресурсов тыла Красной Армии дорожную технику, автотранспорт и инструмент. Арсенал Главка пополнился большим количеством автомашин, тракторов, катков, грейдеров, экскаваторов, автоприцепов, компрессоров, камнедробилок,

бетономешалок, электростанций, пилорам, лебедок и другого оборудования. В дополнение к этому у поверженного противника демонтировали и отправили в Союз оборудование камнедробильного завода из г. Фельдберга, дормеханизмов и лесопильного заводов из г. Штеттина и механических мастерских из г. Деммина.

Государственный Комитет Обороны (ГКО) 4 июня 1945 года принял два важных постановления, «О строительстве шоссейных дорог для обеспечения автотранспортной связи между промышленными и областными центрами страны» и «О мероприятиях по материально-техническому обеспечению строительства и реконструкции автомобильных дорог», открывавших широкие перспективы перед автодорожным хозяйством Страны Советов. Во исполнение этих постановлений Наркомату внутренних дел поручалось в течение 1946–1948 годов построить и реконструировать около 9 тысяч километров общесоюзных магистралей с усовершенствованными покрытиями. ГУШОСДОРу предписывалось приступить к строительству новых автомобильных дорог в две очереди. К первостепенным были отнесены дороги Харьков — Ростов — Дзауджикау с ответвлениями к городам Краматорск, Сталино, Макеевка и др. общим протяжением 1600 км; Харьков — Полтава — Киев протяжением 464 км; Сталинград — Ставрополь — Армавир протяжением 555 км (правда, эта дорога никогда не строилась). Во вторую очередь следовало строить дороги Харьков — Днепропетровск — Запорожье — Симферополь с ответвлениями на Кривой Рог, Херсон и Николаев общим протяжением 910 км; Сталинград — Саратов — Пенза протяжением 590 км. Достраивать и реконструировать автомобильные дороги также следовало в две очереди. Сначала шоссе Москва — Тула — Орел — Курск — Харьков протяжением 757 км; Москва — Минск протяжением 694 км; Минск — Барановичи — Брест протяжением 320 км; Минск — Вильнюс — Каунас — Кенигсберг протяжением 510 км. Затем автодороги Москва — Рязань — Пенза — Куйбышев протяжением 1020 км с паромной переправой через Волгу; Смоленск — Витебск — Даугавпилс — Рига протяжением 630 км; Москва — Ленинград протяжением 718 км; Ленинград — Таллин протяжением 353 км. Для вновь строившихся и реконструируемых дорог устанавливалась ширина земляного полотна 12 м, проезжей части — 7 м. Только дорога Москва-Минск прокладывалась с шириной земельного полотна 16 м и проезжей части — 12 м. Для покрытия этой дороги использовали асфальтобетон и цементобетон. Мосты возводились металлические и железобетонные. Через каждые 150 км

строились «бензоколонки с постоянным жильем для обслуживающего персонала и небольшое помещение с буфетом для проезжающих». Через каждые 300 км сооружали «небольшие гостиницы с рестораном, станцией обслуживания, мастерской для ремонта автомашин и бензозаправочной колонкой». Для усиления ГУШОСДОРа из Наркомата обороны помимо техники передали и личный состав. Причем за офицерским корпусом, перешедшим в НКВД, были сохранены воинские звания, нормы снабжения продовольствием и обмундированием, а также положенные права и льготы. Численность центрального аппарата увеличилась на 170 человек. Для осуществления грандиозных планов было организовано 18 Управлений строительства и лагерей НКВД. В качестве рабочей силы Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД передало в подчинение ГУШОСДОРу 275 тысяч военнопленных. Все каменные, гравийные и песчаные карьеры, прилегавшие к строившимся дорогам, независимо от их ведомственного подчинения, были временно закреплены за ГУШОСДОРом. Для доставки грузов и строительных материалов НКПС стал ежемесячно выделять главку до 22 тысяч железнодорожных вагонов. Наркомторг организовал обслуживание всех вольнонаемных работников строительств и членов их семей закрытой торговой сетью в городах и на автотрассах. Офицерский состав и вольнонаемные обеспечивались общественным питанием в столовых и буфетах. Все специалисты, выпускавшиеся в 1945–1946 годах автодорожными институтами и автомеханическими техникумами, направлялись в систему ГУШОСДОРа. Народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам УНКВД краев и областей, по которым проходили строившиеся и реконструировавшиеся автодороги, персонально было предписано «оказывать повседневную практическую помощь Управлениям строительств автомобильных дорог ГУШОСДОРа НКВД СССР» [41].

И тут вдруг оказалось, что начальник ГУШОСДОРа Павлов К.А. стал не вполне удовлетворять качествам, предъявлявшимся к руководителю столь большой производственной организации. В трудное предвоенное и военное время он, применяя всю полноту данной ему власти, успешно выполнял серьезные задания правительства по Дальстрою, предприятиям черной металлургии и возведению оборонительных сооружений, за что был удостоен высоких правительственных наград и (единственный среди начальников главков) получил звание генерал-полковника. Однако теперь, в мирное время, те жесткие методы руководства, которые использовал Карп Александрович (о чем «в народе»

ходили даже легенды), оказались неприемлемыми. Действительно, сослуживцы рассказывали, что Павлов К.А. настолько грубо обходился со своими подчиненными, что они буквально в ошарашенном состоянии вылетали из его кабинета. В мае 1946 года министр внутренних дел Круглов С.Н., недовольный делами ГУШОСДОРа, издал два разгромных приказа, в одном из которых говорилось: «Отмечаю, что до сего времени, несмотря на ряд отдельных распоряжений и помощь, оказанную управлению Строительства № 3 ГУШОСДОРа МВД СССР, это строительство является по-прежнему наиболее отсталым от всех строек МВД». Министр назначил начальника УМВД Московской области генерал- лейтенанта Журавлева М.И. уполномоченным МВД СССР по наблюдению за Строительством № 3 автодороги на участке Москва — Тула, обязав его «установить личный контроль за строительством, оказывая при потребности необходимую помощь», а результаты «докладывать мне лично». В следующем, майском приказе МВД СССР подводились итоги: «В результате работ первого квартала и апреля 1946 года по строительству магистральных автодорог ГУШОСДОР МВД СССР по-прежнему является наиболее отсталой организацией, выполнившей план первого квартала лишь на 75,4 % и двух декад в апреле на 19 %. Все это является результатом, главным образом, отсутствия организованности в работе всех звеньев аппарата ГУШОСДОРа и большинства управлений строительства. Строительства № 1, 2, 3 (и другие) отодвинули ГУШОСДОР в разряд наихудших строительных организаций МВД СССР. На ГУШОСДОР в 1946 году возложена ответственная и почетная задача — развернуть строительство новых дорог и реконструкцию основных важнейших шоссейных магистралей страны, причем объем капитальных работ по сравнению с 1945 годом увеличен в три раза. Все это требует со стороны ГУШОСДОРа и строительных управлений на местах исключительной организованности, инициативы, высокого чувства ответственности за порученное дело» [72].

В целях исправления сложившегося положения 23 мая 1946 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил заместителю председателя Совета Министров СССР Берия Л.П. следующее письмо: «На ГУШОСДОР МВД СССР в 1946 году и все последующие годы пятилетки возложена огромная работа по строительству новых и реконструкции старых автодорог страны. План первого года пятилетки в 4 раза больше прошлогоднего, а в последующие годы возрастет в еще большем объеме. Несмотря на помощь, ГУШОСДОР не справляется с работой. План первого квартала выполнен на 75 %, не лучше и второй квартал. Обсудив

вопрос, пришли к выводу, что Павлов К. А. не обеспечит работу. Считаем целесообразным назначить начальником ГУШОСДОР тов. Богданова Н.К. — ныне Министра Внутренних дел Казахской ССР. Тов. Богданов Н.К. способный и энергичный работник, показавший себя как опытный администратор и организатор» [1].

После получения «добро» от руководства в соответствии с приказом, подписанным министром внутренних дел Кругловым С.Н. 9 июля 1946 года, генерал-лейтенант Богданов Н.К. стал начальником Главного управления шоссейных дорог МВД СССР. В своем письме от 20 июля 1946 года из Москвы в Алма-Ата отец сообщал нам о своих служебных заботах: «С работой пока дело обстоит хорошо, наш Главк выполнил полугодовую программу лучше всех, и ряд строек получил премии. Теперь все зависит от того, как выполним третий квартал и годовой план. Надежды на выполнение есть». И в следующем письме от 30 июля делился своими впечатлениями от новой работы: «Приняли меня хорошо и всячески оказывают помощь, даже начальники Главков. Как дальше пойдут дела — не знаю, но сейчас не плохо. С каждым днем стараюсь все больше вникать в работу» [1].

В конце августа 1946 года вслед за отцом наша семья переехала из Казахстана в Москву, и мы поселились в доме на улице Чкалова (ныне Земляной вал). Нашими соседями по лестничной площадке оказалась семья Цыпленковых. Глава семьи Николай Алексеевич работал секретарем у министра внутренних дел Круглова С.Н., о чем уже упоминалось нами ранее. Мой старший брат Владимир стал учиться вместе со старшим сыном Цыпленковых Игорем в четвертом классе школы. Я ходил во второй класс, а младший сын наших соседей Валерий в то время школы еще не посещал. Наша мама Нина Владимировна вместе с Валентиной Григорьевной Цыпленковой начал активно работать в родительском комитете школы, стремясь в трудное послевоенное время обеспечить детей завтраками, одеждой и учебниками.

Согласно плану титульных автодорожных строек на 1946–1950 годы, на ГУШОСДОР в то время возлагалось 21 дорожное строительство, а также возведение ряда ремонтно-механических заводов, жилых поселков и автодорожных институтов в Москве, Киеве и Харькове. Основным направлением деятельности являлось продолжение прокладки таких протяженных автомагистралей, как Москва — Харьков — Симферополь, Москва — Минск, Пенза — Куйбышев и других. Вторую заботу создавала огромная по размаху служба эксплуатации дорог. В обоих случаях использовался труд военнопленных, содержание лагерей с которыми, включавших сотни тысяч человек, представляло серьезные трудности.

Начальнику ГУШОСДОРа Богданову Н.К., несмотря на то что он не являлся специалистом по дорожному строительству, удалось наладить успешную производственную деятельность одного из крупнейших главков в системе МВД. В аттестации, заключении и характеристике, подписанных в начале 1947 года министром внутренних дел Кругловым С.Н. и замминистра по кадрам Обручниковым Б.П., отмечалось: «Руководство т. Богдановым ГУШОСДОРом во многом способствовало выполнению производственного плана за 1946 год по капитальному строительству на 106,3 %, по эксплуатации на 105,3 % и по валовой продукции промышленных предприятий на 122,3 %» [1].

Зима 1947 года оказалась суровой, в связи с этим приказом министра внутренних дел Круглова С.Н. от 14 марта 1947 года «О мероприятиях по обеспечению нормального пропуска ледохода под новым мостом через реку Ока в районе города Коломны» персональная ответственность возлагалась на начальника ГУШОСДОРа Богданова и его заместителя Саркисьянца. Предлагалось даже «договориться с Военным Советом Московского военного округа о выделении необходимых огневых и подрывных средств и авиации» в целях обработки ими «ледяных полей и заторов во время ледохода». Действительно, ледоход весны 1947 года отличался большими заторообразованиями и высоким уровнем воды. В связи с неудовлетворительной подготовкой некоторых УШОСДОРов и управлений дорог к паводку и непринятием «энергичных мер» к нормальному пропуску талых вод, отмечалось в апрельском приказе министра внутренних дел, ряд мостов (особенно деревянных) через реки Днестр, Проня, Неман, Мокша, Днепр были повреждены и требовали оперативного ремонта. Там, где было нарушено нормальное автомобильное движение, предписывалось организовать паромные и лодочные переправы.

Помимо плановых работ, распоряжениями и приказаниями МВД ГУШОСДОРу постоянно давались дополнительные поручения о приведении в порядок тех или иных дорог. Так, к началу курортного сезона следовало отремонтировать Черноморское шоссе на участке река Псоу — Гагры — Сухуми. Довести до «хорошего состояния» предписывалось автомобильную дорогу Новороссийск — Сочи, поскольку ожидалось, что по ней проедет Сталин И.В. Срочно потребовалось реконструировать Дмитровское шоссе в связи с тем, что в районе Большой Волги шло строительство объекта по «атомному проекту». Дороги Московской области находились в неудовлетворительном состоянии, а потому следовало их привести в порядок. Приказом

от 23 июня 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. утвердил представленные ГУШОСДОРом «Мероприятия по улучшению и развитию озеленительных работ на дорогах союзного значения», особенно на подъездах к городу Москве, столицам союзных республик и крупным областным центрам.

Не забывали и о дальних краях. Так, в целях обеспечения строительства объектов Главспецветмета ГУШОСДОРу поручили организовать отдельный дорожно-строительный район в Читинской области для прокладки дороги Могоча — Ключи, обеспечивавшей перевозки в интересах треста «Верхнеамурзолото». На Ангаро-Ленском тракте, использовавшемся трестом «Лензолото», дали задание произвести ремонт 273 километров дороги [70].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 9 сентября 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. отдал приказ начальнику ГУШОСДОРа генерал-лейтенанту Богданову Н.К. расконсервировать комплексное здание Московского автодорожного института (МАДИ) и Дорожного научно-исследовательского института (ДОРНИИ) и, не ожидая утверждения проекта, форсировать его строительство с тем, чтобы, сдавая в эксплуатацию объекты посекционно, закончить работы к 1 сентября 1950 года. Правда, эти планы не были полностью реализованы, поскольку приказом МВД от 28 июня 1949 года строительство многострадального здания МАДИ передали Министерству высшего образования [72].

Помимо прокладки новых дорог, управления строительства ГУШОСДОРа достигли значительных успехов в технически трудном и весьма почетном инженерном деле по восстановлению разрушенных в войну и строительству новых мостов. Так, на реке Неман через средний и правый протоки были восстановлены два высоководных металлических моста на автодороге Рига — Советск — Калининград. Об итогах строительства одного крупного нового моста лучше не скажешь, чем это сделано в приказе министра внутренних дел СССР Круглова С.Н.:

«28 ноября 1947 года Управлением строительства № 16 ГУШОСДОРа МВД СССР успешно закончены сборочно-монтажные работы на строительстве моста через реку Шоша (г. Калинин). Впервые в течение послевоенной пятилетки ГУШОСДОР своими силами без помощи специализированных посторонних организаций освоил строительство сложнейшего сооружения и провел весьма редкий в технике мостостроения эффективный способ комбинированной надвижки металлического пролетного строения длиной 115,5 метров. Преодолевая технические и организационные трудности, в тяжелых метеорологических

условиях, коллектив Управления строительства при участии и непосредственном руководстве ГУШОСДОРа проделал огромную и важную работу, сопряженную с инженерным риском».

За выполненный и успешно завершенный монтаж министр внутренних дел объявил благодарность руководителям, исполнителям и автору проекта пролетного моста. Начальнику ГУШОСДОРа было предложено принять меры к распространению данного опыта на других стройках [70].

В конце 1947 года ведомственные и правительственные комиссии приняли в эксплуатацию: отрезок автомагистрали Москва-Ленинград на участке от Клина до столицы; с оценками «хорошо» завершенные автомагистрали Москва-Минск длиной 700 километров и Пенза-Кузнецк длиной более 130 километров; автодорогу Москва-Тула, составившую 167 километров. Не обошлось и без неприятностей. Работы по реконструкции автомобильной дороги Дмитров-Большая Волга были признаны неудовлетворительными, поскольку «затапливаемые места сделаны технически неграмотно». Предписывалось «принять немедленно действенные меры». Прошедшие ливни произвели разрушения на Черноморском шоссе, что потребовало восстановления земляного полотна дороги. Кроме того был сделан обход участка сухумских оползней длиной 19,6 километра.

В целом итоги работы за год были подведены в приказе министра внутренних дел Круглова С.Н. следующим образом: «На основании широко развернутого социалистического соревнования за досрочное выполнение плана второго года послевоенной Сталинской пятилетки хозяйства ГУШОСДОРа МВД СССР перевыполнили план 1947 года по капитальному строительству, ремонту и содержанию дорог и выпуску продукции». При плане ввода 800 км автодорог фактически Главк сдал в эксплуатацию 840 км или 104,9 % от задания. По ремонту и содержанию магистралей план выполнили на 103,2 %, приведя в порядок 5.408 км покрытий. По промышленным предприятиям Главка валовой объем продукции составил 110,8 %, а товарной продукции — 100,4 %. При этом было освоено производство самосвалов, трейлеров, кирковщиков и других машин. Себестоимость продукции снизилась на 6,2 % [70].

Однако в связи с тем, что государственных средств на все многочисленные строительства атомных центров, железных дорог, промышленных предприятий и других объектов не хватало, высшее руководство приняло решение сократить ассигнования на автомобильные дороги. Во исполнение приказа министра от 8 января 1948 года дорожникам пришлось срочно

перекраивать имевшиеся перспективные планы и концентрировать усилия на главных направлениях.

Поскольку объем работы ГУШОСДОРа значительно уменьшался, министр внутренних дел решил перевести испытанного делом Богданова Н.К. на другое ответственное направление. 25 декабря 1947 года Круглов С.Н. направил секретарю ЦК ВКП(б) Кузнецову А.А., курировавшему кадры силовых ведомств, такое письмо: «Министерство внутренних дел СССР просит утвердить тов. Богданова Николая Кузьмича заместителем министра внутренних дел СССР и по совместительству начальником Управления МВД по Московской области, освободив его от должности начальника Главного управления шоссейных дорог МВД СССР. Начальника Управления МВД по МО тов. Журавлева М.И. просим освободить по болезни. Вопрос о назначении и освобождении согласован с секретарем Московского комитета ВКП(б) тов. Поповым Г.М.» [1].

Постановлением Совета Министров СССР, подписанным председателем Совмина Сталиным И.В. 7 января 1948 года, Богданов Н.К. был утвержден заместителем министра внутренних дел СССР. На следующий день министр внутренних дел Круглов С.Н., объявляя своим приказом данное постановление, одновременно назначил нового зама начальником Управления МВД по Московской области по совместительству. Назначение Богданова Н.К. на новую должность произошло столь стремительно, что ему не успели даже подыскать преемника по ГУШОСД ОРу, и исполнять обязанности руководителя главка стал заместитель Саркисьянц Г.А. Только 12 марта 1948 года командир Особого дорожно-строительного корпуса (ОДСК) МВД СССР генерал-лейтенант Любый И.С. был назначен начальником ГУШОСДОР МВД СССР [70].

Несмотря на сокращение ассигнований, дороги союзного значения требовалось поддерживать в хорошем состоянии, поскольку на них возросла не только интенсивность автомобильного движения, но и нагрузка в связи с появлением крупнотоннажных машин с народно-хозяйственными грузами. Для решения этой проблемы в марте 1948 года вышло постановление Совета Министров СССР об организации машинно-дорожных станций, которые оснащались целым парком техники: тракторами, бульдозерами, грейдерами, скреперами, катками, камнедробилками и другими механизмами. Другим постановлением правительства разрешалось привлекать для строительства и ремонта дорог на четыре дня в году грузовые автомобили промышленных, транспортных, сельскохозяйственных, торговых и прочих организаций [71].

Пользуясь некоторым затишьем в дорожном строительстве, министр внутренних дел Круглов С.Н. распорядился провести паспортизацию ряда дорог союзного значения. После завершения этой работы 18 июня 1948 года министр подписал сразу два секретных приказа, № 0370 и № 0371. В первом документе отметил, что в своем большинстве автодороги находятся на низком техническом уровне: облегченные типы покрытий, износ проезжей части, потеря несущей способности земляного полотна, низкая грузоподъемность, деревянные искусственные сооружения и т. п. В силу этого они не смогут обеспечить в ближайшие годы возрастающее движение автотранспорта и пропуск машин повышенного тоннажа. В целях детального установления состояния дорог и разработки мероприятий по достижению такого положения, при котором будет обеспечена беспрерывность движения транспорта, министр распорядился в июле-августе текущего года провести детальную инвентаризацию дорог по всем республикам, краям и областям. Примечательно, что во всех регионах рабочие комиссии (в составе 4–5 человек) приказано было возглавить лично республиканским министрам и начальникам управлений внутренних дел.

Во втором документе был отмечен ряд серьезных недостатков в деятельности служб эксплуатации шоссейных дорог союзного значения. В приказе обращалось внимание на низкую трудовую дисциплину среди ремонтеров и дорожных мастеров, отсутствие требовательности и контроля за работой линейного аппарата, в результате чего содержание и ремонт автомагистралей являлись неудовлетворительными. Министр персонально перечислил руководителей органов внутренних дел союзных и автономных республик, краев и областей, которым вменялось «до 1 августа 1948 года специально созданными комиссиями тщательно проверить работу каждого ДЭУ (дорожно-эксплуатационного участка), обратив особое внимание на изучение кадров и их соответствие занимаемым должностям, на объемы, учет, качество выполняемых работ» и ряд других вопросов. О принятых мерах каждому из упомянутых начальников следовало к указанному сроку представить в МВД СССР «обстоятельную объяснительную записку» [72].

Летом 1948 года произошел интересный казус, повлиявший на планы строительства дорог. Глава советского правительства Сталин И. В. решил в этот раз поехать на юг отдыхать не поездом, а на автомобиле.

Ближнее Подмосковье кортеж машин прошел нормально, но затем погода испортилась, полил дождь, в результате чего в Тульской области на раскисшей дороге где-то возле городка

Щекина автомобиль вождя прочно засел в глинистой грязи. Поскольку и дальнейшая дорога не предвещала ничего хорошего, пришлось Иосифу Виссарионовичу, отсидевшись на Щекинском химкомбинате, использовать для поездки на юг иной вид транспорта [71]. Результатом этого инцидента явилось принятое 22 сентября 1948 года постановление Совета Министров СССР «О строительстве асфальтобетонной дороги Москва — Харьков — Симферополь». Совершенно секретным приказом, подписанным министром внутренних дел Кругловым С.Н. через месяц после выхода данного постановления правительства, прокладка автотрассы, отнесенной к числу «важнейших первоочередных строек», возлагалась на ГУШОСДОР. Срок окончания всех работ был установлен в июне 1950 года. Поскольку Сталин И.В. через какое-то время мог вновь пожелать поехать на юг на авто и своими глазами увидеть выполнение порученного МВД задания, на строительстве этой автомагистрали, прокладывавшейся от Тулы по новому направлению, сосредоточили небывало много сил и средств. В ущерб другим дорогам сюда направили лучший инженерно-технический состав, армейские подразделения ОДСК, массу военнопленных и заключенных. В проведении земляных работ участвовали также колхозники Харьковской, Днепропетровской, Запорожской и Херсонской областей. Следует отметить, что дорога от столицы на юг прокладывалась в ускоренном темпе, но добротно: вдоль трассы были построены гостиницы, дорожно-эксплуатационные участки, бензозаправочные колонки, станции технического обслуживания автомобилей и пункты питания для проезжающих. Протяженность автомагистрали составила 1399 километров. Ширина дорожного полотна по всей трассе равнялась 12 метрам, а проезжей части — 7 метрам. Только ближе к столице, на участке Москва — Подольск земляное полотно расширили до 17 метров, а асфальтобетонную полосу — до 12 метров.

Таких темпов строительства не знала ни одна иная дорога, проложенная в СССР. 11 мая 1950 года, когда до установленного правительством срока окончания работ на автомагистрали Москва — Харьков — Симферополь оставалось меньше месяца, министр внутренних дел Круглов С.Н. издал секретный приказ, предписывавший проведение мероприятий по обеспечению своевременного завершения строительства. В частности, предлагалось «навести строгий порядок в содержании заключенных» и «создать такой режим в их использовании на работе, при котором исключались бы случаи невыполнения норм выработки». При этом рекомендовалось практиковать «урочные и аккордные работы». Бригады, не выполнявшие нормы в

установленное время, «оставлять на работе до окончания дневного задания». Рабочий день для заключенных устанавливался десятичасовой, «при обязательной выдаче дополнительного питания». Календарные дни отдыха предлагалось переносить на те дни, «когда выход заключенных на работу невозможен по атмосферным условиям» [72].

20 июня 1950 года было официально объявлено об организации на построенной автомагистрали автомобильного пассажирского сообщения «междугородними автобусами и таксомоторами транзитом от Москвы до Симферополя и обратно». Акт правительственной комиссии по приемке автодороги в постоянную эксплуатацию Совет Министров утвердил 8 сентября 1950 года. Объявляя своим приказом данное постановление, министр внутренних дел Круглов С.Н. подчеркнул, что правительственная комиссия особо отметила «высокое качество построенной автомагистрали» [72].

«За досрочное выполнение строительства современной автомобильной дороги» министр внутренних дел объявил благодарность начальнику ГУШОСДОРа Любому И.С. и наградил его денежной премией в размере месячного оклада. Постановлением Совета Министров СССР от 14 марта 1951 года коллективу главка в составе семи человек была присуждена Сталинская премия второй степени за 1950 год в области строительства в размере 100 000 рублей «за проектирование и скоростное строительство автомобильной дороги» [41].

Как раз в период прокладки автомагистрали Москва — Симферополь началась репатриация немецких военнопленных на родину, в связи с чем на основании совершенно секретного приказа МВД от 12 октября 1949 года на строительствах дорог вновь стали создаваться исправительно-трудовые лагеря заключенных. В конце 1949 года, когда все немцы были отправлены домой, в восьми ИТЛ ГУШОСДОРа работали больше 30 тысяч подневольных рабочих.

В соответствии с постановлением правительства от 11 июля 1949 года начались восстановление и развитие автомобильных дорог Московской области. Во исполнение этих планов 31 января 1950 года министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал приказ «Об организации экспедиции по изысканию и проектированию Московской кольцевой автомагистрали». При этом, «учитывая значимость и сложность работ», начальнику ГУШОСДОРа предписывалось укомплектовать данную экспедицию наиболее квалифицированными работниками Союздорпроекта, а для ее руководящего состава (начальника, заместителя, главного инженера и его заместителя, главного геолога) выделялось пять

офицерских должностей майорской категории. Для обеспечения высокого качества проектно-изыскательских работ предлагалось в качестве консультантов привлекать профессоров втузов, научных работников ДОРНИИ и других высококвалифицированных специалистов, включив оплату их работы в смету на составление проекта кольцевой дороги [72]. Это было только начало. Строительство Московской кольцевой автодороги (МКАД) завершилось в 1962 году. После реконструкции на стыке двадцатого и двадцать первого веков МКАД стала самой современной автострадой, которой мы сейчас можем прекрасно пользоваться.

В апреле 1950 года генерал-лейтенант Любый И.С. был назначен заместителем начальника Главного управления Енисейстроя МВД СССР, а новым начальником ГУШОСДОРа стал майор Литвин Н.И., до этого являвшийся заместителем секретаря партийного комитета МВД. Сразу после назначения на должность министр внутренних дел присвоил новому начальнику главка воинское звание «полковник внутренней службы».

Несмотря на все трудности, строительство и благоустройство дорог продолжались. Согласно приказу МВД от 10 февраля 1951 года, в системе ГУШОСДОРа был организован целый аппарат по озеленению автомобильных дорог, что предотвращало занос проезжей части снегом в зимнюю пору. Приказами министра внутренних дел в систему союзного значения дополнительно включили такие автодороги: Харьков — Ростов (487 км), Киев — Харьков (470 км), Иркутск — Ангарск (51 км), Сталинград — Калач (101 км), Кристополь — Забужье — Госграница (32 км), Калининград — Багратионовск — Долгоруково (40 км), Пятигорск — Ессентуки — Кисловодск и другие.

Начиная с 1952 года ассигнования на строительство автодорог правительство значительно увеличило, что позволило в разных регионах страны организовать не просто строительства, а новые дорожно-строительные районы. На основании накопленного опыта ГУШОСДОР достаточно быстро построил еще одну современную магистраль, Киев — Харьков — Ростов протяженностью 957 км. Трасса была проложена вне крупных населенных пунктов, а к городам Ворошиловграду (ныне Луганску), Пирятину, Полтаве, Шахтам и др. были сделаны подъезды общей протяженностью 102 км. Закончен был также большой мост через реку Оку у города Коломны, за который министр внутренних дел наградил начальника Главного управления шоссейных дорог Литвина Н.И. знаком «Заслуженный работник МВД СССР» и денежной премией. При строительстве Волго-Донского водного пути, Сталинградского и Куйбышевского

гидроузлов много работ пришлось провести ГУШОСДОРу по прокладке местных подъездных дорог.

При анализе материалов «Тематического сборника приказов и распоряжений МВД СССР по работе ГУШОСДОРа за 1946–1953 годы» [72] создается впечатление, что министр внутренних дел Круглов С.Н. почти ежедневно подписывал руководящие документы по этому главку. Действительно, наша повседневная жизнь тесно связана с автомобильными дорогами, и от их состояния во многом зависит успешность выполнения нами самых разных дел. Сложно перечислить все многочисленные задачи, ставившиеся министром внутренних дел строителям автотрасс. Последний приказ дорожному главку об организации (в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 26 февраля 1953 года) в составе УШОСДОРа МВД Украинской ССР Управления дороги Киев — Одесса Круглов С.Н. подписал 4 марта 1953 года. Дальше жизнь пошла по другому сценарию.

25. Главгидрострой

Наименование «Главгидрострой» взято нами в качестве обобщающего названия ведомства в структуре НКВД — МВД, занимавшегося строительством водных путей, речных и морских портов, гидроэлектростанций и других объектов, связанных с использованием гидроресурсов. Первоначально в структуре организованного в 1930 году УЛАГа-ГУЛАГа не было подразделения, которое занималось только гидротехническим строительством. Обеспечением прокладки Беломорско-Балтийского канала, являвшегося одним из первенцев великих сталинских строек, полностью занималось Главное управление лагерей (ГУЛАГ): поставляло рабочую силу из заключенных, организовывало их охрану и трудовое использование, снабжало строительство и лагеря всем необходимым для работы и жизни. Но уже в 1935 году в составе ГУЛАГа вместе с рядом профильных подразделений (Дорожным, Горным, Лесным и другими) организовали Сектор гидротехнического строительства в составе 14 сотрудников. В 1938 году данный сектор преобразовали в Гидротехнический отдел, причем начальник этого отдела (как и других профильных подразделений) стал одновременно и заместителем начальника ГУЛАГа. На следующий год при распределении лагерей и колоний между подразделениями ГУЛАГа Отдел гидротехнического строительства получил под свое кураторство Волгострой, Куйбышевгидрострой, строительство Химкинского порта и Южной гавани в Москве, Соликамского гидроузла и других объектов. В сентябре 1940 года в соответствии с постановлением СНК СССР на базе Гидротехнического отдела ГУЛАГа было организовано самостоятельное Главное управление гидротехнического строительства (Главгидрострой) НКВД СССР, начальником которого назначили старшего майора гб Рапопорта Я.Д., главным инженером и первым заместителем начальника стал Жук С.Я. Этот главк руководил Волгостроем (Угличский и Рыбинский гидроузлы), строительством Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей, сооружением гидростанций на реках Клязьме, Коротосли, Костроме и Мете, строительствами № 200 (Лужская губа), 201 (Николаевск-на-Амуре), 213 (порт Находка) и других объектов. После начала войны объекты Главгидростроя, за исключением «ударных сверхлимитных строек НКВД СССР» № 200,201,213 и Волгостроя, была законсервированы. В июле 1941 года все силы и средства гидростроителей передали в Главное управление оборонительных работ (ГУОБР) НКВД СССР

для возведения укрепленной полосы с долговременными сооружениями (о чем было рассказано в главе 7). С 1 ноября 1941 года Главгидрострой расформировали, но вместо него в составе Главпромстроя НКВД СССР создали Отдел гидротехнических работ, курировавший «сверхлимитные стройки». Рапопорта Я.Д. назначили заместителем начальника Главпромстроя, а Жука С.Я. — начальником Гидротехнического отдела.

Однако и в годы войны советское руководство заботила мысль о грядущих великих стройках. В связи с этим приказом Наркомата внутренних дел от 19 апреля 1942 года в составе Главпромстроя НКВД СССР было организовано Проектно-изыскательское управление гидротехнических работ (Гидропроект) в составе 74 человек, начальником и главным инженером которого назначили Жука С.Я.

После войны одной из самых великих сталинских строек явились сооружение Волго-Донского водного пути и обводнение засушливых земель в районе Нижнего Дона (см. карту в фотоальбоме). Следует отметить, что к этому времени существовало две схемы решения данной задачи. Первая схема, разработанная еще в 1927 году, преследовала чисто транспортные цели: от Волги до Дона прокладывался канал длиной 100 километров с питанием водой из Дона при помощи насосной станции. На канале предполагалось строительство 10 судоходных сооружений с плотинами, которые поддерживали бы движение по водному пути только летом, а зимой и весной плотины должны были разбираться. Глубину канала проектировали в 3,6 метра. Стоимость строительства канала предполагалась от 1600 до 1800 млн рублей.

Второй вариант схемы был разработан позднее и преследовал цель не только прокладки водного пути, но и создания Куликовского водохранилища для орошения прилегавших засушливых земель. Глубина канала предполагалась до 5,5 метров, а на Дону — до 6 метров. Донские плотины и водохранилище составляли единую систему, обеспечивавшую поступление воды из Дона в канал самотеком, а оттуда — в Волгу и далее в Каспийское море. Ниже главной плотины предполагалось построить 3 крупные и 3 малые гидроэлектростанции. Вода для орошения должна была направляться в Сарпинскую низменность (южнее Сталинграда) и в пойму Дона. Поскольку второй вариант требовал затрат около 6–8 млрд рублей, в 1940 году было дано указание спроектировать более дешевую схему Волго-Донского канала. В 1941 году руководитель проекта Жук С.Я. доложил о завершении проработки схемы канала с насосным способом подкачки воды и с

одним водохранилищем, что обеспечивало судоходство по самому Дону и позволяло создать сквозной путь с Волги до Ростова-на-Дону. Стоимость новой схемы составляла около 3,5 млрд рублей. Однако начавшаяся война прервала дальнейшую работу над этой схемой. Несмотря на все трудности, идея прокладки Волго- Донского водного пути никогда не оставляла вождя народов, и решение этой проблемы являлось лишь делом времени.

13 июня 1946 года министр внутренних дел СССР Круглов С.Н. вместе с начальником и главным инженером Гидропроекта МВД СССР Жуком С.Я. направил на имя Сталина И.В. и Берия Л.П. докладную записку, в которой говорилось следующее: «По Вашему указанию НКВД СССР в начале 1941 года разработал ряд схем водного соединения Волги с Доном. Рассмотрев эти схемы, Вы остановились на варианте, по которому Волго- Донской канал начинается у г. Красноармейска на Волге и выходит к Дону у г. Калача; далее путь проходит по реке Дону, глубина на котором обеспечивается попусками воды из крупного водохранилища с плотиной у хутора Кумовского. Дальнейшая разработка проекта была прервана войной». Затем в документе сообщалось, что в 1946 году МВД СССР возобновило проектную работу по Волго-Дону и наметило пути для удешевления принятой Сталиным И.В. схемы. Основным изменением в этом плане являлся перенос плотины к станице Цимлянской, что позволяло сделать полноводным наиболее трудный для судоходства участок Дона и снизить объемы работ на строительстве предлагавшегося варианта плотины. Примерная стоимость нового проекта составляла около 2,4 млрд рублей. При этом глубина фарватера на канале и по Цимлянскому водохранилищу планировалась не менее 3,6 метра, а на Дону, ниже Цимлянской плотины, — около 2,4 метра, что близко соотносилось с существовавшей тогда глубиной на Средней Волге. «Если осуществление указанной схемы строительства Волго-Донского водного пути будет признано необходимым, — говорилось далее в докладной записке, — то МВД СССР, обладая кадрами и накопленным опытом при строительстве Беломорско-Балтийского канала имени товарища Сталина, канала Москва — Волга и других гидротехнических сооружений, могло бы выполнить строительство этого пути». Срок завершения всех работ, включая подготовительный период, оценивался в пять лет [34].

После внимательного рассмотрения и общего одобрения высшим руководством страны представленного проекта 8 марта 1947 года Круглов С.Н. и Жук С.Я. направили на имя Сталина И.В. (в копии Берия Л.П. и Вознесенскому Н.А.) еще одно письмо по

данному вопросу: «В соответствии с Вашим указанием Гидропроект МВД продолжил разработку представленной Вам в 1946 году новой схемы Волго-Донского пути в целях выяснения возможности использования Цимлянского водохранилища для орошения прилегающих засушливых земель. Установлено, что без особых технических затруднений можно оросить и обводнить значительные площади земель по рекам Нижнему Дону, Салу и обоим Манычам». Далее в документе подробно описывалась конкретная схема соединительного канала, ирригационной системы и гидроузла с водохранилищем и излагался порядок реализации этого замысла. «Если предлагаемая схема заслуживает внимания, — обращались к вождю министр и главный инженер, — и к осуществлению Волго-Дона может быть приступлено в ближайшие годы, то целесообразно теперь же произвести необходимые изыскания и составить проектное задание Волго-Донского пути и схему орошения земель из Цимлянского водохранилища. На выполнение изыскательских и проектных работ потребуется времени около двух лет и ассигнований 30 миллионов рублей, в том числе на текущий 1947 год — 6 миллионов рублей. МВД просит Ваших указаний» [34].

На основании представленных материалов было подготовлено постановление Совета Министров СССР «О проектно-изыскательских работах по Волго-Донскому водному пути, орошению и обводнению засушливых земель в прилегающих к нему районах», которое Сталин И.В. подписал 16 марта 1947 года. Согласно этому документу Министерству внутренних дел СССР (т. Круглову) поручалось к 1 мая 1949 года выполнить «все необходимые изыскательские и исследовательские работы и составить проектное задание на строительство Волго-Донского водного пути со схемой орошения и обводнения засушливых земель по Нижнему Дону и рекам Салу и Манычам» [34].

27 мая 1947 года начальник и главный инженер Гидропроекта Жук С.Я. провел более двух часов на приеме у Сталина И.В. в Кремле, где также присутствовали заместитель председателя Совета Министров СССР Берия Л.П., министр финансов СССР Зверев А.Г. и министр сельского хозяйства СССР Бенедиктов И.А. Проект Волго-Донского канала, энергетических комплексов и оросительной системы подвергся всестороннему обсуждению и не вызвал у присутствовавших принципиальных возражений против его реализации. Решено было принимать по этому вопросу правительственное постановление, подготовку проекта которого поручили Министерству внутренних дел СССР.

Помимо этого в июле 1947 года министр внутренних дел

Круглов С.Н. и председатель Мосгорисполкома Попов Г.М. направили на имя Сталина И.В. и Берия Л.П. письмо, в котором говорилось о необходимости строительства в Москве Северной водопроводной станции с забором воды из Учинского водохранилища, образованного при прокладке канала Москва — Волга, и сооружения Курьяновской станции биологической очистки сточных вод (аэрации) на левом берегу Москвы-реки ниже Перервинской плотины.

В связи с намеченными большими объемами гидротехнических работ 20 октября 1947 года вышло постановление Совета Министров СССР, которым в составе МВД СССР было разрешено вновь организовать Главное управление лагерей гидротехнического строительства (Главгидрострой) с включением в его состав Гидропроекта. Этим же постановлением Совет Министров СССР назначил начальником Главгидростроя МВД СССР Рапопорта Я.Д., а главным инженером Главгидростроя и начальником Гидропроекта Жука С.Я.

Во исполнение указанного постановления правительства министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал приказ, в соответствии с которым новому главку, получившему штат в количестве 174 единиц, перешли в подчинение Гидропроект и управление Гидромеханизации, а также строительства Волго-Балтийского водного пути, Москворецкой водной системы, Широковской электростанции и Опокского гидроузла [34].

20 января 1948 года Круглов С.Н. и Жук С.Я. представили на имя Берия Л.П. проект постановления Совета Министров СССР о строительстве Волго-Донского водного пути (ВДВП) и комплексном использовании водных ресурсов Нижнего Дона для ирригации и энергетики. Для обсуждения этого проекта 16 февраля 1948 года Круглов С.Н. и Жук С.Я. были приглашены в кремлевский кабинет Сталина И.В., где присутствовали также заместители председателя Совета Министров СССР Берия Л.П., Маленков Г.М., Молотов В.М., Микоян А.И., Вознесенский Н.А., Булганин Н.А. и секретарь ЦК ВКП(б) Жданов А.А. Помимо этого данный проект постановления Совмина был рассмотрен 26 февраля того же года на Бюро Совета Министров СССР. На следующий день Берия Л.П. направил этот документ Сталину И.В., написав в сопроводительном письме: «В соответствии с Вашим указанием выработан проект постановления о строительстве Волго-Донского водного пути и о комплексном использовании водных ресурсов Нижнего Дона. Проект подготовлен с участием т.т. Жука, Рапопорта, Жимерина, Ковалева, Круглова, Вахтурова (от Министерства речного флота), Кожевникова и Демидова (от Госплана СССР) и Ковалева А.П. (от

Госснаба СССР)». К проекту прилагалась записка Жука С.Я., в которой было сказано, что для осуществления строительства канала необходимо около 200 тысяч человек, а для уменьшения этого количества рабочих потребуются высокопроизводительные механизмы и новейшая строительная техника.

Подводя итог представленным проработкам, 27 февраля 1948 года глава советского правительства Сталин И.В. подписал секретное постановление Совета Министров СССР, положившее начало строительству Волго-Донского водного пути и комплексному использованию водных ресурсов Нижнего Дона. Это постановление начиналось словами: «Отмечая большое народно-хозяйственное значение соединения Волги с Доном, обеспечивающего: создание транзитной Волго-Донской водной магистрали для перевозки массовых грузов — угля, леса, хлеба; использование водных ресурсов Нижнего Дона для организации в засушливых районах по рекам Дону, Салу и Манычам крупного, интенсивного, устойчивого сельскохозяйственного производства; создание на Нижнем Дону гидроэнергетической базы для снабжения дешевой электроэнергией орошаемых районов и промышленности; и учитывая, что соединением Волги с Доном завершается огромная работа, проделанная в годы Сталинских пятилеток по реконструкции и созданию глубоководных внутренних судоходных путей (Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина, канал имени Москвы, Щербаковский и Угличский гидроузлы на р. Волге), соединяющих Белое и Балтийское моря с Азовским, Черным и Каспийским морями, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Признать необходимым строительство Волго-Донского водного пути с комплексным использованием для ирригации и энергетики водных ресурсов Нижнего Дона.

2. Обязать Гидропроект Министерства внутренних дел СССР к 1 мая 1949 года закончить разработку и представить на утверждение Совета Министров СССР проектное задание на строительство Волго-Донского водного пути в составе соединительного канала между Волгой и Доном (по трассе г. Красноармейск на Волге, хутор Кумовской на Дону) с подачей воды в канал насосными станциями и гидроузла с гидроэлектростанцией на р. Дон в районе станицы Цимлянской, схему орошения 450–500 тыс. га земель по Нижнему Дону и рекам Салу и Западному Манычу, а также сметно-финансовые расчеты по стоимости строительства Волго-Донского пути». Ответственным руководителем по составлению этого проекта Совмин утвердил «начальника Гидропроекта МВД СССР т. Жук С.Я.»

Одновременно правительство установило ряд параметров сооружений Волго-Донского водного пути: шлюзы должны были иметь длину 145 метров, ширину — 18 метров и глубину — 2,4 метра на первом этапе, а после строительства гидроузлов на Нижнем Дону это значение доводилось до 3,65 метра. Отметка уреза воды Цимлянского водохранилища над уровнем моря планировалась на высоте около 39 метров.

Совмин обязал Министерство речного флота, Министерство угольной промышленности западных районов, Министерство лесной промышленности, Министерство путей сообщения разработать по договору с Министерством внутренних дел портовые устройства и другие сооружения, связанные с массовыми перевозками угля и леса по Волго-Донскому пути. Министерство электростанций должно было оказать МВД помощь по соединению линий передач высокого напряжения от новых гидростанций с действующими энергосистемами. Министерству сельского хозяйства, Ростовскому и Сталинградскому облисполкомам следовало разработать по заданиям МВД вопросы, связанные с орошением и обводнением земель, а также (облисполкомам) предложения по размещению и земельно-хозяйственному устройству населения, переселявшегося из зоны затопления Цимлянского водохранилища и трассы канала.

Восьмой пункт постановления правительства обязывал «Министерство внутренних дел СССР (т.т. Круглов, Рапопорт и Жук) при разработке проектного задания на строительство Волго-Донского водного пути обеспечить резкое сокращение стоимости строительства за счет максимальной механизации, применения усовершенствованных способов производства работ и удешевления конструкции сооружений». По срокам строительства предлагалось МВД приступить в 1948 году к подготовительным работам с тем, чтобы в 1953 году сдать первую очередь готовых объектов: соединительный канал между реками Волгой и Доном, Цимлянский гидроузел с гидроэлектростанцией и магистральный оросительный канал для обводнения 100 тысяч га земель.

Для непосредственного руководства работами Совмин обязал Министерство внутренних дел СССР (т. Круглова) организовать Управление строительства Волго-Донского водного пути (Волго-Донстрой), начальником которого правительство сразу же назначило т. Павлова К. А. (бывшего начальника ГУШОСДОРа). Главным инженером этого строительства по совместительству стал главный инженер Гидропроекта т. Жук С.Я. Военное предназначение канала должен был отслеживать представитель от Министерства строительства военных и военно-морских предприятий т. Мачтет Г.Н., получивший назначение на

должность заместителя главного инженера Волго-Донстроя МВД СССР.

Согласно постановлению, в текущем году Министерство внутренних дел обязано было выполнить такие подготовительные работы: «Построить 30 тыс. кв. метров жилой площади для рабочих и инженерно-технических работников, 3 лесозавода на 8 пилорам с деревообрабатывающими мастерскими, 4 механических мастерских, склады, гаражи, подъездные железнодорожные пути и автогужевые дороги, а также организовать лесозаготовки и карьерные хозяйства». На эти работы Министерству внутренних дел из резервного фонда Совмина выделялось 75 млн рублей, причем треть из них — на проектно-изыскательские дела. Кроме того, в 10-дневный срок Госснаб должен был определить «источники материалов и оборудования», выделенных МВД.

Совмин поручил «комиссии в составе т.т. Кузнецова А. А., Кафтанова С.В. и Круглова С.Н. в 10-дневный срок рассмотреть и решить вопрос об обеспечении строительства Волго-Донского водного пути инженерно-техническими кадрами». К 1 октября 1948 года министр внутренних дел Круглов С.Н. должен был представить в Совет Министров СССР предложения по развертыванию строительных работ на следующий год.

Важность, которую придавал Сталин И.В. сооружению Волго-Дона, подчеркивалась тем, что в отличие от многих других постановлений Советского правительства, на которых имелись лишь виза управляющего делами СНК — СМ СССР и печать этого ведомства, на оригинале рассмотренного выше документа была выведена размашистая подпись вождя народов [34].

Во исполнение приведенного постановления Совмина СССР министр внутренних дел Круглов С.Н. 11 марта 1948 года подписал приказ об организации Управления исправительно-трудовых лагерей (УИТЛ) и Строительства Волго-Донского водного пути (Волгодонстрой) с дислокацией в городе Калаче-на-Дону Сталинградской области. Начальником Волгодонстроя МВД СССР, согласно предписанию правительства, стал генерал-полковник Павлов К. А., а заместителем начальника по лагерю назначили генерал-майора Шитикова Н.И. Управлению кадров МВД поручили направить на Волгодонстрой сотрудников, работавших ранее на гидротехнических строительствах, «независимо от места их настоящей работы». Начальник ГУЛАГа Добрынин Г.П. получил приказ обеспечить по заявкам Главгидростроя МВД завоз рабочей силы из числа заключенных первой и второй категории трудового использования, доведя в 1948 году списочный состав подневольных тружеников до 20

тысяч человек [34].

19 марта 1948 года Павлов К. А. своим приказом № 1 объявил о том, что он принял должность и приступил к исполнению обязанностей начальника УИТЛ и Волгодонстроя МВД СССР. Министр внутренних дел Круглов С.Н. назначил заместителями Павлова К.А. инженер-полковника Попова М.Н., подполковников Решетникова И.Я. и Кузьменкова П.В., заместителем по общим вопросам и снабжению полковника Карпова И.Я., заместителем по кадрам полковника Базанова Н.А. и начальником Политотдела и заместителем начальника УИТЛ и Волгостроя по политработе Стеценко В.С. Наблюдение за работой Главгидростроя было возложено на заместителя министра внутренних дел Чернышова В.В.

Для обеспечения масштабного развертывания работ на строительстве Волго-Донского водного пути Совмин СССР своим постановлением от 19 августа 1948 года предписал министру внутренних дел Круглову С.Н. направить в текущем году на этот объект 23 тысячи человек из числа заключенных, военнопленных и спецпереселенцев, сняв их с работ других министерств по согласованию с Госпланом. Во исполнение этого постановления приказом МВД соответствующее распоряжение было отдано начальнику ГУЛАГа Добрынину Г.П. и начальнику ГУПВИ Филиппову Т.В. [34].

11 сентября 1948 года министр внутренних дел Круглов С.Н. и главный инженер Главгидростроя Жук С.Я. направили на имя Берия Л.П. письмо, в котором сообщили о ходе строительства Волго-Донского водного пути и указали на ряд недостатков в работе других министерств и ведомств, срывавших запланированные поставки материалов и оборудования. В письме говорилось, что, по состоянию на 10 сентября сего года, Волгодонстрой закончил организацию и комплектование административным и техническим составом управления строительства и всех строительных подразделений для намеченной программы плановых работ. На строительстве уже трудились 9368 человек, из них 1100 военнопленных. В пути находились еще 1400 человек, а всего в текущем месяце туда дополнительно направлялись 4400 человек. Работы проводились в основном в Красноармейском, Береславском, Донском и Цимлянском строительных районах и на прокладке двух дорог. Кроме того, разрабатывались Репнянский и Жирновский карьеры, а также приступил к работе лесозаготовительный пункт в Горьковской области. Для приема 23 тысяч «спецконтингента», подлежавшего направлению на строительство, согласно постановлению Совмина, организовывались лагеря. Велось

жилищное строительство для инженерно-технических работников и вольнонаемных рабочих, сооружались коммунально-бытовые и лечебные здания, производственные и складские помещения, железнодорожные и автомобильные подъездные пути и шоссейные дороги вдоль трассы канала. В результате проведенных проектно-изыскательских работ все строители необходимой документацией в текущем году были обеспечены. Материалы и оборудование, за отгрузкой которых МВД установило специальное наблюдение, поступали в основном удовлетворительно: объекты получили лесоматериалы и стандартные дома в достаточном количестве, а из строительных механизмов уже отгружены камнедробилки, бетономешалки, растворомешалки, тяжелые грейдера, катки моторные, насосы, лесорамы, компрессоры передвижные, электромоторы, трансформаторы, инструмент. Полностью получены металл, рельсы для узкой колеи, гвозди и трос.

Однако ряд поставщиков своих обязательств не выполняли. Так, Министерство автомобильной и тракторной промышленности СССР должно было поставить в третьем квартале 225 автомашин, а отправило из Горького только 50 грузовиков. Из Челябинска не поступило 20 тракторов. По сообщению Машиноимпорта, Министерство внешней торговли СССР не отгрузит подлежащие поставке в текущем году передвижные электростанции, хотя строители испытывают без этого оборудования «тяжелые затруднения». Министр электростанций СССР тов. Жмерин своим письмом от 4 сентября с. г. сообщил, что передать два энергопоезда, выделенные Волгодонстрою постановлением Совета Министров СССР от 19 августа с.г., без дополнительного решения правительства не может. «Министр лесной и бумажной промышленности СССР тов. Орлов до сего времени не дал распоряжения о передаче Волгодонстрою Елшанского лесопильного завода им. Куйбышева». Министерство путей сообщения (МПС) СССР, хотя и закончило предварительные изыскания по строительству железнодорожной ветки от станции Морозовская до Цимлянской, никаких работ на этой трассе не вело. Кроме того, МПС не поставило запланированного количества вагонов, вследствие чего имеются затруднения с поставкой грузов на строительные площадки.

Отправители письма просили дать необходимые указания соответствующим министерствам, однако резолюция заместителя председателя Совета Министров СССР Берия Л.П. на этом прошении в адрес министра внутренних дел оказалась достаточно жесткой: «Решениями Правительства от 27 февраля и

19 августа 1948 года МВД СССР выделено все необходимое для обеспечения работ по плану текущего года и подготовки к развороту строительства Волго-Донского канала в 1949 году. Между тем, подготовительные работы на Волгодонстрое идут пока слабо, что объясняется непринятием должных мер со стороны Главгидростроя. Главгидрострой плохо дерется за реализацию указанных решений Правительства. Вам необходимо т. Жука послать на строительство для оказания на месте необходимой помощи, а т. Рапопорт заставить как следует заниматься вопросами материально-технического обеспечения Волгодонстроя. Волго-Дон является одной из важнейших строек МВД СССР — поэтому и Вы лично обязаны заниматься этой стройкой повседневно, оказывая помощь Главгидрострою» [34].

В общем-то, Лаврентий Павлович в определенной мере был прав, поскольку по ряду причин дела на Волгодонстрое действительно шли недостаточно успешно. 1 ноября 1948 года Жук С.Я. в своем рапорте на имя Круглова С.Н. раскрыл один из личностных мотивов такого положения дел: «Истекшие шесть месяцев моей работы в качестве главного инженера Волгодонстроя показали полное расхождение между мной и начальником строительства т. Павловым как по основным, принципиальным вопросам строительства, так и почти по всем вопросам организации работы. Эти расхождения наметились с первых же дней организации управления строительства и в настоящее время приняли такую острую форму, что я вынужден обратиться к Вам с настоящим рапортом… Действия т. Павлова, в первую очередь, объясняются тем, что он не имеет опыта организации крупных строительств. Организационные мероприятия т. Павлова обычно бывают мало удачны и создают ненужные затруднения для развития работ… Действия т. Павлова бывают иногда настолько нелепы, что граничат с самодурством… К тому же следует добавить, что наряду с беспочвенным упрямством, т. Павлов чрезвычайно груб с подчиненными…Т. Павлов не может объединить вокруг себя коллектив строителей и создать условия для его плодотворной работы. В течение шести месяцев я предпринимал все от меня зависящее, чтобы установить с т. Павловым нормальные деловые отношения. Однако добиться этого я не смог. Не считая возможным ставить вопрос о моем освобождении от должности главного инженера Волгодонстроя или хотя бы от ответственности за нормальный ход строительства и окончание его в установленный правительством срок, я считаю своим долгом поставить Вас в известность о создавшемся положении и просить Вашего вмешательства для установления на строительстве нормальных условий работы» [34].

Конфликт между Павловым К.А. и Жуком С.Я. через некоторое время был разрешен: приказом МВД СССР от 14 января 1949 года «в целях сосредоточения главного внимания Главгидростроя МВД СССР на строительстве Волго-Донского водного пути» начальник Главгидростроя МВД СССР Рапопорт Я.Д. был назначен (по совместительству) начальником Волгодонстроя с освобождением от этой должности Павлова К.А., которого уволили из органов МВД СССР в отставку «по болезни».

Строительство Волго-Донского канала и других гидротехнических сооружений происходило в тех местах, по которым несколько лет назад прокатились боевые действия Великой Отечественной войны. В связи с этим саперы Северо-Кавказского военного округа произвели проверку и разминирование трассы прокладки водного пути и полосы автогужевой дороги Красноармейск — Калач шириной в 100 метров и длиной 110 километров. При этом строителей предупредили, что и на разминированной территории при работах по выемке грунта могут в отдельных местах встречаться заглубленные в грунт неразорвавшиеся боеприпасы, для обезвреживания которых необходимо вызывать специалистов.

В целях совершенствования руководства проводившимися работами приказом МВД от 14 января 1949 года в составе Волгодонстроя организовали два стройуправления с исправительно-трудовыми лагерями: Волго-Донского соединительного канала и Цимлянского гидроузла, начальниками которых были назначены генерал-майоры Шамарин А.В. и Горшков А.П., соответственно.

15 января 1949 года Сталин И.В. подписал постановление Совмина СССР «О механизации трудоемких и тяжелых работ на Волгодонстрое», где, в частности, было записано: «Совет Министров СССР считает, что строительство канала Волго-Донского водного пути с гидростанцией мощностью 160 тыс. киловатт и ирригационной системой должно быть осуществлено наиболее передовыми, механизированными способами с применением современных высокопроизводительных землеройных, строительных, транспортных и погрузочно-разгрузочных машин и механизмов.

Машиностроительные министерства должны в кратчайшие сроки создать и освоить производством все необходимые новые мощные машины и механизмы для полной механизации работ Волгодонстроя с тем, чтобы опыт производства нового оборудования был использован для дальнейшей механизации работ на строительствах крупных каналов, гидростанций и ирригационных систем.

МВД СССР должно организовать строительство на высоком техническом уровне, полностью использовать все оборудование для механизации и за счет этого сократить потребность рабочих не менее чем в 2 раза по сравнению с фактически имевшимся, а также повысить выработку строительных рабочих не менее чем в 2,5 раза против уровня, достигнутого ранее на строительстве канала имени Москвы». Уровни механизации основных работ правительство установило следующие: земляные работы — 97 %; приготовление и транспортировка бетона —100 %; укладка бетона — 98 %; добыча бутового камня — 100 %; добыча камня и дробление его в щебень — 100 %; добыча гравия и песка — 100 %; забивка свай и монтаж металлоконструкций — 99 %; строительство жилых и промышленных зданий — 90 %; крепление откосов и дна канала железобетонными плитами — 50 %.

МВД СССР правительство обязало разработать и представить к 1 апреля 1949 года на утверждение в Совет Министров СССР:

— систему оплаты инженерно-технического персонала и высококвалифицированных рабочих, занятых на обслуживании новых мощных экскаваторов, скреперов, землесосных установок, бетонных и камнедробильных заводов и других механизмов и транспорта, осваиваемых на Волгодонстрое;

— мероприятия по повышению производительности труда рабочих на Волгодонстрое из спецконтингента, в том числе разработать систему поощрения для заключенных, стимулирующую максимальную производительность труда (зачеты рабочих дней, зарплата, дифференцированное повышенное питание);

— мероприятия по созданию, закреплению и сохранению постоянных кадров проектировщиков, изыскателей и строителей гидротехнических сооружений [34].

Поскольку указание о механизации работ было дано с самого высокого правительственного уровня, то уже через несколько месяцев оттуда же поступило распоряжение о сокращении срока грандиозного строительства. 18 мая 1949 года глава советского правительства Сталин И.В. подписал следующий документ: «Придавая большое народно-хозяйственное значение строительству Волго-Донского водного пути и необходимости скорейшего ввода в действие судоходного канала между Волгой и Доном, Цимлянского гидроузла на Дону и сооружений, обеспечивающих первую очередь ирригации 100 тыс. га засушливых земель по Нижнему Дону, Салу и Манычу, Совет Министров Союза ССР постановляет: сократить сроки строительства Волго-Донского водного пути и оросительных

систем на два года». Во изменение ранее принятого решения дату окончания строительства волевым путем перенесли с 1953- го на 1951 год. Забегая вперед, скажем, что благодаря этому изменению срока Иосифу Виссарионовичу суждено оказалось увидеть воплощение в реальность своей давней задумки по соединению пяти морей единой артерией, по которой в случае необходимости военные корабли и подводные лодки можно было неожиданно для противника перебросить с одного театра военных действий на другой. Но официально речь шла только о народно-хозяйственных задачах.

В связи с сокращением сроков строительства Волго-Донского водного пути объем капиталовложений по Министерству внутренних дел существенно увеличивался. Добавляли деньги и Министерству путей сообщения на строительство железнодорожной линии Куберле — Цимлянская и на усиление пропускной способности Сталинградской железной дороги. Правительство обязывало Министерство внутренних дел (т. Круглова) и Волгодонстрой МВД (т.т. Рапопорта и Жука) выполнить в 1949 году земляные работы на основных гидротехнических сооружениях в объеме 8 млн кубометров, причем механизированным способом: экскаваторами, скреперами, гидротехникой, обеспечив общий уровень механизации 90 %. Для создания собственной производственно-технической базы МВД предписали построить два центральных ремонтно-механических завода, центральный авторемонтный завод, бетонный завод на 8 бетономешалок по 2400 литров каждая со складами цемента и заполнителей на Цимлянском гидроузле и три бетонных завода по две бетономешалки емкостью 1200 литров каждая на трассе судоходного канала, а также в каждом строительном районе иметь механические, деревообрабатывающие и арматурные мастерские, стройдворы и другие предприятия. Указания имелись и по карьерному хозяйству, организации телефонной и радиосвязи между объектами строительства, жилищному и коммунально-бытовому обустройству.

Задание МВД и Волгодонстрою давалось в этом постановлении и на 1950 год в объеме 50 млн кубометров земляных работ, 1,2 млн кубометров железобетонных работ, а также по переносу из зоны затопления семи тысяч дворов. Исходя из этого объема работ, Министерство внутренних дел (т. Круглов) должно было к 1 августа 1949 года представить в Совмин предложения об организационно-хозяйственных мероприятиях и материально-техническом обеспечении строительства. Не были забыты и поставщики, на которых жаловались в своем письме Круглов С.Н. и Жук С.Я.: «Придавая важнейшее значение вопросу

своевременного и полного обеспечения строительства и проектно-изыскательских работ Волго-Донского водного пути всеми видами материалов, оборудования, транспорта и топлива, обязать министров и руководителей других ведомств возложить персональную ответственность за выполнение поставок и заказов Волгодонстроя на своих первых заместителей».

Наблюдение за выполнением настоящего постановления и за ходом работ Волгодонстроя, а также оказание необходимой помощи этому строительству возлагалось на Берия Л.П., Маленкова Г.М. и Кагановича Л.М. [34].

Во исполнение данного постановления правительства министр внутренних дел СССР подписал ряд приказов, часть которых издал совместно с Генеральным прокурором СССР. Существо отданных распоряжений касалось перевода заключенных Волгодонстроя на заработную плату и введения для лагерников зачетов рабочих дней. Один из совместных приказов разрешал досрочное освобождение заключенных для работы по вольному найму. «В целях обеспечения быстрейшего комплектования машинистами, мастерами и квалифицированными рабочими прибывающих на Волгодонстрой механизмов и транспорта» давалось распоряжение освободить до 5000 заключенных, осужденных по бытовым статьям, для работы на Волгодонстрое по вольному найму до конца не отбытого срока. Досрочному освобождению из-под стражи подлежали следующие специалисты: экскаваторщики, мотористы-дизелисты, шофера, станочники, слесари, литейщики, сталевары, модельщики, электрогазосварщики, электромонтеры, механики, мастера телефонных линий, трактористы и другие.

Во исполнение решения ЦК ВКП(б) Политотдел Волгодонстроя 22 июля 1949 года выпустил первый номер своего печатного органа — газеты «Сталинская стройка». Об этом начальник Политотдела подполковник Стеценко В.С. немедленно доложил министру внутренних дел Круглову С.Н. На первой странице газеты был помещен портрет Сталина И.В. в маршальской форме и распечатаны социалистические обязательства рабочих, инженерно-технических работников и служащих Волгодонстроя на текущий год.

Однако через два месяца тот же Стеценко В.С. направил на имя Круглова С.Н. докладную записку о недостатках в работе строительства, предложив укрепить его руководящими кадрами, исключить совмещение должностей начальника и главного инженера Главгидростроя и Волгодонстроя («поскольку Рапопорт и Жук бывают на стройке только в командировках и не ведут повседневного руководства»), срочно направить на строительство

заместителя начальника Волгодонстроя по общим вопросам, решить вопрос о слиянии Главгидростроя и Волгодонстроя («что сократит управленческий аппарат и приблизит руководство к строительству»), а также «пересмотреть отдельных работников Волгодонстроя с точки зрения их пригодности и политических качеств», предложив Управлению кадров МВД СССР изменить отношение к подбору и направлению на Волгодонстрой руководящих и инженерно-технических кадров, «придерживаясь при этом сталинского принципа подбора кадров по деловым и политическим качествам, а не в угоду отдельным руководителям». Замполит написал, что начальник Главгидростроя Рапопорт Я.Д. подбирает кадры «по приятельским особенностям», что создает «нездоровую и небольшевистскую обстановку подхалимства, угодничества и восхваления своего шефа». Между тем «Управление кадров МВД, не желая портить отношений с Рапопортом, продолжает направлять на строительство в прошлом избитых и опороченных работников». Так, на Волгодонстрое начальником Стройуправления соединительного канала назначен Шамарин А.В. с низшим образованием, который решением ЦК ВКП(б) за злоупотребление служебным положением был освобожден от должности начальника УМВД Кемеровской области. Начальник стройуправления Цимлянского гидроузла Горшков А.П. был снят с должности министра внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР за непартийные действия, связанные с денежной реформой. Бывший заместитель начальника Волгодонстроя по кадрам Кузьменков П.В. до этого был снят с работы заместителя начальника УМВД Ленинградской области по кадрам за злоупотребление служебным положением. «Работу с кадрами на Волгодонстрое Кузьменков довел до развала». Начальник Стройуправления ирригационных работ Соколов В.П. также был ранее замаран. «И такие случаи направления на Волгодонстрой МВД работников, не оправдавших себя на прежней работе, не единичны» [34].

Главному гидростроителю страны Рапопорту Я.Д. пришлось подать в Совет Министров СССР и на имя министра внутренних дел СССР объяснительную записку, в которой он возражал «против попытки Стеценко приписать мне практику подбора кадров по национальным особенностям. На протяжении всей моей работы эта практика была всегда мне чужда, как члену ВКП(б) и как советскому руководителю. Такое обвинение со стороны Стеценко считаю голословным, недостойным, надуманным».

В результате рассмотрения докладной записки начальника

Политотдела Волгодонстроя МВД СССР Стеценко В.С. Совет Министров СССР 31 октября 1949 года принял постановление «Об укреплении руководства строительством Волго-Донского водного пути». В этом документе отмечалось, что на 3564 руководящих, инженерно-технических и лагерных должностях Волгодонстроя, предусмотренных по штатам, укомплектован всего 2971 работник. Подавляющее большинство кадров подобрано правильно, однако на некоторые руководящие должности находились лица, не внушавшие доверия. Продолжительное время не был назначен заместитель начальника Волгодонстроя по общим вопросам. (Отметим, что накануне поступления докладной Стеценко В.С. приказом МВД от 20 сентября 1949 года первым заместителем начальника Волгодонстроя получил назначение генерал-лейтенант Журавлев М.И.) В постановлении правительства отмечалось, что начальник Волгодонстроя Рапопорт, работавший по совместительству начальником Главгидростроя, из 9,5 месяцев 1949 года находился на строительстве около 5,5 месяца, а главный инженер Волгодонстроя Жук, работавший одновременно главным инженером Главгидростроя и начальником Гидропроекта МВД СССР, в 1949 году на строительстве Волго-Донского водного пути находился всего 20 дней. Учитывая значительное увеличение объема работ на Волгодонстрое, дальнейшее совмещение должностей Рапопортом и Жуком правительство посчитало нецелесообразным.

В целях укрепления руководства строительством Совет Министров СССР постановил (видимо, исходя из принципа: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе) перевести Главгидрострой МВД СССР из Москвы непосредственно на строительство Волго-Донского водного пути в город Калач-на-Дону и объединить его с управлением «Волгодонстрой». Впредь новое Главное управление именовать «Главгидроволгодонстрой» (ГГВДС) МВД СССР. Начальником ГГВДС правительство утвердило Рапопорта Я.Д., а главным инженером — Жука С.Я., правда, опять по совместительству с должностью начальника Гидропроекта. По предложению МВД СССР (т.т. Круглова и Жука) заместителем главного инженера Главгидроволгодонстроя назначили Филимонова Н.А.

Правительство обязало министра внутренних дел Круглова С.Н. «укомплектовать не позднее 1 апреля 1950 года Главгидроволгодонстрой и его управления руководящими и инженерно-техническими кадрами», а также «обеспечить строгий контроль за качеством выполняемых работ», для чего организовать специальную инспекцию. Кроме того, группе

руководителей в составе Пономаренко П.К. (созыв), Павленко А.С., Круглова С.Н., Обручникова Б.П. поручалось «отобрать для направления на строительство Волго-Донского водного пути из других министерств и ведомств 150 квалифицированных инженерно-технических работников, в том числе: инженеров-гидротехников — 50, инженеров: промышленного строительства — 25, электриков — 25, механиков — 25, проектировщиков гидротехнических сооружений — 25, в первую очередь из числа ранее работавших на гидротехнических строительствах Министерства внутренних дел СССР». Для руководства другими гидротехническими работами, связанными со строительством Куйбышевской ГЭС, Волго-Балтийского водного пути, Северной водопроводной станции и Курьяновской станции аэрации, а также для обеспечения материально-технического снабжения строительства Волго-Донского водного пути МВД СССР разрешили иметь в Москве оперативную группу работников из штатного состава Главгидроволгодонстроя.

Приказом министра внутренних дел от 5 ноября 1949 года начальником оперативной группы ГГВДС МВД СССР в Москве был назначен заместитель начальника этого главка Попов М.Н., а за материально-техническое обеспечение Главгидроволгодонстроя стал отвечать полковник Юдин М.Ф., являвшийся до этого заместителем начальника Главгидростроя. Наблюдение за работой Главгидроволгодонстроя было возложено на первого заместителя министра внутренних дел Серова И. А. [34].

Незадолго до этого на объединенной партийной конференции Московского областного и городского комитетов (МК и МГК) ВКП(б), состоявшейся 1–6 февраля 1949 года, первый секретарь МК и МГК Попов Г.М. в своем докладе резко критиковал (наряду с другими провинившимися) министра внутренних дел Круглова С.Н. за срыв строительства водопроводной станции для Москвы. «Вы поставили, — говорил докладчик, — на 500-миллионный объем финансирования руководителем не специалиста, а оперативного работника, так как все лучшие кадры переводите на строительство Волго-Донского канала» [51]. Признав критику правильной, в сложившейся ситуации «в целях направления внимания московской оперативной группы ГГВДС МВД СССР на обеспечение работ по строительству Волго-Донского и Волго-Балтийского водных путей и Куйбышевской ГЭС» министр внутренних дел Круглов С.Н. своим приказом передал строительство московских Северной водопроводной станции и Курьяновской станции аэрации в ведение Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) МВД СССР с освобождением ГГВДС от этих работ, о чем было сказано в главе

21.

По состоянию на 1 января 1950 года, на Волгодонстрое работало 15 397 вольнонаемных и 37 247 заключенных, а из техники: 80 экскаваторов, 150 скреперов с тракторами С-80, 56 бульдозеров, 10 земснарядов, 960 грузовых автомашин (из них 50 самосвалов), 7 буксирных пароходов, 22 баржи, 19 катеров, 67 тракторов С-80 и 410 металлорежущих станков. Из зоны затопления к этому времени было переселено на новые места 4192 хозяйства, в том числе по Сталинградской области — 1247 дворов и по Ростовской области — 2945 дворов. «В целях сохранения виноградников высокосортных шампанских сортов в Цимлянском районе Ростовской области от затопления в связи со строительством Волго-Донского водного пути» Совмин СССР поручил Главгидроволгодонстрою МВД совместно с Министерством сельского хозяйства, Министерством пищевой промышленности и Ростовским облисполкомом «произвести выкопку в зоне затопления виноградных кустов, перевозку и посадку их на новые места» [34].

3 марта 1950 года Сталинская премия второй степени в размере 100 тысяч рублей «за разработку проекта водного пути» была присуждена начальнику Гидропроекта и заместителю начальника Главгидроволгодонстроя МВД Жуку С.Я., заместителю начальника Гидропроекта и его главному инженеру Руссо Г.А. и еще нескольким сотрудникам этой организации. Помимо этого приказом МВД СССР от 29 июля 1950 года Жука С.Я., Руссо Г. А. и еще 181 сотрудника Гидропроекта министр внутренних дел Круглов С.Н. наградил денежными премиями «за достигнутое сокращение использования рабочей силы в 3,5 раза по сравнению с использованием ее на строительстве канала имени Москвы» (так с 1947 года стали называть канал Москва — Волга) [34].

В связи с тем, что Волго-Донской водный путь начал приобретать зримые черты, Совет Министров СССР, учитывая особое значение этого крупнейшего гидротехнического сооружения, своим постановлением от 26 марта 1950 года объявил конкурс на архитектурное решение возводившихся объектов. Было утверждено жюри под председательством заместителя министра городского строительства СССР Симонова Г.А. В основу идеи, определявшей архитектуру волго-донских сооружений, предлагалось заложить мысль об исключительно важном народно-хозяйственном значении Сталинского плана преобразования природы на обширных пространствах юго-восточной части СССР, о со- здании глубоководного пути, соединившего Белое, Балтийское и Каспийское моря с Азовским и

Черным морями, а также «об историческом значении расположения Волго-Донского водного пути в районе великих Царицынско-Сталинградских битв за Советскую Родину». Эти идеи следовало решить «в простых, но выразительных монументальных формах, соответствовавших гидротехническим сооружениям». За лучшие архитектурные проекты было установлено две премии: первая — 30 000 рублей, вторая — 20 000 рублей [34].

2 ноября 1950 года министр внутренних дел Круглов С.Н. и начальник Гидропроекта Жук С.Я. представили Сталину И.В. очередной доклад о ходе строительства Волго-Донского водного пути, который включал в себя следующие сооружения:

1. Судоходный канал, соединяющий Волгу с Доном, длиной 101 километр, глубиной 3,65 метра и шириной на поверхности воды 65 метров. На канале сооружалось 13 шлюзов длиной 145 метров и шириной 18 метров, три насосные станции для питания канала водой из Дона, четыре больших железнодорожных моста, приканальная шоссейная дорога длиной 114 километров с тремя мостами через канал, более полусотни средних и мелких искусственных сооружений (водосбросов, дюкеров, аварийно-ремонтных ворот, пристаней, мостов и др., а также линии связи и поселки для размещения персонала эксплуатационщиков).

2. Цимлянский гидроузел на Дону, в который вошли: земляная плотина общим протяжением 12,8 километра, железобетонная водосливная плотина длиной 500 метров с максимальным напором воды 26 метров, гидростанция мощностью 160 тысяч киловатт, судоходный канал общей длиной 6,5 километра с двумя шлюзами, дамбы, ограждающие от волн вход в шлюзы со стороны водохранилища, порт и лесная биржа, головное сооружение для забора воды в магистральный оросительный канал, железнодорожный и шоссейный мостовые переходы через Дон по плотине, железные дороги общим протяжением 174 километра. Цимлянское водохранилище рассчитывалось под полезный объем 12,6 миллиарда кубических метров, что позволяло зарегулировать сток реки Дона и обеспечить за счет пропусков воды на водохранилище судоходную глубину ниже Цимлянской плотины не менее 2,4 метра.

3. Ирригационные сооружения для орошения 500 тысяч гектаров засушливых земель, из которых первые 100 тысяч гектаров будут подготовлены к окончанию строительства в 1952 году. Для орошения этой земли строились магистральный канал длиной 110 километров, два крупных распределительных канала общей длиной 164 километра, семь насосных станций и более 140 средних и мелких сооружений (регуляторов, водовыпусков,

аварийных сбросов, мостов и др.).

Докладчики подробно сообщили вождю о том, какие работы проводились на Волго-Донском судоходном пути в текущее время. Так, по соединительному каналу на всем протяжении продолжались земляные работы по выемке ложа фарватера, котлованов шлюзов, отсыпке приканальных и шлюзовых дамб и земляных плотин. На пяти шлюзах уже велось бетонирование, заканчивалась прокладка автодороги вдоль трассы канала, из зоны затопления был перенесен 54 километра Сталинградской железной дороги, строился железнодорожный мост через реку Дон и сооружалось семь поселков для эксплуатационников. На Цимлянском гидроузле заканчивалась выемка грунта по первой очереди котлована для железобетонной плотины и гидростанции, началась укладка железобетона в водосливную плотину, продолжался намыв земляной плотины, завершились работы по сооружению перемычки для ограждения котлована гидростанции и бетонной плотины от русла Дона и так далее. В целом, по состоянию на день доклада, произведены выемка и насыпка 46,5 миллиона кубометров земли и укладка 125 тысяч кубометров бетона и железобетона. На всех объектах Волго-Донского водного пути работали 68,5 тысячи человек, из них — 53,8 тысячи заключенных. На строительстве применялись современные высокопроизводительные машины и механизмы, парк которых состоял из 184 экскаваторов (в том числе 14-кубовых шагающих), 432 скреперов, 122 бульдозеров, 167 транспортных тракторов, 2249 грузовых автомобилей, из них 1374 самосвала (тоже новшество того времени), 23 землесосных снаряда. Земляные работы были механизированы на 96,3 %, а бетонные — на 100 %. По мнению докладчиков, «применение новых высокопроизводительных механизмов и высокий уровень механизации позволили сократить потребность в рабочей силе в 2,5 раза по сравнению со строительством канала Москва — Волга».

Министр внутренних дел и начальник Гидропроекта заверили главу советского правительства, что план работ, установленный Советом Министров СССР на 1950 год по Волго-Донскому водному пути, будет выполнен. В результате этого окончание основных работ в 1951 году, наполнение Цимлянского водохранилища весенним паводком, открытие судоходства и орошение 100 тысяч гектаров земель по Нижнему Дону, Салу и Западному Манычу в 1952 году «будет обеспечено» [34].

После приведенных выше документов, имевших гриф секретности, в самом конце 1950 года Совет Министров СССР принял за подписью Сталина И.В. постановление «О

строительстве Волго-Донского судоходного канала и орошении земель в Ростовской и Сталинградской областях», которое (за исключением пунктов, касавшихся МВД и имевших конкретные задания другим министерствам) было опубликовано в печати для информирования советского народа о великой сталинской стройке коммунизма. В преамбуле постановления говорилось о том, что строительство канала для соединения Волги с Доном в целях создания транзитного водного пути для перевозки массовых грузов началось еще до войны, из- за которой, однако, работы были прерваны. Придавая большое значение Волго-Донскому водному пути и учитывая вместе с тем, что это строительство позволит широко развить орошение и обводнение полупустынных и засушливых районов, три года назад правительство приняло решение вновь развернуть работы в этих краях. Причем проведение судоходного канала являлось задачей не частной, а «общесоюзного значения, имеющей своей целью соединение всех морей европейской части СССР в единую воднотранспортную систему». Учитывая успешный разворот строительных работ и высокую оснащенность Волгодонстроя мощными строительными механизмами и транспортными средствами, позволявшими полностью механизировать земляные и бетонные работы, Совет Министров СССР постановил сократить на 2 года установленный ранее срок создания Волго-Донского водного пути и закончить основное строительство в 1951 году. Судоходный канал и Цимлянский гидроузел планировалось ввести в эксплуатацию с весны 1952 года. В дальнейшем, в 1951–1956 годах, на базе водных ресурсов Дона намечалось осуществить строительство ирригационных систем для орошения 750 тыс. гектаров и обводнения двух миллионов гектаров земель в Ростовской и Сталинградской областях. Орошаемые земли использовать в первую очередь для выращивания пшеницы и хлопчатника [34].

Отметим, что помимо Волго-Донского водного пути в это же время осуществлялись работы по строительству Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций, Главного Туркменского оросительного канала, расширению Волго-Балтийского канала. С 10 февраля 1951 года наблюдение за работой Главгидроволгодонстроя, Куйбышевгидростроя, Сталинградгидростроя, Среднеазгидростроя, Волгобалтгидростроя и Гидропроекта было возложено на заместителя министра внутренних дел Рясного В.С.

Большие строительные работы, проводившиеся на землях между Волгой и Доном, вызвали определенное недовольство «партийного хозяина» здешних мест — первого секретаря

Сталинградского обкома коммунистической партии Гришина И.Т., который 3 марта 1951 года направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова Г.М. письмо, изложив в нем собственное видение хода строительства Волго-Донского водного пути. В частности, в своем послании секретарь обкома сообщил следующее: «Неудовлетворительный ход строительства канала, по нашему мнению, объясняется, прежде всего, слабым руководством со стороны Главгидроволгодонстроя и отсутствием должного внимания к строительству со стороны МВД СССР. Главгидроволгодонстрой во главе с тов. Рапопортом хотя и находится в городе Калаче на трассе канала, но по существу не руководит строительством канала. Начальник ГГВД С тов. Рапопорт и его заместители т.т. Жук и Журавлев почти не бывают в строительных районах, своевременно не решают ни одного вопроса, которые перед ними ставит руководство строительства канала, крайне плохо осуществляют планирование и своевременно не занимаются организацией строительно-монтажных работ и контролем за ремонтом и использованием строймеханизмов и машин. Такое тяжелое состояние дел на строительстве канала, видимо, мало беспокоит руководство МВД СССР. Руководящие работники министерства очень редко посещают строительство канала. В прошлом году приезжали на 2–3 дня заместители министра внутренних дел т.т. Серов и Рясной. Причем характерно отметить, что во время посещения строительства канала заместители министра даже не сочли нужным посетить обком партии. (Вот где крылась главная обида жалобщика!) За все время с начала строительства канала ни министр т. Круглов, ни его заместители ни разу не позвонили в обком партии по делам строительства Волго-Донского судоходного канала. (А почему секретарь Сталинградского обкома сам не мог позвонить указанным им лицам?) Видимо, они удовлетворены той информацией о положении дел на канале, которую им дает т. Рапопорт» [34]. Столько лет терпел тов. Гришин И.Т. безобразия на своей земле и только теперь пожаловался. Как увидим из дальнейшего, деловые отношения между партийным руководителем и министром внутренних дел были восстановлены — Сергей Никифорович Круглов умел находить контакты с людьми, а получать на себя жалобы ему было не привыкать.

Однако сроки завершения работ подпирали, и потому 25 мая 1951 года Круглов С.Н. вынужден был обратиться в Совмин СССР с просьбой разрешить ввести 10-часовой рабочий день для заключенных, работавших на строительстве Волго-Донского водного пути, оговорив, что это делается временно, на период

строительного сезона 1951 года для обеспечения выполнения установленных правительством заданий. Просьба эта было согласована с Прокуратурой СССР. 12 июня 1951 года Сталин И.В. подписал распоряжение СМ СССР, разрешившее такое увеличение рабочего дня «в порядке исключения».

Помимо сооружения объектов канала и плотины одновременно решался вопрос и их художественного оформления. 20 марта 1951 года министр внутренних дел СССР Круглов С.Н. и главный архитектор Гидропроекта МВД СССР Поляков Л.М. направили на имя Сталина И.В., Молотова В.М., Маленкова Г.М., Берия Л.П., Булганина Н.А., Микояна А.И., Кагановича Л.М. и Хрущева Н.С. письмо, в котором доложили, что всеми участниками конкурса на архитектурное решение сооружений Волго- Донского водного пути были составлены проекты, рассмотрев которые, Совет жюри конкурса отметил, что ни один из них не отвечает поставленным задачам. Коллектив архитекторов Гидропроекта МВД СССР с учетом замечаний Совета жюри конкурса разработал свой проект, в котором «величайшая роль товарища Сталина — вдохновителя и руководителя героической борьбы советского народа за торжество коммунизма — будет отражена постановкой монументальной скульптуры т. Сталина. Монумент товарища Сталина размещается на высоком берегу реки Волги у входа в Волго-Донской канал. К проектированию монумента намечается привлечение виднейших скульпторов страны путем проведения закрытого конкурса» [34].

2 июля 1951 года Совмин СССР утвердил представленный МВД СССР проект архитектурного решения сооружений Волго-Донского водного пути. Комитету по делам искусств при СМ СССР предписывалось обеспечить изготовление к 1 марта 1952 года скульптурной части монумента И.В. Сталина по модели скульптора Вучетича Е.В., а МВД СССР предлагалось предоставить Комитету по делам искусств СССР помещение для работы по изготовлению скульптуры и необходимые материалы.

Приказом МВД СССР от 12 июля 1951 года Хозяйственному управлению Министерства внутренних дел было поручено заключить с Министерством авиационной промышленности СССР договор на использование недостроенного эллинга в районе станции Долгопрудная Савеловской железной дороги под павильон для изготовления монумента. 18 июля 1951 года приказом МВД СССР для ведения работ по сооружению монумента Сталина в составе Главгидроволгодонстроя организовали Особое строительно-монтажное управление (ОСМУ) МВД СССР во главе с майором Тараскиным И.П., занимавшимся ранее строительством объектов атомной промышленности в

городе Электростали Московской области. К 15 марта 1952 года было приказано закончить все работы по изготовлению монумента в Москве и к 25 апреля завершить монтаж скульптуры вождя на месте его установки. (Во время так называемого периода «хрущевского послабления» этот монумент будет тайно снят, что станет сюжетом повести А.П. Злобина «Демонтаж», опубликованной лишь с наступлением эпохи гласности.)

13 августа 1951 года Круглов С.Н., Рапопорт Я.Д. и Жук С.Я. направили в Бюро Президиума Совета Министров СССР очередную докладную записку о ходе строительства Волго-Донского водного пути, в которой говорилось, что на возведении объектов в данное время трудились 76 632 заключенных и 28 470 вольнонаемных, или почти в два с половиной раза меньше количества рабочих, занятых на строительстве канала Москва — Волга. Такое значительное снижение численности работающих при более коротких сроках строительства было достигнуто за счет оснащения Волгодонстроя высокопроизводительными строительными машинами и механизмами.

Далее было записано, что в зоне затопления Цимлянского водохранилища подлежало вырубке 26 700 гектаров леса и кустарников, из которых «силами Волгодонстроя вырубается 9500 гектаров и средствами Сталинградского и Ростовского облисполкомов — 17 200 гектаров». К настоящему времени облисполкомы обеспечили очистку 4800 гектаров, а Волгодонстрой — 4400 гектаров. Было также доложено, что глубина Волго-Донского судоходного канала установлена в 3,65 метра. Такую же глубину имеют Беломорско-Балтийский канал и Волго-Балтийский водный путь после его реконструкции, а также река Волга на всем ее протяжении после постройки Куйбышевского, Сталинградского и других гидроузлов. Указанная глубина достаточна для плавания крупных речных судов грузоподъемностью до 4,5 тыс. тонн и соответствует требованиям Военно-морского флота для пропуска подводных лодок и эсминцев [34].

Смотревшее далеко вперед советское правительство издало 16 августа 1951 года секретное постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось, что в связи с предстоявшим окончанием строительства следовало с 1 июня 1952 года открыть навигацию и организовать регулярное движение грузовых и пассажирских судов на всем протяжении Волго-Донского водного пути. При этом Министерству речного флота СССР предписывалось создать в городе Калаче Управление Волго-Донского водного пути по эксплуатации речного транспорта и содержанию всех сооружений водного пути и Цимлянского

гидроузла, которые следовало принять от Министерства внутренних дел в исправном состоянии. В предстоявшую навигацию правительство предлагало организовать регулярные пассажирские линии: Москва — Ростов, Сталинград — Ростов и Сталинград-Калач. К началу навигации требовалось из действующего флота отобрать необходимое количество пассажирских и грузовых теплоходов, буксирных судов и барж, приведя их в надлежащий порядок. Оборудовать на всем водном пути аванпорты, пристани, лесобазы, рейды и остановочные пункты в соответствии с техническим проектом. С открытием навигации следовало обеспечить перевозку народно-хозяйственных грузов: с Дона на Волгу — хлеба (из районов Северного Кавказа), донецкого угля и минерально-строительных материалов; с Камы и Волги на Дон — лесных грузов в направлении Донбасса и Северного Кавказа. Личную ответственность за своевременную подготовку к открытию навигации на Волго-Донском водном пути правительство возложило на министра речного флота т. Шашкова З.А., который ежемесячно должен был докладывать о ходе работ Совету Министров СССР [34].

Однако на трассе канала и затапливаемой территории еще далеко не все было готово. Для строителей наступали самые горячие денечки. «В целях форсирования работ по вырубке леса в ложе будущего Цимлянского водохранилища» приказом МВД СССР от 11 сентября 1951 года начальнику УМВД Ростовской области генерал-майору Горбенко И.И. поручалось организовать на контрагентских началах две исправительно-трудовые колонии по 500–600 заключенных каждая, подчинив их УИТЛК УМВД Ростовской области.

«В связи с предстоящим в феврале 1952 года началом наполнения водохранилищ, каналов и промежуточных бьефов и принятием напора сооружениями Волго-Донского водного пути» 15 января 1952 года под председательством заместителя главного инженера ГГВДС Филимонова Н.А. была создана комиссия для освидетельствования подготовленности сооружений и территорий водохранилищ к затоплению водой.

Для ликвидации отставания выемки грунта на трассе канала приказом МВД СССР от 16 января 1952 года из Москвы на Волгодонстрой была направлена комиссия МВД СССР во главе с заместителем министра внутренних дел СССР генерал-лейтенантом Богдановым Н.К., которой было поручено «в целях ускорения выполнения объемов земляных работ специально разработать и провести мероприятия по массовому взрыву грунта на выброс».

4 марта 1952 года министр внутренних дел Круглов С.Н. лично ознакомился с ходом работ по художественному чугунному литью для сооружений канала на Карачаровском механическом заводе МВД в Москве и обнаружил, что дела идут с отставанием от графика. Для обеспечения своевременного выполнения задания в тот же день распоряжением МВД СССР была образована комиссия во главе с начальником Главспецнефтестроя МВД СССР Комаровским А.Н. В комиссию также вошли: начальник ГУЛАГа МВД СССР Долгих И.И., заместитель начальника ГГВДС Юдин М.Ф;, начальник Карачаровского мехзавода МВД Канахистов В.И. и другие. В целях принятия неотложных мер помощи заводу в выполнении заказов начальник ГУЛАГа, в соответствии с приказом МВД, направил в Отдельный лагерный пункт № 9 (ОЛП-9) Карачаровского мехзавода заключенных-специалистов: 40 формовщиков-кусковиков 6—7-го разрядов, 10 металломодельщиков 5—7-го разрядов, 5 строгальщиков, 25 токарей 5—7-го разрядов, 15 шишельщиков 5—6-го разрядов, 40 слесарей-монтажников 5—6-го разрядов, 35 чеканщиков по металлу. Одновременно начальник Карачаровского мехзавода был назначен начальником ОЛП-9 (по совместительству). Министр внутренних дел обязал начальника ГУЛАГа Долгих И.И. лично провести совещание с заключенными, культоргами, мастерами и бригадирами, разъяснив им важность порученного задания. По окончании работ по изготовлению художественного литья с Карачаровского завода на Волгодонстрой командировались бригады для проведения контрольной сборки готовых изделий и производства монтажных работ по художественному чугунному литью на сооружениях Волго-Дона [34].

На основании распоряжения Совмина СССР от 8 марта 1952 года и приказа МВД от 10 марта первый заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Серов И.А. был командирован на место строительства «для осуществления на Волгодонстрое постоянного руководства МВД СССР» на весь период до ввода сооружений в действие. «Для усиления работы и оказания помощи строительным районам и отдельным участкам Волгодонстроя» в распоряжение Серова И.А. министр внутренних дел откомандировал 16 руководящих работников МВД СССР, среди которых были: начальник Отдела детских колоний МВД генерал-майор Петровский Ф.П., начальник Главной инспекции военизированной охраны (ВОХР) генерал-майор Добрынин Г.П., командир Особого дорожно-строительного корпуса (ОДСК) генерал-майор технических войск Русаков Д.А., заместитель начальника Моботдела МВД генерал-майор Бойков И.П. и другие.

Действительно, положение на строительстве Волго-Дона было достаточно серьезное. Да еще Сталин И.В., как вспоминал Серов И.А., позвонил ему по телефону в Калач и предупредил, что «если к 1 июня не будет закончен канал, то у вас голова с плеч полетит». Получив такое «напутствие», Серов И.А. не останавливался ни перед чем и за счет принятия по отношению к заключенным жесточайших мер, против которых протестовала даже прокуратура, добился выполнения графика работ [76].

Постановлением Совета Министров СССР от 9 апреля 1952 года эксплуатация гидротехнических сооружений Волго-Донского водного пути (ВДВП) до конца текущего года возлагалась на МВД СССР, для чего в составе ГГВДС было организовано Управление по эксплуатации гидротехнических сооружений с линейными подразделениями. Начальником нового управления был назначен Бирюков И.К., до этого командовавший Береславским строительным районом ВДВП.

25 апреля 1952 года Круглов С.Н. направил на имя Берия Л.П. такое письмо: «В соответствии с постановлением Правительства об открытии с 1 июня 1952 года навигации на всем протяжении Волго-Донского водного пути в настоящее время завершаются работы по строительству канала и подготовке его к сдаче в эксплуатацию в установленный срок. Все работы выполняются преимущественно рабочей силой из числа заключенных. В этих условиях особое значение приобретает повышение производительности труда и заинтересованность заключенных в результатах своей работы. МВД СССР полагает целесообразным в целях еще большего повышения производительности труда заключенных, работающих на строительстве Волго-Донского водного пути, в отношении части заключенных, работающих там длительное время, выполняющих и перевыполняющих производственные нормы, осужденных за бытовые и должностные преступления и не допустивших нарушений лагерного режима, рассмотреть вопрос о снижении срока наказания и в отношении некоторых заключенных произвести условно-досрочное освобождение за отличную работу. Это мероприятие можно было бы широко объявить среди всех заключенных, работающих на строительстве Волго-Донского водного пути, что сыграло бы очень большую роль в организации труда и режима заключенных и содействовало бы значительному повышению трудовой деятельности заключенных. МВД СССР подготовило списки на 584 таких заключенных, из них: 15 инженеров, 12 техников, 17 мастеров, 27 бригадиров, 12 десятников, 23 монтажника, 53 бетонщика, 29 арматурщиков, 18 электросварщиков, 28 трактористов-скреперистов, 10

экскаваторщиков, 35 машинистов, 22 электрика, 29 слесарей, 37 плотников, 29 шоферов, 3 бульдозериста, 8 токарей, 14 мостовщиков, 52 других квалифицированных рабочих, 65 разнорабочих и другие. Все они осуждены за бытовые и должностные преступления, проявили честное отношение к труду и безупречное поведение в ИТЛ, добились высоких производственных результатов, выполняя и перевыполняя даваемые им задания по работе. МВД СССР вносит предложение: 474 заключенных условно-досрочно освободить с использованием их по вольному найму на работах по строительству Волго-Донского водного пути до конца этих работ и 110 заключенным снизить срок наказания, из них: 17 заключенным снизить срок наказания на 1 год, 40 — на 2 года и 53 — на 3 года; условно-досрочное освобождение заключенных и снижение срока наказания заключенным произвести через Особое совещание при МГБ СССР, куда направить материалы на этих лиц в установленном порядке. МГБ СССР (т. Игнатьев) с этим предложением согласно и его поддерживает».

15 мая 1952 года Сталин И.В. подписал постановление Совмина СССР «О снижении наказания и досрочном освобождении заключенных, особо отличившихся на строительстве Волго-Донского водного пути», которым все эти предложения МВД СССР были утверждены [34].

Для приемки готовых сооружений Волго-Донского водного пути постановлением Совмина СССР от 19 мая 1952 года была образована Правительственная комиссия во главе с председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства Соколовым К.М. В состав комиссии вошли Круглов С.Н. (Министерство внутренних дел СССР), Шашков З.А. (Министерство речного флота СССР), Проферансов Д.П. (Совет Министров РСФСР), Аскоченский А.Н. (Министерство хлопководства СССР), Серов И.А. (Министерство внутренних дел СССР), Дмитриев И.И. (Министерство электростанций), Кулаков А.П. (Министерство путей сообщения), Шубладзе К.К. (Министерство сельского хозяйства СССР), Келдыш Б.М. (Академия архитектуры СССР), Подшиваленко П.Д. (Промбанк), Гришин И.Т. (Сталинградский обком ВКП(б), Киселев Н.В. (Ростовский обком ВКП(б) и другие, всего 18 человек. Комиссии следовало приступить к работе 20 мая с тем, чтобы к 20 августа 1952 года представить в Совет Министров СССР акт приемки сооружений Волго-Дона. При работе членам комиссии следовало «обратить особое внимание на качество выполненных работ и безотказность в работе механизмов».

12 июня 1952 года Круглов С.Н. (лично выехавший на

строительство) и Серов И.А. доложили Берия Л.П. о ходе проводки судов по Волго-Донскому водному пути. Прежде всего было отмечено, что подачей насосными станциями воды из Дона и за счет задержания весеннего паводка реки Карповки все водохранилища Волго-Донского канала наполнены даже несколько выше намеченного по проекту уровня. В соответствии с заданием правительства с 1 июня 1952 года канал приступил к пропуску судов через шлюзы, при этом за 10 дней прошлюзовались 22 судна, которые далее проследовали по Цимлянскому водохранилищу, а 23 судна еще находились в движении по каналу. В числе пропущенных через судоходный створ было 5 теплоходов с осадкой 2,7 метра, 6 буксиров, 16 дебаркадеров (пристаней) и 9 трамвайных катеров типа «Москвич». Кроме того, по договоренности с Военно-морским министерством через канал в Черное море проследовали 7 специальных судов типа «Морской охотник». Шлюзование и проводка судов на протяжении всего судоходного канала прошли нормально, никаких аварий и поломок не было, механизмы в шлюзах работали исправно. «Для эксплуатации гидросооружений Волго-Донского водного пути Министерство внутренних дел в соответствии с Постановлением Правительства создало Управление эксплуатации, которое в настоящее время укомплектовано инженерно-техническими работниками и работниками линейного аппарата». Предусмотренные проектом створные знаки и путевые огни на канале и в Цимлянском водохранилище были установлены, что обеспечило создание навигационной обстановки. Подвело только Министерство речного флота, которое должно было представить график пропуска судов на следующую декаду июня, но задание не выполнило, «и на подходах к первому шлюзу судоходного канала нет ни одного судна» [34].

С 26 июня 1952 года наблюдение за работой Главгидроволгодонстроя было снова возложено на первого заместителя министра Серова И. А., а Куйбышевгидрострой, Сталинградгидрострой и Среднеазгидрострой поручили курировать заместителю министра Богданову Н.К.

27 июня 1952 года заместитель начальника ГГВДС Журавлев М.И. направил на имя Серова И.А. докладную записку со сметой расходов, связанных с торжественным открытием навигации на Волго-Доне: строительство трибун для гостей, оформление панно и досок почета, освещение и радиофикация площадок, озеленение, приобретение цветов, изготовление лозунгов и транспарантов. Глава оргкомитета предстоявшего торжества просил разрешения израсходовать на все эти мероприятия

2,5 млн рублей. Только на ужин для руководства и актива управлений строительств канала и Цимлянского гидроузла было запланировано 200 тысяч рублей, на декоративные устройства и заборы для закрытия лагерей — 300 тысяч рублей, на транспорт и другие расходы — 500 тысяч рублей.

На этой докладной записке первый заместитель министра внутренних дел Серов И.А. написал такую резолюцию: «2,5 млн рублей — вздор». Для пресечения излишеств 7 и 10 июля 1952 года МВД СССР направил в адрес ГГВДС директивы по проведению торжеств: «Оформление сооружений провести красиво, но скромно и без больших затрат средств. Никаких громоздких и дорогостоящих сооружений делать не следует. Основными видами украшений должны быть: флаги, транспаранты, плакаты, призывы, портреты руководителей партии и правительства, светящиеся звезды, зеленые украшения, гирлянды, цветы и т. п.». 19 июля 1952 года руководство ГГВДС уведомили о том, что правительство выделило для проведения подготовительных мероприятий, связанных с открытием Волго-Донского канала, 450 тыс. рублей, в том числе: Управлению строительства судоходного канала — 300 тыс. рублей, Управлению строительства Цимлянского гидроузла —100 тыс. рублей, Управлению строительства оросительных сооружений — 50 тыс. рублей [34].

В связи с окончанием строительства Волго-Донского водного пути постановлением Совмина СССР от 20 июня и приказом МВД СССР от 3 июля 1952 года; Главгидроволгодонстрой был передислоцирован из Калача в Вытегру Вологодской области для руководства строительством Волго-Балтийского водного пути. Главк вновь переименовали в Главное управление лагерей строительства Волго-Балтийского водного пути «Главгидроволгобалтстрой» (ГГВБС) МВД СССР. Начальником ГГВБС был назначен Рапопорт Я.Д., заместителями начальника главка: Журавлев М.И. (первый зам), Филимонов Н.А. (он же — главный инженер), Пахомов Е. А. (зам по нерудным материалам и транспорту), Демин В.И. (зам по лагерю заключенных), Инюткин А.Т. (зам по кадрам) и Юдин М.Ф. (зам по материально-техническому снабжению) [34].

26 июня 1952 года секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) Гришин И.Т., секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Киселев Н.В. и министр внутренних дел СССР Круглов С.Н. направили на имя Маленкова Г.М. и Берия Л.П. письмо, в котором было сказано: «Весь советский народ и коллектив строителей знают, что идея строительства Волго- Донского водного пути и техническое решение этой проблемы были указаны лично товарищем

Сталиным, поэтому и назвали строительство Волго-Донского канала сталинской стройкой. В связи с предстоящим открытием регулярного судоходного движения по Волго-Донскому водному пути, Сталинградский и Ростовский обкомы ВКП(б) и МВД СССР докладывают в ЦК ВКП(б) о единодушном желании коллектива всех строителей Волго-Донского канала и трудящихся Сталинградской и Ростовской областей о наименовании построенного канала “Волго-Донским судоходным каналом имени Сталина”. Просим Вашего решения».

30 июня 1952 года это письмо вместе с соответствующим проектом Указа Президиума Верховного Совета СССР было направлено на Бюро Президиума Совета Министров СССР. Однако Иосиф Виссарионович не согласился с присвоением своего имени водному пути, явившемуся, как было сказано в проекте указа, «осуществлением вековой мечты русского народа о соединении Волги с Доном и пяти морей европейской части Советского Союза — Белого, Балтийского, Каспийского, Азовского и Черного — в единую водно-транспортную систему». 10 июля 1952 года председатель Президиума Верховного Совета СССР Шверник Н.М. и секретарь Горкин А.Ф. подписали иной указ, в котором говорилось, что, «согласно предложению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б)», Волго-Донскому судоходному каналу присвоено имя В.И. Ленина [34].

Накануне, 9 июля 1952 года, министр внутренних дел Круглов С.Н. направил на имя Сталина И.В. письмо с рапортом строителей Волго- Донского судоходного канала о выполнении взятых на себя социалистических обязательств. На следующий день председатель Совета Министров СССР Сталин И.В. подписал постановление «Об открытии Волго-Донского судоходного канала», в котором отмечалось: «Совет Министров СССР в результате рассмотрения рапорта строителей Волго-Донского канала и заключения Правительственной комиссии во главе с председателем комиссии т. Соколовым К.М. по приемке сооружений Волго-Донского судоходного канала устанавливает, что предусмотренные постановлениями Совета Министров СССР задания по строительству и ускорению ввода в эксплуатацию Волго-Донского судоходного канала, Цимлянской гидроэлектростанции и сооружений для орошения первой очереди в 100 тысяч гектаров засушливых земель в Ростовской области выполнены в установленный срок. В течение 1949–1952 годов построены:

а) Волго-Донской судоходный канал длиной 101 километр с 13 судоходными шлюзами, тремя насосными станциями, 13 плотинами и дамбами, семью водосбросами и водоспусками,

двумя аварийно-ремонтными заграждениями, восемью мостами, паромными переправами, остановочными пунктами, пристанями и причальной автомобильной дорогой длиной 100 километров;

б) Цимлянский гидроузел в составе земляной плотины длиной 12,75 километра, водосливной бетонной плотины длиной 495,5 метра, гидроэлектростанции, двух судоходных шлюзов, судоходного канала между шлюзами длиной 4,9 километра, аванпорта головного ирригационного сооружения, а также железнодорожного и шоссейного переходов по плотине;

в) Донской магистральный оросительный канал от головного водозаборного сооружения в плотине Цимлянского гидроузла до головного сооружения Нижне-Донского распределительного канала длиной 27 километров, Нижне-Донской распределительный канал длиной 72,9 километра, Азовский распределительный канал длиной 92,2 километра;

г) новые железнодорожные линии от станции Морозовская Сталинградской железной дороги до Цимлянского гидроузла и от Цимлянского гидроузла до станции Куберле Сталинградской железной дороги общей протяженностью 174 км.

Общая стоимость выполненных по состоянию на 1 июля 1952 года работ составляет 6,1 млрд рублей.

Совет Министров СССР постановляет:

— Открыть Волго-Донской судоходный канал в воскресенье 27 июля 1952 года, обеспечив с этого дня регулярное движение пассажирских и грузовых судов, а также начать эксплуатацию Цимлянской гидроэлектростанции и первой очереди оросительных сооружений. Уполномочить Министра речного флота генерал-директора речного флота т. Шашкова З.А. произвести открытие Волго-Донского судоходного канала;

— Обязать Министерство речного флота обеспечить с 27 июля 1952 года регулярное движение пассажирских судов по двум линиям: Москва — Ростов и Сталинград — Калач;

— Провести до 15 июля 1952 года два пробных рейса пассажирских судов от г. Сталинграда до г. Ростова;

— Организовать с 15 июля 1952 года пригородное сообщение в районах Сталинградского, Ростовского, Цимлянского и Калачевского портов с обслуживанием этих линий пассажирскими теплоходами типа “Москвич”;

— Обеспечить до 15 июля 1952 года расстановку дебаркадеров и плавучих бункеровочных баз по всей трассе Волго-Донского водного пути;

— Обеспечить бесперебойную работу судоходной обстановки на Цимлянском водохранилище и в нижнем течение реки Дона, а также производить эксплуатационное землечерпание для

поддержания необходимых судоходных глубин в нижнем течение реки Дона в соответствии с режимом попусков воды из Цимлянского водохранилища;

— Закончить к 15 июля 1952 года оборудование береговых вокзалов в городах Ростове и Сталинграде, а также обеспечить бесперебойное обслуживание пассажиров продуктами питания через сеть береговых и судовых ресторанов и буфетов;

— Принять необходимые меры к обеспечению безопасности движения судов на трассе Волго-Донского водного пути;

— Обеспечить проводку из города Красноармейска в город Ростов- на-Дону в июле 1952 года 23 объектов и в августе 1952 года 8 объектов Военно-Морского министерства;

— Поручить МВД СССР представить в Совет Министров СССР предложения о поощрении и награждении работников, особо отличившихся на строительстве Волго-Донского судоходного канала и Цимлянского гидроузла, а также работников заводов и монтажных организаций, принимавших участие в изготовлении и монтаже металлоконструкций, механизмов и оборудования для этих строек» [34].

18 июля 1952 года И.В. Сталин подписал постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях в связи с открытием Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина», где говорилось:

«— Провести 27 июля 1952 года в городе Красноармейске у начала канала от реки Волги массовый митинг с участием строителей, монтажников, эксплуатационников и представителей трудящихся Сталинградской и Ростовской областей. Организацию митинга возложить на Сталинградский обком ВКП(б). Поручить т. Шашкову З.А. выступить от имени Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б).

— Опубликовать в печати и по радио в день открытия Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина — 27 июля, а также 28 и 29 июля 1952 года статьи и материалы митингов и собраний, посвященных открытию Волго-Донского судоходного канала.

— Обязать Министерство кинематографии СССР заснять на кинопленку открытие Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина» [34].

Для того чтобы в дни подготовки и проведения торжеств обеспечить полный порядок, министр внутренних дел Круглов С.Н. издал распоряжение МВД СССР, в котором было записано: «Выехать на место в город Калач начальнику ГУЛАГа МВД СССР тов. Долгих и зам. начальника ГУЛАГа по охране тов. Бочкову с группой квалифицированных работников ГУЛАГа сроком до 28

июля 1952 года. Тов. Долгих на месте проверить состояние режима и охраны заключенных и организовать порядок содержания в лагерях и конвоирования на работы в предпраздничные дни с таким расчетом, чтобы исключить среди заключенных дезорганизацию работ, волынки и выступления. Обратить особое внимание на содержание заключенных в день открытия судоходного канала и в последующие дни, имея в виду 27 июля 1952 года дать день отдыха заключенным. Тов. Долгих расставить оперативный состав лагерей, офицеров охраны и конвойной службы с таким расчетом, чтобы не допустить каких-либо самовольных действий заключенных».

Накануне открытия канала Долгих И.И. и Бочков В.М. направили из Калача на имя Круглова С.Н. докладную записку: «В течение 26 июля во всех лагерных подразделениях Калачевского и Цимлянского ИТЛ закончены работы по приведению их в должный порядок. Все подразделения обеспечены полностью продуктами питания в улучшенном ассортименте и достаточным количеством свежих овощей. Приготовлено для личного состава охраны и заключенных хорошее питание в течение нескольких дней, начиная с 27 июля. В пищеблоке обеспечен необходимый контроль. По линии военторга для продажи заключенным завезен обширный ассортимент продуктов питания, включая булочные, кондитерские, колбасные изделия, консервы, минеральные и фруктовые воды и т. д. Для продажи товаров открыты дополнительные точки. Руководителями будут сделаны доклады для заключенных, организованы концерты, самодеятельность, обеспечены кинокартинами, намечено проведение массовых культурных мероприятий, спортивные соревнования. В течение 26 июля закончено проведение сплошных обысков территорий зон и проведены тщательные личные обыски при возвращении в зону с места работы. Изъят ряд запрещенных предметов. Дополнительно водворено в штрафной лагпункт 59 злостных нарушителей режима и освобождено 25 заключенных, водворенных ранее в штрафные изоляторы за незначительные нарушения и положительно проявившие себя на строительстве канала. В соответствии с решением правительства от 20 июня с. г. оформлены дела и санкционировано с прокурором лагеря на досрочное освобождение 430 заключенных, о чем им будет объявлено 27 июля. Сегодня лично с т. Бочковым вторично проверили лаготделение № 1 Красноармейского района, расположенное недалеко от площади — места предполагаемого митинга. Территория, где будет проходить митинг, подготовлена удовлетворительно. Меры к усилению наблюдения по указанному выше подразделению приняты. Вывезено более 200 заключенных

из числа отрицательного элемента, в том числе, судимых по ст. 58-1 УК, в другие подразделения. Из личной беседы с большим количеством заключенных этого подразделения устанавливается в основном здоровое настроение последних. По интересующим их вопросам в части возможного их освобождения за строительство даны соответствующие исчерпывающие ответы. В лагерном подразделении с 27 июля с утра весь день будем находиться с т.т. Бочковым и Кривенко. В 11 часов подготовлено собрание заключенных, на котором будет сделан доклад о строительстве канала, о выполненных работах этим стройрайоном с показателями хорошо работающих бригад из заключенных, тогда же будет объявлено постановление об освобождении части заключенных под подписку» [34].

23 июля 1952 года Суслов М.А. и Шашков З.А. направили в Президиум Совета Министров СССР проект речи министра речного флота СССР тов. Шашкова на открытии Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина.

На торжественное мероприятие по пуску Волго-Донского канала в эксплуатацию прибыли члены правительства Маленков Г.М., Молотов В.М., Хрущев Н.С. и Микоян А.И. Советских руководителей встречал одетый в белый генеральский китель министр внутренних дел Круглов С.Н. и другие представители местных властей.

28 июля 1952 года Долгих И.И. и Бочков В.М. доложили Круглову С.Н. о том, что открытие канала прошло хорошо. В подразделениях Калачевского и Цимлянского ИТЛ никаких происшествий не было.

27 июля в 12 часов дня в Цимле и в 15 часов в Красноармейске прошли митинги трудящихся Сталинградской и Ростовской областей совместно с представителями Волго-Дона. В Красноармейске на митинге присутствовали не менее 100 тысяч человек, в Цимле — около 20 тысяч, «отмечался высокий политический подъем». После окончания митинга в Красноармейске и прохода теплохода «Иосиф Сталин» через шлюзы там «собирались большие массы трудящихся и колхозников и стихийно возникали митинги» [34].

По оперативным данным, ранним утром 28 июля на теплоходе «Иосиф Сталин», на котором находилось большое количество знатных гостей и журналистов, в каюте писателя Бориса Полевого возник пожар, что вызвало задержку рейса на время чуть больше часа. Пожар ликвидировали, жертв не было, сгорело и обгорело 10 кают. В 6 часов утра 28 июля теплоход благополучно прибыл в Калач.

В связи с тем, что строительство Волго-Донского водного

пути, Цимлянского гидроузла и оросительных сооружений было успешно завершено, приведем некоторые статистические итоги в отношении подневольных тружеников, чьими руками в основном и было все построено. В 1948–1952 годах все объекты, связанные с выполнением работ, «обслуживали»: Исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) строительства Волго-Донского водного пути (реорганизован в январе 1949 года в Калачевский ИТЛ), Цимлянский ИТЛ и Мартыновский ИТЛ, а также лесозаготовительный Варнавинский ИТЛ (в Горьковской области на реке Ветлуге). За указанное время через эти лагеря МВД прошли 236 778 заключенных, из них: были освобождены — 114 492 человека, умерли — 1766, бежало — 1123. Максимальная численность подневольных рабочих пришлась на 1 января 1952 года — 118 178 человек. По отдельным лагерям эта статистика выглядела так: в ИТЛ Волгодонстроя «Калачевский» всего поступили за пять лет 108 917 заключенных, освобождены — 47 001, умерли — 806, бежали — 378, остальные были переведены в другие исправительно-трудовые лагеря и колонии МВД; в Цимлянский ИТЛ за все время существования поступили 103 884 заключенных, освобождены — 57 037, умерли — 756, бежали — 638; в Мартыновский ИТЛ поступили 11 273 заключенных, освобождены — 2 924, умерли — 61, бежали — 26; в Варнавинском ИТЛ работали 12 704 заключенных, освобождены — 7530, умерли — 143, бежали — 79 [34].

11 августа 1952 года Круглов С.Н. и Серов И.А. направили в Бюро Президиума Совета Министров СССР письмо, в котором отмечалось, что в качестве основной рабочей силы на строительстве были использованы заключенные, причем среди них свыше 13 тысяч составляли женщины. «В огромном своем большинстве заключенные проявили сознательное отношение к труду, активно участвовали в рационализаторских мероприятиях по строительству, перевыполняли нормы выработки». Среднее выполнение заключенными норм выработки в первом квартале 1952 года составило 127,2 %, при этом более половины из них давали от 120 до 200 % задания. «Многие из заключенных показали образцы трудовой доблести». В соответствии с решением правительства с 12 июня 1951 года по 3 марта 1952 года для подневольных рабочих был установлен 10-часовой рабочий день. Большая часть заключенных «своим самоотверженным трудом в значительной степени искупила свою вину за совершенные преступления и твердо вступила на путь исправления, чтобы вновь стать полезными участниками социалистического строительства». В связи с изложенным Министерство внутренних дел просило Совет Министров СССР

рассмотреть следующие предложения:

«1. За самоотверженную работу на строительстве судоходного канала имени В.И. Ленина, Цимлянского гидроузла и оросительных сооружений первой очереди в Ростовской области:

а) произвести досрочное освобождение 15 тысяч заключенных, из них 7 тысяч женщин. Представить из этого количества к награждению орденами и медалями 3 тысячи заключенных, из них 1000 женщин, проявивших себя наиболее активно на строительстве Волго-Дона;

б) произвести снижение сроков наказания в зависимости от характера преступления и от результатов выполненных работ 35 тысяч заключенных, из них пяти тысячам женщин. Сроки наказания сократить от одного года до пяти лет.

2. Персональный состав заключенных, подлежащих досрочному освобождению и снижению сроков наказания, рассмотреть и утвердить на коллегии МВД СССР с участием Генерального Прокурора СССР.

3. В целях лучшего использования досрочно освобождаемых заключенных, получивших квалификацию на строительстве гидротехнических сооружений Волго-Дона, разрешить МВД СССР провести работу по привлечению их к строительству других гидротехнических сооружений, осуществляемых МВД, в качестве вольнонаемных рабочих» [34].

Все эти предложения МВД СССР были одобрены постановлением Совета Министров СССР от 18 августа 1952 года «О льготах заключенным, отличившимся на строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина» и в тот же день утверждены указом Президиума Верховного Совета СССР.

Теперь наступило время награждения руководящего состава и «свободных» тружеников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1952 года «за особо выдающиеся заслуги и самоотверженную работу по строительству и вводу в эксплуатацию Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина» звание Героя Социалистического Труда было присвоено 12 участникам строительства. В их число вошли: начальник Красноармейского строительного района Александров А.П., начальник управления строительства Цимлянского гидроузла Барабанов В. А., начальник Гидропроекта, главный инженер Главгидроволгодонстроя Жук С.Я. и его заместители Руссо Г.А. и Филимонов Н.А., начальник строительного района Цимлянского гидроузла Щербинин А. А. Не забыли и про рядовых тружеников, среди которых Героями Соцтруда стали бульдозерист Елисеев В.И., мастер шагающего экскаватора Ермоленко И.В., машинист экскаватора Симак Е.П., старший мастер экскаватора Слепуха

Д.А., электросварщик Улесов А.А. и начальник 14-кубового шагающего экскаватора Усков А.П.

Орденами и медалями наградили 6323 человека. Из них орден Ленина получили 122 человека. В числе удостоенных этой высокой награды находились министр внутренних дел СССР Круглов С.Н. и его заместители Богданов Н.К., Мамулов С.С., Обручников Б.П. и Серов И.А., а также бывший заместитель министра внутренних дел СССР, а на момент награждения — заместитель министра государственной безопасности СССР Рясной В.С. Из непосредственных руководителей строительства орденом Ленина были награждены начальник ГГВД С Рапопорт Я.Д., его первый заместитель Журавлев М.И. и начальник У ИТЛ и строительства Волго-Донского соединительного канала Шикторов И.С.

Орденом Трудового Красного Знамени были награждены 661 человек, в том числе начальник ГУЛАГа Долгих И.И. и его заместители Бочков В.М. и Запевалин М.А.

Орден Красной Звезды получили 295 человек, орден Знак Почета — 964, медаль «За трудовую доблесть» — 2229, медаль «За трудовое отличие» — 2052 человека.

Среди награжденных были 400 женщин, 16 из них получили орден Ленина. Из 3000 досрочно освобожденных орден Трудового Красного Знамени получили 15 бывших заключенных, орден Знак Почета — 120, медаль «За трудовую доблесть» — 1433, медаль «За трудовое отличие» — 1432 человека.

Не получившие правительственных наград были премированы приказом министра внутренних дел СССР в размере месячного оклада с объявлением благодарности. В число премированных вошли заместители начальника ГУЛАГа Кобулов А.З., Козырев В.М., Окунев П.И. и Щекин А.А., начальник 2-го управления ГУЛАГа Матевосов И.И., начальник 1-го спецотдела МВД СССР Кузнецов А.С., заместитель начальника УИТЛ и строительства Волго-Донского канала Кривенко М.С.

14 октября 1952 года Правительственная комиссия по приемке сооружений Волго-Донского водного пути направила в Совет Министров СССР докладную записку о результатах своей работы. 19 декабря того же года председатель Совета Министров СССР Сталин И.В. подписал постановление «Об утверждении акта Правительственной комиссии по приемке Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина, Цимлянского гидроузла и сооружений для орошения первой очереди 100 тысяч гектаров засушливых земель в Ростовской области». Этим же постановлением Министерство внутренних дел обязали устранить отмеченные в актах и заключениях подкомиссий

недоделки и дефекты по принятым сооружениям, достроить сооружения, не предъявлявшиеся к сдаче, а также «установить систематическое наблюдение за состоянием сооружений в период наполнения водохранилища весной 1953 года и провести полные испытания всех механизмов, затворов и оборудования при наполнении водохранилища до проектной отметки». Министерство внутренних дел должно было до 1 апреля 1953 года передать Министерству речного флота в полной эксплуатационной готовности все построенные и принятые Правительственной комиссией сооружения судоходного канала и Цимлянского водохранилища, а Министерству сельского хозяйства — сооружения для орошения первой очереди 100 тысяч гектаров засушливых земель в Ростовской области.

За время проведения всех гидротехнических работ на приеме в кремлевском кабинете Сталина И.В. начальник Главгидростроя Рапопорт Я.Д. побывал 4 раза, причем все в довоенные годы и один раз во время войны. Главный инженер Главгидростроя и начальник Гидропроекта Жук С.Я. у вождя был 15 раз, из них 6 раз до войны, 3 раза в войну и 6 раз в период послевоенного строительства [34].

26. В центральном аппарате МВД

Представленная в главах 16–25 административно-хозяйственная деятельность Министерства внутренних дел СССР поражает своей масштабностью и результативностью в плане реализации грандиозных замыслов вождя народов Сталина И.В., направленных на создание прочной материально-технической базы социалистического государства, которая позволила Стране Советов стать одной из самых могучих мировых держав. Возведенные в кратчайшие сроки и чаще всего в сложнейших климатических условиях промышленные предприятия самых разных профилей, судоходные каналы, плотины и гидростанции, рудники по добыче полезных ископаемых и лесоразработки, железные и автомобильные дороги, административные и жилые здания, другие важнейшие объекты говорят об огромных производственных возможностях, сосредоточенных в рамках МВД СССР, которыми, несмотря на все трудности, руководство министерства смогло умело распорядиться. В связи с этим недостаточно известного «в народе» Сергея Никифоровича Круглова, возглавлявшего (в период правления Сталина И.В.) с начала 1946 года и по март 1953 года Министерство внутренних дел Советского Союза, я бы назвал Министром сталинских строек. Другие министерства и ведомства СССР порой не в состоянии были тягаться с МВД по части оперативного строительства для собственных нужд новых производственных мощностей и потому принимали «в дар» от «непрофильного коллеги» возведенные руками его подневольных тружеников фабрики и заводы, дороги и мосты, водные пути и оросительные системы, речные и морские порты, электростанции и атомные объекты, зернохранилища и жилье. Во всех связанных с этими делами многоплановых и сложных технических вопросах министру внутренних дел Круглову С.Н., имевшему гуманитарное образование, приходилось глубоко и всесторонне разбираться, поскольку представить докладную записку либо побывать на личном приеме у Сталина И.В. или Берия Л.П. не подготовленным, не владевшим существом рассматривавшегося вопроса было просто невозможно. А какой серьезной являлась личная ответственность министра за многомиллионные финансовые средства, отпускавшиеся целевым назначением на различные строительства. Главе ведомства Круглову С.Н. нередко приходилось самому подбирать первопроходцев на новые, неведомые трассы, которые предстояло прокладывать, и инструктировать проектировщиков в отношении то непреклонных, то кардинально менявшихся стратегических

замыслов верховных руководителей нашей страны относительно будущих преобразований первозданной природы. Отметим также десятки тысяч инженерно-технических работников, местных руководителей всех рангов, которые находились в подчинении у министра и выполняли его приказы. Не забудем и о миллионах заключенных, спецпереселенцев и военнопленных, которыми выполнялась самая тяжкая, бесконечная, а порой и вредная для здоровья физическая работа, за чьи судьбы отвечал министр внутренних дел Круглов С.Н. Помимо тех направлений деятельности, которые были освещены в упомянутых главах книги, МВД СССР занималось еще охраной железных дорог и особо важных предприятий промышленности, обеспечивало правительственную связь, вело борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, реагировало на все чрезвычайные ситуации, обеспечивало подготовку кадров в учебных заведениях и решало огромную массу других важнейших задач.

Естественно, что такая многоплановая работа требовала от министра внутренних дел, его заместителей и всего центрального аппарата напряжения всех сил и полной самоотдачи служебным делам. Все руководство вынуждено было подчиняться тому распорядку дня, который завел для себя глава государства Сталин И.В. По своим школьным годам прекрасно помню, как в то время работал мой отец, ставший заместителем министра внутренних дел СССР Круглова С.Н. На свои рабочие места руководящий состав собирался к половине одиннадцатого утра, обеденный перерыв и отдых полагались с 18 до 21 часа. Затем снова работа до двух, трех часов ночи, а то и до самого утра. Действительно, в опубликованных «Журналах (тетрадях) записи лиц, принятых первым генсеком», относящихся к послевоенному времени, часто указывается, например, что из кремлевского кабинета вождя «последние вышли» в 23 часа 20 минут, в 00 часов 10 минут, 1 час 30 минут, в 2 часа 25 минут и даже (8 мая 1946 года) в 4 часа 25 минут [50]. В субботние дни ночных работ обычно не было, а в воскресенье, если не возникало никаких чрезвычайных ситуаций, удавалось отдохнуть. Ежедневные ночные бдения сильно расшатывали нервную систему, пагубно отражались на здоровье, но таким был режим работы «трудоголика» Сталина И.В., и никто не подвергал сомнению правильность заведенного распорядка.

Критики сталинизма порой «шутят», что на работе все сидели только потому, что вождю могла понадобиться какая-нибудь справка или канцелярские скрепки. Однако, если представить себе, что правительство возложило на Министерство внутренних дел очередную грандиозную стройку или постановило сократить срок ввода в строй нового объекта, какую громадную работу

должен был проделать центральный аппарат, чтобы подготовить и передать на места (да еще с учетом дальности расстояния и разницы во времени по часовым поясам) необходимые распоряжения по организационным вопросам, материально-техническому обеспечению и по доставке и обустройству рабочей силы. Тут и круглых суток без сна и отдыха могло не хватить.

Насколько плотен был контроль за деятельностью министра, может подтвердить запись, сделанная 23 октября 1946 года в разделе партийного дела о наложении и снятии взысканий: «Обратить внимание Министра внутренних дел т. Круглова на то, что освобожденный ЦК ВКП(б) от работы начальника Тюремного управления т. Никольский М.М. продолжает оставаться на этой работе в течение трех с половиной месяцев» [28].

По изученным мною документам просматривается обычно такая схема принятия решений. По инициативе правительства (чаще всего самого Сталина И.В.) министру внутренних дел поручалось представить докладную записку и проект постановления правительства по определенному вопросу. Затем подготовленные документы обсуждались на заседании «пятерки», «шестерки» или «восьмерки» ближайших соратников вождя и после внесения необходимых поправок и дополнений принималось постановление Совета Министров СССР, подлежавшее немедленному и добросовестному исполнению. Казалось бы, какие позиции заложил исполнитель в разработанный им документ, такие и получил к реализации. Но при строго централизованной системе следовало предусмотреть буквально все, вплоть до мелочей. Лишний раз обратиться к товарищу Сталину с просьбой внести какие-либо поправки в подписанный им правительственный документ было подобно тому, словно, как шутили остряки, положить голову в пасть зверя, и редко кто рисковал взять на себя такую ответственность. В связи с этим исходные материалы следовало готовить особенно грамотно и тщательно, то есть необходимо было становиться специалистом по данному вопросу. Как раз это и приходилось постоянно делать министру внутренних дел Круглову С.Н., чтобы владеть ситуацией. Для повышения собственной квалификации Сергей Никифорович старался перенимать знания и опыт у специалистов, с которыми работал, а также и самостоятельно изучал соответствующую литературу И это при огромной занятости текущими делами.

На основании приведенных в главах 16–26 документальных материалов автор предлагает читателям самостоятельно попытаться определить хотя бы, по каким вопросам, связанным с многочисленными, разбросанными по огромной территории

строительствами министру внутренних дел Круглову С.Н. приходилось хронологически одновременно принимать конкретные ответственные решения, за исполнение которых он нес полную ответственность.

В конце сентября 1946 года для генералов и офицеров МВД были установлены новые оклады денежного содержания, приравненные к армейским. Примечательно, что установленные тогда выплаты по должности и воинскому званию, а также процентные надбавки за выслугу лет сохранились на длительное время, во всяком случае, они оставались неизменными и всю мою службу в Советской Армии до начала девяностых годов. Во время введения этих окладов в органах МВД значились 5 генерал-полковников (все работали в центральном аппарате), 33 генерал-лейтенанта (из них — 19 в центральном аппарате), 109 генерал-майоров (из них — 54 в центре), 515 полковников (из них — 183 в центре), один комиссар милиции I ранга (в центре), 5 комиссаров милиции II ранга (из них — 2 в центре), 57 комиссаров милиции III ранга (из них — 25 в центре) и 161 полковник милиции (из них — 53 в центральном аппарате) [10]. Новые генеральские звания в послевоенный сталинский период правления, как уже отмечалось, больше не присваивались.

В главе 16 мы прервали свое повествование о работе центрального аппарата в тот момент, когда в апреле 1946 года произошло распределение обязанностей по наблюдению за работой управлений и отделов МВД СССР между министром и его заместителями. Вся последующая деятельность Министерства внутренних дел проходила под знаком того, что, как уже отмечалось, это ведомство постепенно становилось все более военно-хозяйственным учреждением и постепенно утрачивало свои функции по поддержанию общественного порядка.

Снятие оперативных функций с МВД началось, пожалуй, с расформирования в самом конце 1946 года Отдела спецзаданий, предназначавшегося в годы войны для проведения диверсий, терроризма и других операций. Затем 21 января 1947 года во исполнение постановления Совета Министров СССР тремя совместными приказами Министерства внутренних дел и Министерства государственной безопасности Главное управление внутренних войск вместе со всеми своими линейными подразделениями, транспортное управление милиции из состава Главного управления милиции, а также Управление специальными объектами в Крыму (Ливадийским, Воронцовским и Юсуповским дворцами) перешли из ведения МВД в состав МГБ. Аналогичными распоряжениями в августе 1947 года Отдел

правительственной связи и Управление войск правительственной связи стали частью структуры госбезопасности. 29 марта 1949 года во исполнение постановления Совета Министров СССР из 3-го спецотдела МВД в состав МГБ перешло Государственное хранилище ценностей, на базе которого был организован Спецотдел (Гохран) МГБ СССР. Осенью этого же года по решению правительства из МВД в МГБ были переданы Главное управление пограничных войск (ГУПВ) вместе с погранвойсками, Главное управление милиции (ГУМ) со всеми своими подразделениями и Военно-строительное управление (ВСУ). Поскольку милицейских сил для борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью у МВД теперь не стало, отдел, занимавшийся этим вопросом, переименовали в Отдел детских колоний (ОДК) [10]. В 1949 году делалась попытка фельдъегерскую связь МВД СССР, обслуживавшую ЦК ВКП(б), Правительство Союза СССР, Министерство Вооруженных сил, МГБ и МВД, перевести из Министерства внутренних дел в Специальную связь Министерства связи. Вопрос не был разрешен только потому, что фельдъегерская служба МВД являлась военной организацией «со всеми вытекающими из этого правами и условиями, обеспечивающими выполнение возложенных на нее функций», а в Министерстве связи работали лишь вольнонаемные, что исключало возможность простого перехода одного подразделения в другое [65]. На следующий год по постановлению Совета Министров СССР от 14 июля 1950 года МВД освободили от Отдела спецпоселений (ОСП), Главного управления по борьбе с бандитизмом и оперативному розыску лиц, бежавших из заключения, а также от секретариата Особого совещания (ОСО), которые перешли в МГБ. Во исполнение постановления Совмина СССР от 6 мая 1951 года войска МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог были расформированы, а заботу о безопасности предприятий, мостов и других сооружений возложили на военизированную охрану министерств и ведомств. Оставшееся без войск Управление в конце года было реорганизовано в Главную инспекцию МВД СССР военизированной охраны первой категории, которая затем также перешла в состав МГБ [10].

Однако с уходом оперативных и войсковых подразделений забот у МВД не слишком убавлялось, в связи с чем на перспективу, очевидно, 29 января 1947 года Отдел кадров МВД повысил свой статус, став управлением. Действительно, в Министерстве внутренних дел произошли такие пополнения. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 2 сентября 1946 года на базе переданного из Министерства цветной

металлургии Главного управления золотоплатиновой промышленности Главзолото было организовано Специальное главное управление (СГУ) Главспеццветмет МВД СССР. Приказом МВД назначение на должность начальника СГУ, имевшего штат в количестве 177 человек, получил генерал-лейтенант Харитонов Ф.П., являвшийся до этого министром внутренних дел Туркменской ССР. Теперь Министерство внутренних дел стало полностью отвечать за добычу всего драгоценного металла в стране. Помню, где-то в семидесятые годы прошлого века Федор Петрович Харитонов, с которым мой отец работал вместе в Казахстане, а потом, уже в пенсионном возрасте, оказался соседом по даче в подмосковном Бутове, рассказывал о своем назначении на эту должность. О том, что собой представляет золото в промышленных масштабах, Федор Петрович не имел ни малейшего представления и после того, как ему доверили возглавить этот весьма специфический главк, обратился к министру внутренних дел Круглову С.Н. с просьбой разрешить ему сначала проехать по приискам «просто так, без отчета», чтобы ознакомиться с делами и составить хотя бы какое-то собственное мнение по этому непростому вопросу. Вполне очевидно, что Харитонов Ф.П. с работой справился, поскольку оставался бессменным начальником над всем добывавшимся золотом страны до марта 1953 года.

С 1947 года значительно возросли заготовки леса силами заключенных исправительно-трудовых лагерей МВД, в связи с чем Управление лагерей лесной промышленности преобразовали в Главное управление (ГУЛЛП) МВД СССР во главе с генерал-майором Тимофеевым М.М. Как уже упоминалось в главе 25, во исполнение постановления Совмина СССР приказом по МВД от 10 ноября 1947 года было воссоздано Главное управление лагерей гидротехнического строительства (Главгидрострой), начальником которого вновь стал генерал-майор инженерно- технической службы Рапопорт Я. Д. Следующим постановлением Совета Министров СССР, от 25 февраля 1948 года, для контроля за производственной деятельностью Дальстроя, расположенного в городе Магадане, в центральном аппарате МВД был организован 5-й специальный отдел со штатом 25 единиц, начальником которого назначили инженер-полковника Шелкова М.С. Такой же наблюдательный 6-й спецотдел МВД, получивший в свой штат 30 должностей, был организован в апреле-мае 1948 года для контроля за работой ИТЛ и строительно-эксплуатационного управления № 11, занимавшегося добычей тория в Алданском районе Якутской АССР. По совместительству этим отделом командовал заместитель начальника Главспеццветмета МВД

генерал-майор Егоров С.Н. Более серьезное расширение деятельности министерства произошло через год, когда по постановлению правительства в составе МВД было организовано Главное управление по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае (Енисейстрой МВД СССР), размещенное в городе Красноярске. Начальником далекого от центра главка назначили генерал-майора Панюкова А.А., а для наблюдения за производственно-хозяйственной деятельностью Енисейстроя в Москве в составе центрального аппарата создали 7-й спецотдел со штатом 20 человек, начальником которого стал опытный сибиряк, инженер-полковник Королев С.В., ранее являвшийся управляющим золотопромышленным трестом «Енисейзолото» и одновременно начальником расположенного там же исправительно-трудового лагеря МВД. Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 15 октября 1949 года в составе МВД было решено организовать Главное управление лагерей по строительству заводов искусственного жидкого топлива, нефтеперерабатывающих заводов и других промышленных объектов нефтяной промышленности с присвоением этому главку наименования «II Главное управление МВД СССР». Однако это решение не было реализовано, а вместо него в составе Главпромстроя СССР (начальник генерал-майор инженерно-технической службы Комаровский А.Н.) создали Управление по строительству предприятий нефтяной промышленности. Еще через год приказом МВД СССР от 8 октября 1951 года на базе этого управления сформировали Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива — Главспецнефтестрой МВД СССР, начальником которого назначили полковника Волгина Н.Н.

В связи с необходимостью оказания «неотложных мер» слюдяной промышленности приказом МВД СССР от 28 апреля 1950 года, отданным во исполнение постановления Совета Министров СССР от того же числа, Управление слюдяной промышленности Специального главного управления МВД реорганизовали в Главное управление по добыче и переработке слюды Главслюда МВД СССР, начальником которого назначили полковника Карасева И.А. Для увеличения добычи и производства асбеста 20 мая 1950 года Совмин СССР постановил на базе Главного управления асбестовой промышленности, выделенного из Министерства промышленности строительных материалов, организовать Главное управление исправительно-трудовых лагерей асбестовой промышленности Главасбест МВД СССР со

штатом 95 единиц. Начальником нового главка остался Митюков А.П., перешедший в МВД вместе со своим прежним управленческим аппаратом. Помимо предприятий и строительств постановлением Совмина СССР от 30 сентября 1950 года по вопросу перспективного развития геолого-разведочных работ по золоту составе МВД было организовано Геологическое управление МВД СССР. На него возложили координацию деятельности геолого-разведочной службы Дальстроя, Енисейстроя, Специального главного управления Главспеццветмета, Главслюды, Главасбеста и Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий [10].

В связи с сосредоточением в Министерстве внутренних дел весьма крупных и совершенно различных по своему профилю промышленных предприятий, а также больших по объему и разноплановых строительств, руководство которыми требовало систематического и профессионально грамотного наблюдения со стороны центрального аппарата, министр внутренних дел Круглов С.Н. вынужден был в апреле 1950 года создать в составе своего ведомства Технический совет МВД СССР. В задачи этого органа входили контроль за правильным осуществлением технической политики и проведение постоянного обмена опытом между производственными главками. Можно считать, что с этого времени Министерство внутренних дел практически полностью отошло от вопросов охраны общественного порядка на свободной от исправительно-трудовых лагерей и колоний территории страны и сосредоточилось на чисто производственных процессах.

Здесь уместно будет напомнить, что помимо своих основных функциональных задач Министерство внутренних дел постоянно привлекалось в случае возникновения в стране любых чрезвычайных ситуаций. В 1948 году произошло сильнейшее землетрясение, полностью разрушившее столицу Туркменской ССР город Ашхабад. По поручению Сталина И.В. спасательные работы на месте стихийной катастрофы возглавил министр внутренних дел Круглов С.Н. Оперативно принятыми мерами удалось спасти и временно обустроить тысячи жителей стертого с лица земли города. Затем строительные организации МВД привлекались к восстановительным работам, в результате которых туркменская столица стала даже краше, чем была.

В составе заместителей министра внутренних дел Круглова С.Н. за этот период произошли следующие основные изменения. В феврале 1947 года генерал-полковник Серов И. А. вернулся из своей длительной командировки в Германию и постановлением Совета Министров СССР был утвержден первым заместителем министра внутренних дел вместо генерал-лейтенанта Рясного

В.С., который в соответствии с этим же постановлением с должности первого заместителя был переведен на должность заместителя министра. Отметим попутно причины такого выдвижения Серова И.А. Во-первых, работая в Германии в должности заместителя Главноначальствующего СВАГ и исполняя обязанности уполномоченного НКВД — МВД по ГСОВГ, Серов И.А. обеспечил отправку в Советский Союз почти 200 тысяч эшелонов с демонтированным оборудованием (не забыв, правда, при этом и своих меркантильных интересов), а также занимался вывозкой немецких специалистов и по этому вопросу четыре раза был на аудиенции в кремлевском кабинете Сталина И.В. Во-вторых, когда в 1946 году в Стране Советов ощущался острый недостаток в продуктах, Серов А.И. послал в Москву докладную записку, в которой обратил внимание руководства на наличие в органах снабжения СВАГ «непредвиденных запасов», которые можно было, сохранив для немецкого населения имевшиеся нормы снабжения, без ущерба направить в СССР. За эту инициативу тов. Серов получил личную благодарность от вождя народов, а теперь не был забыт при возвращении на работу в стены родного ведомства [76]. Подключение первого зама Серова И. А. к работе центрального аппарата позволило снять некоторую нагрузку с министра и других его заместителей — Рясного В.С., Чернышова В.В., Аполлонова А.Н. и Мамулова С.С. — по наблюдению за работой главков, управлений и отделов министерства. Заместитель министра Завенягин А.П. был полностью сосредоточен на атомном проекте, а замминистра Обручников Б.П. по-прежнему курировал Управление кадров.

7 января 1948 года постановлением Совета Министров СССР еще одним, уже седьмым, заместителем министра внутренних дел был назначен генерал-лейтенант Богданов Н.К., который приказом МВД одновременно стал начальником Управления МВД по Московской области. 10 июня 1948 года на должность заместителя министра внутренних дел вместо перешедшего в Комитет по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР Аполлонова А.Н. назначение получил Герой Советского Союза, генерал армии Масленников И.И., командовавший до этого Закавказским военным округом. Под его наблюдение поступили войсковые подразделения, которые на то время еще имелись в МВД, а также Главное управление службы местной противовоздушной обороны (ГУС ПВО) и Мобилизационный отдел министерства. Через две недели число заместителей министра снова возросло в результате назначения на эту должность генерал-майора Панюкова А.А., возглавлявшего до этого Норильский металлургический комбинат МВД и

исправительно-трудовой лагерь при нем. Десятым заместителем министра внутренних дел Совет Министров СССР утвердил 20 августа 1949 года Митракова И.Л., переведенного в МВД с должности первого заместителя министра промышленности строительных материалов СССР. На него была возложена обязанность по наблюдению за работой Дальстроя, Специального главного управления (СГУ) Главспеццветмет, Енисейстроя, 5-го, 6-го, и 7-го спецотделов МВД. Через год количество заместителей у министра чуть сократилось, поскольку 16 апреля 1949 года Панюкова А.А. назначили начальником Енисейстроя МВД СССР, а 12 октября 1950 года он был освобожден от обязанностей замминистра. За неделю до этого события Митракова И.Л. направили командовать Дальстроем, но в ранге замминистра он остался. Начальником Секретариата МВД СССР в это время стал полковник Воронков С.П. [10].

Интересно, что, возглавляя такую махину, как МВД, сам министр внутренних дел генерал-полковник Круглов С.Н. имел весьма скромный собственный «чекистский» стаж работы в этом ведомстве. За 10 лет своей выслуги указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 августа 1949 года он после всех полученных им самых престижных орденов, был награжден, как то и положено, весьма скромной медалью «За боевые заслуги» [27].

Постановлением Совета Министров СССР от 5 января 1952 года была создана Коллегия Министерства внутренних дел СССР в таком составе: председатель Коллегии Круглов С.Н., заместитель председателя Серов И.А. и члены Коллегии Масленников И.И., Чернышов В.В., Рясной В.С., Мамулов С.С., Обручников Б.П., Богданов Н.К., Митраков И.Л., Долгих И.И. (начальник ГУЛАГа) и Шередега И.С. (начальник Главного управления службы местной противовоздушной обороны ГУС МПВО). С 9 июля 1952 года еще одним членом Коллегии стал генерал-майор инженерно-технической службы Комаровский А.Н., вернувшийся с этого дня на свою прежнюю должность начальника Главпромстроя МВД. С довоенных времен задачи Коллегии определялись следующим образом: «Рассматривать, прежде всего, вопросы практического руководства, проверки исполнения, подбора кадров, рассматривать все сколько-нибудь существенные вопросы по министерству». Однако вскоре в составе замов начались значительные изменения. Генерал-лейтенанты Рясной В.С. и Обручников Б.П. перешли в Министерство госбезопасности. На замену им 3 июля 1952 года заместителем министра внутренних дел был назначен Шмаков П.Г., являвшийся до этого председателем ЦК профсоюзов рабочих горно-добывающей

промышленности. Заместитель министра генерал-полковник Василий Васильевич Чернышов скончался 12 сентября 1952 года. В декабре того же года новыми заместителями министра стали инженер-полковник Георгиевский П.К., занимавший до этого должность первого заместителя начальника Главпромстроя, и генерал-майор интендантской службы Горностаев Я.Ф., возглавлявший ранее Главное управление военного снабжения (ГУВС) МВД [10].

Распоряжением от 3 января 1953 года обязанности по наблюдению за подразделениями центрального аппарата МВД распределились следующим образом. Министр внутренних дел Круглов С.Н. лично курировал Секретариат министерства, Группу контроля и особых поручений, Управление кадров и Особую инспекцию, 2-й (шифровальный) спецотдел, а также финансовые и юридические подразделения: Центральный финансовый отдел, Центральную бухгалтерию, Главный арбитраж и Юридическую часть. Из производственных подразделений взял под свою опеку Главпромстрой, работавший в интересах «атомного» проекта.

Первый заместитель министра Серов И.А. наблюдал за работой подразделений, занимавшихся местами лишения свободы: Главным управлением лагерей (ГУЛАГ), Тюремным управлением, Управлением по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), Отделом детских колоний (ОДК), Отделом ведомственной охраны, 1-м (учетно-статистическим) отделом, а также 1-м спецотделением (контрразведки, занимавшейся оперативным обслуживанием предприятий драгметаллов). Из производственных главков за ним числился Главспецнефтестрой.

Заместитель министра Масленников И.И. отвечал за деятельность военизированных подразделений: Главного управления службы местной противовоздушной обороны (ГУС МПВО), Главного управления пожарной охраны (ГУПО), Управления конвойной охраны, Управления высших учебных заведений (УВУЗ), Моботдела и Отдела фельдсвязи (ОФС).

Количество производственных подразделений, которые раньше входили в сферу забот замминистра Мамулова С.С., теперь существенно сократилось, и он наблюдал только за Главным управлением лагерей горно-металлургической промышленности (ГУЛГМП), Специальным главным управлением Главспеццветмет, Главным управлением лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП), Плановым отделом и Отделом главной горно-технической инспекции.

Заместитель министра внутренних дел Богданов Н.К. курировал Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР),

которое пять лет назад сам возглавлял, Отдельный дорожно-строительный корпус (ОДСК), Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) и «хранителя истории» — Главное архивное управление. Интересно, что министр доверил именно этому заму наблюдение за 4-м специальным отделом (Особым техническим бюро, или так называвшейся шарашкой), в котором были сосредоточены интеллектуальные силы из находившихся под стражей крупных специалистов, конструкторов, инженеров и других технических работников. Обычно этот Отдел курировал сам нарком — министр внутренних дел.

Заместители министра Шмаков П.Г. и Георгиевский Н.К. следили за производственными подразделениями. Шмаков П.Г. наблюдал за работой Енисейстроя, Главслюды, Главасбеста, Геологического управления, Спецуправления (контроль за разведкой и добычей урана), а также 6-го (контроль за добычей урана) и 7-го (по работе Енисейстроя) спецотделов. Георгиевсий Н.К. курировал гидротехнические строительства: Гидропроект, Главгидроволгобалтстрой, Сталинградгидрострой, Куйбышевгидрострой и Средазгидрострой.

Заместитель министра Горностаев Я.Ф. занимался хозяйственными подразделениями: Главным управлением военного снабжения (ГУВС), Управлением материально-технического снабжения (УМТС), Хозяйственным управлением (ХОЗУ), Отделом перевозок и автотранспортным отделом.

Заместитель министра Митраков И.Л. находился в Магадане и, являясь начальником Дальстроя, полностью отвечал за его работу [10].

По распределению обязанностей по руководству подразделениями центрального аппарата между министром и его заместителем легко просматривается общая структура Министерства внутренних дел накануне его кардинального преобразования в марте 1953 года.

С октября 1950 года центральный аппарат Министерства внутренних дел переехал с улицы Дзержинского на улицу Огарева, дом 6. По состоянию на март 1951 года, автопарк, обслуживавший центральный аппарат, насчитывал 254 автомашины и 518 шоферов к ним. За министром внутренних дел Кругловым С.Н. были закреплены «ЗИС-110» и «Паккард», за первым заместителем министра Серовым И.А. — «ЗИС-110» и «Мерседес». Заместителей министра Масленникова И.И. и Обручникова Б.П. возили на «ЗИС-110» и «М-20» («Победе»), Богданова Н.К. — на «Кадиллаке». В основном же, руководство МВД обслуживали автомашины «М-20» («Победа») [10].

О стиле руководства министра внутренних дел Круглова С.Н., о его отношении к людям в эти и последующие годы несколько строк воспоминаний оставила пенсионерка Сидлярович Р.С., член КПСС с 1945 года, работавшая в органах внутренних дел и государственной безопасности с 1937-го по 1972 год: «По роду своей работы мне приходилось присутствовать на заседаниях Коллегии Министерства (внутренних дел), оперативных совещаниях руководящего состава, работников периферийных органов, собраниях партийного актива, партийных конференциях и так далее, которые всегда проходили на высоком деловом и идейно-политическом уровне. Я видела, каким большим, заслуженным авторитетом пользовался Сергей Никифорович у присутствовавших, с каким уважением к нему все относились, как хорошо он знал работу министерства. Мне казалось, что руководящему составу очень легко было работать с таким министром». Римма Степановна припомнила и конкретный случай: «На прием к Сергею Никифоровичу пришла актриса Малого театра, заслуженный деятель искусств Вера Николаевна Пашенная, которая сидела в приемной очень взволнованная, со слезами на глазах. Когда она вышла из кабинета Сергея Никифоровича, то была очень жизнерадостная, счастливая и сказала: “Я обращалась во все инстанции, и мне никто не помог. А Сергей Никифорович решил этот вопрос очень просто: он снял телефонную трубку и позвонил соответствующему лицу, и мой вопрос был решен положительно. Удивительный человек. Как я сразу не догадалась к нему прийти?” [26].

Одна из сотрудниц Секретариата МВД вспоминала, что Круглов С.Н. очень внимательно относился к работникам аппарата. Вне зависимости от ранга пришедшего к нему с докладом или бумагой предлагал присесть на стул на время разговора или просмотра документа. Разговаривал вежливо, не повышая голоса. Подчиненным никогда не делал замечаний или «втыков», стараясь решить вопрос иным путем. Однажды эта сотрудница сразу после прихода на работу получила указание срочно отнести какой-то документ в кабинет министра. Она даже не успела переодеть старенькие туфли, которые носила в модных тогда резиновых ботах, но выполнение задания посчитала важнее, чем наведение женского антуража. Несмотря на кратковременность ее пребывания перед глазами «высокого начальства», от взора Сергея Никифоровича не ускользнуло, что на ногах у сотрудницы была не слишком хорошая обувь. В тот же день стало известно, что министр дал указание выдать сотрудникам Секретариата ордера на приобретение и пошив одежды и обуви.

Конечно, не всегда все получалось столь идеально. Не раз, вернувшись домой после повседневной, крайне напряженной и ответственной работы, Сергей Никифорович говорил родным: «Сижу, как на пороховой бочке». А потому случалось, что министр порой мог сорваться, накричать на кого-либо из своих подчиненных. Потом дома ходил всю ночь по коридору, не в силах уснуть от нервного возбуждения, и «прорабатывал» себя за собственную несдержанность. При случае всегда старался загладить перед «пострадавшим» сотрудником допущенную промашку.

За восемь послевоенных лет в Советской стране произошел ряд достаточно серьезных, а порой и весьма трагических событий, которые напрямую не были связаны с работой Министерства внутренних дел, но в определенной мере коснулись этого ведомства и его руководства. На декабрь 1946 года планировалось проведение выборов в Верховный Совет СССР, в связи с чем высшему руководству страны важно было знать настроение как в «свободном» советском народе, так и в среде спецпереселенцев. Надо отметить, что на имя Сталина И.В., Ворошилова К.Е., Молотова В.М., Жданова А.А., других руководителей партии и правительства, в редакции газет приходило большое количество писем от трудящихся, которые писали о трудностях своей послевоенной жизни, часто о буквально отчаянном положении, которое заставило их обратиться напрямую к высшим руководителям Советской власти. Информация в правительство поступала также по партийным каналам и от государственных и общественных организаций. 31 января 1946 года нарком внутренних дел Круглов С.Н. представил Сталину И.В., Молотову В.М., Берия Л.П. и Маленкову Г.М. докладную записку о положении и настроении спецпереселенцев с Северного Кавказа, расселенных в Казахстане и Киргизии. В записке сообщалось, что 131 480 семей (всего 498 870 человек) чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев «в своем большинстве хозяйственно устроены, и все трудоспособные вовлечены в трудовую деятельность». Из общего числа 205 500 трудоспособных заняты на работе в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве 194 800 человек. Остальные не работали по уважительным причинам: больные, многодетные матери и др. Специалисты и квалифицированные рабочие в большинстве своем устроены по своим специальностям. Все спецпереселенцы, расселенные в сельской местности (81 450 семей), вступили в члены колхозов. Проведена значительная работа по обеспечению спецпереселенцев жильем, в результате

чего 55 260 семей получили в собственность отдельные дома за счет нового строительства и покупки пустующих помещений у местного населения; 47 930 семей устроены на жительство по месту своей работы, в домах предприятий, строек и совхозов. В целях улучшения хозяйственного положения и бытовых условий каждой семье бесплатно выдан скот и отпущены долгосрочные денежные ссуды, а особо нуждающимся — безвозвратные ссуды. Все спецпереселенцы на 1945 и 1946 годы освобождены от обязательных поставок сельхозпродуктов государству и от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов. Меры, проведенные по трудовому устройству спецпереселенцев, оказанная им материальная помощь и проводимая политическая работа положительно сказались на настроении большинства переселенцев с Северного Кавказа. По сообщению местных органов НКВД, после того как спецпереселенцам было объявлено постановление Президиума Верховного Совета СССР о сохранении за ними избирательных прав, наблюдалось улучшение политических настроений большинства из них. Отмечались такие положительные высказывания. Чеченец Хутуев Магомет, колхозник колхоза «10 лет Октября» Джалал-Абадской области Киргизской ССР, на общем собрании колхозников заявил: «Благодарю товарища Сталина, что он проявляет о нас, спецпереселенцах, большую заботу. Мы считаемся одной семьей Советского Союза. В предстоящих выборах мы будем принимать участие и голосовать за кандидатов нашей родной коммунистической партии». Чеченец Басаев Ахмед из Лазовского района Павлодарской области Казахской ССР, призывая спецпереселенцев к активному участию в выборах, говорил: «В день выборов в Верховный Совет мы отдадим свои голоса за лучших людей нашей Родины. Мы должны быть довольны и радоваться тому, что нас, спецпереселенцев, не лишили избирательных прав». Со стороны «антисоветских элементов» замечены такие «враждебные высказывания». Чеченец Исмаилов, Казахская ССР: «Мы, чеченцы, голосовать не должны, а если нас заставят голосовать насильно, то мы должны зачеркнуть все бюллетени». Мулла ингуш Исмурзиев, проживавший в Кокчетавской области Казахстана, заявил, что если кандидатами в депутаты в Верховный Совет СССР не будут выдвинуты чеченцы и ингуши, то нужно отказаться от голосования и вести агитацию в этом направлении. В заключение докладной записки говорилось, что «в целях предотвращения и пресечения антисоветской деятельности враждебно настроенной части спецпереселенцев, в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР, органами НКВД усилена агентурно-оперативная работа по

предотвращению бандитских проявлений, различного рода эксцессов и провокаций, а также по недопущению распространения антисоветских листовок и лозунгов. Одновременно продолжаются мероприятия по дальнейшему улучшению трудового и хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев с Северного Кавказа» [65].

14 августа 1946 года было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», в котором отмечалось, что данные журналы «ведутся совершенно неудовлетворительно», а их редакции допустили проникновение на многие страницы «чуждых в идейном отношении произведений». После этого постановления началась кампания по проверке других изданий на предмет соответствия их идейным установкам руководства партии. В определенной мере подвергся критике даже такой узкоспециальный, производственно-технический журнал, издававшийся ГУШОСДОРом МВД СССР, как «Строительство дорог». В целях исправления сделанных Комиссией партийных органов замечаний и в порядке самокритики министр внутренних дел Круглов С.Н. 27 октября 1947 года подписал секретный приказ, в котором отметил, что основным недостатком журнала являлся низкий идейно-политический уровень помещаемых в издании материалов: «Журнал недостаточно реагирует на важнейшие решения Партии и Правительства и неполно освещает задачи пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, не всегда увязывает их с вопросами социалистического соревнования и с практическими задачами строек ГУШОСДОРа. Журнал недостаточно критически подходит к отбору и публикации материалов из иностранной технической литературы, допускает формальное повторение рекламы из иностранных журналов. Большое место в журнале занимают статьи по узкоспециальным и научно-исследовательским проблемам, вопрос о практическом применении которых не решен и подлежит дальнейшему исследованию. Редакция журнала недостаточно уделяет внимания сохранению государственной тайны, в результате допускает публикации, из которых можно установить дислокацию дорожно-мостовых сооружений, производственную мощность дорожных строительств, изучить организацию и тактику дорожной службы и др.». Но ведь этот журнал по статусу являлся не популярным, а производственно-техническим. Где же тогда ученым публиковать результаты своих исследований, чтобы имелась возможность сообщать о новшествах и вести научную дискуссию? Как же в свете решений партии следовало исправить

работу журнала, какие вопросы в нем освещать? Ответственному редактору, которым был назначен заместитель начальника ГУШОСДОРа Саркисьянц Г.А., следовало «превратить журнал в боевой орган советских дорожников, шире освещать задачи пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, социалистического соревнования, передового опыта дорожного строительства и смело ставить актуальные вопросы дальнейшего развития теории и практики дорожного строительства». Начальнику ГУШОСДОРа Богданову Н.К. предписывалось разработать положение о редакционной коллегии журнала и представить тематический план этого периодического издания на следующий год [72]. Как должно было измениться идеологическое существо производственно-технического журнала «Строительство дорог» после произведенной «экзекуции», лично мне остается совершенно неясным, но без такого «самобичевания» не приходилось рассчитывать на одобрительную реакцию со стороны высшего партийного руководства.

Принятые в 1946 году постановления партии и правительства по усилению охраны хлеба, а в 1947 году указы Президиума Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и усилении охраны личной собственности граждан, которые приводились нами в главе 17, обусловили наложение судами на простых людей непомерно суровых наказаний за незначительное, часто вынужденное из-за голода воровство. Особенно в этом отношении страдали несовершеннолетние подростки, совершившие кражу впервые, к которым суды допускали формальный подход, применяли закон со всей строгостью. В материалах по изучению практики применения указанных законодательных положений приводились такие примеры. Сычев В.И., 13 лет, за хищение на колхозном поле 10 колосьев ржи был приговорен к 7 годам лишения свободы. За аналогичную кражу 4 килограммов картофеля пятнадцатилетнего подростка Дуцыню М.Ф. осудили к 5 годам неволи. Баранова Б.К., 1932 года рождения, совершившего кражу на ткацкой фабрике «Вождь пролетариата» (г. Егорьевск) 500 граммов крахмальной муки стоимостью 1 рубль 65 копеек, приговорили к заключению в исправительно-трудовой колонии сроком на семь лет. Тринадцатилетний Мареев Б.И. вырвал на улице у своей сверстницы 600 граммов хлеба и тут же съел его. Осужден был за это к 6 годам лагерей. Суд не принял во внимание того обстоятельства, что отец у мальчика умер, и потому на

иждивении у матери находились пятеро детей. Поразителен и такой казус: часто малолетних «преступников» приговаривали помимо лишения свободы к «конфискации лично ему принадлежащего имущества» и к поражению в избирательных правах, которыми несовершеннолетние еще не пользовались. В связи с поступавшими многочисленными сигналами с мест 27 октября 1947 года на Секретариате ЦК ВКП(б) были заслушаны Генеральный прокурор СССР Горшенин К.П., министр внутренних дел Круглов С.Н., секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов Н.М. и другие руководители. Секретариат вынес постановление о серьезных недостатках в практике применения указов Президиума Верховного Совета СССР в отношении несовершеннолетних, осужденных за хищения и кражи государственной, общественной собственности и личного имущества граждан. На заседании была образована комиссия в составе Михайлова Н.М. (созыв), Горшенина К.П., Круглова С.Н., Рычкова Н.М., Голякова И.Т. и Бакакина А.С., которой поручили разработать проект постановления ЦК ВКП(б) по данному вопросу. Комиссия предложила к подросткам до 16-летнего возраста, привлеченным к судебной ответственности за кражу впервые, применять положения упомянутого указа только в исключительных случаях. При рассмотрении подобных дел рекомендовалось пользоваться в судебной практике статьей 51 Уголовного кодекса РСФСР, предоставлявшей право судам определять меру наказания ниже минимального срока. Подростков, совершивших кражи впервые, при наличии смягчающих обстоятельств следовало направлять в трудовые воспитательные колонии МВД или применять к ним условное наказание с передачей на попечение родителей. В отношении несовершеннолетних предлагалось использовать больше мер воспитательного характера, привлекая для этого родителей, близких родственников и товарищей провинившегося, представителей школьных, пионерских, комсомольских организаций и отделов народного образования [65]. Постановлением Совета Министров СССР от 6 марта 1948 года Круглов С.Н. был утвержден членом комиссии для подготовки проектов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов СССР [26].

В 1946 году советское правительство решило провести денежную реформу Необходимость в ней была вызвана тем, что за годы войны финансовая система страны оказалась нарушенной, появились большие диспропорции в распределении денежных средств между различными группами населения, определенную роль сыграл и ввод в обращение денежных знаков,

напечатанных немецкими оккупантами с целью подрыва нашего фондового баланса. Однако из-за неурожая и ряда других факторов обмен денег пришлось перенести на конец 1947 года. В преддверии реформы, время проведения которой держалось в тайне, высшее руководство страны было обеспокоено состоянием дел в торговле и наличием денежных средств у населения. 30 ноября 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. представил на имя Сталина И.В., Вознесенского Н.А., Берия Л.П. и Кузнецова А.А. докладную записку по данному вопросу. «В связи с возникшими слухами о замене денег, — говорилось в докладной, — в гор. Москве продолжает иметь место наплыв покупателей в магазины, торгующие промышленными товарами, и на рынки, а также наблюдается изъятие вкладов из сберегательных касс». Вместе с тем за последние несколько дней оборот торговой сети несколько сократился, «так как основные промтоварные магазины “Главособунивермага”, “Промторга” и “Ювелирторга” были закрыты или распродавали малоценные, неходовые товары». В универмагах «Центральном», «Ленинградском», «Щербаковском» и «Краснопресненском» на дверях висели таблички «Закрыты на ремонт и переучет товаров». Из 24 филиалов этих крупных универмагов торговля проводилась только в пяти, причем мелкой галантереей, парфюмерией, дамскими головными уборами и подарками. Перед началом торговли около промтоварных магазинов собирались очереди до 300 человек, но после того, как вывешивались объявления о закрытии магазинов на ремонт или на учет, покупатели расходились. Все три магазина Москворецкого «Промторга» были закрыты на учет, а в Таганском районе из четырех магазинов лишь один торговал посудо-хозяйственными товарами. Из 12 ювелирных магазинов «Ювелирторга» торговлю производили только пять магазинов, а остальные были закрыты «под предлогом учета».

Помню, в тот год родители к моему первому в жизни юбилею — 10-летию со дня рождения — решили побаловать свое младшее чадо и за отличные оценки и примерное поведение в школе сделать подарок по моему желанию. Мама вместе со мной пошла по магазинам. Поскольку промтоварные торговые точки оказались закрыты, зашли в какой-то большой гастроном. Там на витринах красовались шикарные конфетные коробки. На радостях мама попросила самую большую. Но оказалось, что это, как нам сказала продавщица, «бутафория», то есть пустышки, просто украшавшие бестоварные витрины. То же самое было и в других магазинах. Так мы и вернулись домой без подарка, а потому пришлось ограничиться обещанием родителей побаловать меня

позднее.

Но в те же дни в комиссионных магазинах «имели место приобретения отдельными лицами дорогостоящих вещей». Так, Фельдман М.А., подполковник, работавший начальником 306-й базы Министерства вооружения, купил гарнитур мебели за 40 140 рублей. На запрос компетентных органов покупатель объяснил, что в 1946 году он возвратился из Советской зоны оккупации Германии и имел денежные накопления да к тому же сейчас получал ежемесячное денежное довольствие в размере 6 тысяч рублей. Гражданин Стрижев приобрел кабинетную мебель за 31 738 рублей; гражданин Кернер купил обстановку для столовой и гостиной за 52 тысячи рублей; гражданин Галкин заплатил за спальный гарнитур 22 140 рублей и так далее. В сберегательных кассах толпились очереди за получением вкладов. Так, если 10 сберкасс Советского района накануне выплачивали порядка 1 миллиона 300 тысяч рублей, то 30 ноября к 15 часам они выдали уже 3 миллиона 225 тысяч рублей. Подобная картина наблюдалась и в других сберкассах. Причем «изъятие денег осуществлялось, главным образом, лицами, имевшими крупные суммы вкладов». Так, домашняя хозяйка Хрущева Т.В. взяла в сберкассе вклады на общую сумму 82 500 рублей, парикмахер Саксонский С.И. получил 65 тысяч рублей, зубной врач Клейман И.Г. снял со своего вклада 87 тысяч рублей и так далее.

Резко увеличился приток народа на Перовский вещевой рынок, где отмечался усиленный спрос на дорогостоящие товары: бостон, драп, сукно, шелк, модельную обувь и др., цены на которые возросли в два-три раза. По оперативным данным, контингент лиц, скупавших дорогостоящие товары, в основном составляли снабженцы, работники торговли и т. п. Наблюдался также наплыв в Москву покупателей из сельских местностей Московской, Рязанской, Тульской, Ярославской, Калининской и других областей. Торговля продовольственными товарами производилась нормально, хотя и замечался повышенный спрос на сахар, бакалейные товары и копчености, «которые в магазинах Особгастронома с продажи были сняты». Личный состав милиции работал, как в обычные дни, происшествий по городу Москве зарегистрировано не было, в магазинах, сберкассах, на рынках и на улицах поддерживался нормальный порядок [65].

2 декабря 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. доложил советскому руководству о следующем состоянии дел. В Москве повысился спрос покупателей в коммерческих магазинах на продовольственные товары, пригодные для длительного хранения (копченые колбасы, сыры, балыки, консервированные продукты, масло, конфеты, чай, сахар и др.), в связи с чем по

распоряжению конторы «Главособгастроном» эти продукты были изъяты из продажи. Значительно повысился спрос на водку, в результате чего магазины Особгастронома выручили против обычного на 3 миллиона рублей больше. Увеличился приток посетителей в московские рестораны, сумма выручки которых возросла в несколько раз. Предъявлялся большой спрос на кондитерские изделия, особенно на шоколад. Так, в ресторане «Москва» гроссмейстер Ботвинник через директора потребовал отпустить ему 7 килограмм шоколада в плитках. На следующий день в том же ресторане шахматный чемпион скупил еще 10 килограмм шоколада «Золотой ярлык». Из 12 магазинов «Ювелирторга» работали только три, причем в них были проданы вещи, лежавшие на витринах по 3–4 года. В музыкальном магазине если раньше продавалось иногда по одному пианино, то за последние два дня были куплены все 11 имевшихся в наличии пианино, причем покупатели совершенно не интересовались качеством приобретавшихся музыкальных инструментов. В этом же магазине скопилось большое количество патефонов, которые обычно реализовались по одной-две штуки в день. 1 декабря их продали сразу 100 штук. Распроданы были также 4 аккордеона и 12 баянов, ранее не имевших спроса. Затем покупатели проявили большой интерес к струнным инструментам: скрипкам и дорогим гитарам. В магазине тканей распродали по коммерческой цене 8 тысяч метров тюля, хотя обычно реализовали 5–7 метров в день. Очередь стояла с раннего утра. В магазине Узбекской промкооперации (Петровский пассаж) долгое время находились тюбетейки стоимостью от 150 до 350 рублей. За последние три дня все эти необычные для москвичей головные уборы были распроданы, несмотря на то что даже в летний период спрос на них совершенно отсутствовал. «Жители Москвы Оловянников и Волков, оба без определенных занятий, скупили в магазине 2000 метров подвязочной резины, 1000 штук головных дамских гребенок и 1000 катушек ниток. Оба задержаны милицией». За 30 ноября сберкассами было выдано почти 90 миллионов рублей, а принято вкладов около 57 миллионов рублей. Установлены случаи, когда вкладчики изымали крупные вклады (30–50 тысяч рублей и выше), а затем эти же деньги вкладывали более мелкими вкладами в другие сберкассы на разных лиц. На рынках Москвы наблюдался большой наплыв населения, желавшего купить дорогие вещи.

Из других областей в МВД СССР поступили такие сведения. В городе Ленинграде распространились слухи о проведении денежной реформы, в связи с чем из сберкасс стали забирать деньги по вкладам. Оборот коммерческих магазинов резко возрос.

Распродали все ранее плохо реализовавшиеся товары (мотоциклы, пианино, меха, золотые и серебряные вещи и т. д.). Значительно возросла продажа ценностей ювелирторгами. По продовольственным магазинам отмечалась закупка консервов, копченостей, масла, сгущенного молока, винных и шоколадных изделий. На рынках в связи с повысившимся спросом на продукты стоимость их возросла от трех до пяти раз. Из разговоров населения и по письмам, отправленным из Ленинграда, слухи сводились к тому, что с 15 декабря будут отменены хлебные карточки и установлены средние цены между коммерческими и государственными. Ожидалось, что при денежной реформе деньги будут меняться из расчета один новый рубль за два старых, но не больше двух окладов зарплаты на каждого человека. Говорили даже, что деньги вообще аннулируют и никакой заменены им не будет.

По сообщениям из крупных городов Украинской ССР, там также усиленно распространялись слухи о предстоявшей денежной реформе и отмене карточной системы, в связи с чем в торговых организациях наблюдался наплыв населения за покупками. На рынках и базарах города Киева цены на промтовары увеличились в 2–3 раза. В городе Калинине оборот денег Госбанка значительно возрос. Такое же положение в Ивановской, Вологодской и Владимирской областях.

Из полученных от периферийных органов МВД данных выяснилось, что источниками распространения слухов о предстоявшей реформе в ряде случаев являлись работники финансовых органов. Так, начальник УМВД Рязанской области сообщил, что распространение слухов об обмене денег активно началось после возвращения с совещания из Москвы торговых и финансовых работников [65].

Денежная реформа была проведена в ночь с воскресенья 14 на понедельник 15 декабря 1947 года. С этого момента в Советском Союзе перестали приниматься к платежам деньги «старого», довоенного образца. Отслужившие свое дензнаки можно было в течение недели обменять на новые из расчета 10:1. Льготному обмену подлежали вклады в сберкассах: до трех тысяч рублей в соотношении один к одному, более крупные суммы переоценивались по менее выгодному курсу. Одновременно с денежной реформой произошла отмена карточек.

17 декабря 1947 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил на имя Сталина И.В., Берия Л.П., Вознесенского Н.А. и Кузнецова А.А. служебную записку, в которой доложил о состоянии торговли в городе Москве за предыдущий день. Продовольственные магазины открыли торговлю на час раньше

обычного с тем, чтобы не создавать очереди. Покупатели начали собираться у магазинов в небольшом количестве, и потому «после начала торговли очереди на улице быстро самоликвидировались». В первые часы работы магазинов наблюдалось большое скопление покупателей, так как вход граждан не регулировался. Министерство торговли СССР дало разрешение своим организациям в течение трех дней продавать продовольственные товары без ограничения. При этом был зарегистрирован повышенный спрос на бакалейные товары, особенно на макароны, сахар, хозяйственное мыло и на хорошие сорта хлебобулочной выпечки. Почему-то совсем отсутствовал спрос на вино, водку и колбасу. Фрукты, кондитерские изделия и папиросы также большой популярностью не пользовались. Оплата за продовольственные товары производилась в основном деньгами старого образца. Начиная со второй половины дня, после того, как приступили к работе выплатные пункты, приток покупателей в продовольственные магазины возрос. Отмечалось, что работники касс магазинов еще не освоились с новыми ценами и прейскурантами, причем одновременное получение старых и новых денег задерживало расчеты с покупателями. В закусочных и чайных торговля почти отсутствовала. Магазины промышленных товаров открылись в 9 часов утра. К моменту начала торговли около крупных универмагов (Центрального, Ленинского, Щербаковского, Москворецкого, Дзержинского, Краснопресненского) были очереди по 75— 100 человек. В универмагах большой спрос был на дамские высокие и полувысокие боты, стоимостью 130 рублей, и мужские галоши, стоимостью 45 рублей, а также на хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани. Спрос на мебель оказался невелик. Перечисленные универмаги продали мебели всего на 30 тысяч рублей, в том числе один гарнитур за 2500 рублей. Мотоциклов, велосипедов и запасных частей к ним никто не покупал. В комиссионных магазинах Москультторга и Мосскупторга товары совершенно отсутствовали. Порядок около магазинов и в торговых помещениях поддерживали работники милиции. Никаких происшествий не было зарегистрировано. В целях пресечения спекуляции Управление милиции города Москвы провело специальные мероприятия: организовало патрулирование работниками милиции, направило на рынки и в магазины оперативных сотрудников, проинструктировало соответствующим образом агентурно-осведомительную сеть. На Перовском рынке собрались всего 100–150 посетителей, продававших с рук в основном товары ширпотреба, бывшие в употреблении. В 12 часов на рынке появились пять человек,

предлагавшие новые дамские резиновые боты и мужские галоши, только что купленные в универмагах. Всех их задержали. Среди них оказался чернорабочий артели инвалидов Михеев И.В., который хотел купленные им две пары галош продать по 350 рублей за пару. Другой задержанный, Амелин Л.И., помощник начальника почтового вагона при Казанском вокзале, предлагал дамские резиновые боты за 500 рублей. Амелин показал, что указанные боты ему дала для перепродажи его жена, сортировщица обувного отдела ЦУМа. При обыске у них на квартире обнаружили еще одну пару новых бот. Буфетчица Мосминводторга Митина Е.П. и пожарный Художественной выставки Киселев И.П. продали пару бот за 1200 рублей приехавшей из Ивановской области Пуховой И.И. Гражданина без определенных занятий и места жительства Алтынбаева Хакима задержали за продажу двух пар мужских галош по 120 рублей. При осмотре изъятых галош в них были обнаружены чеки универмага с датой продажи 16 декабря. Проверкой ряда колхозных рынков установлено, что торговля сельскохозяйственными продуктами проходила в незначительном количестве. В продаже совершенно отсутствовали мясо, соленые огурцы, фрукты, масло и яйца. Цены на продукты питания на рынках города Москвы резко снизились. В результате проведенных оперативных мероприятий Управлением милиции был выявлен и арестован ряд расхитителей товарно-материальных ценностей и спекулянтов. Так, в артели «Диетпродукт» Моспищепромсоюза арестована во главе с начальником цеха Кожевниковой Е.С., членом ВКП(б), группа из шести человек, которая «путем заниженной нормы сырья для выработки кондитерских изделий» создала излишки и похитила 87 килограмм сливочного масла и 26 килограмм сахара. Арестованный заведующий палаткой артели «Коллективный труд» Мосгоршвейбельсоюза Бишенкевич И.В., получив для продажи готовое платье на сумму 10 800 рублей, списал его по приходным квитанциям как проданное. Стоимость этого товара зав палаткой внес в Госбанк из собственных средств денежными знаками старого образца с тем, чтобы продать платье после проведения денежной реформы. В кафе-закусочной № 1 группа из четырех человек во главе с зам. директора Шашутиным Н.Ф., членом ВКП(б), скрыла от учета 130 литров водки, за которую деньги были внесены в кассу. Коммерческого директора полиграфической фабрики Таганского райпромтреста Марьянова М.Я. арестовали за скупку золота. При обыске на его квартире изъяли: золотых монет царской чеканки 385 рублей и 152 тысячи рублей денег, часть которых он хранил в сберкассах на 14

сберегательных книжках. Работа выплатных пунктов Госбанка протекала нормально. Большинство населения предъявляли к обмену небольшие суммы старых денег, «лишь отдельные лица обменивали по 50—100 тысяч рублей».

Проведенная денежная реформа в целом была одобрительно встречена советским народом, воспринявшим ее, согласно поступившим отзывам, «как мероприятие огромной важности в деле улучшения материального благосостояния государства, укрепления рубля» и которая «еще раз показала всему миру, как правительство, избранное народом, заботится о материальном и культурном благосостоянии своего народа». Конечно, обмен денег не прошел без злоупотреблений, в которых были уличены в основном руководящие партийные и советские работники, пытавшиеся спасти свои «заначки» [65].

В начале 1949 года началось так называемое дело Госплана, переросшее затем в «ленинградское дело». В это время председатель Госснаба СССР Помазнев М.Т. написал докладную записку о плане производства промышленной продукции на первый квартал 1949 года, в которой указал на ряд ошибок, допущенных Госпланом СССР (председатель Вознесенский Н.А.) при составлении этого документа. Председатель Совета Министров СССР Сталин И.В. поручил Бюро Совмина разобраться с этим вопросом. 1 марта 1949 года Бюро Совета Министров СССР представило «товарищу Сталину» (в копии — Молотову В.М.) свой доклад и выработанные предложения по возникшему недоразумению. При этом сопроводительную записку к докладу подписали следующие участники заседания Бюро Совмина: «Л. Берия, Г. Маленков, Н. Вознесенский, А. Микоян, Л. Каганович, М. Сабуров, Н. Булганин, К. Ворошилов, А. Косыгин, В. Малышев».

Опуская все конкретные подробности изучения данного вопроса, отметим только, что в ходе обсуждения члены Бюро выявили «ряд недостатков в планировании и учете промышленного производства, а также в проверке выполнения государственных планов». В результате был сделан вывод о том, что «Госснаб СССР (т. Помазнев) правильно поставил вопрос о необходимости исправления плана производства промышленной продукции на I квартал 1949 года», а Госплан СССР (т. Вознесенский) обязан был своевременно внести предложения об исправлении этого плана. При этом признавалась неправильной та оценка выпуска валовой продукции промышленности, которую сделал Госплан. Бюро Совмина обязало Госплан СССР (т. Вознесенского) совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами представить в Совет Министров СССР

предложения «о дополнительных заданиях по производству промышленной продукции» на март месяц, II квартал и весь 1949 год [63].

В общем-то, на мой взгляд, поднятый вопрос не являлся принципиальным, а выглядел чисто «бухгалтерским»: какие позиции и как лучше учесть, чтобы получить желаемый результат. Однако при жесткой плановой системе неточный учет каких-либо параметров ущемлял чьи-то интересы и потому вызывал недовольство. Вполне очевидно, что «зуб» на Госплан и лично на Вознесенского Н.А. имели руководители ряда министерств и ведомств. В главе 19 рассказывалось о конфликте, который однажды возник на заседании Бюро по металлургии и химии Совмина СССР между Вознесенским Н.А., пытавшимся поручить МВД новые строительства, и заместителями министра внутренних дел Чернышовым В.В. и Завенягиным А.П., говорившими о невозможности выполнения этих работ. Теперь, 3 марта 1949 года, министр внутренних дел Круглов С.Н. представил Сталину И.В. докладную записку об очередных «происках» Вознесенского Н.А.

Товарищ Сталин!

Министерство внутренних дел принимало и принимает все меры к тому, чтобы задания Правительства по строительству и промышленному производству, возлагаемые на МВД СССР, выполнялись бы полностью и в срок. Однако теперь я вынужден обратиться к Вам, товарищ Сталин, по следующему вопросу, связанному с выполнением нового задания, возложенного на МВД СССР.

20 января с. г. по представлению Заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. Вознесенского состоялось постановление Совета Министров СССР, которым на МВД СССР возложено обязательство построить и ввести в действие в III квартале с. г. автомобильную дорогу в Мурманской области от ст. Оленья Кировской железной дороги до Ловозерского тракта протяженностью 43 км, а также капитально отремонтировать Ловозерский тракт. Стоимость строительства дороги и капитального ремонта тракта ориентировочно составляет 55 млн руб. и, кроме того, потребуются значительные материально-технические ресурсы.

При обсуждении этого вопроса на Бюро по металлургии и химии при Совете Министров СССР Министерство внутренних дел докладывало тов. Вознесенскому, что МВД СССР не имеет возможности в этом году выполнить эти работы. Тов. Вознесенский на наши доводы не обратил внимания, проект этого

постановления Совета Министров СССР на общем Бюро Совета Министров не обсуждался, и поэтому мы не могли изложить там свои возражения.

Неудобно обращаться к вам, товарищ Сталин, с этим вопросом и жаловаться на заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. Вознесенского, тем не менее, Министерство внутренних дел вынуждено обратиться к Вам за помощью и с просьбой пересмотреть постановление Совета Министров СССР от 20 января с.г. о возложении на МВД СССР строительства автомобильной дороги в Мурманской области и ремонта Ловозерского тракта, так как все наши обращения в Совет Министров СССР по этому вопросу рассматривались только тов. Вознесенским и не получали должного разрешения. Свою просьбу о пересмотре постановления Совета Министров СССР от 20 января с. г. и об освобождении МВД СССР от этих работ мы обосновываем следующими причинами:

1. В районе строительства дороги МВД СССР не имеет никаких строительных организаций, создание же в этом районе новой дорожностроительной организации представляет очень большие трудности, так как все производственные и материально-технические ресурсы ГУШОСДОРа МВД в настоящее время сосредоточены на строительстве автодороги Москва — Харьков — Симферополь, на строительстве выездов из гор. Москвы на загородные дороги, на строительстве и ремонте магистральных дорог государственного значения.

В 1949 году ГУШОСДОР МВД должен выполнить капитальных работ по строительству дорог на сумму 528 млн руб. (в ценах 1945 года), против 399 млн руб. в 1948 году. Кроме того, ГУШОСДОР имеет большую программу по ремонту государственных магистральных дорог общей суммой в 319 млн руб. против 230 млн руб. в 1948 году. Выполнение такого плана строительства и ремонта государственных дорог идет крайне напряженно из-за недостатка материально — технических средств и инженерно-технических кадров. Поэтому поручение дополнительных работ на 1949 год по дорожному строительству неизбежно будет связано с замедлением выполнения дорожных работ, утвержденных Правительством СССР по плану 1949 года.

2. ГУШОСДОР МВД СССР строит и эксплуатирует магистральные дороги государственного значения. Дорога от ст. Оленья до Ловозерского тракта и Ловозерский тракт имеют местное значение и связывают сельские населенные пункты и Ловозерский комбинат Министерства металлургической промышленности с Кировской железной дорогой. Совет Министров СССР своим постановлением от 19 апреля 1948 года установил,

что автогужевые подъездные пути от дорог общего пользования к промышленным, сельскохозяйственным и другим предприятиям — строятся, ремонтируются и содержатся силами и средствами этих предприятий. Наблюдение за выполнением этих работ возложено на Главное дорожное управление при Совете Министров РСФСР. На основании этого постановления Совета Министров СССР работы по строительству дороги от ст. Оленья до Ловозерского тракта и ремонту этого тракта должны были бы проводиться силами и средствами Министерства металлургической промышленности СССР и Главного дорожного управления при Совете Министров РСФСР.

Обращаюсь к Вам, товарищ Сталин, потому что приводимые нами доводы при обращениях к тов. Вознесенскому не принимались во внимание, а 22 февраля с. г. при рассмотрении нашего последнего ходатайства об освобождении МВД СССР от строительства автомобильной дороги в Мурманской области Бюро по металлургии и химии при Совете Министров СССР по председательством тов. Вознесенского приняло следующее решение:

«Предложить тов. Круглову принять меры к выполнению постановления Совета Министров СССР от 20 января 1949 года № 273-91сс в части строительства и капитального ремонта автомобильной дороги и в случае необходимости представить в Совет Министров СССР предложения о материально-техническом обеспечении этого строительства».

Прошу Вас, товарищ Сталин, освободить ГУШОСДОР МВД СССР от нового задания с тем, чтобы обеспечить выполнение уже принятых постановлений правительства СССР по строительству дороги Москва — Харьков — Симферополь, строительству выездов из г. *Москвы и других дорожных работ, предусмотренных народнохозяйственным планом 1949 года.*

Министр внутренних дел СССР С. Круглов.

Разбираться с этой «склокой» Сталин И.В. поручил «т. Берия Л.П.», который, в свою очередь, решил обсудить данный вопрос «на Бюро Совмина». В итоге решение об удовлетворении просьбы министра внутренних дел Круглова С.Н. об освобождении МВД от строительства дороги в Мурманской области было принято Советом Министров СССР 18 мая 1949 года [63].

Конечно, в масштабе всей Страны Советов представленные два фрагмента «прегрешений» зампреда Совета Министров и председателя Госплана Вознесенского Н. А. могут показаться пустяком, несущественной мелочью, которая могла возникнуть в работе любого руководителя. Однако товарищ Сталин очень не любил, когда кто-либо, а тем более его ближайшие соратники

принимали самостоятельные решения, не потрудившись согласовать их с Политбюро или правительством, под которыми вождь народов как раз и подразумевал самого себя. Инициатива всегда должна была исходить от Сталина, а всем остальным следовало выступать в роли добросовестных исполнителей.

5 марта 1949 года, через два дня после отправления Кругловым С.Н. приведенного выше письма, вышло постановление Политбюро «О Госплане СССР», в котором была дана разгромная «партийная оценка» действий т. Вознесенского. Приведем несколько выдержек из этого пространного документа.

«Правительство СССР неоднократно указывало на то, что главнейшей задачей Госплана является обеспечение в государственных планах роста и развития народного хозяйства, выявление имеющихся резервов производственных мощностей и борьба со всякого рода ведомственными тенденциями к занижению производственных планов». «Госплан СССР должен быть абсолютно объективным и на сто процентов честным органом», однако в результате проверки «вскрыты факты обмана Госпланом СССР Правительства, установлено, что Госплан СССР допускает необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается, прежде всего, в подгонке цифр с целью замазать действительное положение вещей». «Госплан СССР вместо того, чтобы честно выполнять директиву Правительства, встал на путь обмана Правительства», введя «подозрительное новшество в планировании». «Совет Министров СССР рассматривает отмеченные выше антигосударственные действия, как сопротивление со стороны Госплана СССР линии партии и Правительства в вопросе обеспечения систематического роста промышленного производства». И персонально: «При проверке выяснилось, что т. Вознесенский не доложил Правительству, что группа руководящих работников Госплана… представила председателю Госплана СССР т. Вознесенскому докладную записку, в которой сообщалось…» о недостатках в планировании и предлагались пути их устранения. «Председатель Госплана СССР т. Вознесенский при рассмотрении указанной докладной записки и предложений занял фальшивую позицию»: «С одной стороны, наложил резолюцию, что он согласен с предложениями, с другой же стороны, дал устно… противоположные указания». Совет Министров СССР постановил: «Признать совершенно нетерпимыми вскрытые при проверке факты обмана Госпланом СССР Правительства, преступную практику подгонки цифр; осудить неправильную линию Госплана СССР в вопросах планирования темпов роста промышленного производства…

Отметить, что проверка показала, что т. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом СССР, не проявляет обязательной особенно для члена Политбюро партийности в руководстве Госпланом СССР и в защите директив Правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана СССР, вследствие чего в Госплане СССР культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана Правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана СССР хитрят с Правительством». Далее следовали оргвыводы: «Освободить т. Вознесенского от обязанностей Председателя Госплана СССР. Назначить председателем Госплана СССР т. Сабурова М.З.». 7 марта 1949 года Вознесенский Н.А. был освобожден от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР и председателя Бюро по металлургии и химии при Совмине СССР, а также выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б) и по его просьбе отправлен после всех передряг для поправки здоровья в месячный отпуск в Барвиху [63]. Но этих обвинений в нарушении «бухгалтерии» было явно недостаточно. 22 августа 1949 года появилась записка уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Андреева Е.Е. о пропаже в подшефном ему Госплане СССР 236 секретных и совершенно секретных документов. Интересно, что некоторые документы были утеряны пять лет назад, еще в годы войны, но до сего дня это обстоятельство никого не волновало. А в числе пропавших значились, в частности, такие «бумаги»: Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1945 год (план капитальных работ) на 209 листах; Перспективный план восстановления народного хозяйства в освобожденных районах СССР — одна книга; О пятилетием техническом плане на 1946–1950 годна 114 листах; экземпляр № 17 Инструкции по ведению секретной и совершенно секретной переписки работниками Госплана; Комплексный план материально-технического обеспечения по НКвоенморфлоту, НКтяжмашу, НКхимпрому, НКтрансмашу, НКуглю, НКнефти и НКлесу на 26 листах и так далее. «Ни один из сотрудников, виновных в утрате государственных документов, — говорилось в постановлении, — не был привлечен к суду, как этого требует закон. Абсолютное большинство виновных не понесли никакого наказания даже в административном порядке». Постановлением Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) «за нарушение советских законов об охране государственной тайны и создание в аппарате Госплана СССР разлагающей обстановки попустительства

виновникам утери секретных документов» Вознесенского Н.А. исключили из членов партии и «ввиду особой серьезности нарушения закона» решили предать суду вместе с другими бывшими его подчиненными [63].

Несколько раньше, чем начали разворачиваться описанные выше события, 15 февраля 1949 года вышло постановление Политбюро «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова М.И. и Попкова П.С.». Прегрешение этой руководящей партийной троицы состояло лишь в том, что они «самовольно и незаконно организовали Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краев и областей РСФСР, включая и самых отдаленных, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. На ярмарке были предъявлены к продаже товары на сумму 9 млрд рублей, включая товары, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краев, областей и республик». В постановлении отмечалось, что указанные выше «главные виновники» этого «антигосударственного действия» «нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины, поскольку ни Совет Министров РСФСР, ни Ленинградский обком ВКП(б) не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение Всесоюзной оптовой ярмарки и в обход ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, самовольно организовали ее в Ленинграде». Политбюро посчитало, что такие «противогосударственные действия» явились следствием наличия у т.т. Кузнецова, Родионова и Попкова «нездорового, небольшевистского уклона», выразившегося «в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)». Политбюро постановило снять т. Родионова с поста председателя Совета Министров РСФСР, т. Попкова — с поста первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), объявить обоим по выговору и отправить на учебу на партийные курсы при ЦК ВКП(б). Т. Кузнецова А.А. — снять с поста секретаря ЦК ВКП(б) и объявить ему выговор [63]. Затем он был определен слушателем Военно-политической академии имени В.И. Ленина [73]. Вместо смещенных руководителей на пленуме Ленинградского обкома и

горкома партии, состоявшемся 22 февраля 1949 года, по предложению члена Политбюро Маленкова Г.М. первым секретарем Ленинградской партийной организации был избран Андрианов В.М., который на смену «утратившим доверие» привез на берега Невы «свою команду» из Свердловского обкома.

Думаю, что представленные обвинения как в отношении Вознесенского Н.А., так и Кузнецова А.А., которых Сталин И.В. недавно объявил своими преемниками, соответственно, по административной и партийной линии, являлись лишь поводом для их уничтожения. В книге «Строго секретно» [1] автор уже высказывал свою версию о том, что истинными причинами расправы над этими крупными руководителями, занимавшими ключевые посты в правительстве и ЦК партии, являлось их нежелание следовать линии вождя, направленной на подготовку силового продвижения социализма по планете. Во всяком случае, чтобы поднять весомость обвинений, велено было обреченных товарищей уличить в более существенных грехах. Заход начали с того, что в Ленинграде арестовали второго секретаря горкома Капустина Я.Ф., которого заподозрили в том, что еще в 1935 году во время стажировки в Англии он был завербован английской разведкой. Другим опасным фигурантом стал первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) Соловьев Н.В., являвшийся ранее председателем Ленинградского облисполкома. Его объявили «махровым великодержавным шовинистом» за предложение создать Бюро ЦК по РСФСР и образовать компартию РСФСР, как и в других союзных республиках страны. Предъявленные обвинения состояли также в том, что «находясь на работе в Крыму, делал резкие вражеские выпады против главы Советского государства». Отсюда ниточки «заговора» потянулись к остальным «ленинградцам». 13 августа 1949 года без санкции прокурора были арестованы Кузнецов А.А., Попков П.С., Родионов М.И., председатель исполкома Ленинградского горсовета Лазутин П.Г. и бывший председатель Ленинградского облисполкома Соловьев Н.В. 27 октября 1949 года арестовали Вознесенского Н.А., а затем оказались за решеткой его брат Вознесенский А.А., являвшийся министром просвещения РСФСР, его сестра Вознесенская М.А., бывшая секретарем одного из ленинградских райкомов, другие родственники и их жены. Следствие проводилось Министерством госбезопасности и специальными следователями из числа сотрудников ЦК.

МВД СССР оказалось привлеченным к этой провокационной возне в том плане, что этому ведомству поручено было организовать «особую тюрьму». Идея создания такого, не подчиненного ни МГБ, ни МВД места строгой изоляции самых

важных политических обвиняемых неоднократно предлагалась Сталиным И.В. Через Маленкова Г.М. им было дано поручение министру внутренних дел Круглову С.Н. создать специальную тюрьму на 30–40 заключенных, причем «с особыми условиями режима, ускоренной оборачиваемостью, специальной охраной» и большим штатом, насчитывавшим до 100 человек. Во исполнение полученного указания для этой «особой тюрьмы» подготовили помещение на базе мест заключения У МВД Москвы на улице Матросская Тишина и подобрали штат обслуживающего персонала.

28 февраля 1950 года министр внутренних дел Круглов С.Н., заместитель министра по кадрам Обручников Б.П., заместитель начальника Тюремного управления Клейменов И.Т. и начальник отделения Тюремного управления Пуговкин были приглашены в ЦК, на Старую площадь. Их принял в своем кабинете секретарь ЦК Маленков Г.М. В присутствии руководства министерства он задал несколько вопросов Клейменову И.Т., поинтересовался его биографией и прежней воинской службой.

В тот же день капитан Клейменов И.Т. был назначен начальником «особой тюрьмы», а заместителем к нему направили инструктора Административного отдела ЦК ВКП(б) Шестакова. При заступлении тюремщиков на новые посты Маленков Г.М. подробно проинформировал обоих, что эта тюрьма подчиняется не министру внутренних дел и не министру госбезопасности, а непосредственно ему, Маленкову, и Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Заключенным № 1 в этой «особой» партийной тюрьме оказался Кузнецов А.А., заключенным № 2 — Вознесенский Н.А. Затем через этот застенок прошли все остальные участники «ленинградского дела». Не останавливаясь на подробностях раскрутки обвинений, предъявлявшихся этой «антипартийной группе», отметим, что после состоявшегося в Ленинграде суда 1 октября 1950 года по вынесенному приговору Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков, Капустин и Лазутин были расстреляны. Аресты и расстрелы продолжались в течение следующих двух лет. Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) Министерство госбезопасности выселило проживавших в городе Ленинграде и области порядка полутора тысяч человек с семьями из числа лиц, «скомпрометировавших себя в какой-то мере связью с троцкистами, зиновьевцами, правыми, меньшевиками, эсерами, немцами и финнами на «вечное поселение» в Алтайский край под надзор органов МВД [64].

Затем начался разгром Министерства государственной безопасности. 12 июня 1951 года в «особой тюрьме» оказался

министр этого грозного ведомства Абакумов В.С., арестованный, но формально даже не освобожденный от своей должности. Потом сюда же попали следователи, занимавшиеся «ленинградским делом», и другие чекисты. Параллельно раскручивались «дело врачей», «мингрельское дело» и другие. Руководство МГБ обвинили в «ведомственной замкнутости», обмане партийных органов и ЦК, наличии не разоблаченных врагов народа, неэффективности работы, засоренности кадрового состава чуждыми и подозрительными людьми [75]. В сложившейся обстановке, когда компрометирующие материалы собирались на многих руководящих государственных и партийных работников, надо было уметь выжить. В то время как многие руководители и сотрудники госбезопасности оказались за решеткой, Министерства внутренних дел репрессии практически не коснулись. Но в этих условиях обязательно надо было продемонстрировать и свою преданность вождю народов.

21 декабря 1949 года Сталину И.В. исполнилось 70 лет. Министр внутренних дел Круглов С.Н. от имени руководящих работников своего ведомства направил юбиляру поздравительное письмо, в котором, в частности, говорилось:

Дорогой и любимый товарищ Сталин!

Нам, работникам МВД СССР, выпали величайшая честь и счастье на протяжении многих лет участвовать в выполнении гениальных сталинских планов, преобразующих экономику и культуру нашей Родины. Работники МВД СССР, выполняя Ваши непосредственные указания под Вашим повседневным руководством, строят сооружения, являющиеся олицетворением величественной сталинской эпохи [25].

Да, остаться на свободе, сохранить подчиненный коллектив, не потерять собственное лицо и вести при этом огромную, напряженную работу в тех условиях было не очень-то просто. Многотрудные служебные обязанности всегда дополняла ответственная партийная нагрузка. Коммунист Круглов С.Н., с 1939 года являвшийся кандидатом в члены Центрального Комитета ВКП(б), постоянное внимание уделял низовой партийной работе. В апреле 1949 года на Московской совместной областной и городской партийной конференции Круглова С.Н. избрали членом Московского областного комитета (МК) ВКП(б), что удостоверяет членский билет № 043. В Центральном музее МВД России хранятся мандаты, свидетельствующие об участии министра внутренних дел в различных партийных форумах. Отсутствие даты на этих документах (очевидно, в целях

«конспирации») затрудняет возможность точно установить, когда эти мероприятия проводились. Мандат № 147 говорит об участии Круглова С.Н. в IX партконференции МВД СССР от организации № 9. Мандат № 310 подтверждает избрание Круглова С.Н. на XIV конференцию ВКП(б) Дзержинского района города Москвы от партийной организации МВД СССР. Мандат № 0674 свидетельствует о том, что Круглов С.Н. был избран делегатом на XIX съезд ВКП(б) от Московской партийной организации. На этом съезде, проходившем с 5 по 14 октября 1952 года, Круглов С.Н. стал членом Центрального Комитета КПСС и получил членский билет № 56 [27].

Помимо работы в системе партийной и исполнительной власти большинство высших советских руководителей входили также в законодательные органы, являясь депутатами Верховного и местных Советов. Предварительно где-то в недрах властной сталинской машины осуществлялось распределение кандидатов в депутаты по избирательным округам, которых потом вроде бы по собственной инициативе и разумению, выдвигали трудящиеся предприятий, учреждений, колхозов и совхозов. При выборах в Верховный Совет СССР в 1946 году министр внутренних дел Круглов С.Н. и министр внутренних дел Абакумов В.С. баллотировались в высший законодательный орган страны Советов и были избраны депутатами на четыре года. Однако в 1950 году, когда в МГБ начали раскручиваться «темные дела», обоих министров силовых ведомств в число «народных избранников» в Верховный Совет не включили (хотя некоторые заместители обоих министров в состав депутатов вошли). Вместе с тем на выборы в местные Советы депутатов трудящихся, состоявшиеся 17 декабря 1950 года, Сергей Никифорович Круглов был выдвинут от общего собрания сотрудников Министерства внутренних дел СССР кандидатом в депутаты Московского городского Совета депутатов трудящихся по избирательному округу № 400. Сохранился агитационный плакат того времени, содержавший призыв к избирателям: «Голосуйте за кандидата блока коммунистов и беспартийных — товарища Круглова!» На плакате были помещены фотография министра внутренних дел в гражданском костюме и достаточно подробные биографические данные, заканчивавшиеся такими словами: «Стойкий большевик, верный сын нашей социалистической Родины тов. Круглов беззаветно служит великому делу Ленина — Сталина». В нижней части агитплаката красным цветом сиял лозунг: «Да здравствует Сталинская Конституция — Конституция победившего социализма!» Перед выборами, 9 декабря 1950 года, в Офицерском клубе МВД СССР (улица Дзержинского, дом 13)

состоялся вечер встречи с кандидатом в депутаты, который организовал агитпункт 16-го избирательного участка Дзержинского района города Москвы. После официальной части, на которой выступили доверенное лицо, сам кандидат и несколько избирателей, был дан концерт [26]. В Центральном музее МВД хранится депутатский билет 0658 Круглова С.Н. от Мосгорсовета [27].

В послевоенное время в кремлевском кабинете Сталина И.В., где решались самые важные вопросы социалистического строительства, министр внутренних дел Круглов С.Н. побывал больше 20 раз. В 1946 году вызывался на личный прием 19 июня, когда решался вопрос о строительстве железной дороги Чум — Салехард — Игарка, и 26 декабря, после возвращения Сталина И.В. из длительного отпуска. В 1947 году присутствие Круглова С.Н. в кабинете зафиксировано 21–22 мая, 4 июня, 2 июля, 10 и 23 декабря. Наибольшее количество посещений кабинета произошло в первой половине 1948 года: 16 февраля, 1 апреля, 18 и 24 мая и 14 июля. На следующий год разговоры с вождем состоялись 3 и 29 января, 11 апреля и 20 августа. В дальнейшем посещения Кругловым С.Н. кремлевского кабинета значительно сократились. В 1950 году министр внутренних дел вызывался 3 января и 2 февраля. В последующие два года отмечены посещения лишь 6 апреля 1951 года и 7 июля 1952 года. По сравнению с другими руководителями партии и правительства, Маленковым Г.М., Молотовым В.М., Берия Л.П., Абакумовым В.С., которые в определенные периоды встречались с вождем практически каждый день, официальные личные контакты Круглова С.Н. со Сталиным И.В. можно назвать достаточно редкими.

В процессе погрома Министерства государственной безопасности в отношении Министерства внутренних дел были предприняты определенные меры, несколько снижавшие его статус как силового ведомства. Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 21 августа 1952 года для работников МВД отменялся ряд льгот: прекращались выплата денег за воинское звание и процентная надбавка за выслугу лет (кроме генералов и офицеров), выплата 300 рублей на содержание прислуги и компенсации взамен продовольственного пайка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от этого же числа вместо воинских званий вводились специальные звания МВД СССР. Так, звание «генерал» теперь трансформировалось в «генерала внутренней службы». Например, генерал-полковник становился отныне генералом внутренней службы I ранга [10].

На фоне всех описанных событий остается еще рассказать о

личной жизни Сергея Никифоровича Круглова, его семьи и родных в рассматриваемый нами период, с 1946-го по март 1953 года. С мрачной славы «Домом правительства» на Берсеневской набережной, где было произведено столько арестов известных руководителей, семья Кругловых предпочла расстаться и в 1946 году переехала на более спокойную улицу Станиславского. Здесь дети продолжили учебу: 1 сентября Ирина пошла в 4-й класс 131-й женской средней школы, расположенной недалеко от дома на этой же улице, а Валерий стал посещать 3-й класс 135-й мужской средней школы, находившейся рядом, буквально за углом, в Большом Гнездниковском переулке. Мама Таисия Дмитриевна занималась домашним хозяйством. Для отдыха в распоряжении семьи оставалась все та же государственная дача в Жуковке, которой пользовались еще до войны. В гараже на этой даче стояла машина — бьюик, подаренный президентом США Рузвельтом. В редкие выходные дни Сергей Никифорович садился сам за руль американского лимузина, чтобы покатать по местным дорогам жену, детей и родственников.

После сурового лихолетья руководителям министерств в соответствии с распоряжениями Совета Министров СССР стали предоставляться отпуска. В мае 1947 года Сергей Никифорович вместе с женой и детьми самолетом прибыл в Германию. Осмотрев восстанавливавшийся Берлин, на машине отправились в Чехословакию, в Карловы Вары. Здесь в санатории Сергею Никифоровичу назначили курс лечения, поскольку после беспрерывной и напряженной работы у него появились некоторые проблемы со здоровьем. На следующий год с середины июля на этом же курорте санаторное лечение было продолжено, но теперь супруги Кругловы приехали вдвоем, без детей, в сопровождении секретаря Цыпленкова Н.А. В этом году с началом лета Ирину отправили на юг для укрепления здоровья. Вот какое письмо от 21 июня 1948 года, описывавшее весь семейный быт, направил Сергей Никифорович из Москвы своей дочери в Крым:

Здравствуй, моя любимая Ирочка!

Твое письмо мне доставило большую радость. Когда я приехал в субботу вечером на дачу, мне вручили письмо в запечатанном конверте, хотя маме очень хотелось его немедленно прочесть. Но, увы! Письмо было на мое имя. Я в присутствии всех обитателей дачи — а в это время их было человек восемь — с торжественным видом вскрыл конверт и медленно, чтобы всех помучить, стал про себя читать. Особенно не терпелось маме и Лерику. Они не дали мне дочитать до конца, схватили у меня из рук твое письмо, и оно было сразу же прочитано вслух для всех. Потом я, конечно, вернул

его к себе.

В твое отсутствие жизнь у нас идет своим чередом. Два Лерика (Круглов и Бурляев) *день и ночь находятся на улице, загорают, купаются на реке, и вид у них стал завидный — они поздоровели, загорели и закалились. Это ты, пожалуйста, учти. Если ты с юга приедешь к нам без больших перемен в твоем здоровье и внешнем виде, то тебя ребята засмеют. Но надеюсь, что ты хорошо воспользуешься крымским морем и солнцем и приедешь домой таким загорелым крепышом, что нас всех несказанно обрадуешь.*

Каждое утро у нас происходит игра в теннис. Команды сложились так: я с (Валерием) *Бурляевым, Лерик* (Круглов) *с Вовкой* (Яковлевым). *И, к стыду и позору наших противников, Лера и Вова каждый раз оказываются побежденными. Это их очень злит и печалит, а я над ними все время подтруниваю.*

В последние дни на даче наступили клубничные дни. Каждый день набираем много крупной ягоды, и все едим клубнику. Мама жалеет, что тебя нет с нами, ну, а ребята, в шутку, конечно, говорят о том, что, если бы ты была не в отъезде, то им меньше досталось бы этих ягод.

На яблонях в саду уже выросли сравнительно крупные яблоки. Мы думаем к твоему приезду подготовить тебе угощение в виде свежих яблок, пусть, правда, будут и зеленые, но зато вкусные.

Мама сильно увлекается вождением автомобиля, хочет сдать экзамен на права шофера. Мне как-то заявила, что будет тебя и Леру также учить водить машину, когда вы немного подрастете. Я это дело не одобряю, так как это связано с некоторым риском.

Одним словом, у нас особых новостей и новых впечатлений нет. Ждем твоего возвращения домой, все мы без тебя соскучились.

Итак, до скорого свидания, моя дорогая дочурка

Твой папа.

Как можно судить по этому письму, многочисленные родственники Кругловых жили дружно, и Сергей Никифорович, обладавший достаточным чувством юмора, добродушно относился ко всем, кто находился в их доме. Это и я прекрасно помню по своим посещениям вместе с моим братом Владимиром (точнее было бы сказать: моего старшего брата вместе со мной) квартиры и дачи Кругловых. О том, как произошло наше знакомство, было рассказано в главе 1, и потому повторяться не буду.

В 1950 году семья Кругловых переехала на другую квартиру, в Малом Каретном переулке. И хотя теперь от нового места жительства до района расположения школ расстояние

значительно увеличилось, Ирина и Валерий Кругловы решили продолжить учебу в своих прежних классах. Летом этого года Сергей Никифорович во время своего очередного отпуска вместе с семьей ездил на юг. Время провели прекрасно, но потом навалились такие служебные дела, что в течение пяти лет министру внутренних дел СССР было просто не до отдыха. А вот повзрослевшие дети частенько проводили летние каникулы на Черноморском побережье, отправляясь туда большой компанией. Особенно запомнилась новоиспеченным десятиклассникам Ирине Кругловой и Владимиру Богданову поездка летом 1952 года, в последние школьные каникулы, на южный берег Крыма, в память о чем сохранилось несколько любительских фотографий.

27. После смерти Сталина

В марте 1953 года произошло несколько неожиданное, но весьма значимое событие, повлиявшее на весь дальнейших ход жизни в Советской стране: умер Иосиф Виссарионович Сталин. Неожиданной смерть вождя народов явилась потому, что хотя «друг и учитель» находился в достаточно преклонном возрасте (74 года), но чувствовал себя вполне хорошо и уверенно реализовал свои, только одному ему полностью известные замыслы «социалистического строительства». По одной из версий, неоднократно рассказывавшейся впоследствии, в последний день февраля Сталин И.В. после просмотра кинофильма в Кремле (хотя, согласно журналу записи посетителей [50], он в своем кабинете не был с 17 февраля 1953 года) общался до четырех часов утра на «ближней даче» в Волынском со своими соратниками Маленковым Г.М., Берия Л.П., Хрущевым Н.С. и Булганиным Н.А. А на следующий день… О том, как протекали этот и последующие дни, написано много историй, причем в достаточных подробностях, из сопоставления которых не знаешь, чему и верить… Например, в своей книге о Сталине Радзинский Э.С. описал последние дни жизни главы Советского государства со слов помощника коменданта Лозгачева П., который в ту роковую ночь дежурил в помещении дачи. Правда, по указанию своего непосредственного начальника Хрусталева, передавшего охране слова «хозяина» («Ложитесь-ка вы все спать»), впервые за многие годы работы «прикрепленным» (так называли сотрудников ближайшей охраны), почему-то не «бдил», а улегся отдыхать. Лозгачев подробно рассказал писателю о быте «ближней дачи» и о ***той*** ночи. Из этого повествования становилось ясно, что у Сталина произошел инсульт, но он долгое время находился без медицинской помощи, поскольку «отсутствие движения» в его комнатах вызывало беспокойство у охраны, но туда боялись войти без обычно принятого вызова со стороны «охраняемого объекта». После обнаружения лежавшего на полу в беспамятном состоянии Сталина начались звонки, приезд членов правительства, потом врачей, дочери Светланы и сына Василия. Агония вождя длилась до 5 марта 1953 года, и примерно через час после завершения формирования нового состава высших органов власти было всенародно объявлено о постигшей страну тяжелейшей утрате [77].

Свое научно-историческое расследование провел и Мухин Ю.И., в том числе сосредоточив внимание на обстоятельствах смерти Сталина. Автор доказывает, что вождю «помогли» умереть,

а все описывавшиеся многими свидетелями подробности событий говорят о том, что медицинская и иная помощь больному не оказывалась преднамеренно [78].

Но вот прошли годы, и в газете «Аргументы и факты» № 49 за 2002 год появилось интервью с Коломейцевым Г.Н., которого автор статьи представил как «последнего оставшегося в живых человека из сталинского окружения». После окончания в Институте народного хозяйства имени Г.В.Плеханова отделения продовольственных товаров Коломейцев Г.Н. был распределен в Главное управление охраны (ГУО), которое возглавлял генерал-лейтенант Власик Н.С. Сначала выпускник института служил рядовым сотрудником 6-го управления НКГБ, потом стал начальником Особой кухни, обслуживавшей приемы, завтраки обеды и ужины всей партийной элиты. Через некоторое время возглавил 501-ю спецбазу, обеспечивавшую питанием руководителей партии и правительства, а также высоких зарубежных гостей [79]. В статье, естественно, не сказано, что вместе с Коломейцевым Г.Н. в те годы длительное время работал и мой будущий тесть Лебедев Ф.В., который также отвечал за качество продуктов и обеспечение приемов, дававшихся нашими верховными вождями. Геннадия Николаевича прекрасно знали моя будущая теща Екатерина Ивановна и ее дети. Я упоминаю об этом лишь потому, что честность, порядочность и скромность этих людей, обслуживавших правительство, могу гарантировать, поскольку прекрасно знаю их быт, а с младшей дочерью Лебедевых Людмилой мы состоим в браке уже сорок пять лет. После того как мы породнились, вместе построили дачу и проживали там совместно в летнюю пору, Федор Васильевич кое-что рассказывал мне о своей работе. Однако, связанный подпиской о неразглашении служебных сведений, лишь намекал на важные обстоятельства, которые еще не пришло время обнародовать. К сожалению, скоропостижная смерть моего тестя не дала возможности узнать известные ему тайны нашего «элитного двора». А вот что рассказал корреспонденту «АиФ» Коломейцев Г.Н. При жизни Сталина И.В. начальнику правительственной спецбазы ни разу не пришлось побывать на даче вождя в Волынском, «а вскоре после его смерти довелось». Опустевшую дачу своему коллеге показывал комендант этого объекта Орлов И.М. «Дача самая обыкновенная, — вспоминал Коломейцев Г.Н. — Ничего помпезного. Показал Орлов мне валенки, в которых Сталин любил гулять, тулуп, который Сталин всегда надевал, потом самую простую шапку с длинными ушами». Но самое интересное (в пересказе Коломейцева Г.Н. и записи корреспондента «АиФ») Орлов И.М. поведал дальше: «У Сталина

был такой порядок. Приезжает. Чай пьет или там что… И уходит к себе. Закрывается. Всё! Без звонка никто к нему зайти не мог. У него звонок стоял. Если нужно кого-то вызвать, он нажимал звонок. В эту ночь, когда он умер, ни звонка, ничего… Утро. Время подъема подходит: 10, 11… К этому часу Сталин обычно вставал. Брился. Брился сам. В парикмахерскую не ходил. Охрана забеспокоилась. Позвонили в Главное… нет, в 9-е управление. Тогда уже, кажется, было 9-е управление, а не ГУО. (Рассказчик за давностью лет немного путает. В период службы Коломейцева Г.Н. подразделение, занимавшееся охраной руководителей партии и правительства, именовалось следующим образом: с 14 апреля 1943 года — 6-е управление НКГБ СССР; с 15 апреля 1946 года — Управление охраны № 1 и № 2 МГБ СССР; с 25 декабря 1946 года — Главное управление охраны (ГУО) МГБ СССР; с 23 мая 1952 года — Управление охраны МГБ СССР; с 14 марта 1953 года — 9-е управление МВД СССР; с 18 марта 1954 года — 9-е управление КГБ СССР [10]. — *Ю. Б.*) Оттуда приехали. Когда вскрыли дверь, он лежал на полу около тахты, на которой спал. У него тахта была. Он лежал на полу уже мертвый…» Далее пораженный услышанным рассказчик воспроизводит такой диалог между ним и комендантом дачи:

«— То есть… вообще мертвый?

— Мертвый!

— А все говорят, что несколько дней умирал…

— Не-е-е. Нет-нет, он уже мертвый был. Всё! Все эти разговоры и газетные сообщения — галиматья. Он уже мертвый был… Всё!» [79].

Вот такое категоричное по форме и откровенное по дружбе признание сделал в апреле 1953 года комендант дачи Орлов И.М. своему сотоварищу по «обслуге» Коломейцеву Г.Н., которым тот поделился с корреспондентом «АиФ» почти через полвека. С каким доверием после этого относиться к другим повествованиям по этому вопросу — судите сами. Мною этот материал приведен с целью исключения категоричности во мнении, что все было именно так, как рассказывали «очевидцы», поскольку впереди у нас предстоят еще не менее запутанные события, на которые имеются разные точки зрения.

Как бы там ни было, но вождь народов товарищ Сталин И.В. умер, так и не успев реализовать все свои замыслы. Кончина «самодержца» принесла, несомненно, большое облегчение всем его ближайшим соратникам, особенно тем, кто попал в последнее время под огонь сталинской критики. С 5 по 14 октября 1952 года проходил XIX съезд коммунистической партии, на котором с

отчетным докладом выступил Маленков Г.М., а с докладом об изменениях в уставе партии, получившей наименование «Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС)», — Хрущев Н.С. На самом съезде Сталин И.В. выступил лишь с краткой заключительной речью, в которой подчеркнул важность взаимной поддержки КПСС и коммунистических партий всех стран мира в достижении своей высшей цели [32]. Зато на состоявшемся после этого пленуме ЦК вождь сказал свою главную полуторачасовую речь. Из нее явствовало, что статус партии и ее организационная структура отныне существенно преобразовывались. Политбюро заменялось Президиумом в составе 25 членов и 11 кандидатов и становилось преемником не бывшего партийного властелина, а всего лишь упразднявшегося Оргбюро и должно было заниматься внутрипартийными вопросами, не вмешиваясь в хозяйственную деятельность, являвшуюся прерогативой правительства. Таким образом, партноменклатура лишалась былой власти в стране, что ее, естественно, никак не могло устроить. Своими нововведениями Сталин И.В. полностью ликвидировал единоначалие в партии, упразднив должность генерального секретаря и введя посты десяти равноправных секретарей. Для того чтобы Молотов В.М. и Микоян А.И. не смели претендовать на роль лидеров, Сталин И.В. подверг своих престаревших соратников серьезной критике, выразив им обоим недоверие. Зачитанный вождем список кандидатур в состав Президиума ЦК вызвал у партаппаратчиков шок, поскольку в большинстве своем он состоял из не известных им лиц, являвшихся не партийными, а советскими работниками. Таким путем Сталин И.В. реализовал свое давнее намерение подчинить партию Советской власти. Кроме того, Сталин хотел сам уйти с поста секретаря, но это еще больше напугало партноменклатуру, поскольку без своего признанного вождя главный партийный орган сразу же терял вес и авторитет [78].

С другой стороны, на заседании Президиума ЦК, состоявшемся 1 декабря 1952 года и посвященном «вредительству в лечебном деле» и положению в Министерстве государственной безопасности СССР, была принята резолюция, в которой в качестве «важнейшей и неотложной задачи» содержался призыв к усилению контроля партийными органами за работой МГБ. В частности, даже говорилось, что «первые секретари обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик обязаны интересоваться агентурной работой органов МГБ и им должен быть известен список всех агентов». Помимо общих призывов о переходе от «пассивной» оборонной тактики к «активным наступательным действиям» в разведывательной работе

содержалась такая установка, написанная в сталинском духе: «Многие чекисты прикрываются при этом гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов. Эти горе-чекисты скатились с позиций революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма, забыли, что с озверевшим классовым врагом нельзя бороться в белых перчатках, оставаться “чистенькими”, не применяя активных наступательных средств борьбы в интересах социалистического государства, забыли указания Ленина о том, что классовая борьба — это жестокая борьба, а не пустая болтовня, не понимают той простой истины, что нельзя МГБ представлять без диверсий, проводимых им в лагере врага». Несколько позднее, на заседании комиссии по организации Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ, Сталин И.В. так углубил свою мысль: «Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец» [76]. В общем, образно говоря, «в воздухе пахло грозой», и, с учетом всех проводившихся репрессивных мероприятий по очищению органов госбезопасности, по борьбе с космополитизмом, разворачивавшимся «делом врачей» и «мингрельским делом», совершенно не исключено, что пристращенные соратники решили избавиться от своего грозного патрона, сведя все к летальному исходу.

5 марта 1953 года, когда Сталин И.В. был еще жив или уже нет, но, во всяком случае, являлся недееспособным, состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором были распределены важнейшие государственные посты. Председателем Совета Министров СССР утвердили Маленкова Г.М., после чего новый глава правительства назвал в числе своих первых заместителей Берия Л.П., Молотова В.М., Булганина Н.А. и Кагановича Л.М., а также внес пакет других кадровых перемещений и назначений. Одним из основных преобразований явилось слияние министерств внутренних дел и государственной безопасности в одно ведомство — МВД, министром которого назначили Берия Л.П. Было решено объединить также значительное число других министерств, а в Центральном Комитете КПСС Президиум сократить до 11 членов и 4 кандидатов. Булганин Н.А. одновременно стал военным министром, Молотов В.М. — министром иностранных дел, а Ворошилова К.Е. избрали председателем Президиума Верховного Совета СССР. Секретарю ЦК Хрущеву Н.С. рекомендовано было

сосредоточить внимание на партийной работе [64].

Нас интересует в первую очередь, как в эти тревожные дни вел себя главный герой нашего повествования. Если в многочисленных исторических описаниях и мемуарах без конца повторяются знакомые имена ближайших сподвижников вождя народов, то фамилия Круглова С.Н. нигде не встречается. Сергей Никифорович не участвовал в той лихорадочной беготне и срочных заседаниях, когда делилась власть между представителями советской партийно-государственной элиты. Он готов был работать на любом посту, на который, как тогда говорили, «направит партия». А пока что продолжал руководить тем огромным хозяйством, которое по инерции еще старалось выполнять предначертания вождя на великих сталинских стройках. В семейном альбоме, хранящемся теперь в Личном фонде № 10 146 ГА РФ [26], имеется фотография, на которой генерал- полковники Круглов С.Н. и Серов И. А. запечатлены стоящими вместе с другими товарищами в почетном карауле около гроба с телом Сталина И.В. Всей организацией похорон занималось руководство МГБ, поскольку в распоряжении МВД в то время не было не только милиции, но и значительных войсковых частей. После четырехдневного прощания похороны «вождя народов» состоялись 9 марта 1953 года. В упомянутом Личном фонде имеется помещенный в траурную рамку пропуск № 183 тов. Круглова С.Н. «для прохода на Красную площадь на похороны Председателя Совета Министров СССР и Секретаря ЦК КПСС Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина» [26].

Получив в свое подчинение объединенное Министерство внутренних дел, маршал Берия Л.П. занялся его структурным преобразованием и проведением кадровых назначений. Вместо 18 заместителей министров (8 в МВД и 10 в МГБ) осталось только четыре должности. Постановлением Совета Министров СССР от 11 марта 1953 года первыми заместителями министра внутренних дел были назначены генерал-полковники Круглов С.Н., Кобулов Б.З. и Серов И. А, а генерал армии Масленников И.И. — заместителем министра. Этим же постановлением была сформирована Коллегия МВД СССР в составе министра, его заместителей, а также генерал-полковника Гоглидзе С.А., генерал-лейтенантов Федотова П.В., Рясного В.С., Сазыкина Н.С., Стаханова Н.П., Обручникова Б.П. и Мамулова С.С., утративших свой статус заместителей министров, но ставших руководителями ключевых подразделений нового ведомства [10].

Произошедшее при данных преобразованиях совершенно незаслуженное понижение в должности Круглова С.Н., вполне

справлявшегося со своими непростыми обязанностями, требовало некоего официального обоснования. В связи с этим 24 марта 1953 года заведующий сектором учета кадров ЦК КПСС выдал, чтобы «отложилась» в личном деле, «Справку о причинах освобождения Круглова С.Н. от работы Министром внутренних дел». Причина указывалась «объективная»: «В связи с объединением Министерства государственной безопасности СССР с Министерством внутренних дел СССР на основании постановления Верховного Совета СССР от 15 марта 1953 года» [26].

В соответствии с постановлениями Совмина СССР, принятыми 16 и 18 марта 1953 года, Министерство внутренних дел было освобождено от производственно-хозяйственной деятельности, в результате чего в другие министерства и ведомства были переданы Главпромстрой, Главспецстрой, Дальстрой, Енисейстрой, Гидропроект, Куйбышевгидрострой, Сталинградгидрострой, Главспецнефтестрой, Среднеазгидрострой, Главасбест, Главслюда, Главгидроволгобалтстрой, Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности (ГУЛГМП), Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР), Отдельный дорожно-строительный корпус (ОДСК), Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) и другие подразделения. Еще одним постановлением правительства Главное управление лагерей (ГУЛАГ) и Отдел детских колоний (ОДК) перешли в ведение Министерства юстиции. В результате структуру МВД составили следующие основные подразделения: Секретариат, Оперативно-чекистские управления и отделы, Войсковые управления и Административно-оперативные и хозяйственные подразделения. При распределении обязанностей между министром и его замами наблюдение за работой управлений и отделов было распределено следующим образом.

Министр внутренних дел Берия Л.П. взял под свою опеку управления 3 (контрразведка в Советской Армии и Военно-морском флоте — начальник генерал-полковник Гоглидзе С А), 8 (шифровальное), 9 (охрана правительства), 10 (Управление коменданта Московского Кремля); Следственную часть по особо важным делам (генерал-лейтенант Влодзимирский Л.Е.); Управление кадров (генерал-лейтенант Обручников Б.П.); Контрольную инспекцию по проверке исполнения приказов министра; секретариат министерства (генерал-лейтенант Мамулов С.С.); Секретариат Особого совещания (ОСО).

Первому заместителю министра Круглову С.Н. досталось под

наблюдение такое хозяйство: управления 4 (секретно-политическое — начальник генерал-лейтенант Сазыкин Н.С.) и 5 (экономическое); Отдел «П» (спецпоселения); 7-й спецотдел (Гохран); 11-е главное управление по охране военных и государственных тайн в печати; Главное управление геодезии и картографии (ГУ ГК); Управление учебных заведений (УУЗ); Отдел «М» (мобилизационный); Отдел «С» (спецсвязь); Центральное архивное управление (ЦАУ); Хозяйственное управление (ХОЗУ); Финансовый отдел, Главная бухгалтерия, Плановый отдел, Отдел перевозок и Отдел фельдсвязи (ОФС). Как видно из приведенного перечня, бывший министр внутренних дел хотя и упоминался первым среди первых замов, но курировал далеко не самые главные подразделения объединенного министерства. Представляю, какое это было облегчение после прежних забот.

«Основную скрипку» теперь играл первый заместитель министра Кобулов Б.З., в ведении которого находились Главные управления 1 (контрразведка — начальник генерал-лейтенант Федотов П.В.) и 2 (разведка за границей — генерал-лейтенант Рясной В.С.); 7-е управление (наружное наблюдение, установки, обыски, аресты); спецотделы 1 (учетно-архивный), 2 (техника секретного подслушивания), 3 (изготовление документов), 4 (радиоконтрразведка), 5 (изготовление средств оперативной техники), 6 (цензура).

Первый заместитель министра Серов И.А. получил в свое ведение 6-е управление (контрразведка на транспорте), Главное управление милиции (ГУМ — начальник генерал-лейтенант Стаханов Н.П.), Управление службы местной противовоздушной обороны (УС МПВО), Главное управление пожарной охраны (ГУПО), Отдел по контролю и инспектированию Вневедомственной охраны (ВОХР) и Тюремное управление.

Заместитель министра Масленников И.И. контролировал войсковые подразделения: Главное управление пограничных войск (ГУПВ), Главное управление внутренней охраны (ГУВО), Управление конвойной охраны (УКО), Управление военного снабжения (УВС) и Военно-строительное управление (ВСУ) [10].

Как видно из приведенного перечня, структура Министерства внутренних дел (если рассматривать только это интересующее нас ведомство) коренным образом изменилась по сравнению с тем, что было всего лишь месяц назад. Конечно, данная структура не оставалась неизменной, и через некоторое время в составе подразделений стали происходить определенные изменения, среди которых отметим следующие. Приказом МВД СССР от 29 апреля 1953 года (заметим, здесь и далее без обычного ранее

постановления Совета Министров) на базе Бюро № 2 бывшего МГБ была организована при 1-й Главном управлении МВД Специальная оперативная группа (СОГ) по розыску вражеских агентов-парашютистов, начальником которой министр назначил полковника Прудникова М.С. Через две недели СОГ реорганизовали в 11-й отдел 1-го Главного управления МВД СССР. Затем приказом МВД СССР от 30 мая 1953 года на базе Бюро № 1 бывшего МГБ СССР был создан 9-й отдел МВД СССР, предназначенный для проведения актов индивидуального террора и диверсий, во главе которого министр поставил широко известного в узких кругах прославленного советского мастера секретных операций генерал-лейтенанта Судоплатова П.А. [10]. Вполне возможно, что формирование данных подразделений явилось простым продолжением образования тех самых «наступательных средств борьбы», которые хотел иметь Сталин. Министр Берия Л.П. лишь завершил эту работу, дав на это себе собственную санкцию как заместитель председателя Совета Министров СССР. Как эти силы планировалось им использовать, теперь возможно только гадать.

Освободившись от сталинского авторитаризма, Берия Л.П. развил бурную деятельность, которая даже напугала других его соратников по власти, показавших в делах завидную пассивность. Прежде всего Лаврентий Павлович проявил собственную инициативу по освобождению из тюрем хорошо известных ему работников органов госбезопасности, попавших за решетку в период руководства МГБ Абакумовым В.С. и Игнатьевым С.Д. 11 марта 1953 года он направил на имя Маленкова Г.М. и Хрущева Н.С. письмо, в котором нарисовал удручающую картину, сложившуюся в последние годы в МГБ: «Значительная часть чекистских кадров, имеющих опыт — разгромлена… Необходимо будет рассмотреть материал на арестованных чекистов и в зависимости от результатов принять решение об использовании их на работе в МГБ». Здесь имелось в виду не только освобождение из тюрем «своих людей», но и пополнение нового объединенного МВД старыми, проверенными кадрами. Проявляя «чудеса оперативности», Берия Л.П. начал освобождать своих соратников еще до формального решения этого вопроса на Президиуме ЦК КПСС. В то же время эти меры не касались бывшего министра Абакумова В.С. и людей его круга [76].

Одним из первых своих приказаний новый министр внутренних дел распорядился создать следственные группы по пересмотру ряда особо важных дел, которые теперь формулировались следующим образом: «дело арестованных врачей», «дело арестованных бывших сотрудников МГБ СССР»,

«дело арестованных бывших работников Главного артиллерийского управления Военного министерства СССР», «дело арестованных МГБ Грузинской ССР группы местных работников». Руководство работой по пересмотру этих дел министр возложил на своих заместителей Круглова С.Н. и Кобулова Б.З., а также на начальника 3-го управления МВД (контрразведка в Советской Армии и ВМФ) Гоглидзе С.А. По представленному МВД докладу 3 апреля 1953 года Президиум ЦК КПСС принял резолюцию, в которой говорилось о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому делу о врачах-вредителях, в количестве 37 человек. Теперь к уголовной ответственности следовало привлечь работников бывшего МГБ СССР, «особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела» и грубо нарушавших советские законы. На этом заседании Берия Л.П. информировал Президиум ЦК о том, что «Министерством внутренних дел СССР проводятся меры, исключающие возможность повторения впредь подобных извращений в работе».

Затем состоялась реабилитация военных и руководителей авиационной промышленности, осужденных в 1946 году по «делу авиаторов», поскольку, согласно заключению МВД, не было найдено состава преступления в обвинениях, предъявлявшихся наркому авиапрома Шахурину А.К., командующему ВВС Новикову А.А. и другим работникам, связанным с этой отраслью. После проведенного разбирательства были приняты меры по возвращению на родину людей, «незаконно выселенных с территории Грузинской ССР» на основании решения Особого совещания МГБ СССР. По распоряжению Берия Л.П. готовились также предложения в ЦК КПСС о положении немцев, граждан СССР, высланных в годы войны в спецпоселения [64].

Из всех инициатив Лаврентия Павловича не вызывало энтузиазма у некоторых членов Президиума и секретарей ЦК предложение досконально разобраться с делом бывшего министра госбезопасности Абакумова В.С. с тем, чтобы выяснить, кто стоял за ним. В этом случае возникала угроза, что следствие может добраться не только до исполнителей, но и до заказчиков. Ведь уже было признано, что «ввиду допущенных серьезных ошибок в руководстве бывшим МГБ» невозможным оказалось оставить Игнатьева С.Д. на посту секретаря ЦК КПСС, а ниточка могла потянуться и дальше [64].

Наряду с реабилитацией обвиненных по отдельным политическим процессам Берия Л.П. предложил внести ряд изменений в существовавшую тогда судебную систему, а также

предложил провести амнистию в стране. В тюрьмах, колониях и исправительно-трудовых лагерях находились тогда 2 526 402 заключенных, в том числе 221 435 человек «особо опасных». Предлагалось выпустить на свободу около одного миллиона человек, осужденных на срок до 5 лет, попавших за решетку за должностные преступления, женщин, имевших детей в возрасте до 10 лет, несовершеннолетних, тяжелобольных и престарелых. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года, подписанному Ворошиловым К.Е. (которому и досталась вся слава), были освобождены по амнистии более трети советских заключенных. Министр внутренних дел внес предложение об ограничении прав Особого совещания, но пока что не считал возможным в то время ликвидировать этот внесудебный орган, поскольку имелась необходимость пересматривать дела, «которые по оперативным или государственным соображениям не могут быть переданы в судебные органы». 4 апреля 1953 года Берия Л.П. подписал приказ, в котором содержалось требование о запрещении применения к арестованным «мер физического воздействия», а также предписал ликвидировать в Лефортовской и Внутренней тюрьмах все пыточные помещения [64].

В соответствии с постановлением правительства первый заместитель министра внутренних дел Круглов С.Н. передал по актам из МВД в другие министерства главные производственно-хозяйственные управления, строительные управления, промышленные предприятия, подсобные хозяйства, научно-исследовательские и проектные учреждения со всеми их материальными ресурсами, производственными и строительными программами, фондами на материалы и оборудование и денежными ассигнованиями, которыми только что сам распоряжался. Так, например, в акте приема-передачи Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) в Министерство путей сообщения (МПС) было перечислено помимо всего прочего 24 крупных строительства железнодорожных линий и других объектов, осуществлявшихся этим главком по постановлениям правительства, и 14 объектов, строившихся с разрешения Совмина СССР по договорам. В этот период министр внутренних дел Берия Л.П. выступил с новой инициативой. 21 марта 1953 года он написал записку в Президиум Совета Министров СССР с предложением о прекращении ряда строительств, «осуществление которых в ближайшие годы не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства». Постановлением правительства «Об изменении строительной программы 1953 года» были прекращены работы на двадцати объектах, в число которых

попали следующие гидротехнические сооружения: Главный Туркменский канал, самотечный канал Волга-Урал, Волго-Балтийский водный путь, гидроузлы на Нижнем Дону, Усть-Донецкий порт; транспортные пути: железная дорога Чум — Салехард- Игарка, судоремонтные мастерские, порт и поселок в районе Игарки, железная дорога Комсомольск — Победино и тоннельный переход под Татарским проливом (о чем рассказывалось в главе 21), железные дороги Апатиты — Кейва — Поной, Варфоломеевка — Чугуевка — бухта Ольга, Красноярск-Енисейск и другие, автомобильные дороги на Камчатке, Кольском полуострове, в Архангельской и Мурманской областях, на побережье Балтийского моря; промышленные предприятия: Черногорский и Араличевский заводы искусственного жидкого топлива и верфь металлического судостроения в Осетрово.

Конечно, министров путей сообщения (т. Бещева), электростанций и электропромышленности (т. Первухина), морского и речного флота (т. Шашкова), металлургической промышленности (т. Тевосяна), нефтяной промышленности (т. Байбакова), химической промышленности (т. Тихомирова) правительство обязало «принять все меры к полной сохранности незаконченных строительством объектов», осуществить их консервацию, а что возможно, использовать для других хозяйственных целей [80]. Но, как это принято у нас, огромные строительные площадки оказались попросту брошенными на произвол судьбы практически со всеми находившимися там материальными ценностями.

В послесталинский период Берия Л.П. решил коренным образом изменить решение кадрового вопроса с тем, чтобы за подбор и расстановку своих сотрудников отвечал соответствующий начальник, действовавший по собственной инициативе, а не по указанию партийного органа, мнение которого часто бывало «определяющим». Так, при подготовке назначений руководителей объединенного МВД на местах начальник Управления кадров Обручников Б.П. прежде всего, как это делалось раньше, составил бумаги для утверждения кандидатур в ЦК КПСС. Однако, когда в кабинете министра, где помимо главы ведомства находились заместители Круглов С.Н., Кобулов Б.З., Серов И.А., начальник секретариата Мамулов С.С. и его заместитель Доброхотов В.П., главный кадровик представил подготовленный документ, Берия Л.П., по словам «потерпевшего», «выругал площадной бранью и заявил, что ему не нужно никаких представлений, нужен приказ» [76]. Такой приказ № 01 о назначении 82 руководителей местных органов внутренних дел (министров союзных и автономных республик, начальников

краевых и областных управлений) министр Берия Л.П. подписал 16 марта 1953 года. Но все же после этого, видно, чтобы «собак не дразнить», направил в ЦК КПСС, тов. Хрущеву Н.С., письмо, в котором просил в связи с объединением органов бывших МВД и МГБ утвердить предложенный им перечень руководителей. Положительное решение Секретариата ЦК КПСС состоялось через три дня. Интересным в этом отношении явилось назначение на должность начальника Управления МВД Ленинградской области генерал-лейтенанта Богданова Н.К. Категорически против предложенной Берия Л.П. кандидатуры выступил первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Андрианов В.М. Появление нового человека в тех краях, где реализовалось «ленинградское дело», совершенно не устраивало «партийного хозяина» области, творившего здесь вместе с органами госбезопасности свой произвол. Однако, по свидетельству Мамулова С.С., «Берия грубо, оскорбительно и, я бы даже сказал, пренебрежительно говорил с Андриановым и, вопреки его желанию, назначил в Ленинград в качестве начальника УМВД Богданова» [1]. Перед отъездом назначенца к новому месту службы министр Берия Л.П. вызвал его к себе и, не раскрывая всего существа проблемы, напутствовал словами о том, что «тов. Богданов направляется в город на Неве специально для того, чтобы обеспечить там законность и порядок, а также устранить те перегибы, которые были допущены ранее». После прибытия в Ленинград Богданов Н.К. сразу же направился в Смольный, чтобы представиться секретарю обкома Андрианову В.М. Однако Первый встретил нового начальника весьма неприветливо и откровенно заявил, что Богданов его не устраивает и что лучше бы остался тов. Ермолаев, прежний начальник Управления МГБ. После такого «дружественного» приема Богданов Н.К., отдав приказ о своем вступлении в должность, собрал на совещание руководителей двух бывших самостоятельных ведомств, внутренних дел и государственной безопасности, и во всеуслышание объявил им, что министр внутренних дел товарищ Берия персонально поручил ему «разобраться с делами и навести порядок». Ох, и припомнили же в июле месяце моему отцу эти его слова [1].

После проведенной амнистии по всей стране резко возросла преступность, что обычно и случается как непременное следствие таких милосердных актов. Хлынувший из тюрем, лагерей и колоний поток обездоленных и обозленных людей совершал на своем пути массу криминальных действий. Особенно это было заметно на фоне относительно низкого уровня преступности, характерного для тоталитарной власти. Эффект усиливали

быстро распространявшиеся слухи и небылицы об ужасных преступлениях, рассказывавшиеся с большими подробностями. Обеспокоенный таким оборотом дела инициатор амнистии (все остальные правители оказались ни при чем), министр внутренних дел Берия Л.П. отдал распоряжение всем местным органам МВД принять необходимые меры для подавления вспышки преступности. Особое внимание было обращено на Москву и Ленинград. В нынешний Санкт-Петербург был направлен первый заместитель министра Серов И.А., который санкционировал проведение Областным управлением внутренних дел операции по выявлению и изъятию уголовного элемента. Через некоторое время общественный порядок на берегах Невы и в других регионах страны был восстановлен, уровень преступности значительно снизился [1].

12 мая 1953 года первый зам министра Круглов С.Н. и секретарь Особого совещания Иванов В.В. направили министру внутренних дел Берия Л.П. докладную записку о целесообразности отмены нормативных актов о направлении лиц, отбывших наказание, в вечную ссылку в отдаленные местности СССР. Бывшее Министерство государственной безопасности инициировало принятие 21 февраля 1948 года указа Президиума Верховного Совета СССР, по которому после освобождения из лагерей и тюрем особо опасные преступники (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики и другие) подлежали по нарядам отдела «А» МГБ (даже без решения Особого совещания) направлению на бессрочное поселение, что являлось не предусмотренным советским законодательством повторным наказанием за одно и то же преступление. За период с 1945-го по 1953 год таких поселенцев набралось 58218 человек. Предлагалось в порядке объявленной амнистии освободить от принудительного поселения всех лиц, имевших наказание до 5 лет лишения свободы (13 815 человек). Затем освободить тех, у кого срок наказания превышал 5 лет. Далее следовало отменить нормативные акты о направлении после лагерей в ссылку и впредь всех заключенных по отбытии ими наказания освобождать на общих основаниях [37]. Поскольку Берия Л.П. не успел разобраться с этими предложениями, решение по ним было принято лишь через три года.

Министр Берия Л.П. проявил обеспокоенность и по поводу тяжелого положения ссыльных и спецпереселенцев, за которых продолжало нести ответственность МВД. По его указанию в двадцатых числах июня первый заместитель министра Круглов С.Н. провел совещание с целью выработки мер по облегчению условий жизни для этой категории населения. Против

предложений ведавшего спецпереселенцами начальника отдела «П» МВД Алидина В.И., сделанных в его докладе, неожиданно выступил заместитель министра Серов И.А., который заявил, что «мы в войну в тяжелейших условиях выполнили решение партии и правительства, выселили этих людей, а теперь неясно откуда взявшийся Алидин хочет очернить нашу работу и пустить ее под откос». Круглову С.Н. пришлось взять под защиту начальника отдела, поскольку этот вопрос о проживании спецпереселенцев действительно необходимо было срочно решать [76].

Каким после всех произведенных преобразований маршал Берия Л.П. видел свое обновленное силовое ведомство, дает представление проект «Положения о МВД СССР», подготовленный и направленный на его имя Управлением кадров. На этом документе министр написал такую резолюцию: «Тт. Круглову, Кобулову, Серову, Масленникову, Федотову, Сазыкину, Гоглидзе, Рясному, Стаханову, Обручникову, Райхману, Судоплатову. Прошу ознакомиться с проектом “Положения о Министерстве внутренних дел СССР” и дать свои замечания. Срок 5 дней. Л. Берия. 17 июня 1953 года» [10].

Задачи МВД в «Положении» формулировались следующим образом:

— борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью разведывательных органов капиталистических государств, антисоветских зарубежных эмигрантских центров и связанного с ним антисоветского подполья внутри страны;

— ведение разведывательной и контрразведывательной работы в капиталистических странах;

— контрразведывательная работа в Советской Армии, военно-морских силах и войсках МВД;

— выявление и пресечение враждебной деятельности всякого рода антисоветских элементов;

— борьба с вредительской деятельностью в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве;

— организация шифровального и дешифровального дела;

— охрана руководящих кадров партии и правительства;

— охрана военных и государственных тайн в печати;

— охрана государственных границ СССР;

— разработка мобилизационных планов по развертыванию на военное время органов и войск министерства;

— охрана общественного порядка в стране, борьба с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности, осуществление паспортной системы и регистрации актов гражданского состояния;

— административный надзор за ссыльными, высланными, спецпереселенцами и обеспечение установленного режима в местах их проживания;

— содержание и охрана в тюрьмах и особых лагерях осужденных преступников;

— организация местной противовоздушной обороны в стране;

— государственный надзор за противопожарной охраной и руководство противопожарными мероприятиями;

— организация государственного геодезического надзора;

— учет, хранение и разработка государственных архивных фондов СССР и контроль за постановкой работы в архивах государственных учреждений, предприятий, общественных организаций;

— подбор, подготовка и переподготовка руководящих и оперативных кадров: воспитание всего личного состава МВД СССР в духе преданности делу партии Ленина — Сталина, честности, правдивости и высокой дисциплинированности;

— руководство деятельностью местных органов МВД СССР;

— выполнение специальных заданий правительства СССР» [10].

Как видно из приведенных пунктов «Положения», все они больше соответствовали задачам государственной безопасности, а от вопросов прежнего МВД остались только МПВО, пожарная охрана, паспортизация и ЗАГС, архивное дело да чисто милицейские функции. Так сложились обстоятельства, что этот документ не был утвержден правительством, но он позволит нам наглядно судить о том, как станут изменяться задачи МВД в ближайшие годы.

26 мая 1953 года Президиум ЦК КПСС на основании материалов, подготовленных в аппарате МВД по заданию Берия Л.П., принял два постановления по национальному вопросу. В одном говорилось о политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР, в другом — о положении в Литовской ССР. В констатирующей части отмечалось, что политическое положение в западных областях Украины продолжало оставаться неудовлетворительным. Среди значительной части населения существовало недовольство проводившимися на местах хозяйственными, политическими и культурными мероприятиями. Продолжавшуюся борьбу с националистическим подпольем бесполезно было вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, в которых и так уже пострадали более полумиллиона человек. Особенно болезненно воспринималось населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа

интеллигенции. По настоянию Берия Л.П. Президиум ЦК КПСС признал неудовлетворительным руководство компартией Украины и направил на пост первого секретаря Кириченко А.И. Министром внутренних дел УССР был назначен генерал-лейтенант Мешик П.Я. Положение в Литовской ССР во многом перекликалось с тем, что происходило в западных областях Украины, но здесь дополнительно сказывалось еще огромное влияние католической церкви, с которым боролись лишь применением репрессий в отношении духовенства. Берия Л.П. предложил в качестве главной задачи Литовской республики на ближайший период считать выдвижение национальных кадров во все звенья партийного, советского и хозяйственного руководства. Вопрос ставился даже о ведении делопроизводства на литовском языке, а в районах с польским населением — на польском языке.

8 июня 1953 года Берия Л.П. направил в Президиум ЦК записку о национальном составе аппарата МВД Белорусской ССР. Здесь наблюдалась такая же картина, как в упомянутых выше республиках: национальные кадры находились в полном загоне. Партийные вожди страны поддержали содержавшееся в документе предложение заменить на белорусов руководство не только в республиканском Министерстве внутренних дел, но и в ЦК компартии Белоруссии. Внимание было обращено на национальный состав партийных и советских органов, а также в среде интеллигенции. Отмечалась при этом крайне тяжелая жизнь колхозного крестьянства, особенно в западных областях Белоруссии [68].

Важнейшими явились внешнеполитические инициативы Берия Л.П., направленные на нормализацию отношений с Югославией и решение германской проблемы. Активную роль сыграл Лаврентий Павлович в достижении примиренческой позиции с югославским руководством, для чего в Белград был направлен его личный представитель. В отношении Германии Берия Л.П. предлагал план объединения страны и ее демократического развития. Однако руководство Социалистической единой партии Германии во главе с Вальтером Ульбрихтом взяло курс на ускоренное строительство социализма и самостоятельное существование Германской Демократической Республики (ГДР). В обществе была проведена широкая репрессивная кампания против всякого рода оппортунистов, предателей и шпионов, а в экономике все усилия направили на возрождение тяжелой промышленности в ущерб развитию производства товаров широкого потребления. Одновременно резко увеличили налоги на мелких и средних предпринимателей, повысили нормы выработки для рабочих, что привело к

снижению их зарплаты, а в сельской местности начали создавать колхозы. На основании информации, предоставленной ведомством Берия Л.П., было подготовлено распоряжение Совета Министров СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР», которое Маленков Г.М. подписал 2 июня 1953 года. В документе говорилось о том, что в результате проводимой неправильной линии в ГДР создалось «весьма неблагополучное политическое и экономическое положение». Президиум ЦК КПСС подготовил для своих немецких коллег набор практических советов, позволявших не развалить окончательно производство, а начать реализацию «новой экономической политики». Однако против такой позиции Президиума ЦК выступил Молотов В.М. вместе с Хрущевым Н.С. А в это время в Берлине и других городах ГДР начались забастовки, на которых трудящиеся требовали уменьшения норм выработки, снижения цен в магазинах государственной торговли, обеспечения по карточкам всех слоев населения, прекращения создания народной армии и проведения общегерманских свободных выборов. В целях усмирения «беспорядков» 17 ноября 1953 года на улицах появились советские танки. В Берлине на Лейпцигштрассе у здания правительства произошла битва между народными полицейскими и демонстрантами, которая прекратилась только с появлением наших войск. В советском секторе Германии пришлось вводить военное положение. После начала беспорядков министр внутренних дел направил в Берлин представительную комиссию: начальника военной контрразведки Гоглидзе С.А., заместителя начальника контрольной инспекции МВД Кобулова А.З. и начальника немецкого отдела разведки Рыбкину З.И. Поскольку комиссия мало преуспела в своей деятельности, по решению Президиума ЦК в Германию был командирован сам министр Берия Л.П. Его вмешательство положило конец беспорядкам, однако отсутствие Лаврентия Павловича в течение нескольких дней в Москве позволило его противникам объединиться для того, чтобы подготовить против него заговор и неожиданно «свалить» крайне энергичного и информированного соратника [68].

У Маленкова Г.М. имелись основания опасаться своего давнего единомышленника по той причине, что он действительно мог добраться до истоков многих репрессивных дел, к которым имел отношение Георгий Максимилианович. Активность Берия Л.П. во внешнеполитических вопросах нажила ему непримиримого врага в лице министра иностранных дел Молотова В.М. Новый партийный лидер Хрущев Н.С. (а вместе с ним и вся партноменклатура) не мог согласиться с позицией

«Лаврентия», стремившегося отстранить партийные органы от хозяйственных дел, направив их усилия лишь на идеологическую и кадровую работу. В общем, у Берия Л.П. имелось достаточно врагов, жаждавших его ниспровержения.

28. Разгром «банды Берии»

О том, как происходили отстранение Берия Л.П. от власти и снятие его со всех руководящих постов, имеется достаточно большое количество рассказов очевидцев данного события [81]. Однако внимательное сопоставление этих материалов между собой выявляет массу нестыковок, что вызывает серьезное недоверие к официальной версии случившегося. Несомненно одно, что организатором и вдохновителем заговора против Берии (фамилию которого с этого времени начали склонять в прямом и переносном смысле слова) являлся Хрущев Н.С., который сам многократно и в различных вариантах, в зависимости от обстановки и состава слушателей, излагал эту «увлекательную историю». Пока Берия Л.П. находился в Германии, Хрущев Н.С. сумел последовательно обработать и привлечь на свою сторону Маленкова Г.М., Молотова В.М., Кагановича Л.М., Булганина Н.А., Первухина М.Г., Сабурова М.З., а также «колеблющихся» Ворошилова К.Е. и Микояна А.И. Все «соратники» пришли к единодушному мнению, что слишком активную, «бешеную» деятельность «Лаврентия» следовало приостановить. Маленков Г.М. считал, что для этого возможно использовать «партийные методы», то есть пригласить Лаврентия Павловича, например, на Президиум ЦК и там устроить ему хорошую головомойку, после чего назначить на менее ответственный пост. Готовясь к такому мероприятию, он, как председательствующий на подобных форумах, и бумагу соответствующую подготовил — черновик собственного выступления и проект решения высшего партийного органа: «К решению вопроса о Берия. Протокол № 10 от 26 июня 1953 года». Изложим, насколько возможно, этот чисто «технический» документ с нашими комментариями и в удобном для чтения виде. В первых строках Георгий Максимилианович набросал тезисы своего выступления: *«Враги* (кто-то, но не Берия? Или Л.П. вместе с «подельниками» как раз и есть «враги»? — *Ю. Б.*) *хотели поставить* (значит, уже не «хотят», то есть, вопрос решен? — *Ю. Б.*) *органы МВД над партией и правительством. Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии*». Затем эта же мысль повторилась в несколько другой интерпретации: «*Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД. Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления властью*». И в третий раз о том же: *«Органы МВД занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребления властью*».

Задача состояла в том, чтобы этого не допустить. Какие порочащие факты следовало предъявить Лаврентию Павловичу? Во-первых, его предложения по Украине, Литве и Латвии: *«Нужны ли эти мероприятия?»* Во-вторых, *«МВД стало поправлять партию и правительство»*, а ЦК отошел *«на второй план»*. Претензии намечались по Особому совещанию МВД СССР. Имелись пометки о недовольстве в решении дел по Венгрии и Германии. Далее необходимо было «*вовремя поправить*» вопрос о *«подавлении коллектива»*, покончив с *«безапелляционностью»* Берии. Покончить с *«разобщенностью», «настраиванием»* друг на друга. Как Маленков Г.М. предлагал исправить положение дел? В МВД назначить другого министра, а именно Круглова С.Н., поставив его под контроль ЦК партии. Управление охраны руководителей партии и правительства подчинить ЦК, иначе *«с утра до вечера шагу не шагнешь без контроля!»*. Организацией подслушивания телефонных разговоров также должно заниматься ЦК, а то «*товарищи неуверены, кто и кого подслушивает*». Теперь, что предлагалось сделать с Берией, хотя фамилия его обозначена не была: от поста заместителя председателя Совета Министров освободить и назначить министром нефтяной промышленности [78].

По воспоминаниям Хрущева Н.С., в процессе подготовки заговора он предложил Молотову В.М. прежде всего освободить «Лаврентия» от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС, заместителя председателя Совета Министров и министра внутренних дел. На что Вячеслав Михайлович возразил, что этого недостаточно: «Берия очень опасен, поэтому я считаю, что надо, так сказать, идти на более крайние меры». Хрущев Н.С. согласился: «Может быть, задержать его для следствия? — Я говорил "задержать", потому что у нас прямых криминальных обвинений к нему не было» [81].

Поскольку в круг заговорщиков оказались втянутыми практически все высшие руководители и кто-то из них мог случайно проговориться о задуманном, то Хрущев Н.С. с ближайшими сотоварищами решили, что «надо форсировать события», иначе сведения могут дойти до Берия, и он тогда всех «просто может арестовать». Задержание «преступника» можно было произвести либо силами МВД, если заместители оказались бы готовыми выступить против своего министра (что в Истории частенько случалось), либо при помощи военных. Однако, как вспоминал Хрущев Н.С.: «Министерству внутренних дел мы не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, его люди». Про Круглова С.Н. Никита Сергеевич сказал, что он его «мало знал» и потому, то есть, иными словами, не сомневался,

что герой нашего повествования арестовывать Берию не станет. Другого замминистра, Серова И.А., с которым Хрущев Н.С. много лет работал на Украине, главный заговорщик считал «очень честным человеком», преданным партии. «Если что за ним и было, как за всеми чекистами», то он просто «стал жертвой политики, которую проводил Сталин» [81]. Иван Александрович способен был выполнить поставленную задачу, но ему могли и помешать товарищи по работе. Правда, в другом современном источнике говорится, что «оба, и Серов и Круглов, без колебаний перешли на сторону участников заговора против Берии» [76]. Замминистра Кобулов Б.З. сам находился под подозрением и впоследствии был арестован как соучастник «банды Берии». На заместителя министра Масленникова И.И. надежда действительно была плоха, поскольку в будущем, после проведенного с ним допроса о якобы имевшихся у Берия планах ввода в Москву войск МВД, Иван Иванович попросту застрелился [78].

Из числа военных выбор пал на заместителя командующего противовоздушной обороной (ПВО) Московского военного округа генерал-полковника Москаленко К.С., с которым Хрущев Н.С. в качестве члена Военного совета прошел по дорогам войны и которому вполне доверял. По воспоминаниям самого Москаленко К.С., впервые боевая задача была поставлена ему по телефону АТС Кремля Хрущевым Н.С. в 9 часов утра 25 июня 1953 года. Тогда секретарь ЦК предложил генералу собрать группу из «близких» ему людей, «преданных нашей партии», и, захватив с собой «сигары», как условно было названо оружие, прибыть в Кремль, в бывший кабинет Сталина, к Председателю Совета Министров Маленкову Г.М. Однако потом собранная и вооруженная Москаленко К.С. группа, в которую вошли офицер для особых поручений майор Юферов В.И., начальник штаба генерал-майор Баксов А.И., начальник Политуправления полковник Зуб И.Г., а также бывший начальник штаба ПВО (ставший к этому времени начальником штаба ВВС) генерал-майор Батицкий П.Ф., направилась на инструктаж к министру обороны маршалу Булганину Н.А. Поскольку для решения ответственной задачи группа оказалась маловата, ее «усилили» маршалом Жуковым Г.К., имевшим к Берия «давнюю неприязнь, перешедшую во вражду», и еще несколькими военными. На следующий день, 26 июня 1953 года, в 11 часов утра на машинах Булганина Н.А. и Жукова Г.К. все «захватчики» прибыли в Кремль и вслед за министром обороны прошли «в комнату ожидания при кабинете Маленкова». *«Через несколько минут,* — вспоминал Москаленко К.С., — *вышли к нам* (то есть в «комнату ожидания»)

Хрущев, Булганин, Маленков и Молотое. *Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит, с кем члены Президиума встречаются, грубит со всеми и т. д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по установленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. К этому времени он еще не прибыл*». Удивительно, что столь конфиденциальную на ту пору информацию члены правительства — заговорщики сообщили группе захвата в такой обстановке, когда, по словам того же мемуариста, *«в приемной все время находилось человек 15–17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица, охраняющие и прикрепленные. А больше всего это люди от Берии».* Представляете, в присутствии профессиональных охранников открыто говорилось о том, что их «хозяин» такой плохой человек и что его сейчас «будут брать», а они даже ухом не повели, и *«никто, конечно, не знал и не предугадывал, что сейчас произойдет, все беседовали на разные темы».* Вот шляпы! — Иначе не скажешь. Как Лаврентий Павлович набрал таких работников? В 13.00 последовал условный сигнал, и пять вооруженных человек плюс шестой, не вооруженный т. Жуков, «*быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Тов. Маленков объявил: "Именем советского закона арестовать Берию". Все обнажили оружие, я* (то есть Москаленко К.С. — *Ю. Б.*) *направил его прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха Председателя Совета Министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены остались проводить заседание, там же остался и Жуков. Все это произошло так неожиданно для Берии, что он полностью растерялся».* Потом заседание закончилось и *«все члены Президиума ЦК и Жуков»* спокойно уехали домой отдыхать. Только всего лишь пять человек группы захвата остались «с *глазу на глаз с Берией»* да еще столько же вспомогательных сил стояло снаружи у дверей. Остальным, видно, все это дело было, как говорят, до лампочки. Решили дожидаться темноты, *«чтобы вывезти Берию из Кремля незаметно».* Создается такое впечатление, что с ночным освещением в «сердце столицы» было неважнецки. *«Берия нервничал, пытался подходить к окну, несколько раз просился в уборную, мы все пять человек с обнаженным оружием сопровождали его туда и обратно».* Причем (в таком, прямо скажем, необычном составе) проходили мимо вооруженной охраны, *«которая всюду и везде стояла в военной форме и в*

штатском платье». Это, видимо, не очень нравилось генералу Москаленко, а потому, попив чайку, поскольку все проголодались, *«в ночь с 26 на 27 июня, примерно около 24 часов, с помощью Суханова (помощника Маленкова) я вызвал пять легковых машин ЗИС- 110 с правительственными сигналами и послал их в штаб Московского округа ПВО на улицу Кирова*». На этих машинах в Кремль без проверки прибыли *«30 вооруженных офицеров-коммунистов штаба округа»,* которые (без всяких помех взяли да и) заменили собой всю охрану внутри здания, где находился Берия. *«Окруженный охраной, Берия был выведен наружу и усажен в машину ЗИС-110 на среднее сиденье. Там же сели сопровождавшие его вооруженные Батицкий, Баксов, Зуб и Юферов. Сам я сел в эту машину спереди, рядом с шофером».* Вместе с еще одной машиной с охраной *«мы проехали без остановки через Спасские ворота и повезли Берию на гарнизонную гауптвахту города Москвы*» [81], которая находилась и находится на Новой Басманной улице.

Этот подробный рассказ дополнил маршал Жуков Г.К., вспоминая о том, как он участвовал в *«рискованной операции».* Только он, хотя и был у министра обороны Булганина Н.А., совершенно не представлял, зачем едет в Кремль. *«Вошли в зал, где обычно проходят заседания Президиума ЦК партии… В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берии не было. Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть, что мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его. Потом стал говорить Хрущев, Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки».* На заданный ему вопрос Жуков Г.К. ответил, что он сможет провести рискованную операцию по задержанию Берии. Маленков проинструктировал, как все будет происходить. По словам Жукова Г.К., «*арестовать личную охрану Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию».* Пока будет происходить заседание Президиума, *«я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату».* В первом часу дня раздался один звонок, затем второй.*«Я поднимаюсь первым… Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади, командую:*

— Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв эдак, встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел… Скользнул по бедрам, чтобы проверить, нет ли

пистолета. У нас на всех был только один пистолет. Второй взяли уже не помню у кого. Нам же не говорили, зачем вызывают в Кремль. Поэтому поехали невооруженными. Но и Берия, оказывается, не взял пистолета». И далее: *«Держали* (Берию. — *Ю. Б.*) *до 10 часов вечера, а потом на ЗИСе положили сзади, в ногах сиденья, укутали ковром и вывезли из Кремля… Вез его Москаленко, Берия был определен на гауптвахту, вернее, в тюрьму Московского военного округа. Там находился и во время следствия, и во время суда, там его и расстреляли»* [81]. Правда, другие воспоминания прославленного маршала (который, по словам Москаленко К.С., уехал домой сразу после завершения заседания Президиума ЦК) совсем по-иному описывают картину транспортировки «арестованного»: *«Чтобы при выезде из Кремля нас не проверяли, мы решили сесть в одну машину — всех нас охрана знала в лицо. Берию с кляпом во рту мы положили на пол задней кабины между ног Серова, Батицкого и Москаленко»*[76].

Приблизительно такую же картину ареста, но со своими нюансами нарисовал в «эпоху гласности», в 1988 году непосредственный участник акции политработник Зуб И.Г. Он поведал, что прибывшая в Кремль на двух машинах группа вооруженных военных проследовала в комнату отдыха рядом с бывшим кабинетом Сталина. Вскоре к ним вышли Маленков и Хрущев, которые поставили задачу: по звонку войти в кабинет и арестовать Берия. При этом Хрущев уточнил: *«Если операция провалится, вы окажетесь врагами народа».* (Такую важную деталь всем «захватчикам»-мемуаристам следовало бы крепко запомнить.) По сигналу все направились в кабинет *«Когда мы вошли, некоторые члены Президиума вскочили со своих мест, видимо, деталей осуществления ареста они не знали. Жуков тут же успокоил всех: "Спокойно, товарищи! Садитесь". Когда все успокоились, Маленков сказал: "Товарищи, я предлагаю еще раз рассмотреть вопрос о Берия". То есть до этого разговор уже был. Все согласились. Тогда Маленков продолжил: "Он такой аферист, так опасен, что может наделать, черт знает что. Поэтому я предлагаю арестовать его немедленно". Все проголосовали "за". Берия под пистолетами сидел неподвижно… После слов Маленкова Жуков скомандовал: "Встать! Следовать за нами!". Берия вывели в соседнюю комнату, где он находился под охраной до глубокой ночи, а потом был доставлен на гарнизонную гауптвахту»* [68].

К тем противоречиям, которые имеются в воспоминаниях главных исполнителей «рискованной операции», добавим рассказ совершенно стороннего человека — исполнявшего обязанности (на время отпуска штатного начальника) командира гвардейского зенитного артиллерийского полка подполковника Скороходова А.

Этот полк входил в систему ПВО Московского военного округа, а потому подчинялся заместителю командующего генерал-полковнику Москаленко К.С. Так вот, по свидетельству этого полевого командира, 20 июня 1953 года, как раз в то время, когда труба просигналила обед, его срочно вызвали на командный пункт к аппарату связи. *«Знакомый голос начальника штаба артиллерии округа полковника Гриба»* приказал срочно снарядить машину с 30 автоматчиками и тремя офицерами, выдать всем по полному боекомплекту и отправить в штаб округа (в Москву) с тем, чтобы они прибыли на место через два часа. Тут же поступил новый приказ: развернуть батареи на огневых позициях, действовать по плану боевой тревоги! *«Вой сирены привел в движение весь военный городок».* Но *«главный пост молчит, никаких донесений о появлении воздушных целей не передает».* Затем поступило новое приказание: объявить боевую тревогу и батареям, находившимся в лагере, на стрельбищах. В сложившейся обстановке командир решил вести свои войска на боевую позицию сам. *«Колонна трогается и почти сейчас же останавливается. По шоссе мимо нас стремительно проносится головной танк. "Тридцатьчетверка" на большой скорости идет в сторону Москвы, из глушителя вылетает черный дым, пушка и пулемет расчехлены… За ней движется большая колонна машин».* Наконец зенитчики получили возможность выехать на шоссе. Короткий путь к ближайшей позиции пролегал возле «таинственной дачи», мимо которой ездить запрещалось. Но в сложившейся обстановке командир решил рискнуть. *«Неожиданно метров через двести перед головной машиной как из-под земли появляются двое военных. Один — полковник в кителе с погонами МВД, другой — молоденький лейтенант в гимнастерке, тоже "малиновый", с автоматом на груди».* Полковник встал поперек дороги и потребовал, чтобы зенитчики немедленно возвращались в свои казармы. «*Я уполномочен от имени правительства передать войсковым частям — все приказания отменяются!»* — прокричал он. Но опытный армейский служака в ответ сообщил, что получил приказ от своего командира и будет его выполнять, *«пока он сам его не отменит»*. Несмотря на то что полковник *«свирепел от бешенства»,* колонна продолжила свой путь и прибыла на огневую позицию, где немедленно привела в боевую готовность всю технику. Установили связь с КП дивизии и округа. Оттуда поступила команда: *«На все огневые позиции батарей завезти по полному комплекту боеприпасов».* Полк подготовился к выполнению боевой задачи, но где же противник? *«По радио передают самые мирные известия — где-то убирают урожай, плавят сталь, играют в футбол, Клавдия Шульженко поет о*

любви. А мы заняли боевые позиции около Москвы…» В тягостном ожидании прошло три дня. Наконец *«с КП округа дают отбой, и все батареи, кроме дежурных, возвращаются в городок»* [81]. Автор очерка *«Как нас готовили на войну с Берией»* не указал точной даты снятия с боевого дежурства, но, по приведенным данным, это произошло, очевидно, 23 июня 1953 года. Значит, можно полагать, что тревожная обстановка по какой-то причине разрядилась именно к этому дню, а не 26 июня 1953 года, когда, если верить мемуаристам, произошел арест Берии. А может, было задумано сбить «по ошибке» самолет, на котором Берия Л.П. возвращался из Берлина?

Анализируя все эти нестыковки, исследователь Мухин Ю.И. пришел к выводу, что Берия Л.П. не был арестован на заседании Президиума ЦК. Его, скорее всего, обманным путем сразу после возвращения из Германии заманили на командный комплекс ПВО Московского округа, где и застрелили без всякого следствия и суда [78]. Кстати, в том, что Берия Л.П. действительно был убит, а не арестован, Хрущев Н.С. признался зарубежной (но не советской!) прессе: *«Мы стояли перед сложной, одинаково неприятной дилеммой,* — повествовал Никита Сергеевич иностранным собеседникам, — *держать Берия в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить смертный приговор в судебном порядке. Принять первое решение было опасно, ибо за Берия стоял весь аппарат чекистов и чекистские войска, и его легко могли освободить. Принять второе решение и немедленно расстрелять Берия у нас не было юридических оснований* (когда это «наш Никита Сергеевич» их соблюдал? — *Ю. Б.*). *После всестороннего обсуждения* (интересно, с кем это? — *Ю. Б.*)*минусов и плюсов обоих вариантов мы* (кто это, сколько вас? — *Ю. Б.*)*пришли к выводу: Берия надо немедленно расстрелять, поскольку из-за мертвого Берия бунтовать никто не станет».* Кто конкретно привел этот «приговор» в исполнение, не совсем ясно, но не вызывает сомнения, что содействовавших этому деянию следовало щедро наградить, о чем поговорим позднее. Оправдывая свои незаконные действия, Хрущев Н.С. подчеркивал: *«Наше дальнейшее расследование дела Берия полностью подтвердило, что мы правильно расстреляли его».* Верно по этому поводу было замечено, что, *«поскольку Хрущев пустил вход несколько версий о смерти Берия и каждая последующая разнится от предыдущей, трудно верить любой из них»* [78].

Почти через полстолетия в прессе появились и другие причины и версии убийства Берии. В 1997 году академик, лауреат Ленинской и трижды лауреат Государственной премии Кишкин

С.Т., чьи работы многие десятилетия были помечены грифом «Совершенно секретно», решил поделиться *«умопомрачительно интересными историями»* со знакомым ему корреспондентом Общей газеты «Мы» Григорием Цитриняком. Вот что, в частности, он рассказал. В 80-х годах прошлого столетия Сергей Тимофеевич лежал в глазном отделении Кремлевской больницы в одной палате с человеком, служившим в охране Сталина, которого он условно стал называть Чекистом. Так вот, однажды этот Чекист шел по улице и встретил своего приятеля, главного электронщика КГБ, у которого на груди светилась звезда Героя Советского Союза. (Странно, неужели в службе госбезопасности не учили сотрудников, в том числе главных, скромности, а тем более воздержанности от показухи и болтовни? — *Ю. Б.*) Естественным был вопрос, за что его наградили (и когда, хотелось бы спросить — *Ю. Б.*)? Разговорчивый приятель поведал вот какую историю.

«Вскоре после смерти Сталина его позвал Берия и сказал, что нужно повышать бдительность, а потому лично ему — персонально ему одному — поручает поставить подслушивающие аппараты (“жучки”) всем членам Политбюро и всем его, Берия, заместителям. Электронщик задание выполнил, после чего подкараулил момент, когда тот, кому он верил, — заместитель Берия Сергей Круглов — собирался сесть в машину, чтобы ехать на дачу.

— Товарищ Круглов, мне надо с вами серьезно поговорить.

— Что, не мог зайти в кабинет?

— Возьмите меня в машину, но в машине со мной не говорите.

Круглов почувствовал неладное:

— Садись.

Когда приехали на дачу, электронщик отвел Круглова в ближайший лесок и там рассказал о задании Берии.

— Что, — удивился Круглов, — и у меня “жучок”?

— Идемте, покажу, — и показал “жучки” и на даче, и в машине. — А еще есть у вас в служебном кабинете.

— Что — у Маленкова тоже?

— Я же и ставил.

— Поехали к Маленкову!

Приехали, и электронщик показал, где спрятаны подслушивающие устройства у Маленкова. После чего Круглов произнес фразу, которую мне передал Чекист:

— Товарищ Маленков, теперь я понимаю, почему Берия стягивает войска КГБ к Москве — явно готовит переворот.

Вот реальная первопричина ареста Берии: члены Политбюро поняли, что готовится переворот. Остальное опубликовано» [18].

Ирина Сергеевна Круглова говорила мне, что когда они

начали делать ремонт в своей квартире в Малом Каретном переулке, то были поражены, сколько же под обоями и штукатуркой находилось всяких проводов. Правда, эти работы выполнялись значительно позднее относительно описываемых событий.

Возвращаясь к рассказанному, можно заметить, что если внимательно посмотреть штатный состав МВД СССР на март 1953 года, то становится совершенно неясно, какие «войска КГБ» мог стягивать в ту пору к Москве министр Берия Л.П. В его распоряжении имелись лишь пограничные войска, которые от границ не уведешь, войска внутренней охраны (как их снять с конкретных объектов?), войска конвойной охраны (это сильные вояки!) да еще военные снабженцы и строители. Так что оперативных частей, вооруженных той мощной военной техникой, которая была в МВД перед войной, теперь в распоряжении министра внутренних дел не имелось. Конечно, штатная численность объединенного МВД по состоянию на 15 мая 1953 года была достаточно велика: в центральном аппарате имелось около 20 тысяч должностей (которые 2 июня 1953 года министр приказал сократить на 8704 единицы), а вместе с войсками (но без милиции) значились 1 095 678 человек [10]. Как заместитель председателя Совета Министров СССР Берия Л.П. Министерства обороны, а следовательно, и всех вооруженных сил, не курировал. Правда, в распоряжении Лаврентия Павловича имелись два спецподразделения, которые начали создаваться еще при Сталине И.В. как «наступательные силы» контрразведки и внешней разведки. Это были в 1-м главном управлении 11-й отдел, предназначенный для розыска вражеских агентов-парашютистов, и 9-й отдел, созданный для активных действий в зарубежных странах, о которых говорилось в предыдущей главе. Для государственных переворотов эти силы действительно очень подходили. Но «стягивать» их куда-то совершенно не требовалось. Наоборот, до поры до времени они должны были сидеть тихо, незаметно и начинать активно действовать только после получения соответствующей команды. Какую роль сыграло одно из этих подразделений в судьбе Берии, мы сейчас расскажем на основании еще одной современной публикации в информационно-справочном издании «Неделя» [82].

Вот что спустя почти полвека рассказал корреспонденту Сергею Горяинову доктор технических наук А. Веденин. В самом конце 1952 года его, студента выпускного курса физфака, вызвали в партком института, где он встретился с сотрудником госбезопасности. Представитель МГБ заявил, что внимательно изучил личное дело выпускника и предложил ему сотрудничать с

компетентными органами, поскольку молодой человек как член партии и бывший офицер полковой разведки, имевший боевой опыт, награды и ранения, полностью соответствовал требованиям, *«предъявляемым к людям, отбираемым во вновь формируемое специальное подразделение»*. Отказываться не имело смысла, и потому А. Веденин *«согласился»* на сделанное ему предложение, в связи с чем уже *«через несколько дней оказался на одной из тренировочных баз в Подмосковье»*. В группу набрали 18 бывших боевых офицеров самых разных воинских специальностей, обучавшихся сейчас в различных московских вузах. О задачах, поставленных перед подразделением, ничего сказано не было, сообщили только, что все отобранные находились теперь *«в непосредственном подчинении высшего руководства госбезопасности»*. Несколько месяцев было посвящено обучению по интенсивному и многоплановому курсу — *«от наружного наблюдения до радиодела и криптографии»*. Масса времени уделялась изучению обстановки на Западной Украине с несколькими командировками в Киев и Львов, смысл которых *«был совершенно неясен»*. К марту 1953 года в группе остались 12 человек, но куда перевели остальных, сообщено не было. В первых числах июня 1953 года на базу приехал заместитель министра Круглов. *«Он был в генеральской форме, в сопровождении двух человек в штатском. Круглов с ходу, без всяких предисловий, заявил, что Берия готовит антиправительственный переворот и необходимо его остановить и что нашему подразделению отводится ключевая роль в этом деле. Впечатление от его слов было шоковое. После смерти Сталина Берия был вновь назначен министром, причем сохранил за собой пост заместителя председателя Совмина, авторитет его в органах был очень высок, и он только что приступил к глубокой реорганизации всей системы госбезопасности. Нам было ясно, что после слов Круглова мы оказались в положении заложников, даже, пожалуй, смертников. Предположение о возможной провокации было, очевидно, несостоятельным»*. Начиная с этого дня в группу стали поступать агентурные материалы на Берия и его ближайшее окружение. Эти досье привозил *«человек Круглова»,* представившийся Николаем Коротко, который обычно бывал в штатском, *«но однажды приехал в форме подполковника МГБ»*. Группа досконально изучила *«все особенности поведения, маршруты, расположение комнат в особняке на улице Качалова, состав охраны Берия»*. Было разработано несколько сценариев ликвидации.

26 июня 1953 года примерно в 6 часов утра поступила команда на проведение операции. Вначале предполагалось, что будет использован вариант *«автокатастрофа»,* но к 8 часам был

принят к исполнению вариант *«особняк». «К 10 часам на трех “Победах”мы приехали к дому Берия на Качалова, 28. Группой руководил Коротко. Круглов позвонил Берия по ВЧ и договорился, что Коротко привезет секретные документы и будет с охраной из трех человек. На этот час нам было уже известно, что кроме самого Берия в особняке было четыре человека. Коротко и трое “сопровождающих” из нашей группы были беспрепятственно пропущены внутрь здания, остальные заняли оговоренные схемой операции позиции у фасада и во внутреннем дворе. Спустя две или три минуты раздалось несколько выстрелов — я слышал пять, может быть, шесть. Я находился рядом с окнами кабинета Берия, выходящими во двор. Две пули, пущенные изнутри кабинета, разбили стекла второго окна от угла здания, Через несколько минут Коротко вышел наружу и скомандовал — всех в дом. Убитых было трое: два охранника и сам Берия, у нас потерь не было, сказались подготовка и неожиданность акции. В течение последующего часа мы собрали все документы, какие только смогли найти в доме, их было довольно много. Потом к дому подошло какое-то армейское подразделение. Все документы из дома Берия увез Коротко, а мы вернулись на подмосковную базу»* [82].

Факт убийства своего отца в особняке подтвердил и Серго Берия в написанной им книге [83].

Однако опять же не все здесь «однозначно», как теперь модно говорить. Известно, что «27 *июня 1953 года, в субботу*», то есть на следующий день после убийства или ареста Берии, Круглов С.Н. и Серов И.А. вместе *«прибыли на гарнизонную гауптвахту Москвы* (улица Новая Басманная. — *Ю. Б.*) *и потребовали доставить им Берию»,* мотивируя это тем, что они «*имели поручение Хрущева* (в другом источнике [81] *«и Маленкова». — Ю. Б.*)*участвовать в проведении следствия по его делу»* [76]. Если Круглов сутки назад организовал убийство Берии, то какой смысл было ему теперь, говоря по-русски, «ваньку валять»? Другое дело Серов, который, по словам Жукова Г.К., якобы в кабине машины «ЗИС-110» почти верхом сидел на арестованном Берия. Но предоставим слово одному из «главных исполнителей акции» генерал-полковнику Москаленко К.С., который как раз в это время вместе *«с тт. Батицким, Гетманом и другими товарищами»* находился в канцелярии гауптвахты: *«Я почувствовал себя неудобно, так как обвинялся их начальник — и вдруг его заместители будут вести следствие. Тогда я потребовал, чтобы на допросе присутствовали вместе со мной т. Батицкий и т. Гетман. Серов и Круглов категорически и наотрез отказались от такого предложения. Долго мы спорили и ни к чему не пришли. Я позвонил в ЦК Маленкову. Никого не оказалось. Мне ответили, что все члены*

Президиума ЦК находятся в Большом театре на премьере. (Это был отвлекающий маневр, служивший для того, чтобы успокоить общественность, которая пока что ни о чем не знала, хотя слухи уже появились. — *Ю. Б.*) *Позвонил я туда и попросил к аппарату Маленкова или Хрущева. Подошел первый и, когда я доложил, в чем дело, он, посоветовавшись с другими товарищами, сказал мне: приезжайте все трое сюда, в театр. Во время антракта в особой комнате Большого театра собрался весь состав Президиума ЦК. Серов и Круглов доложили, что я и мои товарищи неправильно обращаемся с Берией, порядок содержания его неверный, что я не хочу сам с ними вести следствие и т. д. Дали слово мне. Я сказал: я не юрист и не чекист, как правильно и как неправильно обращаться с Берией, я не знаю. Я воин и коммунист. Вы мне сказали, что Берия враг нашей партии и народа. Поэтому все мы, в том числе и я, относимся к нему, как к врагу. Но мы ничего плохого к нему не допускаем. Если я в чем и не прав, подскажите, и я исправлю. Выступили Маленков и Хрущев и сказали, что действия т. Москаленко правильны, Президиум их одобряет, и тут же сказали, что следствие будет вести вновь назначенный Генеральный прокурор т. Руденко Р.А. в присутствии Москаленко. После этого Серов и Круглов вышли…»,* интересно, с каким чувством? Складывается впечатление, что два эмвэдэвских генерал-полковника влезли в дело, о котором имели весьма слабое представление, но хотели в данном вопросе хоть как-то сориентироваться и что-то предпринять для своего непосредственного начальника. Однако невзначай собравшиеся в особой комнате Большого театра члены Президиума ЦК попросту попросили их выйти вон. И что же было дальше? Москаленко К. С. так продолжил оборванную нами фразу его воспоминаний: *«…а мне предложили сесть… за стол и выпить рюмку вина за хорошую, успешную и, как сказал Маленков, чистую работу»* [81]. Если Круглову и Серову заговорщики даже по рюмке не налили, а за их спиной отметили между собой это *«хорошее дело»,* то, значит, *«заместители Берии»,* как их назвал Москаленко К.С., не входили в круг лиц, посвященных в какие-либо варианты *«рискованной операции».* Вообще ситуация весьма любопытная: коварный и крайне опасный главарь «банды» сидит на гауптвахте, его подельники еще не выявлены и не арестованы, а высшие руководители страны, над которыми нависает (или нависала?) страшная угроза, спокойно слушают оперу и попивают себе крепкие напитки. Их не насторожило даже то, что представители МВД (а сподвижники Берии, «как оказалось», находились именно в этой среде!) стали предпринимать какие-то действия, чтобы выйти на контакт со своим шефом. Правда, ответственный за

«охраняемого» Москаленко К.С. все-таки обеспокоился: *«После возвращения из Большого театра для большей надежности мы перевели Берию во двор штаба МВО* (улица Осипенко, ныне Садовническая, 29. — *Ю. Б.*), *в бункер, заглубленный в земле, сделанный как временный командный пункт штаба округа»* [81].

Пребывание Берия Л.П. на гарнизонной гауптвахте, а затем в штабе Московского военного округа и здесь же в бункере командного пункта подтвердил через 40 с лишним лет комендант штаба ПВО майор Хижняк М.Г., который с 27 июня и до дня расстрела «врага народа» 23 декабря 1953 года был приставлен к арестованному в качестве персонального охранника и «обслуги». Первое впечатление о своем «подшефном» майор изложил так: *«Он сидел на кровати, упитанный такой мужчина, холеный, в пенсне. Почти нет морщин, взгляд жесткий и сердитый. Рост примерно 160–170 см. Одет в костюм серого цвета, поношенный…»* В этот день Берия, отказавшись от еды, потребовал бумагу и карандаш. В архиве сохранились четыре рукописных письма «соратникам», которые Лаврентий Павлович успел написать, пока его не лишили такой возможности. После исходного неприятного эксцесса, когда Берия вылил суп на своего «кормильца», в дальнейшем между ними *«установились удовлетворительные отношения, основанные на взаимной симпатии»* [68].

Современные историки, с которыми мне случается общаться в ходе моей работы над книгой и на ежегодных конференциях «Исторические чтения на Лубянке», склонны считать, что Берия Л.П. был все-таки арестован, а затем расстрелян.

Впрочем, вскрытие всех «натяжек» как в случае смерти Сталина И.В., так и в истории с «арестом» Берия Л.П., не входит в наши нынешние планы. Автора сейчас интересует только поведение героя повествования в описанных ситуациях. По моему мнению, несмотря на приведенные воспоминания очевидцев, невозможно признать прямую причастность Круглова С.Н. к устранению Берия Л.П. от власти и к его «аресту». Оставив в стороне этот вопрос, вернемся к основной канве повествования.

Итак, не ожидая приговора суда, 26 июня 1953 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ за подписью Ворошилова К.Е., которым Берию лишили полномочий депутата Верховного Совета, сняли с должности первого заместителя Предсовмина СССР и министра внутренних дел СССР, лишили всех званий и наград, а дело о его «преступных действиях» предписали передать на рассмотрение Верховного Суда СССР. Другим указом от этого же числа министром внутренних дел СССР назначили Круглова С.Н., а Серов И.А. (постановлением

Совмина СССР от 1 июля 1953 года) стал его первым заместителем [10]. Несмотря на то что оба бывших «заместителя Берии» долгие годы работали с Лаврентием Павловичем (в «Особой папке Л.П. Берия» фамилия Круглова по частоте упоминания занимала первое место), заговорщики не причислили их к стану «бериевцев». Но в любой момент все могло измениться к худшему, стоило только совершить один неверный шаг. Поэтому для «старых эмвэдэвцев» единственный выход виделся в том, чтобы полностью подчиниться той «политике партии и правительства», которая стала проводиться «соратниками», на время «тесно сплотившимися» после июньского (1953 года) переворота.

Отныне «под чутким руководством» ЦК КПСС в МВД наступила пора серьезных кадровых преобразований, принцип которых был прост: уволить тех, кто раньше был арестован по делу Абакумова, а при Берии оказался восстановленным на службе в органах внутренних дел. С другой стороны, возвратить «игнатьевские кадры», уволенные с работы весной 1953 года. Кроме того, следовало произвести аресты лиц, причисленных к «банде Берии». Первым делом, чтобы обезопасить от всяких неприятностей компанию заговорщиков, 27 июня 1953 года начальником 9 управления (охрана правительства) был назначен Лунев К.Ф., являвшийся до этого заведующим отделом административных органов Московского комитета КПСС. Прежний руководитель этого управления генерал-лейтенант Кузьмичев С.Ф. был арестован. Первым заместителем министра внутренних дел назначили Шаталина Н.Н., который при этом по-прежнему оставался в ранге секретаря ЦК КПСС. На новой работе представитель ЦК партии пробыл недолго: только принял участие в приеме-передаче дел по МВД министру Круглову С.Н., провел обыски и изъятия в кабинете и сейфах Берии и побывал в ранге первого зама на партийных мероприятиях. К ранее командовавшему войсковыми подразделениями МВД заместителю министра генералу армии Масленникову И.И. постановлением Совмина СССР от 8 июля 1953 года добавился в качестве замминистра еще один армейский генерал-лейтенант, Переверткин С.Н., ранее являвшийся заместителем начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск Министерства обороны. Секретариат МВД СССР вновь возглавил полковник Воронков С.П. [10].

Для увеличения «партийной прослойки» постановлением Совета Министров СССР от 8 июля 1953 года членом Коллегии и начальником 3-го управления (контрразведка в СА и ВМФ) МВД СССР был назначен генерал-лейтенант Леонов Д.С., входивший

ранее в Военный совет Ленинградского военного округа. На следующий день членом Коллегии и начальником Управления кадров МВД СССР стал Петушков В.П., заведовавший до этого Сектором административных органов ЦК КПСС. Из «старых кадров» остался генерал-лейтенант Харитонов Ф.П., бывший начальником Специального главного управления «Главспеццветмет» золотоплатиновой промышленности, которого теперь утвердили членом Коллегии и начальником 4-го (секретно-политического) управления МВД СССР. Также членом Коллегии и начальником 2-го управления (разведка за границей) МВД СССР был назначен Панюшкин А.С., бывший ранее послом в США и Китае, а последнее время являвшийся председателем комиссии по выездам при ЦК КПСС. Произошел ряд и других назначений [10].

Одновременно производились аресты участников «банды Берии». 26 июня 1953 года в Германии был задержан начальник 3-го управления МВД Гоглидзе С.А. В Москве аресту подверглись первый заместитель министра внутренних дел Кобулов Б.З. и начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Влодзимирский Л.Е. На аэродроме у трапа самолета был взят под стражу прибывший в столицу министр внутренних дел Грузинской ССР Деканозов В.Г. В Киеве за решеткой оказался министр внутренних дел Украинской ССР Мешик П.Я. Несколько позднее был арестован бывший министр государственной безопасности Меркулов В.Н., в последнее время работавший министром государственного контроля СССР [81].

Но самым главным для верховных правителей страны являлось оправдание в глазах советского народа тех репрессивных мер, которые были предприняты в связи со свержением Берия и других руководителей государственного аппарата. Для начала по Москве был пущен слух о том, что Берия якобы намеревался во время премьеры оперы «Декабристы» в Большом театре (о которой упоминалось выше) арестовать всех членов партии и правительства и таким путем прийти к единоличной власти. Сообщение о том, что Берия Л.П. снят со всех постов и арестован, появилось в центральных газетах только 29 июня 1953 года. В разделе хроники доводилось до сведения общественности, что министром внутренних дел СССР назначен Круглов С.Н. Для того чтобы всесторонне «заклеймить позором» нового «врага народа», со 2 по 7 июля 1953 года был проведен Пленум ЦК КПСС, на котором обсуждался вопрос «О *преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия».* Сама формулировка темы заседания говорила о том, что в отношении *«подлого предателя дела социализма»* в выражениях можно было

не стесняться, взваливая на него всю вину за имевшиеся в стране трудности и восхваляя как никогда тесно сплоченных соратников, демонстрируя тем самым свою лояльность верховной партийной власти.

Первым выступил Маленков Г.М., суть обвинений которого сводилась к следующему. Берия «*развил активную деятельность, чтобы поставить МВД над партией и правительством*». Берия «*взял на себя управление охраны членов Президиума ЦК для контроля за ними*» (как же он тогда заговор против себя просмотрел? — *Ю. Б.*). Берия через МВД (у которого имелась хорошая агентурная сеть) пытался урегулировать отношения с Югославией. Предложения по Германии, наработанные Берией, хотя и были приняты на заседании Президиума три недели назад, но вызвали недовольство Молотова и Хрущева. В вину Берия была поставлена и амнистия, начатая по его инициативе в конце марта 1953 года, поскольку «*вместо бытовиков на свободу вышли рецидивисты*». Недовольство было высказано и в отношении руководства Берия *«атомным» проектом*, так как он в этом вопросе «*обособился и стал действовать, игнорируя правительство*». Берия еще при жизни Сталина сеял семена недоверия в отношении многих видных руководящих деятелей партии. По поводу того, *«почему ЦК раньше не принял мер в отношении Берия»,* докладчик сказал, что *«надо было разгадать и разглядеть Берия во всей его красе. Надо было всем увидеть его как нарушителя и подрывника единства нашего ЦК. Надо было сплотиться, чтобы единодушно решить вопрос о Берии».*

Одним из основных аспектов выступления Хрущева Н.С. явилось обвинение Берия в попытках проведения разделения между партийной и государственной властью, при котором влияние партии ограничивалось только кадровыми вопросами. Отсюда следовал не совсем логичный вывод о том, что Берия вообще хотел уничтожить партию. Плодотворным (на десятилетия вперед!) оказалось стремление Хрущева Н.С. списать на одного Берия все репрессии, все преступления режима, сделать его главным и практически единственным «козлом отпущения». В изображении нового политического вождя Берия оказался виновным почти во всех проблемах СССР — от внешней политики до состояния сельского хозяйства. А уж в эпитетах Никита Сергеевич в своей речи отнюдь не скупился, называя Берию *«прохвостом», «провокатором», «агентом империализма», «умным, хитрым и вероломным»*, открывая тем самым возможность и другим выступавшим пофантазировать в данном вопросе [64].

Всего на этом Пленуме готовились выступить 46 членов Президиума и ЦК, секретарей республиканских компартий и

областных комитетов, из которых слово предоставили 24 записавшимся. Выделим из этих речей выступления лишь тех, кто имел отношение к Наркомату — Министерству внутренних дел. Начальник Первого Главного управления Спекомитета по созданию атомного оружия, являвшийся в 1941–1951 годах заместителем наркома — министра внутренних дел, Завенягин А.П. сказал:

Мне кажется, в оценках Берия, как работника, имеется преувеличение его положительных качеств. Всем известно, что он человек бесцеремонный и как таковой нажимистый, не считался ни с кем, легко мог продвинуть любое дело. Это качество было. Но с точки зрения того, чтобы понять вопрос, вникнуть в суть дела — я бы сказал, туповатый был человек. Без лести членам Президиума могу сказать, что любой член Президиума ЦК гораздо быстрее и глубже разбирался в вопросах и мог разобраться, чем Берия. По своей тупости он не мог вникнуть в дело. Когда мы занимались каким-либо вопросом, он говорил: бросьте вы к черту заниматься этим делом, вы организаторы. Как работу можно организовывать, не разобравшись в сути?

По словам Завенягина А.П., *«подлец Берия»* позволил себе решать вопрос об испытании атомной бомбы помимо Центрального Комитета. Главным его качеством являлось *«презрение к людям», «он презирал весь советский народ, презирал партию, презирал руководителей партии».* Он считал *«членов Президиума ЦК за простаков»,* а на деле сам оказался *«простаком, слепым бараном».* Берия являлся *«отчаянным бюрократом»,* зажимщиком ценных инициатив у подчиненных работников: *«Чтобы какое-либо наше предложение получило поддержку, надо было поставить вопрос так, что оно вносится по поручению Берии».* А еще *«была у него замашка после смерти товарища Сталина вести игру в экономию»,* мол, деньги надо не только на атомную бомбу тратить, но и *«промышленность развивать, культуру, сельскому хозяйству помогать».* В этот момент Маленков Г.М. подал реплику, что *«вы там деньги расходовали без всякого контроля»,* теперь придется за этим следить. Завенягин А.П. со сделанным замечанием согласился и, еще поругав Берия за его позиции по ГДР и национальному вопросу, в заключение своей речи произнес: *«Нет сомнения в том, что Центральный Комитет, освободившись от этого прохвоста, поведет нашу партию и государство к новым успехам»* [66, 68].

Восстановленный в должности министра внутренних дел Круглов С.Н. в своем достаточно кратком выступлении назвал

Берия *«врагом нашего государства», «проходимцем», «авантюристом»* и «*опасной гадиной».* Люди, работавшие с Берия, чувствовали на себе *«хамство, наглость, грубость, унижение всякого человеческого достоинства».* С профессиональной точки зрения Берия развалил прежний аппарат МВД, набрал начальниками управлений людей, которые были из органов уволены: братьев Кобуловых, Деканозова, Судоплатова, Эйтингона. Отозвал из-за границы 200 резидентов советской разведки, чем полностью развалил всю разведывательную сеть. Без ведома Президиума ЦК создал подразделения для ведения активных действий в стране и за рубежом [68].

Новый партийный заместитель министра внутренних дел и секретарь ЦК Шаталин Н.Н. поделился с участниками пленума, какие материалы были изъяты из кабинета и сейфов Берии. Помимо документов Спецкомитета были обнаружены *«дамские вещи»,* перечень которых выступавший огласил с высокой трибуны. К тому же в кабинете были обнаружены многочисленные письма от женщин *«интимно-пошлого характера»,* а также большое количество *«предметов мужчины-развратника».* В завершение своей речи выступавший сказал: *«Вот, товарищи, истинное лицо этого, так сказать, претендента в вожди советского народа. И эта грязная моська осмелилась соперничать с нашей партией, с нашим ЦК».* Далее была высказана твердая уверенность в сплоченности рядов партии и дальнейших успехах страны в выполнении заветов, данных Лениным и Сталиным [68].

10 июля 1953 года все газеты опубликовали информационное сообщение о «*состоявшемся на днях*» Пленуме ЦК КПСС, на котором было принято решение за преступные антипартийные и антигосударственные действия, направленные на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившиеся в попытках поставить МВД СССР над правительством и КПСС, *«вывести Л.П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов КПСС, как врага Коммунистической партии и советского народа*». После завершения столичного партийного форума по всей стране прокатилась волна партийных мероприятий, нацеленных на укоренении в сознании советских людей бесспорного постулата о том, что во всех наших бедах, репрессиях, произволе и неудачах виноват был единственный вражеский агент Берия, так хитро маскировавшийся до недавнего времени [1].

В период с 11 по 18 июля 1953 года в центральном аппарате МВД проходили партийные собрания по обсуждению материалов Пленума ЦК КПСС, на которых выступили более 1600

сотрудников министерства. На большинстве собраний присутствовали министр внутренних дел Круглов С.Н. и его первый заместитель и секретарь ЦК Шаталин Н.Н. Конечно, «чекисты» обладали такой информацией, о которой простые люди даже не догадывались. Но в сложившейся обстановке выступавшие предпочитали говорить о том, что было приемлемо для политического руководства страны. В центре внимания оказалось «*дело врачей*», по которому коммунисты заявили, что следствие было прекращено незаконно. Созданная по указанию Берия комиссия не приняла во внимание ряд доказательств вражеской деятельности и террористических высказываний *«этих врагов»*. Вносилось предложение о пересмотре ранее принятого решения об освобождении и возвращении на работу врачей Лечсанупра Кремля. Среди сотрудников аппарата МВД нашлось много противников прекращения еврейских процессов и оправдания действий еврейских националистов какой-то общей обстановкой, якобы созданной в стране. Основная вина Берия, по мнению выступавших, состояла в том, что он стремился изменить прежний курс, принятый в последние годы жизни Сталина. Берия упрекали в том, что он прекратил расследование по обвинению ближайшего окружения вождя в сотрудничестве с британской разведкой, а это касалось постоянной утечки за рубеж сведений о работе Политбюро и решений пленумов ЦК. Еще один пример *«вражеской деятельности»* бывшего министра внутренних дел состоял в том, что *«агентурно-оперативная работа в области сельского хозяйства как в центре, так и на местах официально была прекращена»*. Теперь стало ясно, что *«это был очередной враждебный замысел Берия, способствовавший подрыву колхозного строя»*. В целом сотрудники МВД увидели в снятии и аресте Берия возвращение к прежним порядкам и одобрили этот поворот [64].

13 июля 1953 года министр внутренних дел Круглов С.Н. представил Маленкову Г.М. весьма подробную докладную записку о разговорах, которые велись в Москве вокруг ареста Берия. В ней зафиксированы высказывания слесарей и шоферов, писателей и ученых, крупных организаторов промышленности и конструкторов оборонных предприятий, врачей и юристов, деятелей искусства и военных о произошедшем неординарном событии. Общим являлось то, что Берия вызывал ненависть у всех. Ни у одного из говоривших не нашлось слова в его защиту, хотя, если бы такие взгляды были, они непременно попали бы на страницы данного документа. В этих высказываниях имелись и рассуждения о массовой поддержке решений партии и правительства по *«искоренению»* Берии, *«подлого врага»,* и

сетования, что *«поневоле у нас будет много шпионов, если почти все время у руководства Министерства внутренних дел стояли враги народа — Ягода, Ежов, Берия».* Заметное место в докладной занимали высказанные людьми похвалы в адрес Маленкова. Но имелись и неординарные оценки. Так, известному актеру Смирнову-Сокольскому Н.П. принадлежало такое определение ситуации:

Берия в тюрьме. Кто следующий? Я убежден, что будут следующие. Как ни сильна машина, а развал начался. Скандал большой и гнусный. Теперь будем ждать и наблюдать, что дальше, чей черед.

Его коллега Набатов И.С. высказался еще откровеннее:

От смены руководства режим у нас не меняется. Он был и есть, по существу, полицейский. Я не верю ни в какие идейные мотивы в поступках не только Берия, но и других. Это откровенная борьба за власть. По- моему, дележка власти только началась. Так или иначе, крах этой структуры рано или поздно неизбежен [64].

В процессе проходивших в стране партийных разборок крепко досталось и моему отцу, которому приклеили ярлыки *«бериевца»* и *«врага народа».* В городе на Неве объединенный пленум Ленинградского областного и городского комитетов партии совместно с партийным активом состоялся в Таврическом дворце. Участники пленума «с *огромным вниманием»* выслушали доклад первого секретаря обкома Андрианова В.М., которому представилась сейчас уникальная возможность посчитаться со своими противниками. *«Бурными аплодисментами, выражавшими единую волю Ленинградской партийной организации»,* все присутствовавшие встретили постановление Пленума ЦК КПСС и *«полностью одобрили, как единственно правильные, своевременные и решительные меры»,* предпринятые Президиумом ЦК для ликвидации *«антипартийной и антигосударственной деятельности Берия».* Поскольку в качестве одного из злостных деяний этого *«двурушника»,* чьи портреты едва успели снять со стен в кабинетах, указывалось стремление Берии поставить органы *внутренних* дел над партией и ее Центральным Комитетом, то, переходя от общесоюзных проблем к ленинградским вопросам, первый секретарь обкома высказал «*беспощадную критику»* в адрес *«бериевского назначенца, начальника областного управления внутренних дел Богданова*

Н.К.». Затем возможность погрома неугодного руководителя была предоставлена всем желающим (и заранее подготовленным). На моего отца на этом и последующих партийных форумах посыпались обвинения со всех сторон. Теперь в вину ему в качестве *«антипартийной работы на практике»* ставились все те служебные вопросы, которые он успел решить за несколько месяцев работы в Ленинграде. Откровенная травля начальника областного УВД с целью его дискредитации и снятия с должности шла по всем возможным направлениям. В отдел административных, торговых и финансовых органов ЦК КПСС из Ленинградского обкома партии направили материалы, в которых излагались факты, обвинявшие тов. Богданова *«в непартийном поведении»*. Отцу пришлось обратиться с письмом лично к секретарю ЦК Хрущеву Н.С. с просьбой *«поручить разобраться в этом деле и, если возможно, урегулировать взаимоотношения»*. Никита Сергеевич решил помочь в разрешении возникшей проблемы, но вовсе не потому, что «ценил» Богданова Н.К.: ему нужно было убрать из Ленинграда Андрианова В.М., дискредитировавшего себя проведением репрессий по «ленинградскому делу». В августе 1953 года Хрущев Н.С. сам приехал в город на Неве и провел заседание пленума обкома и горкома партии. «Под дудку» главного партийного руководителя все обвинения с начальника управления Богданова Н.К. мгновенно слетели, и он был избран членом бюро Ленинградского обкома КПСС. Через месяц на очередном пленуме обкома и горкома Андрианов В.М. был снят с должности первого секретаря и отправлен в Москву на административную (а не на партийную) работу [1].

После проведения партийных мероприятий по разгрому *«банды Берии»* кадровые перестановки в МВД продолжились. Шаталин Н.Н. с должности первого заместителя министра внутренних дел вернулся на свою работу в ЦК, а вместо него на этот пост был перемещен Лунев К.Ф. Охрану правительства поручили отныне Устинову В.И., которого с должности первого секретаря Пролетарского райкома КПСС назначили начальником 9 управления МВД СССР. Распоряжением от 30 июля 1953 года обязанности между министром и его заместителями распределились теперь следующим образом. Министр внутренних дел генерал-полковник Круглов С.Н. наблюдал за работой Управления кадров, 1-го главного управления (контрразведка), 8 управления (шифровальное), Следственной части по особо важным делам, Центрального административного управления (ЦАУ), Главного управления геодезии и картографии (ГУГК), Контрольной инспекции по проверке исполнения приказов

министра, Планового и Финансового отделов, Главной бухгалтерии, секретариатов министерства и Особого совещания. Первый заместитель министра генерал- полковник Серов И.А. курировал 2-й (разведка за границей), 3-й (контрразведка в СА и ВМФ), 6 (контрразведка на транспорте), 7 (наружное наблюдение, обыски, аресты) и Тюремное управления; 1 (учетно-архивный), 3-й (изготовление документов), 4-й (радиоконтрразведка), 5- й (изготовление средств опертехники) специальные отделы (с/о); Отдел «С» (спецсвязь) и Комендатуру МВД СССР. Под контролем «партийного» первого заместителя министра Лунева К.Ф. оказались 4-й (секретно-политическое), 5-й (экономическое), 9-й (охрана правительства), 10-й (Управление коменданта Московского Кремля) управления; 2 (техника секретного подслушивания), 6-й (цензура), 7-й (Гохран) специальные отделы (с/о) и Отдел «П» (спецпоселения). Заместитель министра генерал армии Масленников И.И. отвечал за работу главных управлений милиции (ГУМ) и пожарной охраны (ГУПО); управления военного снабжения (УВС) и службы местной противовоздушной обороны (УСМПВО); управлений военного строительства (УВС), хозяйственного (ХОЗУ) и учебных заведений (УУЗ); Отделов по контролю и инспектированию военизированной охраны (ВОХР) и перевозок. «Войсковой» заместитель министра генерал-лейтенант Переверткин С.Н. руководил Главными управлениями пограничных войск (ГУПВ) и внутренней охраны (ГУВО); Управлением конвойной охраны (УКО); отделами «М» (мобилизационным) и фельдсвязи (ОФС) [10]. По сравнению с той структурой МВД СССР, которая была сформирована при Берия Л.П. в марте 1953 года, пока что никаких изменений не произошло. Единственно, вместо трех первых заместителей министра стало теперь два. Однако сменились основные сферы деятельности руководства: министр Круглов С.Н. помимо остальных забот отныне стал отвечать за контрразведку, усилия первого зама Серова И.А. сосредоточились на внешней разведке, первый зам Лунев КФ. оберегал «партию и правительство» да подслушивал телефонные и иные переговоры, генерал армии Масленников И.И. стал «главным милиционером», зам Переверткин С.Н. переквалифицировался в пограничника, охранника и «почтальона». Первое преобразование в структуре МВД СССР произошло 1 сентября 1953 года, когда в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР было упразднено Особое совещание при министре внутренних дел. Все жалобы и заявления осужденных ранее этим органом теперь должна была рассматривать Прокуратура СССР «с предварительным заключением по этим делам МВД СССР» [37]. Кроме этого, 8

октября 1953 года из состава МВД было выделено Главное управление по охране государственной тайны в печати (Главлит), которое стало самостоятельным главком при Совете Министров СССР [11].

В период кадровых преобразований в МВД помимо упоминавшихся выше были сняты с работы и арестованы начальник секретно-политического управления Сазыкин Н.С. и его сотрудники Свердлов, Литкенс, Бендерский, Бринд. Лишились своих должностей и были отправлены за решетку начальник Контрольной инспекции при министре Райхман Л.Ф., его заместитель Кобулов А.З. и помощник Шлюгер. За ними последовали руководители отдела по выполнению специальных заданий Судоплатов П.А. и Эйтингон Н.И. Уволен и арестован был начальник 2-го спецбюро Карасев Н.А., который по указанию Берия организовывал подслушивание и запись разговоров руководителей партии и правительства. Как мы видели чуть выше, «прослушка» на этом не прекратилась, просто вся конфиденциальная информация через первого зама Лунева К.Ф. стала теперь направляться прямо в ЦК КПСС Хрущеву Н.С. Помимо центрального аппарата «чистка» органов внутренних дел прошла на уровне республик, краев и областей страны. Заменены были министры внутренних дел Украинской и Белорусской ССР, а также начальники ряда областных управления этих республик. Новых министров назначили в Эстонской, Азербайджанской, Грузинской союзных республиках, Абхазской, Аджарской и Дагестанской автономных республиках. Из аппарата МВД Грузии была уволена *«большая группа приближенных и родственников Берия, Кобулова, Гоглидзе, Мамулова»*. В Российской Федерации заменили начальников управлений внутренних дел в Куйбышевской, Ростовской, Свердловской, Владимирской областях, министров внутренних дел Удмурдской и Татарской АССР.

О приведенных выше результатах деятельности *«по укреплению кадров Центрального аппарата и периферийных органов МВД»* 22 августа 1953 года министр внутренних дел Круглов С.Н. и его первые заместители Серов И.А. и Лунев К.Ф. направили в Президиум ЦК Маленкову Г.М. и Хрущеву Н.С. докладную записку. В документе отмечалось, что главное внимание в этой работе, проводившейся совместно с Отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС, было сосредоточено *«на ликвидации последствий вражеской деятельности Берия»*. Министерство внутренних дел СССР, оказывая помощь МВД республик, УМВД краев и областей по подбору и выдвижению кадров, потребовало от всех

руководителей *«отрешиться от деляческого подхода, строго соблюдать партийные принципы подбора работников по их политическим и деловым качествам»* [38].

Для организации следствия и суда над Берией и «его окружением» новым Генеральным прокурором СССР был назначен Руденко Р.А., который отличался «близостью к Хрущеву и абсолютной управляемостью». О том, как велось следствие, в котором принимали участие Москаленко К.С. и Батицкий П.Ф., в настоящее имеется время весьма ограниченное количество документальных материалов. Очевидно, к 17 сентября 1953 года все было подготовлено, поскольку в этот день Президиум ЦК КПСС принял постановление «О составе суда, проектах обвинительного заключения и информационного сообщения по делу Л.П. Берия». На этом заседании Руденко Р.А. предписали доработать (при участии секретаря ЦК Суслова М.А.) представленные материалы и внести предложение о составе специального судебного присутствия Верховного Суда СССР, которое должно было данный вопрос рассмотреть в закрытом судебном заседании без участия сторон. Однако Суслову М.А., видимо, показалось, что следствие не набрало нужных доказательств вины, и потому он распорядился провести дополнительное дознание с привлечением новых свидетелей. Среди других на допрос вызывался и министр внутренних дел Круглов С.Н. Вернувшись после этого «мероприятия» поздно ночью домой, Сергей Никифорович прямо в шинели сел на стул посреди комнаты и, немного передохнув, произнес тихо: «Я уж думал, что и не увижу вас больше». 10 декабря 1953 года в следующем постановлении ЦК КПСС по этому вопросу отмечалось, что «*к настоящему времени Прокуратурой СССР закончено следствие по делу изменника Родины Л.П. Берия».* Поскольку средствам массовой информации ранее было дано указание о «банде Берии» и даже о его имени вовсе не упоминать, то для советского народа 17 декабря 1953 года, накануне начала судебного заседания, в газетах появилось сообщение «В *прокуратуре СССР».* Еще до того, как суд принял свое постановление, Берию уже обвинили в многочисленных прегрешениях перед партией, правительством и всем обществом. Заговорщикам из ЦК нужно было не только уничтожить «опасного соратника», но и скомпрометировать его так, чтобы грязь к проклятому имени прилипла навечно, оставив их самих в чистоте и невинности.

С 18 по 23 декабря 1953 года состоялось заседание Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР под председательством Конева И.С. — маршала и Дважды Героя

Советского Союза, и в составе Шверника Н.М. — председателя ВЦСПС, Москаленко К.С., ставшего уже генералом армии и командующим войсками Московского военного округа, Лунева К.Ф. — первого заместителя министра внутренних дел, и еще четырех заседателей. Комендантом этого суда был назначен генерал-полковник Батицкий П.Ф. Итоги закрытого заседания опубликовали все газеты в сообщении «В *Верховном Суде»,* заранее написанном и согласованном с Президиумом ЦК:

Виновность всех подсудимых в предъявленных им обвинениях была полностью доказана на суде подлинными документами, вещественными доказательствами, собственноручными записями подсудимых, показаниями многочисленных свидетелей. Изобличенные доказательствами подсудимые Берия Л.И, Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Г.З., Мешик П.Я., Гоглидзе С.А. и Влодзимирский Л.Е. на судебном следствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда тяжких государственных преступлений.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР постановило перечисленных подсудимых *«приговорить к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»* [68].

По воспоминаниям коменданта штаба Московского округа ПВО майора Хижняка М. для приведения приговора в исполнение ему было поручено соорудить щит из толстых досок (пулеулавливатель) с железным кольцом в центре, чтобы привязать приговоренного. Перед казнью Берия вел себя достойно, никаких вставаний на колени, никаких просьб, *«побледнел только, и щека левая несколько раз дернулась».* Хижняк М.Г. стал завязывать осужденному глаза, но генерал-полковник Батицкий П.Ф., выступавший в роли палача, сказал, что это делать не нужно: *«Сними, пусть смотрит своими глазами».* После этого выстрелил приговоренному в переносицу. Затем распорядился, чтобы все присутствовавшие офицеры тоже выстрелили в тело Берии. Затем труп упаковали, отвезли в крематорий, сожгли, а прах при помощи вентиляторов развеяли по ветру [68]. Так закончил свой жизненный путь Лаврентий Павлович Берия, после кипучей государственной деятельности оболганный, опозоренный, с клеймом палача, садиста и развратника.

Но оставались еще семья, *«жена, старуха мать и сын Серго»,*

которых в одном из своих писем из заточения Берия просил бывших соратников *«не оставить без внимания»,* и многочисленные родственники. Жену Нину Теймуразовну и сына Серго быстренько посадили за решетку. А вот мать Лаврентия Марта, глубоко верующая женщина, по сообщению из Грузии, посещала церковь и молилась за своего сына. Да еще встречалась с родственниками, что было крайне нежелательно. В связи с этим еще 25 августа 1953 года с родины арестованного, но еще не осужденного бывшего государственного деятеля уже обратились к Хрущеву Н.С. с просьбой: *«Считая нецелесообразным дальнейшее пребывание в Грузии близких родственников врага народа Берия, ЦК КП Грузии просит дать указание об их выселении с территории Грузинской ССР».* 12 сентября 1953 года Президиум ЦК КПСС удовлетворил просьбу грузинских товарищей. Во исполнение этого решения в последний день уходившего года Генеральный прокурор Руденко Р.А. и министр внутренних дел Круглов С.Н. внесли на имя Хрущева Н.С. и Маленкова Г.М. такое предложение: *«Учитывая социальную опасность лиц, находившихся в близких связях с врагами народа Прокуратура СССР и Министерство внутренних дел СССР считают необходимым запретить членам семей и близким родственникам указанных врагов народа проживание в городах: Москве, Ленинграде, Тбилиси и других режимных городах и местностях Советского Союза, а также на территории Кавказа и Закавказья. Указанные лица по месту вновь избранного ими жительства* (в Красноярском крае, Казахстане, или Свердловской области — *Ю. Б.*) *будут взяты под надзор органов МВД».* В апреле 1954 года грузинские товарищи вновь подняли вопрос о родственниках Кобулова, Гоглидзе, Деканозова. Была создана комиссия в составе Шаталина Н.Н., Руденко Р.А., Серова И.А., Круглова С.Н. и Мжаванадзе В.П., которая по решению ЦК КПСС включила в число изгоняемых, помимо указанных, также родственников Мешика, Влодзимирского и Меркулова. Поскольку по сообщению органов госбезопасности многие выселенные продолжали и далее восхвалять Берия и высказывать недовольство обращением с ними, наблюдение за поведением родственников врагов народа продолжилось [68].

Теперь о поощрении непосредственных участников *«рискованной операции»* по аресту Берии. На июльском 1953 года Пленуме ЦК КПСС маршал Жуков. Г.К. был переведен из кандидатов в члены Центрального Комитета партии. Министр обороны маршал Булганин Н. А. пообещал всем остальным офицерам группы захвата звания Героев Советского Союза и 25 декабря 1953 года предложил Москаленко К.С. написать

соответствующие реляции на пять человек: Батицкого, Юферова, Зуба, Баксова и самого себя. Но Москаленко К.С. *«категорически отказался это сделать»*, мотивируя это тем, что они *«ничего такого не сделали»*. Тогда сошлись на награждении всех орденами Красного Знамени, что и было реализовано [81]. Сразу после ареста Берия Москаленко К.С. получил повышение по должности, став командующим Московским военным округом, а пехотный генерал Батицкий П.Ф. возглавил вместо него ПВО столицы. В дальнейшем оба доросли до погон Маршала Советского Союза и получили к своим фронтовым геройским звездам звания Дважды Героев Советского Союза. Ордена же сыпались, как из рога изобилия. Так, если на фронтах Великой Отечественной войны Москаленко К.С. получил 8 орденов (два из них Ленина и один Красного Знамени), то после разгрома *«банды Берии»* был удостоен 12 орденов, причем пять из них Ленина и четыре Красного Знамени. Интересно, что в 1985 году, в канун 40-летия дня Победы, уверенно выросшие в своих воинских званиях ветераны «захвата» генерал-полковник Баксов А.И., генерал-майор Зуб И.Г. и полковник Юрьев В.И. посчитали «*целесообразным и своевременным»* обратиться в ЦК КПСС «с *надеждой положительного решения вопроса»* о присвоении им обещанных званий Героя Советского Союза. Однако время ушло, политическая обстановка изменилась, да и прежние заслуги ветеранов были отмечены ранее высокими правительственными наградами, потому в просьбе было отказано [68].

Круглов С.Н. и Серов И.А. в этом плане «партией и правительством» никак отмечены не были, поэтому их участие в той «рискованной операции» не представляется возможным признать однозначным. Правда, Иван Александрович вскоре пошел в служебной карьере круто в гору, но на это имелись другие причины. А о дальнейшей судьбе Сергея Никифоровича у нас как раз и идет наше повествование.

29. Возвращение к старому

После смерти Сталина И.В. по инициативе Берия Л.П. Министерство внутренних дел стало заниматься в основном вопросами государственной безопасности (разведка, контрразведка, охрана правительства, охрана государственной границы) и поддержанием общественного порядка (милиция, тюрьмы). При этом постепенно набиравший политическую силу Хрущев Н.С., как оказалось, не меньше Сталина требовал от государственной безопасности «наступательности» в разведывательной деятельности. Это подразумевало проведение не только широких акций по дезинформации, но и похищение, и убийство политических противников. Почти сразу после свержения Берия, 16 июля 1953 года, на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение «О мерах по усилению разведывательной работы органов МВД СССР за границей». При этом министру внутренних дел Круглову С.Н. были даны конкретные указания по «устранению недостатков в разведывательной работе за границей и выработке мер по усилению разведывательной работы». Реализация этих указаний подразумевала не просто пересмотр штата и кадровую чистку аппарата внешней разведки, но и создание специального отдела, призванного проводить за границей диверсии и террористические акты. 17 сентября 1953 года министр внутренних дел Круглов С.Н., его первый заместитель Серов И. А. и начальник внешней разведки Панюшкин А.С. направили на утверждение Президиума ЦК КПСС Положение о 12-м отделе 2-го главного управления (разведки) МВД, в котором о задачах нового подразделения прямо говорилось: «Признать целесообразным проведение актов террора». Убоявшись, очевидно, такого откровения, партийные руководители формулировку несколько смягчили, указав вместо «террора» «проведение активных действий», хотя сути дела о целенаправленном продвижении социализма по всей планете это не меняло. В плане реализации указаний Президиума ЦК 26 октября 1953 года министр внутренних дел Круглов С.Н. дал своим первым заместителям такие поручения: Серову И.А. — разработать мероприятия по объединению агентурно-оперативных действий центрального аппарата МВД и местных органов «в направлении всемерного усиления борьбы с НТС (Народно-трудовой союз российских эмигрантов, штаб-квартира в г. Мюнхене. — *Ю. Б.*) и его агентурой», в том числе, спланировать «нанесение оперативного удара по НТС»; Луневу К.Ф. — подготовить мероприятия против украинских националистов, в

том числе «специальные действия против главарей зарубежных украинских националистических центров». Планы этих операций были рассмотрены 2 ноября 1953 года на специальном совещании у министра внутренних дел СССР, но реализацией их занимался в дальнейшем Комитет государственной безопасности (КГБ), вопрос о создании которого еще предстоит нам рассмотреть [76].

Помимо «грозных спецслужб» в состав МВД перешел из бывшего МГБ Отдел «П», в котором по состоянию на 1 июля 1953 года числились 2 761 218 спецпоселенцев, 58 555 ссыльнопоселенцев, 3822 ссыльных и 2761 высланных, то есть в общей сложности 2 826 419 человек [39] — мужчин и женщин, трудоспособных и инвалидов, стариков и детей, в общем, лишенных прав граждан Страны Советов. Вернувшись вновь к руководству МВД, министр внутренних дел Круглов С.Н. направил председателю Совета Министров СССР Маленкову Г.М. свое предложение рассмотреть вопрос о резком сокращении спецпоселений, отмене поселения навечно и упрощении надзорной работы органов внутренних дел на местах. По имевшимся в МВД сведениям, основная масса спецпоселенцев «положительно относилась к мероприятиям Советской власти, прочно осела на жительство в местах поселений, честно трудилась, принимала активное участие в общественной и хозяйственной жизни». Между тем на местах зачастую (в бытность МГБ) ущемлялось правовое положение этих людей, без надобности создавался излишне жесткий режим контроля, запрещалось свободное перемещение даже по выделенной территории, устанавливалась частая регистрация в спецкомендатурах, создавались препятствия к выездам в командировки, на лечение и учебу, что угнетающе действовало на людей и влекло за собой подачу большого количества жалоб. Учитывая, что направление на спец- поселение когда-то было обусловлено интересами государственной безопасности, особенно в военный период, и что в настоящее время, «в результате упрочения советского общественного и государственного строя», дальнейшее содержание под административным надзором большого количества спецпоселенцев не вызывалось необходимостью, министр внутренних дел Круглов С.Н. просил правительство решить вопрос о снятии с учета ряда категорий спецпереселенцев. В это число были включено: 1 016 543 немцев, высланных во время войны, а также мобилизованных в этот период в трудколонны, 24 686 бывших кулаков, 36 045 поляков, выселенных в 1936 году из западных областей Украины и Белоруссии, 11 573 членов семей лиц, осужденных за антисоветскую деятельность до и после войны, 27 275

«тунеядцев», выселенных из сельской местности, 11 ОН иностранных подданных, выселенных в 1937 году и в годы войны, и 516 608 детей спецпереселенцев, не достигших 16-летнего возраста. Предлагалось также отменить «как особую административную меру» оставление «на спецпоселении навечно» граждан, отбывших свое наказание в спецлагерях, а также членов семей оуновцев и их пособников, выселенных в отдаленные районы страны в 1944–1952 годах. Всего на первом этапе считалось возможным снять с учета 1 643 741 человека. Временно предлагалось оставить на спецпоселении «депортированные народы» (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, крымских татар, а также турок, курдов и хемшилов), украинских националистов (оуновцев), членов семей бандитов, бандпособников, выселенных из Прибалтики и западных областей Украины и Белоруссии, членов семей бывших помещиков, фабрикантов, крупных торговцев, сотрудников карательных органов Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии и ряд других категорий общей численностью 1 046 503 человека. (Некоторое расхождение общей численности спецпереселенцев, предлагавшихся к снятию с учета и остававшихся на учете, относительно цифры, приведенной нами выше, вызвано тем, что в докладной записке Круглова С.Н. использованы данные по состоянию на 1 января 1953 года. Прирост произошел за счет народившихся детей спецпереселенцев, которых министр внутренних дел предлагал на учет больше не ставить. — *Ю. Б.*) Временное оставление на спецпоселении ряда контингентов обосновывалось «необходимостью постепенного их освобождения из спецпоселении с тем, чтобы не нарушить хозяйственной жизни районов мест поселения, дать возможность соответствующим министерствам провести ряд мер по закреплению освобождаемых в местах поселений, а также не допустить массового прилива освобождаемых к прежним местам жительства». При этом считалось целесообразным в этих контингентах снять с учета спецпоселений, но пока что без права возвращения в родные места, участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, женщин, вышедших замуж не за спецпоселенцев, а также престарелых, инвалидов и неизлечимо больных. Министр предлагал также войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР об отмене указа от 26 ноября 1948 года, по которому за побег из мест поселения полагалось 20 лет каторжных работ, и все вопросы о правонарушениях рассматривать в соответствии с Уголовным кодексом. Отметим, что решения Совета Министров СССР по этим предложениям начали реализоваться с 1954 года [39].

В целях сокращения численности особых лагерей и тюрем, находившихся в ведении МВД СССР, Генеральный прокурор СССР Руденко Р.А., министр внутренних дел Круглов С.Н. и исполнявший обязанности министра юстиции Кудрявцев П.И. подписали совместный приказ от 30 сентября 1953 года, которым создали комиссии для пересмотра состава контингента этих строгих пенитенциарных учреждений. Комиссии должны были просмотреть персональный состав всех заключенных и на основе судебных приговоров и материалов архивно-следственных дел определить контингенты, которые следовало оставить в особых лагерях (за измену Родине, шпионаж, диверсии, террор, а также троцкистов, правых, меньшевиков и эсеров) и которые могли быть переведены в общие лагеря Министерства юстиции СССР, поскольку они не относились к категории особо опасных государственных преступников [38]. Однако после проведенной большой работы подготовленный проект постановления ЦК КПСС по этому вопросу подписан не был.

Это произошло потому, что в Главном управлении лагерей (ГУЛАГе), переданном в полном составе из МВД в Министерство юстиции, сложилось весьма напряженное положение. В апреле 1953 года при передаче «хозяйства» ГУЛАГу теперь уже Минюста в его подчинение перешли, в частности, 13 исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), которые начали поставлять рабочую силу из заключенных Главспецлесу Министерства лесной и бумажной промышленности. Все эти ИТЛ располагались в северных и горных районах Коми АССР, Архангельской, Кировской, Молотовской, Свердловской, Кемеровской областей и Красноярского края и «в связи со спецификой производства» дислоцировались в большой отдаленности от населенных пунктов, в тайге. Произведенной в августе-сентябре 1953 года проверкой состояния лесных ИТЛ было установлено, что жилищно-бытовые условия, состояние снабжения и торговли, культурное и медико-санитарное обеспечение, обучение детей обслуживающего персонала находились в этих лагерях «в крайне неудовлетворительном состоянии». Такая обстановка возникла вследствие того, что после перехода в Минюст «ГУЛАГ и его подразделения, по существу, лишились руководства» и «варятся в собственном соку». Казалось, что от перевода главка из одного министерства в другое «особо существенных изменений не произойдет, но на практике получилось далеко не так». Министерствами, получившими «дармовую» рабочую силу, «не были тщательно изучены все вопросы, связанные с передачей ГУЛАГа в Министерство юстиции». Теперь уже вспоминалось как положительный пример, что ранее в Министерстве внутренних

дел деятельность 140 исправительно-трудовых и особых лагерей обеспечивалась 12 главными лагерно-производственными управлениями МВД СССР. «ГУЛАГ в отношении этих лагерей осуществлял лишь руководство и контроль по режиму, охране, учету заключенных и комплектование кадрами начальствующего состава лагерного сектора. Все остальные многообразные вопросы деятельности этих лагерей являлись компетенцией *упомянутых* производственных главков. Обеспечение всех лагерей и колоний продовольствием, вещевым довольствием, организация в лагерях торговли как для личного состава, так и для заключенных производились непосредственно Главным управлением военного снабжения, а обеспечение всеми необходимыми для работы ресурсами — Управлением материально-технического снабжения МВД СССР. ГУЛАГ этими вопросами совершенно не занимался, кроме представления справок в УМТС МВД СССР на необходимые для его собственной производственной деятельности материалы. Первый специальный отдел МВД СССР осуществлял персональный учет заключенных, содержавшихся в лагерях и колониях, и последние в части учета подчинялись этому отделу и отчитывались перед ним непосредственно. Управление кадров комплектовало систему ГУЛАГа кадрами руководящего состава, устанавливало правовое положение начальствующего состава, ведало работой по присвоению званий, представлению к наградам за выслугу лет, утверждало штаты управленческих аппаратов лагерей. Финансовый отдел МВД СССР разрабатывал тарифные перечни должностных окладов начальствующего состава, осуществлял финансирование лагерей и колоний и проводил пенсионную работу. Плановый отдел вел планирование производственной деятельности, устанавливал потребную лагерям численность рабочей силы, фонды заработной платы, разрабатывал систему оплаты труда вольнонаемных рабочих и служащих, а также оплату труда заключенных и учитывал их трудовое использование. Вопросами ГУЛАГа занимались также Центральная бухгалтерия, Отдел детских колоний, Хозяйственное управление и Управление военно-учебных заведений МВД СССР» [38].

Заметим здесь, что эта непростая система эксплуатации подневольного труда складывалась на протяжении десятилетий. В течение многих лет, несмотря на все трудности, ею успешно руководил министр внутренних дел Круглов С.Н. Один автор назвал Сергея Никифоровича «лагерным министром», другой написал, что лагеря были «любимым детищем Круглова». Но занимался данными вопросами герой нашего повествования вовсе не потому, что «обожал» это дело, а просто, имея прекрасные

организаторские способности, умело руководил огромными коллективами людей в той области, куда его «направила партия». Практика показала, что нормальную и производительную работу лагерной системы, даже в значительно меньшем объеме, оказалось не по плечу вести другим министерствам и министрам.

Центральный аппарат ГУЛАГа в три раза превышал штатную численность Министерства юстиции, которое не имело ни возможности, ни желания руководить такой махиной. В связи с этим этот главк Минюста вынужден был самостоятельно решать весь огромный комплекс вопросов, связанных со всеми видам обеспечения и производственной деятельности исправительно-трудовых учреждений. К тому же в соответствии с постановлением правительства, рассчитывавшего на то, что количество заключенных будет отныне неуклонно уменьшаться, численность центрального и периферийных аппаратов ГУЛАГа, включая военизированную охрану, была значительно сокращена. Однако после проведения амнистии резко возрос обратный поток осужденных в лагеря и колонии, что требовало расширения штатной численности администрации и даже увеличения количества лагерей. Минюст СССР, министерства юстиции республик и управления юстиции в краях и областях оказались не в состоянии заниматься этой сложной и новой для них работой по лагерям и колониям. В сложившейся обстановке предлагалось ГУЛАГ вместе с его периферийными органами вывести из состава Министерства юстиции и превратить в самостоятельное Главное управление, подчиненное непосредственно Совету Министров СССР. В этот же главк передать из МВД особые лагеря, срочные и следственные тюрьмы и конвойную охрану, сосредоточив в одном месте всю пенитенциарную систему [38].

Однако высшее советское руководство не решилось на такой кардинальный шаг и предпочло вернуться к старому, испытанному варианту. 21 января 1954 года Совет Министров СССР принял постановление о передаче из Министерства юстиции в Министерство внутренних дел исправительно-трудовых лагерей и колоний. Теперь на МВД вновь были возложены содержание, охрана и персональный учет всех осужденных к лишению свободы, организация и проведение исправительно-трудовых работ, а также содержание воспитанников детских колоний и приемников-распределителей. Совместным приказом министра юстиции Горшенина К.П. и министра внутренних дел Круглова С.Н. из одного ведомства в другое вновь передавались Главное и местные управления и отделы исправительно-трудовых лагерей и колоний и все остальные службы и подразделения вместе с их материально-

имущественными ценностями, зданиями, сооружениями, с фондами на материалы, оборудование, автотранспорт, горючее, топливо, сырье, вооружение, средства химической защиты, спортивный инвентарь, хлебопродукты, продовольствие, вещевое имущество, с планами промышленного производства, капитального строительства, сельского хозяйства, с финансовыми, кредитными планами и ассигнованиями, с установленными для организаций и хозяйств штампами и фактической численностью личного состава.

В дополнение к прежнему «хозяйству» приказом министра внутренних дел Круглова С.Н. от 8 февраля 1954 года в ГУЛАГ МВД из Тюремного управления МВД перевели особые лагеря и обслуживавшие их 24 штатные единицы центрального аппарата. В составе Тюремного управления остался Отдел по делам военнопленных и интернированных, на который возлагались содержание, учет и репатриация «осужденных военных преступников из числа бывших военнопленных», а также отправка на родину всех осужденных иностранцев, отбывавших наказание в местах заключения в СССР [38].

Помимо гулаговских лагерей вернулось в МВД и остальное «лесное хозяйство». Во исполнение постановления Совета министров СССР от 10 февраля 1954 года совместным приказом министра лесной и бумажной промышленности и министра внутренних дел Круглова С.Н. Главное специальное управление «Главспецлес» было «возвращено» в МВД, где получило свое прежнее наименование — Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) МВД СССР [10].

Возвращая Министерство внутренних дел к прежней сфере деятельности, высшее руководство страны стремилось реорганизовать МВД так, чтобы оно не напоминало то мощное ведомство, которое из него сделал «враг народа» Берия. В соответствии с полученным заданием 24 ноября 1953 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил в Президиум ЦК КПСС на имя Маленкова Г.М. и Хрущева Н.С. проект постановления ЦК КПСС (а почему не Совета Министров СССР? — *Ю. Б.*) «О сокращении штатной численности МВД СССР и утверждении структуры МВД СССР». В проекте предлагалось: объединить 4-е (секретно-политическое) и 5-е (экономическое) управления; слить 3-е (изготовление документов) и 5-е (изготовление средств опертехники) специальные отделы (с/о) в один спецотдел; упразднить 6-е с/о с передачей его функций секретно-политическому управлению; функции Управления конвойной охраны (УКО) передать в Главное управление внутренней охраны, назвав его ГУВКО; влить Главную

бухгалтерию в Финансовый отдел. Эти преобразования и другие меры позволяли сократить штат центрального аппарата МВД на 20 % [10].

Но такое «латание Тришкина кафтана» не устраивало высшее советское руководство, и Круглову С.Н. было предписано разработать предложения по коренному преобразованию МВД. 4 февраля 1954 года министр внутренних дел представил в Президиум ЦК КПСС на имя Маленкова Г.М. и Хрущева Н.С. соответствующее письмо о выделении органов государственной безопасности из МВД в самостоятельное ведомство. В связи с тем, что существующее организационное построение Министерства внутренних дел стало «громоздко», говорилось в письме, и оказалось «не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы в свете задач, поставленных перед советской разведкой Центральным Комитетом КПСС и Советским Правительством», представлялось целесообразным «в целях создания необходимых условий для улучшения разведывательной и контрразведывательной работы» выделить из МВД оперативно-чекистские управления и отделы и на их базе создать Комитет по делам государственной безопасности при Совете Министров СССР. Предлагавшийся состав этого комитета, в принципе, ничем не отличался от структуры МГБ послевоенного образца. При этом в составе МВД планировалось оставить помимо производственных подразделений ГУЛАГа отобранные когда-то — милицию, пограничные войска, правительственную связь и Гохран. В целях соблюдения сметы 1954 года при организации нового комитета предусматривалось сократить на 20 % штатную численность оперативных управлений и отделов (15956 единиц), центрального и периферийных аппаратов МВД (8839 единиц), а отделы и отделения МВД почти во всех административных районах страны вообще упразднить (21 736 единиц) [76].

8 февраля 1954 года состоялось заседание Президиума ЦК КПСС по вопросу образования Комитета государственной безопасности СССР. На этом партийном форуме присутствовали Хрущев Н.С., Маленков Г.М., Каганович Л.М., Ворошилов К.Е., Булганин Н.А., Микоян А.И., Сабуров М.З., Суслов М.А., Первухин М.Г. и Шаталин Н.Н., а также были приглашены Круглов С.Н. и Серов И. А. Техническую стенографическую запись протокола № 50, пункта 2 по этому вопросу можно «расшифровать» следующим образом. За столом заседания находились указанные выше руководители партии и правительства и по очереди высказывали свое мнение. Постановление о создании Комитета государственной безопасности было, в принципе, согласовано, теперь подпунктом 2 решался вопрос «О людях», то есть о том,

кого назначить на должности руководителей МВД СССР и КГБ СССР. Председательствующий т. Маленков сразу предложил: «Круглова — на внудел», иными словами считал возможным оставить его на должности министра внутренних дел. «Кого назначим на Комитет?» Т. Хрущев предложил Серова и положительно охарактеризовал своего давнего сослуживца. Т. Маленков согласился: вызывает доверие, а первым заместителем к нему назначим Лунева. Тт. Ворошилов, Булганин и Микоян каждый «высказали свое мнение», суть которых в протоколе не раскрыта. Т. Каганович более определенно поддержал кандидатуру т. Серова, считая, что «он больше будет связан с партийными органами», а «Комитет государственной безопасности — это отдел партийный» Т. Маленков продолжил свое высказывание по кандидатуре т. Серова и, в частности, отметил, что тот стал «нос по ветру держать, на партию». Из того, что произошло, «уроки должен будет свято извлекать». Т. Булганин предложил «на замы к Серову» взять Ильичева (генерал-лейтенанта, сотрудника военной разведки), поскольку «Панюшкин не подходит, слабый в аппарате». «С вызовом» в разговор встрял т. Ворошилов: у нас уже есть «опыт с Пономаренко», который обещал «всего себя отдам», а толку никакого. Т. Маленков подвел итог: предлагаю «проект решения о Комитете государственной безопасности принять». Т. Каганович вновь вступил в разговор: есть «замечания по проекту: Комитет должен быть ближе к партии. Докладная о перестройке органов (имелась в виду приводившаяся в главе 28 докладная записка Круглова С.Н., Серова И.А. и Лунева К.Ф. от 22 августа 1953 года «О результатах работы по укреплению кадров Центрального аппарата и периферийных органов МВД СССР». — Ю. Б.*)* — сухая записка. МВД после июльского пленума пассивно ведет себя». Необходимо «сформулировать мотивировочный документ, что мы хотим от создаваемого Комитета государственной безопасности. Определить по существу, что мы ведем линию на вскрытие действительных врагов и хотим оградить честных людей и что чекист обязан докладывать свои данные партийным органам». Кроме того, должна быть обеспечена «охрана общественного порядка». Т. Маленков согласился, что над таким документом следует поработать. Т. Хрущев сказал, что замечание т. Кагановича правильное и предлагаемый документ нужен. В порядке самокритики добавил, что уже «шесть месяцев не можем собрать совещание работников МВД и МГБ». Т. Микоян заметил: надо подумать о том, что такое транспортная милиция. Т. Ворошилов опять выступил: «Слабовата там наша большевистская позиция». Т. Булганин предложил дать слово самим претендентам

на руководящие посты в МВД и КГБ. Т. Круглов сказал: «Правильно, что меня определяете в МВД. Оправдаю доверие партии и правительства. Я партии предан». Говоря о своем заместителе Серове, «положительно охарактеризовал» его, но отметил «недостатки в характере, поведении». Серов «не всегда доводит взгляд до конца, более вдумчив должен быть». Сам т. Серов заверил: «Постараюсь оправдать доверие». Затем с повинной несколько слов добавил «о себе»: «Не критически выполнял указания Берия, слепо выполнял. Безусловно, должен был пойти в ЦК и обо всем рассказать, но не сделал этого. Поспешность в делах у меня есть. Следовало бы некоторых работников из органов удалить, а то они всякие слухи распространяют». Т. Каганович решил дать напутствие претендентам и, пользуясь случаем, сказать им все, что о них думает: «Товарищи Круглов и Серов!» После июльского Пленума ЦК по разоблачению банды Берия «вы проявили пассивность, за душу чекистов не боролись». Сами в ЦК должны были прийти и обо всем доложить. Если возникли сложности, «почему совещание не просили созвать»? Сейчас не о «схематическом решении дело идет», а «по существу», то есть о качественном изменении стиля работы. И теперь «характер меняется в сторону политическую». Персонально о каждом: т. Круглов «на строительстве показал себя хорошо», т. Серов является «опытным» специалистом, «ударником, имеет возможность оправдать доверие ЦК». Правда, «жидковат, но может уплотниться». «Высокой партийной и политической культурой обладал Дзержинский». Т. Серову следует «завоевать такую культуру». Комитет государственной безопасности не должен «просто администрировать», а обязан «брать глубже» и иметь «высокий моральный облик». Т. Суслов добавил, что «т. Се- ров должен укреплять партийность, а то он слишком «ретиво выполнял указания Берия», даже «вызывал к себе секретарей обкомов». Свое напутствие решил дать и т. Ворошилов: «Выделение Комитета государственной безопасности из МВД — важное дело. Т. Круглову главное внимание надо обращать не на строительство, а на исправление людей». Теперь «относительно Комитета государственной безопасности». Т. Серов «справится, если учтет замечания». И все-таки непонятно, «почему не отреагировали на решения (июльского 1953 года) Пленума? Учитесь, как Дзержинский работал! Надо «уметь ловить врага, уметь поставить организацию». Только с помощью ЦК т. Серов это сможет сделать. Т. Сабуров добавил: «Правильно сказал т. Каганович. Если правильно нас поймут», все будет нормально. «Исправительно-трудовые лагеря — это не просто название, это источник получения рабочей силы. Т. Круглов должен сделать из

этого вывод». Т. Микоян эмоционально произнес: Что у нас творится, за мелкие кражи — арест! Лагеря людей только портят». Еще скажу «об общественном порядке в стране: есть города, в которых люди ночью боятся выходить на улицу». В отношении т. Серова замечу, что у него будет много «общеполитических вопросов». Но он руководитель «принципиальный, идейный, партийный», хотя и «легковат». В своем высказывании т. Булганин согласился с мнением т. Кагановича. Посоветовал товарищам Круглову и Серову хорошенько подумать. Если они перестроятся, то «оправдают доверие». Т. Серову это сделать будет труднее, правда, он «человек ударного порядка». Вот когда Берия оказался изобличен, вы почему-то «замкнулись». А «вам надо подняться на уровень крупного партийно-политического работника». Поменьше имейте «самообольщения, побольше обращайтесь за советом». Т. Хрущев согласился с мнением товарищей относительно предназначения МВД и добавил, что т. Круглов — «честный и с радостью согласен» работать министром внутренних дел, «но не понимает задач», а потому «как начальник лагерей выступает: я строю…». Милицию надо иметь именно в МВД и уделять ей больше внимания, поскольку «есть факты», что милиционеры «стреляют в народ». Позаботиться надо об охране порядка на предприятиях, о пожарной охране. Следует обратить самое серьезное внимание на вопрос «приема граждан в милиции». В отношении исправительно-трудовых лагерей стоит, может быть, «вернуться к системе Дзержинского», то есть сделать в зонах маленькие «заводики, мастерские». Это может быть «большим делом». Теперь о т. Серове, которого знаю по работе на Украине. Вел он там себя хорошо, порой работал буквально за двоих. Но бывало, что вдруг «я узнаю о какой-нибудь бумажке из Москвы». Оказывается, «Берия докладывал» наверх. В общем, «устойчивости партийной не было». Резолюцию по рассматриваемому нами вопросу надо «ополитизировать». Т. Маленков присоединился ко всему, что было здесь сказано, но еще раз подчеркнул: «Речь идет о большой перестройке». Затем обратился к тт. Круглову и Серову: «Идите, помогайте партии». По дальнейшему контексту создается впечатление, что после этой реплики означенные товарищи удалились с заседания Президиума ЦК и последующий разговор велся уже в их отсутствие. Т. Маленков продолжил: особенность Комитета государственной безопасности состоит в том, что он «таит в себе» две стороны — может приносить «пользу партии», но способен проявлять и «злоупотребление властью». Нам надо «дело так поставить», чтобы кагебисты «не злоупотребляли» властью. Центральному Комитету надо покончить и с таким

явлением, когда «за характеристикой кадров мы обращаемся в МВД». В результате получается так, что «люди (работники партийного аппарата. — *Ю. Б.*) стали зависеть от МВД». Надо немедленно все кадровые вопросы «забрать в руки партии». Относительно Министерства внутренних дел скажу, что т. Круглов в настоящее время еще «не подготовлен» к новой работе, о чем здесь уже говорили. «Он должен крепко перестроиться», поскольку «лагеря — не наш идеал». И ему необходимо «по-новому перестроиться». Теперь «насчет Комитета государственной безопасности». До сих пор внутри страны эти органы свои «взоры обращали на друзей, а не на врагов». После всего, что было, «какая же может быть любовь к органам» внутренних дел и госбезопасности? «От анонимок люди зависели». А вот во внешней разведке — «низкий уровень» работы, точнее говоря — «развал». Может быть, действительно «Ильичева взять в заместители», а Лунева поставить «на первого зама»? Оба они будут «честно служить партии, не злоупотреблять властью». Итак, «в организационном отношении принимаем»: «тт. Круглов, Шаталин (по линии МВД), Серов и Суслов, еще Лунев (по линии КГБ)» пусть «в пятидневный срок» представят свои «проекты с учетом состоявшегося обмена мнениями». Помимо этого пусть дадут предложения «о заместителях» и «представят структуру» своих новых ведомств. Вопрос «о ГУЛАГах» и «лесных» лагерях считаем решенным и «передаем их в МВД». Т. Ворошилов вдруг спохватился: «Погранвойска почему в МВД? Это же настоящие войска». Но «старика» никто уже не слушал — началось голосование за кандидатуры руководителей МВД И КГБ. Т. Булганин твердо сказал: «Чекиста надо». Лично я — «за Серова». Т. Микоян (по записи в протоколе) проголосовал не то за Серова, не то за Круглова (зачеркнуто), но произнес про кого-то из них: «Близкий к партии». Т. Каганович добавил в отношении одного из претендентов: «Ближе», — и тоже проголосовал. Но выдвигавшийся на роль «серого кардинала» руководства партии т. Суслов вдруг тихо произнес: «Не все хорошо у Серова. Предупредить его надо. Свысока к парторганизации относится». Т. Хрущев сразу же встал на защиту своего протеже и почему-то в качестве авторитетной ссылки вспомнил о чем-то давнем: «О Серове я говорил Сталину. Серов, конечно, тоже писал». Но что и кому — теперь вряд ли можно установить ход сбивчивой мысли Никиты Сергеевича. Т. Первухин при голосовании занял такую позицию: «лучше Серова» нам все равно никого «сейчас не найти». Конечно, он «грубый, начальника изображает, немножко подхалим». Но с этим придется пока смириться. И тут выступил молчавший до сих пор т. Шаталин, поработавший ранее

примерно с месяц в качестве первого заместителя министра внутренних дел: «Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Мало партийный, карьеристичный. Нос по ветру. Из Германии натаскал» себе барахла всякого. Но т. Маленкову пора было закрывать затянувшееся рассмотрение вопроса, и потому он компромиссно сказал: «Доверять можно Серову» [84].

Вот приблизительно в таком духе на подобных «междусобойчиках» решались в высшем партийном органе важнейшие вопросы жизни Страны Советов. Хрущев Н.С., несмотря на имевшиеся возражения, конечно же, «продавил» кандидатуру своего «любимчика» Серова И.А. на пост председателя Комитета государственной безопасности. Благодаря этому Никита Сергеевич получил теперь «крепкий тыл» в борьбе с прежними соратниками за единоличную власть, а потому мог не слишком стесняться в своих неординарных действиях. Ясно, что отныне как МВД, так и КГБ плотно сидели «под колпаком» Президиума ЦК КПСС и не имели возможности принимать какие-либо важные самостоятельные решения без партийного «добро». Знающие люди говорили, что Комитет государственной безопасности только числился при Совете Министров СССР, а фактически работал под эгидой ЦК КПСС.

Подтверждением того, что руководство партии и правительства решило оказать полное доверие министру внутренних дел Круглову С.Н., явилось выдвижение его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В газете «Туркменская Искра» от 13 февраля 1954 года в большом разделе на первой странице «Регистрация кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР» было помещено сообщение, в котором говорилось, что Сергей Никифорович Круглов зарегистрирован кандидатом в депутаты Совета Союза по Ашхабадскому избирательному округу № 690. Выдвинут он был «общими собраниями рабочих, инженерно- технических работников и служащих Ашхабадского ремонтного завода “ХХ лет ТССР”, тепловозоремонтных мастерских имени И.В.Сталина, 1-й Тедженской машинно-тракторной станции, колхозников и колхозниц сельхозартелей имени И.В. Сталина Ашхабадского района и имени А.А. Жданова Каахкинского района» [12]. Выдвижение Круглова С.Н. кандидатом в депутаты в этом далеком крае было связано с тем, что после страшного землетрясения в Ашхабаде в 1948 году именно он возглавил здесь спасательные работы, а потом силами МВД вел жилищное строительство. В начале марта состоялись встречи избирателей со своими кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР. На собрании трудящихся Ашхабадского сельского района доверенное

лицо — рабочий Безмеинского завода стройматериалов тов. Пожидаев рассказал биографию кандидата в депутаты и призвал всех в день выборов 14 марта «отдать свои голоса за верного сына советского народа, воспитанника Коммунистической партии тов. Круглова». В своих выступлениях сельские избиратели рассказали о больших успехах в развитии виноградарства, полеводства, животноводства, о росте культуры колхозного села за последнее время. Директор завода стройматериалов сообщил, что, став на трудовую вахту, коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих обязался дать сверх квартального плана много продукции и слово свое сдержал. На другой встрече с избирателями президент Академии наук ТССР тов. Бердыев сказал: «Ашхабадцы помнят 1948 год, когда наш город постигло стихийное бедствие, в эти тяжелые дни братскую руку помощи протянул нам весь советский народ. Партия и правительство приняли срочные и эффективные меры по ликвидации последствий землетрясения. По поручению Центрального Комитета партии и Советского правительства тогда прибыл в Ашхабад и товарищ Круглов, который принял деятельное участие в организации работ по оказанию помощи пострадавшим, доставке продуктов». В заключение выступавший выразил глубокую уверенность в том, что Сергей Никифорович Круглов оправдает оказанное избирателями доверие. В своем ответном слове на собраниях кандидат в депутаты Круглов С.Н. «принес свою глубокую благодарность избирателям за оказанное ему доверие и заверил, что оправдает его». Далее рассказал «об успехах в коммунистическом строительстве в нашей стране, достигнутых после предыдущих выборов, о поставленных ныне партией задачах по дальнейшему подъему сельского хозяйства, значительному увеличению производства товаров широкого потребления». В заключение выразил уверенность в том, что на предстоящих выборах «советский народ продемонстрирует свою преданность Родине, партии, великому делу коммунизма» [13,14]. Теперь в Центральном музее МВД России хранится депутатский билет № 690 Круглова С.Н. — депутата Верховного Совета СССР от Ашхабадского избирательного округа [27].

В связи с выделением из МВД органов государственной безопасности, решение о котором де-юре, но без объявления в печати состоялось 13 марта 1954 года, и переходом в это новое ведомство помимо «чекистских подразделений» еще и первых замов Серова И.А. и Лунева К.Ф., в Министерстве внутренних дел произошли новые назначения. Теперь у министра внутренних дел Круглова С.Н. первых заместителей не стало, зато появились

шесть равноправных замов. Постановлениями Совета Министров СССР на должности заместителей министра внутренних дел получили назначения: начальник Управления кадров МВД полковник Петушков В.П., начальник Главного управления милиции (ГУМ) генерал-лейтенант Стаханов Н.П. (с сохранением своей прежней должности), начальник управления строительства № 508 Министерства строительства СССР генерал-майор Егоров С.Е., заместитель начальника 5-го (экономического) управления МВД полковник Никифоров А.В. и заведующий сектором Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС Комиссаров И.С. Из прежних заместителей министра остался генерал-лейтенант Переверткин С.Н., а генерал армии Масленников И.И. как раз в период распределения должностей застрелился. Поскольку МВД вновь превращалось в строительное ведомство, постановлением Совета Министров СССР от 16 марта 1954 года в его состав опять вернулись из Министерства среднего машиностроения Главпромстрой и Главспецстрой [10].

Постановлением Президиума ЦК КПСС от 12 марта 1954 года основные задачи Министерства внутренних дел СССР были определены следующим образом: «Коренное улучшение работы органов МВД по охране общественного порядка в стране и усилению борьбы с уголовной преступностью и хищениями социалистической собственности; улучшение деятельности исправительно-трудовых лагерей по перевоспитанию заключенных; осуществление государственного пожарного надзора; организация местной противовоздушной охраны и обеспечение надежной охраны границ СССР». Этим же постановлением министра внутренних дел СССР т. Круглова обязали «навести надлежащий порядок в работе исправительно-трудовых лагерей и колоний, обратив особое внимание на правильное трудовое использование заключенных, обучение их определенным профессиям и улучшение политико-воспитательной работы с ними с тем, чтобы обеспечить возвращение лиц, освобождаемых из лагерей, к честной трудовой жизни. Укрепить ГУЛАГ и администрацию исправительно-трудовых лагерей проверенными и квалифицированными кадрами» [38].

После того как новая структура МВД СССР «утряслась», обязанности между министром внутренних дел и его заместителями по наблюдению за работой управлений и отделов были распределены следующим образом. Из производственных главков министр внутренних дел Круглов С.Н. взял под свою опеку «атомный» Главпромстрой (начальник генерал-майор инженерно-технической службы Комаровский А.Н.) и основные

административные подразделения: Секретариат (начальник Воронков С.П.), Контрольную инспекцию, Плановый и Финансовый отделы, Главную бухгалтерию, Юридическую часть и Арбитраж. «Основной рабочей силой» теперь стал заместитель министра Егоров С.Е., который вел лагерные подразделения: Главное управление лагерей (ГУЛАГ), Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП), Тюремное управление, Отдел детских трудовых и воспитательных колоний и Отдел перевозок. В том же ключе работал и прибывший «с производства» заместитель министра Никифоров А.В., в сферу деятельности которого попали Главспецстрой, Главное управление геодезии и картографии (ГУГК), Военно-строительное управление (ВСУ) и 3-й спецотдел (Гохран). Заместитель министра Комиссаров И.С. специально был направлен из ЦК, чтобы взять под свой контроль Управление кадров и Управление учебных заведений (УУЗ). Заместитель министра Переверткин С.Н. по-прежнему командовал войсками: Главным управлением пограничных войск (ГУПВ), Главным управлением внутренней и конвойной охраны (ГУВКО), Главным управлением пожарной охраны (ГУПО), Главным управлением службы местной противовоздушной обороны (ГУС МПВО), Отделом по контролю и инспектированию военизированной охраны (ВОХР) и мобилизационным Отделом «М». Заместитель министра Петушков В.П. с кадров переместился больше на хозяйственные дела и курировал: Главное управление военного снабжения (ГУВС), Главное архивное управление (ГАУ), Управление материально-технического снабжения (УМТС), Хозяйственное управление (ХОЗУ), 1-й спецотдел (учетно-архивный), Отдел «П» (специальных поселений) и Отдел фельдсвязи (ОФС). Стаханов Н.П. в ранге заместителя министра командовал Главным управлением милиции (ГУМ) [10].

После включения системы исправительно-трудовых лагерей и колоний в состав Министерства внутренних дел в соответствии с приведенным постановлением Президиума ЦК КПСС от 12 марта 1954 года был проведен ряд мероприятий по анализу состояния «побывавших в чужих руках» этих пенитенциарных учреждений и приняты меры по наведению в них порядка, укреплению руководства, совершенствованию воспитательной работы и трудовому использованию заключенных. 26 мая 1954 года министр внутренних дел Круглов С.Н. представил в ЦК КПСС докладную записку по этому вопросу. Согласно данным МВД, в то время «для содержания осужденных к лишению свободы преступников» имелись 65 исправительно-трудовых лагерей и 798 исправительно-трудовых колоний и лагерных подразделений, в

которых содержалось 1 360 303 заключенных. В числе отбывавших наказание находились 448 344 осужденных за контрреволюционные преступления, 190 301 преступник, получивший срок за бандитизм, разбой и умышленные убийства, 490 503 уголовника, посаженных за грабежи, кражи, хищения и другие особо опасные преступления, 95 425 человек, наказанных за хулиганство, и 135 730 работников, совершивших должностные, хозяйственные и прочие нарушения закона. Среди этих заключенных были 1 182 759 мужчин, 177544 женщины, в том числе молодежи в возрасте до 25 лет — 383 243 человека, или 28,2 %. В течение 1953 года и первого квартала 1954 года в лагеря и колонии поступили 589366 заключенных. За это же время выбыли 1 701 310 человек, из которых 1 201 738 человек освободили по амнистии. В результате за указанный период «наполнение» лагерей и колоний сократилось на 45 %. Поступавшие в места заключения осужденные преступники использовались на работах в различных отраслях народного хозяйства. Осужденные за наиболее тяжкие преступления и на срок свыше 3 лет (897 051 заключенный) находились в исправительно-трудовых лагерях, расположенных преимущественно в отдаленных и северных районах страны (на Дальнем Востоке, Крайнем Севере, на Урале, в Сибири и Казахстане). Остальные заключенные (463 252 человека) отбывали наказание в местных исправительно-трудовых колониях и лагерных подразделениях МВД-УМВД. Осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой и уголовники-рецидивисты содержались изолированно от остальных заключенных. Преступившие закон женщины размещались в отдельных лагерных подразделениях и колониях. В ИТЛ предусматривалось три режима содержания заключенных: строгий, усиленный и общий. На строгом режиме под усиленной охраной, без права расконвоирования и с использованием преимущественно на тяжелых работах содержались осужденные за бандитизм, вооруженный разбой, умышленные убийства, побеги из мест заключения и неисправимые уголовники-рецидивисты. Усиленный режим без права расконвоирования использовался в отношении осужденных за грабежи и другие опасные преступления. Все остальные заключенные содержались на общем режиме, который предусматривал возможность расконвоирования, использование на низовой административно-хозяйственной работе и привлечение к постовой и конвойной службе. Заключенные содержались в бараках, оборудованных в основном двухъярусными нарами, при норме жилой площади два квадратных метра на человека. В северных районах из-за

недостатка помещений допускалось снижение жилой нормы до 1–1,5 квадратного метра. Одеждой, обувью и питанием заключенные обеспечивались по утвержденным правительством нормам. Горячая пища выдавалась три раза в день, кроме этого, в колониях и лагерных подразделениях имелись платные столовые и ларьки с продуктами питания и предметами санитарии и гигиены. Для медицинского обслуживания заключенных использовались 196 амбулаторий, 1167 больниц и стационаров на 71 641 койку. Восстановление физического состояния для нуждавшихся в этом осуществлялось в оздоровительных пунктах. Основой исправительно-трудовой политики в лагерях и колониях являлось перевоспитание заключенных путем приобщения их к общественно-полезному труду и проведения в этой среде политико-воспитательной работы. Согласно учетным данным, из общего числа заключенных 55,6 % являлись годными к физическому труду, 32,7 % считались ограниченно годными и 11,7 % составляли инвалиды и престарелые, которые работать не могли. Все трудоспособные заключенные работали на предприятиях и стройках МВД СССР и на объектах других министерств и ведомств. Ограниченно годные к труду использовались на легких и подсобно-вспомогательных работах. Распределение по отраслям народного хозяйства было такое: в цветной металлургии работали 182 тысячи человек, в нефтяной промышленности — 96 тысяч человек, в угольной промышленности — 95 тысяч человек, на строительстве электростанций — 60 тысяч человек, на строительстве железных дорог — 51 тысяча человек, в лесозаготовительных лагерях — 229 тысяч человек, на специальных «атомных» строительствах Главпромстроя и Главспецстроя — 93 тысячи человек, в сельскохозяйственных лагерях — 45 тысяч человек и на других объектах промышленности и строительства — 46 тысяч человек. Остальные заключенные работали в промышленных и сельскохозяйственных колониях и лагерях МВД по месту их содержания и, выполняя установленный для них государственный план, находились на полном хозрасчете.

В перечень выпускавшейся ими продукции входили: конные бороны, тракторные сцепки, точильные аппараты, ветродвигатели, ручные пожарные насосы, швейные изделия, мебель, посуда и даже баяны. Все подразделения планы успешно выполняли, за исключением лесных лагерей ГУЛЛП, недавно переданных из Минюста. Процент выхода заключенных на работу в ряде случаев был ниже установленного, что часто обуславливалось не предоставлением необходимого фронта работ на предприятиях и стройках некоторых министерств. В связи с

амнистией из лагерей и колоний были освобождены большинство заключенных, имевших высокую квалификацию, что отразилось на производстве. В связи с этим проводились мероприятия по массовому обучению заключенных различным специальностям, а также организовывалось повышение квалификации кадров по ряду важных профессий. Заключенные за свой труд получали заработную плату, исчислявшуюся из пониженных на 30 % тарифных ставок, но с применением сдельно-прогрессивной и премиальной системы оплаты труда. В целях повышения заинтересованности заключенных, использовавшихся на работах оборонного значения, на добыче золота и в других важных отраслях, применялась система зачетов рабочих дней. Среди заключенных проводилась политико-воспитательная и культурно-массовая работа, направленная на развитие в них духа советского патриотизма и социалистического отношения к труду, разъяснялась внутренняя и внешняя политика партии и правительства, а также велись беседы на естественно-научные, правовые и другие темы. Для проведения этой работы в лагерях и колониях имелись 1807 библиотек, 338 клубов, 928 клубов-столовых, 1665 комнат культпросветработы и 1396 киноустановок, выписывались центральные и местные газеты, журналы. Силами заключенных устраивалась самодеятельные спектакли и концерты. Вместе с тем в последний год в лагерях и колониях произошли значительные изменения, связанные с передачей их в Министерство юстиции и проведенной амнистией. После освобождения большого контингента по амнистии подавляющую часть заключенных стали составлять лица, осужденные за особо опасные уголовные, а также за контрреволюционные преступления. В связи с этим произошла активизация оставшейся части заключенных против мероприятий лагерной администрации, разраставшаяся на фоне неспособности периферийных аппаратов Министерства юстиции к руководству лагерями и колониями, к обеспечению в них режима содержания и поддержанию должного порядка. В результате резко возросло число бандитских проявлений и групповых неповиновений заключенных, сопровождавшихся в ряде случаев человеческими жертвами. Хотя в последние месяцы преступность среди заключенных уменьшилась, за этот же период произошло 129 убийств на почве бандитских побуждений, личных счетов, мести, вражды между группировками. Из лагерей бежали 155 заключенных, из которых еще не задержано 38 человек. Все это являлось следствием серьезных недостатков в режиме содержания заключенных и в политико-воспитательной работе, проводимой среди них. Администрация мест заключения основное внимание

уделяла хозяйственной деятельности в ущерб выполнению главной задачи по перевоспитанию и исправлению осужденных. В лагерях и колониях не обеспечивалась надлежащая изоляция рецидивистов от основной массы заключенных, в том числе молодежи. При возникновении беспорядков начальники лагерей проявляли нерешительность, а в ряде случаев и трусость, несвоевременно пресекая уголовные проявления с изъятием зачинщиков. В нарушение установленных правил многие хозяйственные органы министерств и ведомств не обеспечивали трудового использования заключенных отдельно от вольнонаемных рабочих и служащих. В результате свободного общения заключенные устанавливали с ними близкие связи, осуществляли нелегальную переписку, приобретали запрещенные предметы и спиртные напитки. Политико-воспитательная и культурно-массовая работа с заключенными во многих лагерях находилась в неудовлетворительном состоянии и порой подменялась применением мер дисциплинарного воздействия. Крупные ошибки допускались в подборе, расстановке и воспитании кадров администрации, когда на многих должностях находились провалившиеся на прежних местах службы и неподготовленные работники. При рассмотрении уголовных дел о бандитских проявлениях в лагерях, сопровождавшихся убийствами, суды редко применяли высшую меру наказания. В результате бандиты, осужденные на срок до 25 лет, чувствуя свою дальнейшую безнаказанность, вновь совершали тяжкие преступления, продолжали терроризировать других заключенных и дезорганизовывать деятельность лагерных подразделений. Во исполнение постановления ЦК КПСС от 12 марта 1954 года МВД СССР разработало и стало проводить в жизнь ряд практических мероприятий по устранению серьезных недостатков в работе министерства, ГУЛАГа, местных органов МВД и наведению надлежащего порядка в работе исправительно-трудовых лагерей и колоний [38].

В целях уточнения правовой базы работы лагерного сектора в июле 1954 года министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал, а Совет Министров СССР утвердил новое «Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР». Этим документом определялись все стороны деятельности мест заключения совершеннолетних преступников, осужденных к лишению свободы. В качестве главной цели содержания в лагерях и колониях указывались создание условий, исключавших возможность совершать преступления осужденными, а также исправление и перевоспитание их на основе приобщения к общественно-полезному труду. В соответствии с новым

Положением несколько менялись режимы содержания заключенных: помимо общего и строгого вводился облегченный. На этот режим могли быть переведены заключенные, отбывшие треть своего срока, неукоснительно соблюдавшие требования режима и добросовестно относившиеся к труду. Облегченный режим предусматривал проживание в жилой зоне без внешней охраны, возможность самостоятельного следования на работу и обратно, проведение дней отдыха за пределами колонии. Положение четко и всесторонне определяло организацию труда заключенных, их обязанности и права, материальную ответственность за ущерб, меры поощрения и взыскания, проведение политико-воспитательной работы, обеспечение жилищно-бытового и медицинского обслуживания. Оговаривались условия освобождения, меры материального довольствия при выходе на свободу и трудового устройства «для получения возможности сразу же по отбытии наказания включиться в честную трудовую жизнь» [38].

В связи с тем, что в системе ГУЛАГа имелась серьезная кадровая проблема, 10 июля 1954 года Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об улучшении работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД». Во исполнение этого постановления Секретариат ЦК обязал Министерство внутренних дел СССР совместно с обкомами, крайкомами КПСС, ЦК компартий союзных республик и ЦК ВЛКСМ отобрать и направить на руководящую политическую и административную работу в лагерный сектор коммунистов и комсомольцев в количестве 2500 человек. При этом обращалось внимание на тщательный отбор новых работников «из числа наиболее политически подготовленных, способных улучшить работу лагерей и колоний». Было одобрено предложение министра внутренних дел Круглова С.Н. об организации краткосрочных курсов для специальной подготовки всех отобранных на работу в ИТЛ и колониях. Одновременно т. Круглову было предложено создать работникам, направлявшимся в лагерный сектор, необходимые материально-бытовые условия. Административному отделу ЦК КПСС поручили «установить систематический контроль» за решением этих вопросов [38].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1954 года министр внутренних дел Круглов С.Н. был награжден орденом Красной Звезды за выслугу 15 лет в системе органов внутренних дел. Это была последняя «высокая правительственная награда», которой был удостоен Сергей Никифорович. Первый свой такой же орден он получил 12 лет назад, в грозные годы Великой Отечественной войны. Всего же за это время Круглова

С.Н. наградили одиннадцатью советскими и двумя иностранными орденами, в числе которых были пять орденов Ленина, один Красного Знамени, два ордена Кутузова I и II степеней, орден Суворова I степени и два Красной Звезды. Впрочем, история Страны Советов показала, что высокие награды и звания отнюдь не защищали их владельца от крупных неприятностей.

Еще в 1953 году и в особенности с весны 1954 года первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым Н.С. были предприняты определенные шаги по пути политической реабилитации жертв массовых репрессий. В феврале 1954 года Круглов С.Н. был включен в состав членов Центральной комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Однако эта милосердная акция коснулась сравнительно узкого круга политических деятелей, в основном тех, кто был арестован и расстрелян по «ленинградскому делу». Между оправданием Кузнецова А.А., Вознесенского Н.А., Родионова М.И. и других, осужденных вместе с ними, и обвинениями в адрес Абакумова В.С. и ряда сотрудников бывшего МГБ имелась несомненная связь. Оправдание одних означало предъявление обвинений в адрес других участников массовых репрессий [64]. При этом в делах по реабилитации стал все явственнее просматриваться еще один аспект. Для людей посвященных не являлось тайной, что все члены тогдашнего политического руководства сами являлись активными участниками репрессий. Раньше других это осознал Хрущев Н.С., который решил дело реабилитации, получившее поддержку в самых широких слоях советского общества, взять в свои руки и повернуть его так, чтобы самому оказаться незапятнанным. Кроме того, предъявление обвинений ближайшим соратникам об участии их в репрессиях оказалось мощным оружием в борьбе за единоличную власть.

Параллельно с реабилитацией и восстановлением в правах осужденных по политическим мотивам велась работа по выявлению тех, кто являлся непосредственным исполнителем репрессивных приказов. Естественно, что такие «добросовестные» нарушители «социалистической законности» находились прежде всего в среднем звене руководителей госбезопасности и внутренних дел. Партийные «заказчики» репрессий пока что оставались «вне подозрений». 4 мая 1954 года Президиум ЦК КПСС обсудил вопрос «О пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении». Была создана еще одна комиссия по реабилитации, в состав которой вошел председатель Комитета государственной

безопасности Серов И. А. В результате проведенной работы 31 декабря 1954 года министр внутренних дел Круглов С.Н., председатель КГБ Серов И.А. и заведующий Административным отделом ЦК КПСС Дедов А.Л. представили в Центральный Комитет партии докладную записку о лишении генеральских званий бывших работников МГБ и МВД, допускавших нарушения социалистической законности и злоупотребления по службе, ряд из которых следовало привлечь к судебной ответственности. В число таких «не оправдавших доверия партии» и совершивших «проступки, порочащие высокое звание советского генерала», были включены шестнадцать уже уволенных из органов бывших «чекистов» со следующими реляциями. Генерал-лейтенант Сергиенко В.Т., который еще в 1939 году был выдвинут Берия с рядовой работы на должность начальника следственной части и заместителя начальника Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Работал заместителем, затем наркомом внутренних дел Украинской ССР. Не совсем понятным оказалось его поведение в годы оккупации на территории Украины. После войны, занимая руководящие должности, «грубо относился к подчиненным, огульно охаивал работников и недостойно вел себя в быту», «не считался с мнением политотдела и парторганизации», был освобожден от занимаемой должности и назначен с понижением. Генерал-майор Ручкин А.Ф. с 1943-го по 1953 год работал в органах МГБ на должностях наркома госбезопасности Татарской АССР, заместителя министра госбезопасности Белорусской ССР. В марте 1953 года назначен Берия начальником УМВД Ростовской области. Неоднократно совершал грубые нарушения законности, использовал служебное положение в личных целях, разбазаривал государственные средства и недостойно вел себя в быту. Генерал-лейтенант береговой службы Гладков П.А. с 1943-го по 1950 год работал в органах МГБ. Будучи начальником Управления контрразведки Военно-морского флота, злоупотреблял служебным положением, допускал незаконное расходование государственных средств. Когда в 1946 году эти дела вскрылись, «Абакумовым он не был привлечен к уголовной ответственности, а только понижен в должности». Исключался из членов партии, потом был переведен из членов в кандидаты КПСС. Комиссар милиции 3-го ранга Семенов Л.С., работая заместителем начальника отделения Главного управления госбезопасности НКВД СССР, «допускал фальсификацию следственных дел, грубо нарушал советскую законность, применял запрещенные методы ведения следствия». Генерал-лейтенант Врадий И.И., будучи заместителем начальника Главного управления разведки Смерш и заместителем начальника

Управления кадров МГБ СССР, «пользовался особым доверием и покровительством Абакумова, который незаслуженно продвигал его по службе и представлял к боевым правительственным наградам». Выполняя указания Абакумова, назначал на ответственные посты лиц, не внушавших доверия. Генерал-лейтенант Обручников Б.П., работая с 1936 года в органах, был заместителем министра сначала внутренних дел, затем госбезопасности. «Не оправдал оказанного ему партией доверия, нарушал партийные принципы подбора и расстановки кадров, выполнял вражеские указания Берия о назначении на руководящие должности в органах МВД подозрительных и не внушавших политического доверия лиц». Исключен из КПСС «за грубое нарушение установленного партией принципа подбора кадров, не сообщение в ЦК КПСС об антипартийных действиях Берия». Генерал-майор Григорян Х.И., работая в органах госбезопасности, имел тесные связи с Берия, Деканозовым, Багировым, пользовался их поддержкой. Являясь начальником отдела У ГБ НКВД Азербайджанской ССР, «грубо нарушал советскую законность. По его указаниям проводились массовые аресты граждан по сфальсифицированным материалам, применялись незаконные методы ведения следствия. В 1938 году им без основания был арестован ряд директоров, инженеров и стахановцев нефтепромыслов. Подлежал привлечению к уголовной ответственности, но по ходатайству Багирова и указанию Берия был оставлен на руководящей оперативной работе». Генерал-лейтенант Быстров А.С., работая в 1946–1949 годах начальником Управления контрразведки МГБ Ленинградского военного округа, создал нездоровую обстановку в коллективе, не проявлял требовательности к подчиненным, что привело к разложению дисциплины среди сотрудников. К работникам, выступавшим с критическими замечаниями, относился неправильно. За указанные недостатки снят с работы и решением КПК при ЦК КПСС ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. После назначения с понижением продолжал «формально относиться к работе и неправильно реагировал на критику». После назначения начальником оперативного отдела Минерального лагеря систематически пьянствовал, порученную работу довел до развала. Из органов уволен по служебному несоответствию. Генерал-майор Иванов В.В., работая в Следственной части НКВД СССР, в 1939 году проводил следствие по делу наркома внутренних дел Армянской ССР майора гб Хворостяна В.В., «который обвинялся как заговорщик против Берия». Материалов, изобличавших Хворостяна, не было. Находясь в Бутырской тюрьме,

подследственный умер. Тогда арестовали его жену Хворостян М.П., которую без оснований, просто «за выражение недоверия Берия» Особое совещание осудило на 8 лет ИТЛ. Осенью 1939 года Берия выдвинул Иванова на должность начальника секретариата Особого совещания НКВД СССР. Работая на этой должности, «допустил преступные действия, направленные к осуждению и незаконному содержанию в тюремном заключении невинных советских граждан». В 1947 году «за допущенные ошибки в работе и злоупотребление служебным положением» решением ЦК ВКП(б) освобожден от должности и назначен во 2-е Главное управление при Совмине СССР. В марте 1953 года с приходом Берия в МВД вновь был назначен начальником Секретариата Особого совещания. Уволен в запас «по фактам дискредитации высокого звания лица начальствующего состава». Кроме того, в докладной с подобными и другими обвинениями были указаны генерал-майоры Атакишев А.И., Новиков В.М., Белолипецкий С.Е., Болотин (Балясный) Г.С., Овакимян Г.Б., Быков Д.Р. и Смирнов П.П. Воинских званий проштрафившихся генералов лишили, а к уголовной ответственности был привлечен один Григорян Х.И. [38].

Помимо этого в порядке очищения органов внутренних дел от скомпрометировавших себя лиц за два года после июльского (1953 года) Пленума ЦК КПСС только из числа руководящего состава были уволены свыше 4 тысяч человек [25].

Одновременно с этим процессом Комиссия по реабилитации в массовом порядке восстанавливала в правах тех, кто пострадал в сталинские времена. По данному поводу в семейном кругу Сергей Никифорович как-то заметил: «Раньше арестовывали без причины, теперь реабилитируем без достаточных на то оснований».

30. Снятие с должности

Как уже отмечалось, новый партийный «вождь» Хрущев Н.С., продвинув на должность председателя Комитета государственной безопасности (КГБ) абсолютно преданного ему генерал-полковника Серова И.А., обеспечил себе со стороны этой грозной организации безоговорочную поддержку. КГБ оказался не просто под эгидой Президиума ЦК КПСС, но со временем стал выполнять в основном личные указания Никиты Сергеевича. С весны 1954 года Хрущев Н.С. полюбил отправляться в официальные зарубежные поездки, сначала побывал в Швейцарии, затем в Китае. В свите, сопровождавшей первого секретаря партии во время этих вояжей, непременно находился Серов И.А., причем выполнявший не только обязанности начальника охраны советских официальных лиц, но и, мягко говоря, функции «завхоза». В подтверждение этого секретарь ЦК Шепилов Д.Т. так вспоминал о поездке в Китай в составе партийно-правительственной делегации. «Хрущев был очень привередлив в еде и частенько покрикивал:

— Серов! Почему суп не горячий?

— Иван Александрович! Ты что, решил нас несолеными отбивными кормить?

— Серов! А вобла есть?

Серов, присаживающийся обычно к краю стола, на окрик Хрущева срывался с места и мчался на кухню поправлять дело» [76].

При таком «карманном» главе тайного силового ведомства «наш Никита Сергеевич», как его «демократично» стала называть партийная элита, осуществил стремительное движение к вершине единоличной власти. В начале 1955 года, на январском Пленуме ЦК КПСС, Хрущев Н.С. обвинил своего ближайшего, но недостаточно решительного соратника Маленкова Г.М. в отсутствии необходимых знаний, опыта хозяйственной и советской работы. В вину председателю Совета Министров СССР было поставлено его предложение о необходимости увеличения финансирования легкой промышленности за счет некоторого сокращения развития тяжелой промышленности, причем в значительной степени ориентированной на военное производство. Никита Сергеевич оценил такую тенденцию как теоретически неправильную и политически вредную. В сходных выражениях первый секретарь ЦК критиковал и внешнеполитические воззрения Маленкова Г.М. Сам же Хрущев Н.С. стоял на позиции необходимости активного продвижения

социализма по всем континентам и полной ликвидации капитализма, имевшего преступные замыслы по развязыванию атомной войны. На этом пленуме Маленков Г.М. впервые был публично обвинен в сотрудничестве с Берия, особенно в поддержке его предложения о возможности создания единой нейтральной Германии, а также в том, что он несет ответственность за «ленинградское дело» и ряд других политических процессов, проходивших в сороковых и начале пятидесятых годов. После Пленума ЦК февральская сессия Верховного Совета СССР освободила Маленкова Г.М. от должности председателя Совета Министров СССР и на это место назначила хрущевского приверженца Булганина Н.А., по характеру вялого и нерешительного. Самого же Маленкова Г.М. перевели на должность заместителя председателя Совета Министров СССР и одновременно поставили министром электростанций СССР. В это же время, 9 февраля 1955 года, министром обороны стал другой «человек Хрущева» — маршал Жуков Г.К.

В отношении МВД СССР Хрущев Н.С. вел политику на сокращение штатов и снижение статуса этого ведомства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1955 года было образовано Министерство внутренних дел РСФСР. С одной стороны, создание такой организации являлось необходимым, поскольку самая большая республика Советского Союза не имела своего МВД и его задачи вроде как «по совместительству» решало МВД СССР. Но, с другой стороны, союзному министерству теперь отводилась роль лишь координатора действий республиканских министерств внутренних дел. Правда, штатный состав МВД РСФСР назначили достаточно небольшой — всего 820 должностей, в то время как в центральном аппарате МВД СССР числились более четырех с половиной тысяч человек. Территориально республиканское министерство разместилось в том же здании своего «союзного собрата» на улице Огарева (ныне Газетный переулок), дом 6. Министром внутренних дел РСФСР назначили генерал-лейтенанта Стаханова Н.П., которого в связи с этим освободили от должностей заместителя министра и начальника Главного управления милиции МВД СССР. В структуру республиканского министерства вошли Управления милиции, исправительно-трудовых лагерей и колоний, пожарной охраны, службы местной противовоздушной обороны, кадров, архивное, хозяйственное и тюремное, а также Отделы детских колоний, надзора за ссыльными, фельдсвязи и некоторые другие. 2 июня 1955 года была образована Коллегия МВД РСФСР, председателем которой стал министр Стаханов Н.П., а в качестве

членов в нее вошли заместители министра Абрамов И.Н., Богданов Н.К., Куреев А.В. и Усов М.А., а также начальники управлений Земской М.И., Клименко А.Л. и Малинин Г.А. [10].

Сделанный в соответствии с представлением министра внутренних дел СССР Круглова С.Н. переход генерал-лейтенанта Богданова Н.К. на работу в Министерство внутренних дел РСФСР на должность заместителя министра позволил моему отцу покинуть город на Неве и вернуться в Москву. После того, как в Ленинграде начальника УМВД Богданова Н.К., приписав к «бериевцам» и «врагам народа», нещадно и несправедливо критиковали, а потом с подачи Хрущева Н.С. все обвинения враз сняли, отец нам говорил, что работать здесь не сможет, поскольку в отношении лично его обстановка сложилась не слишком благоприятная. Все «оппоненты», недавно обливавшие Богданова Н.К. грязью, после вмешательства секретаря ЦК забыли про публично высказывавшиеся ими претензии и стали «вилять хвостом». Преследовать своих обидчиков было не в характере отца, но и работать с такими людьми дальше, заниматься их воспитанием особого желания не имелось.

На освободившуюся должность заместителя министра внутренних дел СССР по милиции получил назначение генерал-лейтенант Филиппов Т.Ф., ранее возглавлявший Главное управление внутренней и конвойной охраны (ГУВКО) МВД СССР. В этот период в связи с нараставшей угрозой атомного нападения со стороны нашего вероятного противника 29 июня 1955 года Совет Министров СССР принял постановление «О мероприятиях по повышению готовности местной противовоздушной обороны страны к защите населения и промышленных объектов от атомного оружия». Задача оказалась настолько важной и масштабной, что в МВД СССР была введена должность первого заместителя министра внутренних дел по МПВО, на которую назначили генерал-лейтенанта авиации Толстикова О.В. При этом на базе имевшегося Главного управления службы МПВО был создан Штаб МПВО страны при МВД СССР, который возглавил бывший начальник этого главка генерал-лейтенант Шередега И.С. [10].

На одном из совещаний Хрущев Н.С. упрекнул МВД в том, что оно опять (кстати, с его же подачи. — *Ю.Б.)* превратилось по существу в хозяйственно-строительное министерство, а со своими основными задачами по поддержанию общественного порядка не справляется. Действительно, проблемы с милицией, находилась ли она в течение нескольких лет в составе МГБ или вновь вернулась в состав МВД, оставались прежними. Более того, роль «профессионалов» даже несколько ослабла в связи с тем, что

появилась идея «опоры на общественность», в соответствии с которой органы охраны правопорядка должны были постепенно свертываться, а их функции передаваться общественным формированиям. Такая тенденция привела к тому, что возникли явные диспропорции в развитии милиции как в городах, так и в сельской местности. Особенно это проявилось после амнистии 1953 года, когда поступило большое количество жалоб на ухудшение оперативной обстановки в различных регионах страны. Вся ответственность за ухудшение криминогенной ситуации была возложена на милицию, работа которой была признана неудовлетворительной. Одним из существенных недостатков явилось то, что в течение ряда лет (в бытность в составе МГБ) многие органы милиции строились без учета оперативной обстановки, особенностей республик, краев, областей и количества населения. 5 марта 1954 года министр внутренних дел Круглов С.Н. подписал приказ, которым упорядочивалось организационно-штатное построение органов милиции по всему Союзу ССР. Затем была утверждена типовая структура областных (краевых) аппаратов милиции. К концу 1955 — началу 1956 годов по всей стране была создана с учетом новых штатов сеть союзных, республиканских, окружных, городских, районных и поселковых подразделений милиции. В составе органов правопорядка в этот период насчитывались более 250 тысяч человек. Оставались, конечно, нерешенными вечные проблемы низкой заработной платы, что вело к большой текучести личного состава, и недостаточного образовательного уровня работников. Однако теперь подготовка кадров осуществлялась в 4 высших и 13 средних специальных школах милиции [11].

С подачи Хрущева Н.С. стали сокращаться строительные функции Министерства внутренних дел СССР: постановлением Совета Министров от 14 марта 1955 года Главпромстрой из МВД был переведен в состав Министерства среднего (атомного) машиностроения [9].

Несколько слов надо сказать и об обеспечении пожарной безопасности, общее руководство которой, ввиду значимости этого вопроса, в пятидесятые годы в стране в целом осуществлял Совет Министров СССР. Непосредственное управление противопожарной службой было возложено на союзно-республиканские МВД. С 1953-го по 1957 год Главное управление пожарной охраны (ГУПО) МВД СССР возглавлял партизанский генерал, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета Сабуров А.Н., который за счет своей энергии и настойчивости внес ряд положительных сдвигов в это непростое дело. На основе

законов СССР, указов Президиума Верховного Совета, постановлений правительства Министерство внутренних дел издало регламентирующие документы по вопросам пожарной безопасности и организовало проверку их исполнения. Функции государственного пожарного надзора выполняли ГУПО, управления пожарной охраны МВД союзных и автономных республик и управления внутренних дел исполнительных комитетов краев и областей. В эти годы постоянно велась работа по совершенствованию противопожарной защиты объектов народного хозяйства, средств тушения огня, вовлечению общественности в борьбу с пожарами. Оправдал себя введенный в начале пятидесятых годов институт внештатных пожарных инспекторов. Хорошо работали пожарно-технические комиссии на промышленных предприятиях, повышалась их роль в борьбе с нарушениями правил пожарной безопасности. На основании постановления Совмина СССР 1955 года «Об усилении пожарной охраны в сельской местности» в колхозах стали строиться пожарные депо, водоемы, технический водопровод, создавались устройства грозозащиты, общественные строения (школы, больницы, клубы) обеспечивались средствами пожаротушения. К сожалению, сложное экономическое положение страны не позволяло удовлетворять все потребности пожарной охраны [11].

Свою нелегкую службу успешно несли пограничные войска, после объединения министерств в 1953 году вернувшиеся в состав МВД СССР. Пограничники во все времена представляли собой особую «касту» служивых людей, находившихся в постоянной готовности к защите священных рубежей нашей Родины. Поскольку рассредоточены они были по всей периферии огромной страны и имели весьма четкие задачи, их проблемы в работе руководства центрального аппарата МВД отражены в литературе достаточно слабо. Передача пограничных войск в состав КГБ в 1957 году явилась, по-видимому, вполне оправданной. Значительно сокращенные после войны внутренние и конвойные войска МВД утратили свое «боевое» название и стали именоваться охраной. Войска внутренней охраны привлекались для обеспечения порядка при проведении массовых мероприятий. Дивизия имени Ф.Э. Дзержинского постоянно участвовала в парадах на Красной площади при праздновании дней 1 мая и 7 ноября. Конвойные войска обеспечивали выполнение задач по сопровождению осужденных при их перемещении с одного объекта на другой [11].

В связи с тем, что «военная составляющая» в Министерстве внутренних дел значительно сократилась, Хрущев Н.С. на основании собственных представлений об этом ведомстве, решил

недостаточно обоснованно работников аппарата «распогонить и разлампасить», то есть лишить офицерских и генеральских званий, превратив МВД в гражданскую организацию. Эту тенденцию активно поддержал министр обороны маршал Жуков Г.К., считавший «настоящими военными» только генералитет и офицерский корпус Вооруженных Сил СССР. Вот тут-то и произошел серьезный конфликт между бывшими соратниками по оружию в годы войны Кругловым С.Н. и Жуковым Г.К. Министр внутренних дел отстаивал собственную точку зрения о том, что без военной дисциплины, централизации власти такая сложная и огромная по своим масштабам организация, как МВД, не сможет эффективно работать. Ясно, что подобая позиция являлась неприемлемой для высшего руководства страны, что привело к соответствующим последствиям. Центральный аппарат МВД СССР продолжал последовательно сокращаться: приказом от 25 мая 1955 года штатная численность союзного министерства была сокращена еще на 326 единиц в пользу расширения МВД РСФСР [10].

Одной из инициатив Хрущева Н.С. как «специалиста» по сельскому хозяйству явилось предложение об освоении целинных и залежных земель в Казахстане, с которых можно было получить «дешевый хлеб». Несмотря на возражения ряда соратников, правительственное решение по этому поводу было принято, и в бескрайние казахстанские степи потянулись бесконечные эшелоны с добровольцами-целинниками, строительными материалами и сельскохозяйственной техникой. Правда, теперь говорят, что шумиха, поднятая вокруг освоения новых земель, являлась лишь прикрытием для строительства в районе маленькой железнодорожной станции Тюра-Там грандиозного космического центра, получившего в дальнейшем название Байконур, который прославился запуском спутников Земли и управляемых человеком космических кораблей. Конечно, несмотря на комсомольский задор, такие большие дела не могли свершаться без участия подневольных тружеников, находившихся в распоряжении МВД, о чем советская пресса, естественно, не упоминала. 24 марта 1955 года министр внутренних дел Круглов С.Н. направил на имя Хрущева Н.С. и Булганина Н.А. письмо с просьбой разрешить ему выехать на три недели в командировку в Казахскую ССР по вопросу освоения целины. МВД СССР было поручено строительство целинных совхозов и зернохранилищ, на что были ориентированы Карагандинский и Артабарский исправительно-трудовые лагеря, подчинявшиеся Управлению ИТЛК МВД Казахской ССР [43]. Сергей Никифорович решил

лично побывать в этих краях, где когда-то сам работал в молодости, чтобы на месте «помочь организовать это новое дело». Не сомневаюсь, что связана эта поездка была и со строительством объектов космодрома, но конкретных сведений об этом у меня нет. Во время своей командировки Круглов С.Н. тесно общался с тогдашним секретарем ЦК компартии Казахстана Брежневым Л.И. Вместе они проводили совещания работников, занятых этим строительством. К сожалению, в перспективе столь близкое знакомство с будущим генеральным секретарем ЦК КПСС не позволило Сергею Никифоровичу решить появившиеся у него серьезные проблемы.

Возникшее после Второй мировой войны противостояние между Советским Союзом и ведущими капиталистическими странами постепенно превратилось после всевозможных ядерных угроз в «холодную» идеологическую борьбу двух непримиримых политических систем, в которой все средства были хороши, чтобы как можно лучше «обругать» противника и показать его несостоятельность. В этом плане старались как советские средства массовой информации, трудившиеся под партийным руководством ЦК, так и «свободная» пресса западных держав. В такую пропагандистскую «разборку» попал однажды и герой нашего повествования, никогда не стремившийся к популяризации своей личности, тем более международной. В 1955 году в американском журнале *«Sunshine* (Солнечный свет) *Magazine»*, издававшемся в штате Иллинойс, появилась статья, в которой автор поместил тринадцать фотографий различных руководителей коммунистического блока, включавших девять советских, двух китайских, вьетнамского и французского товарищей. Свое повествование заморский корреспондент предвосхитил такой сентенцией: *«Эти 13 человек являются Вашими смертельнейшими врагами на лике Земли».* Подбор и иерархия расстановки персонажей вызывают определенное удивление, но оставим этот вопрос на совести журналиста, который, на мой взгляд, действовал по принципу: слепил статейку из того, что было. Персонально в статье приводились изображения: Круглова (крупное, на всю страницу, но обрезанное чуть выше бровей и немного ниже губ), Маленкова, Хрущева, Жукова, Молотова, Зорина, Малышева, Новикова, Кузнецова, Лю Шао ци, Чжоу Энь лая, Хо Ши Мина и Жака Дюкло (все размером приблизительно 5х7 см.). К приведенным фото автор дал в основном весьма непрезентабельные характеристики известных личностей, что поразило даже американских читателей. Во всяком случае, один, очевидно, порядочный человек,

ознакомившись с данной публикацией, решил написать в *«Советскую Россию»* письмо с просьбой ответить на возникшие у него в связи с прочтением статьи вопросы. Поскольку первым в серии фотографий и комментариев шел министр внутренних дел СССР Сергей Н. Круглов (которому почему-то, больше всего и досталось от автора), то послание из-за океана оказалось направленным именно ему. Полученные в Москве письмо и статью из США руководитель группы Секретариата МВД старший лейтенант Гладкий Н. перевел с английского на русский язык и представил для ознакомления министру внутренних дел Круглову С.Н. Причем описание наших руководителей показалось работнику Секретариата столь «нетрадиционным», что он на всякий случай указал на своем переводе популярной зарубежной статьи гриф «Совершенно секретно». Процитируем «перевод с английского» рукописного текста американского отправителя письма:

Уважаемый мистер Круглов! Как депутат и простой рабочий своей страны, я очень интересуюсь правдивостью прилагаемой статьи, предназначенной, так сказать, «для пропаганды». Я решил написать лично Вам, указанному в этой статье как «жестокому человеку», чтобы выяснить два очень интересующих меня вопроса:

1. Ведется ли в Вашей стране такая же пропаганда в отношении нашего президента и военных лидеров?

2. Можем ли мы ожидать поддержания дружественных отношений между Россией и Америкой, если будут публиковаться подобные статьи?

Приведу Вам высказывание одной американской женщины по поводу материла данной статьи: «Было время, когда я ездила в Россию, жила там и работала вместе с хорошими людьми». Вот почему я считаю эту публикацию весьма глупой, согласны ли Вы со мной?

В Америке много простых людей, считающих себя наподобие «царя Давида», который требовал от своих воинов четкого исполнения служебного долга и никогда не думал о том, чтобы обмануть их. Было бы прискорбно, если бы Вы оказались хуже этого персонажа, поскольку служить «разрушителю» менее достойно.

Если Вы посчитаете необходимым опубликовать мое письмо, то будьте любезны поместить одновременно и свой ответ мне.

Преданный Вам (подписи нет, но, видимо, в шутку, в кавычках указано *«Селлу с нашей аллеи»*).

Присланная статья из американского журнала называлась:

«Встречайте Вашего врага лицом к лицу (face to face)». Обращаясь к первой (во весь лист) фотографии, автор написал:

Слева лицо человека по фамилии Круглов. Оно выглядит, как лицо обыкновенного гражданина — продавца, булочника, учителя школы или ничем не выделяющегося маленького человека, сидящего против Вас в автобусе. Но, всмотритесь повнимательней! Его полное имя Сергей Н. Круглов. Он — советский Министр внутренних дел, руководит миллионной армией МВД, имеющей на вооружении танки, самолеты, артиллерию. Его служебная деятельность заключается в следующем:

1. Подавлять любое сопротивление, направленное против режима.

2. Предотвращать утечку всякой информации относительно жизни и государственного режима у них там, за железным занавесом, для чего ограждать от перехода на запад любого мужчины, женщины или ребенка.

3. Уничтожить Вас.

Последнее — это именно то, что является конечной целью его деятельности. Он является одним из высокопоставленных и могущественных советских людей, одним из 13 светил, ратующих за мировую революцию. Их метод работы — холодная война. Их планы охватывают одну треть населения Мира, одну четвертую часть площади Земного шара. Но их конечная цель — покорение всего Мира.

Так что посмотрите еще раз повнимательнее на это обыкновенное лицо Сергея Круглова — это лицо Вашего злейшего врага.

Приведем для сравнения описания и других персонажей, выполненные в совершенно не привычной для советских людей манере.

Теперь всмотритесь еще лучше: это генералиссимус холодной войны Георгий Маленков, 53 лет. Он хитро начал прокладывать свой путь к власти, играя главную роль в чистке 1935–1938 годов. Этот толстый коротконогий бюрократ создал личный аппарат внутри партии, свергнув невинные жертвы при помощи своих людей. Сейчас он, очевидно, прочно чувствует себя у руля власти (американский журналист, видимо, не знал, что Маленков Г.М. недавно был смещен с поста председателя Совета Министров СССР. — *Ю. Б.*). *Он пытается убедить свободный мир, будто бы коммунистическая экспансия приостановилась.*

Набиравшего силы партийного вождя советского народа журналист оценил несколько скромно:

Сын потомственного шахтера Никита Хрущев, в возрасте 60 лет, является вторым по степени влияния лицом в стране. Он дважды награжден за свою деятельность, направленную против украинского национализма: Сталин удостоил его медали, а украинские патриоты угостили огнем ручной гранаты. Сейчас, занимая пост генерального секретаря Коммунистической партии, он старается поднять пошатнувшуюся мораль народа в своей стране, обещая больше масла и меньше пушек.

Положительно характеризуя нового министра обороны СССР, автор числил его еще по старой должности:

Заместитель Министра обороны Маршал Георгий Жуков командует 4-х миллионной Советской Армией. Это популярный полководец, опытный генерал и преданный коммунист. Он является Трижды Героем Советского Союза, награжденным за заслуги, которые привели к коренному перелому в ходе Второй мировой войны.

Далее следовала еще одна важная политическая фигура:

Вячеслав Молотов, 65 лет, является мастером стратегии холодной войны. В течение своей 20-летней деятельности в качестве главного русского дипломата, он больше, чем любой другой Министр иностранных дел современной истории, изменял курс политики. В течение только одного года он расторг шесть мирных договоров. При посещении президента Рузвельта в Белом Доме, всегда приезжал с большой охраной, вооруженной пистолетами.

Далее следовали советские руководители рангом поменьше:

Валентин Зорин, заместитель Министра иностранных дел и бывший председатель Коминформа, руководил коммунистическим переворотом в Чехословакии и наблюдал за чистками в странах-сателлитах. Низкого роста, толстый, седой, часто улыбается, показывая золотые зубы. Он больше похож на банкира, чем на высокопоставленного дипломата.

Заместитель Премьера Вячеслав Малышев во время Второй мировой войны был награжден за производство отличных советских танков и артиллерии. Единственный настоящий

инженер в русском высокопоставленном руководящем кругу. Сейчас он занимается производством атомного и водородного оружия».

Далее следовали главнокомандующие видами Вооруженных сил СССР:

Маршал авиации Александр Новиков командует военно-воздушными силами с 20 тысячами самолетов, включающими бомбардировщики дальнего действия, которые обрушат на Вас свои бомбы, если война начнется. Во время второй мировой войны, возглавляя воздушные силы страны, бывший летчик, 54-х лет, разработал тактику разгрома противника при взаимодействии авиации с наземными войсками. Награжден за руководство воздушными силами в боях под Сталинградом.

Адмирал Николай Кузнецов, являясь протеже Сталина, стал главным морским начальником в 1939 году в возрасте 37 лет. Во время второй мировой войны начал строительство вспомогательного флота. Сейчас командует 375 боевыми кораблями, включающими легкие суда дальнего плавания, способные нести атомное оружие.

Теперь американский журналист принялся за китайских руководителей:

Приближенный Кремля Лю Шаоци, возраст 51 год, официально является Вице-председателем красного Китая. Сухощавый, серьезный на вид — это Вам не Мао (Цзэдун). Он является действительно выдающейся личностью, почти не известной за пределами своей страны. С 1922 года был членом Политбюро и возглавлял Секретариат Коммунистической партии Китая.

Чжоу Эньлай, 55 лет, занимает посты премьера Государственного административного Совета и Министра иностранных дел красного Китая. Он является широко известным государственным деятелем. Возглавляя переговоры с националистами, многим иностранцам смог доказать, что китайские коммунисты — это отнюдь не московские товарищи. Противники, обманутые этим одаренным актером, называли его остроумным, очаровательным и тактичным».

К китайским руководителям добавился вождь вьетнамского народа:

Хо Ши Мин, 62 лет, стал главой новейшего государства коммунистической империи — Северного Вьетнама. Пропагандист,

коммунист и националист с 1920 года. Его маленькая страна может стать ключевой в ходе холодной войны, а при благоприятных обстоятельствах способна содействовать завоеванию большого по численности населения Юго-Восточной Азии.

Последними характеризовались два лидера коммунистических партий капиталистических стран:

Французский коммунист Ж. Дюкло, 58 лет, по внешнему виду шарообразный, бывший пирожник, выступает в качестве главы второй по численности в свободном мире, огромнейшей Коммунистической партии Франции. Первой в этом плане является итальянская Компартия. Однако, несмотря на то что итальянский коммунист Пальмиро Тольятти (фотография не приведена. — *Ю. Б.*) *обладает даже большим влиянием, чем Дюкло, Франция имеет более важное значение в оборонительной стратегии НАТО, чем Италия. Своих успехов Дюкло добился, убеждая приверженцев не красных сил в том, что его партия не играет роли иностранного агента. И даже когда его арестовали с блокнотом, содержавшим задания Москвы, направленные на подрыв усилий Франции в Индкитае, привлечение его к ответственности в качестве шпиона не было использовано».*

Никакого итогового резюме автора по поводу представленных им персонажей сделано не было. По американской манере делать выводы предоставлялось на волю читателей.

Думаю, что ни официального, ни частного ответа на письмо американского *«депутата и простого рабочего»* не последовало. Министр внутренних дел Круглов С.Н. просто не дал хода этим нелицеприятным для советских руководителей материалам. Пользуясь своей властью, просто забрал домой все бумаги, несмотря на поставленный на переводе гриф совершенной секретности, и они осели сначала в «домашнем архиве», а теперь оказались в Личном фонде № 10 146 ГАРФ [26].

Последние годы жизни Сталина И.В. и последующие пару лет работа руководящего состава не только МВД, но и других ведомств была столь насыщена, что отцы наши даже позабыли о том, что им полагался ежегодный отпуск. Правда, по инициативе Хрущева Н.С. рабочий день теперь упорядочивался и ночные бдения отменялись. В большинстве учреждений работа начиналась в 9 часов утра и, с часовым перерывом на обед, заканчивалась в 17 часов. Выходным днем являлось воскресенье.

Затем, чтобы улучшить условия для отдыха, субботу тоже сделали нерабочей, а в обычные дни рабочее время продлили до 18 часов.

Побывав последний раз в отпуске в 1948 году, Сергей Никифорович только теперь постановлением Совмина от 25 апреля 1955 года получил разрешение вновь отправиться на месячный отдых с 15 июля. Вместе с женой Таисией Дмитриевной поехали по путевке в Крым в Нижнюю Ореанду. Пусть хотя бы не надолго удалось отойти от повседневных забот, спокойно посмотреть на те места, где десять лет назад проходила конференция глав трех великих держав. Вместе с тем общая обстановка в высших эшелонах власти не настраивала на спокойный лад. Чувствовалось, что грядут серьезные перемены.

А пока что можно было подумать о семейных заботах. Как всегда, дети незаметно выросли, окончили школу, причем с золотыми медалями. В 1953 году дочь Ирина поступила на физический факультет Московского государственного университета (МГУ). На следующий год сын Валерий стал студентом Московского энергетического института (МЭИ). Ирина успешно проучилась на физфаке два года, однако в связи с возникшими у нее проблемами со здоровьем по настоянию врачей ей пришлось перевестись на биолого-почвенный факультет МГУ.

Дед Никифор, отец Сергея Никифоровича, умер в 1954 году, и был похоронен на Новодевичьем кладбище. В связи с тем, что овдовевшая Любовь Игнатьевна имела возрастные проблемы со здоровьем, наследовавшаяся после смерти Никифора Яковлевича недвижимая собственность в виде половины дома и участка на станции Правда была оформлена на жену Сергея Никифоровича Таисию Дмитриевну. Этой загородной постройкой практически не пользовались, поскольку в распоряжении семьи в то время имелась государственная дача. Таисия Дмитриевна продолжала заниматься домашними хлопотами, но все время, несмотря на слабое здоровье, хотела устроиться на работу. В ноябре 1955 года она была зачислена на должность референта Управления по делам научно-технического сотрудничества Главного управления по делам экономических связей (ГУЭС) со странами народной демократии.

Если министр внутренних дел Круглов С.Н. мог ощущать какую-то неуверенность в своем положении, то его бывший заместитель Серов И. А., став председателем КГБ, круто «набирал обороты». 8 августа 1955 года ему было присвоено звание генерала армии. С учетом того, что с 1945 года новые или очередные генеральские звания в МВД и МГБ больше никому не присваивались, такое поощрение явилось весьма неординарным

явлением, инициатором которого, несомненно, был Хрущев Н.С. Вместе с тем, данное событие выглядело несколько странным на фоне лишения ряда бывших сослуживцев Серова И.А. генеральских званий. Да и потом, как это вязалось со стремлением всех работников компетентных органов «распогонить и разлампасить»? Но одним званием дело не ограничилось: буквально следом, 25 августа того же года, Серова И. А. в связи с его пятидесятилетием наградили орденом Ленина [76]. Можно сказать лишь одно: если такие «звезды» раздают, значит, это кому-то нужно.

Несмотря на проводившуюся реабилитацию жертв репрессий, отменять принудительный труд в Стране Советов никто не собирался. Правда, в местах лишения свободы накопилось достаточно много нетрудоспособных заключенных, которые, с одной стороны, являлись балластом для пенитенциарных учреждений, а с другой стороны, опасности для общества не представляли. По инициативе министра внутренних дел Круглова С.Н. 3 сентября 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых, лиц, страдающих тяжелым недугом, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей». 15 сентября 1955 года министр юстиции Горшенин К.П. и первый заместитель Генерального прокурора Баранов П.В. обратились в ЦК КПСС с письмом, в котором предлагали дополнить статью 2 данного указа ограничениями в отношении освобождения крупных расхитителей социалистической собственности. 19 ноября 1955 года это предложение было рассмотрено Секретариатом ЦК КПСС и была создана комиссия в составе Золотухина В.В., Руденко Р.А., Горшенина К.П. и Круглова С.Н. для выработки соответствующего проекта постановления ЦК. Однако на заседании комиссии заместитель заведующего административным отделом ЦК КПСС Золотухин В.В. выдвинул новое предложение: не распространять досрочное освобождение на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и убийства. Министр внутренних дел Круглов С.Н. не согласился с такой категоричностью суждения, поскольку имел данные, что в указанном контингенте находились престарелые и больные заключенные, которые работать не могли, а потому являлись непроизводительной обузой для исправительно-трудовых лагерей. По его мнению, эти помилованные зэки, вернувшись домой, уже не имели физической возможности заниматься своими прежними противозаконными делами [84]. Однако, как всегда случается при таких амнистиях, на свободе оказались и некоторые «действующие» уголовники, сумевшие найти для себя

различные лазейки в законодательстве и некомпетентности администрации. В результате в стране опять, как после амнистий 1945 и 1953 годов, поднялась волна воровства и насилия. Виновником неблагоприятной криминогенной обстановки оказался, естественно, министр внутренних дел Круглов С.Н., являвшийся инициатором милосердной акции. Ситуация в стране дополнительно осложнилась тем, что к выходившим на свободу заключенным добавлялись потоки возвращавшихся на родину бывших спецпоселенцев, которым теперь стали выдавать паспорта, уравняв их в правах с остальными гражданами. 17 сентября 1955 года вышел еще один указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны». В течение всего 1955 года советское правительство приняло ряд решений о снятии с учета спецпоселенцев немецкой национальности. Сначала были восстановлены в правах «советские немцы», являвшиеся членами и кандидатами в члены КПСС, вместе с их семьями. Затем получили свободу все дети немецких спецпоселенцев с правом призыва их в армию. Полностью правовые ограничения со всей «наказанной» немецкой диаспоры были сняты 13 декабря 1955 года [39]. Кроме этого, еще 22 января 1955 года генеральный прокурор Руденко Р.А., министр юстиции Горшенин К.П., министр внутренних дел Круглов С.Н. и председатель КГБ Серов И.А. вновь обратились в ЦК КПСС с предложением отменить бессрочную ссылку всем лицам, отбывшим свой срок и освобожденным из ИТЛ и тюрем, но по указу Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года повторно наказанным вечным поселением. Получилось так, что 25 тысяч человек, вышедших из лагерей и тюрем в период после окончания войны и до дня выхода этого указа, были вновь арестованы и принудительно направлены «в места не столь отдаленные». Хотя в 1954 году по указанию ЦК КПСС сосланные по этой директиве были освобождены, тем не менее в ссылках под надзором МВД СССР все еще находились 54 509 повторно наказанных человек. В связи с этим обратившиеся в ЦК руководители считали целесообразным «освободить из ссылки лиц, сосланных в свое время по мотивам принадлежности их к антисоветским организациям и общественной опасности (15 403 человека)», а также «украинских, белорусских, литовских, латышских, эстонских и других националистов (23 160 человек)», направив их по месту жительства своих выселенных семей. Вопрос об освобождении из ссылки «осужденных по обвинению в высказывании террористических и диверсионных намерений, принадлежности к вражеской агентуре и в других преступлениях

(15 746 человек)» предлагалось передать на рассмотрение комиссий с предоставлением им права решать вопрос об оставлении некоторых лиц в ссылке на срок до 5 лет. Поскольку данный вопрос не был сразу решен, об этих предложениях вновь напомнили партийному руководству в августе 1955 года. Только в конце текущего года Президиум ЦК поручил подготовить постановление упомянутой инициативной группе с привлечением к работе прокуроров Литовской, Латвийской, Эстонской, Украинской и Белорусской ССР. Окончательное решение по данному вопросу было принято 13 февраля 1956 года [84]. А впереди предстояли еще решения о реабилитации депортированных народов — поляков, калмыков, греков, болгар, армян, крымских татар, балкарцев, турок-месхетинцев, курдов, хемшилов [39].

Таким образом, постепенно сворачивалась деятельность МВД СССР по контролю за спецпоселениями. После передачи в КГБ пограничных войск, решавших общесоюзную задачу, остальные функции союзного министерства легко было поделить между республиканскими министерствами внутренних дел. Вопрос шел в направлении полной ликвидации МВД СССР, что и было сделано в 1960 году. Но сначала нужно было убрать со своего поста опытного министра внутренних дел, поставив вместо него партийного непрофессионала, который выполнил бы все, что ему повелят.

В работе Круглова С.Н. стали искать ошибки как реальные, так и мнимые, которые в таком огромном министерском хозяйстве легко было и наделать, и выдумать. 24 декабря 1955 года состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором было высказано недовольство деятельностью министра внутренних дел Круглова С.Н. В черновой стенограмме этого заседания записано: «т. Круглов — неважный минвнудел. Подобрать на это дело другого человека». Секретариату ЦК было поручено «разработать порядок и министра подобрать» [84].

Затем резкой критике Круглов С.Н. подвергся на заседании Совета Министров. В домашнем кругу Сергей Никифорович с огорчением посетовал, что особенно постарался его «отругать» бывший первый заместитель, а ныне председатель КГБ Серов И.А. Основные претензии касались последствий проведенной амнистии. Совет Министров своим распоряжением постановил вынести на обсуждение Президиума Верховного Совета СССР проект указа «Об освобождении Круглова С.Н. от обязанностей министра внутренних дел СССР» [26].

Ровно десять лет назад, в декабре 1945 года, было принято решение о назначении Круглова С.Н. на должность наркома (с

марта 1946 года — министра) внутренних дел. Теперь, в декабре 1955 года, состоялось решение о снятии его с этой должности. Однако окончательный вердикт подписан еще не был, и Сергей Никифорович пока что оказался просто не у дел. Он по-прежнему приходил на работу, но документов ему уже не адресовали, текущие вопросы решались не с ним, бывшие «доброжелатели» старались пройти стороной и не поздороваться с опальным шефом. Как лично мне знакома такая картина! Когда-то и я по своей служебной стезе оказался вот в таком же положении. Конечно, масштабы совершенно разные: полковник и генерал-полковник, начальник научно-исследовательской лаборатории и министр, но психологическая сущность одна и та же. После предыдущей бурной деятельности чувствуешь себя никому не нужным и каким-то опустошенным. Естественно, возникают вопросы: за что? Что сделал не так? Вроде старался, не жалел сил, а получилось, что все зря. Доказывать что-либо бесполезно. В этом состоянии главное не поддаться отчаянию, не потерять собственное Я. Лучше рассудить философски: раз моя персона, мои знания и опыт ИМ не нужны, пусть поработают сами. Пожелать ИМ всяческого успеха (и мысленно подарить виновникам твоего смещения букет алых роз). Теперь надо спокойно найти свое новое место в этой жизни и реализовать себя на каком-то ином поприще. Сергею Никифоровичу на такие размышления был отпущен месяц, мне — полгода. В это время очень важна поддержка родных и настоящих друзей, которые никогда не предадут тебя, вне зависимости от твоих взлетов и падений.

31 января 1956 года заведующий Отделом строительства ЦК Дудоров Н.П. направил в ЦК КПСС письмо, в котором сообщил, что вверенный ему отдел вносит предложение об утверждении т. Круглова С.Н. заместителем министра строительства электростанций. «Тов. Первухин М.Г. и министр строительства электростанций Логинов Ф.Г. это предложение поддерживают». Далее сообщались такие данные о «выдвиженце»: «Тов. Круглов Сергей Никифорович, 1907 года рождения, член КПСС с 1928 года, образование незаконченное высшее, имеет опыт руководящей работы в области строительства, командовал 4 саперной армией, принимал участие в сооружении Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла, Куйбышевской ГЭС и других строек; с 1953 по 1956 год работал министром внутренних дел СССР». В заключение демократично сообщалось: «С назначением на указанную работу т. Круглов согласен» [28].

В тот же день, 31 января 1956 года, был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Круглова

С.Н. от обязанностей министра внутренних дел. А за декаду до этого состоялось заседание Коллегии МВД СССР, на котором председательствовал заместитель министра внутренних дел Переверткин С.Н. Как было указано в решении этого коллективного органа, министр внутренних дел СССР т. Круглов, представляя в ЦК КПСС проект указа об амнистии, допустил серьезную ошибку, не предусмотрев ограничений при освобождении из мест лишения свободы для лиц, осужденных за крупные хищения социалистической собственности, за отдельные виды умышленного убийства, и рецидивистов. В результате этого из мест заключения были выпущено большое количество особо опасных государственных преступников. Коллегия отметила также, что в руководстве министерством допускалась порочная практика, когда в решении крупных, имевших государственное значение вопросов нарушался принцип коллективного руководства, не учитывалось мнение членов коллегии и руководителей местных органов. Представленный в ЦК КПСС проект указа Президиума Верховного Совета СССР рассматривался только лично т. Кругловым, без участия Коллегии и без согласования с прокуратурой и Министерством юстиции СССР. (А куда же смотрел мудрый ЦК КПСС, когда давал санкцию на подписание указа, и не менее прозорливый Президиум Верховного Совета, когда подготовленный документ подписывался? — *Ю. Б.*) Больше того, т. Круглов не принял во внимание правильных замечаний отдельных руководящих работников министерства, указывавших на необходимость установления ограничений при освобождении из лагерей некоторых категорий преступников. Имели место и другие факты, когда Коллегия была устранена от решения наиболее важных и принципиальных вопросов работы министерства [25].

Для передачи дел новому министру внутренних дел СССР Дудорову Н.П. (назначение которого явилось неожиданностью не только для окружающих, но и для него самого, работавшего до этого заведующим Отделом строительства ЦК КПСС) была сформирована Правительственная комиссия. В состав комиссии вошли секретарь ЦК Аристов А.Б. (председатель), министр государственного контроля Жаворонков В.Г., заместитель заведующего Отделом административным органов ЦК КПСС Золотухин В.В., министр юстиции Горшенин К.П. и заместитель министра финансов Посконов А.А. Было образовано шесть подкомиссий из работников Отдела административных органов ЦК КПСС, министерств госконтроля, юстиции, обороны, финансов и Прокуратуры СССР. После проведенных проверок Правительственная комиссия заседала 6, 8, 10 и 11 февраля 1956

года. Сделанные ею выводы являлись достаточно жесткими: «Правительственной комиссией установлено, что Министерство внутренних дел СССР неудовлетворительно выполняло поставленные перед ним партией и правительством задачи. Бывший министр т. Круглов, члены Коллегии и другие руководящие работники МВД СССР не сделали должных выводов из постановлений ЦК КПСС 1953 года. В работе МВД СССР преобладал канцелярско-бюрократический стиль руководства местными органами МВД. Критика и самокритика в МВД не были развиты». В стенограмме заседаний Правительственной комиссии имелись такие замечания: «ЦК КПСС своими постановлениями от 12 марта и 10 июля 1954 года обязал руководство МВД СССР принять меры к коренному улучшению дела перевоспитания заключенных путем укрепления режима их содержания и приобщения к общественно полезному труду. Руководство МВД СССР безответственно отнеслось к выполнению этих постановлений, не навело порядка в режиме содержания осужденных в местах заключения, не справилось с задачей правильной организации их трудового воспитания». Впрочем, в выступлениях и репликах членов Правительственной комиссии, а также других участников проверки, присутствовавших на заседаниях, звучало слишком много возвышенной патетики, откровенной демагогии и некоторой пренебрежительности в отношении проверявшихся. На фоне хлестких формулировок не чувствовалось только профессионализма и глубокого понимания вечных проблем МВД. Вот, например, слушая доклад заместителя министра и начальника Главного управления милиции МВД СССР генерал-лейтенанта Филиппова Т.Ф., секретарь ЦК Аристов А.Б. бросил такую реплику: «А у вас в докладе все благополучно. Бюрократ вы, товарищ замминистра. Вы потеряли всякую совесть и чувство ответственности перед партией и государством. Понимаете, какой вы бюрократ или нет? В стране население столько терпит от этих разнузданных бандитов, а у вас все спокойно». Докладчик возразил: «Я не считал себя бюрократом и не считаю». Эта реплика и другие замечания Филиппова Т.Ф., направленные на защиту чести родного министерства, стоили ему карьеры: он был снят со своих должностей и в течение трех месяцев находился не у дел. Присутствовавший на заседании новый министр внутренних дел Дудоров Н.П. тоже сделал весьма дилетантское замечание: «Одна женщина с горечью прислала заявление с просьбой разыскать дочь, которая пропала около трех недель назад. Она больше десятка представила фотографий в милицию. Но ее никак не могут найти. В чем дело? Так может пропасть много людей, и их не найдут» [25]. Так, может, за такие

промашки как раз и сняли Круглова С.Н. с поста министра. Теперь, как говорят, вам и карты в руки: добейтесь, чтобы преступности в стране не было и люди не пропадали. К сожалению, реалии нашей жизни совсем иные. Помню, отец говорил: «Как прочитаешь милицейскую сводку, так волосы на голове зашевелятся».

Впрочем, правительственная комиссия так и не нашла крупных личных недостатков в деятельности Круглова С.Н., поэтому снятие его с должности не привело к каким-либо партийным или административным взысканиям. Последнее удостоверение № 24 министра внутренних дел Круглова С.Н., подписанное 24 июня 1955 года председателем Совета Министров СССР Булганиным Н.А., хранится теперь в фонде Центрального музея МВД России [27].

Постановлением Совета Министров СССР от 13 февраля 1956 года Круглов С.Н. был назначен заместителем министра строительства электростанций, однако дальнейшая передача им дел по своей прежней должности в МВД несколько задержалась в связи с тем, что с 14 по 25 февраля 1956 года проходил XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Член Центрального Комитета КПСС коммунист Круглов С.Н. был избран на этот съезд и получил мандат № 115 однако, лишь с правом совещательного голоса [27]. Ясно, что в руководящие органы партии бывший министр больше не избирался. В заключительный день съезда первый секретарь ЦК Хрущев Н.С. сделал свой знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях», в котором постарался всю вину за прошлое возложить на Сталина и Берия, реабилитировав тем самым коммунистическую партию, идеи социализма и коммунизма, своих соратников и, главное, самого себя. Изложенные в докладе сведения не являлись материалом для широкого обсуждения, а служили своего рода установками, ориентировавшими членов партии в отношении того, о чем и как по вопросам нашего прошлого разрешалось говорить. В связи с этим такие участники недавних событий, как Круглов С.Н., Никите Сергеевичу были совершенно не нужны, а потому следовало только найти подходящий повод, чтобы задвинуть их подальше. Сажать в тюрьму теперь стало «не модно», потому изыскивались другие пути политической изоляции человека от общества.

23 марта 1956 года был подписан акт, по которому Круглов С.Н. сдал, а Дудоров Н.П. принял дела по МВД СССР. Из всех одиозных предшественников (Ягода, Ежов, Берия) уходивший ныне со своего высокого поста министр внутренних дел Круглов С.Н. остался по крайней мере, живым. И это будем считать

достаточно большим достижением.

Конечно, неожиданное снятие главы семьи с должности министра огорчило жену и детей Сергея Никифоровича. Они-то лучше всех знали, как напряженно трудился их муж и отец, всего себя отдавая работе, не щадил ни сил, ни здоровья. Для того чтобы подвести итог своей прошлой деятельности, прекрасно понимая, что с нашими порядками все, что угодно может произойти в будущем, Сергей Никифорович сказал в кругу своей семьи: «Я не совершил таких поступков, которых можно стыдиться». И добавил: «Я ни разу не давал приказа на расстрел». По- женски чувствуя, насколько тяжело было в это непростое время ее супругу, Таисия Дмитриевна уволилась с работы, чтобы всегда быть дома и иметь возможность постоянно заботиться о своем муже.

Государственную дачу в Жуковке у Кругловых сразу же отобрали, и на ней поселилась семья нового министра внутренних дел Дудорова Н.П. Стоявшую там автомашину бьюик Сергей Никифорович сдал в гараж министерства, заявив, что этот подарок был сделан ему президентом Рузвельтом как руководителю МВД, а теперь он на данное транспортное средство не имеет права.

31. На строительстве электростанций

Итак, «по воле партии и правительства» Круглов С.Н., как уже упоминалось в предыдущей главе, 13 февраля 1956 года был назначен заместителем министра строительства электростанций СССР. Возглавлял тогда это министерство опытный гидроэнергостроитель Логинов Ф.Г., которого Круглов С.Н. хорошо знал по прежней работе. В связи с этим, получив свое новое назначение, Сергей Никифорович сказал дома: «С Логиновым мы сработаемся». Действительно, министр строительства электростанций Федор Георгиевич Логинов после окончания в 1932 году Ленинградского политехнического института по специальности инженера-гидротехника являлся производителем работ на строительстве Баксанской ГЭС в Кабардино-Балкарии, потом участвовал в возведении Средневолжских гидростанций. С 1936 года работал на строительстве каскада Чирчикских гидроэлектростанций в Узбекистане, где стал начальником сооружения одной из этих ГЭС. Затем, с 1940 года, перешел на руководящие должности в Госплан и Совнарком Узбекской ССР, а с ноября 1941 года — в ЦК КП(б) Узбекистана, где отвечал за энергетику, топливо и электропромышленность республики. Через год был назначен заместителем наркома (с 1946 года — министра) электростанций СССР и в 1944–1946 годах являлся еще одновременно и начальником Днепростроя. С 1950 года возглавлял строительство Сталинградской ГЭС, которая возводилась силами МВД СССР. Вот в это время министр внутренних дел Круглов С.Н. достаточно хорошо познакомился с начальником строительства этой волжской гидроэлектростанции Логиновым Ф.Г. [5].

Мне представляется, что здесь будет уместно напомнить кратко довольно путаную историю становления ведомств, занимавшихся электроэнергетикой Страны Советов. Наркомат электростанций и электропромышленности СССР был образован 24 января 1939 года за счет выделения его из Наркомата тяжелой промышленности СССР. 17 апреля 1940 года этот наркомат был разделен на два: Наркомат электропромышленности СССР и Наркомат электростанций СССР. 15 марта 1946 года все наркоматы переименовали в министерства. 5 марта 1953 года произошло первое формирование энергетического ведомства, в результате которого Министерство электростанций СССР было объединено с Министерствами электропромышленности СССР и

промышленности средств связи СССР, после чего стало называться Министерством электростанций и электропромышленности СССР. Однако 17 апреля 1954 года, при втором формировании, вновь произошло разделение, и появились три «старых» министерства: электростанций СССР, электропромышленности СССР и промышленности средств связи СССР. 22 ноября 1954 года «в связи с большими объемами выполнявшихся работ» из состава Министерства электростанций СССР были выделены строительно-монтажные предприятия и организации и на их базе создано новое Министерство строительства электростанций (МСЭ) СССР, которым стал руководить Логинов Ф.Г. Отметим, что несколько позднее, с 9 февраля 1955 года как было указано в главе 30, министром электростанций был по совместительству назначен попавший в опалу заместитель председателя Совета Министров СССР Маленков Г.М. [5].

Если для Хрущева Н.С., являвшегося виновником изгнания Круглова С.Н. из органов внутренних дел, вопрос о его трудоустройстве являлся закрытым, то для Финансового отдела МВД возникла, думаю, серьезная головная боль. Дело в том, что из военного в гражданское ведомство Сергей Никифорович перешел в возрасте 49 лет, имея по состоянию на день его увольнения,31 января 1956 года, трудовой (точнее, воинский. — *Ю. Б.*) стаж всего лишь 17 лет 1 месяц и 4 дня [26]. То есть, проработав в Министерстве внутренних дел десять лет на самом главном посту и в высоком воинском звании генерал-полковника, Круглов С.Н. не заработал себе права на пенсию ни по возрасту, ни по выслуге лет. Если личный возраст — дело наживное (было бы здоровье!), то выслуга лет до необходимого пенсионного минимума 20 лет сама по себе вырасти не могла. Конечно, правительство имело возможность оговорить данный вопрос «в качестве исключения, принимая во внимание заслуги и учитывая службу в действующей армии в период Великой Отечественной войны», но этого сделано не было. В связи со сложившимся положением кто-то, видимо, надоумил не увольнять бывшего министра из органов внутренних дел и сохранить ему воинское звание, пока у него не нарастет нужный для назначения пенсии календарный стаж, а уж потом отправлять его в запас. В результате генерал-полковник Круглов С.Н. был откомандирован в промышленное министерство для дальнейшего прохождения воинской службы. Отметим, что в практике работы советских силовых ведомств такая форма направления офицера или генерала в гражданское учреждение существовала.

О пенсии своей отцы наши не слишком заботились, считая,

что должны работать на благо любимой Родины буквально до гробовой доски. В связи с этим на новом поприще Круглов С.Н. принялся трудиться старательно, во всю силу своих способностей, как говорится, засучив рукава. Для глубокого освоения незнакомой для гуманитария технической профессии засел за книги по электротехнике и энергетике, перенимал знания у практиков, давно работавших в этой отрасли. Определенный опыт в данном деле у Круглова С.Н., конечно, имелся, поскольку МВД строило Куйбышевскую и Сталинградскую гидроэлектростанции, а также крупные тепловые электростанции на различных объектах. Но тогда от министра внутренних дел требовалось видение масштабного, разнопланового руководства, а вот теперь началась конкретная квалифицированная работа.

Для того чтобы не быть дилетантом, Сергею Никифоровичу пришлось детально разбираться, что собой представляли гидроэлектрические станции (ГЭС), гидроаккумулирующие электростанции (ГАЭС), тепловые электростанции (ТЭС), тепловые электроцентрали (ТЭЦ), конденсаторные (районные) электростанции (КЭ или ГРЭС) и другие типы поставщиков электроэнергии, строительством которых занималось данное министерство. Заместитель министра стал добросовестно изучать, какие и как на ГЭС строились плотины, водоводы, водозаборы, обеспечивавшие необходимую концентрацию воды и создание напора, какое использовалось энергетическое оборудование (гидротурбины, гидрогенераторы, распределительные устройства и др.). По основному энергетическому оборудованию тепловых электростанций (ТЭС) начал разбираться, что представляли собой котлоагрегаты, паровые турбины, турбогенераторы, пароперенагреватели, питательные, конденсатные и циркуляционные насосы, конденсаторы, воздухоподогреватели, электрические распределительные фидеры и многие другие устройства. В энергетике появились новые установки с газовыми турбинами, и следовало знать их место в общей энергосистеме. И прокладывавшиеся на тысячи километров высоковольтные линии электропередачи, послужившие началом объединения всех источников электроэнергии в единую систему, — все это теперь, в силу своих служебных обязанностей планомерно осваивал заместитель министра строительства электростанций Круглов С.Н.

Обзорно покажем, какая в это время в Стране Советов велась работа в области создания новых источников электрической энергии. В 1956 году вступила в строй первая очередь Волжской ГЭС имени В.И. Ленина, которую шесть лет назад начало строить

МВД СССР под названием Куйбышевской гидроэлектростанции. От силовых агрегатов этой ГЭС высоковольтные линии протянулись к Москве и к энергосистеме Урала. Продолжалось строительство другой Волжской ГЭС, также возводившейся ранее силами МВД, которая пока что еще (до 1961 года) называлась Сталинградской. В 1955 году началось строительство крупнейшей в мире гидроэлектростанции в Падунском сужении на реке Ангаре, возле города Братска Иркутской области. Проектная мощность этой ГЭС достигала 4500 мегаватт (МВт) электроэнергии. В здании электростанции планировалось установить 16 гидроагрегатов по 225 МВт и 2 гидроагрегата по 250 Мвт, работавших на перепаде высоты воды в 100 метров. Для этого необходимо было построить русловую бетонную плотину гравитационного типа длиной 924 метра и максимальной строительной высотой 124,5 метра, в стационарной части которой располагались 20 водоприемных отверстий и напорных трубопроводов. Здание ГЭС длиной 516 метров должно было разместиться вдоль левого берега реки у низовой грани стационарной части плотины. Кроме того, следовало возвести береговые бетонные плотины общей длиной 506 метров, переходившие в земляные плотины: правобережную длиной 2987 метров и левобережную длиной 723 метра. Распределительные устройства к высоковольтным линиям напряжением 220 и 500 киловольт строились вдоль левого берега Ангары. По гребню плотины должна была пройти магистральная железная дорога Тайшет — Лена, а ниже — шоссейная дорога. Напорные сооружения (плотины) общей длиной 5140 метров образовывали огромное Братское водохранилище, предназначенное, помимо основного энергетического использования для водного транспорта, лесосплава, рыбного хозяйства, промышленного и коммунального водоснабжения. Удаленная от индустриальных центров ГЭС должна была направлять электроэнергию в Иркутско-Черемховский промышленный район, в Красноярск и в объединенную энергосистему Восточной Сибири [29]. В таком же плане начиналось или уже велось строительство Иркутской, Новосибирской, Воткинской, Кайракумской, Ткибульской и Арзнинской гидроэлектростанций.

В числе тепловых электростанций с 1954 года в Челябинской области велось строительство Троицкой ГРЭС мощностью 2500 Мвт, которая должна была работать на каменном угле Экибастуза. На Украине в городе Счастье завершалось возведение первой очереди крупнейшей Ворошиловградской ГРЭС, рассчитанной на донецкий каменный уголь и ставропольский газ. Только что вступила в строй начатая в 1951 году первая очередь

Верхнетагильской ГРЭС, использовавшая челябинский бурый уголь, мазут и газ. В Татарской АССР началось строительство крупнейшей Заинской тепловой конденсационной ГРЭС проектной мощностью 2 гектоватта (ГВт). Несколько мощнее, на 2,4 ГВт, приступили к возведению в поселке Комсомольском Харьковской области полностью автоматизированной Змиевской ГРЭС. В Красноярском крае велось строительство крупной тепловой, конденсационного типа Назаровской ГРЭС проектной мощностью 1400 МВт. В Эстонской ССР началось строительство крупной тепловой ГРЭС на местных горючих сланцах. В городе Суворове Тульской области продолжалось строительство второй очереди Черепетской ГРЭС, уже вырабатывавшей электроэнергию на подмосковном буром угле и кузнецком каменном угле [29].

Перечень энергетических объектов, возводившихся под эгидой Министерства строительства электростанций (МСЭ) СССР, можно было бы продолжить, но и на основании приведенных материалов легко заключить, что объем работы был огромный. Теперь задача состояла в том, чтобы объединить все электростанции в единую энергосеть.

Так что поле деятельности для Сергея Никифоровича в кругу высококвалифицированных специалистов-энергетиков и строителей было обширным и чрезвычайно интересным. Имея за плечами большой опыт руководящей работы, свое место в министерском коллективе, более далеком от «высокой» политики, чем МВД или КГБ, замминистра Круглов С.Н. нашел достаточно просто.

В эти годы советские энергетики стремились перенять опыт зарубежных специалистов. В связи с этим с 15 марта по 21 апреля 1956 года в Великобритании побывала наша делегация во главе с заместителем председателя Совмина и министром электростанций СССР Маленковым Г.М. В ходе визита представители Страны Советов посетили основные электростанции и крупные предприятия туманного Альбиона, а также были приняты премьер-министром Э. Иденом. В то же время Маленков Г.М. неоднократно встречался с деятелями оппозиционной Лейбористской партии, Национальный исполком которой дал обед в честь советской делегации. Не обошлось и без обширной культурной программы, включавшей прогулку на яхте по Темзе, осмотр культурных достопримечательностей Лондона, Виндзорского замка, Оксфорда, поездки на родину Уильяма Шекспира и Роберта Бернса. Когда Маленков Г.М. информировал Президиум ЦК об этом мероприятии, то Хрущев Н.С. и другие товарищи отметили, что эта поездка была полезная, но «в туристскую превратилась», поскольку англичане «навязали много

лишнего» [84].

Представляю, если бы в эту зарубежную командировку вместе с советской делегацией отправился замминистра сэр Круглов С.Н., пожалованный в 1945 году королем Великобритании Георгом VI званием Рыцаря Командора Превосходного Ордена Британской империи, да во время официального приема надел бы на себя эту великолепную награду на муаровой ленте. То-то был бы фурор во всем Лондоне! Но Сергей Никифорович не был пристрастен ко всякой показухе, и потому зарубежные награды (американская и английская) красовались на нем всего по одному разу — во время торжественного вручения.

Впрочем, зачем нам мечты о заграница, когда в родной стране всегда найдутся разные проблемы, которые надо решать. Наличие генеральского звания у человека, работавшего в гражданском учреждении, вносило определенные трудности в строгие параграфы инструкций Финансового отдела. Например, как следовало выплачивать новому «военному» заму ежемесячную премию, которую с учетом выслуги лет получало все «гражданское» руководство Министерства строительства электростанций? Ведь генерал-полковник Круглов С.Н. получал не зарплату, а «денежное содержание» с учетом воинского звания. Но всем выплачивать премию за успешно выполненную работу, а одному заму — нет, представлялось не совсем справедливым. В связи с этим 25 июня 1956 года состоялось заседание комиссии «по установлению трудового стажа для выплаты ежемесячного вознаграждения за выслугу лет по центральному аппарату Министерства строительства электростанций СССР». Своим протоколом № 98 эта комиссия в составе председателя Синельникова Г.З., членов Чумакова В.П., Гущина М.В. и Хлопонина Я.И., установила «трудовой стаж» заместителю министра Круглову С.Н. «на выплату вознаграждений за выслугу лет» по состоянию на 20 июня 1956 года. В этот стаж вошли: годы работы в МВД и время нахождения в составе МСЭ, итого 17 лет 5 месяцев и 11 дней [26]. И хотя трудиться Сергей Никифорович начал с 14 лет, потом служил в армии, был трактористом, учился в высших учебных заведениях, работал в ОРПО ЦК, этот период в выслугу лет почему- то не вошел. Снова отмечу, что отцы наши не слишком щепетильно относились к разным бумажкам о выслуге лет, пенсионным делам и прочему. Герою нашего повествования пока что еще и полсотни лет не исполнилось — какие это годы для мужчины! Все у нас впереди!

Семье нового заместителя министра Круглова С.Н. была предоставлена государственная дача в поселке Усово. Вместо сданного в госгараж бьюика Сергей Никифорович приобрел в

личное пользование автомашину «Победа». Но теперь за руль помимо владельца садились Таисия Дмитриевна, Ирина и Валерий, успешно закончившие курсы вождения.

Так и работал бы, наверное, Сергей Никифорович Круглов на достойном, пусть и не самом главном посту долгие годы, а потом бы, достигнув нужной по закону выслуги лет, пенсию оформил, ушел бы на заслуженный отдых. Но Судьба распорядилась по-иному, и пришлось ему, отнюдь не по собственной вине, хлебнуть столько неприятностей, что мало не покажется.

На протяжении 1956 года, в конце января которого Круглов С.Н. был отстранен от руководства Министерством внутренних дел, произошли весьма серьезные события. Начало этому положил XX съезд партии, ознаменовавшийся докладом Хрущева Н.С. по разоблачению культа личности Сталина. Сокрушительная критика «вождя народов», прозвучавшая из уст первого секретаря ЦК, стремление использовать борьбу против прежних порядков в интересах части партийного руководства неожиданно привели к вовлечению в политическую жизнь огромной массы рядовых членов партии. Прошедшие на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, колхозах и совхозах собрания, обсуждения доклада Хрущева Н.С. стимулировали вопреки желанию партаппарата появление оппозиционных настроений даже в той социальной среде, которая до сих пор служила опорой для власти. В информации с мест, поступавшей по каналам партийным и органов госбезопасности, приводились конкретные примеры открытого проявления недовольства, в том числе и среди коммунистов. После безмолвного выслушивания установок, содержавшихся в хрущевском выступлении на съезде, началось активное обсуждение вопросов: почему произошло то, что было названо «культом личности», кто в этом виноват, что нужно делать, чтобы такая трагедия больше не повторилась? Попытки простых людей самостоятельно разобраться в этих проблемах вступали в противоречие с монопольным правом высшего партийного руководства «на истину», когда наши «вожди» давали всем событиям собственную трактовку, с которой следовало беспрекословно соглашаться. К напряженной обстановке в Стране Советов добавились серьезные волнения в Польше и антикоммунистическое восстание в Венгрии, подавленное советскими войсками. Делая свой «секретный доклад», вряд ли Хрущев Н.С. предполагал, что такое, казалось бы, внутреннее дело СССР, как осуждение ошибок Сталина и репрессий недавнего прошлого, станет детонатором для широких народных выступлений в ряде стран Центральной Европы [64].

В сложной обстановке принципиальные решения по всем

возникавшим вопросам принимались верховным руководством страны достаточно коллегиально, что показывают протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС. В состав членов этого высшего партийного органа тогда входили Булганин Н.А., Ворошилов К.Е., Каганович Л.М., Маленков Г.М., Микоян А.И., Молотов В.М., Первухин М.Г., Сабуров М.З. и Хрущев Н.С. После XX съезда к ним полноправно присоединились Кириченко А.И. и Суслов М.А. Кроме того, в заседаниях активное участие принимали кандидаты в члены Президиума ЦК Брежнев Л.И., Жуков Г.К., Мухитдинов Н.А., Фурцева Е.А., Шверник Н.М. и Шепилов Д.Т. В состав Секретариата, готовившего материалы для рассмотрения на Президиуме ЦК КПСС, входили Хрущев Н.С. (первый секретарь), Аристов А.Б., Беляев Н.И., Брежнев Л.И., Поспелов П.Н., Суслов М.А., Фурцева Е.А. и Шепилов Д.Т. Между тем серьезные противоречия в Президиуме ЦК выявились еще на июльском 1953 года Пленуме ЦК КПСС. Главными среди них стали маленковские принципы коллективного руководства и хрущевские устремления к «демократическому централизму», на самом деле являвшемуся единоначалием при решающей роли первого секретаря ЦК КПСС. Серьезная публичная схватка между недавними соратниками произошла в январе 1955 года на Пленуме ЦК КПСС, о чем было рассказано нами в главе 30. Хрущев Н.С. обвинил тогда Маленкова Г.М. в том, что «он претендовал не только на руководство правительством, но и на руководство Президиумом ЦК», и это повлекло за собой отставку последнего с поста председателя Совмина СССР. Новый этап конфликтов пришелся на подготовку к XX съезду КПСС, когда набиравший политическую силу Хрущев Н.С. добился утверждения своего доклада о культе личности, не ознакомив с его текстом своих ближайших коллег. После этого съезда члены Президиума почувствовали крепкую руку Никиты Сергеевича, который возродил прежнюю обстановку полной их зависимости от первого секретаря ЦК, небезопасную для партийных руководителей старой формации: критика в адрес Сталина в любой момент могла быть переведена на любого из них. К этому времени Хрущев Н.С. успешно овладел партийно-политическими методами борьбы за власть [64].

Вместе с тем все время деятельности Хрущева Н.С. на посту первого секретаря ЦК КПСС стало периодом постоянного проведения реформ в управлении страной. Крайне централизованная и милитаризованная экономика сталинской эпохи породила управленческую систему, которая включала в себя разветвленные отраслевые министерства, являвшиеся ключевым звеном командно-административной системы. После

резкого сокращения числа министерств, произведенного сразу вслед за смертью Сталина, прежняя система министерского управления была почти полностью восстановлена в течение следующего, 1954 года. Проведенные по инициативе Хрущева Н.С. преобразования в целях «дальнейшего подъема сельского хозяйства», включая освоение целины, необходимого эффекта не дали. Его призывы догнать и перегнать Америку по производству молока и мяса превратились, по существу в статистические приписки. В конце декабря 1956 года Пленум ЦК КПСС, обсуждавший вопросы планирования промышленности и централизованного контроля над ней, пришел к выводу, что принятый XX съездом амбициозный пятилетний план развития народного хозяйства оказался нереалистичным. В начале следующего года Хрущев Н.С. направил в Президиум ЦК КПСС записку «Об улучшении руководства промышленностью и строительством», в которой предложил радикально изменить прежний порядок управления производством: от существовавших форм руководства через отраслевые министерства и ведомства перейти «к новым формам управления по территориальному принципу». Ключевым звеном в этой системе становились Советы народного хозяйства (Совнархозы) экономических административных районов. Внесенные предложения были утверждены в форме закона, принятого Верховным Советом СССР 10 мая 1957 года. В соответствии с этим законом в Российской Федерации сформировали 70 совнархозов, границы которых совпали с очертаниями автономных республик, краев и областей. На Украине создали 11 таких территориальных экономических образований, в Казахстане — 9, в Узбекистане — 4 и по одному — во всех остальных союзных республиках. По своему статусу Совнархоз представлял собой коллегиальный орган управления, руководивший комплексным развитием промышленности данного региона. Ему подчинялись производственные и строительные предприятия, хозяйственные учреждения, транспортные, финансовые и другие органы, находившиеся на этой территории. Централизованное управление было сохранено только для наиболее наукоемких и важных отраслей военной промышленности [64].

Все «продавливавшиеся» Хрущевым Н.С. кардинальные преобразования во всех сферах деятельности вызывали у его ближайших соратников недовольство, которое особенно начало проявляться с февраля 1957 года, когда торопливо и непродуманно стала проводиться реорганизация промышленности. Ситуация еще больше обострилась после выступления Хрущева Н.С. перед деятелями литературы и

искусства, содержавшего прямые указания на наличие противоречий в Президиуме и его личных конфликтов с Молотовым. К концу мая текущего года начались конструктивные переговоры между Кагановичем Л.М., Маленковым Г.М., Молотовым В.М., Булганиным Н.А. и Первухиным М.Г., к которым вскоре присоединился Ворошилов К.Е., о том, чтобы избавиться от Хрущева. Несмотря на то что единства во взглядах на будущие формы управления в высшем партийном органе у переговорщиков не было, все безоговорочно сходились на мнении, что пост первого секретаря ЦК следовало ликвидировать, а оставшегося, таким образом, без руководящего кресла Хрущева Н.С. назначить министром сельского хозяйства. Также единодушно все поддерживали предложение о снятии Серова И.А. с должности председателя КГБ и о назначении на это место Булганина Н.А. или Патоличева Н.С. Из других кадровых перемещений намечалось Суслова М.А. назначить министром культуры, а Круглова С.Н. возвратить на руководство Министерством внутренних дел. Вот эта последняя наметка, сделанная в одной из бумаг «заговорщиков», явилась роковой для Сергея Никифоровича. И хотя к замыслам членов Президиума ЦК заместитель министра строительства электростанций не имел никакого отношения, после разгрома «антипартийной группы» пришлось за неудачу «партийно-государственного переворота» расплачиваться и ему. Сложнее дело обстояло с Жуковым Г.К., который предлагал пост первого секретаря ЦК просто заменить на должность секретаря по общим вопросам. Маленков Г.М. беседовал с ним, пытаясь склонить маршала на свою сторону, чтобы заручиться поддержкой армии [64].

Внеплановое заседание Президиума ЦК по свержению Хрущева, на котором присутствовали восемь (из одиннадцати) членов и три (из шести) кандидата в члены высшего партийного органа, состоялось 18 июня 1957 года. Заседание вел председатель Совмина Булганин Н.А. Вначале инициатива целиком была в руках «заговорщиков». В своем выступлении Маленков Г.М. подверг резкой критике деятельность Хрущева. У противников первого секретаря ЦК имелось достаточно оснований и прав, чтобы немедленно отрешить его от власти. Однако со стороны присутствовавших поступило предложение собраться на следующий день в полном составе; чтобы совместно обсудить этот важный вопрос. Председательствующий Булганин Н.А., связанный достаточно близкими личными отношениями с Хрущевым Н.С., вел заседание нерешительно, колебался и потому согласился перенести рассмотрение вопроса на утро следующего дня.

На утреннем заседании полного состава членов, кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК, продолжившемся под председательством Булганина Н.А., Маленков Г.М. вновь обвинил Хрущева в том, что он разъединяет членов Президиума, что формируется культ его личности, что он «сбивается на зиновьевское отождествление диктатуры пролетариата с диктатурой партии», неправильно понимает взаимоотношения между партией и государством. Резкой критике подверг хрущевский лозунг в ближайшие годы «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения». Прозвучавшее выступление поддержали Каганович Л.М., Молотов В.М., Сабуров М.З., Ворошилов К.Е., Булганин Н.А., Шепилов Д.Т. и Первухин М.Г. Однако вслед за этим в защиту Хрущева высказались Кириченко А.И., Микоян А.И., Суслов М.А., Жуков Г.К., Шверник Н.М., Фурцева Е.А., Козлов Ф.Р., Мухитдинов Н.А., Брежнев Л.И., Аристов А.Б., Беляев Н.И. и Поспелов П.Н. В тот критический момент, когда мнения сторон разделились, в зале, где проходил Президиум ЦК, неожиданно появилась группа членов ЦК, возглавлявшаяся военными. Прибывшие потребовали, чтобы их допустили на заседание. В результате было принято решение о проведении Пленума ЦК. Основанием для этого явились инспирированные аппаратом ЦК семь типовых заявлений от групп членов Центрального Комитета партии, существо которых состояло в следующем: «Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов пленума такие важные для всей нашей партии вопросы. В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение пленума. Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией» [64].

Министр обороны маршал Жуков Г.К., выступив на стороне Хрущева Н.С., привлек военную авиацию для того, чтобы срочно привезти в Москву членов ЦК для участия в работе пленума. Теперь численное преимущество прочно оказалось в руках «команды Хрущева». 22 июня 1957 года, в субботу, экстренно созванный Пленум ЦК был открыт, но по предложению Хрущева Н.С. в его регламенте после первого дня заседания было решено сделать перерыв до понедельника. Для «заговорщиков» стало ясно, что их дело проиграно, поскольку после озвученной сегодня части информации аппарат ЦК получал время для того, чтобы обработать и склонить на свою сторону участников пленума. Пленум начался с выступления Суслова М.А.,

проинформировавшего участников заседания о спорах в Президиуме. Затем выступил Хрущев Н.С., дальновидно польстивший собравшейся партийной элите, что члены Президиума ЦК являлись лишь «слугами пленума». Главным событием заседания стало выступление маршала Жукова Г.К., которое оказалось в полном смысле политическим и содержало анализ сложившейся в партии и государстве ситуации, истоков ее происхождения и перспектив развития. Изложив свою версию событий на Президиуме, выступавший обратил внимание на то, что если бы Хрущев был отстранен от власти, то кто бы пришел вместо него? В этом случае власть в стране и партии взяли бы давние сторонники Сталина. Чтобы их охарактеризовать, Жуков Г.К. огласил архивные сведения о личной причастности Маленкова, Кагановича, Молотова, Ворошилова к репрессиям периода 30-х — начала 50-х годов. Были приведены данные о числе осужденных к высшей мере наказания на основании санкций Сталина и его соратников. Внимание участников пленума обращалось на то, что тогда расстреливали «их братию» — членов и кандидатов в члены ЦК, наркомов и их заместителей, высший командный состав. Отсюда вытекало, что возвращение к власти группировки сталинских соратников (в числе которых, кстати, был и Хрущев. — *Ю. Б.*) создавало просто физическую опасность для теперешних членов ЦК, восстанавливало атмосферу беззащитности номенклатуры перед произволом и репрессиями. Главным объектом обвинений в выступлении Жукова Г.К. стала деятельность Маленкова, причем на последнего была возложена персональная ответственность за проводившиеся репрессии. Эти данные подтвердил и министр внутренних дел Дудоров Н.П., сообщивший о том, что в сейфе бывшего главы правительства были обнаружены агентурные наблюдения за руководителями Советской Армии, его рукописи о создании тюрьмы для партийного руководства и другие крамольные материалы. Получивший слово для выступления Маленков Г.М. постарался полностью уйти от темы репрессий, бросив лишь в адрес первого секретаря: «Ты у нас чист совершенно, товарищ Хрущев». Далее в изложенных выступавшим прежних обвинениях подчеркивалось, что они выражают мнение большинства членов Президиума. Правда, теперь основная задача трактовалась несколько по-иному: «Не снять Хрущева, а ликвидировать пост Первого секретаря». Такая инициатива не могла быть поддержана представителями с мест, поскольку они прекрасно представляли себе, что система управления, принятая в Москве, будет распространена на все республики, края, области и районы, и тогда первые лица лишатся своих привилегированных

должностей. Таким образом, Маленков и его сподвижники становились лично опасными для большинства членов пленума.

В понедельник 24 июня 1957 года пленум продолжил свою работу. Теперь начались покаянные выступления бывших «заговорщиков» — Булганина Н.А., Сабурова М.З., Первухина М.Г., Ворошилова К.Е., пытавшихся отмежеваться от троицы своих соратников, остававшихся на прежних позициях. Только Молотов В.М. еще раз резко покритиковал внешнюю политику Хрущева, припомнил ему авантюрные заявления по части «догнать-перегнать», неприличное поведение при встрече с писателями, осудил непродуманные реформы управления промышленностью. Подвергшийся критике Шепилов Д.Т. не годился на роль «заговорщика», но его действительное беспокойство в связи с безмерным усилением власти первого секретаря ЦК, было трактовано как примыкание к «вражескому» лагерю. Разгром противников Хрущева завершили резкие выступления Аристова А.Б., Брежнева Л.И., Беляева Н.И. и Игнатьева С.Д., заканчивавшиеся всевозможными восхвалениями в адрес Никиты Сергеевича. Пленум принял постановление об «антипартийной группе» Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова, которых вывели из состава Президиума ЦК и Центрального Комитета КПСС. Зато теперь в высший партийный орган вместе с победителем — первым секретарем ЦК Хрущевым Н.С. вошли Аристов А.Б., Беляев Н.И., Брежнев Л.И., Жуков Г.К., Игнатов Н.Г., Козлов Ф.Р., Куусинен О.В., Микоян А.И., Суслов М.А., Фурцева Е.А., Шверник Н.М. Остались пока в составе Президиума и много каявшиеся на пленуме Булганин Н.А. и Ворошилов К.Е. [64].

Итогом этой непримиримой борьбы стало то, что главным государственным органом теперь оказался аппарат Центрального Комитета партии, отделы которого отныне напрямую командовали министерствами и ведомствами, не неся за свое руководство никакой ответственности. К какому застою и отставанию от мирового уровня такое положение дел привело, ясно обозначилось уже через десяток лет.

Одержав политическую победу над «антипартийной группой», Хрущев Н.С. принял меры к тому, чтобы «по воле партии» отправить своих бывших ближайших соратников подальше от Москвы. Сразу после окончания Пленума ЦК Маленков Г.К. был снят с должностей заместителя председателя Совета Министром и министра электростанций СССР и направлен в Усть-Каменогорск директором местной гидроэлектростанции. Освобожденного от своих прежних обязанностей Кагановича Л.М.

назначили управляющим трестом «Союзасбест» в Свердловской области. Бывший первый зампред Совмина Молотов В.М. стал послом СССР в дружественной Монголии. «Человек с самой длинной фамилией» — «примкнувший к ним Шепилов» — был снят с должности секретаря ЦК и в связи со своей «образованностью» получил назначение на пост директора Института экономики Академии наук Киргизии [8].

Значительно укрепившийся в своем положении Хрущев Н.С. начал разгон и других не угодных ему кадров. Одним из первых в этом перечне оказался Круглов С.Н., чье имя было обнаружено в списках нового состава правительства, формировавшегося участниками «антипартийной группы». Возможность восстановления генерал-полковника Круглова С.Н. в прежней должности министра внутренних дел подкреплялась тем обстоятельством, что он не был уволен из органов и сохранял свое воинское звание. Никита Сергеевич не стал утруждать себя уточнением обстоятельств причастности или непричастности Сергея Никифоровича к заговору против него, а просто повелел уволить наконец бывшего министра в запас и на всякий случай отправить куда-нибудь подальше от Москвы на хорошую должность — пусть там потрудится на благо Родины.

Во исполнение этого указания министр внутренних дел СССР Дудоров Н.П. направил 12 июля 1957 года письмо в ЦК КПСС (так адресовались деловые письма Хрущеву Н.С., который теперь олицетворял собой весь Центральный Комитет партии) с просьбой разрешить уволить в запас Советской Армии Круглова С.Н., «находящегося в кадрах МВД СССР, с переводом его на работу в Министерство строительства электростанций СССР» [26]. Отметим для непосвященных, что процедура увольнения военнослужащего с действительной службы в запас не так-то проста и включает в себя прохождение обязательного медицинского освидетельствования, оформление ряда документов, ежегодный отпуск, если он не был использован ранее, назначение пенсии и другие мероприятия, например, награждение и торжественные проводы. На все эти дела отводится до трех месяцев.

Для гражданской организации все обстоит несколько проще. Согласовав вопрос с партийными органами, ведавшими руководящими кадрами, министр строительства электростанций СССР Логинов Ф.Г. во исполнение постановления Совета Министров СССР, 23 июля 1957 года подписал приказ об освобождении Круглова С.Н. от занимаемой им должности заместителя министра «в связи с его переходом на руководящую работу в Совет народного хозяйства Кировского экономического

административного района» [26]. Поясним здесь, что еще 10 мая 1957 года Министерство строительства электростанций (МСЭ) СССР вновь было объединено с Министерством электростанций СССР, которое остался возглавлять по совместительству заместитель Председателя Совета Министров СССР Маленков Г.М. При этом Логинов Ф.Г. был назначен его первым заместителем, но еще возглавлял МСЭ, ликвидированное де-юре, но еще существовавшее де-факто. После разгрома «антипартийной группы» 29 июня 1957 года Маленкова Г.М. сняли со всех должностей, в том числе и министра электростанций, а на это место назначили Павленко А.С. [5].

10 августа 1957 года Совет Министров СССР издал распоряжение об увольнении Круглова С.Н. из кадров МВД СССР в запас, после чего началась реализация упомянутых выше «дембельных» мероприятий. Медицинское освидетельствование Сергей Никифорович проходил в Четвертом Главном управлении Министерства здравоохранения СССР, ранее являвшимся Лечебно-санитарным управлением Кремля, где он под наблюдением врачей находился со времени перехода на руководящую работу в МВД. В личном фонде № 10 146 ГАРФ хранятся пропуска Круглова С.Н. в указанные лечебные учреждения, а также справки и выписки из медицинских книжек [26].

На основании Свидетельства о болезни № 435, датированного 29 октября 1957 года, можно судить о том, что «генерал-полковник Круглов С.Н., 1907 года рождения, член КПСС, образование высшее, по профессии политработник, служивший в армии в 1928–1929 и 1941–1942 годах, в органах МВД с 1942 по 1957 год», существенно подорвал свое здоровье. При росте 182 сантиметра вес значительно превышал норму. Обследуемый постоянно ощущал головные боли, временами головокружение, тошноту, сжимающие боли в области сердца, бессонницу, снижение памяти, боли в желудке. Нездоровье свое начал ощущать с 1945 года, вследствие чего ездил лечиться и отдыхать в Кисловодск и Карловы Вары. В 1953 году состояние здоровья значительно ухудшилось, произошло несколько гипертонических кризов, поэтому направлялся в санаторий «Барвиха». В начале января 1957 года снова произошло ухудшение состояния здоровья. В обследовании врачей отмечалось, что больной выглядел старше своего возраста, имел некоторую эмоциональную неуравновешенность, гипертоническую болезнь второй степени. На основании соответствующих статей «расписания болезней и физических недостатков», регламентировавшихся приказом военного

министра, было признано, что обследуемый «не годен к военной службе в мирное время и ограниченно годен второй степени в военное время». При этом отмечалось, что «заболевание получено в период прохождения военной службы» [26].

Как можно судить на основании приведенного свидетельства, Сергей Никифорович не жалел сил и собственного здоровья, стремясь всего себя отдать службе любимой Родине. Однако ночные бдения, огромный груз ответственности и постоянное нервное напряжение сделали свое неблагодарное дело. Сравнение происходивших в стране событий с отмечавшимися ухудшениями состояния здоровья позволяет говорить о том, как глубоко переживал Круглов С.Н. служебные и жизненные коллизии, стараясь не поддаваться одолевавшим его недугам.

В выписке из постановления Центральной врачебно-экспертной комиссии МВД СССР от 7 октября 1957 года говорилось, что тов. Круглов С.Н. «к продолжению руководящей работы большого объема НЕ ГОДЕН. Может, в соответствии с имеющимся трудовым опытом, выполнять работу в существенно сниженном объеме без дополнительных нагрузок и с нормированным рабочим днем». Далее отмечалось, что он «является инвалидом ТРЕТЬЕЙ группы с переосвидетельствованием через 1 год с момента увольнения из МВД. Инвалидность связана со службой в МВД» [26].

Теперь несколько слов о пенсии от МВД СССР, которая была назначена бывшему министру внутренних дел генерал-полковнику Круглову С.Н. Мы уже говорили выше о том, что при работе на самых главных должностях Наркомата — Министерства внутренних дел и в высоком воинском звании стаж воинской службы Сергея Никифоровича оказался относительно небольшим. На момент ухода на пенсию он прослужил 18 лет 10 месяцев, то есть меньше положенных двух десятков календарных лет. Однако, поскольку в 1941 и 1944 годах зам наркома Круглов С.Н. находился на фронте и принимал участие в боевых действиях, то это время службы ему было засчитано как «два года за год». Официального документа о том, сколько было учтено «льготных лет», у нас не имеется, но в итоге 25 октября 1957 года Круглову С.Н. была «**пожизненно**» назначена пенсия «**за 20 лет выслуги**» (но не по инвалидности!) «**в сумме 2800 рублей 00 копеек**» (при максимально возможной генеральской пенсии 4000 рублей). Свидетельством этому является выданная на основании Пенсионного дела № 30/ 41 462 пенсионная книжка серии АК № 167 МВД СССР, хранящаяся ныне в Личном фонде № 10 146 Круглова С.Н. в ГАРФ [26]. Теперь только эта «пенсионная нить» да добрые отношения с бывшими подчиненными связывали

Сергея Никифоровича с Министерством внутренних дел СССР.

25 октября 1957 года министр внутренних дел Дудоров Н.П. подписал приказ МВД СССР № 1101, который гласил: «Уволить в запас Советской Армии бывшего министра внутренних дел генерал-полковника Круглова С.Н. по болезни». Вот такой «подарок» получил Сергей Никифорович почти сразу после своего пятидесятилетнего юбилея, состоявшегося 2 октября того же года. Весьма «скромно» был отмечен, если сравнивать хотя бы с бывшим его подчиненным Серовым И.А., пожалованным, как упоминалось выше, к своей полувековой дате орденом Ленина и званием генерала армии.

Как раз в эти дни в стране началось празднование сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции. В начале ноября в Кремлевском дворце съездов состоялась юбилейная сессия Верховного Совета СССР, в которой в качестве народного депутата принял участие Круглов С.Н. Доклад о всемирно-исторических итогах великих социалистических преобразований в нашей стране сделал Хрущев Н.С. Сессия приняла Обращение к народам Советского Союза и Обращение ко всем трудящимся, политическим и общественным деятелям, представителям науки и культуры, парламентам и правительствам всех стран с призывом жить в мире и дружбе [32].

Вместе с другими депутатами и прибывшими на сессию гостями Круглов С.Н. получил пропуск на Красную площадь «в день празднования 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1957 года» для просмотра военного парада и демонстрации трудящихся. В былые времена генерал-полковник сам в полной парадной форме, со всеми орденами и медалями (кроме иностранных) был запечатлен на фотографии на трибуне Мавзолея рядом с другими военачальниками. Теперь же ему следовало добираться со стороны Москвы-реки через Васильевский спуск до менее престижной трибуны 6, расположенной за Мавзолеем, где войска проходят церемониальным маршем, уже отставив команду «Смирно! Равнение направо». На это торжественное мероприятие Сергей Никифорович отправился в гражданской одежде и с паспортом, без предъявления которого пропуск был недействителен. Кроме того, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР пригласили в числе других «товарища С.Н.Круглова пожаловать на прием» по случаю упомянутой даты в зал № 1 Большого Кремлевского дворца [26].

После завершения всех торжеств опальному бывшему

министру следовало отправляться в ссылку в предписанные ему дальние края в город Киров. Это была новая форма более «мягких», но непреклонных репрессий укрепившейся партийной власти.

К этому времени дочь Ирина училась на биофаке МГУ, а сын Валерий занимался на 3-м курсе Энергетического института. Таисия Дмитриевна опекала двух родных студентов. В связи с этим семья не имела возможности отправиться вместе с отцом к его новому месту работы. Любовь Игнатьевна, мать Сергея Никифоровича, умерла в 1960 году, и была захоронена на Новодевичьем кладбище в могилу к мужу.

В заключение главы отметим только, что в этот же период был изгнан из органов власти «спаситель» Хрущева маршал Жуков Г.К. Он был опасен тем, что вполне мог заменить собой главу Советского государства или докопаться до истоков того, кто же проводил репрессии в прежние годы. Операция против Жукова Г.К была проведена со вполне цековским коварством. Министра обороны отправили с государственным визитом в Албанию и Югославию, а в его отсутствие 19 октября 1957 года провели Пленум ЦК, на котором приняли решение «за недостатки партийно-политической работы в армии» вывести маршала из Президиума и из ЦК КПСС и снять с занимаемой должности министра обороны. После возвращения Жукова Г.К. в СССР состоялся Пленум ЦК, на котором Суслов М.А., Брежнев Л.И. и Хрущев Н.С. обрушились на бывшего войскового начальника с резкой критикой. Вина маршала состояла в том, что он «пренебрегал политработниками» и был подвержен «бонапартизму». Суслов М.А. процитировал поступившие доносы на министра обороны. Жукова (как когда-то и Берия) обвинили в том, что он без согласования с ЦК создал разведшколу, «школу террористов», явившуюся прообразом будущего спецназа, очень пригодного для силового захвата власти. Жуков Г.К. пытался оправдаться и напоминал о своем участии в организации «отпора антипартийной группе в составе семи человек» на недавнем пленуме. Но в ответ в его адрес летели лишь очередные обвинения Хрущева Н.С. в том, что маршал преувеличивал свои заслуги в Великой Отечественной войне, не понимал роли новых видов вооружения и вообще в 61 год ему следовало бы уступить дорогу другим. Первого секретаря ЦК поддержали маршалы Малиновский Р.Я., Соколовский В.Д. и даже «друг» Конев И.С. С отставкой Жукова Г.К. из политической жизни был устранен последний государственный институт, пытавшийся претендовать

на определенную независимость от всемогущего партаппарата [64].

Напрасно пару лет назад крупно ссорились между собой старые боевые товарищи Сергей Никифорович и Георгий Константинович, отстаивая интересы своих министерств. Коварство «нашего Никиты Сергеевича» превзошло все ожидания, уготовив обоим государственным мужьям роли опальных пенсионеров.

32. Кировский совнархоз

Во исполнение волюнтаристского указания первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н.С. партийный аппарат подобрал для ссылки попавшего в опалу Круглова С.Н. город Киров. Заметим, что в царские времена в эти края были отправлены Герцен А.И., Салтыков-Щедрин М.Е. и другие политические вольнодумцы. После согласования вопроса с местной партийной властью, 13 июля 1957 года заведующий Отделом строительства ЦК КПСС Гришманов И.А. и инструктор отдела Баскаков С.К. направили в ЦК КПСС письмо о том, что «Кировский обком КПСС просит утвердить т. Круглова С.Н. заместителем председателя Кировского совнархоза». Далее приводились краткие биографические сведения по этой кандидатуре, которые нам известны, и сообщалось, что «в ЦК КПСС т. Круглов вызывался, согласие дал». В заключение партийные чиновники представили свое мнение: «Просьбу Кировского обкома КПСС поддерживаем» [28].

Во исполнение постановления Совета Министров СССР приказом министра строительства электростанций Круглов С.Н. был освобожден от исполнения обязанностей заместителя министра с 1 августа 1957 года. При подготовке этого приказа было обнаружено, что генерал, работавший в гражданской организации, не имел трудовой книжки, которая военнослужащим по статусу не положена. Тогда 29 июля 1957 года таковой документ оформили и в него вписали «задним числом» назначение на должность заместителя министра строительства электростанций, а строчкой ниже — освобождение от этой должности. На следующий день, во исполнение постановления Совета Министров РСФСР распоряжением по Совнархозу № 42 от 2 августа 1957 года Круглов С.Н. был назначен заместителем председателя Совета народного хозяйства Кировского экономического административного района, что нашло свое отражение в трудовой книжке. После этого началась процедура увольнения бывшего министра из кадров МВД, о чем было рассказано в предыдущей главе.

12 октября 1957 года Круглов С.Н. получил удостоверение № 1042 Совета Министров РСФСР, которым подтверждались его должностные полномочия [27]. 16 декабря того же года Совмином РСФСР ему была выдана справка для предъявления в Свердловский отдел Госбанка города Москвы, в которой было сказано, что Круглов Сергей Никифорович «работает в Совете Министров РСФСР в должности Заместителя Председателя

Кировского Совнархоза с окладом 3600 рублей» [26].

Обращаясь к Истории, напомним, что Кировский край был образован в составе РСФСР 7 декабря 1934 года из Заволжской части Горьковского края и двух прикамских районов Свердловской области (Сарапульского и Воткинского). 5 декабря 1936 года в связи с выделением Удмурдской АССР край преобразовали в Кировскую область. Территория области составила 120,7 тысячи квадратных километров при населении 1885 тысяч человек, численность которого имела тенденцию к некоторому уменьшению. Климат в этих краях умеренно континентальный, с продолжительной, достаточно холодной зимой и коротким, но сравнительно теплым летом. Областным центром является расположенный на реке Вятке город Киров, названный так «по ходатайству трудящихся» в память о С.М. Кирове. В облцентре в рассматриваемое нами время проживали порядка 250 тысяч человек. В городе тогда имелись педагогический, сельскохозяйственный и политехнический институты, механико-технологические техникумы легкой и молочной промышленности, краеведческий и художественный музеи, театры драматический и юного зрителя [29].

В связи с развитием промышленного производства в Кировской области происходил быстрый рост городов и рабочих поселков, что обусловило снижение численности сельского населения. За годы пятилеток произошла реконструкция старых предприятий и были построены новые заводы. Полностью обновился Омутнинский металлургический завод, на базе железнодорожных мастерских был создан крупный машиностроительный завод имени 1 Мая, мастерские пожарных машин послужили основой для создания станкостроительного завода, из мастерских учебных пособий возник завод «Физприбор», полукустарные кожевенные предприятия преобразовали в два крупных кожевенно-обувных комбината, реконструировали меховую фабрику «Белка». В числе новых предприятий были построены комбинат искусственных кож «Искож», Кировский мясокомбинат, фанерный комбинат «Красный якорь», Верхнекамский фосфоритный рудник, Кайский целлюлозный завод. В последние годы были введены в строй действующих Кировский завод обработки цветных металлов, Стрижевский завод силикатного кирпича, заводы сборного железобетона, новые торфопредприятия и леспромхозы, предприятия пищевой отрасли [85].

В промышленном отношении Кировская область успешно развивалась, и создание совнархоза на ее территории дало на

первых порах определенный положительный эффект, поскольку возросла самостоятельность местного руководства, уменьшились затраты на транспортировку сырья и продукции, усилились производственные связи между предприятиями, расположенными на одной территории. Однако в масштабах всей страны вследствие проявившегося местничества кооперационное взаимодействие между регионами со временем существенно пострадало [64].

Отметив вместе с семьей Октябрьские праздники, Сергей Никифорович отбыл к новому месту своей работы. В Кирове председатель Совнаркома Песчаный Н.Ф. по-доброму встретил своего заместителя, познакомил с руководством этой организации. Для проживания Сергею Никифоровичу предоставили номер в гостинице. Коммунист Круглов С.Н. встал на партийный учет, после чего встретился с первым секретарем обкома партии Пчеляковым А.П. и другими партийными секретарями. Все посвященные в данный, достаточно деликатный вопрос прекрасно понимали положение направленного Москвой «в ссылку» бывшего столичного руководителя и сочувствовали ему. В качестве служебных обязанностей заместителю председателя совнаркома Круглову С.Н. поручили курировать капитальное строительство и производство местных строительных материалов. В силу своих природных дарований Сергей Никифорович, как всегда, начал упорно трудиться, стремясь достигнуть успеха на доверенном ему участке работы.

Вскоре после начала работы «московского» зампреда в новой должности состоялось партийное собрание аппарата Кировского совнархоза, посвященное обсуждению итогов юбилейной сессии Верховного Совета СССР. Для того чтобы у членов партии была возможность ближе познакомиться с прибывшим в их организацию коммунистом, Круглову С.Н. как депутату Верховного Совета СССР и участнику этой сессии поручили сделать доклад по данному вопросу. В архиве сохранился десяток листков из блокнота, на которых рукой Сергея Никифоровича сделаны выписки и изложены основные тезисы его выступления на упомянутом партийном мероприятии. Приведем несколько выдержек из этих записей, звучавших в духе того времени.

Доклад на юбилейной сессии т. Хрущева, величественные перспективы развития нашей Родины, обращения Верховного Совета — еще больше поднимают творческую активность трудящихся, и советские люди отвечают на это новым трудовым подъемом. В настоящее время коллектив и нашего Совнархоза

борется за выполнение своих социалистических обязательств, которые мы взяли в соревновании с Горьковским и Пермским совнархозами. В порядке самокритики отмечалось: *Не все еще предприятия и строительства выполняют установленный план. Допускаются удорожание, плохое использование оборудования, несвоевременное выполнение своих обязательств перед другими экономическими районами»,* Задачи ставились такие: *К 20 декабря* (1957 года) — *выполнить годовой план. Выполнить план жилищного строительства и подготовиться к работе в 1958 году. Таковы задачи каждого предприятия, каждой стройки и строительного управления. Кому непонятно огромное, решающее значение металла, машин, электроэнергии, химии в современной жизни людей? Для нас — это становой хребет, незыблемая база коммунизма, основа технического прогресса и высокой производительности труда. Не только догнать, но и превзойти современный объем производства важнейших видов продукции в США. Озаренные светом Великого Октября, вооруженные идеями марксизма-ленинизма плечом к плечу с нами идут народы других социалистических стран». «Народы социалистических стран праздновали сорокалетие* (Октябрьской революции) *как самый большой свой праздник, восхищаясь и гордясь успехами своих советских братьев. Что касается внешней политики, то наше государство и впредь настойчиво будет проводить ленинский курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем, бороться за упрочение мира. Программа борьбы за укрепление мира изложена в докладе т. Хрущева и в Обращении сессии ко всем трудящимся, политическим и общественным деятелям, представителям науки и культуры, парламентам и правительствам всех стран. Жить без войн, на основе мирного соревнования — вот в чем основа мирного сосуществования. В дни Октябрьской революции народы СССР с огромной силой выражали любовь и признательность своему испытанному вождю и руководителю — коммунистической партии и показали свою непоколебимую сплоченность вокруг партии и ее ленинского ЦК. Под водительством партии — вперед!* [26].

Как отмечал впоследствии сам Сергей Никифорович, условия выполнения плана капитального строительства были для Кировского совнархоза тяжелые. Первопричиной являлись недостаточное материально-техническое снабжение, острая нехватка инженерно-технических кадров и другие трудности. Но «при помощи партийной организации» планы 1957 года по капитальному строительству, производству строительных материалов и вводу жилой площади были выполнены. При этом

Кировский обком КПСС неоднократно рассматривал на своих заседаниях ход выполнения работ, указывал на недостатки, помогал. Поскольку основным отстающим звеном в общей производственной цепи все время оказывалась промышленность местных строительных материалов, по инициативе и при непосредственном активном участии зампреда Круглова С.Н. был разработан, рассмотрен Совнархозом и одобрен бюро обкома перспективный план развития этой отрасли промышленности. Было намечено строительство новых кирпичных заводов, каменных карьеров и других производителей строительных материалов. Несмотря на нехватку финансовых ассигнований, отсутствие проектно-технической документации и необходимых ресурсов, это дело тяжело, но пошло вперед [26].

15 и 16 января 1958 года состоялась X Кировская областная партийная конференция, в которой участвовали 549 делегатов с решающим голосом и 34 — с совещательным. В соответствии с повесткой дня заслушивались отчетные доклады областного комитета КПСС и ревизионной комиссии. После этого проходили выборы руководящих органов обкома партии [86]. В отчетном докладе секретарь обкома Пчеляков А.П. рассказал об успехах Кировской области, которых добился многотысячный коллектив рабочих и служащих, тружеников сельского хозяйства. К сожалению, не все выполнили принятые на себя социалистические обязательства по перевыполнению планов выпуска продукции, производству продуктов питания. Партийный руководитель заверил, что более 60 тысяч коммунистов, состоявших в то время в партийной организации области, приложат все силы к тому, чтобы выполнить задания Родины. Выступая в прениях, председатель Совнархоза Песчаный Н.Ф. отметил, что проведенная партией и правительством перестройка управлением промышленностью и строительством сделала свои первые успешные шаги по реализации преимуществ новой системы, что дало «благоприятные результаты». Однако за 1957 год многие предприятия не выполнили предписанных планов. Перед областью стоят большие задачи по увеличению выпуска продукции, жилищному строительству, преодолению отставания лесозаготовительной промышленности, налаживанию кооперирования между предприятиями внутри экономического района. Залогом успешного выполнения «огромных задач, поставленных перед промышленностью области на последующие годы», являются «возросшая активность нашей партийной организации, беззаветная преданность и сплоченность ее вокруг ЦК КПСС» [87].

На состоявшихся затем выборах руководящих партийных

органов в число 97 членов Кировского обкома КПСС был избран и коммунист Круглов С.Н. [87]. Имелась ли на то санкция из Москвы или местные партийные секретари решили укрепить свои ряды за счет авторитета бывшего московского крупного государственного деятеля либо просто чувствовали уважение к необоснованно пострадавшему хорошему и многоопытному руководителю, не будем теперь гадать. Во всяком случае, в текущую партийную работу, к которой Сергей Никифорович с юных лет относился с большим энтузиазмом, опытный коммунист включился без промедления. В архиве на разных листочках сохранились сделанные Сергеем Никифоровичем заметки для выступлений по вопросам партийного строительства в связи с опубликованием сообщения ЦСУ об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР за 1957 год, по изобретательской и рационализаторской работе и другим вопросам [26].

Заметим здесь, что в феврале 1958 года на очередной сессии Верховного Совета СССР Булганин Н.А. был снят со своего поста и председателем Совета Министров СССР стал Хрущев Н.С., объединивший в своих руках высшую партийную и государственную власть. С этих пор для «нашего Никиты Сергеевича» не стало никаких сил, сдерживавших его неукротимую энергию.

13 марта 1958 года военный комендант Октябрьского райвоенкомата города Кирова подполковник Ковязин вручил Круглову С.Н. присланный из Москвы *«Военный билет генерала запаса Вооруженных сил Союза ССР»,* который теперь хранится в личном фонде № 10 146 ГАРФ. Из многочисленных военно-учетных данных, общих и других сведений, содержащихся в этом документе, отметим лишь некоторые. *Род войск* (прочерк). *ВУС* (военно-учетная специальность) *№ 320/062 17, состав начальствующий. Воинское звание: генерал-полковник. Партийность: член КПСС с 1928 года, партбилет № 00 117 000. Знание иностранных языков: японский и английский читает и переводит со словарем. Образование: а) общее и специальное — Московский институт востоковедения в 1935 году; б) военное — не имеет; в) политическое — Институт Красной профессуры ЦК КПСС в 1938 году. Гражданская специальность: преподаватель. Прохождение службы: 9.1929—11.1930 — красноармеец; 12.1938—10.1957 — служба в МВД. Участие в Великой Отечественной войне с Германией и в войне с Японией: 7.1941—10.1941 Член Военного Совета, Резервный фронт.* (В документе забыли указать, что в октябре — декабре 1941 года Круглов С.Н. являлся командующим 4-й саперной армией. — *Ю. Б.*)*Увольнение в запас*

или отставку: уволен в запас 25 октября 1957 года по должности Министра внутренних дел СССР, начальника МПВО страны со званием генерал-полковника запаса. Ранения и контузии: не имеет. Правительственные награды: ордена Красного Знамени от 26.4.40 (за обеспечение государственной безопасности. — *Ю. Б.*), *Красной Звезды от 21.2.42* (за строительство оборонительных сооружений. — *Ю. Б.*), *Ленина от 20.943* (за образцовое выполнение заданий правительства в годы Отечественной войны. — *Ю. Б.*), *Суворова I ст. от 8.344* (за выполнение задания правительства по выселению народов Северного Кавказа. — *Ю. Б.*), *Кутузова II ст. от 20.10.44* (за выполнение задания по борьбе с вооруженным националистическим подпольем. — *Ю. Б.*), *Кутузова I ст. от 24.02.45* (за обеспечение Крымской конференции. — *Ю. Б.*), *Ленина от 16.9.45* (за обеспечение Потсдамской конференции. — *Ю. Б.*), *Ленина от 29.1049* (за участие в создании первой атомной бомбы. — *Ю. Б.*), *Ленина от 6.12.51* (за совершенствование ядерного оружия. — *Ю. Б.*), *Ленина от 19.9.52* (за строительство Волго-Донского канала. — *Ю. Б.*), *Красной Звезды от 25.6.54* (за выслугу лет. — *Ю. Б.*), *медаль «За боевые заслуги» от 6.6.49* (за выслугу лет). *7 октября 1957 года Центральной врачебно-экспертной комиссией МВД СССР по* (соответствующим статьям приказа МО СССР — *Ю.* Б.*) признан негодным к военной службе в мирное время, ограниченно годен второй степени в военное время.*

В разделе «*Отметки военного комиссариата о текущем приеме на учет и снятии с учета*» указано: «*Принят на учет 13 марта 1958 года Октябрьским РВК Кировской области Уральского военного округа*» [26]. Так в обобщенном виде была документально отражена военная служба Сергея Никифоровича Круглова.

Несмотря на то что совнархозам предоставили широкие права, многие вопросы при общей централизованной системе управления приходилось «пробивать» в Москве. В конце марта месяца в такую служебную командировку в столицу с удовольствием отправился заместитель председателя совнархоза Круглов С.Н. Это дало ему возможность помимо решения производственных проблем повидаться с семьей, передохнуть от одиночества, на которое он был обречен в своей ссылке. Супруга Таисия Дмитриевна болела, дети учились в институтах, набирались знаний. Но «свидание» продолжалось всего несколько дней. В обратную дорогу родные снабдили Сергея Никифоровича домашними вареньями и другими продуктами.

После возвращения Круглова С.Н. к месту работы Кировский обком партии поручил ему как члену обкома сделать доклад 22

апреля 1958 года на торжественном собрании, посвященном 88-й годовщине со дня рождения «великого вождя и учителя рабочего класса В.И. Ленина». Рукописный текст этого доклада на 21 листе также хранится в Личном фонде № 10 146 ГАРФ. Написанный в духе того времени материал пронизан верой в торжество ленинских идей, сознанием силы созданной вождем коммунистической партии [26].

А за три дня до выступления у Сергея Никифоровича произошел гипертонический криз, сопровождавшийся резкой головной болью и головокружением. Предыдущие два десятилетия напряженной и беспрерывной работы давали о себе знать. Часто все недуги начинают проявляться именно после того, когда несколько спадает постоянное нервное напряжение. После переезда в Киров Круглову С.Н. уже пришлось несколько раз обращаться в поликлинику по поводу своего состояния здоровья, но, даже имея на руках бюллетень, неугомонный больной продолжал ходить на работу. На этот раз при помощи медицины с недугом удалось успешно справиться [26].

Несмотря на повседневную занятость на работе и внимание со стороны окружающих, Сергею Никифоровичу, чувствовавшему определенное физическое недомогание, достаточно тоскливо было одному, без семьи, особенно в вечернее время. Все это прекрасно отражено в его письме, отправленном в конце апреля месяца в Москву любимой жене:

Дорогая Тая!

Сегодня весь день был на заседании пленума обкома — обсуждали вопрос о проведении весеннего сева в области, Сейчас по-нашему время 9 часов 25 минут вечера. В гостинице холодно, так как на улице сегодня у нас более чем прохладно. Днем шел мокрый снег, слякоть, холодный ветер. А по радио, я слушал, что в Москве днем было 18 градусов тепла. Вроде Киров и недалеко от Москвы, а разница в климате весьма заметна. Что-то ты поделывала сегодня, моя дорогая? Как всегда, у тебя много всяких забот и беспокойств и домашних хлопот. Эти заботы никогда тебя не оставляют в покое. Уж такая, видно, у тебя судьба. Я очень рад, что, как будто, тебе стало немного лучше. Во всяком случае, голос твой в телефонной трубке вчера звучал несколько поздоровее, чем это было ранее.

Сейчас попил чайку. У меня еще много продуктов имеется от того, что ты мне положила — есть сыр, хлеб, масло, сахар, а к варенью я еще не приступал. Так что я — богач: видишь, живу, как при коммунизме. Город Киров готовится к празднику 1 мая. Он прихорашивается, чистится, вывешивает красные флаги. Словом,

становится нарядным и праздничным. Конечно, в Москве наступление праздника чувствуется во сто крат сильнее, ну, на то она и Москва — столица мира. В коридоре гостиницы где-то слышатся звуки гармоники и веселый смех — видно, народ уже вступает в полосу праздника. Весело им, а мне очень не достает тебя, детей — чувствую себя очень одиноким, и от этого тяжело на душе. Когда живешь в семье, то не замечаешь, какое благотворное влияние это оказывает на человека. А одному жить, господи, как это тяжело — места себе не находишь, не знаешь, чем даже заняться. Скучаю по тебе, по детям и как-то теперь это чувство переношу тяжелее, чем раньше, до этого приезда. Чем бы это объяснить? Неужели тем, что сил стало меньше? Нет, этого допустить нельзя, постараюсь взять себя в руки. Я должен быть крепким, работоспособным, полным оптимизма — ради вас, мои родные, ради тебя, Тая! Должен продержаться, по крайней мере, еще несколько лет, а там дети встанут на ноги, и нам станет полегче. Ты тоже не унывай — держись, надейся на лучшие времена. Валерий-то хорошо занимается? Ты последи, как он готовится к зачетам и экзаменам. Влияй на него. За Ирочку-то я особенно не беспокоюсь: она умная и выдержанная девушка, только бы у нее укрепилось здоровье.

До свидания, моя родная. Иду спать. Желаю тебе всего хорошего, привет детям. Живи спокойно и ни о чем не беспокойся.

Крепко тебя целую, моя любимая. Твой Сергей.

Киров. 28 апреля 1958 года [26].

Ощутил ли теперь Сергей Никифорович ту же тоску, которая томила души миллионов людей, отправлявшихся Советской властью на долгие годы, а то и навечно в места не столь отдаленные в заключение или на поселение? А ведь это была некогда подчинявшаяся ему огромная армия подневольных строителей коммунизма.

После Майских праздников в работе Кировского совнархоза опять накопились вопросы, которые требовали своего решения в Москве. Зампред Круглов С.Н. с радостью согласился отправиться в столицу в качестве «гонца». Однако через несколько дней после того, как Сергей Никифорович прибыл в свой московский дом, ему стало плохо, и 23 мая 1958 года его пришлось госпитализировать в Кремлевскую больницу. Как записано в истории болезни, «больной предъявил жалобы на раздражительность, резкие головные боли, головокружение, бросание в сторону в период резких увеличений артериального давления». После месяца лечения 27 июня 1958 года Центральная врачебно-экспертная комиссия МВД СССР под председательством

полковника медицинской службы Скворцова дала заключение о том, что «тов. Круглов С.Н., 1907 года рождения, в связи с существенным ухудшением состояния здоровья из- за наличия значительно выраженных функциональных нарушений полностью нетрудоспособен и является инвалидом ВТОРОЙ группы с переосвидетельствованием через год. Как выполняемая, так и любая другая работа противопоказаны». Причем установленная с 4 июля 1958 года «инвалидность связана со службой в МВД» [26].

После лечения в стационаре больного отправили для прохождения курса реабилитации в загородную больницу. Немного поправив свое здоровье, Сергей Никифорович отправился в город Киров, чтобы в соответствии с настоянием врачей уволиться с работы. Сотрудники Совнархоза вдруг вспомнили, что не приняли уже увольнявшегося зама в члены профсоюза. Тут же местный комитет Кировского совнархоза оформил вступление Круглова С.Н. в профсоюз служащих и принял от него взносы с января по июль текущего года. Этим же числом с учета сняли и выдали на руки профсоюзный билет № 3 064 690 и учетную карточку, которые в дальнейшем пригодились лишь для того, чтобы попасть в Личный фонд Круглова С.Н. № 10 146 [26]. В соответствии с существовавшим положением Совнархоз запросил разрешение у Кировского обкома партии на увольнение руководящего работника в связи с его инвалидностью и, получив «добро», оформил необходимые бумаги. Вслед за этим Совет Министров РСФСР также освободил заместителя председателя Кировского совнархоза от работы «по болезни с переходом на инвалидность», соответствующая запись о чем была сделана в трудовой книжке 23 июля 1958 года [27]. Теперь пенсионеру-инвалиду второй группы Круглову С.Н. оставалось выполнить лишь одно небольшое дело: сняться с партийного учета с тем, чтобы, вернувшись в Москву, войти в состав той районной партийной организации, с которой будет связана дальнейшая общественная деятельность заслуженного коммуниста. Однако на эту просьбу первый секретарь Кировского обкома партии Пчеляков А.П. дал уклончивый ответ, сославшись на то, что только в январе товарищ Круглов С.Н. был избран членом обкома и что вроде бы не совсем удобно всего через полгода уходить из парторганизации, оказавшей ему столь высокое доверие.

Почти всю осень и зиму 1959 года, находясь в Москве, Сергей Никифорович проболел в связи с «обострением гипертонической болезни и болезнью головного мозга». К сожалению, обстановка в родном московском доме сложилась достаточно тревожная: жена Таисия Дмитриевна страдала стенокардией (первый инфаркт у

нее произошел в 1953 году). Дочь Ирина долгое время находилась в больнице из-за болезни сердца. Родные, как могли, поддерживали друг друга в это сложное время.

Весной, немного окрепнув, Сергей Никифорович вновь занялся своими служебными делами. В апреле месяце он поехал в город Киров, чтобы решить вопрос о снятии его с партийного учета, о чем уже многократно подавал заявления и устно, и письменно. В состоявшемся очередном разговоре секретарь обкома Пчеляков А.П. вновь дал Круглову С.Н. весьма уклончивый ответ: «Мы еще раз посоветуемся с членами обкома и вам сообщим. Но вам здесь ждать не обязательно. Мы ваш (московский) адрес знаем и вам сообщим» [26]. Ясно, что с членами обкома советоваться было не о чем, а потому в Москву направили запрос: «Что делать в сложившейся ситуации?» Из Центрального Комитета партии пришло разъяснение для «несообразительных» о том, что решением ЦК КПСС (читай: личным решением первого секретаря Хрущева Н.С.) партийная организация города Кирова определена как место постоянного пребывания на партийном учете (читай: постоянной ссылки) коммуниста Круглова С.Н. Прекрасно понимавший сложившееся положение секретарь обкома Пчеляков А.П. все не решался объявить о таком положении дел, но в конце апреля и начале мая Круглов С.Н. сам несколько раз звонил по телефону из Москвы и интересовался результатами рассмотрения его заявления. В итоге Кировский обком КПСС направил Сергею Никифоровичу заказное письмо, в котором так официально изложил «партийный вопрос»:

«Тов. Круглову С.Н.

Бюро обкома КПСС рассмотрело Ваше заявление о снятии с партучета и решило отказать Вам в этой просьбе. При освобождении от работы Вас предупреждали, что на партийном учете Вы должны состоять в Кировской городской партийной организации.

Секретарь обкома Г. Шаталин» [26].

Вот так! Город Киров был назначен Хрущевым Н.С. в качестве места ссылки навечно бывшего министра внутренних дел СССР генерал-полковника Круглова С.Н., и это решение не мог изменить никто, кроме него «самого». В Москве пенсионер-инвалид был если и не опасен в силу его нынешнего физического состояния, то, во всяком случае, крайне нежелателен. В партийных органах, куда Сергею Никифоровичу приходилось обращаться, сведущие партийные деятели намекали об этом прямо в лицо.

Поняв, что в столице он является «персоной нон грата», Круглов С.Н. решил уехать из Москвы куда-нибудь подальше, чтобы не навлечь неприятности не только на себя, но и на свою семью. Возвращаться в Киров не хотелось. По старым связям обратился в Министерство строительства электростанций с просьбой направить его на строительство Братской ГЭС на любую работу и согласовал данный вопрос с отделом ЦК КПСС. Встретившись с находившимся в Москве начальником этого грандиозного строительства т. Каймушиным, обговорил с ним конкретный участок работы.

Вопрос с воинским учетом решился достаточно легко: еще 12 января 1959 года в военном билете генерала запаса Круглова С.Н. Кировском военкоматом была сделана отметка: «Снят с учета за выездом в город Братск» [26]. Но главное — следовало сполна рассчитаться с Кировской партийной организацией. 14 мая 1959 года Круглов С.Н. написал заявление в ЦК КПСС с просьбой разрешить Кировскому обкому снять его с партучета и отправить документы в Братский горком партии [26].

Лучше бы Сергей Никифорович не писал этой роковой для себя бумаги, а проживал бы тихонько на пенсию в Москве вместе с семьей да изредка наведывался в город Киров, к месту своей пожизненной ссылки, чтобы заплатить партвзносы да решить там другие партийные дела. Куда с таким здоровьем, отданным служению Родине, рваться на далекие стройки? Но совесть настоящего коммуниста не могла смириться с покоем и беззаботностью. Отцы наши не понимали: как это можно остановиться на достигнутом?

Теперь Сергей Никифорович начал беспокоить звонками Отдел руководящих парторганов ЦК, справляясь о судьбе своего заявления, которое могло затеряться в потоке важных бумаг. «Помощник тов. Семичасного» (заведующего Отделом руководящих парторганов), наконец, сообщил, что «Ваше заявление рассматривается» и что «Вам ответ будет дан после окончания пленума ЦК» [26].

Хрущева Н.С. представленное ему на решение заявление Круглова С.Н. с просьбой снять его с учета в Кировской парторганизации и передать учетную карточку в Братский горком привело в ярость. Не потрудившись разобраться в деталях этого вопроса, Никита Сергеевич, которому теперь вообще никто был не указ, увидел здесь лишь то, что персонально наказанный им партиец, сосланный по его велению в вечную ссылку, не желает выполнять «указание партии», а предпочитает своевольничать. В таком ключе Хрущев Н.С. как раз и выступил на одном из совещаний руководящего состава. Помню, об этом дома рассказал

мой отец, отметив, что Никита Сергеевич в адрес Круглова произнес в свойственной ему бестактной манере что-то вроде: «Такой здоровый байбак, а работать не желает», — и что надо с ним разобраться. Соответствующее поручение было дано Комитету партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС.

33. Социалистическая законность

В соответствии с полученным указанием опытные партийные товарищи «добросовестно» поработали над поставленной задачей и быстренько «накопали» четыре вопроса.

Во-первых, почему тов. Круглов, будучи послан в июле 1957 года решением Секретариата ЦК КПСС на работу заместителем председателя Кировского совнархоза, самовольно уволился с работы и убыл в Москву, а также в связи с чем он хочет теперь сняться с партучета в Кировской партийной организации?

Во-вторых, на каком основании тов. Круглов получает пенсию от МВД?

В-третьих, по какому праву тов. Круглов с семьей занимает такую большую квартиру?

В-четвертых, не совсем понятно, что за личная дача числится за семьей тов. Круглова на станции Правда Северной железной дороги?

На поставленные вопросы в июле 1959 года Круглов С.Н. представил свои объяснения в КПК при ЦК КПСС в письменном виде на пяти листах, использовав для этого бланки с надписью поверху: «Депутат Верховного Совета СССР».

В ответе на первый вопрос подробно рассказал о том, как он работал в Кировском совнархозе, потом заболел, оказался на инвалидности, а потому вынужден был уволиться с работы. «*Так как моя семья жила в Москве, я выехал к семье».* Здесь опять длительное время болел. Устно и письменно обращался в Кировский обком с просьбой снять его с партийного учета. *«Я ждал решения своего вопроса,* — говорилось далее в объяснении, — *и надеялся, что моя просьба о снятии с партучета будет удовлетворена».* В порядке самокритики указал: *«Я виноват, что поздно обратился с просьбой в ЦК»* по этому вопросу. В заключение текста по первому пункту указал: *«Прошу ЦК партии простить мне эту вину и позволить мне на любой низовой работе искупить свою вину. Я буду жить и работать там, где мне скажет партия».*

В объяснениях по второму пункту указал, что пенсия в размере 40 % от получаемого оклада была назначена от МВД СССР в октябре 1957 года в связи с уходом в запас. После длительной болезни врачебная комиссия 27 июня 1958 года установила инвалидность второй группы, но *«никакого влияния на врачей комиссии я не оказывал, большей пенсии не добивался и по этому вопросу ни к кому и никогда с просьбой не обращался».* Однако 8 июля 1959 года министр внутренних дел Дудоров Н.П.

«своей властью» лишил своего предшественника установленной ему пожизненной пенсии, нарушив тем самым существовавший закон о пенсионном обеспечении. В представленной бумаге Сергею Никифоровичу осталось лишь констатировать: *«Все материалы о состоянии моего здоровья находятся в документах Центральной Врачебно-экспертной комиссии МВД СССР и в моей истории болезни Кремлевской поликлиники»*.

По третьему пункту объяснения касались московской квартиры. В этом доме в Малом Каретном переулке семья проживала с 1949 года, занимая квартиру площадью 133 кв. метра (*«а не 153 кв. метра, как указано в справке МВД»),* В состав жильцов входили глава семьи с женой, взрослая дочь и взрослый сын, *«которые создают свои семьи».* Свердловский райсовет вел переговоры о сдаче части квартиры из пяти комнат, на что получил от Круглова С.Н. согласие. В отношении дома отмечалось, что он *«ничего особенного из себя не представляет»*, не оборудован современными удобствами: *«нет лифта, горячей воды, мусоропровода»* и прочего. *«В доме живут обычные советские люди».* Дополнительно отмечено: *«Моя жена — больной человек. Она не переносит уличный шум».* В связи с тем, что квартира находилась в тихом переулке и выходила окнами во двор, *«я переехал в этот дом».*

В объяснениях по четвертому пункту излагалась история передачи в 1944 году больному отцу части дома, принадлежавшего ХОЗУ МВД СССР, о чем нами упоминалось в главе 8. После смерти отца в 1954 году недвижимое имущество через полгода было оформлено в виде дарения на невестку, поскольку мать Любовь Игнатьевна Яковлева, являвшаяся наследницей первой очереди, была тяжело больна, и заниматься этим домом не имела возможности. В 1957 году появилась бывшая владелица данной части дома (ранее репрессированная) гражданка Власова. В связи с этим занимавшаяся Кругловыми часть дома была ими немедленно и безвозмездно возвращена в ХОЗУ МВД СССР. В этом же году данный вопрос рассматривался в ЦК КПСС, и семье было разрешено выкупить у владельцев другую часть этого дома.

В заключение представленных в КПК при ЦК КПСС объяснений Круглов С.Н. написал:

«Заявляю, что в обвинениях, выдвинутых против меня, особенно МВД СССР, много наносного, много неправды. Я не понимаю, почему спустя три с половиной года с тех пор, как я сдал дела и ушел из этого Министерства, со стороны т. Дудорова предпринимаются большие усилия, чтобы очернить меня. Я десять

лет работал министром СССР. За свою работу неоднократно награждался правительством за выполнение больших задач по строительству важнейших государственных объектов, в том числе и оборонных. Только орденом Ленина награжден 5 раз. Были у меня ошибки и недостатки, за что я был освобожден от поста министра. Но я всегда старался честно выполнять возложенные на меня задачи и боролся за строительство коммунизма в нашей стране. Этому делу я отдавал все силы и всю свою жизнь. Я живу уже шестой десяток лет и заверяю ЦК партии, что и в будущем, до конца своей жизни приложу все силы, чтобы быть полезным Ленинской партии. Я был и навсегда останусь преданным своей Родине и своей родной Коммунистической партии.

Член КПСС с 1928 года КРУГЛОВ [26].

27 июля 1959 года коммунист Круглов С.Н. был вызван в Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС, где ему официально были предъявлены перечисленные обвинения, причем основной упор был сделан на *«самовольный выезд из Кирова»*. В результате беседы с партийными вершителями судеб, во время которой очень сложно было приводить аргументы в свою защиту, Сергей Никифорович понял, что дела его плохи и что после лишения пенсии от МВД готовится вопрос об исключении его из членов партии. Такого оборота дела он никак не ожидал. Спасти положение мог лишь «сам», Хрущев Н.С., который сумел собрать в своих руках все постромки партийной и государственной власти. Только он теперь решал, кого казнить, кого помиловать согласно собственному пониманию, не считаясь с мнением других «соратников».

В Личном фонде № 10 146 ГАРФ хранится три варианта черновика письма Хрущеву Н.С., которое разрабатывал Круглов С.Н. сразу после посещения им КПК при ЦК КПСС. В основном, текст всех вариантов сходен, за исключением некоторых деталей. Приведем наиболее полный.

Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н.С.

Дорогой товарищ Хрущев!

27 июля с/г (1959 года. — *Ю. Б.*)*в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС мне стало известно, что вопрос обо мне будет рассматриваться на секретариате ЦК В КПК я представил письменные объяснения по тем пунктам обвинения, которые мне предъявили.*

Дорогой товарищ Хрущев! Министр (внутренних дел СССР. — *Ю. Б.*) *т. Дудоров лишил меня пенсии, которая им самим была мне установлена пожизненно на основе Закона о пенсиях за 20 лет*

военной службы и как имеющему 50 лет при уходе в запас.

Тов. Хрущев! Вы несете людям счастье. Я ничего для себя не прошу. Умоляю Вас, умоляю Центральный Комитет партии не лишать меня жизни — оставить меня в рядах Ленинской партии. Приму беспрекословно к неуклонному исполнению любое решение партии о своей судьбе. Своей жизнью, именем своих детей заверяю ЦК партии, что в обвинениях, предъявляемых мне по материалам министра т. Дудорова, много наносного, преувеличений, а в ряде случаев и неправды. Всей душой верю, живу надеждой, что Вы, дорогой товарищ Хрущев, спасете меня и мою семью. Более 30 лет состою я в рядах коммунистической партии. Заверяю Центральный Комитет, что в будущем до конца своей жизни отдам свои силы для того, чтобы быть полезным своей Родине. Навсегда останусь преданным родной коммунистической партии.

Никита Сергеевич! Если можно, прошу уделить мне несколько минут для личного объяснения.

С глубоким уважением член КПСС С. Круглов (подпись).

В другом, несколько сокращенном варианте, датированном *«28 июля 1959 года»,* просьба о личном приеме отсутствовала, а в заключение было сказано: *«Без партии у меня жизни нет»* [26].

Но подобное обращение к Хрущеву Н.С. в ту пору являлось бесполезным, поскольку, стремясь разобраться с жертвами прежних репрессий так, чтобы самому остаться чистым, «наш Никита Сергеевич» выискивал очередных виновников былых дел, на которых стремился списать весь прежний политический произвол. Никакие «эмоции» в этом деле его не интересовали. Новым внесудебным органом, выполнявшим волю первого секретаря, стал Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС, четко отрабатывавший указания «вождя».

С середины 1953 года КПК по поручению Центрального Комитета партии приступил к рассмотрению дел по реабилитации в партийном отношении коммунистов, привлеченных в 30—40-х и начале 50-х годов к партийной и судебной ответственности. До февраля 1956 года (начала работы XX съезда КПСС) КПК реабилитировал в партийном отношении 5456 коммунистов, исключенных из партии по необоснованным политическим обвинениям. В последующем число пересмотренных дел значительно увеличилось. Однако реабилитация одних приводила к необходимости наказания других, на которых теперь следовало возложить вину за выполнение прежних указаний партии и правительства. «Комитет партийного контроля рассмотрел ряд дел бывших работников НКВД-МГБ, которые в период работы в органах госбезопасности

грубо нарушали социалистическую законность, применяли недозволенные методы следствия, фальсифицировали обвинительные материалы на честных советских, партийных и хозяйственных работников, приписывая им совершение тягчайших преступлений перед партией и правительством». С марта 1956 года по март 1957 года были исключены из партии 68 таких работников [57]. Поиск «жертв» продолжался. Хотя в официальных отчетах говорилось о том, что в соответствии с решениями XX съезда КПСС «серьезные недостатки и ошибки в работе КПК, имевшиеся в прошлом, устранены», фактически этот орган исполнял волю «ЦК КПСС», которая единолично принадлежала теперь первому секретарю Хрущеву Н.С. Наказание (либо милость) творилось в отношении тех, на кого тайно («строго секретно») указывал руководящий перст «нашего Никиты Сергеевича».

К примеру, как раз в начале июля 1959 года на основании собранного компромата был уволен из МВД по служебному несоответствию бывший заместитель Круглова С.Н. генерал-лейтенант Богданов Н.К., которого обвинили в «грубом нарушении социалистической законности». Поскольку у изгнанного из МВД зама выслуга лет в органах составляла 30 лет, то ему устроили «ограничение в пенсионном обеспечении», то есть установили половину от положенной суммы пенсии. Потом исключили из партии. Однако Богданову Н.К. удалось добиться восстановления его в рядах КПСС, правда, с записью строгого выговора в учетную карточку, который так и не удалось снять [1]. А вот приказ об увольнении по служебному несоответствию был отменен МВД Российской Федерации 25 ноября 2003 года, и теперь генерал-лейтенант Богданов Н.К. считается уволенным с военной службы по болезни.

Но вернемся к вопросу пенсионного обеспечения Круглова С.Н., лишенного волюнтаристским путем пожизненной пенсии от МВД СССР, коему столько лет служил верой и правдой. 28 сентября 1959 года заместитель начальника Управления кадров МВД СССР Борцов И. вручил «соискателю гражданской пенсии» письмо на имя председателя Врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК) Свердловского района города Москвы тов. Смирнова Н.Н. такого содержания: «*Прошу освидетельствовать т. Круглова Сергея Никифоровича на предмет определения у него наличия группы инвалидности от заболевания, имевшего место в период службы в МВД СССР».* Помимо этого для представления во ВТЭК была выдана подписанная тем же лицом такая справка от Управления кадров МВД СССР: *«Настоящая дана т. Круглову С.Н., 1907 года рождения, в том, что он с декабря 1938 по январь 1956-*

го года служил в органах МВД СССР. Последняя занимаемая им должность — Министр внутренних дел СССР». К этому из «Истории болезни», имевшейся в Первой поликлинике Четвертого Главного управления при Минздраве СССР, где Круглов С.Н. находился под наблюдением с 1950 по 9 августа 1959 года (после чего для него это престижное лечебное учреждение оказалось «закрытым»), была сделана выписка. В этом медицинском документе были отражены все виды и этапы проводившихся лечений, а в заключение отмечалось, что до последнего времени *«больной лечился на дому с ухудшением общего состояния и увеличением артериального давления»* [26].

На основании проведенного медицинского обследования 30 октября 1959 года ВТЭК Свердловского района города Москвы установила гражданину Круглову С.Н. вторую группу инвалидности, которая была получена им в связи с работой в МВД. На этом основании в соответствии с Положением о порядке назначения пенсий ему, исходя из среднего заработка в 4233 рубля, была установлена пенсия сроком на один год в размере 600 рублей [26].

Оформив гражданскую пенсию, Сергей Никифорович, несмотря на инвалидность, все-таки продолжил реализовать свою «идею фикс» по отъезду из Москвы в Братск. 12 ноября 1959 года Кировский горком КПСС выдал Круглову С.Н. *«открепительный талон № 446»,* в котором было записано, что указанный член КПСС, партбилет № 00 117 000, снят с учета в данной парторганизации. В связи с выездом учетная карточка направлялась по адресу: *«Братскому ГК КПСС Иркутской области»* [27].

Однако уехать в дальние края Сергею Никифоровичу так и не удалось, поскольку в Москве развернулись весьма пренеприятные для него события. Следователь КПК Кузнецов к ранее «накопанным» обвинениям добавил еще и «политические»: участие в выселении чеченцев в 1944 году и награждение за это орденом Суворова; организация по указанию Маленкова спецтюрьмы при Комиссии партийного контроля (КПК); недостатки в работе МВД в период работы министром внутренних дел.

Заседание Комитета партийного контроля при ЦК КПСС по рассмотрению персонального дела Круглова С.Н. состоялось 6 января 1960 года. На заседании помимо «обвиняемого» присутствовали члены Комитета во главе с председателем КПК Шверником Н.М., представители Министерства внутренних дел, Отдела ЦК, занимавшегося административными органами, и «представители общественности» — несколько человек, недавно

реабилитированных после былых репрессий.

С докладом по существу вопроса выступил занимавшийся этим делом ответственный контролер КПК Кузнецов, который изложил суть предъявлявшихся Круглову С.Н. обвинений, заключавшихся в грубейшем нарушении им социалистической законности. Сергей Никифорович был буквально ошарашен от услышанного, поскольку прекрасно понял, что составленное обвинение являлось тенденциозным и необъективным, а о некоторых нюансах он впервые услышал только здесь, на заседании. По партийной этике обвиняемому никакого адвоката (этого пережитка буржуазного прошлого) не полагалось, поскольку Партия судила своих членов не по Закону, а по Совести. Впрочем, и совесть здесь была ни при чем в связи с тем, что имелось твердое указание «сверху» — исключить обреченного из партии. При выступлении обвиняемого никакие его объяснения совершенно не принимались в расчет. Можно было только каяться в действительных и мнимых грехах да умолять Партию простить за все содеянное.

В результате прошедшего «обсуждения» вопроса мнение присутствовавших сформировалось единодушно и безапелляционно: «*Исключить т. Круглова С.Н. из членов КПСС за грубое нарушение социалистической законности в период его работы в органах внутренних дел».* За это решение члены Комитета партийного контроля при ЦК КПСС проголосовали единогласно. Партийный билет у бывшего коммуниста был тут же изъят, а оставшаяся от него красная обложка с тисненой на ней фамилией владельца стала теперь достоянием фонда Центрального музея МВД России [27]. Вот так, отдав все силы и здоровье служению Родине, оказался вдруг бывший крупный государственный деятель у «разбитого корыта».

Обескураженный таким решением своего вопроса, Сергей Никифорович решил обратиться в Центральный Комитет партии, персонально к его секретарям, чтобы попросить пересмотреть решение КПК, которое он считал крайне несправедливым. Собравшись с силами, 19 января 1960 года Круглов С.Н. направил в *«ЦК КПСС» Заявление*, адресовав его персонально *«Секретарям ЦК: тт. Аристову А.Б., Брежневу Л.И., Игнатову Н.Г., Суслову МЛ.».* Кратко перечислив все предъявлявшиеся ему обвинения, *«бывший министр внутренних дел СССР»* так изложил свое ходатайство к партийным руководителям:

Дорогие товарищи!

Убедительно прошу Вас, прошу ЦК КПСС дать указание еще раз пересмотреть вопрос о моем исключении из членов партии и оставить меня в ее рядах. В партию я пришел из комсомола, в

рядах которого состоял с 15-летнего возраста, более 30 лет находился в рядах ленинской партии и все время принимал участие в партийной работе. С 1939 по 1956 год входил в состав Пленума ЦК КПСС. 10 лет работал министром СССР. В моей работе были и крупные недостатки, и крупные ошибки. Но я их допускал не по злому умыслу. Всегда я стремился честно выполнять указания и решения ЦК КПСС. Ошибки, допущенные мною на работе в МВД, в известной мере объясняются и прошедшим временем культа личности. Я готов нести любое наказание от партии, я поеду на самую низовую работу, в любой район страны, но прошу одно — оставить меня в рядах ком. партии. Проведя всю сознательную жизнь в рядах партии, я не могу ни физически, ни морально жить вне партии.

В отношении проведенного над ним «партийного судилища» Круглов С.Н. так представил собственное впечатление:

Обвинение, составленное следователем КПК т. Кузнецовым, является тенденциозным и необъективным, о некоторых обвинениях против меня я услышал только на заседании КПК, по ряду пунктов обвинения с меня даже не требовали объяснения, а по другим пунктам мои объяснения совершенно не принимались в расчет, не проверялись и полностью игнорировались. Я считаю решение о моем исключении слишком серьезным наказанием. Находясь в рядах партии, я ни разу не подвергался партвзысканиям. Награжден пятью орденами Ленина за участие в создании оборонных и атомных объектов. Вся моя жизнь и работа не приняты в расчет. Я не враг партии, а являюсь преданным партии и Ленинскому ЦК во главе с т. Хрущевым Н.С. Трудно в одном письме дать объяснения по всем вопросам, но глубоко уверен, что если поручить мое дело посмотреть новому товарищу и подойти к этому не предвзято, а объективно, то, я уверен, не было бы такого решения для меня, как исключение из партии.

Затем в письме были даны краткие объяснения по существу ряда выдвинутых обвинений.

«*О выселении чеченцев в 1944 году.*

Я участвовал в выселении чеченцев в качестве начальника одного их четырех созданных секторов (Гудермесского), объединявшего семь административных районов. Начальниками остальных секторов являлись: в г. Грозном т. Серов, в г. Орджоникидзе ныне осужденный Кобулов и в четвертом, названия которого я сейчас не помню, был т. Аполлонов. Все эти люди, в

том числе и я, являлись в то время заместителями наркома внутренних дел. Находясь в г. Грозном т. Серов, являлся нашим оперативным начальником. (В главе 12 отмечалось, что Круглов С.Н. был против переселения народов, но вынужден был выполнять отданный приказ. В связи с этим Серов И.А., хотя был по должности младше своего коллеги, оказался руководителем всей операции. — *Ю. Б.*).

Все недостатки, имевшие место при проведении выселения: факты нарушения законности, грубое обращение с чеченцами, потеря ими на месте имущества — зданий, скота и т. д. — приписаны мне одному, (Интересно, что никаких претензий Серову И.А., являвшемуся в это время начальником Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил СССР, предъявлено не было. — *Ю. Б.*) *Я показан,* — писал далее Круглов С.Н., — *как инициатор этого позорного выселения чеченцев и за все это я должен теперь нести самую суровую ответственность. Но я не являлся инициатором выселения чеченцев. Нам объявлено было, что оно проводится по решению ГКО* (Государственного Комитета Обороны. — *Ю. Б.*), *и что это тогда рассматривалось важным государственным делом. Могли в то время кто-нибудь отказаться от выполнения приказа по выселению чеченцев? Конечно, нет. Лично я при выселении никаких преступных действий не совершал».* (Однако в официальном коммюнике было сказано: «Занимаясь в 1944 году выселением чеченцев и ингушей, он (Круглов) допустил произвол по отношению к выселяемым, применял расстрелы невинных людей, больных, стариков и женщин с детьми» [57]. — *Ю. Б.)*.

Мне предъявлено обвинение, — писал далее Круглов С.Н. — *что за эту незаконную операцию я награжден орденом Суворова I степени. Но награжден не я один, а все начальники секторов, перечисленных мною выше. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета* (СССР. — *Ю. Б.*)*награждено было также большое число работников МГБ, МВД, Министерства обороны, Министерство путей сообщения и др,* (точнее, не министерств, а наркоматов. — *Ю. Б.*). *Я признаю, что выселение чеченцев проводить не надо было, но разве это от меня зависело, разве мое мнение кто-нибудь спрашивал? После выселения чеченцев в Казахстан они оказались в тяжелом положении, местные работники относились к ним неправильно, Я был Министерством* (точнее, Наркоматом внутренних дел. — *Ю. Б.*)*послан наместо для выяснения положения и принятия мер совместно с ЦК КП(б) Казахстана и Советом Министров* (точнее, Советом Народных Комиссаров. — *Ю. Б.*) *республики. Хозяйственное и трудовое устройство чеченцев, снабжение их инвентарем, скотом,*

обеспечение жильем, медицинским обслуживанием постановлением Совета Министров (Советом Народных Комиссаров СССР. — *Ю. Б.*) *было возложено на местные органы власти.*

Совместно с партийно-советскими органами Казахской республики на месте были приняты меры по улучшению положения выселенных чеченцев. Было принято решение об обязательном их трудоустройстве в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях, а также об оказании им помощи. Правительством СССР были выделены фонды на промышленные товары, медикаменты, продукты питания. Была организована выдача чеченцам по 20 кг муки в месяц и другие меры» (В официальном коммюнике сказано: «Он (Круглов) обманывал партию и правительство, докладывая о полнейшем порядке с переселением чеченцев и ингушей и о якобы хороших условиях, созданных переселенцам по новому местожительству в республиках Средней Азии» [57]. — *Ю. Б.*).

Сейчас меня обвиняют в том, — продолжал Круглов С.Н. в своем заявлении, — *что мало сделано было в то время, в результате чего среди чеченцев имела место большая смертность, но разве от меня все это зависело? Мне предъявлено обвинение, что по моей инициативе в то время были выданы хлопчатобумажные ткани, а не ткани более высокого качества, что детей чеченцев решено было обучать в школах на русском языке и что детей чеченцев — безнадзорных, сирот я предложил помещать в детские воспитательные трудовые колонии. В то время эти предложения считались правильными и вносились они по согласованию с местными партийно-советскими органами. По всем этим вопросам были приняты Постановления Совета Министров СССР.*

Я обвинен в том, что после выселения чеченцев в Казахстане было арестовано за различные уголовные преступления более 2000 человек чеченцев. Эти аресты производились различными органами — милицией, прокуратурой и др. — за убийства, разбой, воровство и т. д. Я никакого отношения к этим арестам не имел, следствия по чеченцам не вел, санкций на арест не давал, а если чеченцы и арестовывались за уголовные преступления, то это проходило в общем порядке борьбы с уголовной преступностью, и я нести ответственность за это не могу. Вот все, что я могу сказать по этому вопросу.

Обращаясь к более позднему времени, Круглов С.Н. напомнил:

Будучи уже министром внутренних дел, я принимал решения

об освобождении и снятии с учета спецпоселения лиц, неправильно высланных. Тогда неожиданно для меня состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б), в котором я был обвинен в проведении антигосударственной практики, МВД было запрещено принимать какие бы то ни было решения об освобождении, определено, что они высланы навечно, что бежавшие со спецпоселения подвергаются наказанию 20 лет каторги, а работники МВД, освобождающие их, подлежат наказанию 5 лет тюрьмы. Отдел спецпоселения и вся работа со спецпереселенцами из МВД были изъяты и переданы в МГБ [26].

Из сказанного ясно, что в лице бывшего министра внутренних дел СССР Круглова С.Н., как раз отстаивавшего в меру возможности права спецпоселенцев, был «удачно» найден «козел отпущения», на которого можно было «адресно» (как когда-то на Берия Л.П.) валить определенные «некрасивые» эпизоды былых событий, выставляя его в качестве главного виновника прегрешений партийно-государственной власти. Но «товарищи-обвинители» забыли, что есть еще История, которая медленно, но верно расставит все по своим местам.

В отношении *«спецтюрьмы при КПК»* Круглов С.Н. написал следующее:

В 1950 году по указаниям Маленкова, который давал их от имени ЦК партии и со ссылкой на тов. Сталина, МВД было предложено освободить отдельные тюремные помещения, назвать начальника этой тюрьмы, укомплектовать тюрьму надзирателями и вахтерами и в дальнейшем этой тюрьмой не заниматься, так как она будет подчинена ЦК и КПК (Комиссии партийного контроля. — *Ю. Б.*). *МВД СССР и я, как министр, выполнили это указание. В этой тюрьме я ни разу не был, ни одного человека из заключенных не видел, не допрашивал. Эта тюрьма просуществовала очень короткое время. Помню со слов начальника тюрьмы т. Клейменова, что в одно время туда был доставлен из тюрьмы МГБ арестованный в то время Кузнецов А.А. Через некоторое время он снова был работниками МГБ переведен в тюрьму МГБ. Министерству* (внутренних дел. — *Ю. Б.*) *было разрешено использовать тюремное помещение на общих основаниях по своему усмотрению. Все это могут подтвердить бывшие зам министра т.т. Серов, Обручников, бывший начальник тюремного управления т. Кузнецов и другие* [26].

Интересно, что обвинения по данному вопросу предъявлял Комитет партийного контроля, являвшийся правопреемником

Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, председателю которой Шкирятову М.Ф. как раз персонально и подчинялась эта спецтюрьма. Как говорится, «с больной головы на здоровую» постарались партийные деятели переложить этот вопрос. Кто же сам себя осудит?

В числе обвинений в отношении личной работы министра внутренних дел Круглова С.Н. перечислялись недостатки, отмеченные еще при сдаче им дел в 1956 году:

Слабая работа в лагерях, плохая работа милиции и пограничной охраны, а также допущенная грубая ошибка в освобождении некоторых групп заключенных из лагерей и колоний (в 1955 году. — *Ю. Б.*).

На приведенные суждения партийных деятелей обвиняемый ответил:

Но ведь за эти недостатки я уже понес наказание — был освобожден от работы министра. Зачем же сейчас, спустя 4 года, эти материалы снова фигурируют как один из мотивов моего исключения из партии? [26].

Данные обвинения вполне можно было бы считать вообще «устаревшими», поскольку 13 января 1960 года председатель Совета Министров СССР Хрущев Н.С. (реализуя свою давнюю задумку) подписал постановление правительства об упразднении Министерства внутренних дел СССР. Бывшего министра Дудорова Н.П. после сдачи им дел «устроили» на весьма престижную должность Генерального правительственного комиссара Всемирной выставки 1967 года в Москве [10].

По поводу *«неправильного получения пенсии от МВД»* Круглов С.Н. написал, что *«эта пенсия (40 % оклада) была установлена мне МВД СССР на основе закона, как имевшему при уходе в запас 20 лет военной службы и возраст свыше 50 лет. Такую же пенсию я имел право получать по инвалидности, так как Центральная врачебно-экспертная комиссия МВД СССР в 1957 и 1958 годах, а в ноябре 1959 года районная ВТЭК установили мне по состоянию здоровья инвалидность второй группы с указанием, что заболевание связано со службой в МВД».* В июле 1959 года (теперь уже бывший) министр внутренних дел Дудоров Н.П. *«снял с меня пенсию, назначенную по возрасту и по выслуге лет».* Обездоленному пенсионеру МВД оставалось сделать лишь вывод: *«Моей вины тут нет».*

Перипетии со снятием с партийного учета в Кировской парторганизации были достаточно подробно описаны нами выше,

и потому повторяться не будем. Приведем лишь вывод, который сделал Круглов С.Н. из этой истории:

Я сознаю свою ошибку в том, что мне не следовало до решения вопроса о партийном учете уезжать из г. Кирова. Меня это заставило сделать тяжелое семейной положение. Но если бы мне в то время было сказано, что у несмотря на освобождение от работы, я постоянно должен находиться в Кирове, я безусловно бы подчинился этому. Если бы по результатам моего заявления в ЦК КПСС мне было объявлено, что мне отказано в снятии с учета, я немедленно выехал бы в Киров. Я ждал решения своего вопроса. Буду ждать там, где мне укажет партия. Прошу ЦК простить мне эту ошибку.

Следующее «прегрешение» Круглова С.Н. состояло в том, что он *«неправильно вернулся в Москву»*. Объясняя свои действия, бывший партиец писал:

Я искренне хотел искупить свою вину и решил поехать работать на трудный участок. Имея некоторый опыт в строительстве гидростанций, я обращался в ЦК КПСС, в Министерство строительства электростанций с просьбой послать меня на любую работу на строительство Братской ГЭС. По моей просьбе в ноябре 1959 года Кировский обком и горком отпустили меня и сняли с учета в Братский горком КПСС. Я собрался выехать на работу в Братск.

Но и здесь партийные функционеры нашли промашку:

Теперь мне предъявлено обвинение и за этот поступок, что якобы согласия Минстройэлектростанций на мое использование на строительстве Братской ГЭС не было. Но это не верно, согласие было дано. Я уже конкретно говорил о работе с начальником строительства т. Каймушиным. Разве я стал бы сниматься с партучета в Братск, если знал, что меня там не возьмут на работу? Договоренность о работе была. Зачем же теперь все это представлено в другом свете? Почему я не могу работать на строительстве Братской ГЭС, где нужны люди и где я мог бы быть полезным? Ведь я ехал туда не на номенклатурную должность, никакой выгоды не преследовал, хотел работать на трудном участке.

В басне Крылова И.С. по такому поводу «товарищ» Волк сказал достаточно четко: «Ты виноват уж тем, что хочется мне

кушать…» Другого тут не придумаешь. В нашей стране партийный пенсионер-инвалид был далеко не свободен в своих действиях.

Последнее обвинение касалось «большой квартиры в Москве». Но в июне 1959 года Круглов С.Н. сдал значительную часть жилплощади Райсовету, оставив своей семье, состоявшей из супругов и двух взрослых разнополых детей, всего лишь две комнаты. *«Но об этом в докладе на заседании КПК не было сказано».*

В заключение своего *Заявления* Круглов С.Н. высказал такое обращение к секретарям ЦК:

Дорогие товарищи!

Простите, что получилось длинное письмо. Речь идет о моей жизни. Убедительно прошу ЦК КПСС дать указание пересмотреть мое дело, оставить меня в партии. Я искуплю свою вину на низовой работе в любом районе нашей Родины, постараюсь оправдать звание члена партии, в которой провел всю жизнь. У меня взрослые дети, комсомольцы, преданные Родине. Как они будут смотреть на отца? Спасите меня от гибели и позора.

Я обращался с такой просьбой к тов. Н.С. Хрущеву.

Решил изложить свою просьбу и Вам — секретарям ЦК КПСС. Я верю в мудрость Ленинского ЦК КПСС и живу надеждой, что ЦК партии найдет возможным оставить меня в рядах КПСС и даст мне возможность на низовой работе, в труде искупить свою вину и быть участником строительства коммунизма в нашей стране.

С глубоким уважением к Вам

С. Круглов, 19 января 1960 года [26].

Ясно, что никакого ответа от «мудрых» секретарей ЦК на свое письмо-заявление бывший коммунист Круглов С.Н. не получил.

В последующем в официальном коммюнике о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС в 1953–1961 годах, в частности, было сказано: «За отчетный период Комитет партийного контроля рассмотрел 387 персональных дел коммунистов, виновных в грубом нарушении социалистической законности, и 347 человек исключил из КПСС. Среди исключенных из партии 10 министров внутренних дел и госбезопасности (союзных и республиканских) и их заместителей, 77 ответственных работников центрального, а также областных, краевых и республиканских аппаратов НКВД-МГБ, 72 начальника городских и районных отделов госбезопасности и оперативных работников этих отделов и др. По поручению ЦК КПСС (вот откуда поступали все указания, обязательные к исполнению. —

Ю. Б.) Комитет рассмотрел дела и исключил из партии бывших руководящих работников НКВД-МВД Круглова С.Н., Неймана Н.И. и Федотова П.В.» При этом персонально отмечалось: «Круглов, будучи долгое время заместителем Берия, проявил себя как лично преданный Берия человек, грубо нарушал социалистическую законность». В отношении других наказанных в партийном отношении руководителей было написано, что они «в карьеристских целях грубо нарушали социалистическую законность, фальсифицировали дела на партийных и советских работников и тем самым совершили тягчайшие антипартийные поступки, несовместимые с пребыванием в рядах КПСС». При этом КПК следующим образом представили свою работу: «По всем таким делам проводилась тщательная проверка, учитывался характер и последствия совершенных нарушений, а также обстановка, при которой были допущены беззакония». Насколько объективна такая самооценка, мы можем судить хотя бы на примере разбора персонального партийного дела Круглова С.Н. О том, насколько это «партийное чистилище» не было объективно, говорит и такое признание, что «Комитет счел возможным восстановить 40 человек в партии с объявлением строгих взысканий» [57]. Фамилии тех, кто был возвращен в ряды КПСС, «скромно» умолчали, но мне известно, что в 1960 году в их числе были председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Карпов Г.Г. и бывший заместитель министра внутренних дел РСФСР Богданов Н.К. Однако вопрос о восстановлении в партии Круглова С.Н. так и не был решен положительно. Такова была в ту пору «социалистическая законность».

34. «Вне игры»

Итак, к началу 1960 года Сергей Никифорович Круглов пришел с весьма неутешительными для себя результатами: в возрасте 53 лет получил вторую группу инвалидности без права работы по состоянию здоровья и по этой причине был уволен с работы в Кировском совнархозе; оказался волюнтаристским образом лишенным пенсии от МВД, вместо которой, как инвалид, стал получать минимальную гражданскую пенсию; получил отказ на медицинское обслуживание в Четвертом Главном управлении Минздрава; остался с семьей в «уменьшенной» квартире из двух комнат; единолично был обвинен во всех грехах, совершенных при депортации народов с Северного Кавказа, при организации особой «партийной тюрьмы» и при текущей работе Министерства внутренних дел. Но самое главное, был исключен из членов Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), на благо служения которой отдал все свои силы и здоровье.

Зато «наш Никита Сергеевич», разгромив всех своих ближайших соратников, продолжал оставаться во главе партии и государства, а потому оказался «вне подозрений» относительно своего неприглядного прошлого. Этому в значительной мере помогло и то обстоятельство, что поставленный им председателем Комитета государственной безопасности (КГБ) «свой человек» Серов И.А. провел «расчистку» архивов, уничтожив огромное количество важнейших документов, касавшихся вопросов репрессий и персональных «досье» на многих руководителей, включая Хрущева Н.С. [76].

Начало периода единоличного правления Никиты Сергеевича часто называют совсем не подходящим для этого ласковым словом «оттепель». Действительно, по сравнению с суровым сталинским временем произошли определенные изменения в общественной жизни страны. Однако, на мой взгляд, для обозначения допущенной властями весьма сомнительной «демократизации» более уместно употреблять термин «послабление», поскольку как раз в это время происходили «закручивание гаек», подавление массовых выступлений трудящихся и борьба со всяким инакомыслием. Хрущев оказался последовательным «учеником» Сталина, ибо ничего другого, кроме этой «школы», не знал. Но если Сталин проводил крупномасштабные мероприятия с далеко идущими задумками, во многих из которых мы до сих пор не сумели разобраться, то Хрущев гнал свои «реформы», совершенно не сообразуясь с действительностью.

В общем, было о чем Сергею Никифоровичу Круглову задуматься на досуге. Конечно, после таких «ударов судьбы» следовало как-то успокоиться и решить для себя, что делать, как жить дальше. Ни в коем случае нельзя было предаваться отчаянию. Хорошо, что имелись понимание и поддержка со стороны сплотившейся в несчастье семьи, любящей жены и повзрослевших детей, от всех многочисленных родственников. Для того чтобы не быть «обузой» для семьи и как-то поправить общее материальное положение, Валерий после четвертого курса перешел учиться на вечернее отделение и одновременно стал работать на кафедре в МЭИ. В 1960 году с ним тоже случилась беда: возле дома группа хулиганов избила юношу, при этом в драке ему был проколот глаз, что навсегда лишило Валерия нормального зрения. Чем были вызваны действия нападавших, теперь остается только гадать, поскольку милиция найти и задержать никого не смогла. Ирина только что оправилась после тяжелой болезни и продолжала учиться на биолого-почвенном факультете МГУ. Сам Сергей Никифорович вследствие многолетней нервотрепки, добавившейся к общему нездоровью, всю зиму и весну проболел, но за медицинской помощью мог теперь обращаться только в районную поликлинику. Как все эти передряги выдерживала Таисия Дмитриевна, чье здоровье также давало порой серьезные сбои, остается только гадать.

Из двух оставшихся от квартиры комнат большую разделили перегородками на три части: одну из них заняла Ирина, другую — родители, а средняя часть находилась в общем пользовании. Валерий проживал в маленькой комнате. Во время этого ремонта как раз и обнаружилось, что все стены были опутаны проводами, обеспечивавшими «прослушку» министра внутренних дел СССР «компетентными органами». Теперь оказалось так удачно, что «во владении» Таисии Дмитриевны находилась половина загородного дома на станции Правда, доставшаяся ей по наследству от покойного свекра Никифора Яковлевича. Лишенные еще в 1956 году государственной дачи в Жуковке, а затем и в Усове, Кругловы хотя бы в весенне-летне-осеннюю пору (так как дом не был утеплен) имели возможность выезжать за город на природу, чтобы отдохнуть и поправить здоровье.

Конечно, Сергею Никифоровичу, имевшему далеко не пенсионный для мужчины возраст, хотелось устроиться на работу, поскольку без ежедневной трудовой деятельности отцы наши не представляли себе своего существования. Но это оказалось делом практически не осуществимым. Прежде всего вторая группа инвалидности сразу говорила о том, что человек в полную силу трудиться не сможет. А кому такой работник нужен?

Кроме того, «богатый послужной список» приводил любой отдел кадров в «легкий трепет», и для бывшего министра подходящей должности не находилось. «Мечту» о поездке на работу в Братск на строительство гидроэлектростанции пришлось оставить как нереальную. Кстати, в конце февраля 1961 года не востребованные в Братском военкомате документы на генерал-полковника Круглова С.Н. (об отправке которых говорилось в главе 32) вернулись в горвоенкомат города Кирова, где 1 марта были приняты на учет. Однако, поскольку все дела со «ссылкой» закончились, 20 марта отставного генерала с учета сняли и документы отправили в Москву. Правда, в столице Свердловский райвоенкомат почему-то принял документы на учет лишь через три года — 27 марта 1964 года [26].

Чем же теперь пенсионеру-инвалиду Сергею Никифоровичу Круглову следовало заниматься в растянувшиеся длинной чередой бесконечно долгие дни? Любимым занятием, которое ныне называется «хобби», родители наши обычно обзавестись не могли, поскольку все их время уходило на работу. Даже отдохнуть бывало некогда. Оставались отныне только семейные дела, помощь жене по хозяйству, лечебные процедуры, длительные прогулки по улицам Москвы да чтение газет и книг. О написании мемуаров не могло идти и речи — тогда это не было принято. А интересно было бы почитать откровенные воспоминания некогда крупного государственного деятеля!

Помню, мой отец, сам тогда только что изгнанный из МВД «по служебному несоответствию», лишенный генеральской пенсии, исключенный, но потом восстановленный в партии, часто говорил с сожалением, что надо бы поддержать своего бывшего министра Круглова С.Н., помочь ему справиться с неприятностями. Но тут же добавлял: «Если только мы с Сергеем Никифоровичем встретимся, нам тут же припишут групповщину». Мне в ту пору еще не приходилось сталкиваться с серьезными производственными и житейскими проблемами, а потому не все было понятно в произошедших с нашими отцами служебных казусах. Однако я твердо знал одно, что и Николай Кузьмич Богданов, и Сергей Никифорович Круглов являлись людьми очень честными и порядочными, целиком отдававшими себя работе, искренне и доброжелательно относившимися к людям и не претендовавшими ни на какие особые привилегии, кроме тех, которые им полагались в соответствии с тогдашними правилами.

10 октября 1960 года Кругловы всей семьей отпраздновали полувековой юбилей Таисии Дмитриевны, хотя женщины и не любят отмечать подобные события. Кстати, вместе с этой датой всегда совмещали и день свадьбы супругов Кругловых,

состоявшейся 5 октября 1934 года. Как и прежде, собрались в этот день все ближайшие родственники и друзья, которые поддерживали Кругловых, несмотря ни на какие жизненные перипетии.

С 13 по 24 декабря 1960 года «гражданин Круглов С.Н., 53 лет» находился на излечении в клинической больнице имени С.П. Боткина в связи с обострением гипертонической болезни, атеросклерозом венечных артерий сердца и другими неприятностями. Одновременно была подтверждена и инвалидность второй группы. Новый год выписавшемуся из больницы Сергею Никифоровичу удалось встретить в кругу семьи.

Пока бывший министр внутренних дел Круглов С.Н. находился «вне игры», первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР Хрущев Н.С. продолжал свою бурную деятельность по «реформированию» системы управления в стране. Стремясь «развить экономику» только за счет «перестройки партийного руководства народным хозяйством», неутомимый преобразователь добился разделения партийных организаций по производственному принципу: на промышленные и сельские. В результате на территории одной области (или края) оказалось два обкома (крайкома) партии. В то же время сельские райкомы партии были ликвидированы, а вместо них руководство сельским хозяйством передано территориальным производственным управлениям, охватывавшим несколько районов. Поскольку партийная система управления являлась образцом для Советской власти, то теперь вместо единых Советов и их исполкомов стали создаваться промышленные и сельские Советы и исполкомы. Изменения коснулись и не показавших своих преимуществ совнархозов, число которых было резко сокращено до 47. При этом у местных администраторов была отобрана строительная отрасль, а в то же время управленческие права распространились на всю промышленную сферу. Следом за партийными и советскими органами стали делиться на сельские и промышленные другие общественные и государственные организации — комсомол, профсоюзы, милиция. В результате управленческий аппарат резко увеличился, но в его деятельности наблюдалась полная сумятица. Хрущев Н.С. хотел в таком же духе поделить и управления КГБ. Если бы в то время во главе госбезопасности оставался Серов И.А., то это наверняка бы случилось. Однако тогдашнему председателю КГБ Семичастному В.Е. удалось отбиться от подобного «новшества», заявив: «А как же мне шпионов делить на сельских и городских?» Вместе с тем после ликвидации общесоюзного Министерства внутренних дел,

началось интенсивное сращивание Комитета государственной безопасности с партийными органами. Набор новых сотрудников КГБ шел в основном за счет партийно-комсомольских работников. В свою очередь, ряд бывших руководителей органов госбезопасности перешли на партийно-советскую работу и в прокуратуру. В утвержденном 9 января 1959 года Президиумом ЦК КПСС Положении об этой «политической полиции» говорилось: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (точнее было бы сказать «при ЦК КПСС». — *Ю. Б.*) и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов» [64].

Но вернемся к семье Кругловых, находившейся теперь в стороне от «политических баталий». В 1961 году Ирина справилась со своим нездоровьем и успешно закончила биофак МГУ. По распределению она была направлена на Кожуховскую станцию аэрации мастером цеха метантенков (сбраживания осадков). Потом здесь же стала инженером-биохимиком. Валерий после окончания МЭИ продолжал работать инженером на кафедре вычислительной техники. Но один из аспирантов уговорил его перейти во Всесоюзный научно-исследовательский институт дальней радиосвязи (ВНИИ ДАР), где Валерий долгие годы работал на инженерных должностях.

Поскольку было ясно, что мужу устроиться на работу не удастся, Таисия Дмитриевна 4 июля 1961 года поступила в Правление Союза писателей РСФСР на должность экспедитора. При этом она шутила, что два пенсионера в доме — это уже слишком! Действительно, Сергей Никифорович с 25 ноября по 3 декабря 1961 года повторно прошел Врачебно-трудовую экспертную комиссию (ВТЭК) Свердловского района города Москвы и вновь был признан инвалидом второй группы с переосвидетельствованием через год. В справке в качестве причины инвалидности указывалось: «Заболевание связано с прохождением службы в органах МВД» [26]. В связи с денежной реформой, проведенной в 1961 году по инициативе Хрущева Н.С., в новом масштабе цен пенсия Круглова С.Н. теперь стала 60 рублей.

Несмотря на то что активность работы по реабилитации жертв политических репрессий значительно спала, 4 апреля 1962 года был издан указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене прежних указов о награждении участников депортации народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны.

В результате у пенсионера-инвалида Круглова С.Н. изъяли орден Суворова I степени (№ 149), которым бывший первый заместитель наркома внутренних дел СССР был награжден 8 марта 1944 года. Это было связано с тем, что началось возвращение из Казахстана и Киргизии в родные места чеченцев, ингушей, балкарцев и других кавказских народов. Хрущеву Н.С. надо было показать, что виновник этого «противозаконного» деяния строго наказан. Кстати, одновременно такой же награды были лишены начальник Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР генерал армии Серов И.А. (однако орден Красного Знамени за депортацию крымских татар у него отобран не был) и пенсионер Аполлонов А.Н. Еще два руководителя депортации народов, Берия Л.П. и Кобулов Б.З., лишились всех своих наград (вместе с жизнями) в 1953 году. (Отметим здесь, что в начале 1964 года по ходатайству КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР были лишены правительственных наград 1772 генерала и офицера НКВД, НКГБ и ГУРК Смерш, участвовавшие в выселении народов с территории Крыма, приграничных районов Грузии и Черноморского побережья Кавказа, поскольку «проведенные операции являлись неоправданными и не являлись боевыми» [58].)

Летом 1962 года во время своего отпуска Ира поехала отдыхать в Коктебель по курсовке. Устроилась хорошо, сняв комнату у работницы санатория. Однако неожиданно произошло серьезное обострение прежних болячек. Пришлось сообщить об этом родителям в Москву. Мама в ответ сказала только одно слово: «Выезжаем!» На «Победе» вдвоем с Сергеем Никифоровичем ринулись в Крым. Удалось дочку, находившуюся в тяжелом состоянии, подлечить и увезти с курорта домой.

Преодолев и этот недуг, Ирина 28 февраля 1963 года вышла замуж, и они вместе с мужем стали проживать в «девичьей» комнате на Малом Каретном. И уже 22 ноября этого же года Ира родила сына Сергея. Вот тут-то, как было рассказано в главе 1, в роддоме № 6 и встретилась она с моей мамой Ниной Владимировной, работавшей тогда акушером-гинекологом. Между семьями Кругловых и Богдановых образовалась новая взаимно интересная связь по женским и детским проблемам, которая была не подвластна никакой политической конъюнктуре.

Весной 1963 года Сергей Никифорович по путевке, приобретенной Таисией Дмитриевной на своей работе в Союзе писателей, съездил в Боржоми, чтобы подлечиться. На нескольких групповых снимках, сделанных курортным фотографом, он запечатлен среди отдыхающих на фоне местных достопримечательностей. А с осени у деда Сережи началась

серьезная «работа» по оказанию помощи дочери в уходе за внуком Сережей. Когда мама уставала или ребенок начинал капризничать, дед брал «тезку» на руки, и расшумевшееся дитя сразу умолкало. А вот бабушке Тае рождение внука обошлось, как говорят, боком: от переживаний за дочь у нее произошел второй инфаркт миокарда.

На следующий год по настоянию мужа и свекрови Ирина вместе с ребенком прописалась в «мужнину» квартиру, которая находилась в полуподвале в районе Курского вокзала. Правда, довольно скоро семье из 6 человек дали трехкомнатную квартиру с крошечной кухней («хрущобу», как ее называли в народе). Просидев дома со своим первенцем полгода, мама Ира устроилась работать в школу учителем биологии. Занятия проводила прекрасно, но из-за большой близорукости ей сложно было следить за классом, поскольку она плохо запоминала лица учеников, чем те порой и пользовались.

Все эти годы Валерий часто выезжал в командировки на полигоны, где принимал участие в строительстве радиолокационных станций. В своем НИИ ДАРе он длительное время работал на должности начальника сектора, а потом стал начальником отдела.

Неожиданно рухнула «блестящая карьера» Серова И.А., виной чему послужил его подчиненный, полковник Главного разведывательного управления (ГРУ) Пеньковский О.В., оказавшийся агентом английской и американской разведок. 22 октября 1962 года шпиона арестовали в Москве, и в ходе расследования было доказано, что обширная информация, переданная им нашим потенциальным противникам, явилась результатом его знакомства и частых посещений домов Серова И.А. и Главного маршала артиллерии Варенцова С. С. При этом жена и дочь Серова И.А. даже ездили вместе с Пеньковским О.В. в Англию. При подготовке органами госбезопасности отчета «о роли Варенцова и Серова в деле Пеньковского» председатель КГБ Семичастный В.Е. по своей инициативе добавил материалы о виновности Серова в «выселении мирных народов — калмыков, ингушей, поволжских немцев и других».

2 февраля 1963 года Президиум ЦК КПСС принял решение об освобождении Серова И.А. от занимаемых им должностей. Затем 7 марта того же года «за потерю политической бдительности и недостойные поступки» генерал армии Серов И.А. был снижен в воинском звании до генерал-майора и лишен звания Героя Советского Союза. «Для исправления» его отправили помощником по учебным заведениям сначала к командующему Туркестанским,

а затем Приволжским военными округами. Но Иван Александрович посчитал себя незаслуженно обиженным и потому начал буквально бомбардировать Кремль своими заявлениями. Однако результат оказался противоположным: 9 апреля 1965 года КПК при ЦК КПСС рассмотрел персональное дело Серова и исключил его из партии за «нарушение социалистической законности и использование служебного положения в личных целях». 1 сентября того же года в возрасте 60 лет он был уволен в запас Вооруженных Сил по болезни [76].

Вместе с тем с начала 60-х годов общественно-политическая обстановка в стране значительно ухудшалась. Усилились оппозиционные настроения, что выражалось в появлении листовок и анонимных писем антисоветского содержания, которые, по данным КГБ, писали представители буквально всех слоев общества. Особенно возросло недовольство после подавления выступлений рабочих в Новочеркасске, что нашло свой отзвук практически во всей стране. Президиум ЦК КПСС вынужден был принять большое число решений, направленных на усиление политического сыска и борьбы с инакомыслием. В июле 1962 года была введена статья 70 Уголовного кодекса РСФСР, восстанавливавшая и узаконивавшая политические репрессии. Складывавшаяся в стране обстановка не могла не тревожить и самого Хрущева Н.С., поскольку ему пришлось столкнуться с порожденными его политикой невероятными размерами очковтирательства и самого грубого обмана. Причем этим неблаговидным делом занимались не кто-нибудь, а секретари обкомов и крупные хозяйственные руководители. Хрущев Н.С. пытался лично бороться со столь негативным явлением: он ездил по стране, распекал тех, кто попадался ему под руку, организовывал различные проверки. Но ситуация к лучшему не менялась. Сверхцентрализованная власть оказалась неспособна обеспечить контроль за выполнением собственных решений. А когда явно наметились проблемы выполнения принятого на XXII съезде КПСС плана строительства коммунизма в СССР, Хрущев Н.С. пришел к мысли о необходимости создания специального контрольного учреждения, которое могло бы проверять как партийные, так и государственные органы. Кстати, из всех постановлений этого съезда неукоснительно реализовано было только одно: тело Сталина вынесли из Мавзолея и захоронили у Кремлевской стены.

19 февраля 1962 года в Президиум ЦК была направлена записка Хрущева Н.С., в которой он обосновывал необходимость укрепления партийно-государственного контроля, потому что коррупция в стране затронула высшие звенья государственного

управления, взяточничество проникло в Госплан, министерства и ведомства, в суд, прокуратуру и адвокатуру. Эти обстоятельства доказывали необходимость организации внесудебного преследования. В результате решением Президиума ЦК был создан Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а также соответствующие его органы на местах. По предложению Хрущева Н.С. председателем этого Комитета был назначен секретарь ЦК КПСС (в 1958–1961 годах возглавлявший КГБ) Шелепин А.Н., которого дополнительно утвердили еще и заместителем председателя Совета Министров СССР. На деле же получилось, что «родился» очередной бюрократический монстр, наделенный огромными контрольными полномочиями, который фактически дублировал и партийную, и советскую системы. Сотрудники комитета имели право проводить расследования, налагать на виновных взыскания и штрафы, передавать дела в прокуратуру и суд. Весной 1963 года Комитет партгосконтроля получил право проверять Вооруженные Силы, Комитет государственной безопасности и Министерство охраны общественного порядка. Получилось так, что власть от Хрущева Н.С. стала потихоньку перетекать к его ставленнику Шелепину А.Н. В то же время громадная контрольная машина крутилась без особого результата. Во всяком случае, ожидавшегося хозяйственного эффекта от ее деятельности не наблюдалось.

В условиях нарастания внутрисоюзных политических проблем Хрущев Н.С. заметался. К этому добавились еще провалы на международной арене, когда в результате размещения советских ракет на Кубе мир оказался на грани ядерной войны. Помимо всего прочего, глава партии и правительства вступил в конфликт с интеллигенцией, подверг резкой критике систему Академии наук СССР и Сельскохозяйственную академию. Затем совершенно неожиданно сделал заявление о целесообразности введения восьмилетних народнохозяйственных планов вместо семилетки, которая и так уже сменила привычную пятилетку. Летом 1964 года затеял новую реорганизацию системы управления в стране. При этом все его непредсказуемые действия сопровождались беспрецедентным хамством, грубостью, самым вульгарным матом в обращении с ближайшим окружением. А печальным итогом внедрявшихся «новшеств» явился полный провал в области сельского хозяйства, когда в большинстве городов и рабочих поселков пришлось вводить продуктовые карточки. Для решения этой жизненной проблемы понадобилось закупать продовольствие за границей, потратив на это огромное количество золота [64].

В общем, Хрущев Н.С., с чьим именем персонифицировались

все неудачные «реформы», стал не только лишним и обременительным, но и опасным для Страны Советов. В результате ближайшие соратники 17 апреля 1964 года в дополнение к званию трижды Героя Социалистического Труда в последний раз наградили «дорогого Никиту Сергеевича» еще Золотой Звездой Героя Советского Союза в связи с 70-летним юбилеем, а 14 октября того же года сняли его со всех постов и отправили в отставку. Таким образом, Никита Сергеевич Хрущев, свергнувший и растоптавший за время своего правления многих неугодных ему работников, сам отныне оказался «вне игры».

35. Годы застоя

В конце ноября 1964 года в парламенте Великобритании на праздновании 90-летия Уинстона Черчилля был предложен тост за него как за самого ярого врага России. Однако в ответ опытный политик сказал: «К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда Стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!» [88].

Действительно, все прекрасно видели, что «наш Никита Сергеевич» единолично «рулил не туда», но существовавшая тогда система власти не позволяла предпринять какие-либо действия, чтобы исправить положение. Помню, в начале 1964 года я, тогда еще комсомолец и старший лейтенант, на семинаре по марксистско-ленинской подготовке решил высказать свое несогласие с той политикой, которую проводил Хрущев. Что тут началось! На меня обрушились все старшие товарищи, убеждая, что я неправильно понимаю проводившиеся партией и правительством мероприятия «по дальнейшему подъему благосостояния советского народа». Потом состоялось партийное собрание, на котором коммунисты (при моем отсутствии, но про меня) обсуждали вопрос о недостатках в воспитании молодых офицеров. После того как в октябре 1964 года Хрущева Н.С. отправили в отставку, на очередном семинаре, посвященном изучению «новых руководящих материалов», я попытался напомнить о своем критическом «неудачном» выступлении. Но руководитель семинара махнул на меня рукой и сказал: «Сиди, и без тебя разобрались». Действительно, отставка главы партии и государства не вызвала сколько- нибудь заметного протеста в широких массах населения. Банкротство экономического курса, проводившегося Хрущевым Н.С., было очевидным. Даже недовольство общественности несколько снизилось, и, по наблюдениям КГБ, число «антисоветских выступлений» через некоторое время значительно сократилось.

На октябрьском 1964 года Пленуме ЦК КПСС было принято решение о том, чтобы посты первого (вновь названного теперь генеральным) секретаря партии и председателя Совета Министров больше не совмещать. В результате получилось, что фактическим главой Страны Советов стал «единогласно избранный» генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев Л.И., формально имевший «в подчинении» всего лишь 17 миллионов коммунистов (9 % населения). Теперь партноменклатура вновь полностью вернула себе прежние властные полномочия. Вторым лицом в государстве оказался глава исполнительной власти —

председатель Совета Министров СССР Косыгин А.Н., отвечавший за всю экономику страны. Высший законодательный орган, Верховный Совет СССР, никогда не игравший существенной роли в политике, до декабря 1964 года возглавлял «непотопляемый» Микоян А.И. (единственный, поддержавший Хрущева Н.С. на октябрьском Пленуме ЦК), потом его сменил Подгорный Н.В.

В ноябре 1964 года состоялся Пленум ЦК, на котором отменили все наиболее одиозные решения Хрущева Н.С. При этом выступавшие не скупились на критику «волюнтаристских методов» Никиты Сергеевича. Вновь в соответствии с территориально-производственным принципом объединили промышленные и сельские областные, краевые партийные организации, советские, комсомольские и профсоюзные органы. На мартовском (1965 года) Пленуме ЦК были приняты «неотложные меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». В сентябре того же года объявили о прекращении существования совнархозов и восстановлении отраслевых министерств. В декабре Комитет партийно-государственного контроля преобразовали в орган «народного контроля», который должен был явиться «одним из действенных средств партии и правительства по еще более широкому вовлечению народных масс в управление делами государства». В связи со снижением статуса этой организации председателю нового Комитета не полагалось совмещать посты секретаря ЦК и заместителя председателя Совета Министров СССР [64].

В июле 1966 года была восстановлена порушенная Хрущевым Н.С. единая общесоюзная система органов охраны общественного порядка. По указу Президиума Верховного Совета СССР образовали союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка (МООП) СССР. В сентябре ему передали функции МООП РСФСР, которое ликвидировали, поскольку параллельная деятельность этих двух министерств себя не оправдала. На должность министра охраны общественного порядка СССР назначение получил «человек Брежнева» генерал-полковник Щелоков Н.А. [11].

В целом политика вернувшего себе полноту власти партийного аппарата во главе с Брежневым Л.И. была направлена на то, чтобы обеспечить в стране коллективное руководство, стабильность и устойчивость. Повысилось внимание к ветеранам Великой Отечественной войны. В связи с 20-летием со дня Победы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года участники боевых действий были награждены памятной медалью. Генерал-полковнику в отставке Круглову С.Н. награду вручил военный комиссар Свердловского райвоенкомата города

Москвы полковник Попов [26].

В семье Кругловых в эти годы произошли такие события. 13 июня 1965 года Ирина все в том же роддоме № 6 при кураторстве моей мамы, которая работала теперь врачом-лаборантом, родила второго сына, Дмитрия, получившего имя деда по материнской линии. К сожалению, бабушка Таисия Дмитриевна, подняв нового внука на руки, заработала себе третий инфаркт. Основным помощником в воспитании двухлетнего Сергея теперь стал дед Сергей Никифорович. Когда внук Сережа болел, а это до четырехлетнего возраста случалось довольно часто, Сергей Никифорович забирал «тезку» к себе на квартиру и полностью заботился о нем. Маленький Дима, когда мама уходила на работу, отправлялся в ясли.

Во время прохождения в 1966 году очередного освидетельствования ВТЭК Свердловского района Круглов С.Н. по заболеваниям, связанным с работой в МВД, был признан инвалидом не второй, а третьей группы, причем бессрочно. При этом пациенту была дана такая трудовая рекомендация: «Может выполнять административно-хозяйственную работу небольшого объема недалеко от места жительства» [26]. Правда, при этом участковый врач заметил, что по тому состоянию здоровья, которое в то время имелось у Сергея Никифоровича, это было сделано неправильно и явилось просто издевательством над больным человеком. Изменение группы инвалидности негативно отразилось на размере пенсии: для инвалида третьей группы она составила лишь 40 рублей в месяц.

Хорошо еще, что восстановленное общесоюзное Министерство охраны общественного порядка решило вновь принять бывшего министра на ведомственное пенсионное обеспечение. С 25 ноября 1966 года генерал-полковнику Круглову С.Н. по инвалидности третьей группы была бессрочно назначена пенсия в размере 30 % (раньше было 40 %. — *Ю. Б.*)от оклада денежного содержания, что составило сумму 210 рублей в месяц [26]. И за это спасибо! Кстати, указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1968 года Министерство охраны общественного порядка само «реабилитировали», вернув ему прежний титул Министерства внутренних дел, поскольку данное наименование «является традиционным, более точно выражает функции министерства и формы его деятельности». При этом было учтено даже такое обстоятельство, что «существующее наименование (МООП) не получило признания в самих органах и у населения» [11].

Несмотря на получение весьма острых ударов по здоровью,

Таисия Дмитриевна старалась как можно быстрее справляться со своими недугами, чтобы ее не уволили с работы. В ноябре 1966 года она получила даже продвижение по службе, став заведующей канцелярией правления Союза писателей РСФСР. Да мало того, прослушала полный литературный курс в Вечернем народном университете при Центральном Доме литераторов и через год, 3 июня 1968 года, получила соответствующее Свидетельство.

Военкомат теперь не забывал про отставного генерала. В 1968 году Круглова С.Н. наградили памятной медалью 50 лет Вооруженных Сил СССР». В 1970 году по инициативе министра обороны СССР маршала Гречко А.А. был введен знак в честь 25-летия Победы «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне». Такой знак в числе других участников боев вручили и Круглову С.Н. [26].

Летом 1970 года произошла большая неприятность: сгорел дом на дачном участке Кругловых в районе станции Правда. Раз уж это случилось, решили построить отдельное строение, не связанное с соседями, благо размеры участка позволяли это сделать. Однако местная администрация отказалась дать разрешение на такое кардинальное изменение плана застройки. Почему? Нельзя — и все тут! Пришлось возводить дом под совместной с соседями крышей. Но индивидуальному застройщику в те годы достать стройматериалы было весьма непросто. Редкие склады-магазины не отличались изобилием пиленого леса и готовой столярки (окон, дверей). В «застойные времена» все требовалось «доставать». Тогда Сергей Никифорович обратился к бывшему своему заму Богданову Н.К. с просьбой помочь в беде. Мой отец в это время работал в Управлении отделочных работ Первого строительно-монтажного треста Министерства среднего машиностроения. Руководил этим трестом бывший начальник ХОЗУ МВД СССР Журавлев М.И. Все, что нужно было для строительства «полудачи», Николай Кузьмич тогда «достал» и обеспечил перевозку на участок. Для того чтобы расплатиться за стройматериалы, Кругловым пришлось продать свою автомашину «Победа». От рабочей силы Сергей Никифорович отказался и возводил новый дом сам, вдвоем с местным плотником. За один сезон строительство было завершено, и семья справила новоселье.

В это время 6 октября 1970 года Таисия Дмитриевна была переведена на должность литературного секретаря правления Союза писателей СССР. Ирина после рождения второго сына, преодолев все недуги, перешла работать в институт Академии наук и там в 1974 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук. Перед этим важным

мероприятием она уговорила маму, у которой давно уже наступил «пенсионный возраст», уволиться с работы, чтобы больше внимания уделять супругу и внукам. Действительно, в 1971 году Валерий женился на Марине, и 1 января следующего года у них родился сын Андрей. Забот родителям и деду с бабушкой еще прибавилось.

23 ноября 1972 года скончался мой отец Николай Кузьмич Богданов. Об этом печальном событии я оповестил заместителя министра внутренних дел Петушкова В.П., с которым папа работал раньше в МВД РСФСР, рассчитывая, что Министерство внутренних дел примет участие в похоронах своего бывшего руководящего работника. Я побывал на приеме у Владимира Петровича, где он выразил всей нашей семье соболезнование в связи с тяжелой утратой, но сказал, что руководство Министерства среднего машиностроения отказалось передать МВД право захоронения покойного и сообщило, что само проведет необходимые траурные мероприятия со всеми почестями, полагающимися советскому генералу. Действительно, печальная церемония была организована очень четко и трогательно. На прощальной панихиде собралось много сотрудников Минсредмаша, знавших и очень, уважавших моего отца. Проводить в последний путь бывшего своего зама приехал на Ваганьковское кладбище Сергей Никифорович Круглов. Он был вместе с дочерью Ириной. От тогдашнего руководства Министерства внутренних дел никто не присутствовал, но пришли сотрудники, работавшие раньше в органах вместе с Богдановым Н.К. После произнесенных речей и прощания при захоронении раздался троекратный салют, прозвучал гимн Советского Союза, а потом перед свежей могилой прошло подразделение войск. Как положено, дома у нас состоялись поминки, на которых присутствовали Сергей Никифорович Круглов и многие родные, близкие и сослуживцы покойного. Через год от Минсредмаша управление, в котором работал отец, установило на могиле Богданова Н.К. прекрасный гранитный памятник. Так другим министерством была по заслугам воздана честь достойному человеку, изгнанному из МВД по служебному несоответствию и лишенному генеральской пенсии.

Наши высшие руководители, как Хрущев Н.С., так и Брежнев Л.И., очень любили получать правительственные награды. Никита Сергеевич был Героем Советского Союза и трижды Героем Социалистического труда. Не отставал от него и Леонид Ильич. В народе шутили, что если парадный мундир маршала Брежнева со всеми навешанными на него наградами упадет на пол, то в

Москве произойдет землетрясение. Многие крупные военачальники в мирное послевоенное время получили орденов не меньше, чем во время войны. Но все-таки внимание проявлялось и к ветеранам. К тридцатилетию победы министр обороны СССР маршал Советского Союза Гречко А.А. направил участникам войны, в том числе и генерал-полковнику Круглову С.Н., поздравительные открытки такого содержания:

Уважаемый тов. Круглов Сергей Никифорович!

Сердечно поздравляю Вас с XXX годовщиной Победы над гитлеровской Германией и награждением юбилейной медалью. В годы суровых военных испытаний Вы находились в рядах активных защитников нашей Родины. Ваши заслуги в Великой Отечественной войне будут вечно в памяти нашего народа. Желаю Вам крепкого здоровья, счастья в жизни и успехов в труде на благо социалистической Отчизны [26].

Наверное, слова «успехов в труде» и далее можно было бы в данном конкретном поздравлении вычеркнуть, поскольку «в памяти народной», может, что-то и осталось, а вот в памяти высшего руководства все перепуталось. Но спасибо и за такое «стандартное» внимание к бывшему министру внутренних дел и участнику войны.

К всеобщему ликованию присоединились и местные власти, направив *«Уважаемому тов. Круглову С.Н.»* свой поздравительный адрес:

Свердловский районный комитет КПСС, исполком районного Совета депутатов трудящихся, районный комитет ВЛКСМ и районный военный комиссариат горячо поздравляют Вас, славного ветерана Великой Отечественной войны с 30-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вместе с народами Советского Союза и его героическими вооруженными Силами эту знаменательную дату празднуют братские страны социализма, все прогрессивное человечество. За 30-летний мирный период советский народ под руководством ленинской партии добился выдающихся успехов в коммунистическом строительстве. Всенародный праздник трудящиеся района отмечают самоотверженным трудом в борьбе за претворение в жизнь исторических решений XXIV съезда КПСС, задач девятой пятилетки. Доблестные ветераны войны всегда в строю, и своим примером они вдохновляют молодежь на новые трудовые подвиги. От всей души желаем Вам, дорогой товарищ, крепкого здоровья, счастья, успехов на благо нашей социалистической Родины [26].

Упомянутая в поздравлении министра обороны СССР юбилейная медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» вручалась почти через год, приуроченная к другому событию. Руководство и партбюро Жилищно-эксплуатационной конторы (ЖЭК-4) направили ветерану войны тов. Круглову С.Н. такое письмо:

Приглашаем Вас 21 февраля 1976 года в малый концертный зал сада «Эрмитаж» на вечер, посвященный 58 годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота. На вечере Вам будет вручена медаль к 30-летию победы над фашизмом. Состоится концерт артистов художественной самодеятельности, будет показан кинофильм. Начало в 18.30 [26].

Это было последнее общественное мероприятие, на котором присутствовал Сергей Никифорович Круглов, и последняя награда, которую он получил.

Как всегда, после завершения юбилейных торжеств о ветеранах немного позабыли, предоставив им возможность самостоятельно бороться с возникавшими проблемами. С 5 мая по 7 июля 1976 года Круглов С.Н. находился в госпитале в подмосковном городе Реутове по поводу обострения гипертонической болезни и других возрастных неприятностей. Перенес две тяжелые полостные операции. Выписался, по мнению врачей, «в удовлетворительном состоянии». Потом жил на даче. Летом, как всегда, отпраздновали дни рождения Ирины и Валерия. Осенью традиционно справили тройной праздник: 2 октября — день рождения Сергея Никифоровича, 5 октября — очередную годовщину свадьбы четы старших Кругловых, 10 октября — день рождения Таисии Дмитриевны. Ничто тогда не предвещало, что вместе с Сергеем Никифоровичем эти события отмечались в последний раз.

Видимо, в этом году, учитывая общую обстановку в стране, Сергей Никифорович собрался поставить вопрос о восстановлении его в партии. Но надо было как-то напомнить о себе, забытом высокими властями, заручиться чьей-то поддержкой. Воспользовавшись тем, что 19 декабря 1976 года исполнялось 70 лет со дня рождения Брежнева Л.И., с которым, как отмечалось в главе 30, Круглов С.Н. был достаточно хорошо знаком, бывший министр внутренних дел подготовил такое поздравительное письмо:

Генеральному секретарю ЦК КПСС

товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Глубокоуважаемый товарищ Брежнев!

В дни всенародного праздника, Вашего славного юбилея, обращаюсь к Вам с горячими поздравлениями и пожеланиями, идущими от всего сердца, желаю доброго здоровья на многие годы жизни на благо нашей Родины.

Мне приятно вспомнить, что я встречался с Вами, я знаю и глубоко ценю Вашу человечность, доброжелательность и заботливое отношение к людям. Я встретился с Вами в годы освоения целины. Тогда МВД СССР, где я работал министром, было поручено строительство целинных совхозов в Казахстане. Я поехал туда, чтобы помочь организовать это новое дело. В ЦК компартии Казахстана проводилось совещание работников, занятых этим строительством. Вы, дорогой Леонид Ильич, своими советами и указаниями помогли справиться с этим поручением партии и правительства. С тех пор я сохранил в своей памяти Ваш образ — образ доброго, отзывчивого и мудрого человека. Прошли годы. За эти годы Вы всей своей жизнью, талантом партийного руководителя и выдающегося государственного деятеля — стали во главе коммунистической партии и нашего государства. И сейчас, когда партия, весь наш народ шлют Вам свои поздравления — мудрому руководителю, великому продолжателю дела Ленина, я всем сердцем, всей своей душой выражаю Вам чувства глубокой благодарности за все, что Вы сделали и делаете для нашей страны, для победы социализма и коммунизма, за Вашу мудрость, дальновидность и неиссякаемую энергию.

Дорогой товарищ Брежнев! Этим обращением к Вам я хочу выразить свою верность и преданность коммунистической партии, ее Центральному Комитету во главе с Вами, высказать свое душевное настроение и чувства глубокого уважения и любви к Вам. Еще раз желаю Вам крепкого здоровья на долгие годы, новых успехов на высоком посту руководителя коммунистической партии и нашего государства.

С глубоким уважением

С. Круглов

18 декабря 1976 года [26].

Однако Сергей Никифорович своего поздравление юбиляру не отправил. Что остановило его? В письме не шла речь о его восстановлении в КПСС, а говорилось только о «верности и преданности» компартии. Послание должно было, видимо, прозондировать обстановку, показать, отреагирует ли генеральный секретарь, вернее, его аппарат на обращение бывшего крупного государственного деятеля. Однако та

помпезность, с которой праздновался юбилей Брежнева Л.И., непонятное присвоение главе коммунистической партии воинского звания Маршала Советского Союза, вручение и так уже Герою Социалистического Труда и Советского Союза второй боевой Золотой Звезды Героя убедили беспартийного Круглова С.Н. в том, что «соваться» в эту напыщенную собственной значимостью партийную клоаку, заботившуюся только о личном престиже и бескрайнем благополучии, абсолютно бесполезно. Никакие верноподданнические славословия, как ни старайся, не могли помочь сдвинуть дело. Вот, по моему мнению, причина, из-за которой поздравительное письмо не было отправлено адресату и в дальнейшем самим Кругловым С.Н. вопрос о его восстановлении в партии не ставился.

36. Трагическая гибель

Новый, 1977 год начался в семье Кругловых, как обычно: елка для внуков, сбор родственников, подарки от Деда Мороза. Зима прошла в повседневных заботах, а в мае месяце, когда стало тепло, Сергей Никифорович с Таисией Дмитриевной перебрались на дачу. Уход за садом и огородом, текущий ремонт построек, наслаждение близостью к природе — что может быть лучше в достаточно короткое российское лето.

Утром в понедельник 6 июня 1977 года Таисия Дмитриевна собралась по делам в Москву. Сергей Никифорович проводил супругу до станции Правда и помахал ей на прощание рукой, когда она села в электричку. Договорились, что вечером этого дня или на следующее утро он сам приедет с дачи в город, тем более что обратный железнодорожный билет был куплен им еще в Москве в автомате № 1796 на Ярославском вокзале.

Говорят, что сердце, особенно женское, — вещун, способный предсказать предстоящие события. По моим жизненным наблюдениям, если что- то случается, то этому всегда находят массу предзнаменований, имевшихся накануне. Если же ничего плохого не происходят, то о своих прежних тревогах попросту забывают.

Но в тот день, всю ночь и на следующее утро Таисия Дмитриевна действительно не находила себе покоя из-за неясного предчувствия беды.

Волнение усилилось после того, когда в назначенный час Сергей Никифорович дома в Москве не появился. Решили поехать на дачу, чтобы выяснить обстановку.

Когда Таисия Дмитриевна с внуком Димой 7 июня пришла на дачный участок, то обнаружила, что калитка и дверь в доме оказались не заперты, а Сергея Никифоровича нигде не было видно. После безуспешных поисков по окрестностям пришли к выводу, что об исчезновении главы семьи надо сообщить в милицию. В местном отделении никаких сведений не было, и потому Таисия Дмитриевна позвонила дочери Ирине на работу и сказала, что отец пропал.

Ира созвонилась с братом Валерием, и они вместе поехали в Малый Каретный переулок. Там в дверях квартиры ими была обнаружена записка с просьбой позвонить в районное отделение милиции. По телефону Ирине Сергеевне сказали: «Ваш отец травмирован поездом». Что конкретно случилось на железнодорожных путях поздним вечером 6 июня 1977 года, никто не знал. Решили, что произошел несчастный случай по

вине гражданина, неосторожно переходившего в темное время суток рельсовую линию и попавшего под поезд. В кармане пиджака нашли паспорт и железнодорожный билет от 4-й зоны, к которой относится станция Правда. Тело погибшего отправили в морг города Пушкина. Проведенные органами внутренних дел следственные действия по выяснению причин произошедшей трагедии результата не дали.

Вместе с тем вызывают недоумение некоторые моменты. Почему Сергей Никифорович покинул дачу, не заперев дом и калитку, как он это делал обычно? С какой целью он оказался на железнодорожных путях, если для того, чтобы попасть на платформу, от которой поезда идут на Москву, переходить два ряда рельсов не требовалось? Естественно, никто не даст теперь обоснованных ответов на эти вопросы. Однако невольно закрадывается сомнение: а не участвовало ли в этих непонятных действиях какое- то неизвестное лицо (или лица), которое и принудило погибшего произвести все случившееся не по собственной воле? То есть не «помогли» ли Сергею Никифоровичу попасть под поезд? Вряд ли сейчас удастся выяснить это. А тогда данное происшествие не слишком встревожило официальные власти. Посчитали, что так порой, увы, случается: пожилой мужчина проявил неосторожность, в результате чего был сбит поездом, и от полученных травм скончался. Что тут разбираться — все вполне ясно.

Трудно передать словами, каким горем для семьи, близких, родственников, друзей, прежних сослуживцев явилась трагическая гибель Сергея Никифоровича Круглова.

Но слезами делу не поможешь. Нужно было собраться с силами и организовать похороны. И тут вдруг выяснилось, что по каким-то существовавшим тогда инструкциям тело человека, умершего вне Москвы, ввозить в столицу для захоронения не разрешалось. Пришлось обращаться в МВД. В качестве исключения на оперативной машине погибшего перевезли в московский морг.

Во избежание очередных осложнений родные решили кремировать тело Сергея Никифоровича, а урну потом захоронить на Новодевичьем кладбище в могилу родителей.

А в это время в дом Кругловых, чтобы выразить свое соболезнование, звонили по телефону, приходили лично, присылали послания со словами поддержки многие люди, знавшие Сергея Никифоровича. Вот несколько телеграмм, находящихся сейчас в Личном фонде № 10 146:

Дорогая Таисия Дмитриевна. Потрясены случившимся. Примите наше искреннее сочувствие и пожелание физических и душевных сил, чтобы перенести огромную потерю = Ваши друзья: Абрамова, Афанасьева, Алексеева, Агеев, Волкова, Годкевич, Дугинец, Буркова, Зангезуров, Зубавина, Иванина, Карпов, Коробова, Ладонщиков, Прохорова, Плужникова, Палехов, Полторацкая, Ростопова, Сазонова, Славатинская, Утлинская, Чехов, Шевченко, Шуткова, Шкаев.

Потрясен ужасным известием гибели самого уважаемого мною человека, с великим достоинством осуществлявшего свой высокий служебный долг перед Родиной, советским народом. Примите мое глубокое соболезнование по поводу трагического несчастья, постигшего вас, близких. Вечная память о Сергее Никифоровиче сохранится в наших сердцах = Воронков.

От товарищей, работавших вместе и под руководством Сергея Никифоровича выражаем Вам наше соболезнование в связи с безвременной, невозвратимой утратой нашего товарища Круглова Сергея Никифоровича. Искренне скорбим вместе с Вами и разделяем тяжелое для всех нас горе = Попов [26].

Организации похорон бывшего своего руководителя Министерство внутренних дел на себя не взяло, но несколько помогло семье Кругловых в плане выделения денег на это мероприятие. Все вопросы по проведению кремации родственники разрешили сами. Усилиями прежних работников МВД Воронкова С.П., Цыпленкова Н.А. и других удалось добиться выделения катафалка, подразделения войск, автобусов, обеспечения фотографирования и других необходимых услуг. Для почетного караула и производства положенного военнослужащему оружейного салюта было направлено в знак уважения подразделение саперных войск, поскольку в грозном 1941 году Круглов С.Н. являлся командующим 4-й саперной армией.

Гражданская панихида проходила в ритуальном зале морга, потом траурная автоколонна направилась в Николо-Архангельский крематорий. В семейном альбоме на фотографиях, сделанных по ходу похорон, около гроба с покойным Сергеем Никифоровичем Кругловым запечатлены вдова Таисия Дмитриевна, дочь Ирина, сын Валерий, внуки Сергей и Дмитрий, моя мама Нина Владимировна и многие другие участники этого траурного мероприятия.

После произнесенных речей и прощания, под звуки гимна Советского Союза и раскаты троекратного салюта гроб с телом Сергея Никифоровича Круглова медленно опустился в недра

крематория.

Дома родные, близкие, друзья, сослуживцы по-русски помянули трагически погибшего сына волжских просторов, мужа, отца, деда, генерала, много лет проработавшего на ответственных государственных постах, а еще больше лет находившегося в опале.

21 июня 1977 года в газете «На боевом посту», являвшейся печатным органом Главного управления внутренних дел Моссовета, был помещен следующий некролог:

«В результате несчастного случая трагически погиб бывший Министр внутренних дел СССР генерал-полковник Круглов Сергей Никифорович, член КПСС с 1928 года. Родился Сергей Никифорович в 1907 году в деревне Устье Зубцовского района Калининской области в семье крестьянина-бедняка. С юных лет познал тяжелый крестьянский труд. В 1923 году С.Н. Круглов вступает в комсомол, ведет работу по ликвидации неграмотности, по налаживанию сельского хозяйства. Активист избирается членом сельского совета села Никифоровское Погорельской волости. Вначале работает там секретарем, затем председателем Совета. В 1929 году Сергея Никифоровича призывают в Красную Армию, где он служит рядовым красноармейцем. После демобилизации в 1930 году по решению партийных органов его назначают старшим инструктором-механиком учебно-опытной станции зерносовхоза в Кустанайской области. С 1931 по 1934 год С.Н. Круглов учится в Московском индустриально-педагогическом институте имени Карла Либкнехта, затем в Институте Востоковедения, который успешно заканчивает и получает специальность переводчика с японского языка. С 1935 по 1937 годы Сергей Никифорович — слушатель института Красной профессуры, по окончании которого его назначают на ответственную работу в ЦК КПСС. Около 20 лет С.Н. Круглов отдал работе в НКВД-МВД СССР, из них последние 10 лет в качестве министра внутренних дел СССР. Затем он работал заместителем министра строительства электростанций СССР, заместителем председателя Совнархоза Кировского экономического района. В начале Великой Отечественной войны Сергей Никифорович был членом Военного Совета Западного и Резервного фронтов. В 1939 году С.Н. Круглов избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а в 1952 году — членом ЦК КПСС. С 1946 по 1958 годы являлся депутатом Верховного Совета СССР. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги С.Н. Круглова перед Родиной, наградив его пятью орденами Ленина, двумя орденами Кутузова первой и второй степени, орденом Суворова первой степени, тремя

орденами Красной Звезды, многими медалями. Светлая память о Сергее Никифоровиче Круглове навсегда сохранится в наших сердцах. Группа товарищей» [26].

В приведенном некрологе для широкой общественности помянули Сергея Никифоровича вроде как члена партии (иначе в дальнейшем тексте о его работе в высших партийных органах «неудобно» было говорить), да и о лишении бывшего министра ордена Суворова «забыли» сказать. Простим «группе товарищей» и некоторую путаницу с орденами: орден Красного Знамени представили как третий орден Красной Звезды. В целом — спасибо за добрые слова и светлую память.

Но на этом «земной путь» Круглова С.Н. не закончился — надо было еще захоронить урну с прахом в могилу родителей. А на такое дело кладбищенские власти разрешения не дали, поскольку беспартийных на столь «престижном погосте» не допускалось предавать земле. Почти полгода ушло на «пробивание» данного вопроса. Таисия Дмитриевна с просьбой о помощи обратилась сначала в Министерство внутренних дел. Но там ей ответили, что всеми делами по кладбищам занимается исполком Моссовета и следует адресовать свою просьбу туда. Правда, 15 августа 1977 года МВД со своей стороны за подписью заместителя министра Викторова Б.А. направило председателю исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся т. Промыслову В.Ф. письмо такого содержания: «*Семья бывшего Министра внутренних дел СССР генерал- полковника Круглова С.Н., умершего в июне 1977 года, обратилась в МВД СССР за содействием в том, чтобы поместить урну с прахом покойного на Новодевичьем кладбище вместе с его родителями. Министерство внутренних дел СССР просит Вас рассмотреть возможность положительного решения этого вопроса*».

Затем тому же адресату поступило письмо *«от жены скончавшегося бывшего министра МВД СССР Круглова С.Н.»:*

«Уважаемый товарищ Председатель Исполкома Моссовета!

Обращаюсь к Вам с глубокой просьбой — разрешить захоронить урну с прахом моего мужа, скончавшегося 6 июня 1977 года, в могилу его отца Яковлева Никифора Яковлевича на Новодевичьем кладбище (в этой же могиле захоронена урна с прахом матери мужа). Всю свою жизнь Круглов Сергей Никифорович был предан делу Коммунистической партии, избирался членом ЦК КПСС, являлся депутатом Верховного Совета СССР с 1946 по 1958 год, 10 лет работал Министром МВД СССР. Во время Великой Отечественной войны был членом

Военного Совета Резервного и Западного фронтов. Советское правительство присвоило моему мужу звание генерал-полковника, наградило пятью орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Кутузова I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями.

Уважаемый Владимир Федорович! Муж завещал мне похоронить его в одной могиле с отцом и матерью. Очень прошу Вас не отказать в моей просьбе.

С глубоким уважением Круглова Таисия Дмитриевна.

Содействие в получении разрешения на захоронение урны оказало и Министерство среднего машиностроения, в плане строительства объектов для которого С.Н. Круглов в свое время приложил много сил.

После бесчисленных мытарств, незадолго до дня семидесятилетия Сергея Никифоровича Круглова, разрешение все-таки было получено. При захоронении урны на Новодевичьем кладбище у могилы собрались родные и друзья. Оркестр играл траурные марши. Снова были произнесены прощальные речи. Приведем сохранившуюся в письменном виде часть выступления Сидляревич Р.С., проработавшей в органах МВД СССР и КГБ при Совмине СССР 35 лет и хорошо знавшей Круглова С.Н.:

Дорогие товарищи! Сегодня мы с Вами захоронили урну с прахом Сергея Никифоровича. Все плакали, поскольку предали земле всем дорогого и близкого человека. Помню, много лет назад мы хоронили начальника секретариата Министерства внутренних дел СССР полковника Давыдова А.Ф. Среди сотрудников министерства был и Сергей Никифорович, который шел со слезами на глазах и переживал горе вместе со всеми, много проявил внимания и заботы о семье Александра Федоровича, дети которого Таня и Володя сегодня находятся здесь.

Вы, Таисия Дмитриевна, Ваши дети, внуки можете гордиться Сергеем Никифоровичем. Он был настоящим коммунистом, он был Человеком с большой буквы, он много сделал для Родины, для народа, и этого забывать нельзя. Все, кто с ним работал, кто его знал, помнят как талантливого руководителя, как настоящего Человека. Память о нем сохранится навсегда [26].

Душевная боль, связанная с трагической потерей дорогого и уважаемого человека, дополнялась горечью осознания того, что Сергей Никифорович Круглов был в свое время достаточно несправедливо наказан и исключен из членов КПСС. Сослуживцы, глубоко почитавшие своего министра внутренних дел, решили

обратиться в ЦК КПСС с просьбой хотя бы посмертно восстановить в рядах партии крупного руководящего работника, отдавшего все свои силы и собственное здоровье делу служения любимой Родине. Ветераны МВД Зуев Григорий Владимирович (член партии с 1918 года, партбилет № 00 090 698), Цыпленков Николай Алексеевич (член партии с 1940 года, партбилет № 06 142 664) и генерал-лейтенант Овчинников Александр Михайлович (член партии с января 1930 года, партбилет № 130 334 716) направили соответствующее ходатайство *«Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л.И. Брежневу»*. К сожалению, текста этого послания у меня нет, но им в поддержку 2 января 1978 года от себя лично в тот же адрес направил такое же, по сути, письмо бывший начальник Секретариата МВД СССР Воронков Сергей Петрович (член партии с 1928 года, ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный работник МВД):

Считаю своим партийным долгом и честью советского гражданина присоединиться к инициативе-ходатайству ветеранов — заслуженных руководящих деятелей МВД СССР восстановить (посмертно) Сергея Никифоровича Круглова в звании члена КПСС.

Под руководством Сергея Никифоровича я работал с 1945 по 1956 год, при этом наиболее длительное время начальником Секретариата Министерства внутренних дел. В эту пору МВД представляло собой огромную машину государственного управления, выполнявшую по заданиям ЦК партии и Советского правительства не только важнейшую службу по обеспечению внутренней администрации, но и многогранную хозяйственную деятельность на решающих участках нашей социалистической Родины, умножавших ее величие и могущество: обширная горнорудная промышленность, железнодорожное строительство на трудно доступных и народнохозяйственных участках, строительство шоссейных дорог и их эксплуатация, местная противовоздушная оборона и многое другое.

МВД СССР блестяще справлялось с этими заданиями, которые ныне возложены наряд отраслевых министерств. В этих условиях особенно ярко раскрылся талант С.Н. Круглова как руководителя, преданного делу Партии. Он был властен, но не заносчив, не высокомерен. Простодушен и добр. До учреждения Коллегии министерства он, склонный к коллективному руководству, проводил так называемые совещания при Министре, внимательно прислушиваясь к мнению руководителей главков и управлений. Он был необычайно скромен, не терпел подхалимства и угодничества. Мне облегчает оценку личности и деятельности Круглова такое

обстоятельство: несмотря на то что звание полковника я получил еще в 1942 году (будучи в то время бригвоенюристом и работая начальником Секретариата МВД, что соответствует должности генерал-лейтенанта), повышения в звании я так и не дождался, хотя законченное высшее образование, а в прошлом руководящая работа в Прокуратуре, при наличии безупречной работы в секретариате, позволяли надеяться на это. Это не упрек, а убедительное доказательство его исключительной скромности и желания видеть это в других.

Заметим, Воронков С.П. зря «обижался» на своего министра Круглова С.Н. за то, что тот не присвоил ему генеральского звания. Во-первых, это было не в компетенции руководителя ведомства — такие звания присваивает Совет Министров СССР. Во-вторых, как отмечалось нами выше, в сталинские времена после 9 июня 1945 года никому из работников внутренних дел и госбезопасности генеральские погоны больше «не выдавались». В хрущевское десятилетие превалировала тенденция вообще «распогонить и разламповать» руководство данных силовых ведомств (Министерства обороны это не касалось). В этот период многие генералы, наоборот, за прежнее добросовестное выполнение «заданий партии и правительства» лишились своих воинских званий. Только генерал-полковник Серов И.А., «любимчик» Хрущева Н.С., получил звание генерала армии, но потом и он был разжалован в генерал-майоры. Так что старые кадры, включая самого генерал-лейтенанта Хрущева Н.С., имели те звания, которые были им присвоены еще Сталиным И.В. Вот только полковник Брежнев Л.И., став генсеком КПСС, «дослужился» до звания Маршала Советского Союза, после чего на погоны многих начальников начался настоящий «звездопад». Но продолжим цитировать письмо заявителя:

Если он (Круглов С.Н. — *Ю. Б.*) *в прошлом и допустил какую-либо ошибку, то, наверняка, не по злой воле. Отстранение от руководства Министерством внутренних дел С.Н. Круглова по капризу Н.С. Хрущева, а позже ликвидация союзного аппарата этого министерства — едва ли не самая серьезная государственная ошибка Н.С. Хрущева. Никто и никогда не подвергался унижению или какому-либо оскорблению со стороны Круглова С.Н., тем более несправедливому наказанию. Это был обаятельный, душевный человек, превосходный организатор, пламенный патриот.*

Я, не колеблясь, присоединяю свою подпись к письму товарищей-«однополчан» о восстановлении посмертно партийного звания Сергею Никифоровичу Круглову [26].

Вдова Таисия Дмитриевна и дети Ирина Сергеевна и Валерий Сергеевич, прекрасно зная, как их муж и отец глубоко переживал его исключение из рядов коммунистической партии, тоже решили присоединить свой семейный голос к решению данного вопроса.*«Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Брежневу Л.И.»* они направили такое письмо:

Дорогой Леонид Ильич!

К Вам обращается семья скончавшегося в этом году Круглова Сергея Никифоровича, бывшего в период 1945–1956 годов Министром внутренних дел СССР. Жизнь нашего отца (и нашу, конечно, тоже) поразило огромное горе — отец был исключен из рядов КПСС. Преданный делу партии, жестоко страдая, отец просил о пересмотре решения, но, к сожалению, этого не произошло. В наших глазах отец всегда был истинным коммунистом. Мы не представляем себе, чтобы отец мог не выполнить какого-либо партийного поручения или требования Устава партии. С юношеских лет отец все свои силы, отдавал делу партии и народа. Партия и Советское Правительство оценили его заслуги, присвоив отцу звание генерал-полковника, наградив пятью орденами Ленина, орденами Кутузова I и II степени, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Дорогой Леонид Ильич! Мы прекрасно представляем, как занято все Ваше время решением важнейших задач. Но все же просим Вас ознакомиться с личным делом нашего отца и, если возможно, дать указание о пересмотре решения об исключении его из рядов КПСС. Пусть посмертно, но мы надеемся, что доброе имя нашего отца Круглова Сергея Никифоровича будет восстановлено. Сам отец до последнего дня жизни ждал и надеялся, что его восстановят в партии.

Просим простить нас за беспокойство.
С глубоким и искренним уважением
жена — Круглова Таисия Дмитриевна
дочь — Круглова Ирина Сергеевна
сын — Круглов Валерий Сергеевич.

К этому семейному посланию было приложено приведенное нами в предыдущей главе собственноручное поздравление Сергея Никифоровича Круглова, адресованное Брежневу Л.И. к его 70-летнему юбилею, которое *«отец написал Вам, а отправить постеснялся».*

Через несколько дней Таисия Дмитриевна от себя дополнительно направила некоторые документы, сопроводив их такой запиской:

Дорогой Леонид Ильич!

Хону добавить, что мой муж Круглов Сергей Никифорович ушел на пенсию по инвалидности второй группы без права работы. Он был уже на пенсии, когда его исключили из партии. В результате его здоровье еще ухудшилось, гипертония осложнилась глаукомой обоих глаз, тяжелой стенокардией. Ему неоднократно приходилось лежать в больнице. Год назад Сергей Никифорович перенес две тяжелых полостных операции. После этого у него стала развиваться катаракта обоих глаз, и последнее время он все хуже и хуже видел. История болезни Круглова С.Н. сохранилась в поликлинике 4-го Главного управления Министерства здравоохранения СССР и в поликлинике МВД СССР.

Прилагаю справки об уходе на пенсию и о последней операции.

С глубоким уважением Круглова Т.Д.

3 января 1978 года [26].

К сожалению, все эти просьбы не возымели действия, и бывший член ЦК КПСС Круглов С.Н. в рядах «ленинской партии» так и не был восстановлен, даже посмертно. Что ж, в том числе и за подобное отношение к своим верным партийцам Коммунистическая партия Советского Союза сама в 1991 году потерпела крах, сойдя с политической арены. В результате жизненно важный для Сергея Никифоровича Круглова вопрос о его партийности оказался больше не актуальным, разрешившимся «естественным путем».

Как это ни покажется неожиданным, но первым к документальному наследию бывшего министра Круглова С.Н. проявил интерес не Музей МВД, а совсем другой хранитель исторического прошлого. В адрес Кругловой Т.Д. пришло такое письмо:

«Уважаемая Таисия Дмитриевна!

Музей истории и реконструкции города Москвы, один из старейших московских музеев, существующий с 1896 года, собирает, хранит и использует в экспозиции, на выставках, для создания научных трудов документы личных архивов и личные вещи партийных и советских работников, деятелей литературы, искусства, науки, военнослужащих Советской Армии. Хранение личных документов и мемориальных вещей в государственном музее обеспечивает их полную сохранность для потомков и

наилучшее их использование в научных целях.

Музей истории и реконструкции города Москвы обращается к Вам с убедительной просьбой передать на государственное хранение личные документы и вещи Вашего мужа С.Н. Круглова. Нас интересуют: рукописи, записные книжки, переписка, справки, удостоверения о трудовой и общественной деятельности, воспоминания, депутатские билеты, мандаты и пропуска на съезды и конференции, наградные документы, дипломы, почетные грамоты, фотографии и другие документы, а также награды, памятные медали и знаки, личные мемориальные вещи. О Вашем решении просим сообщить нам письменно или по телефону.

С уважением — Директор Музея Л.Н. Соловьева,
секретарь парторганизации О.М. Милованова» [26].

На эту просьбу руководства музея Таисия Дмитриевна тогда не согласилась — обстановка была не та, да и настроение тоже. Конечно, приятно было, что хоть кто-то заинтересовался личным достоянием ее покойного супруга. Жаль только, что это оказалась совсем не та организация, которой Сергей Никифорович отдал столько своих знаний, сил и здоровья.

Правда, уже после смерти Таисии Дмитриевны Центральному музею МВД России дочерью Ириной Сергеевной были переданы документы, фотографии, ордена и личные вещи Сергея Никифоровича Круглова [22].

Послесловие

Страницы личной жизни и служебной карьеры крупного и талантливого государственного деятеля Сергея Никифоровича Круглова я постарался описать на основании имеющихся документов в достаточно строгой хронологической последовательности. Приношу свои извинения, что не все годы в связи с отсутствием у меня необходимых материалов удалось отобразить всесторонне. Однако надеюсь, что эта работа явится лишь основой, первым популярным трудом, посвященным достаточно забытому советскими историками руководителю органов внутренних дел СССР, названному мною **Министром сталинских строек.**

Судьба предшественников Круглова С.Н. по руководству Наркоматом — Министерством внутренних дел СССР оказалась весьма трагической. Являвшиеся наркомами Ягода Г.Г. (с 1934 по 1936 годы), Ежов Н.И. (с 1936 по 1938 годы) и Берия Л.П. (с 1938 по 1945 годы и министром с марта по июнь 1953 года) были расстреляны. Герой нашего повествования Круглов С.Н., за десять лет своего руководства органами внутренних дел никогда не претендовавший на ведущую политическую роль, в силу совершенно не зависевших от него обстоятельств был снят с должности и отправлен в «информационное небытие», так что даже многие его современники забыли эту фамилию.

Вместе с тем прекрасные организаторские способности Круглова С.Н., его хорошее образование, постоянное стремление совершенствовать свои знания, умение работать с людьми сразу были замечены тогдашним руководством страны. За двадцать лет после окончания учебы в 1938 году он занимал только высокие государственные посты: сначала был направлен сразу в ОРПО высшего партийного органа — ЦК ВКП(б), затем находился на должностях заместителя, первого заместителя и наркома — министра в органах внутренних дел, потом был заместителем министра строительства электростанций, заместителем председателя Совнархоза. И везде, куда его «направляла партия», успешно справлялся с порученной работой. Большое влияние на становление личности Круглова С.Н., выдвинутого на ключевые должности в Наркомате-Министерстве внутренних дел, оказало общение с видными партийными и государственными деятелями советской эпохи. Что бы сейчас ни говорили о Берия Л.П., но его целеустремленность и энергия руководителя крупного масштаба, присущая ему «штабная культура» в делопроизводстве, отдании и исполнении приказов, положительно сказались на формировании

организаторских качеств работавших с ним подчиненных. Конечно, в своеобразной сталинской системе управления Круглов С.Н. являлся лишь одним из многочисленных «винтиков» огромной государственной машины, но при этом он умел грамотно и успешно выполнять «великие задумки», подвластные непреклонной воле вождя народов, сохраняя при этом свое человеческое достоинство. Не Круглов С.Н. создал в Советском Союзе систему принудительного труда, но, волею обстоятельств, оказавшись во главе этих «производительных сил социализма», он приложил все свое умение к тому, чтобы добиться наибольшей эффективности работы данного сектора советской экономики. Как и многим другим большевистским руководителям, в этом ему помогали глубокая вера в правильность сталинских установок, убежденность в непогрешимости пути, по которому шла коммунистическая партия, уверенность в приближении «светлого будущего». Необходимо особо подчеркнуть, что при работе на любых постах Круглов С.Н. неизменно относился с большим уважением к людям, не забывал об их запросах и нуждах, постоянно стремился, насколько это было в его силах, оказать им содействие. Несмотря на свое достаточно высокое служебное положение, Сергей Никифорович, проявляя твердость и требовательность в делах, всегда соблюдал тактичность и скромность, не позволял себе ничего лишнего, помимо использования тех льгот, которые ему полагались.

Великолепные организаторские способности генерал-полковника Круглова С.Н., его умение предусмотреть в любом порученном ему ответственном деле все, вплоть до мелочей, произвели неизгладимое впечатление даже на высших руководителей Соединенных Штатов Америки и Великобритании. В знак уважения и признательности «капиталистические правители» удостоили «советского начальника охраны и обеспечения» на Крымской и Потсдамской конференциях высоких национальных наград, которые не часто встречаются у представителей органов внутренних дел и государственной безопасности.

Обозревая биографическую хронику героя нашего повествования, можно отметить, что главным в служебной карьере Круглова С.Н. явился, конечно, десятилетний период руководства им Министерством внутренних дел. Объем работы, выполненный этим ведомством в послевоенный сталинский период, когда в самых труднодоступных местах, порой в сложнейших климатических условиях, были построены и эффективно эксплуатировались промышленные предприятия различных профилей, рудники, гидросооружения, железные и

автомобильные дороги и другие объекты, просто обескураживает своей грандиозностью. Естественно, министру внутренних дел все эти достижения дались чрезвычайно интенсивным трудом, нервным напряжением и серьезной потерей собственного здоровья. Но еще больше Сергея Никифоровича, как и любую личность, подкосило несправедливое, намеренно предвзятое отношение к нему со стороны высшего «хрущевско-брежневского» руководства страны. И этого на долю Круглова С.Н. досталось с лихвой: неоправданное снятие с должности министра, необоснованное исключение из партии, беспардонное лишение законной пенсии от МВД, огульное обвинение в несовершенных «грехах», иезуитское отлучение от высококвалифицированной медицинской помощи и другие не менее волюнтаристские «подковырки». Наиболее обидным во всех этих «мытарствах» явилось то, что огромные интеллектуальные возможности, заложенные в незаурядной личности Сергея Никифоровича Круглова, как и многих других наших талантливых людей, так и не были полностью использованы для решения важнейших и интереснейших государственных задач. А в результате такого отношения к одаренным людям, являющимся «природным богатством» нашей страны, оказывается, что к руководству, к власти приходят серые личности, вдохновляемые исключительно собственными амбициями и жаждой наживы. Особенно это проявляется в сферах, связанных с политическими и силовыми структурами.

После смены общественно-политической обстановки в нашей стране о Круглове С.Н. появился ряд публикаций [18–23, 25], как вполне объективных, так и достаточно тенденциозных. Надеюсь, что настоящая книга в какой-то мере поможет правильно отделить «зерна от плевел».

К сожалению, память о многих своих замечательных соотечественниках мы часто хранить не умеем. Вот и в Центральном музее МВД России экспозиция о министре внутренних дел Круглове С.Н., успешно возглавлявшем это ведомство дольше всех своих предшественников, является весьма скромной, не отражающей всех сторон его многогранной деятельности как руководителя. В этом плане огромная благодарность энтузиастам из Государственного архива Российской Федерации, создавшим Личный фонд Круглова С.Н. № 10 146, который позволит будущим исследователям полнее понять и отобразить этого прекрасного Человека с большой буквы.

Отрадно, что память об отце и деде бережно хранится в семьях потомков Кругловых. Главный принцип, который

неукоснительно соблюдался детьми Сергея Никифоровича и Таисии Дмитриевны, а теперь передается последующим поколениям, это быть достойными своих замечательных родителей, никогда не пользоваться для решения возникших вопросов высоким положением отца, всего добиваться собственными силами, умом, целеустремленностью и настойчивостью. И в наши дни дети, внуки и правнуки по-прежнему продолжают поминать «родительские даты», могила на Новодевичьем кладбище ухожена и постоянно посещается родными.

Глубокая признательность Совету ветеранов Министерства внутренних дел, который не забывает детей бывшего своего министра, поздравляет с праздниками, организует подарки.

Будем надеяться, что проявляющийся в настоящее время интерес к истории СССР, подлинным биографиям его руководителей, а также появившиеся возможности по использованию ранее закрытых архивных документов дадут возможность узнать много интересного о нашей великой Родине и ее замечательных людях.

17 апреля 2006 года

Ю.Н. Богданов

Литература

1. *Богданов Ю.Н.* Строго секретно. 30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД. М:, Издательство «Вече», 2002.

2. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960. Справочник. Составители Кокурин А.И., Петров Н.В. М.: Издание МФД. 1997.

3. *Кокурин А.И., Петров Н.В.* МВД: структура, функции, кадры. Газета «Правда-5» № 3, 4, 5, 6.1998.

4. *Кокурин А.И., Петров Н.В.* Структура, функции и кадры органов НКВД-МГБ-МВД. Журнал «Свободная мысль», ноябрь 1997 года — февраль 1998 года.

5. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1990. Историко-биографический справочник. М.: РОССПЭН, 1999.

6. Центральный Комитет КПСС-ВКП(б) — РКП(б) — РСДРП(б). 1917–1991. М:, «Парад». 2005.

7. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ. М.: Звенья, 1999.

8. *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

9. МВД России. Энциклопедия. Главный редактор Некрасов Н.Ф. — М.: Объединенная редакция МВД России, Издательский дом ОЛМА- ПРЕСС, 2002.

10. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ- МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. Составители Кокурин А.И., Петров Н.В. М.: МФД, 2003.

11. Министерство внутренних дел. 1902–2002 годы. Исторический очерк. М:, Объединенная редакция МВД России, 2004.

12. Регистрация кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Ашхабадский избирательный округ Mb 690. Зарегистрирован кандидатом в депутаты Совета Союза Круглов С.Н. Газета «Туркменская Искра» Mb 37 (8411) от 13 февраля 1954 года.

13. Навстречу выборам в Верховный Совет СССР. Встреча избирателей с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР С.Н. Кругловым. Газета «Туркменская Искра» № 58 (8432) от 10 марта 1954 года.

14. Встречи избирателей с кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР. Встреча трудящихся Ашхабада с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР министром внутренних дел СССР Кругловым С.Н. Газета «Туркменская Искра»

№ 59 (8433) от 11 марта 1954 года.

15. Десятая Кировская областная партийная конференция. Состав обкома КПСС, избранного на X областной партконференции. Член обкома КПСС Круглов С.Н. Газета «Кировская правда» № 13 (11301) от 18 января 1958 года.

16. Статья о кандидате в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР Круглове С.Н. от Кужеперского избирательного округа Марийской АССР. Газета «Марийская Правда» от 23 января 1946 года.

17. *Рябой Г.* Озаренные пламенем революции. Коллективное фото. Логинов Д.М. Так начиналась история. Об участии Сергея Круглова в работе Зубцовской уездной организации РКСМ. Газета «Ленинский путь» от 29 октября 1968 года.

18. *Цитриняк Г.* Истории от Кишкина. Общая газета «Мы» № 22 (201) от 5—11 июня 1997 года.

19. *Горяинов С.* Операция «Особняк». Новая версия смерти Лаврентия Берия. Газета «Неделя» № 22 23–29 июня 1997 года. С. 26, 27.

20. *Некрасов В. Ф.* Сергей Круглов. Министр внутренних дел СССР с 1945 по 1956 годы. Журнал

21. *Млечин Л.* Лагерный министр. Газета «Вечерняя Москва» 28 октября 1999 г.

22. *Асаулова Л.* Дочь наркома. Газета «Щит и меч» № 39 (129) от 24 сентября 1992 года.

23. *Кравченко Лариса.* Легион достоинства. Газета «Щит и меч» № 18(936) 29 апреля — 14 мая 2004 года.

24. Meet Your Enemy Face to Face. Статья из американского журнала «Sunshine Magazine». 1955.

25. *Некрасов В. Ф.* Тринадцать «железных» наркомов. М:, Издательство «Версты», Госфирма «Полиграфресурсы», 1995.

26. Личный фонд Круглова С.Н. № 10 146. Архивохранилище Личных фондов государственных и общественных деятелей СССР и РФ. Государственный архив Российской Федерации.

27. Документы о жизненном и служебном пути Круглова С.Н., хранящиеся в фонде Центрального музея МВД России. Москва.

28. Документы о партийной деятельности Круглова С.Н., хранящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории.

29. Большая Советская энциклопедия М:, 1970–1977.

30. Большая Советская энциклопедия М:, 1929. том 14, высшие учебные заведения в СССР, авторы Шмидт О.Ю., Челяпов Н., Полоцкий А., Вольфсон С.

31. *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. М:, 1997.

32. История Коммунистической партии Советского Союза. М:,

Госполитиздат, 1959.

33. Лекция на открытии выставки в мемориале лагеря «Пермь-36», 2002.

34. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. Составители Кокурин А.И. Моруков Ю.Н. — М.: МФД: Материк, 2005.

35. *Кучер В.Н.* Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. М:, Типография «Новости», 2003.

36. *Хлевнюк О.В.,* Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 30—50-е годы XX века: проблемы и источники. Журнал «Исторические записки» № 5 (123). М:, «Наука» 2002.

37. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. Том.1. Массовые репрессии в СССР.

38. Там же. Том 2. Карательная система: структура и кадры.

39. Там же. Том 5. Спецпереселенцы в СССР.

40. *Хлевнюк О.В.,* Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы. Журнал «Свободная мысль» № 13,1992.

41. *Богданов Ю.Н., Кокурин А.И.* Гушосдор НКВД-МВД СССР и его руководители. Газета «Российский дорожник», № 6, 9, 10, 14 за 2004 год.

42. *Артемьев С.П.* МАДИ в довоенные годы и в годы Великой Отечественной войны (Воспоминания бывшего директора института). М: МАДИ, 2003.

43. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. Общество «Мемориал». ГАРФ. Сост. Смирнов М.Б. Под ред. Охотина Н.Г., Рогинского А.Б. М:, Звенья, 1998.

44. *Бешанов В.В.* Танковый погром 1941 года. (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?). Мн: Харвест, М: Издательство АСТ, 2001.

45. *Бунич. Л.* Операция «Гроза». Ошибка Сталина. М: Издательство Яуза, 2004.

46. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 годы (Документы, факты, суждения). 2-е издание, исправ. и доп. — М.: Вече, 2002.

47. *Жуков Г.К.* «Воспоминания и размышления». М.: Агентство печати, «Новости», 1970.

48. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России, 1996.

49. Неизвестный Т-34. Издательский центр «Экспринт», 2001.

50. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журнал «Исторический архив» № 2—12,1996.

51. «Партийный губернатор» Москвы Георгий Попов. Автор-составитель Таранов Е.В. — М.: Издательство Главархива Москвы,

2004.

52. *Бешанов В.В.* Год 1942 — «учебный». Мн.: Харвест. 2002.

53. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М.: Издательство «Русь», 2003. Том второй, книга 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года.

54. Там же. Том третий, книга 2. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 года.

55. Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М:, «Советская энциклопедия». 1985.

56. *Соколов Б.В.* Берия: судьба всесильного наркома. М.: Вече, 2003.

57. Из «Отчета о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезд КПСС (1956–1961 годы)». Рассмотрение персональных дел коммунистов, привлеченных к партийной ответственности за нарушение социалистической законности. Известия ЦК КПСС № 11 за 1989 год.

58. НКВД-МВД СССР и вооруженное национальное подполье (Западные Украина и Белоруссия, Прибалтика и Молдова). 1939–1953. Составители Владимирцев Н.И., Кокурин А.И. М:, «Мемориал», 2006.

59. Архивные документы по борьбе с бандитизмом. ГАРФ. Фонд 9401.

60. Хроника человечества. Составитель Бодо Хаденберг. М., 1996.

61. Награда должна найти героя. О полковнике Осокине В.И. Газета «Вестник Замоскворечья» № 3 (228), февраль 2005 года.

62. *Емельянов Ю.В.* Сталин: на вершине власти. М.: Издательство «Вече», 2002.

63. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. Составители Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. и др. М.: РОССПЭН, 2002.

64. *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991 годы. Новосибирск. Сибирский хронограф. 2000.

65. А.П. Завенягин: страницы жизни. Автор-составитель Важное — М.Я. — М.: «ПолиМЕдиа», 2002.

66. Город «Зеро». Российская газета. Атомная энергия. 27 сентября 2005 года № 215 (3884).

67. *Топтыгин А.В.* Неизвестный Берия. — СПб.: Издательский Дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.

68. *Староверов В.А.* Секретный проект «Немецкая «Танечка». М.: Издательство «Русь». 2005.

69. Советская жизнь. 1945–1953. Составители Зубкова Е.Ю., Кошелева Л.П., Кузнецова Г.А., Минюк А.И., Роговая Л.А. М.:

РОССПЭН. 2003.

70. *Богданов Ю.Н.* «Послевоенный Гушосдор». Газета «Российский дорожник» № 9—12 за 2003 год.

71. Дороги России. Исторический аспект. Под общей редакцией Надежко А.А. М.: Издательская фирма «КРУК», 1996.

72. Тематический сборник приказов и распоряжений МВД СССР за 1936–1953 годы. Работа ГУШОСДОР НКВД — МВД СССР. Фонд 9401 ГА РФ.

73. *Данилов А.А.* Политбюро ЦК ВКП(б) в 1945–1952 годах. В сборнике статей «Власть и общество России в прошлом и настоящем». М.: Моспедгосуниверситет. 2000.

74. *Павлов М.* По следам «Аргонавта». Газета «Русская Германия», № 6/451, 14.02–20.02.2005.

75. *Петров Н.В.* Репрессии в аппарате МГБ в последние годы жизни Сталина 1951–1953. Статья, 2004.

76. *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк. 2005.

77. *Радзинский Э.С.* Сталин. М.: Вагриус. 1997.

78. *Мухин Ю.И.* Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост, Форум. 2002.

79. *Коломейцев Г.Н.* «Хозяин Кремля» умер раньше своей смерти. Газета «Аргументы и факты» № 49, 2002.

80. «Новый курс» Л.П. Берии. 1953. Журнал «Исторический архив» № 4, 1996.

81. Берия: конец карьеры. Под общей редакцией Некрасова В.Ф. М:, Политиздат. 1991.

82. Операция «Особняк». Новая версия смерти Лаврентия Берия. «Неделя» № 22.23–29 июня 1997 года. С. 26, 27.

83. Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М:, Современник, 1994.

84. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т.1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Главный редактор Фурсенко А.А. — 2-е изд, испр. и доп. М:, РОССПЭН. 2004.

85. Кировская область. К 50-летию Октября. Статистический сборник. Горький. Издательство «Статистика». 1967.

86. Кировская областная организация КПСС в цифрах. 1917–1985. Киров. Волго-Вятское книжное издательство. 1986.

87. Десятая Кировская областная партийная конференция. Дневник конференции за 15 и 16 января 1958 года. Газета «Кировская правда» № 12 и 13 за январь 1958 года.

88. *Шевякин А.Л.* Загадка гибели СССР. М:, «Вече», 2004.

Биографическая хроника

2 октября 1907 года — родился в деревне Устье Зубцовского района Калининской области.

1909 год — вместе с родителями уехал в Санкт-Петербург, поступил в школу.

1919 год — мать с детьми вернулась в деревню Устье.

1914 год — поступил в Никифоровскую трудовую школу 1-й ступени.

1920 год — поступил в Спасскую советскую школу 2-й ступени.

1922 год — перешел в Зубцовскую советскую школу 2-й ступени.

1923 год — вступил в комсомол.

1924 год — окончил среднюю школу.

Июнь 1924 года — избран членом Никифоровского Сельского Совета Погорельской волости Тверской губернии. Работал секретарем, с декабря — председателем.

Октябрь 1925 года — заведующий избой-читальней в селе Погорелое-Городище.

Ноябрь 1925 года — избран секретарем Погорельской ячейки ВЛКСМ.

Февраль 1926 года — механик, тракторист в совхозе Вахново Погорельской волости.

Июнь 1926 года — избран делегатом XV и XVI волостных съездов Советов Погорельской волости.

1928 год — избран членом правления, затем председателем Единого потребительского общества «Созвездие».

Декабрь 1928 года — принят в члены ВКП(б).

Октябрь 1929 года — рядовой 1-го автобронедивизиона РККА.

1929 год — красноармеец, командир отделения, командир танка, младший автотехник батальона 3-го танкового полка РККА; политинформатор, член редколлегии полковой многотиражки «Танкист», член полкового бюро ВКП(б).

Ноябрь 1930 года — инструктор-механик Учебно-опытного зерносовхоза № 2, станция Тогузак Кустанайской области Казахстана.

Ноябрь 1931 года — студент Московского индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта: парторганизатор, секретарь ячейки факультета, член бюро, секретарь парткома института; преподаватель в Учебном комбинате при заводе «Геофизика».

Январь 1934 года — решением ЦК ВКП(б) направлен слушателем особого сектора Института востоковедения, японское отделение; парторг, пропагандист.

5 октября 1934 года — женился на Таисии Дмитриевне Остаповой.

24 августа 1935 года — родилась дочь Ирина.

Сентябрь 1935 год — решением ЦК ВКП(б) направлен на учебу в Институт красной профессуры (восточное отделение); редактор институтской газеты.

5 июля 1937 года — родился сын Валерий.

Октябрь 1937 года — назначен ответственным организатором Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б).

20 декабря 1938 года — назначен особоуполномоченным НКВД СССР.

28 декабря 1938 года — присвоено спецзвание — старший майор гб.

28 февраля 1939 года — назначен заместителем наркома внутренних дел по кадрам, начальником отдела кадров НКВД СССР.

4 сентября 1939 года — присвоено спецзвание — комиссар гб III ранга.

Октябрь 1939 года — на XVIII съезде партии избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

20 апреля 1940 года — награжден орденом Красного Знамени за успешное выполнение задания правительства по охране госбезопасности.

25 февраля 1941 года — назначен 1-м заместителем наркома внутренних дел СССР.

24 июня 1941 года — назначен членом Совета по эвакуации при СНК СССР.

5 июля 1941 года — назначен членом Военного совета Фронта Резервных армий.

30 июля 1941 года — при объединении НКВД и НКГБ назначен заместителем наркома внутренних дел СССР.

7 августа 1941 года — утвержден председателем Центральной аттестационной комиссии НКВД СССР.

10 октября 1941 года — назначен членом Военного совета Западного фронта.

Октябрь 1941 года — назначен начальником 4-го управления ГУОБР НКВД СССР и командующим 4-й саперной армии.

Декабрь 1941 года — из Действующей армии возвратился в Москву к исполнению обязанностей заместителя наркома внутренних дел СССР.

4 февраля 1942 года — награжден знаком «Заслуженный

работник НКВД».

21 февраля 1942 года — награжден орденом Красной Звезды за строительство укрепленных рубежей.

4 февраля 1943 года — присвоено звание комиссар гб II ранга 26 апреля 1943 года — при выделении НКГБ из НКВД назначен 1-м заместителем наркома внутренних дел СССР.

20 сентября 1943 года — награжден орденом Ленина за образцовое выполнение заданий правительства в период Отечественной войны Февраль-март 1944 года — принимал участие в выселении народов Северного Кавказа (чеченцев) в Казахстан.

8 марта 1944 года — награжден орденом Суворова I степени за образцовое выполнение спецзадания.

Март 1944 года — направлен на борьбу с националистическими организациями в Западной Украине.

1 мая 1944 года — награжден медалью «За оборону Москвы» Июнь-июль 1944 года — командирован в Казахстан для проверки работы со спецпереселенцами с Северного Кавказа.

Август — октябрь 1944 года — продолжение участия в борьбе с националистическими организациями на Западной Украине и в Литве.

20 октября 1944 года — награжден орденом Кутузова II степени за образцовое выполнение спецзадания в условиях военного времени 1 ноября 1944 года — награжден медалью «За оборону Кавказа».

Январь-февраль 1945 года — организовывал охрану объектов специального назначения в Крыму при проведении конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

24 февраля 1945 года — награжден орденом Кутузова I степени за выполнение специального задания правительства, связанного с проведением Крымской конференции.

Апрель-май 1945 — обеспечивал охрану и обслуживание главы Советской делегации на конференции в Сан-Франциско, США.

9 мая 1945 года — награжден медалью «За победу над Германией».

9 июля 1945 года — присвоено воинское звание генерал-полковник.

Июнь — август 1945 года — организовывал охрану и обслуживание делегаций трех держав-победительниц на Потсдамской конференции, Берлин.

28 июля 1945 года — удостоен награды США «За большие заслуги (Командорской степени)» за обеспечение обслуживания и охраны американской делегации на Потсдамской конференции.

30 июля 1945 года — удостоен Превосходного ордена Британской империи и звания Рыцаря Командора этого ордена за обеспечение обслуживания и охраны английской делегации на Потсдамской конференции.

9 августа 1945 года — назначен председателем комиссии по пересмотру структуры и штата НКВД СССР.

15 сентября 1945 года — награжден орденом Ленина за выполнение специального задания правительства, связанного с Потсдамской конференцией.

Июль — октябрь 1945 года — служебные командировки в советскую зону оккупации Германии для решения вопросов по атомному проекту.

30 сентября 1945 года — награжден медалью «За победу над Японией».

29 декабря 1945 года — назначен наркомом внутренних дел СССР.

19 марта 1946 года — в связи с переименованием государственных органов назначен министром внутренних дел СССР.

Март 1946 год — избран депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР второго созыва.

Июль-август 1947 года — поездка на лечение в санаторий в Карловы Вары, Чехословакия.

20 сентября 1947 года — награжден медалью «В память 800-летия Москвы».

22 февраля 1948 года — награжден медалью «В ознаменование 30-й годовщины Советской Армии и Флота».

6 марта 1948 года — утвержден членом комиссии для подготовки проектов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов СССР.

Август-сентябрь 1948 года — поездка на лечение в санаторий в Карловы Вары, Чехословакия.

Апрель 1949 года — избран членом Московского областного комитета ВКП(б).

6 августа 1949 года — награжден медалью «За боевые заслуги» за выслугу лет.

29 октября 1949 года — награжден орденом Ленина в связи с успешным испытанием первой советской атомной бомбы.

17 декабря 1950 года — избран депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся.

8 декабря 1951 года — награжден орденом Ленина за успешные испытания атомных бомб на земле и в воздухе.

5 января 1952 года — назначен председателем Коллегии МВД СССР.

1952 год — избран депутатом Верховного Совета СССР четвертого созыва.

19 мая 1952 года — утвержден членом Комиссии по приемке готовых сооружений Волго-Донского водного пути.

19 сентября 1952 года — награжден орденом Ленина за строительство Волго-Донского канала.

Октябрь 1952 года — на XIX съезде партии избран членом Центрального Комитета КПСС.

11 марта 1953 года — в связи с объединением МВД и МГБ назначен первым заместителем министра внутренних дел СССР.

13 марта 1953 года — поручено руководство работой групп и рассмотрение заключений по делам арестованных врачей, бывших работников МГБ и др.

26 июня 1953 года — назначен министром внутренних дел СССР.

Февраль 1954 года — утвержден членом Центральной комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления.

Март-апрель 1955 года — командировка в Казахстан по вопросу строительства зернохранилищ при освоении целинных земель.

31 января 1956 года — освобожден от обязанностей министра внутренних дел СССР.

13 февраля 1956 года — назначен заместителем министра строительства электростанций СССР.

2 августа 1957 года — назначен заместителем председателя Кировского совнархоза.

25 октября 1957 года — уволен из кадров МВД СССР в запас Советской Армии по болезни; установлена инвалидность третьей степени, назначена пенсия от МВД СССР в размере 40 % оклада.

16 января 1958 года — на X Кировской областной партийной конференции избран членом Кировского обкома КПСС.

27 июня 1958 года — ЦВЭК МВД СССР установлена инвалидность второй группы.

23 июля 1958 года — освобожден от обязанностей заместителя председателя Кировского совнархоза в связи с переходом на инвалидность.

14 мая 1959 года — направил в ЦК КПСС письмо с просьбой разрешить Кировскому обкому снять его с партийного учета.

Июль 1959 года — представил в КПК при ЦК КПСС объяснения по поводу выдвинутых первых четырех обвинений; лишен пенсии от МВД СССР.

28 июля 1959 года — направил в ЦК КПСС Хрущеву Н.С. письмо с просьбой не исключать из партии.

30 октября 1959 года — ВТЭК Свердловского района установлена инвалидность второй группы, в связи с чем назначена пенсия 600 рублей (после денежной реформы 1961 года — 60 рублей).

6 января 1960 года — КПК при ЦК КПСС исключен из членов партии «за грубое нарушение социалистической законности в период работы в органах внутренних дел».

19 января 1960 года — направил письмо секретарям ЦК КПСС с объяснениями по всем предъявленным обвинениям и просьбой пересмотреть вопрос об исключении из партии.

4 апреля 1962 года — в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР изъят орден Суворова I степени.

22 ноября 1963 года — родился внук Сергей.

7 мая 1965 года — награжден медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне».

13 июня 1965 года — родился внук Дмитрий.

1966 год — ВТЭК Свердловского района установлена инвалидность третьей группы, в связи с чем пенсия стала 40 рублей.

25 ноября 1966 года — восстановлена пенсия от МООП СССР в размере 30 % оклада.

1968 год — награжден медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР».

1970 год — награжден памятным знаком «25 лет победы в Великой Отечественной войне».

1970 — сгорел дачный дом Кругловых на станции Правда.

1 января 1972 года — родился внук Андрей.

23 февраля 1975 года — награжден медалью «30 лет победы в Великой Отечественной войне».

18 декабря 1976 года — написал, но не отправил письмо Брежневу Л.И. в связи с его 70-летием.

6 июня 1977 года — трагически погиб на станции Правда от травм, нанесенных поездом.

1992 год — в Центральном музее МВД России создана экспозиция о Круглове С.Н. на основании материалов, переданных дочерью Ириной Сергеевной.

2004 год — В Государственном архиве Российской Федерации создан Личный фонд Круглова С.Н. № 10 146.

Фотоальбом

Генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов (2 октября 1907 года — в июня 1977 года) — народный комиссар внутренних дел СССР с 29 декабря 1945 года по 26 марта 1946 года, министр внутренних дел СССР с 26 марта 1946 года по 5 марта 1953 года и с 26 июня 1953 года по 31 января 1956 года.

Удостоверение народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника С.Н. Круглова, подписанное 19 февраля 1946 года председателем Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталиным.

Никифор Яковлевич Яковлев (1881–1954) — отец С.Н. Круглова.

Любовь Игнатьевна Яковлева (1885–1960) — мать С.Н. Круглова.

Группа активистов Зубцовской уездной организации Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). 1919 год. Сергей Круглов — крайний слева.

Фотография члена ревизионной комиссии С.Н. Круглова, заверенная заместителем председателя Погорельского волостного исполнительного комитета. 1926 год.

Председатель правления Единого потребительского общества «Созвездие» С.Н. Круглов 1928 год.

Группа участников совещания инспекторов Политпросвета Ржевского у езда. 1928 год. С.Н. Круглов — сидит крайний справа.

Группа делегатов XVI съезда Советов Ржевского уезда Тверской губернии. 1929 год. С.Н. Круглов — стоит второй слева.

Фотография красноармейца С.Н. Круглова, присланная им с военной службы домой. 1930 год.

Инструктор-механик Учебно-опытного зерносовхоза № 2 в Кустанайской области Казахстана С.Н. Круглов.1931 год.

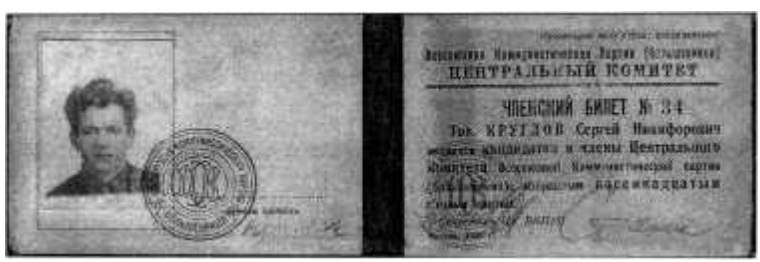
Учебный корпус (вверху) и общежитие (внизу) Московского государственного педагогического института имени К. Либкнехта. Здесь учились, познакомились, поженились и проживали студент общественно-экономического факультета Сергей Круглов и студентка физико-математического факультета Таисия Остапова. 1934 год.

Студент Института красной профессуры С.Н. Круглов с отцом Никифором Яковлевичем, матерью Любовью Игнатьевной,

женой Таисией Дмитриевной и дочерью Ириной. 1936 год.

Жена С.Н. Круглова Таисия Дмитриевна. 1940 год.

Заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности III ранга С.Н. Круглов. 1940 год.



Членский билет № 034 С.Н. Круглова, избранного на XVIII съезде Коммунистической партии кандидатом в члены Центрального комитета ВКП(б). 1939 год.

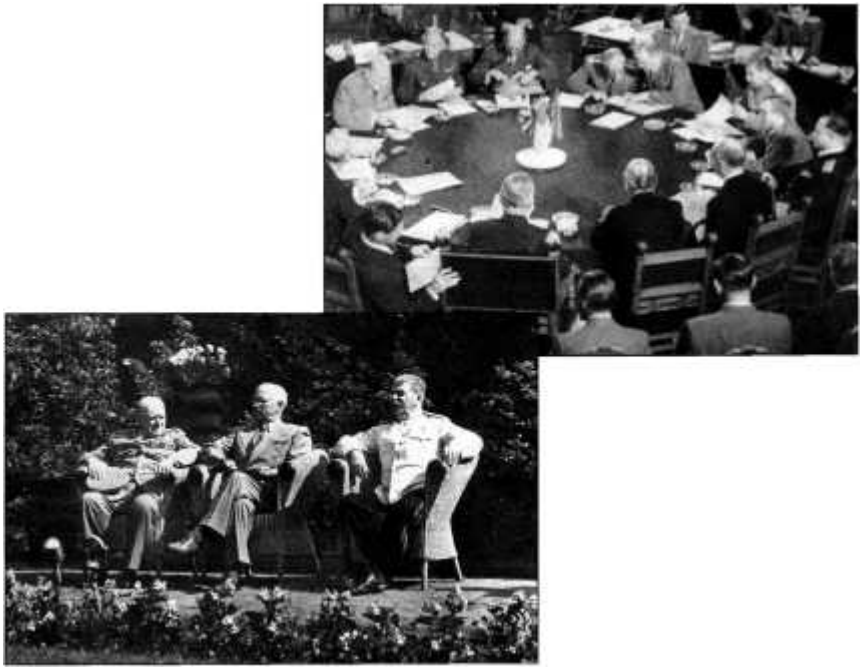
Удостоверение заместителя наркома внутренних дел Казахской ССР старшего лейтенанта госбезопасности Н.К. Богданова, подписанное заместителем наркома внутренних дел СССР по кадрам комиссаром госбезопасности III ранга С.Н. Кругловым. 1940 год.

Заместитель наркома внутренних дел СССР, член Совета по эвакуации при СНК СССР, член Военного совета Резервного и Западного фронтов, командующий 4-й Саперной армией комиссар госбезопасности III ранга С.Н. Круглов. 1941 год.

Семейство Кругловых-Яковлевых после возвращения в Москву из эвакуации в город Куйбышев. 1943 год. Первый слева — Валерий Бурляев, во втором ряду: Борис Яковлев, Валерий Круглов, дед Никифор Яковлевич, бабушка Любовь Игнатьевна, Ирина Круглова, Тамара Антонова, в третьем ряду: Антонина Дмитриевна Лазаренко, Таисия Дмитриевна Круглова, Мария Григорьевна (учительница 19-й школы), Владимир Яковлев.

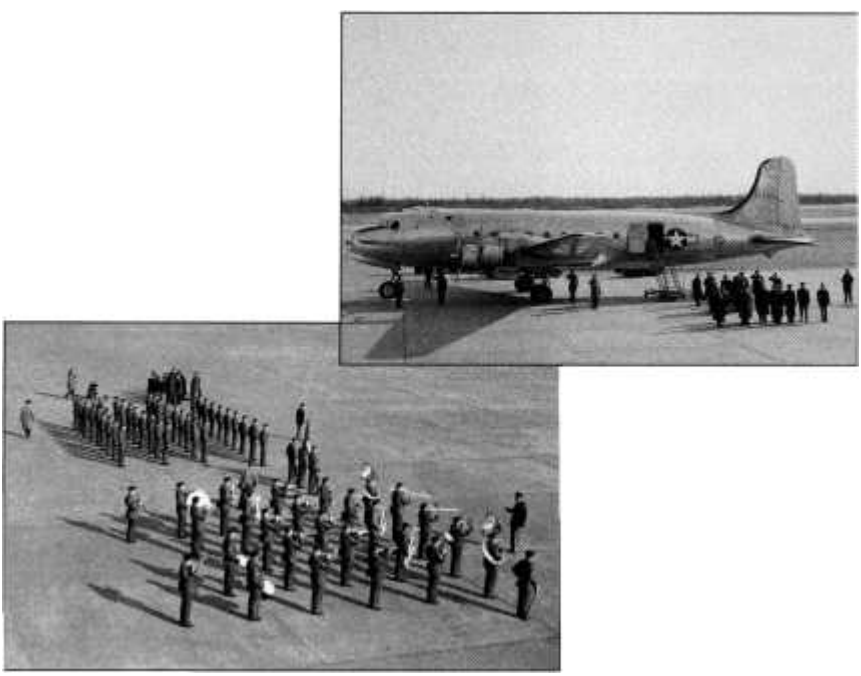
Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин вручает С.Н. Круглову орден Красного Знамени. 1940 год.

Никифор Яковлевич и Любовь Игнатьевна с семьей сына Василия Никифоровича Яковлева (младшего брата С.Н. Круглова) и его жены Анастасии. На переднем плане дети (внуки) Борис и Владимир. 1940 год.



Премьер-министр Великобритании У. Черчилль, президент США Д. Рузвельт и председатель Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталин на Ялтинской конференции. Февраль 1945 года.

Ответственный за обеспечение безопасности Ялтинской конференции, имевшей кодовое название «Аргонавт», С.Н. Круглов и другие лица охраны сопровождают И.В. Сталина и В.М. Молотова на очередное заседание. Февраль 1945 года.



Торжественная встреча в аэропорту Сан-Франциско (США) советской делегации во главе с министром иностранных дел В.М. Молотовым, прибывшей на открытие первой сессии Организации Объединенных Наций (ООН). Апрель 1945 года.

Во время пребывания В.М. Молотова в США за его спиной постоянно находился ответственный за охрану С.Н. Круглов. Апрель — май 1945 года.

Находясь в Америке, даже некурящий С.Н. Круглов в минуту отдыха потянулся к сигарете. Май 1945 года.

После возвращения семьи из эвакуации. Сергей Никифорович с женой Таисией Дмитриевной, сыном Валерием и дочерью Ириной. 1943 год.

Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов и нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия проверяют готовность территории Потсдама к проведению конференции под кодовым названием «Пальма» глав трех держав-победительниц — СССР, США и Великобритании. 15 июля 1945 года.

Ответственный за охрану Потсдамской конференции генерал-полковник С.Н. Круглов, министр иностранных дел СССР В.М. Молотов, заместитель Главнокомандующего группой Советских войск в Германии генерал армии В.Д. Соколовский, нарком внутренних дел СССР маршал Л.П. Берия, заместитель

Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии генерал-полковник И.А. Серов и другие лица осматривают «объекты специального назначения». 15 июля 1945 года.

В кулуарах Потсдамской конференции. Июль 1945 года. Маршал Г.К. Жуков и другие советские военачальники беседуют с представителями союзных армий. Левее Г.К. Жукова — генерал-полковник С.Н. Круглов. На переднем плане: нарком иностранных дел СССР В. М.Молотов, премьер-министр Великобритании К. Эттли, президент США Г. Трумен, председатель Совнаркома СССР И.В. Сталин На заднем плане справа: генерал-полковник С.Н. Круглов.

За прекрасное обеспечение Потсдамской конференции советские руководители охраны были удостоены наград США и Великобритании. На снимке: вручение генерал-полковнику С.Н. Круглову американской награды «За большие заслуги (Командорской степени)». Правее стоит полковник М.М. Корецкий, удостоенный такой же награды (Легионерской степени). Июль 1945 года.

Таисия Дмитриевна Круглова. 1948 год.

Генерал-полковник С.Н. Круглов в Потсдаме. Кадры с кинопленки. Июль 1945 года

Встреча кандидата в депутаты Совета национальностей Верховного Совета СССР С.Н. Круглова с избирателями Кажуперского округа Марийской АССР. Февраль 1946 года.

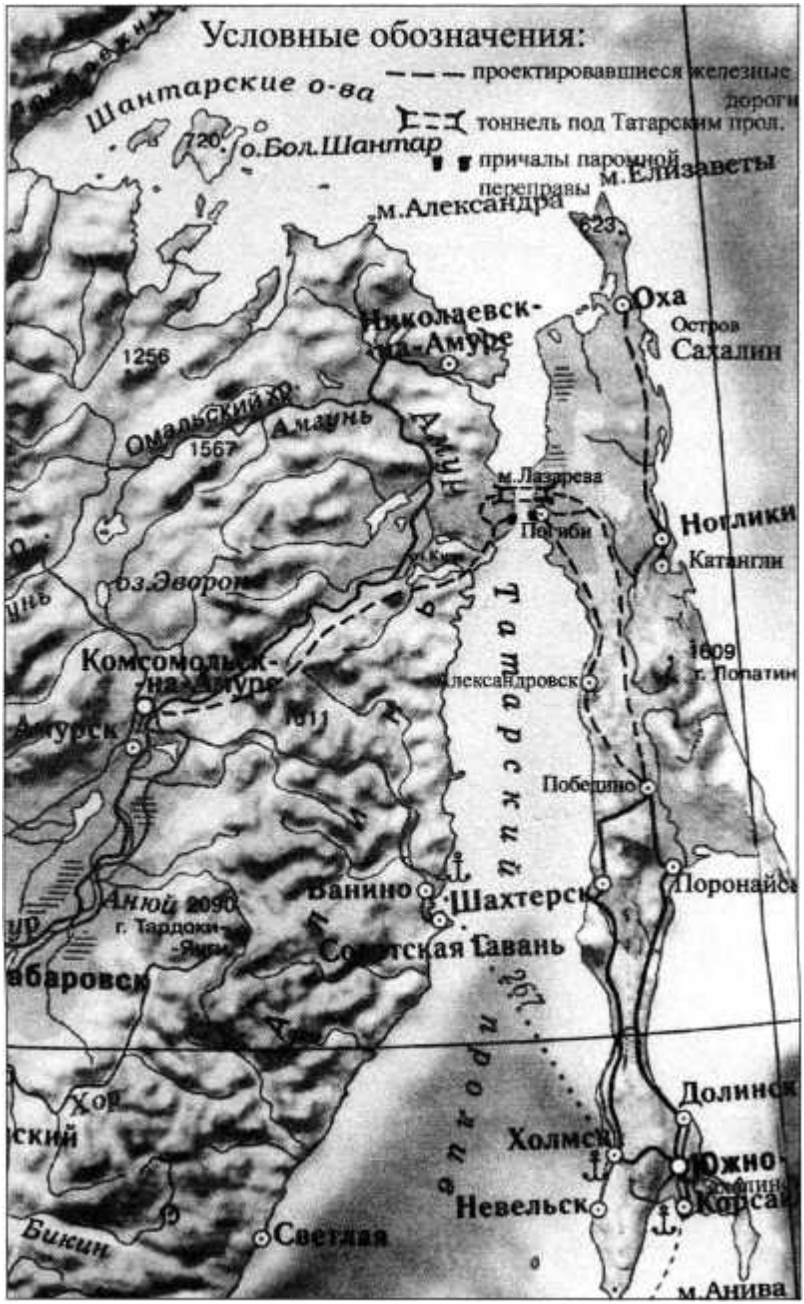
После трудных военных лет Сергей Никифорович с женой Таисией Дмитриевной находился на отдыхе и лечении в Чехословакии. 1947 год.

Поездка на отдых с детьми. Таисия Дмитриевна, Сергей Никифорович, Валерий и Ирина Кругловы. Сентябрь 1945 года.

Министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов. 1946 год.

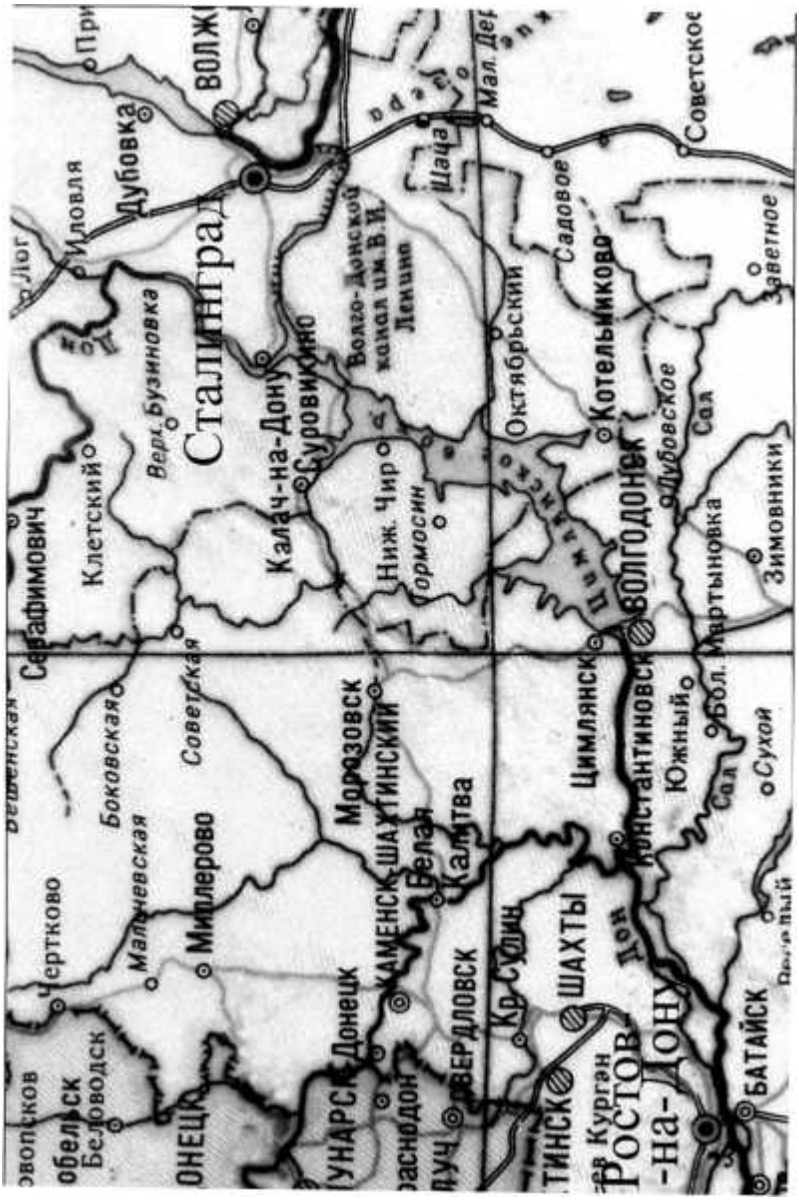
Министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов дает указания при выезде на объект. 1948 год.

Карта предполагавшегося строительства железной дороги Чум — Салехард — будущий морской порт на мысе Каменном в Обской губе. Затем от Салехарда направление железной дороги было изменено на Игарку, расположенную па правом берегу Енисея, со строительством здесь большого морского порта. 1949 — март 1953 года.



Намечавшееся строительство железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до мыса Лазарева и далее по острову Сахалин от Погиби до Победино с прокладкой тоннеля под Татарским проливом. 1950 — март 1953 года.

Приблизительная граница Дальстроя НКВД-МВД СССР. 1931–1953 годы.



Волго-Донской судоходный канал имени В.И. Ленина и Цимлянское водохранилище. 1941, 1946–1952 годы.

Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов (второй справа) и его секретарь Н.А. Цыпленков (крайний справа) после выхода из воркутинской шахты.

Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов на раскопках захоронения жертв фашистских злодеяний в одном из бывших немецких лагерей военнопленных советских воинов. 1946 год.

Министр внутренних дел С.Н. Круглов в президиуме партийной конференции МВД СССР.

В перерыве совещания министр внутренних дел С.Н. Круглов беседует с работниками МВД.

Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов направляется на Красную площадь.

Маршалы Советского Союза Н.А. Булганин, К.К. Рокоссовский и Генералиссимус И.В. Сталин на трибуне Мавзолея Ленина.

Генерал-полковник С.Н. Круглов и Маршалы Советского Союза И.С. Конев, Г.К. Жуков, А.М. Василевский на нижней трибуне Мавзолея В.И. Ленина.

После парада и демонстрации трудящихся на Красной площади: заместитель министра внутренних дел СССР и начальник Управления МВД по Московской области генерал-лейтенант Н.К. Богданов, начальник Главного управления милиции МВД СССР генерал-лейтенант А.М. Леонтьев, министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов, не установленное лицо в гражданской одежде, первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник И.А. Серов. 1 мая 1949 года.

Министр внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Круглов и его первый заместитель генерал-полковник И.А. Серов на авиационном параде в Тушино. 1950 год.

Ответственный за сталинскую стройку министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов встречает А.И. Микояна, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева, прибывших на торжественное открытие Волго-Донского судоходного канала имени В.И. Ленина. 1952 год.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.А. Шверник вручает орден Ленина министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову. 1952 год.

17 декабря 1950 года—все на выборы в местные Советы депутатов трудящихся!

ТОВАРИЩИ ИЗБИРАТЕЛИ!

Голосуйте за кандидата блока коммунистов и беспартийных—

товарища КРУГЛОВА!

Агитационный плакат, знакомивший с биографией и призывавший голосовать за С.Н. Круглова — кандидата в депутаты Московского городского Совета депутатов трудящихся по избирательному округу № 400 Дзержинского района города Москвы. Декабрь 1950 года.

Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР С.Н. Круглов выступает на встрече с избирателями Ашхабадского округа № 690. Март 1954 года.

Встречи кандидата в депутаты Верховного Совета СССР С.Н. Круглова с избирателями Ашхабадского округа. Март 1954 года.

Круглов С.Н. и Серов И.А. в почетном карауле у гроба с телом Сталина И.В. Март 1953 года.

Удостоверение министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова, оформленное после выделения из состава МВД Комитета государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР. 1954 год.

Заместитель министра строительства электростанций СССР С.Н. Круглов. 1956 *год.*

Повзрослевшие дети. 1954 год. Студентка Биолого-почвенного факультета Московского государственного университета Ирина Круглова; студент Московского энергетического института Валерий Круглов.

Коллективное фото отдыхающих в Боржоми. 1963 год. С.Н. Круглов — крайний справа.

Сергей Никифорович с внуками Сергеем и Дмитрием.

Сергей Никифорович с родителями. 1954 год.

Дачные заботы. 1960 год.

Последнее любительское фото С.Н. Круглова. 1977 год.

Пенсионер С.Н. Круглов на подмосковной даче в районе станции Правда. 1976 год.

Правительственные и зарубежные награды Сергея Никифоровича Круглова.

Траурное прощание с трагически погибшим 6 июня 1977 года Сергеем Никифоровичем Кругловым (крайняя слева — мать автора книги Котова-Богданова Н.В.).

Семейная могила Яковлевых-Кругловых на Новодевичьем кладбище.

БОГДАНОВ Юрий Николаевич родился 14 декабря 1937 года в г. Луга Ленинградской области. Окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е. Жуковского и в 1960 году был направлен в Военную академию им.Ф.Э. Дзержинского (ныне Военная академия РВСН им. Петра Великого). Полковник, кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Имеет в своем активе более 100 научных трудов, ряд изобретений, внедренных в ракетной технике. За участие в проведении натурных испытаний на Семипалатинском полигоне награжден орденом «Знак Почета». После увольнения в 1989 году из Вооруженных сил работал в Научно-техническом кооперативе «Метод». С 1996 года занимается писательской деятельностью. В 2002 году в издательстве «Вече» вышла его документальная книга «Строго секретно. 30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД».